

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ ИНСТИТУТ

А. Н. Алексеев

**Драматическая социология
и социологическая ауторефлексия**

Том 4

НОРМА

Санкт-Петербург
2005

Издание осуществлено при финансовой поддержке
Российского фонда фундаментальных исследований
(издательский проект № 05-06-87007)

Алексеев А. Н.

А 49 Драматическая социология и социологическая ауторефлексия. Том 4. —

СПб.: Норма, 2005. — 536 с.

ISBN 5-87857-109-9

В этой книге отражены профессиональные и жизненные поиски автора-социолога, относящиеся к исследованию взаимодействия личности и социальной среды, человека и социальных институтов, индивидуального и социального сознания.

На рубеже 70—80-х гг. прошлого века автором с коллегами было предпринято андерграундное экспертно-прогностическое исследование, ставшее впоследствии известным по названию анкеты — «Ожидаете ли Вы перемен?». Другое неординарное исследовательское предприятие автора, относящееся к 1980-м гг., известно под названием «эксперимент социолога-рабочего». Материалы этих двух и ряда других социологических опытов наиболее полным образом представлены в настоящей книге.

В отличие от известных канонов научной монографии, эта работа представляет собой сюжетно выстроенное «социолого-драматургическое» произведение, где результаты исследования предстают не как готовые, а как развивающиеся в процессе их получения. Сюжетообразующим элементом является упомянутый эксперимент — «наблюдающее участие» социолога в социальных процессах, подлежащих исследованию, будь то освоение нового оборудования на производстве или самооборона от идеологических и политических обвинений (в середине 80-х гг.). Существенными моментами содержания являются как синхронный с событиями эксперимента самоанализ, так и современная интерпретация поведения социолога-испытателя и его непосредственного окружения.

Томы 1 («В поисках жанра») и 2 («Контрапункты») настоящей книги вышли в свет в петербургском издательстве «Норма» в 2003 г. Ныне издаваемые томы 3 («Полигон») и 4 («Версии») продолжают и завершают тетралогия.

Автор является одним из пионеров внедрения качественных («гибких», «мягких») методов исследования в практику современной отечественной социологии. Особое внимание в книге уделено проблематике многообразия и соотношения разных способов социального познания.

Для специалистов гуманитарных наук и широкого круга читателей, стремящихся понять общество, в котором они живут, и самих себя в этом обществе.

© Алексеев А. Н., 2005	© Захаров В. П., 2005	© Рубашкин В. Ш., 2005
© Баранов А. В., 2005	© Кесельман Л. Е., 2005	© Рывкина Р. В., 2005
© Баранцев Р. Г., 2005	© Климентов Г. А., 2005	© Солипатров А. Г., 2005
© Басова И., 2005	© Козина О. А., 2005	© Седов А. В., 2005
© Бурковский Г. В., 2005	© Лауристин М., 2005	© Седунова М. В., 2005
© Вейхер А. А., 2005	© Ленчовский Р. И., 2005	© Старовойтова О. В., 2005
© Вихалем П., 2005	© Минакова С. Ф., 2005	© Тихонов А. В., 2005
© Георгина М. В., 2005	© Никитин С. Г., 2005	© Чеснокова В. Ф., 2005
© Глухов В. Д., 2005	© Огибин Ю. А., 2005	© Шейнис В. Л., 2005
© Дмитриевский В. Н., 2005	© Пинчуков Л. А., 2005	© Ющенко А. Н., 2005
© Дудченко Л. К., 2005	© Ракитская Э. Б., 2005	© Норма, 2005

Содержание тома 4

Предуведомление к тому 4	10
--------------------------------	----

Часть 4. Версии

Глава 22. Эксперимент социолога-рабочего с разных точек зрения

22.1. Точка зрения учителя (<i>авт. — В. Ядов</i>)	12
22.2. Три характеристики (партком «Ленполиграфмаша»)	16
22.2.1. «Им было обеспечено освоение нового, уникального на заводе оборудования...»	16
22.2.2. «В своих записях выражал мысли антисоветского содержания...»	17
22.2.3. «Разлагающее влияние на рабочих...»	18
22.3. О методе наблюдающего участия (<i>авт. — А. Сарно</i>)	19
22.4. «Нарушение служебных обязанностей и научной этики...» (<i>авт. — Ю. Гречигов, А. Воронцов, Н. Мирошниченко</i>)	21
22.5. Как же преодолевать эти пределы? (<i>авт. — Р. Баранцев</i>)	23
22.6. Официальные оппоненты социолога-испытателя	25
22.6.1. «Посредственный социолог... научная несостоятельность... бесплодная попытка...» (<i>авт. — В. Ельмеев и др.</i>)	25
22.6.2. «Неужели же так оскудела героями русская земля?!» (<i>авт. — И. Сигов</i>)	27
22.7. «Не будь он исследователем, ему пришлось бы туго...» (<i>авт. — С. Ненашев</i>)	28
22.8. Из первых рецензий на книгу социолога-экспериментатора (<i>авт. — Б. Докторов; Р. Могилевский</i>)	31
22.9. Ожидали ли перемен? Мнения коллег (<i>авт. — Б. Фирсов; П. Шелищ</i>)	32
22.10. Социологическое вторжение: время, пространство и метод героя (<i>авт. — Б. Максимов</i>)	35
22.11. Драматическая социология или драматическое общество? (<i>авт. — Р. Рыбкина</i>)	38
22.12. Из школы — в мир (<i>авт. — Р. Ленчовский</i>)	40
22.13. Независимые исследования социолога-рабочего (<i>авт. — М. Седунова</i>)	44

22.14. Поэма «Не только о себе» (авт. — Э. Ракитская).....	50
--	----

Ремарки:

«Предисловие-рецензия» (раздел 22.1); *Необходимые формулы* (22.2); *Эволюция характеристик* (22.2); *Сопереживание не было бездейственным* (22.9); *Еще одна версия...* (22.14); *«Здравствуйте, Эвелина!»* (22.14)

Приложения к главе 22

П.22.1. «Я буду читать твои злключения и писать о своих...» («письмо-дневник» Ольги Старовойтовой) (авт. — О. Старовойтова)	59
П.22.2. Обретение заслуженного собеседника (диалог с Виктором Сокирко) (авт. — В. Сокирко; А. Алексеев)	80
П.22.3. Слишком правоверный комсомолец, или дурной шестидесятник (авт. — А. Алексеев, Т. Чагунава)	85
П.22.4. «Дурной шестидесятник»: нет, не вспоминаю, а документально свидетельствую.....	91
П.22.4.1. «...А влюбленные сидели рядом и... читали проект программы партии!»	91
П.22.4.2. Первый «эксперимент на себе»	99
П.22.5. «Очарованная душа, проходившая через ад...» (авт. — Г. Померанц; Т. Петкевич, Т. Золотницкая)	107
П.22.6. Из стихов Эвелины Ракитской. 1984-1986 (авт. — Э. Ракитская)	114

Ремарки:

Заслуженный собеседник (раздел П.22.1); *«Это — ты. Это — я. Это — мы»* (П.22.3); *Из журналистов — в рабочие* (П.22.4); *Зачем пошел в рабочие?* (П.22.4); *Книга — событие в жизни читателя* (П.22.5); *«Стихи хранятся где-то — это точно...»* (П.22.6); *Со-временники...* (П.22.6)

Глава 23. Эпистемологические дебаты

23.1. «Прорвался ли автор к сути?!» (фельетон о «Драматической социологии...») (авт. — В. Григорьев)	122
23.2. Что такое «строгое исследование»? (авт. — А. Алексеев, Б. Беликов)	133
23.3. Пределы компетенции дискурсивной социологии (авт. — В. Шубкин)	141
23.4. Из истории идейной борьбы вокруг проблемы социального эксперимента (авт. — Р. Рывкина, А. Винокур)	147

23.5.	«Качественное знание — это своего рода маточный раствор...» (авт. — С. Белановский; А. Алексеев)	153
23.6.	«Case study» как исследовательская методология (авт. — В. Герчиков)	155
23.7.	Из болгарского энциклопедического словаря по социологии (авт. — Ст. Михайлов)	162
23.8.	«Скрытая камера» социолога	165
23.9.	На пороге эоантропоцентрической социологии (авт. — Т. Дридзе).....	172
23.10.	«Метод — не только путь, но и взгляд...» (авт. — Н. Козлова)	182
23.11.	К вопросу о «нормальной» и «ненормальной» социологии	188
23.12.	«Физика Логоса» и коммуникативная социология (авт. — С. Чесноков).....	195
23.12.1.	И еще одна рецензия... ..	196
23.12.2.	Этика и наука	196
23.13.	Введение в коммуникативную социокультурную биографику (авт. — Р. Ленчовский).....	201
23.14.	Оборона, которую считаю необходимой и достаточной	203
23.15.	«Ключевым здесь является вопрос о жанре...» (авт. — Д. Равинский)	210

Ремарки:

Две «карьеры» (раздел 23.1); Кульминационный пункт памфлета (23.1); «Суди себя сам» (23.1); Суть и сущность (23.1); Ментальный конфликт «отцов» и «детей» (23.1); К вопросу о литературных, журналистских и научных жанрах (23.1); МОНОлогизм versus ПОЛИлогизм (23.1); Создатели автопортретов (23.1); ...и математика не исключает «нестрогость!» (23.2); Предвззудки «позитивной» науки (23.2); Обоснованность, надежность, экономичность, изящество (23.2); Каким быть дальнейшему научному движению? (23.2); Еще одно толкование «научной строгости»... (23.2); Мой «заочный» научный наставник (В. Н. Шубкин) (23.3); Дорого то, что сказано вовремя... (23.3); Социальный эксперимент = исследование + управление? (23.4); Живко Ошавков и Анатолий Давыдов (23.7); К вопросу о профессиональной этике (23.8); Дридзевские чтения (23.9); За «рефлексивную социологию» (Г. Саганенко) (23.9); Коллажи жизни (23.10); Внутриличностный конфликт интерпретатора с протоколистом (23.10); Вспомним М. Гефтера (23.10); «Субъект-объектная» и «субъект-субъектная» социологии (23.11); О физике Логоса (С. Чесноков) (23.12); Не только учебная версия... (23.13)

Приложения к главе 23

П.23.1.	Собеседование теории с реальностью (А. Ухтомский) (авт. — А. Ухтомский)	213
П.23.2.	Личностная самоотдача как преодоление дизъюнкции между субъективным и объективным (М. Полани) (авт. — А. Грицанов; В. Лекторский; М. Полани)	218
П.23.3.	«Из тупика на коронную дорогу интегральной социологии и психологии...» (П. Сорокин) (авт. — П. Сорокин; Н. Серов)	225
П.23.4.	Из истории гуманистической (интерпретативной) социологии	236
П.23.4.1.	Первая школа качественных исследований в социологии (авт. — В. Семенова)	236
П.23.4.2.	«Границы социологического познания пролегают там, где кончается интерес или изобретательность социолога...» (авт. — М. Филипсон; П. Филмер; Х. Абельс; В. Семенова)	238
П.23.5.	О драматургической социологии (И. Гофман) (авт. — Х. Абельс; А. Ковалев)	242
П.23.6.	О социологической интервенции (А. Турен) (авт. — А. Турен)	246
П.23.7.	«Истории жизни» и перспектива пробуждения социологии (авт. — Д. Берто)	251
П.23.8.	«Рутина», «события» и «загадка жизни» (авт. — В. Голофаст)	254
П.23.9.	Метод погружения (авт. — В. Павленко)	257
П.23.10.	Гюнтер Вальраф — король анонимной «ролевой журналистики». Интермедия (авт. — М. Зоркая)	264
П.23.11.	«Исповести» и «жизнемысли» Георгия Гачева (авт. — Г. Гачев)	269
П.23.12.	Классическое, неклассическое и постнеклассическое социальное видение (авт. — В. Василькова)	287

Ремарки:

Движение мировой научной мысли (раздел П.23.3); Диспут между «интуитивистами» и «рационалистом» (П.23.3); «Провокативные» ситуации = «моделирующие» ситуации? (П.23.4); Скрытая сторона жизни (П.23.8); Биографический метод и диалог (П.23.8); «...когда субъект случившееся с ним представляет как им инициированное, а условия, в которых ему приходится находиться, — как им созданные...» (П.23.9); Метод погружения как предельный случай включенного наблюдения (П.23.9); Погружение — диалог — постижение (П.23.9); Погружение как акт ответственности (П.23.9); Разведение или

соединение социальных ролей? (П.23.10); «Жизнемысли» и «мыследействия» (П.23.11); Социология — дальнзоркая либо близорукая... (П.23.12)

Глава 24. Человек в обществе и общество в человеке

- 24.1. Что же является предметом социологического изучения?
(авт. — Л. Кесельман; А. Алексеев; Б. Докторов;
Б. Миронов)..... 294
- 24.2. «Здравствуй, племя, младое, незнакомое...» (2)..... 323
- 24.2.1. Социолог глазами будущих социологов
(авт. — О. Козина) 324
- 24.2.2. «Между сказками, или Ловушки для студентов»
(авт. — О. Козина, И. Басова; Р. Баранцев) 328
- 24.2.3. «Аз Есмь» (авт. — О. Козина)..... 353
- 24.2.4. Диалог с Олесей (авт. — О. Козина; А. Алексеев;
Р. Баранцев; Л. Столович; А. Марасов) 359
- 24.3. Постижение есть осилие (авт. — Р. Баранцев)..... 391
- 24.4. «Пусть каждый будет сам себе методолог и сам себе
теоретик...» (заветы Ч. Р. Миллса)
(авт. — А. Алексеев; Г. Батыгин, Ч. Р. Миллс) 394

Ремарки:

О книге «Галина Старовойтова — продолжение жизни» (раздел 24.1); Продолжение следует (24.1); В чем разница между социологом и «полстером» (24.1); Метафора «социальное силовое поле» (25.1); «Социология вообще не занимается людьми...» (24.1); «...человек совершенно не властен»? (24.1); «Силовые поля существуют вне этих людей...» (вспоминяя Дюркгейма) (24.1); Онтологичность социума как виртуального пространства (24.1); И все-таки — «вне» или/и «внутри»?.. (24.1); Социальный номинализм и социальный реализм (24.1); Можно ли наблюдать социум? (24.1); «Социально-полевой» подход? (24.1); Опасность «сужения» профессионального сознания (24.1); «...веха в дискурсе о демократии и событие в жизни социологического сообщества» (24.1); Вперед — продолжение диалога (24.1); Плоды адаптации и просвещения (24.2); Необыкновенное учебно-методическое пособие (24.2); «Между сказками...» — предисловие (до и после доработки) (24.2); «Между сказками...» — структура (оглавление) (24.2); По стопам В. Я. Проппа (24.2); Целостность нельзя разъять, не разрушив ее (24.2); Письмо с приложениями (24.2); «Общечеловеческие ценности» или «классовая мораль»? (Л. Столович) (24.2); «И звук, и свет»... (А. Марасов) (24.2); Постижение есть «о-силлие» (24.3)

Глава 25. Возвращаясь к началу (Ожидали ли перемен?)

- 25.1. Памяти Эльмара Соколова
(авт. — А. Алексеев; Э. Соколов)..... 400

- 25.2. Ожидали ли перемен? (Ответы экспертов. 1979-1981)
(авт. — А. Седов; С. Фирсова; П. Вихалемм и
М. Лауристин; А. Ющенко; В. Глухов; В. Захаров;
В. Рубашкин; А. Тихонов; А. Вейхер; В. Дмитриевский;
В. Чеснокова; Р. Рывкина; Ю. Огибин; Л. Дудченко;
С. Никитин; А. Баранов; Г. Климентов; Г. Бурковский;
В. Шейнис; и др.) 421
- 25.3. «Не может быть, чтобы режим был вечен.
Тогда разверзнутся потенции...» (авт. — С. Мейен) 477

Ремарки:

Мужество додумывать до конца (раздел 25.1); Что — «лучшее», что — «худшее»? (25.2); Пропавший экспертный лист (25.2); Как раскрываются псевдонимы (25.2); И еще одна анкета... (25.3)

Приложения к главе 25

- П.25.1. Представление о напряженных системах
(авт. — Л. Росс, Р. Нисбетт) 479
- П.25.2. Синергетическое мировидение (авт. — А. Грицанов,
К. Мезяная; Р. Баранцев; О. Тоффлер; В. Василькова) 483
- П.25.3. «...Мы живем в опасном и неопределенном мире,
внушающем не чувство слепой уверенности, а лишь...
чувство умеренной надежды...»
(авт. — Ю. Щеголев; Л. Дудченко; П. Вихалемм
и М. Лауристин; А. Соснин; А. Кетегат ; А. Алексеев) 488
- П.25.4. Инновационный потенциал российской
трансформации (авт. — Т. Заславская) 494
- П.25.5. Перемены эволюционирующие и трансформационные
(авт. — Л. Гордон, Э. Клопов) 498
- П.25.6. Драма перемен (авт. — Р. Рывкина) 500
- П.25.7. «Дезориентирующая метафора пути...»
(авт. — Ю. Левада) 502
- П.25.8. Непременные составляющие прогнозных
сценариев будущего (авт. — В. Ядов) 503
- П.25.9. Нас несомненно ждут перемены. Вопрос в том,
когда и какие именно? 507
- П.25.9.1. Перемены — «к лучшему» или «к худшему»?
(мнение россиян сегодня) (авт. — М. Мацкевич) 507
- П.25.9.2. «Нас ждет иная жизнь. Вопрос в том, какая?»
(авт. — Д. Травин) 511

Ремарки:

Квазистационарное равновесие (раздел П.25.1); Теоретико-методологический подход конца 70-х — как он видится сегодня (П.25.3); Ожидаем ли перемен — сегодня? (П.25.9)

Вместо заключения

V3.1. «Человек исторический» и «человек повседневный» (авт. — М. Гефтер)	517
V3.2. Апология диалога и плюрализма в научном познании	525
V3.2.1. Вновь и вновь возвращаясь к А. Любичеву (авт. — Ю. Шрейдер; А. Любичев; Р. Баранцев)	525
V3.2.2. Критический плюрализм А. А. Любичева (авт. — Ю. Линник)	528
V3.3. «Двигайся к цели. Но не достигай ее. Хотя бы еще год. Хотя бы один день» (авт. — Ю. Рост)	532
Ремарки:	
<i>Вновь и вновь возвращаясь к М. Гефтеру (раздел V3.1); «...диалог во имя взаимопонимания» (V3.1)</i>	
От автора — сегодня (несколько заключительных слов).....	534

Сокращенное оглавление томов 1-3

Том (часть) 1. В поисках жанра

Главы: 1. Накануне («Ожидаете ли Вы перемен?»); 2. Театр жизни на заводских подмостках (начало); 3. Театр жизни на заводских подмостках (продолжение); 4. «Письма Любимым женщинам» (после эпилога); 5. Человек и его работа: вид изнутри; 6. Образ жизни, жизненный процесс, жизненный путь. (Главы 1, 5 и 6, а также часть 1 как целое сопровождаются приложениями).

Том (часть) 2. Контрапункты

Главы: Без номера. Интермедии; 7. «Дело» социолога-рабочего (начало); 8. «Дело» социолога-рабочего (продолжение); 9. Год Оруэлла (1984); 10. Перемен не надо ждать. Их надо делать! (Главы 7 и 8, а также часть 2 как целое сопровождаются приложениями).

Том (часть) 3. Полигон

Главы: Без номера. Прологомены; 11. Человек в системе производственных отношений «развитого социализма»; 12. Хозяйственный механизм глазами рабочего; 13. Люди лучше учреждений (Из жизни социологического сообщества); 14. Делаем перемены (начало); 15. Делаем перемены (продолжение); 16. Сотворение легенды; 17. «Поборник», «аргумент», «символ», «разменная монета»... 18. Начальная школа демократии (Производственное самоуправление); 19. Клуб «Перестройка» (Дальше... Дальше...); 20. Народный фронт; 21. Выборы 1989. (Главы 11, 12, 16, 17, 19 и 21 сопровождаются приложениями).

Предуведомление к тому 4

Кто читал или хотя бы бегло просматривал предыдущие тома «Драматической социологии и социологической ауторефлексии» — не мог не заметить, сколь большое место в этой книге занимают тексты авторов, обозначенных в оглавлении, но не на титуле. Что же касается четвертого, заключительного тома, то произведения моих друзей и коллег, а также пространные цитаты из трудов других авторов — здесь не просто соседствуют с собственными текстами социолога-испытателя, но явно возобладают над ними. Почему так? И насколько это вообще приемлемо (допустимо...)?

Дело в том, что обращаясь к тем или иным сюжетам эксперимента и «дела» социолога-рабочего или углубляясь в какую-либо связанную с ними тему, я — чем дальше, тем больше — убеждался в том, что другие люди (иногда близкие *co-*трудники, а иногда и лично не знакомые...) своими текстами комментируют, дополняют, а иногда и опровергают автора — полнее, точнее, убедительнее, чем он может сделать это сам.

Поначалу даже испугался: все же на обложке — только моя фамилия... А потом успокоил себя: в конце концов, мне важно сообщить читателю некоторую информацию, донести некоторую мысль или (иногда) чувство.

И если автор сделает это с «посторонней» помощью, мысль может вовсе не проиграть, а выиграть!

Так возникли «гроздь» приложений к отдельным главам и даже — вот! — целый том (часть) книги, где субъект драматической социологии выступает уже не сочинителем, а редактором-составителем своего рода дайджеста, антологии, если угодно — хрестоматии.

Это — иногда иллюстрация, иногда пояснение, а иногда и **объяснение** того что рассказано в «Приключениях социолога-наладчика» (будь то их событийная фабула, будь то «приключения духа»).

При этом, желая поделиться с читателями некоторыми высоко значимыми для него, но «не своими» идеями, автор книги предпочитает не пересказывать эти идеи своими словами, а представлять их **в аутентичном виде!** Надеюсь, что читатель не станет за это пенять автору, а, напротив, одобрит его своего рода самоотвержение и взятую на себя «секретарскую» роль.

...Невозможно все пережить, все «испытать на собственной шкуре». Но разве духовное завещание С. Поршнякова, самостоятельное исследование А. Давыдова, заметки и письма Р. Ленчовского и А. Кетегата, экзистенции Ю. Шеголева, тексты С. Розета, А. Базникина, В. Очаковского, А. Ющенко, В. Сокирко, А. Солипатрова, эоантропологическая социология Т. Дридзе, производственная — Б. Максимова, экономическая — Р. Рывкиной, «делегированное наблюдение» Л. Кесельмана, публицистика Л. Графовой, А. Головова, А. Ежелева, эссе и мемуары В. Ронкина, жизне-мысли и мыследействия Г. Гачева, письмо-дневник О. Старовойтовой, стихи Э. Ракитской, неомифология и культурология Ю. Линника, философическая проза

А. Марасова, тринитарная методология Р. Баранцева, разнообразное творчество О. Козиной, не говоря уж — о работах, выполнявшихся совместно (с Н. Шустровой, В. Шейнисом, С. Минаковой, Б. Беликовым и др.), а также — о сохранившихся, по счастью, экспертных листах «Ожидаете ли Вы перемен? » (их около полусотни, и среди них драгоценные для меня социальные предвидения, в частности, А. Соснина и Э. Соколова), наконец — о трудах путеводителей — как «ближайших» (В. Ядов, В. Шубкин, М. Гефтер...), так и «отдаленных во времени и пространстве» (А. Ухтомский, А. Любищев, А. Швейцер, М. Полани, Ч. Р. Миллс...), — разве все это в **совокупности** не является отражением (и воплощением) того социально-личностного и профессионально-научного опыта, который отвечает (дает пищу для ответов...) на те же вопросы, что ставил перед собой — и прежде, и сегодня — социолог-испытатель?

И этот опыт, это творчество (во всем многообразии его содержания и форм) наполняет уверенностью, что в своих поисках автор был — и остался! — не одинок.

Причем, как мне кажется, полнее и ярче всего раскрывается это богатство — в **диалогах**. Иногда — диалоги в явной форме, например, личная переписка; иногда — в их неявной форме: «перекличка, часто даже не осознаваемая самими собеседниками, а усмотренная и предьявленная «третьей стороной», т. е. автором-составителем.

В итоге сложилось в этой книге в целом (и в данном томе, в частности) нечто, вначале вовсе не планировавшееся мною. А теперь уже и трудно себе представить, как же можно было бы без всего этого обойтись, если хочешь что-то понять и что-то сообщить — о «времени в себе» и о «себе во времени». И вообще, если хочешь дать читателю свободу выбора в самоидентификации не только с автором, но и с другими, любезными ему людьми, с их приключениями, исканиями, с их судьбами, наконец.

Так или иначе, еще неизвестно, что к чему на самом деле является приложением или дополнением: творчество моих *co*-беседников и *co*-авторов — к истории эксперимента и «дела» социолога-рабочего, или же наоборот.

А. А.

Май 2000 — июль 2005

* * *

...Если у вас яблоко и у меня яблоко, и мы обмениваемся ими, то остаемся при своих — у каждого по яблоку. Но если у каждого из нас по одной идее и мы передаем их друг другу, то ситуация меняется. Каждый становится богаче, а именно — обладателем двух идей...

Б. Шоу

...Ни у какой истинной книги нет первой страницы. Как лесной шум она зарождается Бог весть где, и растет, и катится, будя запovedные дебри, и вдруг, в самый темный, ошеломительный и панический миг, заговаривает всеми вершинами сразу, докотившись...

Б. Пастернак

Часть 4. Версии

Глава 22. Эксперимент социолога-рабочего с разных точек зрения

Несколько вступительных слов

Значительная часть версий (интерпретаций) эксперимента социолога-рабочего (предпринятого автором этих строк в 1980-х гг.¹), принадлежащих разным лицам и организациям и относящихся к разным периодам времени, уже была представлена в настоящей книге.²

*Сейчас попробуем дать **общую картину**, воспользовавшись ранее не приводившимися текстами. (Март 2001—май 2005).³*

22.1. Точка зрения учителя

Из отзыва В. Ядова на эксперимент социолога-рабочего (сентябрь 1987)⁴

В социологии можно выделить две группы методов исследования. Иногда их называют «жесткими» и «мягкими».

Жесткие — это методы максимально формализованные, например, анкетные опросы, в которых все варианты ответов уже предусмотрены, отвечающему следует избрать подходящий. Мягкие же методы — наблюдение, эксперимент и т. п. — допускают различные вариации по ходу их использования. Это — «гибкие» методы.

Если мы хотим проверить некоторую гипотезу, найти оптимальное решение какой-то управленческой проблемы, мы прибегаем к жестким методам. Но для выявления проблем, для обнаружения новых явлений, ранее не замечавшихся, но представляющих общественную значимость, жесткие методы не годятся. Здесь как раз на помощь и приходят гибкие методы.

¹ См. автоаннотацию на форзаце тома.

² См. в томе 1 настоящей книги: раздел 4.2 («Официальные отзывы»); в томе 2: разделы 8.2 («В отношении Алексеева А. Н. (справка УКГБ ЛО)»), 8.14 («Эклектизм воззрений и двойственность поведения...»); в томе 3: разделы 15.11 («Из опыта гражданской защиты...»), 16.1 («Преодоление пределов»), 16.8 («...мир погибнет, если я остановлюсь»); и др. разделы.

³ Документы, вошедшие в эту главу, как правило, публикуются в сокращении.

⁴ Отзыв В. А. Ядова был дан по запросу редакции журнала «Огонек».

Понятно, что сейчас, когда нам важно держать руку на пульсе времени, выявлять совершенно неожиданные аспекты общественной действительности, чтобы, далее, искать разумные решения новых проблем, возникающих в процессе перестройки, в этих вот условиях приемы, разработанные А. Н. Алексеевым, как нельзя более отвечают функциям, целевой установке социологии.

В нашей практике, увы, опыта применения таких гибких методов почти нет. А. Н. — один из пионеров в этом деле.

Его опыт заслуживает детальнейшего описания, изложения в виде методологической публикации. <...>

Вице-президент Советской социологической ассоциации, профессор В. А. Ядов

11.09.87

* * *

Заметки В. Ядова по поводу книги «Драматическая социология (эксперимент социолога-рабочего)» (1990-1999)

Записки А. Н. Алексеева — новый жанр социологической литературы, по крайней мере отечественной. На Западе уже лет двадцать назад радикальные социологи усомнились в возможностях так называемых жестких методов исследования с заранее проработанными гипотезами и систематически контролируемым способом сбора и анализа первичной информации. Родилась так называемая **этнометодологическая социология** или социология, опирающаяся на «гибкие», качественные методы исследования.

Непредвзятое наблюдение, семантический анализ магнитофонных записей, видеодокументы, другие подобные источники информации используются сторонниками этого направления для выдвижения новых гипотез и обнаружения социальных проблем.

Другое направление в западной социологии, получившее стимул в студенческих революциях конца 60-х гг., французский социолог А. Турен назвал **социологией действия**. Турен и его коллеги принимали активнейшее участие в молодежном студенческом движении, исследовали его изнутри и содействовали этому движению практически.

То, что предпринял А.⁵, не вписывается ни в ту, ни в другую схему этих альтернативных традиционной социологии направлений.

Сам Андрей Николаевич назвал свой метод «наблюдающим участием», книгу первоначально в рукописи озаглавил «Познание через действие», а в опубликованном тексте — «Драматическая социология». Все три наименования отражают суть его метода достаточно точно. Это, действительно, активное наблюдение, в котором автор, сам рабочий, провоцирует конструктивные действия, наталкиваясь на сопротивление административной структуры, подчас и отчужденность рабочих.

Это — познание через действие, т. к. этим способом А. приходит к целому ряду интереснейших, именно научных выводов.

⁵ Здесь и далее в оригинале документа — фамилия.

Таково, например, заключение о механизме двойной системы поведенческих установок (проявление двойного нормативного стандарта). Этот механизм оказывается условием стабильности существующей производственной системы. Суть его состоит в том, что практически все рабочие на советском предприятии нарушали трудовую дисциплину (прогулы, несоблюдение технологии и т. д.), мастер аккуратно их фиксировал. Но покуда между рабочим и мастером сохранялись, скажем сегодняшним языком, «партнерские» отношения, эти сведения сохранялись в записной книжке мастера. Как только между ними возник серьезный конфликт, мастер выносил «досье» на собрание и собрание вынуждено было остро реагировать. А еще чаще рабочего увольняли и профсоюз не мог ничего возразить.

Это наблюдение А. исключительно интересно, оно свидетельствует о том, что «фоновые практики» и в советские времена исполняли функцию нелегитимного, но реально действующего нормативного регулятора, и потому неверно, что лишь в условиях кризиса социальной аномии фоновые практики (например, практика взятки) принимали на себя институциональную нагрузку. Вряд ли это — явление собственно советского свойства или российского. Я думаю, что скорее последнего: в России испокон веков межличностные взаимоотношения доминировали над теми, что Ф. Теннис называл взаимоотношениями в «Gesellschaft».

А. мужественно проводил социальный эксперимент над собой. Эксперимент обернулся драмой для самого автора и драмой нашей социологии. Стремление к постижению социальных реалий без идеологических штампов привело к исключению ведущего актера драмы из КПСС, из Союза журналистов и чуть не привело к исключению из Советской социологической ассоциации. В основе лежало «официальное предостережение» органов госбезопасности.

Начало всех этих драматических, но очень ценных своими познавательными и исследовательскими результатами событий, было положено в 1980 году. А., тогда старший научный сотрудник Института социально-экономических проблем АН СССР, обратился ко мне как руководителю сектора и отдела со словами: «Надоела эта имитация науки, пойду рабочим на завод».

Имитации науки, действительно, в ИСЭП было предостаточно. Бесконечные тексты для планов экономического и социального развития Ленинграда, тексты для программы «интенсификация-90» и прочее. За этой бюрократической мишурой (данные собирались экономистами кое-как, социологические прогнозы, как слишком «общие», в расчет не принимались вовсе) собственно научная работа уплывала на вторые, третьи места. И вообще обстановка в институте была не самая деловая, а прямо наоборот: склочная обстановка, уходили или выживались дельные специалисты, начинали процветать «деловые» люди от науки.

На заявление Андрея я предложил попробовать **натурный эксперимент**: не увольняться совсем из института, а перейти на завод, оставаясь нашим сотрудником по совместительству. Так и шло два года. Мы с огромным интересом обсуждали отчеты своего коллеги в семинарах, на научных сессиях социологов, куда околонучная команда при тогдашнем директоре (экономисте) не усмотрела во всем этом диссидентства. И пошло, поехало...

После увольнения из института (по сокращению) А. с тем же упорством продолжал с нами сотрудничать теперь уже на неформальных основаниях. А некоторое время спустя и я вынужден был покинуть ИСЭП. Ну, а потом началась перестройка и события пошли обратным ходом: гласность, восстановление в правах члена ССА, восстановление в Союзе журналистов, в партии, возвращение теперь уже не в ИСЭП, но в Санкт-Петербургский филиал Института социологии.

В конечном счете эта история закончилась хорошо. Думаю, что социология наша приобрела неповторимый опыт исследования реалий застойной производственной жизни изнутри. А. стал основателем нового направления в отечественной социологии — **социологии действующего участия**. Этот опыт, по существу, используется сегодня теми из социологов, кто ведет исследования, например, в рабочем движении.

Книга А. необычна и по форме. Здесь и письма коллегам, в которых автор делится своими наблюдениями или приглашает к сотрудничеству в проводимом исследовании, и дневники («протоколы наблюдающего участия»), извлечения из личного архива социолога, связанные с противостоянием автора бюрократии и партукратии. Тут же и научные статьи — методологические рефлексии, содержательные обобщения.

Есть в некоторых текстах А. одна особенность, мне не импонирующая: своего рода амбициозная тональность. Но бог с ней, тональностью. А. — фигура действительно совершенно из ряда вон выходящая, и не только по причинам, о которых уже говорилось. Это — человек глубоко нравственный, способный ради утверждения моральных принципов быть жестким. Мы долго работали в одном коллективе, и часто опирались на эту его способность бескомпромиссного следования интересам дела. Такая, можно сказать, сахаровская черта. Многим из нас именно этого не достает.

В. Ядов, д. ф. н., директор Института социологии РАН
(Цит. по: Социологические исследования, 1999, № 1, с. 152-153)

Ремарка: «предисловие-рецензия».

История последнего из вышеприведенных текстов такова.

В 1989 г. мною, по совету В. А. Ядова, была подготовлена первая авторская версия (редакция) книги об эксперименте социолога-рабочего (она тогда называлась: «Познание через действие»). Я был настолько не удовле-

творен рукописью, что не сумел написать предисловие. Этот труд взял на себя Владимир Александрович.

По счастью, книга увидела свет лишь 8 лет спустя, уже в новой авторской редакции («Драматическая социология»).⁶ В нее, наряду с моим собственным предисловием, были включены те «несколько вступительных слов», которые написал Ядов в 1990 г.

Сам же В. А. впоследствии положил свои «вступительные слова» в основу рецензии на книгу 1997 г. Рецензия была опубликована в журнале «Социологические исследования» в 1999 г. (Март 2001).

22.2. Три характеристики (партком «Ленполиграфмаш»)

22.2.1. «Им было обеспечено освоение нового, уникального на заводе оборудования...»

Характеристика

на Алексеева Андрея Николаевича, наладчика технологического оборудования цеха № 3 ЛЗПМ, 1934 г. рожд., русский, член КПСС с 1961 г., образование высшее, окончил ЛГУ им. А. А. Жданова в 1956 г., женат, проживает по адресу: <...>.

Тов. А.⁷ работает на Ленинградском заводе полиграфических машин с января 1980 г. До этого работал в Институте социально-экономических проблем АН СССР. Увольнение из института и поступление на завод в качестве рабочего были согласованы с руководством обеих организаций и партийными органами.

Поступив на завод, А. успешно освоил профессию наладчика технологического оборудования, по которой ему присвоен 5-й разряд, и вскоре рекомендовал себя как грамотный, квалифицированный специалист. Им было обеспечено освоение нового, уникального на заводе оборудования. Передает свой опыт молодым рабочим. В настоящее время овладевает смежной специальностью — слесаря механосборочных работ.

Тов. А. участвует в общественной жизни цеха. Активный дружинник. Выполняет разовые партийные поручения. В 1982 г. привлекался для работы в комиссии Ленинградского обкома КПСС по изучению опыта бригадных форм организации труда.

Тов. А. имеет ученую степень кандидата философских наук (присуждена в 1970 г.) и ученое звание старшего научного сотрудника по специальности «прикладная социология» (присвоено в 1980 г.). Свой профессиональный опыт в этой области он последние годы использовал, работая по совместительству в ИСЭП АН СССР, в Высшей профсоюзной школе культуры.

Член Союза журналистов СССР (с 1961 г.) и Советской социологической ассоциации (с 1969 г.).

⁶ Алексеев А. Н. Драматическая социология (эксперимент социолога-рабочего). Кн. 1-2. М.: СПбФ ИС РАН, 1997.

⁷ Здесь и далее в оригиналах документов — фамилия.

<...> Администрация, партийная и профсоюзная организации рекомендуют тов. А. для поездки в Республику Куба в апреле 1983 г., сроком на 21 день, во время очередного отпуска.

Характеристика обсуждена на партийном собрании цеха № 3, протокол № 10 от 27.12.82 и утверждена на заседании бюро партийного комитета завода 12.01.83.

Директор завода А. Д. Долбежкин
Секретарь парткома В. Д. Шекин
Председатель завкома Б. Г. Иванюшин

Ремарка: необходимые формулы.

В характеристике наличествовали также все стандартные формулы, требовавшиеся в то время для рекомендации к зарубежной туристской поездке: «политически грамотен»; «морально устойчив»; «дисциплинирован»; «в быту скромен»; «пользуется авторитетом среди товарищей по работе»; «родственников за границей не имеет»; «переписки с зарубежными гражданами не ведет»; «ни сам, ни его родственники к суду не привлекались»; сведения о предшествующих поездках за границу («замечаний по поездкам не имеет»); сведения о близких родственниках; «отношения в семье хорошие». (Март 2001).

22.2.2. «В своих записях выражал мысли антисоветского содержания...»

Характеристика

на члена КПСС с 1961 г. (партибилет № 13313108) Алексеева А.Н.,
1934 г. рожд., русский, образование — высшее, социальное
положение — служащий⁸

Тов. А. работает на Ленинградском заводе полиграфических машин с января 1980 г., сначала наладчиком технологического оборудования, а с августа 1982 г. слесарем механосборочных работ.

За время работы на предприятии тов. А. зарекомендовал себя как грамотный, квалифицированный специалист. Успешно овладел профессией наладчика технологического оборудования, ему присвоили 5-й разряд. Им обеспечено освоение нового технологического оборудования. Овладел смежной специальностью слесаря механосборочных работ. Сменные задания выполняет.

Тов. А., участвует в общественной жизни цеха. Является дружинником. Выполняет разовые партийные поручения.

Вместе с тем, тов. А. нередко использовал рабочее время в личных целях, вел записи о положении дел в коллективе, в которых в извращенном виде оскорбительно отзывался о советском рабочем классе и хозяйственных руководителях.

В этих записях (письмах) выражал мысли политического вредного, в некоторых из них антисоветского содержания.

Характеристика утверждена на партийном комитете, в присутствии А., протокол № 24 от 24.10.84.

Секретарь парткома В. Шекин

⁸ В тогдашних партийных характеристиках указывалось социальное положение на момент вступления в КПСС.

22.2.3. «Разлагающее влияние на рабочих...»

Характеристика

Алексеев Андрей Николаевич, 1934 г. рожд., образование высшее, русский, работает слесарем механосборочных работ в цехе № 3 ПО «Ленполиграфмаш». Состоял членом КПСС с 1961 г. по 23 мая 1984 г.

А. окончил ЛГУ им. А. А. Жданова в 1956 г., кандидат философских наук с 1970 г., последнее место работы перед поступлением на Ленинградский завод полиграфических машин — Институт социально-экономических проблем АН СССР.

В объединении работает с января 1980 г., сначала наладчиком технологического оборудования, а с 1 апреля 1983 г. — слесарем механосборочных работ 3-го разряда, с 1.04.86 — 4-го разряда.

Работает в комплексной бригаде численностью 15 человек, входит в совет бригады. С производственным заданием справляется успешно, сменное задание выполняет в среднем на 102,5%, при хорошем качестве работ.

Участвует в соцсоревновании по вкладам в ускорение научно-технического прогресса, по состоянию на 1.04.87 на его накопительном счету было 2.646 рублей. За 1986 год был признан победителем соцсоревнования по накопительным счетам.

В 1986 г. являлся Ударником коммунистического труда. В 1987 г., в соответствии с постановлением ВЦСПС, итоги в объединении не подводились.

А. — рационализатор. За период 1980–87 гг. им подано 6 рацпредложений, из которых 4 отклонены, а 2 приняты.

Является общественным корреспондентом многотиражной газеты «Трибуна машиностроителя», за 1986 г. имел 4 публикации. Член ДНД. Активно участвует в собраниях трудового коллектива и открытых партийных собраниях, часто выступает. Выступления Алексеева носят критический, демагогический характер. Хорошо понимая в каждом случае суть конфликта, он умело и намеренно обостряет ситуацию между рабочими и администрацией цеха, используя это для своих социологических наблюдений.

С начала пребывания в парторганизации цеха № 3 и до момента исключения из партии А. уклонялся от постоянных партийных поручений и участия в постоянной общественной работе. Так, в 1980 г. секретарь парторганизации цеха № 3 предложил Алексееву стать пропагандистом, имея в виду его университетское образование и опыт прежней работы в социологии, но получил отказ под предлогом нехватки времени.

До исключения из партии А. проводил в цехе № 3 несанкционированные социологические исследования. Имеет явную склонность к сутяжничеству. Так, 9.01.87 А. нарушил трудовую дисциплину — опоздал с обеда на 10 минут, за что распоряжением по цеху от 22.01.87 ему был объявлен выговор. А. последовательно обратился в комиссию по трудовым спорам и профком завода. В обоих случаях умышленно замалчивал факт нахождения в цехе, что и явилось основанием к отказу в разрешении предмета спора. В результате чего конфликт был искусственно доведен до народного суда. 7.04.87 нарсуд Петроградского района отказал ему в иске. Однако А. снова подал иск в тот же нарсуд на начальника цеха № 3 Яроша Н. А. «в защиту

своей чести и достоинства». 7.05.87 суд решил прекратить дело за отсутствием предмета спора.⁹

В орбиту сутяжничества вовлекается большое количество работников завода с потерями рабочего времени. На первое заслушивание суда 6.04.87 отягощалось 11 чел., в том числе юрист и сам А.

А. разлагающее влияние оказывает на рабочих цеха, в особенности на членов своей бригады, используя свою эрудицию и опыт социолога. Бригадир этой бригады коммунист Сыщевич А. В. совершил прогул в тяжелое для бригады и участка время. При собеседовании по его персональному делу с председателем парткомиссии в присутствии двух работников парткома Сыщевич давал крайне уклончивые объяснения. То он объяснял свой прогул пьянкой, то неким «социологическим исследованием».

А. судит о людях безапелляционно, ни с какой критикой в свой адрес не соглашается, вины перед партией за собой не признает.

А. женат вторично в 1969 г. От первого брака имеет взрослую дочь, проживающую отдельно.

Характеристика утверждена на заседании парткома объединения 12 августа 1987 г., в присутствии А. Н. Алексева.

Секретарь парткома М. Михайлов

*[Стоит особо подчеркнуть даты выдачи этих трех характеристик: первая — 1983 г.; вторая — 1984 г.; третья — 1987 г. — А. А.]*¹⁰

22.3. О методе наблюдающего участия

**Из статьи А. Сарно «Случай на заводе»,
опубликованной в журнале «Знание-сила» (сентябрь 1985)**

<...> Очень хотелось подсказать средства, которыми можно снять напряженность, то, что видишь и знаешь. Но это выходит далеко за рамки методики включенного наблюдения. Гораздо естественнее и эффективнее для дела была бы другая позиция, которую создает новый метод социологического исследования, разрабатываемый сейчас в Ленинграде. Исследователь, его применяющий, совершенно всерьез, а не временно, работает на конкретном рабочем месте. Он — реальный и полноправный участник событий, именно участник, а не только наблюдатель.

Тогда исследование превращается в поиск конкретных средств для развития конкретных ситуаций. Социолог не скрывает того, что он ученый-профессионал, что он скрупулезно наблюдает и регистрирует изменения, происходящие в результате мер, принятых всеми, и им лично тоже. Парадокс заключается в том, что такая, казалось бы, непростая позиция с повышенной ответственностью мало чем отличается от нормаль-

⁹ Начальник цеха публично назвал критику в свой адрес «клеветой». То есть — по существу воспроизвелась ситуация, описанная в главе 13 настоящей книги. Историю «дела об опоздании с обеда на 10 минут» см. ранее, в томе 3: разделы 15.3 и 17.1.

¹⁰ См. также опровержение последней из приведенных здесь характеристик (составленное рабочими 1-го участка цеха № 3 «Ленполиграфмаша») в томе 3 настоящей книги: раздел 15.11.

ной позиции всякого инициативного работника, душою болеющего за дело, за коллектив.

<...> За счет правильного использования социального фактора можно и нужно получить огромный экономический выигрыш. И тут тоже метод наблюдающего участия особенно ценен, потому что в нем неразрывно слиты профессиональная деятельность исследователя и профессиональная производственная деятельность. <...>

А. Сарно

(Знание-сила, 1985, № 9)

* * *

**Из отзыва А. Сарно на рукопись брошюры
«Наблюдающее участие и моделирующие ситуации
(познание через действие)» (1997)¹¹**

Исследование А. Алексеева в существенной мере не имеет зарубежных или отечественных аналогов. Метод наблюдающего участия, разработанный и осуществленный им, является новшеством для мировой социологии. <...> «Предтечей» названного метода исследования можно считать метод включенного наблюдения. Имеющий репутацию «классического» метода, он до настоящего времени все еще является экзотической редкостью. <...>

[Здесь опущены приводимые автором примеры. — А. А.]

В этих исследованиях социологи *[обычно. — А. А.]* изучали «патологическую» организацию на фоне признаваемого «нормальным» общества. Соответственно, общество вместе с его мощными официальными институтами выступало для исследователя естественным психологическим «тылом», способным при необходимости обеспечить ему «отступление», дать надежное убежище в случае возникновения возмущения наблюдаемой (и тем самым, «социологически разоблачаемой») конкретной организации.

Такого социально-системного «тыла» был полностью лишен автор наблюдающего участия в течение более чем восьми лет предпринятого им исследования. Более того, «ненормальность» именно самой официальной общественной системы как раз и была главным объектом наблюдения социолога через призму предприятия, типичного для промышленности «предперестроечной» России.

Социально-драматическими особенностями такой участвующе-наблюдающей позиции исследователя автор обеспечил своему эксперименту безоговорочную чистоту.

Если интерпретировать результаты названного исследования в терминах этнометодологии Г. Гарфинкеля, Т. Лукмана, то вывод его автора эмпирически доказывает: социальные акторы конструируют и преобразуют реальность и ее семантику именно актами своего взаимодействия.

¹¹ Названная брошюра автора настоящей книги вышла в издании СПбФ ИС РАН в 1997 г.

Как показал проведенный эксперимент, социолог в ходе такого взаимодействия не только «исследует реальность действием», но и конструирует ее осмысленность. Более того, он способен существенно преобразовывать наблюдаемую реальность самим фактом такого открытого «осмысляющего» наблюдения.

В качестве двигателя, обуславливающего изменение «социальной реальности» под действием наблюдающего участия, автор исследовал механизм неосознаваемого «двойного стандарта» поведения и восприятия ситуаций субъектами производственных отношений. <...> Как показано автором «наблюдающего участия», публичное регистрирование, «опубликование» социологом «двух стандартов» заставляет акторов интенсивнее искать компромисс между конфликтующими стандартами, формировать «новые практики» с целью более эффективного взаимодействия.

Из отечественных научных школ ближе всего к теоретической базе исследования А. Алексеева по отправным и стратегическим идеям оказывается школа Г. П. Щедровицкого с ее концепцией «системо-мыслительности» и «организационно-деятельностных игр». <...>

А. Сарно, ноябрь 1996¹²

22.4. «Нарушение служебных обязанностей и научной этики...»

Справка комиссии Северо-Западного (Ленинградского) отделения Советской социологической ассоциации (апрель 1985)¹³

В связи с исключением <...> А. Н. Алексеева из рядов КПСС и Союза журналистов, бюро ЛО ССА образовало комиссию, в обязанности которой вменялось рассмотрение вопроса о нарушении служебных обязанностей и научной этики членом ССА Алексеевым в последнее время.

Комиссия ознакомилась с имеющимися материалами по делу А.¹⁴, беседовала с ним, получила его объяснения. В результате комиссия выяснила следующее:

1. В 1978–81 гг. А. было проведено (без предварительной экспертизы методического инструментария соответствующей службой ИСЭП) исследование состояния советского общества. Была разработана анкета «Ожидаете ли Вы перемен» (23 вопроса) и методологический к ней комментарий. Документы носили тенденциозный характер и были составлены таким образом, чтобы получить односторонние, как правило негативные характеристики состояния и перспектив развития нашего общества.

¹² Альфред Альфредович Сарно ныне — докт. социол. наук, профессор. Последние годы живет и работает в Финляндии.

¹³ Копия с этого документа была снята мною в ноябре 1986 г. в Севастопольском районсуде г. Москвы.

¹⁴ Здесь и далее в оригинале документа — фамилия.

В ходе беседы с членами комиссии А. представил копию своей апелляции в ОК КПСС от 4.03.85, из которой следует, что он признает сам факт проведения названного исследования и его несостоятельность.¹⁵

2. В процессе исследовательской деятельности А. имели место грубые нарушения установленного порядка работы с документами, имеющими гриф «для служебного пользования», в том числе незаконная распечатка доклада академика Т. И. Заславской «Социальный механизм развития экономики».¹⁶ Доклад распространялся А. среди знакомых (из шести экземпляров было распространено три). Отмеченное также было признано в принципе А. в его апелляции в ОК КПСС.

3. В тетрадях по БАМу, куда автор был направлен в служебную командировку, содержались сведения, подпадающие под ограничения, установленные «Перечнем сведений, запрещенных к опубликованию в открытой печати, передаче по радио и телевидению», а также некоторыми другими нормативно-правовыми актами Главного управления по охране государственных тайн при СМ СССР. Это относится к данным о структуре и объеме капиталовложений в строительство всей магистрали и ее отдельных участков, о предполагаемом экспорте нефти в Японию, содержались выписки из неопубликованных постановлений ЦК КПСС и СМ СССР.¹⁷

4. В «Письмах к любимым женщинам», основанным, опять-таки, на обобщениях главным образом негативных сторон производственной и социальной жизни, в том числе и трудового коллектива, где работает А., содержатся оскорбительные высказывания о Советской Армии, советской системе. По оценке Управления по охране государственных тайн в печати при Ленгороблисполкомах, данные материалы отличает цинизм, пренебрежительное отношение к советской науке, рабочему классу, элементы антисоветизма.

5. Из материалов, собранных по делу, видно, что имело место хранение и распространение А. среди своих знакомых произведений политически вредного характера, не издававшихся в СССР и не подлежащих распространению на его территории.

6. В заключении декана филологического факультета ЛГУ им. А.А. Жданова¹⁸ говорится, что проведенное А. исследование состояния советского общества резко отличается от процедуры и методов проведения научных социологических исследований в нашей стране.

7. Учитывая изложенное, комиссия считает приведенные выше факты поведения А. несовместимыми с пребыванием его в рядах членов Со-

¹⁵ В апелляции указывалось: «Главную свою ошибку я вижу в том, что, пусть неумышленно, создал условия, при которых первичные материалы даже такой узкой методической пробы могли бы выйти из-под моего контроля и получить внаучное применение...».

¹⁶ Об этом докладе, а также извлечения из него см. ранее, в томе 3 настоящей книги: приложение 1 к главе 11.

¹⁷ См. об этом в томе 2: раздел 8.10.

¹⁸ Ошибка: речь идет о справке декана факультета журналистики ЛГУ В. Г. Комарова. См. в томе 2 настоящей книги: раздел 8.14.

ветской социологической ассоциации и предлагает бюро ЛО ССА рассмотреть вопрос об исключении Алексева А. Н. из членов Советской социологической ассоциации АН СССР.

Члены комиссии:

Ю. И. Гревцов (председатель), А. В. Воронцов, Н. С. Мирошниченко
23.04.85¹⁹

22.5. Как же преодолевать эти пределы?

Письмо Р. Баранцева в редакцию «Литературной газеты»
(февраль 1988)²⁰

Историй, подобных рассказанной в статье «Преодоление пределов»²¹, сейчас освещается прессой немало. В них поражает сходство коллизий, раздражает видимая безысходность реальных ситуаций и привлекает какая-то единая социальная закономерность, которую хочется постичь, чтобы всем вместе преодолеть этот общий предел.

Мне кажется, что А. Н. Алексеев ближе всех подошел к решению этой проблемы, ибо счастливое соединение в одном человеке социолога, рабочего и философа дало результат, который нам еще предстоит осознать, оценить и развить, изучая этот замечательный эксперимент, поставленный на собственной жизни.

Некоторые уроки уже можно сформулировать.

Прежде всего, становится пронзительно ясно, что социальная система должна научиться открыто признавать и исправлять свои ошибки, совершенные по отношению к человеку. Без этого невозможно оздоровление общества. Далее, проблема видится уже не в правильности принятого решения, а в том, кто его сможет воспринять и провести в жизнь, ибо нет реального разделения «мы и система», а существует целостность — «наша бюрократическая система», с которой мы слиты. И если мало ценятся в ней понятия чести, достоинства, совести, то это означает, что у всех нас они основательно заглохли.

В годы страха, лжи и застоя происходил неестественный отбор, снизивший уровень поведения настолько, что нравственный компас со стрелкой «хорошо-плохо» размагнитился от всеобщего приспособленчества. Добро, чтобы выжить, гримировалось под зло, а зло, чтобы преуспеть, выступало под флагом Добра. Маскировка, мимикрия, мистификация становились обыденщиной. И постепенно исчезало представление о допустимых границах компромисса, за которым начинается необратимое перерождение.

Сдвиги общественного сознания, происшедшие за последние годы, привели нас к пониманию, что перестройка мышления должна начинаться с измене-

¹⁹ Формулировки этой справки комиссии СЗО (ЛО) ССА в основном повторяют формулы справки УКГБ ЛО «В отношении Алексева А. Н.» от 12.03.84. См. ранее, в томе 2 настоящей книги: раздел 8.2. Об исключении социолога-рабочего из ССА (январь 1986) см. также в томе 2: раздел 10.13; в томе 3: раздел 13.8.

²⁰ Отклик на публикацию Л. Графовой в «Литературной газете» от 23.09.87 об эксперименте и «деле» социолога-рабочего. О Рэме Георгиевиче Баранцеве см., в томе 2 настоящей книги: раздел 8.12, приложение 1 к главе 8; в томе 3: раздел 0.5, приложение 2 к главе 16, разделы 17.8 и 17.9.

²¹ См. ранее, в томе 3: раздел 16.1.

ния структуры постановки вопроса. А здесь нужно повышенное мышление, метаподход. Из нас же эти «мета-» повывели, нас приучили к примитивному делению общества на друзей и врагов, к элементарному языку баррикад, к диадной парадигме альтернатив. Лозунги типа «кто не с нами, тот против нас» долгое время не подвергались сомнению, а выбирать давалось одно из двух. В этой одномерной схеме вопрос о мере компромиссов всегда повисал без ответа.

Читая статьи, в которых описываются многочисленные тяжбы одиноких подвижников с консервативной системой, можно заметить, что борьба эта часто вязнет в болоте казуистики. Стремление оперировать только фактами сводит противостояние к соревнованию в изощренной интерпретации фактов. Такое вырожденное поле борьбы похоже на жердочку, где козлик бодается с козлищем. Возможно ли тогда, чтобы один правдоборец преодолел сопротивление администрации всего учреждения или руководства целой республикой или даже когорты союзных министерств и ведомств?

К счастью, жизнь не столь безнадежно одномерна. Чувство справедливости пользуется не только юридическими ориентирами. Существует, например, такое понятие, как **стиль**, казалось бы, не обладающее силой доказательности. Но разве не чувствуем мы отвращения к обвинителям, которые начинают «вешать на человека всех собак»? Не настолько уж понизилось наше общественное сознание, чтобы не различать, скажем, стилей А. Жданова и А. Ахматовой.

Одномерное мышление не отвечает и на другой, не менее важный, вопрос: как переделать зло в Добро? Когда противник бывает повержен и тот, кто был ничем, становится всем, зло не уменьшается. Более того, всякое унижение рождает новое зло. Чтобы навоз превратился в урожай, нужны еще земля и семена. И без таких «безделиц», как честь, достоинство, совесть, обществу не обойтись.

Мир подошел к рубежу, на котором одномерное мышление становится самоубийственным. Концепция антагонизма изжила себя: бороться приходится уже не столько **«против»**, сколько **«за»**. Спасение теперь не в уничтожении противников, а в союзе с ними. Если всем это понятно, когда речь идет об опасности ядерной войны, то далеко еще не осознана неизбежность единения в экологии культуры и нравственности.

Политическая формула «экономика плюс демократия» будет пробуксовывать до тех пор, пока не обогатится равноправной духовной компонентой. Тормозов у перестройки хватает, а движущий импульс пока в основном негативный: нам ясно, от чего отталкиваемся, но не очень понятно, к чему притягиваемся. Цель еще не обрела целостности, ибо духовная компонента пока не стала самоценной. Борьба идет за человека.

Синтез — возможен, ибо духовные богатства, в отличие от материальных, при отдаче не убывают. Потому и реально разрешение раздрающих мир экономических, национальных, идеологических противоречий, та победа, в которой не будет побежденных. Та Утопия, которая становится единственно возможной Реальностью.

Р. Баранцев, ноябрь 1987 — февраль 1988

(Цит. по: А. Н. Алексеев. Драматическая социология (эксперимент социолога-рабочего). М.: СПбФ ИС РАН, 1997)

...Стиль не так легко позаимствовать или подделать, как кажется. И в политике, и в искусстве стиль больше программ и манифестов говорит об истинной глубине человеческих чувств. Именно стиль, а не что-нибудь другое, если речь идет о душевной глубине, оказывается наиболее веским доказательством, неопровержимым свидетельством. Ведь именно разногласия, касающиеся стиля борьбы, привели к расколу русской социал-демократической партии на фракции большевиков и меньшевиков. Наши разногласия касаются только тактики, заявили в 1903 году меньшевики. Ленин ответил им: именно так. Но ведь тактика решает дело.

...Многие полагают, что стиль обязывает к выкрутасам, которые симулируют наличие индивидуальности. Я уверен в обратном: стиль всегда обнажает суть — кто мы и что мы: именно стиль противостоит всем нашим благим намерениям прикрыться и приодеться.

Сесар Вальехо. «Скажи мне, как ты пишешь, и я скажу тебе, кто ты» (Иностранная литература, 1983, № 8, с. 162) @

* * *

Из книги Р. Баранцева «Синергетика в современном естествознании» (2003)

<...> В социологии различаются методы включенного наблюдения и наблюдающего участия. Переход от первого ко второму реализовал в своей работе и жизни А. Н. Алексеев, книгу которого «Драматическая социология» стоит прочитать любому обитателю современного социума. <...>

(Р. Г. Баранцев. Синергетика в современном естествознании. М.: УРСС, 2003, с. 19)

22.6. Официальные оппоненты социолога-испытателя

22.6.1. «Посредственный социолог... научная несостоятельность... бесплодная попытка...»

Решение секции прикладной социологии Совета по общественным наукам Минвуза РСФСР и Ленинградского научного центра АН СССР (октябрь 1987)

<...> 15.10.87. Присутствовали:

— проф. **Бережной А. Ф.** (ф-т журналистики ЛГУ), доц. **Смирнов С. В.** (ф-т журналистики ЛГУ), доц. **Комаров В. Г.** (ф-т журналистики ЛГУ), проф. **Моисеенко Н. А.** (экономический ф-т ЛГУ), проф. **Рященко Б. Р.** (экономический ф-т ЛГУ), доц. **Долгов В. Г.** (экономический ф-т ЛГУ), проф. **Сигов И. И.** (ИСЭП, директор), проф. **Парыгин Б. Д.** (ИСЭП), ст. н. с. **Максимов В. В.** (ИСЭП), доц. **Осипов С. В.** (экономический ф-т ЛГУ), доц. **Овсянников В. Г.** (кафедра прикладной социологии ЛГУ), доц. **Орлов Ю. С.** (ученый секретарь Северо-Западного координационного совета), проф. **Воронцов А. В.** (зав. кафедрой научного коммунизма ЛПИ), ст. н. с. **Гревцов Ю. И.** (зав. лабораторией, НИИКСИ), к. э. н. **Сибирь**

рев В. В. (кафедра прикладной социологии ЛГУ), к. э. н. **Муравьев Г. А.** (нач. планового отдела Ленинградского экспериментального завода судостроения), **Зиброва Г. А.** (ст. лаборант, экономический ф-т ЛГУ), **Максимов С. В.** (ст. лаборант, отделение прикладной социологии ЛГУ), **Бельгоев А.** (стажер, кафедра прикладной социологии ЛГУ), **Четкарев В. А.** (корреспондент, журнал «Изобретатель и рационализатор»).

Обсудив статью Л. Графовой «Преодоление пределов» в «Литературной газете» от 23.09.87 (№ 39) и ее оценки состояния ленинградской социологии, секция считает, что указанная статья по своему существу отражает субъективную точку зрения ее автора и ряда социологов, эксплуатирующих «дело» А. Н. Алексеева в групповых интересах, используя справедливые принципы перестройки, гласности, демократии.

<...> Секция не может согласиться с попытками автора представить А.²² чуть ли не «гордостью ленинградской социологии». В действительности же он в этом отношении остается посредственным социологом.

Он начал свою деятельность в этой области не имея базового образования (был филологом). Его научная несостоятельность (в том числе и по отсутствию базового образования) обнаружилась уже при разработке первой анкеты и проведении опроса (среди своих знакомых), в чем он сам признался и о чем вполне справедливо сказано в статье. Им были нарушены элементарные научные требования к выборке опрошенных, к репрезентативности, она не имела под собой правильного понимания социальной структуры советского общества и его движущих социальных сил.²³

Бесплодной в научном отношении явилась и попытка изучения социальных процессов методом включенного наблюдения. «Эксперимент» кончился безрезультатно для науки, пополнив лишь дневники автора «Писем любимым женщинам» (он работал на 1/2 ставки ст. н. с. в ИСЭП).

Не достиг сколь-нибудь серьезных результатов А. и по своей основной научной деятельности в качестве старшего научного сотрудника в ИСЭП. Его плановые работы в заключительных отчетах отдела (зав. отделом — В. А. Ядов) за период с 1975 по 1980 г. составили 12 страниц машинописного текста, «значительная часть» которого написана в соавторстве с В. А. Ядовым.

Принадлежащий ему и его соавторам раздел отчета об общественно-политической активности трудящихся представляет собой компеляцию²⁴ из методик составления планов экономического и социального развития, в частности, перечисление соответствующих показателей из этого раздела планов. Никаких выводов, предвосхищающих необходимость внедрения самоуправления в трудовых коллективах, выборности руко-

²² Здесь и далее в оригиналах документов — фамилия.

²³ Речь идет об андерграундном экспертном опросе рубежа 1970—80-х гг. «Ожидаете ли Вы перемен?». См. ранее, в томе I настоящей книги: глава I.

²⁴ Текст приводится с сохранением орфографии документа.

водителей, глубокой демократизации управления, перестройки хозяйственного механизма в отчетах не содержалось.

Не «забывал» он в них и тревогу [так! — А. А.] относительно формализма в социалистическом соревновании. В отчетах больше говорится об успехах в соревновании, о росте рядов ударников коммунистического труда и лишь мимоходом отмечаются элементы формализма в организации соревнования за коммунистическое отношение к труду.

Эти результаты его научной деятельности в институте, выполненные в плановом порядке, не исключают его гонорарных работ и публикаций, которые в данном случае не рассматриваются. Оставляется без анализа его производственная деятельность на предприятии.

Об исключении А. отделением из ассоциации²⁵ прилагаются соответствующие справки (2 справки). <...>

Председатель секции проф. Ельмеев В. Я.²⁶

22.6.2. «Неужели же так оскудела героями русская земля?!»

Письмо И. Сигова в редакцию «Литературной газеты» (февраль 1988)

В своих статьях в «Литературной газете» («Преодоление пределов» и «Не личная драма») Л. Графова открывает нового героя нашего времени А. Алексеева как пример для подражания в науке и жизни, как «предвестника перестройки». Чем так поразил воображение журналистки образ этого героя?

В качестве наиболее убедительного доказательства его выдающихся социологических способностей Л. Графова приводит следующее высказывание из так называемых «Писем любимым женщинам». <...>

[Здесь опущена цитата о «разгильдяйстве». См. в томе 1 настоящей книги: раздел 2.2 — А. А.]

Что же следует из этого опуса, на какие выводы он наталкивает? Они достаточно прозрачны.

Есть человеческий рабочий класс с его теплыми формами разгильдяйства; есть низовое руководящее звено, разгильдяйство которого не столь человечно, как у рабочего класса, но и не столь бюрократично, как у чиновников; и, наконец, существуют более высокие ступени социально-производственной иерархии — разгильдяи, густо замешанные на бюрократизме.

Итак, разгильдяи — это не те или иные конкретные люди, а целые социальные слои — рабочие, низовое руководящее звено, чиновники. Чем «выше» слой, тем он хуже по своим социальным качествам. По ло-

²⁵ Имеется в виду исключение социолога-рабочего из Советской социологической ассоциации в 1986 г.

²⁶ Пересказ и обсуждение этого документа на страницах «Литературной газеты» см. ранее в томе 3 настоящей книги: раздел 16.6.

гике изложения вывод может быть только один — «бей по штабам». Этот лозунг в свое время широко использовался в Китае. Чем он закончился на практике — всем хорошо известно.

Нельзя не признать, что свое социологическое кредо А. всемерно пытается проводить в жизнь, к счастью, лишь в меру своих возможностей. В первой статье правильно отмечается, что А. был секретарем партийной организации ИСЭП АН СССР. Однако почему-то стыдливо замалчивается тот факт, что в этой роли он продержался лишь год до новых выборов.²⁷ Не говорит ли это о том, что практическая деятельность А. не способствовала дальнейшему становлению и развитию института?

На новом месте работы — в «Полиграфмаше» — та же картина. Вновь возвращаемся к статье Л. Графовой, где приводится характеристика А. <...> *[Здесь опущена цитата. См. ранее: раздел 16.1. — А. А.]*

Неужели же действительно оскудела героями русская земля, если читателю преподносятся в качестве таковых люди типа А.? Почему иная оценка последнего, нежели та, которая содержится в статьях Л. Графовой, рассматривается как «гонение» на него?

Надеюсь, что вдумчивому читателю публикации Л. Графовой об А.Н. Алексееве все-таки помогут разобраться, кто есть кто в нашем обществе.

Директор ИСЭП АН СССР, засл. деятель науки РСФСР И. И. Сигов
15.02.88

22.7. «Не будь он исследователем, ему пришлось бы туго...»

Текст статьи, опубликованной в журнале Агентства печати
«Новости» «Études soviétiques» (октябрь 1988)²⁸

«Случай» Алексеева

От редакции. Еженедельники «Литературная газета (тираж 3 млн экземпляров) и «Огонек» (более 1,7 млн экземпляров) опубликовали статьи о судьбе ленинградского ученого Андрея Алексеева.²⁹

* * *

Алексеев начал свою карьеру в тот относительно короткий период после XX съезда КПСС, который часто называют «оттепелью» (между серединой 50-х и серединой 60-х). Во времена развенчания культа личности Сталина были предприняты попытки осуществить демократические и экономические преобразования.

²⁷ В действительности — меньше года. По настоянию вышестоящей партийной инстанции первыборы были проведены досрочно.

²⁸ Название статьи: «Le «cas» Alexeev». Автор статьи — Сергей **Ненашев** (в журнале не обозначен). Обратный перевод с французского выполнен автором настоящей книги.

²⁹ *Графова Л.* Преодоление пределов // Литературная газета, 23.09.87 (см. ранее, в томе 3 настоящей книги: раздел 16.1); *Головков А.* «...мир погибнет, если я остановлюсь!» // Огонек, 1988, № 19, май (см. в томе 3: раздел 16.8).

Когда началась «брежневская эра», А.³⁰ работал в редакции «Ленинградской правды». Эпидемия лицемерия не миновала тогда ни одну из сфер общества. В 1980 году, в разгар застоя, А. предпринял персональный эксперимент, поступив в качестве рабочего на завод «Ленполиграфмаш», чтобы изучать социальную ситуацию «изнутри».

«Состояние атмосферы»

То было время, когда «слишком» смелая статья, даже не опубликованная, подпись под письмом в защиту кого-либо или даже не очень умелое предложение могли поставить под вопрос или скомпрометировать абсолютно все, включая минимум личного благосостояния. То был период, когда малейшая попытка противостоять официальному курсу навлекала на человека политические обвинения.

Именно тогда А. сделал доклад о результатах своего эксперимента «наблюдающего участника» на собрании Ученого совета Института социально-экономических проблем АН СССР. Его вывод: «Управление распределением — это своего рода солнечное сплетение в системе производственных отношений, а реализация принципа «От каждого — по способностям, каждому — по труду» — ее (этой системы) узловая точка». Предложения А. были слишком критичными. Вскоре затем он был уволен из института, где работал по совместительству (параллельно с работой на заводе), под предлогом «сокращения штатов». Вот тогда-то все и началось.

«Всякая всячина»

16 сентября 1983 года у него дома был устроен обыск с санкции прокурора. Основание: хранение «валютных и иных ценностей». Ничего подобного обнаружено не было, зато из его личного архива было изъято свыше 2000 страниц, включая личные письма и дневники, всевозможные заметки. Однако токарь³¹ не мог просто прекратить наблюдение, ведь человек не меняется в один миг. Вот, впрочем, характерный штрих: когда обыск явно затянулся, А., следуя своей привычке, стал наблюдать за поведением обыскивающих, чтобы понять, насколько они упорны, последовательны и умелы в своей работе.

Исключенный из партии

Экспертизой было установлено, что его письма и дневники «содержат политически вредные и идеологически не выдержанные оценки некоторых сторон советской действительности».

Ленинградский обком партии дал свое заключение по делу коммуниста Алексеева. В марте 1984 года оно³² было направлено на завод «Ленполиграфмаш» и в мае того же года Алексеев был исключен из КПСС, в

³⁰ Здесь и далее в оригинале документа — фамилия.

³¹ Здесь ошибка: в действительности — слесарь.

³² В действительности, не «заключение» Ленинградского обкома партии, а справка «В отношении Алексеева А. Н.» Управления КГБ по Ленинградской области. (См. в томе 1 настоящей книги: раздел 8.2).

августе того же года — из Союза журналистов СССР, в январе 1986 года — из Советской социологической ассоциации.

Все в Алексееве раздражало, будь то его критические выступления на Ученом совете института, будь то его попытки защитить своего учителя Ядова, крупного советского социолога, который, в конце концов, был вынужден покинуть институт, после разгрома его школы. Всего социолог А. опубликовал 120 научных работ, а рабочий А. подал 6 рационализаторских предложений. Итог: обвинение в «антисоветизме», в демагогии, критиканстве и т. п.

Не будь он исследователем, ему пришлось бы совсем туго. Но для ученого вынести все это было «легче», поскольку он рассматривает то, что мы бы определили как откровенную расправу, в качестве предмета своего анализа. Это ведь «легче», не правда ли?

Вот тогда А. сформулировал один из своих главных принципов: социально-личностный эксперимент обычно начинается просто с нормального поведения в ситуации, которая в действительности является ненормальной, однако все почему-то считают ее нормальной. Почему, в самом деле? Нельзя ли эту ситуацию преодолеть, если опереться на все права и все законы в борьбе с конкретным самоуправством конкретных начальников и бюрократов?

«Happy end»?

Ученый не отступил, не попал в число жертв «бюрократов-консерваторов», он продолжал свой эксперимент. Более того, он воспользовался поддержкой коммунистов, общественного мнения. Само время работало на него. В прошлом году бюро Ленинградского обкома КПСС единодушно ходатайствовало перед ЦК КПСС о «восстановлении тов. Алексеева в рядах КПСС, без перерыва в стаже». В мае этого года стало известно, что просьба удовлетворена.

Что ж, пришло время праздновать победу? В том самом документе, где предлагалось восстановить Алексеева в рядах КПСС, написано, что в контексте решений партии о развитии гласности и устранении явлений застоя, материалы, распространявшиеся прежде тов. Алексеевым, утратили свое значение политически вредных. Коль скоро период застоя кончился, все, что раньше считалось «черным», отныне полагается «белым»?

Но в действительности все не так просто. Ибо публично признать сегодня, что обвинение было сфальсифицировано, означало бы дискредитировать прежде всего тех, кто организовал обыск в квартире А., кто разглашал содержание личных писем, кто исключал его из Союза журналистов СССР и кто сегодня остался в своем кресле. Но следовало бы это публично признать. Было бы слишком большой роскошью пассивно созерцать, как определенные силы тайком душат перестройку. Необходимо активная и открытая политическая дискуссия.

(Études soviétiques, 1988, octobre)

22.8. Из первых рецензий на книгу социолога-экспериментатора

Отзыв Б. Докторова на рукопись книги «Познание через действие» (январь 1990)

<...> Мы привыкли за последние десятилетия к некоему образу социологических трудов, так что, даже не раскрыв книги, зачастую можем предугадать, какова будет ее структура, каков характер рассмотрения предмета. Не ставя под сомнение ни гражданские качества исследователей, ни их профессиональные устремления, мне думается, можно все же говорить о заметной отстраненности социолога от изучаемой реальности.

Принципиально иным предстает перед читателем настоящее произведение, содержащее основное жизненное кредо (и одновременно — научную позицию) А. Н. Алексеева.

Автор пристрастен. Эта пристрастность заявлена и в названии. Она и в методологической установке, при которой сам исследователь становится не только субъектом, но и «объектом» эксперимента. Эта нацеленность внимания к событиям, без которых нет автора и которых нет без автора, дает все основания быть пристрастными и будущим читателям, и рецензенту.

<...> Все крайне просто и вместе с тем неповторимо. Все в высшей степени уникально, и наряду с этим — универсально и знакомо каждому на основе его повседневного опыта.

В нашей социологии практически нет книг, раскрывающих путь движения исследователя к решению задачи. Как бы «за кадром» остается реальный исследовательский процесс. В рукописи Алексеева показано, как постепенно, под воздействием объективных обстоятельств и целевой установки автора, складывается оригинальный исследовательский метод. Одновременно раскрываются возможности метода. Чтобы убедиться в этом, достаточно сопоставить, скажем, «Письма любимым женщинам» и раздел «Хозяйственный механизм глазами рабочего».

Что еще крайне интересно, так это демонстрируемая автором способность опережать общественные события в социологическом рассуждении. Современны и взгляды, и даже лексика автора в работах, написанных в начале 1980-х гг. Самым сильным фрагментом в этом отношении представляется «Притча о Генеральной линейке», кривизна которой (линейки) предопределяет брак в системе отношений, задаваемых этой самой линейкой. <...>

Б. Докторов, 16.01.90³³

(Цит. по: А. Н. Алексеев. Драматическая социология (эксперимент социолога-рабочего). М.: СПбФ ИС РАН, 1997)

* * *

Отзыв Р. Могилевского на рукопись книги «Познание через действие» (январь 1990)

Обсуждаемая рукопись представляет собой собрание текстов, написанных автором в разное время, в разной манере, с различными целями.

³³ Борис Зусманович Докторов — докт. филос. наук., профессор. Ныне живет в США.

Рецензент получил искреннее удовольствие от чтения, рассматривая последовательность текстов как развертывание единой системы социологических идей и метода познания социальной реальности. Форма подачи материала (ярчайшая, а иногда просто эксцентричная) непрерывно усиливает читательский интерес, позволяя лучше понять смысл. Хотя некоторые наблюдения и рассуждения автора сейчас и могут показаться устаревшими, главные составляющие идейного богатства книги, напротив, вообще не освоены нашей социологией.

<...>. К основным авторским достижениям рецензент относит следующие:

1. Стремление автора к преодолению естественно-научного подхода к социальной реальности, «оживление» ее. Реальность предстает здесь наполненной не только «закономерностями, связями, отношениями», но и деятельностью людей. Не случайно, автор активно оперирует категориями жизненного ряда: жизненный процесс, жизненная ситуация, жизненное событие, а также — смысл, инициатива, ответственность. Это помогает понять и предвидеть развитие социального мира точнее, чем во многих работах «объективных» социологов.

2. Существенным научным вкладом автора является разработанный им метод наблюдающего участия. Активное участие в изучаемых социальных процессах, рефлексия субъекта по поводу собственного поведения и поведения окружающих — все это, по нашему мнению, более адекватно природе социальной реальности, чем способы познания, взятые из «объективной» социологии.

3. Наконец, это — работа, при чтении которой достигаешь ясного представления, что приобретает и чего лишается социальный исследователь, когда идет или не идет на сделку с совестью. Достаточно социологу закрыть глаза на действительные факты и сцепление этих фактов, чтобы прослыть respectable, взвешенным и вполне «удобным». Вот только какой будет оценка подобного социологического творчества, когда время «отстоится». <...>

Р. Могилевский, январь 1990³⁴

(Цит. по: А. Н. Алексеев. Драматическая социология (эксперимент социолога-рабочего). М.: СПбФ ИС РАН, 1997)

22.9. «Ожидали ли перемен?». Мнения коллег

Отзыв Б. Фирсова на рукопись сборника «Ожидали ли перемен?» (май 1990)

<...> В чем видится значение подготовленной к печати рукописи?

Прежде всего, это важный историко-социологический документ. Экспертная методика «Ожидаете ли Вы перемен?» и ответы, полученные от нескольких десятков специалистов, позволяют представить образцы социально-критической мысли, общественных позиций и взглядов представителей советской интеллигенции и наглядно убедиться в том, что несмотря на же-

³⁴ Роман Семенович Могилевский — канд. филос. наук, ныне — генеральный директор Агентства социальной информации в Санкт-Петербурге.

сткую политическую и идеологическую цензуру эта мысль, эти позиции и взгляды оставались свободными. Наряду с массовым конформизмом и намеренным самоотстранением от государства и общества, они — важнейшая характеристика общественного сознания последней фазы так называемого застойного периода. Для истории и для социологии будет небезынтересно иметь свидетельство того, как подобного рода документы создавались, хранились, уберегались (если удавалось!) от доносов и преследований, как распространялись и становились способом дальнейшего сплочения единомышленников. Все это имеет непреходящее значение и наш долг сохранить такие документы ныне здравствующим и тем более грядущим поколениям.

Второй важный момент — политический. Авторы документа (эксперты) не мыслят себя вне отечества и желают видеть его преуспевающим, а народ — подлинно счастливым. Документ позволяет обнаружить глубочайшую пропасть между официальными доктринами советского государства, партийными догмами, и тем, как представляются жизнь и судьба общества его рядовым гражданам. Подчеркнем здесь, что в роли экспертов выступали не гении-провидцы, а типичные представители народной интеллигенции. Своим отношением к действительности и социальному строю они передавали умонастроения широких масс людей (исключим здесь понятие «репрезентативность», к которой и не стремились, по понятным причинам, организаторы экспертного опроса). Приняв этот факт за данность, можно получить еще одно свидетельство кризиса модели «государственного социализма», равно как и кризиса властных структур, заведших страну в тупик.

Момент третий — научный. Многие из того, что сейчас становится понятным прозревающему обществу, содержится во мнениях экспертов, высказанных, повторимся, более 10 лет назад. Чтение ответов на вопросы экспертной методики приводит к однозначному выводу: шла ли речь об оценках положения страны, ближних или дальних перспективах ее развития, анализировались ли внутренние процессы или внешние факторы, подвергалась ли переосмыслению роль субъективных факторов, — в каждом из перечисленных случаев эксперты говорили примерно в тех же понятиях, на которых загворило общество в эпоху перестройки.

Неисповедимы пути движения к истине. Во всяком случае (как свидетельствует история советских диссидентов и рецензируемый нами социологический документ) моменты «перестроечной истины» многократно возникали задолго до апреля 1985 г. Другое дело, какие уроки извлекли из этого «верхи» и «низы». <...>

Б. М. Фирсов, май 1990

(Цит. по: Ожидали ли перемен? Из материалов экспертного опроса рубежа 70—80-х годов. М.: Институт социологии АН СССР, 1991, с. 253-254)³⁵

³⁵ См. также: *Фирсов Б. М.* История советской социологии 1950—1980-х годов. Курс лекций. СПб.: Изд-во ЕУСПб, 2001, с. 170-172. Борис Максимович Фирсов — докт. филос. наук, ныне — главный научный сотрудник и почетный ректор Европейского университета в Санкт-Петербурге.

* * *

**Отзыв П. Шелища на рукопись сборника «Ожидали ли перемен?»
(май 1990)**

<...> В культуре демократии вопрос о потребности в общественных переменах и о том, как их выявлять, вообще один из центральных. Понятно и то, почему десять лет назад попытка, предпринятая автором, оказалась уникальной: в культуре «развитого социализма» этот вопрос был запрещенным, с точки зрения официальной идеологии — бессмысленным, а на практике — просто опасным для задающего. Работа была остановлена на стадии пилотажного исследования, материалы у автора изъяты.³⁶ И вернуться к ней он [автор. — А. А.] смог лишь много лет спустя, в кардинально иной общественной обстановке, [когда. — А. А.] уже не стоило продолжать это исследование, а сами материалы обрели смысл исторического документа. И было бы уместным сложить все в архив, а не предлагать читательской аудитории, состоящей не только из профессиональных социологов, если бы не мощный заряд эвристической и нравственной энергии, который в них заложен.

Новому поколению они доказывают, что между стереотипами официальной идеологии и диссидентской культурой пролегло широкое поле установок приспособляющегося к жизненным реалиям и одновременно сопротивляющегося этому приспособлению, нередко разрывающегося в этой внутренней борьбе сознания нашей интеллигенции. Для тех же, кто прошел этот период нашей истории сознательно, рецензируемая работа дает иное. Лично я невольно не раз прерывал чтение рукописи, возвращаясь к началу 80-х годов и к себе того времени. Как хотелось бы сейчас увидеть материальный след своего сознания того времени! А может быть, такое интервью уже тогда дало бы толчок внутреннему процессу, начавшемуся много позже? А как я ответил бы на те же вопросы сейчас, применительно к нашему будущему? И как ответят на них другие люди, разные по социальному статусу, культурному типу и уровню, темпераменту, политическим предпочтениям? Как важно знать это, стремясь соотнести свое сознание с иной, во многом новой для нас, общечеловеческой культурой, для которой изменчивость не менее важная характеристика, чем устойчивость основополагающих общественных структур.

Думаю, социология и социальная психология общественных перемен в близкой перспективе сформируются как новые исследовательские направления и выйдут на передний план в этих науках, причем рецензируемая работа будет немало этому способствовать <...>.

П. Б. Шелищ, май 1990³⁷

(Цит. по: Ожидали ли перемен? Из материалов экспертного опроса рубежа 70—80-х годов. М.: Институт социологии АН СССР, 1991, с. 255-256)

³⁶ Здесь рецензент не точен: экспертные листы остались для органов госбезопасности недоступными. См. об этом в томе 1 настоящей книги: раздел 1.3. См. также в томе 2: раздел 9.6.

³⁷ Петр Борисович Шелищ — канд. филос. наук, ныне — депутат Государственной думы РФ.

22.10. Социологическое вторжение: время, пространство и метод героя

Отклик Б. Максимова на рукопись книги «Драматическая социология»
(февраль 1997)

Первым делом надо, видимо, размежеваться с моими однофамильцами, которых оказалось аж несколько в этом жизненном пространстве и среди которых, как в жизни вообще, весьма разные герои. Один, возглавлявший идеологическую организацию академического института, фактически сделал донос на своего коллегу. Другой мой однофамилец, уже на заводе, обещивал изгнание социолога-рабочего из партии (по сигналу из «органов», но и проявляя собственное рвение).

Пишущий эти строки не доносил, не изгонял, наоборот, сопереживал (правда, не более того). Это тот, другой социолог, который работал на том же заводе и в то самое время, когда его коллега разворачивал свою «экспериментальную социологию». Но, в отличие от социолога-рабочего, я находился в одной из ячеек заводоуправления и мог смотреть на эту социально-производственную (а потом и — социально-политическую) драму из «ложи» отдела НОТ и управления.

По идее, я должен был бы описать параллельный ряд событий — на уровне заводского управления. Ведь был даже замысел взгляда на заводскую жизнь — с двух разных позиций! Но «письма социолога-управленца» так и остались не написанными.

<...> Сегодня многие уже забыли «цвета и запахи» того социального пространства-времени, в котором происходило все описанное в этой книге. Либо идеализируют прошлое, либо видят его лишь в черном свете. Сменяющим же нас поколениям трудно будет представить себе тогдашние обстоятельства. Речь идет о таких характеристиках общества, которые вроде бы незаметны, привычны, но вместе с тем вездесущи, всепроникающи и оказывають мощное влияние, наподобие земного притяжения или радиации...

Первое, что вспоминается, это ощущение страха, опасности, возникшее уже при первом чтении «Писем любимым женщинам».

Хотя в них вроде не было ничего сверх того, что всем хорошо известно, а просто — верно подмечено и точно сформулировано. И тем не менее было ясно, что столкновение героя с «системой» неизбежно. Чувство опасности усилилось при сообщении об обыске на квартире коллеги, о вызове его в КГБ и т. д. В отделе НОТиУ говорили: «оказывается, у нас на заводе диссидент завелся»; «теперь ему крышка»; «дадут по шапке и начальству, и парткому»...

Сигнал тревоги, по цепочке, распространялся также среди ленинградских социологов... Помню, я сам, ожидая приглашения в КГБ и т. п., торопливо перебирал бумаги и книги, прятал на даче, под стреху, все мало-мальски сомнительное.

Стоит напомнить, что тогда (1983-84 гг.) никакой перестройки еще не предвиделось. Общественная ситуация была «глухой» — не только на данный момент, но и в перспективе. Историческое время как бы остановилось, а социальное пространство было схвачено оледенением.

Вместе с тем, парадоксальным образом, то было также и время — по крайней мере на словах — попыток улучшить, переделать общественную жизнь. На слуху — «активная жизненная позиция» (модное тогда выражение). Всяческие «почины» превозносились (возможно, ввиду их угасания). Социологи, в частности, анализировали факторы «общественной активности». Многие из них и сами работали в качестве не только исследователей, но и социальных проектировщиков, инженеров по социальному развитию, по бригадной организации труда и т. п.

В согласии ли с идеологическими установками времени или безотносительно к ним, но активистский настрой явно присутствовал и у моего коллеги («улучить» его в этом нетрудно: соответствующие формулировки разбросаны по всему тексту книги).

Социолог-рабочий называет себя **наладчиком**, и это выражение явно имеет смысл более широкий, чем наладка станка.

Подразумевается наладка (переналадка?) общественной системы через «разборку», изучение, исправление некоторых узлов (в том числе — «координатной системы»), через «сборку» и запуск с новой (отшлифованной) «генеральной линейкой».

<...> Теперь о главном. Метод, предложенный моим коллегой, на самом деле шире, чем декларированное им «наблюдающее участие». Этот метод не ограничен исследовательскими функциями, а предполагает и социальное творчество, плюс пропаганда (реклама, по-сегодняшнему) новых социальных форм. Сюда входят: наблюдение, изучение «изнутри», анализ на основе действия, «моделирующие ситуации», создание новых образцов поведения, экспериментальная их проверка, внедрение... Составляющей нового метода является и процедура вхождения в эксперимент.

«Наблюдающее участие» является здесь лишь одним из моментов. В целом же речь идет скорее об особом способе социологического действия.

Такому содержанию метода больше подходило бы и определение его как творческого, конструктивно-исследовательского социологического участия (с упором даже не на исследование, а на внедрение).

В целом и кратко это можно назвать **социологическим вторжением** в жизнь. Думаю, что сам автор осознает большую, чем заявляет, широту своего подхода. Но — сузил определение, видимо, в угоду парадигме, господствующей в академической среде.

Мне такой способ действия, предполагающий органическое слияние различных сторон инновации, представляется исключительно ценным. Ведь обычно исследование, проектирование, экспериментальная проверка, практическая реализация отделены друг от друга (и выполняются разными людьми). Социологи-аналитики принципиально отдают использование своих результатов на откуп управленцам, политикам. Но без авторского участия и надзора неминуемо происходит в лучшем случае искажение, а в худшем — манипулирование социологическими данными.

Отличие предложенного моим коллегой метода от «социологической интервенции» (где тоже соединяются анализ, экспериментирование, внедрение), состоит в том, что здесь все это осуществляется **изнутри**, т. е. при пол-

ном и открытом **погружении в ситуацию**. Внедрение идет «мягким способом» — через создание образцов действия. Особую роль играет освещение хода и результатов эксперимента (талантливое в данном случае).

Жизнь требовала героев (не в смысле Героев социалистического труда!). И мой коллега взялся за эту нелегкую роль. Смею думать, что и ему самому была нужна такая «пьеса». Во всяком случае он отдавал себе отчет в том, на что идет; недаром же потом писал, что не стоит особо беречь «неудобных» людей...

Драматизм ситуации усугублялся тем, что при объективной потребности в изменениях, общественная система, и в том числе производственная, была не реформируемой. Она могла изменяться только через ломку. Окостенелость системы проявлялась и в поведении людей, близко стоявших к экспериментатору. Все были недовольны, все ждали перемен, и в то же время бездействовали. Надо было преодолевать сопротивление также и этой среды.

<...> Отмечу еще один важный момент — значение «социологического погружения» с точки зрения добывания информации из глубины, из «толщи жизни» и вынесения на поверхность, на всеобщее обозрение.

Помню, перед переходом Алексеева на завод я убеждал его, что нет необходимости «идти в рабочие» — ничего нового он не увидит, все и так известно... Вот, мол, я, сам проработав десять лет заводским социологом, готов не сходя с места рассказать и о снижении расценок, и об уловках рабочих, и о фиктивности соцсоревнования и т. п. Но оказалось, что при погружении — и «открытия-переоткрытия» происходят чаще (видели, но не замечали, знали, но не могли сформулировать!).

И главное, подмеченные свежим социологическим глазом, даже, казалось бы, давно известные вещи приобретают взрывную силу, будоражат общественное сознание.

Социологическое погружение и освещение таким способом интимных сторон режима имело, конечно, особое значение во времена «двойного сознания», запретных тем, замалчивания «нежелательных явлений». Но, думаю, и сегодня, этот способ социологического действия может оказаться общественно значимым и эффективным. Конечно, теперь при его осуществлении возникнут новые проблемы.

<...> Не стану сейчас обсуждать сугубо научное значение «познания через действие», «исследования отдельного случая», «моментных социологических наблюдений». Но общественная ценность социологического вторжения в жизнь, продемонстрированная моим коллегой, несомненна. Становясь событием общественной жизни, оно влияет на ее развитие, а не только на движение социологической науки.

Б. Максимов, февраль 1997

(Цит. по: А. Н. Алексеев. Драматическая социология (эксперимент социолога-рабочего). М.: СПбФ ИС РАН, 1997)

Ремарка: сопереживание не было бездейственным.

Борис Максимов пишет о себе: «Сопереживал, правда, не более того...». Однако это сопереживание вовсе не было бездейственным! См. в томе 2 настоящей книги: разделы 8.11 и 10.13. См. также в томе 3: раздел 13.8. (Март 2001 — февраль 2005).

22.11. Драматическая социология или драматическое общество?

Отклик Р. Рывкиной на рукопись книги «Драматическая социология»
(июль 1996)

Судя по названию, автор представляет свой труд как сугубо научный — как труд про социологию и новые научные методы, которые он (автор) в этой науке использовал. Аналогично оценили книгу и рецензенты.

Я думаю, что автор и, вслед за ним, рецензенты не осознали в полной мере, что он создал. На самом деле, книга Алексеева — это не рассказ о новом социологическом методе, а нечто несравненно более крупное и важное: панорама советского общества с конца 1970-х до конца 1980-х. Именно панорама, ибо здесь так или иначе затронуты десятки тем — от политики до театра, от самоопределения личности до жизни бригады на конкретном промышленном предприятии.

Поскольку в книге разные проблемы представлены вперемежку, подчинены хронологии, то для лучшего освоения материала я попыталась составить описание тем. Получился нижеследующий перечень:

1) политическая ситуация в СССР в разные годы (степень стабильности политической системы, вероятность общего кризиса, особенности воспроизводства политической элиты);

2) ситуация на производстве (взаимоотношения в трудовых коллективах, отношения между рабочими и администрацией и т. д.);

3) проблемы НТП [*научно-технический прогресс*. — А. А.] в промышленности (работа технологических служб, уровень компетентности и ответственности инженеров, состояние оборудования, возможность внедрения инноваций);

4) проблемы трудовой морали (генезис и формы «разгильдяйства», рабочая солидарность и др.);

5) деятельность органов госбезопасности;

6) идеологическая атмосфера в стране;

7) проблемы советской социологии;

8) проблемы советской журналистики;

9) проблемы советского театра;

11) социальная структура советского общества (рабочий класс, интеллигенция, управленческая элита);

12) образ жизни и жизненные ценности;

13) генезис и ход перестройки в 1980-е гг.

Этот перечень не полон. Если бы сделать предметный указатель, то объектов внимания автора данной книги оказалось бы намного больше.

Как все это описано? И, главное, — зачем? Какова основная идея? Обычно авторы излагают свои мысли об обществе, о его проблемах. И читатель имеет дело не столько с обществом, как таковым, сколько с автором книги. Поэтому и рецензии пишутся на те или иные концепции. Мол, автор не прав, считая, что в нынешней России народ живет лучше, чем жил в советской. Или: автор прав, что демократия лучше, чем тоталитарный режим. И т.п.

В книге же А.³⁸ все по-другому. Читатель имеет дело не с теми или иными взглядами автора, а с самим обществом тех лет. Автор как бы погружает читателя в эпоху. И исчезает впечатление, что это рассказ о прошлом времени. Читатель как бы начинает **жить** в нем.

За счет чего удалось достичь этого? В большой мере, за счет того, что автор собрал и опубликовал **документы** (от официальных до личных). Документы — это черты «автопортрета» эпохи. Так же, как человека узнают по чертам лица, голосу, привычкам, так и общество узнают по документальным свидетельствам. Это — наиболее информативный и яркий показатель. Ибо благодаря документам, эпоха **сама** рассказывает о себе. Общество как бы выворачивает себя наизнанку, представляет себя с разных сторон, не скрывая и самых интимных.

<...> Откуда взялись все эти разнообразные сюжеты, люди, роли? Дело в том, что А. преодолел типичный для значительной части нашей интеллигенции предрассудок. В противовес гордому пренебрежению к «грязной действительности», автор погружен внутрь нее. И не для того только, чтобы наблюдать ее изнутри, а для более сложного и трудного. Для того, чтобы «провоцировать» социальные институты на соответствующие реакции, тем самым выясняя, на что они способны, чего еще от них можно ожидать.

«Моделирующие ситуации» создавались им самим. Без его провокаций не было бы этих реакций. А. оказался режиссером социального театра, но не автором пьесы. Например, судилища, устроенного КГБ, разборок, предпринятых Советской социологической ассоциацией, постановлений, принимавшихся по его поводу парткомами всех уровней. Программа действий была заложена в эти структуры изначально. Но многое из этой программы оставалось бы для нас сокрытым, если бы не появился этот смелый социальный режиссер.

<...> «Случай А.» позволяет сделать важный вывод. Система была настолько иррациональна, что внесение рационального начала как бы взрывало ее. Система инстинктивно боялась рациональных людей и их действий. Отсюда важный урок для социологов: надо работать **внутри системы** с тем, чтобы вносить здравый смысл в идущие в ней социальные процессы. Это особенно актуально сегодня, когда деятельность новой генерации социологов повернута как раз в обратную сторону: на освоение западных теорий (которые в нашей действительности, увы, мало что проясняют).

Второй урок: надо не просто описывать процессы, инициированные «сверху», но и демонстрировать «верхам», что им позволено **не все**. Надо брать на себя роль **социального ограничителя**. Эта задача тоже очень актуальна сегодня. Ведь многие социологи видят в обществе лишь объект для описания или источник информации. И почти не ощущают его в качестве предмета своей ответственности.

Книга А. может служить полезным университетом. Не только как анализ проблем, но и как раскрытие того, что такое социолог.

<...> Думаю, что воздействие этого труда было бы еще сильнее, если бы автор разделил, а не перемежал картины «социального театра» и собственно

³⁸ Здесь и далее в оригинале документа — фамилия.

научные тексты. На фоне первых (воспринимаемых как увлекательный роман), вторые проигрывают. Сам жанр диктует здесь автору традиционную абстрактность. Если книга будет переиздаваться, я бы посоветовала систематизировать материал **по жанрам**, а не по хронологии.

О названии. Если согласиться с тем, что книга посвящена не столько социологии, сколько проблемам самого общества, то придется признать неточность названия («Драматическая социология»). Это книга — о советской системе эпохи застоя.

Поэтому, в случае повторного издания, я бы предложила назвать ее: «Драматическое общество — опыт экспериментальной социологии».

Хочется также пожелать автору сделать **учебную версию** своего труда. На нем надо учить социологии, включив в рекомендательный список для студентов.

<...> Как видно из настоящих заметок, я пророчу этому труду большое будущее. Древние латиняне говорили, что книги имеют свою Историю. Эта книга — из таких.

Р. Рывкина, 3.07.96

(Цит. по: А. Н. Алексеев. Драматическая социология (эксперимент социолога-рабочего). М.: СПбФ ИС РАН, 1997)

22.12. Из школы — в мир

Из письма Р. Ленчовского в редакцию «Литературной газеты» (март 1988)

<...> С каждой победой в процессе демократизации открываются новые проблемы, а «старые» приобретают необычное значение. Одной из таких проблем является **компетентность**. Объективно необходимый ее уровень часто недостижим для многих и многих, что позволяет бюрократии как системе самоутверждаться, утаивая некомпетентность каждого из представителей этой системы за ширмой управленческой иерархии.

Тут необходимо разобраться, и все, кто отваживается вступить в борьбу с силами социального торможения, могли бы взять у «социолога-испытателя» несколько важных «уроков».

Первый: Гражданская компетентность приобретается участием в «большой» общенародной политике. Любая социальная инициатива, коль скоро она не укладывается в заранее установленные рамки и наталкивается на сопротивление, проходит испытание на прочность. Чем острее конфликт, тем весомее становятся политические аргументы. Овладеть непростой логикой политического спора — значит выявить связь конкретного дела с общенародными вопросами, значит быть способным противостоять демагогическим наскокам. Нельзя вести борьбу, не отдавая себе отчета, какой размах она приобретает и чем оборачивается. А.³⁹ устоял, может быть, потому прежде всего, что осознавал масштаб противостояния, к частным, казалось бы, сюжетам подходил со стороны их общественной перспективы.

³⁹ Здесь и далее в оригиналах документов — фамилия.

Второй: Гражданская компетентность, дееспособность — без взаимообогащения и взаимоподдержки в коллективе единомышленников, без опоры на группу с общими идейными и профессиональными интересами — останутся не востребованными. Силу содружества социологов от Таллинна до Новосибирска, силу рабочей солидарности — скорее всего и не приняли во внимание те, кто рассчитывал разделаться с А. как с рыцарем-одиночкой.

Третий: Гражданская компетентность включает в себя безупречный профессионализм в своем прямом деле. И хотя часто приходится сталкиваться с таким нечестным приемом борьбы, когда профессиональное мастерство «опровергается» или игнорируется, это все равно, что «наступать на грабли». Нельзя ведь было опровергнуть, что и партийные органы, и редакции журналов обращались к А. как к социологу-эксперту. Пришлось же признать, что рабочий Алексеев — победитель соцсоревнования по заводу за 1986 год.

<...> Победа, как и истина, — это процесс. Даже когда победа казалась абсолютно нереальной, А. не терял стойкости и чувства юмора. Это, пожалуй, самый важный «урок»: все зигзаги судьбы, все поражения он «не отличал от побед», к успехам, а еще более — к неудачам, относился как к ценному опыту гражданского действия. <...>

Р. Ленчовский, 24.03.88

* * *

Отклик Р. Ленчовского на рукопись книги «Драматическая социология» (июль 1996)

Временная дистанция проблематизирует. Прошлые и настоящее — одно в свете другого — предстают не такими, как они выглядят сами по себе. Это всегда, кроме многого прочего, вопрос об идентичности или наша идентичность как вопрос. Что мы вправе ожидать от себя и от других сегодня — связано (хотя и далеко не очевидным образом) с тем, кем мы могли или не могли быть вчера...

На мой сегодняшний взгляд, почти все, что с нами происходило (до крутых поворотов последних лет), если и представлять себе как «театр» (включая случаи с «драматической социологией»), то как театр не «настоящий», а «школьный» театр в школе. А «школой», всеохватывающим «училищем» предстало на самом деле перед всем миром наше общество, 70 с лихвой лет вдохновляемое Единственно Правильным Всепобеждающим Учением, которым была вооружена Руководящая и Направляющая Сила всех советских людей.

...В одной из своих книг 70-х годов Сергей Сергеевич Аверинцев охарактеризовал мировоззрение Византийской империи как «школьное»: мир казался чем-то вроде «учебного заведения», где каждый человек находил себе место «по усердию» в нескончаемом процессе научения — в качестве то ли ученика, то ли наставника и учителя (с тем, что имелись и Первоучителя).

Однако вспомним: разве не сидели мы все еще совсем недавно как бы за одной большой партией перед одной высокой кафедрой на непрерывном уроке-собрании? Разве не обречены были на пожизненное ученичество, неизбытную несамостоятельность? Кто мог быть «не охваченным» тем или иным видом учения — от начальной единой трудовой политехнической школы до

парт-, сов-, проф-, ком- и иных школ, включая воспитательные заведения «усиленного типа», т. е. за колючей проволокой?

Главной, конечно, была **школа жизни**, т. е. любая жизнь получала статус Школы: фабрика, колхоз, армия, даже дом и семья подчинялись «школьной логике» трансформации человеческих отношений.

Социальная иерархия становилась **иерархией знания**: все мы были учениками по отношению к вышестоящим и учителями-наставниками для тех, кого опередили в Школе социальных достижений. Место в этой иерархии определяли очередность посвящения в Материалы Самых Последних Решений и объем Знания, который считался полезным для определенной Ступени.

Естественно, ученики бывают разные: высокая успеваемость, подкрепленная дисциплинированностью, гарантировала любовь учителей. Способные и ершистые доставляли, понятно, больше всего хлопот, тогда как с послушными троечниками и даже двоечниками-хулиганами управляться было куда легче. (Не нужно большой педагогической проницательности, чтобы определить, к каким «ученикам» относился А.)

...Эту «школьную парадигму» можно развивать в разных направлениях. Скажем, в нашем обществе, как в школе, был Класс, на который все другие должны были равняться, а учителя этого «класса» были Первыми Учителями (хотя, как это и водится в школе, и состав Учителей не был постоянным, и привилегиями пользовался не весь «класс», а лишь его Лучшие Представители).

Что же наиболее существенно, на мой взгляд, в эксперименте социолога-рабочего, если посмотреть с точки зрения гипотезы о **школьном** характере советской идеологической практики?

Когда я читал документы той эпохи, собранные А. Н., включая и мои собственные, и вспоминал о тех годах, поражался тому, с каким увлечением мы учились и с какой охотой — учили. Вот потребовалось как-то «подвести итоги» тому, что я знал об А. Н., и первое, что счел себя обязанным сделать, это — «извлечь уроки» [см. *предыдущий текст*. — А. А.]. Я видел перед собой новых учеников в «школе Алексеева», которых собирался «подправлять», поскольку они совершали «типичные ошибки» (а потому нужна, прежде всего, как я думал, «компетентность» и т. д.).

Больше того, **язык уроков** — это тот язык, на котором мы пытались изъясняться с властью! Мы, «партийная интеллигенция» (к которой принадлежал и А. Н.), искренне стремились реализовать свой профессиональный долг и докопаться до Истины, т. е. Аутентичного Учения. А потому находились в оппозиции к властям, «партийным бюрократам», абсолютизовавшим в Учении Относительное и Преходящее в ущерб Всеобщему, на что получали «отлуп» — в полном соответствии с Основоположениями Учения и Законами общества! — в виде Отлучения от Единственно Правильной Версии.

Мы разделяли школярскую иллюзию, что с любым «учителем» можно «договориться», если хорошо выучить «урок», если сумеешь убедить его, что ты — Знаешь.

Помню, как в первой половине 1987 года не давалось мне письмо в Ленинградский обком. Я искал аргументы в общем для нас с ними катехизисе,

но понимал, насколько он противоречив. Я и мой адресат придерживались разных «толков»: А. Н. безусловно нарушил один ряд законов; но был другой ряд, который нарушали власти... И я, как примерный ученик, пытался деликатно намекнуть «учителю», что в контрольном задании на классной доске он допустил ошибку...

И только практический повод — возможность сообщить о восстановлении А. Н. в Советской социологической ассоциации в контексте «зависшего» восстановления в партии — позволил представить партийному начальству пространную «объяснительную» записку, написанную вместе с моим другом В. Хмелько как «товарищем по партии».⁴⁰

Власть **политическая** представляла себя в обществе как Высшая Духовная Власть. И мы, научно-идеологическая интеллигенция, публично обсуждая тонкости Единственного Учения, находя в каноническом корпусе лазейки для новых идей и грудью «защищая» те идеи, которые властями злонамеренно пренебрегались, поддерживали эту **объективную видимость**. Та власть была легитимной — не без нашего участия.

Конечно, власти, имея в своих руках реальные рычаги управления-давления, весьма ограничивали нашу свободу. И ответ был — по-школьному дерзкий!

В своей производственно-научно-партийной деятельности А. Н. в определенных отношениях **стилизовал**, а отчасти даже **пародировал** и Общественную Систему, и Процесс Социального Научения, что не могло не вызвать у чиновной элиты злобу и ужас⁴¹. То был своего рода интеллектуальный вариант «итальянской забастовки». Мы все, по обе стороны школьной доски-баррикады, «играли в школу»...

А что было «на самом деле»?

Были **поступки**. Тем более социально значимые, чем в меньшей степени они ориентировались на «школьную оценку», на одобрение «учителей». Только тот текст, который в «трудных» местах не отсылал к другому, более «авторитетному» (в итоге — к «Генеральной линейке» с ее «тайной кривизной!»), но в своих «разрывах» открывал **лицо автора** — лицо человеческое, не прикрытое ролевой маской (со всеми достоинствами и недостатками, которые могут быть присущи человеку), — только такой текст был тогда Поступком, выводящим за двери той «школы».

Почему это было так — предмет нового разговора, и собранные здесь А. Н. тексты приглашают читателя к такому разговору.

Р. Ленчовский, 7.07.96

(Цит. по: А. Н. Алексеев. Драматическая социология (эксперимент социолога-рабочего). М.: СПбФ ИС РАН, 1997)

⁴⁰ См. ранее: раздел 15.11.

⁴¹ Скрытая цитата из «Капитала» К. Маркса.

22.13. Независимые исследования социолога-рабочего

Текст доклада М. Седуновой на конференции «Общество и тоталитаризм: первая половина 80-х годов» (ноябрь 1998)⁴²

Темой моего выступления стал опыт независимых исследований социолога Андрея Николаевича Алексеева. Не являясь специалистом в области социологии, я попытаюсь высказать некоторые соображения, касающиеся исторического аспекта феномена такого рода деятельности.

Основой выступления стали, главным образом, опубликованные и не опубликованные **документы**, а также устные комментарии самого А. Н., которого я очень благодарю.

Коротко о фактической стороне дела.

В конце 1978 г. группой авторов, в которую входил А.⁴³, а роль «идеолога» играл М. Я. Гейтер, была разработана экспертно-прогностическая методика-анкета «Ожидаете ли Вы перемен?». В течение 1979—80 гг. по ней было опрошено 45 человек из ближайшего круга знакомых А.

В январе 1980 г. старший научный сотрудник Института социально-экономических проблем АН СССР, кандидат философских наук А. переходит рабочим на завод «Полиграфмаш» для изучения изнутри жизни производственного коллектива. Это был не единственный прецедент такого рода, но с точки зрения профессиональных результатов исследований и общественного резонанса он представляется уникальным.

В течение двух лет А. одновременно оставался сотрудником Института — по совместительству.

Одно замечание. А. Н. называет экспериментом только «заводской» период своей деятельности. Мне же показалось правомерным включить в это понятие и предшествующий этап — то есть разработку упомянутой анкеты и опрос по ней (это явления одного порядка — независимые исследования). Тем более, что сам А. Н. называет эту анкету «своего рода прологом и историко-прогностическим фоном» [1, с. 24] к «заводскому» эксперименту.

В ходе осмысления рассматриваемого опыта я выделила несколько тем, на которых и хотела бы остановиться: 1) мотивация эксперимента; 2) «параметры» и степень независимости; 3) «цена» профессиональной свободы; 4) общественная значимость эксперимента.

1. Мотивация

Среди мотивов преодоления стереотипов деятельности советского ученого-социолога:

1) профессионально-исследовательский («Надоела эта имитация науки, пойду рабочим на завод,» — сказал А. Н. своему руководителю в институте проф. В. А. Ядову);

⁴² Конференция была организована НИЦ «Мемориал» (СПб), журналом «Звезда» и Музеем политической истории России, 28–29.11.98. Докладчик — научный сотрудник Гос. музея политической истории России Марина Викторовна Седунова.

⁴³ Здесь и далее в оригинале документа — фамилия.

- 2) экзистенциальный (связанный с необходимостью получения удовлетворения от работы, самоуважения и т. п.);
- 3) гражданский — сопутствовавший, на мой взгляд, любому более или менее общественно значимому поступку в советских условиях.

II. «Параметры» и степень независимости

Инициатором эксперимента была самостоятельно выбрана тематика исследования (часть ее — заводской эксперимент — формально можно считать санкционированным, поскольку А. оставался сотрудником ИСЭП АН СССР, по совместительству, но, замечу, что эксперимент продолжался и после того, как исследователь был из института уволен); разработана собственная методика; результаты не были заданы заранее — ни извне, ни внутренним ощущением конъюнктуры, — а отвечали лишь действительным задачам социологической науки — объективно отражать реальные социальные процессы.

Объектом исследований стали наиболее характерные для советского общества конца 1970-х — начала 1980-х гг. противоречивые явления и процессы, добросовестное изучение которых было изначально делом рискованным и опасным.

Анкета «Ожидаете ли Вы перемен?» и проведенный по ней опрос вместо того, чтобы подтвердить устойчивость и бесконфликтность наших общественных отношений, отразили кризисное состояние политической системы и экономической ситуации в стране. В одном из интервью перспективы исторического развития страны были спрогнозированы очень близко к реальному ходу событий второй половины 1980-х гг. [2, с. 133-144].⁴⁴

В центре внимания социолога в роли рабочего оказались наиболее актуальные проблемы современной производственной жизни: инновационные процессы, связанные с внедрением новых технологий и оборудования, с организацией бригадных форм труда, а также проблемы реализации потенциалов личности работника.

Особую роль в ходе эксперимента по изучению производственной жизни сыграл разработанный самим А. Н. метод, названный им «наблюдающим участием». Началом и условием этого метода и явился переход А. на постоянную работу на завод. В отличие от уже известного в социологии метода «включенного наблюдения», он характеризуется тем, что исследователь не просто погружается в исследуемую социальную среду и пассивно наблюдает за происходящим, а деятельно вмешивается в течение жизни, даже намеренно заостряет, моделирует ситуации, несущие какую-то социальную «нагрузку».

Именно этот метод предоставил социологу-рабочему широкие возможности для изучения реалий производственной жизни.

⁴⁴ Имеется в виду экспертный лист А. С. Соснина («Невельцева»). См. в томе 1 настоящей книги: приложение 1 к главе 1.

В ходе эксперимента А. Н. выявил и осмыслил комплекс социальных проблем производства, сильно отличающийся от пропагандированных успехов и идеализированного образа рабочего. Свои наблюдения и размышления, складывающиеся в живую картину противоречивой и подчас парадоксальной производственной жизни, он изложил в созданном им «свободном» жанре «Писем любимым женщинам». А. делает вывод о том, что основой производственных взаимоотношений стала так называемая формула разгильдяйства («незаинтересованность» + «некомпетентность» + «безответственность»), определяемая им как системное, социальное качество [1, с. 94, 95].

В «Письмах...» приводятся красноречивые примеры действия этой формулы. Один из них: увлекательная история о длившейся целый год починке наладчиком А. (заменившим при этом ремонтные, технологические и иные службы) уникального координатно-револьверного пресса, который столько же времени простаивал до ремонта. Другой пример: суета на заводе перед приездом начальника из министерства, в ходе которой было сделано «немало полезных дел» — очищен от мусора и готовых изделий цех, убран из-под снега стоявший на улице новый дорогостоящий станок и т. д. Любопытно замечание социолога по поводу «деловой и беззлой» реакции на этот спектакль его товарищей-рабочих: «Политика партии!» [1, с. 177].

Не обошел вниманием А. и показуху социалистического соревнования [1, с. 127-128]. Особое место в «Письмах...» занимает рождающая ассоциации «притча о генеральной линейке», к которой, не замечая ее дефекта (кривизны), подгонялись остальные детали станка [1, с. 147-154].

Научное осмысление более общего характера наблюдения социолога получили в научных статьях, главная из которых — «Человек в системе реальных производственных отношений (опыт экспериментальной социологии)». (Мне кажется, что под влиянием результатов опроса по анкете ситуация на производстве рассматривается здесь как частный случай противоречий более общего характера).

В качестве основной причины неблагополучия автор называет расголосование общественных и личных интересов в системе производственных отношений. Один из важнейших выводов исследования — о снижении ценностных ориентаций работника, о срабатывании стереотипов поведения по принципу: «иначе не проживешь», «как все, так и я» и т. п. [1, с. 339].

Разделяя позиции экономической школы Т. И. Заславской, А. видит выход из такого положения в совершенствовании хозяйственного механизма и развитии демократических начал в управлении производством. Но главное достижение, на мой взгляд, в другом: автор убедительно показывает, что предпринимаемые меры по совершенствованию этого механизма адаптируются в производственной среде, инновационные процессы не эффективны [1, с. 354].

В целом же исследователь остается в рамках марксистской парадигмы — вывода о несовместимости элементов нового хозяйственного механизма со старой системой социальных норм он не делает.

Приведенная краткая характеристика предпринятых А. исследований уже дает, на мой взгляд, основание говорить, что степень свободы учебного была достаточно высокой. Но надо иметь в виду, конечно, что часть эксперимента, в целях самосохранения, носила «закрытый» характер. Это, однако, не означает, что в научных статьях или публичных обсуждениях отчетов А. в институте (они проходили регулярно первые два года его совместительства) он лукавил. В статьях наблюдения и выводы просто облечены в строгие научные формулировки, а мысли — те же, что и в «Письмах».

Что же касается обсуждений в ИСЭПе, то проблемы производственной жизни представляли там в не менее неприкрытом и неприглядном виде.

Л. Графова в своей статье «Преодоление пределов», опубликованной в «Литературной газете» в 1987 г., пишет об этих обсуждениях:

«Они регулярно вызывали бурю. В чинную атмосферу запретов и полудоговоренностей из его искренних отчетов врывается живая, взъерошенная действительность со своими насущными вопросами, касаться которых науке было тогда нельзя» [1, с. 573].

III. Цена профессиональной свободы

И все же степень свободы оказалась не безграничной.

Стремление к научной объективности не могло не привести к столкновению с властными структурами. В начале 1982 г. А. Н. был уволен из академического института — под видом сокращения штатов. А в сентябре 1983 г. после того, как в руки сотрудников госбезопасности попал один из листков экспертного опроса («Ожидаете ли вы перемен?»), на квартире Алексева был произведен обыск (а через некоторое время, можно предполагать, и второй: дверь в квартиру была взломана, квартира разгромлена, но ничего не пропало [3, с. 12]).

Результатом обыска, а также «бесед» со знакомыми А., стало не уголовное дело, а так называемая мера профилактического воздействия — официальное предостережение органов госбезопасности (январь 1984 г.). На основании его во все общественные организации, в которых состоял Алексеев, была разослана справка УКГБ ЛО «В отношении Алексева А. Н.». Следствием этого стало растянувшееся на два года исключение социолога-рабочего из КПСС, Союза журналистов, Советской социологической ассоциации.

Таким образом, можно считать, что наказанию был придан общественный характер. Однако эти санкции не остановили продолжавшегося и дальше эксперимента.

Несколько соображений о том, почему дело ограничилось со стороны КГБ этой минимальной мерой пресечения. Основными обвинениями в

адрес А. в справке стали: 1) Анкета-методика «Ожидаете ли Вы перемен?», 2) «Письма любимым женщинам», 3) хранение и распространение «там-издата», 4) нарушение правил работы с документами ДСП (А. Н. размножил и распространил один из докладов Т. И. Заславской).

В отношении методики была отмечена ее «несанкционированность» партийными органами и администрацией ИСЭП», а также то, что «вопросы анкеты... и методологический комментарий к ней носили тенденциозный характер и были построены таким образом, чтобы получить негативные ответы о состоянии и перспективах развития советского общества» [4, с. 2].

По поводу «Писем...», названных статьями, было сказано следующее:

«...он в иноказательной форме допускает измышления о генеральной линии партии, с клеветнических позиций оценивает советскую пропаганду, оскорбительно отзываясь о рабочем классе» [4, с. 2].

Мне кажется также любопытным и уместным привести и более поздние оценки деятельности А., в частности, сделанные экспертом В.Г. Комаровым, деканом факультета журналистики ЛГУ. Он пишет:

А. Н. «... произвольно подгоняет частные недостатки на производстве в одном из лучших ленинградских предприятий под предвзятые и огульные негативные характеристики нашей экономики в целом и системы управления ею» [1, с. 560].

По поводу опроса «Ожидаете ли Вы перемен?» В. Г. Комаров отмечает, что опрос проводился среди знакомых, «большинство из которых не имеет устойчивых политических принципов и минимальной компетенции в оценке общественно-политических явлений» [1, с. 560].

Приведенные цитаты, на мой взгляд, говорят о достаточно серьезных обвинениях. Четких юридических критериев политических статей Уголовного кодекса, как известно, не существовало — органы госбезопасности трактовали их достаточно произвольно. Судя по некоторым приговорам начала 1980-х гг., политически окрашенный авторский самиздат А. мог стать и «клеветой» (ст. 190/1), и «антисоветской пропагандой» (ст. 70).

Почему же этого не случилось?

Во-первых, сам текст анкеты так и не был обнаружен, равно как и опросные листы (даже не знали их общее количество, тем более — содержание).⁴⁵ Во-вторых, «Письма» формально были личной перепиской и не распространялись широко. В-третьих, упомянутый в справке УКГБ ЛО «тамиздат» (произведения А. Зиновьева) при обыске обнаружен не был.

Кроме того, имели значение, я думаю, и следующие моменты (их можно рассматривать также и в качестве причин, почему эксперимент вообще мог состояться):

1) Человек занимался не политической, а своей профессиональной деятельностью.

⁴⁵ Здесь М. С. допускает неточность: в отличие от записей интервью, текст самого вопросника «Ожидаете ли Вы перемен?» Управление КГБ по Ленинградской области сумело заполучить.

2) Сыграли роль теоретические воззрения А. Н. и его активная открытая позиция в отстаивании своей правоты.

Несмотря на обвинения в эклектизме идейных установок и в ревизионизме, А. не был противником коммунистической идеологии, тем более — диссидентом. Он был — за реформирование социалистической системы, а не за ее замену. Будучи коммунистом, он открыто говорил о бедах и недостатках на партийных собраниях, в отстаивании своей позиции апеллировал не к кому-нибудь, а к партийным инстанциям.

Известно, что после смерти Брежнева еще больше стали говорить об экономических реформах, о необходимости совершенствовать производственные отношения, о «человеческом» факторе (в частности, на ноябрьском Пленуме ЦК 1983 г.). Таким образом, позиция А. вписывалась в такой пропагандистский поворот.

Может быть, в глазах партийных функционеров А. Н. представлял правдолюбом-идеалистом, «белой вороной», но «своей». Может быть, поэтому так долго тянулась история с исключениями — не знали, как относиться к этому «не легкому» случаю.

И еще один момент — «время». Оно уже менялось. И с 1985-86 гг., когда А. Н. еще боролся за свои взгляды, уже пошла «раскрутка» в обратном направлении, закончившаяся восстановлением всюду (позже из КПСС А. вышел уже сам).

IV. Общественная значимость эксперимента

В заключение, коротко о профессиональной и общественной значимости эксперимента, которые очень трудно разграничить:

1) Представляет интерес исследование общественного мнения в определенных кругах общества, предвидевших перемены.

2) Неоценим материал, отражающий социальные проблемы производства, в том числе, вероятно, для практического использования уже в сегодняшних условиях.

3) Опыт А. был направлен против идеологизации и мифологизации хода общественного развития. Не будучи формально идейным противником власти, он стал идеологическим отступником: посягнул на монополию власти на формирование общественного сознания.

Перефразируя известную мысль: если человек искренен и честен, то независимо от его желаний и взглядов он будет близок к правде жизни. В этом смысле, наверное, опыт А. Н. можно назвать формой опосредованного противостояния режиму — своеобразным «профессиональным» протестом.

4) Рассматривать такого рода протест, я думаю, надо не как частный случай, а в более широком аспекте — в контексте не вполне подконтрольных власти разнообразных открытых форм социальной активности, характерных как раз для первой половины 1980-х гг.

Развитие самой разной инициативы в это время вызывалось к жизни, главным образом, не политическими убеждениями, а желанием людей решать какие-то свои личные конкретные проблемы — профессиональные, психологические и т. д. Такой сдвиг от монолитной структуры советского общества (опоры авторитарной власти) к общественной дифференциации, сужавшей рамки контролируемого общественного пространства, и привел, наверно, в конечном итоге к неустойчивости и разрушению властной и политической системы в целом.

Открытость этого противостояния имела принципиальное значение. «Алексеев фактом своего противостояния помогал мне избавиться от страха», — высказывание одного из «самых благополучных» друзей А., которое приводит Л. Графова в своей статье «Преодоление пределов» [1, с. 574].

5) Эксперимент имел также и правозащитный (самозащитный) характер, важный больше для самого автора: человек отстаивал свое право на профессиональную свободу, на собственный выбор, на «свою жизнь».

Общественную значимость этот момент приобретает еще и потому, что в данном случае выбор «своей жизни» был неразрывно связан с такими понятиями, как честь, достоинство, свобода, совесть.

Источники

1. Алексеев А. Н. *Драматическая социология (эксперимент социолога-рабочего)*. Кн. 1-2. М., 1997.

2. Ожидали ли перемен? (Из материалов экспертного опроса рубежа 70—80-х гг.). Кн. 1-2. М., 1991.

3. Алексеев А. Н. *Записка для ЦК КПСС «Научно-практический эксперимент социолога-рабочего и его общественно-политические уроки»*. Январь-апрель 1986 г.

4. Справка «В отношении Алексева А. Н.» ГМП ИР⁴⁶, Ф II, № ВС-8611. М. Седунова, ноябрь 1998

22.14. Поэма «Не только о себе»

Э. Ракитская — А. Алексееву (ноябрь 1982)

Дорогой Андрей Николаевич!

<...> Я все время о Вас вспоминаю, и М. мне о Вас рассказывает. Вы делаете большое и нужное дело <...>. Когда я прочитала Ваше обращение к коллегам-социологам (о дневнике), то мне даже захотелось самой провести такое наблюдение. Я работаю в больнице медсестрой. <...> Но мужества работать так, как все медсестры <...>, на полторы ставки, у меня нет. Я работаю на полставки, а остальное время посвящаю поэзии и детям.

Псылаю Вам свою поэму. Это мое первое большое произведение, и написано оно, к тому же, белыми стихами. Мне очень интересно узнать Ваше

⁴⁶ Государственный музей политической истории России.

мнение о поэме, потому что поэма о Ленинграде, и даже не столько о Ленинграде, сколько о Вас. И о моем восприятии всего этого.

<...> Я надеюсь, что Вы снисходительно оцените мое восприятие Вас и Вашей семьи — может быть, я не все отразила точно. <...>

С искренним уважением <...>, Эвелина
(Москва, ноябрь 1982)

Ремарка: еще одна версия...

Не без смущения я тогда ответил, что стихи безусловно хороши.

Оказавшись двадцать с лишним лет назад, волею обстоятельств, одним из «героев» (прототипов?) ранней поэмы Э. Ракитской, называвшейся «Не только о себе», я сегодня, признаться, не без колебаний, решил вставить извлечения из этой поэмы в настоящую книгу.

Да, была и такая «версия» эксперимента социолога-рабочего (на несколько лет опередившая его позднейшие апологии), вылившаяся в стихи талантливого молодого поэта... (Март 2001 — май 2005).

* * *

Из поэмы Э. Ракитской «Не только о себе» (1982)

И случилось чудо:

приняли в «Асторию»...

В непрестижный корпус,

бывший «Англетер».

Там за стенкой ночью финны

веселятся как грузины,

И смеется громко-громко

Молодежь из ГДР.

До поздна бродить я буду

в понимающем тумане,

за собой таская старый,

зато модный «дипломат».

Прошлый запах Петербурга

отличать от напускного.

А пальто на мне такое,

словно денег нет в кармане.

Их и правда нет в кармане.

И вахтер мне скажет: «Стойте!

Посторонних поздно ночью

не положено пускать».

И порывшись где-то в сумке,

извлеку на свет я пропуск,

и вахтер вздохнет тоскливо

и отступит от дверей.

И подумает: «Зачем-то

поселяют тут сопливых,

невнушительного вида.

А потом — пойдй проверь!»

А погода будет скверной,

ноги будут очень мерзнуть,

как обычно, хриплый кашель

будет горло раздирать...
И пройдясь по Эрмитажу,
я направлюсь в магазины —
в магазинах интересней:
можно помечтать, подумать.

Если денег не хватает,
глаз бывает очень зорким.
Видишь все, что продается,
что неплохо бы купить.
И добротнo и красиво,
если денег сколько хочешь...
Просто так, придти и выбрать
из того, что в магазине
(да, в советском магазине!)
продается каждый день.

<...>
Гордый шпиль Адмиралтейства!
Он нисколько не волнуется.

Никаких эмоций нету
возле арок и дворцов
Все похоже на открытку —
неродное, неживое,
только изредка как будто
призрак чей-то шевельнется,
но в толпе исчезнет сразу,
рукавом закрыв лицо...
Здесь ходили декабристы,
то есть ездили в каретах.
Их увидеть очень трудно,
ничего не помня, кроме
бакенбардов и усов.
А вести беседу с ними
можно только в Тропарево,
возле самой «Польской моды»,
только было бы о чем.

Вечерами Достоевский
иногда ко мне заходит
и беседует со мною
о моей неверной жизни.
А потом под впечатленьем
этих мудрых наставлений
я пишу такие вещи,
о которых постеснялись бы
другие даже думать.
С добросовестностью дуры
я со дна души хватаю
образы. Но мелкость рифмы
делает все просто пошлой
самокритикой. Не больше.

Из окошка вид приятный

грязно-серый открывался:
двор и черный ход какой-то,
груда ящиков гнилых.
Как ни странно, этот дворик
был мне ближе и понятней,
чем холодная и злая,
снобствующая Нева.

И у Пушкина в квартире
не бывала я ни разу.
Там, конечно, всем известный
и прославленный музей,
но мне кажется все время,
что сейчас живет он где-то
Между «Варной» и «Ядром»,
у конечной остановки
красной линии метро.⁴⁷
Только он ко мне не ходит —
тут ему не интересно
и заранее известно,
что могу я написать.

<...>
Никого я не читала,
ничего я не слыхала,
но, в отличие от многих,
этим вовсе не горжусь.
А чем больше я читаю,
тем становится яснее,
что моих стихов не может
кто-то за меня создать.
Вот, казалось бы, повисла
между чьих-то легких строчек
часть меня. Еще немного — и...
но дальше не о том.

Сколько же всего поэтов
существует на планете?
Очень много, И не стоит
возмущаться. Хватит всем
счастья, горечи, сомнений,
боли тех, кто сам не пишет,
тех, кто может жить спокойно
и смотреть на вещи просто,
опухающую сложность
перепоручив поэту,
чтобы тот, чужое горе
абсорбируя как губка,
вместе с кровью на бумагу
выжимал глубокой ночью

⁴⁷ «Дорогой А. Н.! Если Вы не в курсе, то Теплый стан и Тропарево — наши новые районы. Считается, что там живет интеллигенция. «Польская мода», «Ядран» и «Варна» — модные магазины. А мы живем в Тропарево... Э. Р».

и над пропастью повиснув
 (в этот час бывает счастье),
 выпил чаю с бутербродом,
 засыпая за столом.
 А проснувшись, ты увидишь,
 что была не пропасть — лужа...
 Вот когда бывает страшно!
 И посуда не помыта,
 и на кухне тараканы,
 и стихи — сплошная дрянь...
 Но и следующей ночью
 все сначала повторится.
 Я люблю бродить и думать
 не в пустом уединенье,
 не у гордых монументов,
 а среди киосков шумных,
 там, где очередь томится.
 Перекинешься ухмылкой
 с женщиной, стоящей рядом:
 дескать, снова продавщица
 за кулисами исчезла,
 ей плевать, что люди ждут!
 А мужчина, что за мною,
 возразит тогда на это,
 что тяжелая работа —
 за прилавком каждый день.
 А старушка перед нами
 глубоко вздохнет и молвит:
 «Молодежь теперь не хочет
 ни работать, ни учиться...»
 И невидимое братство
 в очереди воцарится...
 Но покупку приобретший
 прочь идет, не оглянувшись.
 Вот шампунь, а вот помада.
 Даже детские колготки.
 Значит все-таки добились,
 чтоб их больше выпускали,
 Покупай шампунь и будут
 волосы чудесно пахнуть,
 ярким, мягким блеском виться,
 если купишь бигуди.
 А мои густые космы,
 неподвластные расческе,
 сами выются мелким бесом
 и нельзя их уложить,
 темы выются, рифмы бьются
 средь обилия прохожих,
 не рифмуется с закатом
 суета на остановках,
 И весенний серый ветер

будто феном, но холодным
 округляет, огрубляет
 все амбиции мои...

Ленинградский Социолог
 пригласил на вечер в гости
 нас. Меня и Журналиста.
 Чтобы в тихой обстановке
 побеседовать о жизни.

Социолог жил в районе
 новом, бело-рафинадном.

У него уже сидели
 три или четыре гостя:
 физик, химик, математик,
 математика жена —
 зав. каким-то образцово-
 показательным детсадом.

А седой хозяин встретил
 нас в потертых (нет не джинсах!) —
 в старых тапках и потертых
 тренировочных штанах.

<...>

Социолог был рабочим.
 Он работал на заводе,
 получая в месяц где-то
 сотни полторы рублей.

Да еще свои полставки
 получал он в институте,
 и поэтому отчеты
 о проделанной работе
 он писал, придя с завода,
 засыпая за столом.

Он хотел познать на деле,
 почему Нечестность может
 в дефицитно-сладком блеске
 щеголять и процветать,
 он хотел узнать причины
 скомканности Вечных истин,
 он хотел глазами видеть
 благородство, пьянство, трусость
 тех людей, что шли когда-то
 штурмовать большой дворец.

Горе, веру и надежды
 их он впитывал как губка,
 а потом глубокой ночью
 он писал, и кровь струилась
 из-под шариковой ручки...
 А проснувшись шел на смену,
 и чернели под глазами
 два больших опухших круга,
 словно темные очки.

Ремарка: «Здравствуйте, Эвелина!»

Помнится, эта поэма, как бы мне посвященная (ну, разумеется, не только «обо мне!»), меня самого — который даже в юности не сочинял стихов — воодушевила (сподвигла?) на рифмованную эпиграмму⁴⁸, которую тогда послал милой Эвелине (соображаю, что лет ей в ту пору было чуть больше 20; моей дочери, кстати, ровесница...).

После мы переписывались⁴⁹, изредка встречались (когда я оказывался в Москве). Эвелина, вскоре ставшая студенткой Литературного института им. Горького, иногда присылала герою своей первой поэмы новые стихи; я же — увы, мог «развлечь» автора поэмы только известными читателю этой книги материалами «дела» социолога-рабочего, разворачивавшегося как раз в те годы.⁵⁰

В ноябре 1986 г. именно Эвелина согласилась быть моим «ассистентом», незаметно протоколировавшим то самое заседание народного суда в Москве, в котором социологу-испытателю довелось выиграть дело о защите чести и достоинства у секретариата Советской социологической ассоциации.⁵¹

Потом (рубезж 80—90-х гг.) наши с Э. Р. контакты стали как-то реже; пожалуй, чаще я тогда общался с ее родителями — Борисом Васильевичем и Галиной Яковлевной Ракитскими, с которыми сблизили общественные дела и профессиональные интересы. Б. В. и Г. Я. оба — специалисты в области экономики и социологии труда, оба — подвижники в деле просветительства и научной помощи рабочему и профсоюзному движению.⁵²

...Прошло больше 10 лет с нашей последней встречи. Как теперь узнать друг о друге? Можно через Интернет...

Вот там и нашел: и современную фотографию той самой «девочки» из 80-х (впрочем уже тогда мамы двух — ныне взрослых — дочерей), и краткую автобиографию, и библиографию (публикации в журналах — и известных мне «толстых», и неведомых мне новых российских и зарубежных), и сведения о принадлежности Э. Р. к жюри или коллегиям номинаторов неких престижных литературных премий. А еще Эвелина Ракитская, оказывается, «один из двух учредителей издательского содружества Э.Р.А, существующего с 1999 года и издавшего более 350 книг авторов из разных стран».⁵³

⁴⁸ Эпиграмма (то ли на самого себя, то ли на поэму Э. Р. «Не только о себе»:

«Сию, облаканный, в венке, / То ли в лавровом, то ль в терновом. / Уже слыву пророком новым. / И все — за полтораэта рэ!» (1982). В пору мифологизации эксперимента социолога-рабочего (конец 80-х) автор мог бы сказать на этот счет: «Прозорливо, однако».

⁴⁹ Из моего письма:

«Дорогая Эвелина! Я счел своим приятным долгом составить эту “опись” имеющихся у меня Ваших стихов, хотя бы для того, чтобы не нарушить их хронологического порядка, случайно перепутав страницы. Может и Вам пригодится. Доброго Вам пути! Андр. Ал., 13.02.83»

⁵⁰ См. ранее, том 2 настоящей книги.

⁵¹ Об этом судебном процессе 1986 г. см. ранее, в томе 3 настоящей книги: глава 13.

⁵² Г. Я. Ракитская и Б. В. Ракитский — соучредители Школы трудовой демократии, осуществляющей важные просветительские и консультационные функции по отношению к активистам рабочего движения и независимым (альтернативным) профсоюзам в России. Г. Я. — директор названной Школы; Б. В. — учредитель, главный редактор и издатель печатаемой на собственном ризографе (впрочем, официально зарегистрированной) газеты «Рабочая политика» (на титуле — кредо редактора и издателя: «Рабочая политика есть мера человеческого достоинства и гражданской ответственности рабочего человека и рабочего класса»).

⁵³ <www.litera.ru/slova/rakitskaya>

В современном творческом самоотчете Э. Ракитской на сайте «Сетевая словесность» нахожу стихи не только последних лет — произведения «зрелого мастера» (как сказал бы иной рецензент), но и периода студенчества (1980-е гг.), сохранившиеся также и в моем архиве. Они трогали и завораживали тогда — своей прозрачностью, обнаженностью чувства и совершенно особой интонацией, а и теперь производят на меня не менее сильное впечатление!

Я включил в этот том своей книги (являющийся своего рода антологией) еще несколько стихотворений Эвелины Ракитской середины 80-х гг. — см. в приложениях к этой главе.

Сейчас же закончу ремарку словами, с которых начал: «Здравствуйте, Эвелина!». (Май 2005).

* * *

От автора — сегодня

Здесь представлен широкий и, можно сказать, противоречивый спектр взглядов, позиций, интерпретаций как самого эксперимента социолога-рабочего, так и его отображения в авторских публикациях, предшествовавших настоящей книге. Автор предпочитает воздержаться здесь от комментариев. Ограничусь лишь одним существенным замечанием.

Каждую из этих «версий» следует воспринимать с учетом ее датировки, т. е. в историческом контексте. Недостаток объективности, односторонность нетрудно усмотреть как в «обличениях», так и в «панегириках» (в адрес социолога-испытателя), порожденных разными обстоятельствами места и времени.

Но — «что сказано, то сказано». Так же как: «Что было, то было».

Адекватная характеристика реальному феномену может быть извлечена из диалога и сопоставления разных точек зрения, включая диаметрально противоположные. Читателю предоставляется возможность сложить свою собственную версию. (Март 2001).

* * *

...Все это избавляет тебя (читатель. — А. А.) лстыть моему герою и освобождает от каких бы то ни было обязательств, — следовательно, ты можешь говорить об этой истории все, что тебе вздумается, не боясь, что тебя осудят, если ты станешь хулить ее, или же наградят, если похвалишь. Единственно, чего бы я желал, это чтобы она предстала перед тобой ничем не запятнанная и нагая...

М. Сервантес (Из пролога к «Дон Кихоту»)

Приложения к главе 22

П.22.1. «Я буду читать твои заключения и писать о своих...» («Письмо-дневник» Ольги Старовойтовой)

...Пока человек не освободился еще от своего Двойника, он, собственно, и не имеет еще собеседника, а говорит и бредит сам с собою; и лишь тогда, когда он пробьет скорлупу и поставит центр тяготения **на лице другого**, он получает впервые Собеседника. **Двойник умирает, чтоб дать место собеседнику. Собеседник же, т. е. лицо другого человека, открывается таким, каким я его заслужил всем моим прошлым и тем, что я есть сейчас...**

А. А. Ухтомский (Из письма к Е. И. Бронштейн-Шур. 1927)

Ремарка: заслуженный собеседник.

*Можно заметить, что большинству приведенных выше «версий» эксперимента социолога-рабочего свойственно решительное преобладание либо **согласия** (признания), либо **несогласия** (хулы) по отношению к автору (актору). Пожалуй, это связано с их (версий) происхождением, с конкретной исторической ситуацией, со «сверхзадачей» каждого отдельного текста. Но чем дальше во времени, тем больше стирается «злоба дня», угасают научные, производственные, политические, да просто человеческие — страсти. И на первый план выходит поиск смысла, сути.*

*Отчасти эту поисковую задачу взял на себя сам автор настоящей книги («...социологическая ауторефлексия»). Но — только **в диалоге** («со-беседовании») с заинтересованным читателем может быть достигнут **желанный результат постижения**.*

...Здесь приведу еще один отклик (клич в ответ?..), возникший недавно. Он отличается как непосредственностью восприятия только что прочитанных первых 2-х томов этой книги (вышедших в 2003 г.), так и личной погруженностью в ее сюжеты (ибо пишет со-участник тех далеких уже событий). Но есть здесь и нечто более важное и ценное для меня.

*Не похвала, и не критика (точнее — то и другое), но — **живое** впечатление, «**письмо-дневник**», какое и не снилось автору «Писем Любимым женщинам»... Автором же данного эссе является Ольга Васильевна Старовойтова (с которой мы дружны... сколько же лет? и не соображу!).*

*Вот, написал: «впечатление»... А ведь — и не так вовсе! Не впечатление, а — переживание. И со- и просто **переживание** собственной жизни — **в резонанс** с жизнью другого, других. И так все в этом тексте заслуженного (мною) собеседника густо замесилось, сложилось в целостность, что не-*

возможно делать извлечения: «из песни слова не выкинешь» (а выкинешь — так «испортишь песню»...).

Отважусь быть перво-публикатором этого замечательного произведения. Разрешаешь, Оля?¹ (Май 2003).

**Письмо-дневник О. Старовойтовой,
по ходу чтения книги А. Алексеева (май 2003)**

Дорогой Андрей! Привет!

Хочу Тебе рассказать, как я читаю твою ауторефлексию.

Начала читать сразу, как только Ты подарил мне этот двухтомник. Собиралась пролистать, почитать отдельные места...

Ан нет! Все подряд, помногу, с интересом!

Возникло желание отреагировать письменно. Может быть, потому, что Ты точно не дашь пропасть ни одной бумажке? Может быть, я хочу Тебя использовать как средство передвижения в некоторое бессмертие? Возможно. Это уже моя ауторефлексия.

Но все же, скорее всего, я действительно просто хочу ответить. В тексте встречается несколько попыток призвать то друзей, то коллег, то коллег-друзей тоже написать. Наверное, и этот призыв на меня подействовал.

В какой-то мере твоя жизнь — это вообще призыв. То ли «делай как я», то ли «подумай, как живешь»... Кроме того, это ведь и кусок моей жизни тоже!

Естественно, я буду писать Тебе искренне.

Иначе зачем?

Поэтому будут и восторги, и критика.

Окончательно решила отвечать, наткнувшись на текст Виктора Дудченко — где-то около пятисот тридцатой страницы первого тома. На удивление совпали мои и его впечатления. Например, в том месте, где возникает сюжет, связанный с Анри, мне тоже было наиболее интересно и эмоционально, и информационно. Тоже показалось, что вот-вот... А «жар-птицу» не схватил.

Отмечу, однако, что и в тексте Виктора произошла переключка: для меня в его сильном эмоциональном тексте тоже было нечто, вот-вот... Здорово, ну, еще... Ну-ну! А потом спад (уже в его тексте). Когда он пишет, как твои тексты сбиваются в стаи, у него идет такой накал, даже появляются «оскаленные пасти», или бешеная пена, или слюна (здесь Ты бы привел точную цитату и сделал точную ссылку, а вот я не буду, выражаю свое впечатление, которое осталось) и другие сильные выражения (здорово же Ты его достал!) а потом как-то «сдулся шарик»...

Наверное, такие взлеты (или разбеги перед несостоявшимся взлетом) будут и у меня, в этом письме.

¹ Разрешила. Спасибо!.. (Июнь 2003).

Сколько раз за те годы, за те 8 1/2 (помнишь настенную газету?) мне приходилось помогать Тебе множить на тонкой бумаге кучи текстов! Даже тайно хранила что-то, когда Тебя стали прихватывать... Это было интересно. Конечно, это было важно. Я, пожалуй, даже гордилась такой причастностью. Теперь, когда прошло столько лет, многие подробности уже были мною забыты. Отлично, что Ты со своим занудством все это сохранил. Кое-что я узнавала, как забытые родные черты. Как родной мне, например, кусочек напильника, который обломился и работал клином, сменил жизненную функцию. Возможно, он понял, что истощил свой потенциал в прежнем качестве. (Привет от Зигмунда!). Читая, я вспомнила, как Ты мне это рассказывал в то время. А притча о Генеральной линейке — вообще одна из вершин притчевого творчества. И не только имея в виду контекст генеральной линии партии. Это было бы примитивнее, хотя и то неплохо. По тем временам — ух! Даже непрошенные читатели оценили...

Но многозначность образа классная!

И вот любопытно, как по прошествии более двадцати лет воспринимается это теперь. Наверное, Тебе будет интересно мое восприятие, т. к. я как бы в основном «в курсе», а годы прошли. Так вот: эти части воспринимаются сейчас даже лучше, чем тогда, хотя, казалось бы, в то время это было гораздо более актуальным. Может быть, потому, что и я за это время сильно изменилась?

Сейчас, пожалуй, мне это еще более интересно, чем в те годы.

Знаешь, по ходу чтения не один раз возникали у меня вопросы: а как сейчас? Как вот с этим, вот с этим? Казалось бы, другая страна. Другие экономические базы. От баз — другие «мертвые зоны». А те же технологии? Те же глупые тетеньки?²

Вот на днях была опять на кладбище. Нужно рядом с Галиным памятником положить черную плиту того же камня, с надписью теми же буквами, но уже про папу. Который раз хожу! Экономические условия — лучше некуда. Никакого плана, никто не срезает расценки, все проще.

Плита есть. Нужно ровненько положить ее на бетон, и все дела. Техпроцесс отслеживать не надо. Замерять — на глазок. Достаю деньги из кошелька и сую их под нос: вот, сделайте, пожалуйста! Сколько? Договоримся. Прибавлю. Ну?..

Не хотят.

Лишь бы ни фигу не делать.

Очень интересно читать про взаимоотношения на заводе. Просто фильм хочется поставить, так живо описаны все персонажи. Это и с литературной точки зрения здорово написано. Документальная повесть.

² А — никуда не делись. «Все — на своем месте...». См. приложение 2 к главе 12 (текст Бори Максимова). (Здесь и далее — подстрочные примечания мои. — А. А.).

Опять же, интересно, что изменилось сейчас? Что-то у меня сильное подозрение, что существенно не изменилось ничего.

Может быть, Тебе подарить эту книгу Д. А. Гранину?³ Тем более, что там много напрямую его касающегося.

Но вот, переходя к этой линии, хочется высказаться по-другому. На мой взгляд, фиксирование бюджета времени — это ужасно.

А где у Тебя музыка? А где у Тебя любовь? Я же знаю, что Ты не машина. Личную гигиену отфиксировал. Однако где же место лени? Любованием чем-нибудь? Гедонизму? Где содержательное общение с дочерью? Потом с внуками? Почему-то мне не хочется даже подбирать здесь более деликатные слова. Для человека, Тебя совсем не знающего, может возникнуть впечатление, что Ты какой-то жуткий комплексант, который всю жизнь оправдывает свое существование постоянным наращиванием усилий по интенсификации полезности времяпользования.⁴

Разве Ты испытываешь вину за то, что появился на свет? Зная Тебя, это представляется странным. Я хорошо помню Тебя именно в те годы, когда мы регулярно общались, когда Ты даже какое-то время пребывал у нас с Аликом на Ленинском. И потом, в 1988-м, уже без него. Веселый, добрый. «В быту неприхотлив». И по текстам — столько тепла в некоторых письмах...

Очень приятно было прочесть в Твоей анкете⁵, что своей жизнью Ты доволен вполне (или полностью — не помню). Это здорово, это редкость.

Но где же радости? Ты доволен тем, что не зря копотишь небо, а постоянно используешь время своей жизни рационально, со все возрастающей эффективностью?

Это заставило меня задуматься: неужели я такая жуткая лентяйка? Мне-то хорошо бывает часто и в безделье, совсем не скучно.⁶ Просто о чем-то думаю, просто что-то ощущаю. А когда удается что-то сделать конкретное — тогда бывает хорошо по-другому...

Наверное, я злобная вейсманистка-морганистка, и уж конечно фрейдистка точно злобная. Поэтому те твои со Светланой Минаковой рассуждения о стадиях, особенно о «плато» мне напомнили книжки о теории секса. (Помнишь шутку: открывая пособие по сексу, человек читает: «Введение»... И говорит: ну зачем же так прямолинейно...).

Ну, эта моя злобность совсем не злая. Наверное, есть универсальные стадии любого процесса: что всей жизни, что сексуального акта.

³ Уже подарил. Как раз на открытии памятника А. Д. Сахарову (5 мая 2003 г.), которое Ты ниже упоминаешь.

⁴ Насчет меня, может быть, и справедливо. В свое «оправдание»: лично меня на применение методики «Время жизни» больше, чем на три года, не хватило. А вот Любищев практиковал свою Систему учета, самоотчета и планирования жизненного времени **всю жизнь** (см. у Гранина). Уж его-то «комплексантом» не назовешь.

⁵ ...1982 года. Третий год «эксперимента социолога-рабочего» (см. в томе 2 настоящей книги: раздел 5 3).

⁶ Молодец! А может, это не безделье, а «работа души»?..

Да и правда — какая разница?⁷

В начале книжки несколько раздражали бесконечные ссылки, скобки внутри скобок, разъяснения, которые казались чрезмерными.

Здесь я совершенно согласна с Виктором [*В. П. Дудченко. — А. А.*] — тексты сбиваются в стаи, привлекают сообщников. Даже напоминает «разборки», когда зовут много «своих», «крутых», как бы демонстрируя силу...⁸

Очень понравились Твои эпитафии. Тоже была переключка: в те же годы я читала «Самшитовое дерево» [*«Самшитовый лес».* — *А. А./М. Анчарова* и тоже цитировала его в письмах. Примерно тогда же мне казалось, что *А. Швейцер* — почти идеал: вот и интеллеktуал, и жизнь для других...

Может быть, зря я писала письма только от руки, никогда не оставляла копий. Но для меня эпистолярный жанр был совершенно индивидуально адресованный, практически интимный. Теперь письма я пишу только на компьютере, адреса практически все электронные... Пожалуй, от этого что-то важное меняется. То, что написано рукой, своим единственным почерком, единственному адресату, как-то (трудновыразимо) не совсем подходит для электронной рассылки.

Это и моя аутореклексия, и, возможно, косвенный упрек, скорее, упрек-вопрос Тебе. А писал ли Ты письма, которые нельзя публиковать? Извини, но возникают сомнения. Надеюсь, что такие вопросы Ты не сочтешь хамством. Мне действительно трудно это представить и понять. Или Ты такой деликатный, что мне и не снилось, и все-все у Тебя по полной программе, просто **это** не подлежит изданию?⁹

<...> Сильное впечатление было от смены стиля текстов в книжке, когда Ты рассказываешь (документально, опять же) о своем «деле». Собственно, в этой части уж совсем документально. Вдруг мне показалось, что Ты такой другой...¹⁰ Конечно, это естественно. Одно дело писать, например, любимой также и мною Алле Назимовой, а другое дело — чужому дядьке из органов. И все же, все же... Показалось, что Ты сбросил обороты, даже малек прогнул генеральную свою линейку. Какие-то ссылки на пленумы, даже на Черненко... Я видела в этом, отчасти, вечный лозунг диссидентов — «соблюдайте вашу же конституцию», однако отчасти и крайне неприятную для меня попытку в чем-то оправдаться... Уговорить, упрощить.¹¹

⁷ Очень интересное наблюдение! Сексуальный акт как модель периода жизни...

⁸ Знаешь, меня тоже эти ссылки раздражали. Но вдруг читатель окажется еще «дотошнее» автора! Вот для такого читателя и ссылки. А другой их читать, понятно, не станет.

⁹ Разумеется, была «автоцензура» — в этой книжке. И купоры (<...>) в письмах делались порой вовсе не только для облегчения читательского восприятия. Другое дело, что в тех же «письмах-дневниках-отчетах» начала 80-х изначально сочетались элементы «коммуникации самому себе», «коммуникации для другого» и «коммуникации для других» (см. в томе 1 настоящей книги: раздел 4.5).

¹⁰ Нет. Тот же. Просто в разных ситуациях по-разному «раскрывается» и проявляется личность.

¹¹ Было, было! Читай мои современные «ремарки» на эту тему.

И вдруг — о, радость! И вдруг — я увидела **иронию**. Почувствовала, что Ты издеваешься над ними! Праздник.¹²

Ох, много я сейчас общаюсь с гэбульниками...

Расскажу.

Вот такие переходы в восприятии. Действительно, драматургия. Разительно!

Буду читать дальше, буду и писать дальше.

Пока.

4 мая 2003 г.

Что происходит в это время со мной — коротко расскажу.

Завтра — открытие памятника А. Д. Сахарову. Я, как обычно, в инициативной группе. Пишу пригласительные письма, обзваниваю разных персонажей, оповещаю СМИ. Советуюсь с Леоном Лазаревым, как и что... Он нахамил Ивану Уралову, главному художнику города. Подставляюсь примирить. Уговариваю Левона остыть, а сама поеду к Ивану Григорьевичу, скажу, что мы учтем его пожелания (по изменению памятника), сделаем потом... Прекрасно зная, что «потом» не будет. Или ишак сдохнет... По сути дела я согласна с Леоном, тем более что он автор. Добавлять какие-то орбиты с электронами — это все равно что если персонаж, изображаемый в скульптуре, врач, то непременно надо красный крест на лоб налепить... Это по сути. А по форме — нужен компромисс, вплоть до вранья. Наверное, для Тебя это почти совсем неприемлемо. А я вру. Правда, убеждена, что врать надо «близко к тексту».

Подбираю музыку для церемонии открытия памятника. Пытаюсь ее записывать, а с техникой у меня не очень... С третьего раза ночью записала.

Я начала знакомиться с материалами следствия по убийству Гали.

Вот по этим вопросам у меня есть все документы. С датами, с подписями. Все, как положено. Но здесь расскажу кратко. Года полтора назад я обратилась в Дзержинский районный суд с жалобой на ФСБ, следственная группа которого отказывает мне в ходатайствах по ознакомлению с материалами дела. В общем, это был своего рода прецедент: жалоба частного лица на ФСБ (по месту «жительства» этой организации). Но я это не «пиарила». Суд, понятное дело, отказал. Я — в городской суд. Прямо сутяга, ну вроде Тебя! Городской суд, тоже понятное дело, отказал. Мы это знали. Но зато после этого мы имели право обратиться в Конституционный Суд. Что и было сделано. Ответ был тоже такой, как и ожидалось: вы, барышня, ломитесь в открытую дверь. На новое ходатайство с приложенным определением КС следователи опять отказали

¹² Спасибо, что заметила. Но это тогда было — как «фига в кармане». Сам знаешь, а другие могут только догадываться. Не ухватишь!

под предлогом, что «ведь там же сказано, что можно обжаловать наш отказ в определенном порядке». А как же? Давно направила надзорную жалобу в Президиум городского суда и в прокуратуру.

Весело живу.

Допекла следаков. До решения начали знакомить. Как бы «идя навстречу». Конечно, я понимаю, что они не меня, а моего представителя бояться — ведь это сильно «любимый» ими Ю. М. Шмидт.

Наверное, Ты бы не стал так поступать. Дождался бы разрешения, узнал бы все нюансы, соблюдал бы все и с них бы все требовал по полной программе... Но вот я подумала и согласилась — время-то уходит! И нет у меня сил на такое.

Представь себе, сколько там материалов! Начала читать с постановлений о продлении дела. <...> Первые три «продления» пустые, повторяющиеся, общие слова, широкий невод. Забавно было только увидеть, что проверяли «мой бизнес». Они, дураки, не знают, что такое третий, бесприбыльный сектор. В следующих «продлениях» появляются новые фамилии, намечаются какие-то сюжеты. Вот это я записываю себе в тетрадку, буду запрашивать материалы по этим векторам.

Конечно, у следака в комнате стоит «ксерокс». Конечно, намекается, что пользоваться им не очень чтобы очень... Прямого отказа нет.

Поглядим. Пока делаю очень краткие выписки для себя. Потом с этими выписками буду советоваться с Ю. М.

Заканчивается четвертый ежегодный конкурс «Галатей», проводимый Фондом Галины Старовойтовой для «молодых талантов» Петербурга.

Прислали 20 работ. Половина — очевидно слабые. Самый строгий член жюри уже наставил единиц.

Я всё чаще задумываюсь, что работа «хранителем маяка» мне начинает прискучивать. Наверное, я устала от этих (уж совсем не свойственных моей природе!) телодвижений, общения со следователями. За эти годы я была в ФСБ раз тридцать.

Да, раз уж «расписалась»... Расскажу Тебе эпизод почти пятилетней давности. После убийства — первый протокол. Читаю. И что я вижу? Что-то вроде: «...быстро подойди к машине скорой помощи, я сломала дверь этого транспортного средства»... Это предлагается подписать, как будто «с моих слов записано верно». Поначалу, будучи неопытной, я пыталась объяснить, что как бы меня не так поняли, долго повторяя, как это было на самом деле. Почти бесполезно было рассказывать, что около дома в ту ночь стояли две машины «Скорой помощи», и когда я приехала, то бросилась к одной из них, спрашивая: «Здесь Старовойтова?». На что услышала ответ: «Нет, пожалуйста, осторожно, вы так дверь ломаете»... В протоколе были одни idiotские выражения и невообразимая куча орфографических ошибок. Когда я отказалась подписывать, меня спросили, совершенно искренне: но почему же?! Пришлось объяснить, что я всю жизнь ре-

дактирую разные тексты, но такого безграмотного мне еще не попадалось. Тем более, что мне приписывается его авторство...

Так что я тоже зануда.

В ответ они поиздевались надо мной — вернее сказать, «поизгалялись», как выражалась моя бабушка. Переписывали протокол около четырех часов. Делали перерывы.

Я ждала.

Ничего, дождалась. С тех пор того следователя я больше никогда не видела. Со мной стал «работать» руководитель следственной группы, на мой взгляд, настоящий профессионал. Он вполне «диалогоспособен».

Так вот, устала я от всего этого. Во что превратилась моя жизнь? Подать бы на кого-нибудь в суд за насильственное изменение содержания моей жизни. Только как? Крупный материальный иск? Кому адресовать?

Пора думать, что же дальше. Девушка уже в пенсионном возрасте, однако, не все возможные веточки дерева отсохли. Допустим, я вряд ли теперь нарожаю еще детей. А в остальном — да почти все что угодно! Иногда хочется все радикально поменять. Возможно, поменять квартиру (она у меня большущая) на однокомнатную и плюс что-то в пригороде. А, может быть, уехать в Англию, жить рядом с Платоном. Но это — наверное, на будущее. Это для меня более «стариковский» вариант. Да и вообще рассуждения о перемещениях в пространстве — это от усталости. Надо бы придумать что-то более интересное.

Нужно добиться окончательного формирования Указа президента <...> по увековечению памяти Гали, да еще и реализации этого указа. Нужно добиться продолжения следствия. Нужно выдержать суды.

Из дела № 55 (статья 277 — терроризм, вот, кстати, и формальный критерий политического убийства) сейчас выделяется дело под другим номером (по той же статье) в отношении арестованных исполнителей. А «основное» дело обещают не закрывать. На что и направлены мои основные усилия. Так вот, это «выделенное» дело реально доведут до суда к осени. Всякие «прокурорские» повторяют, что дело раскрыто. А я талдычу, что не раскрыто. И не должно быть, соответственно, закрыто. Ну, как это бросить? Никак.¹³

Ну вот, а я Тебе — про радости...

Опять пока.

Продолжу.

6 мая — продолжаю.

Вчера открыли памятник Сахарову.

¹³ Да, никак! Человек должен нести свой «крест», хоть сам на себя его взвалил, хоть он упал на него. В первом случае (если несет) он заслуживает уважения, во втором — восхищения (мое чувство к Тебе). — А. А.

Погода — специальная!

Устанавливали памятник накануне ночью, по-партизански, платили ментам за провоз через мост и вообще по городу.

Нечаянно подслушанный кусочек диалога двух женщин на площади Сахарова:

— Неужели тебе нравится? Он какой-то абстрактный...

— А ты что хочешь, чтобы Сахаров был такой же, как Ленин или Киров? Ничего, посмотри с разных сторон, привыкнешь.

Очень понравился мне Анри! [*Анри Абрамович Кетегат*. — А. А.]. Молодой, голубоглазый, энергичный, умный, какой-то давно «свой». Может быть, из-за того, что я прочла в Твоей книжке? Конечно, это сыграло роль. Однако думаю, что и без чтения я бы его заметила.

Продолжила чтение. Ответы на «ожидание перемен». <...> Совершенно ново для меня было розетовское «субъект-субъектное».

Конечно, мне трудно судить с точки зрения науки, но не вчера же я с дерева слезла, больше тридцати лет варюсь в этом бульоне. Почти сорок. По-моему, здорово!

Это вписывается и в твою драматургическую социологию. Да и вообще в то, что называется «суха теория, мой друг», имеет место в любой науке, даже в самых творческих ее областях. А при подходе Сергея — это совсем живое, **не отчужденное...**

Какие стихи у Сережи! [*Сергей Михайлович Розет*. — А. А.]

Хоть снимай свои «упреки» в Твой адрес по поводу жизненной гонки. Успеваешь, успеваешь! Я видела розетовские стихи, читала... После его смерти мне давал Юра Щеголев. Сразу после похорон. И тогда мне понравились тоже. Но потом — не возвращалась к ним. Видимо, недооценила.

Кстати, и Ты упоминаешь, что не сразу почувствовал.

Какой Ты молодец!

Тем более надо книжку передать Альфреду [*Альфред Альфредович Сарно*. — А. А.]. Сережа — его любимый друг. Он не перестает говорить об огромности потери.

И еще сильное впечатление было от текста по «ожиданию перемен», написанного Анри. Наверное, это самые интересные ответы по опроснику. Кроме того, что они на удивление точны в смысле прозорливости, мне представляется, что вообще о серьезных вещах писать вот в таком стиле — блестяще! Концентрировано, иронично и серьезно одновременно, пронизано контекстами, цитатами (даже не столько цитатами, сколько вводящими через цитатные намеки в контекст).

Анри! Обнимемся, брат! К тому же, в весьма серьезном анализе много личного, которое не мешает, а помогает. Очень умный и очень человеческий текст. Субъект-субъектный подход! Розетовская методология на

марше! Такой человек не даст интервьюеру, даже если это друг и единомышленник, сделать из себя исследуемый объект. При этом ему не надо сопротивляться, что ли, специально не позволять делать из себя что-то... Оно у него получается естественно!

Продолжаю, теперь уже 10 мая.

Сегодня меня прямо потянуло на Синопскую набережную. В Сережиных стихах как-то Парашютной улицы нет. Пошла туда. Искала его дом. Прошла «Ночлежку», сплошные автомобильные стоянки на другой стороне (за забором из металлической сетки), а за ними — Нева. Шла-шла, дошла до перекрестка, оказалось, что это Бакунина. По нему направо — к Неве. Так и нет на этой части гранитной набережной, как не было. Мне-то казалось, когда Сережа оттуда переезжал, там делали набережную. Наверное, часть сделали, а потом все остальное украли.

Нефтяные пятна есть. Все на месте. Труба такая же облупленная.

Мне помнится, что его дом был как-то во втором ряду, или во дворе, не фасадом на Синопскую... Не нашла. Перестроено что-то. Но в целом вид такой же, ободранный, помоечный. Персонажи (редкие прохожие) вызывают желание тоже написать о том, какие они неземные, что ли... Интересно, какой у них бюджет времяпользования?

Очень особый кусочек нашего города.

Вот и навестила Сережу.

Теперь, уже в оглавлении второго тома, я поняла, что буду писать еще более параллельно и о своих делах. У меня статус потерпевшего. И что Ты думаешь? Мы строили, строили... Как бы правовое государство. Кодекс, наконец, другой. Однако...

Я буду читать Твои злоключения и писать о своих.

Расскажу Тебе о попытке обыска у меня в квартире на Фонтанке. Это первая переключка, наиболее близкая к той Твоей ситуации.

К сожалению, до убийства Гали я не фиксировала дат. Наверное, очень глупо. Конечно, это можно восстановить, т. к. в тот день был 41 обыск. Мой, 42-й, не состоялся, чем я страшно горжусь. Я одна отбилась! Была прямо общегородская облава.

Видимо, это была ранняя весна 1998 г.

Вела я себя (от страха, конечно) совершенно по-хамски.

Расскажу совсем не документально. Как помню. Опыта не было, — не записала ничего. Теперь уже фиксирую. Ситуация другая.

Звонки в дверь раздались около 6 утра, — в это время я всегда очень крепко сплю. Уже много лет засыпаю около двух, иногда и позже, а спасаюсь тем, что утром сплю. Встаю, если нет крайней необходимости, в 10-11, и в таком случае чувствую себя вполне нормально.

Звонок у меня был совершенно дурацкий — меняющий 12 мелодий, достаточно идиотских. Например, «Тореадор». Все это бодро, громко,

долго... В полной уверенности, что в такое время могли нагрязнуть только родственники Алика (или из Вологодской области, или из Эстонии), я злобно решила их проучить. Опять не созвонившись, — что за дела! Сколько раз просила не врыватья. Просто годами. А тут еще и ситуация совсем другая: мы с Аликом уже расстались. <...> Эти мои (бывшие) родственники имели обыкновение нагрязнуть сразу «всем колхозом» — человек пять и еще парочка друзей...

В общем, не открываю. Пытаюсь спать дальше. Не получается. Тогда я ползу в ванную, нахожу кусочки ваты, затыкаю уши и все же в объятья Морфея проваливаюсь. Однако только на какое-то время. Уж очень настойчиво звонят. Потом стали и громыхать в дверь (металлическую). Тут я впервые сквозь дрему понимаю, что, кажется, это не родственники. Непохоже. Встаю. Тихонько подглядываю из-за края шторы во двор (как всегда, второй этаж). Вижу пару «ментовских» «газиков». И тут не беру в голову всерьез, что это «про меня». Какие-то мысли, что у соседней могло произойти что-то... Я их никого не знаю. Как-то с соседями я никогда по жизни не дружила, кроме «здрасьте» ничего... Знаю только, что квартира рядом со мной занята судьей, знаю, что она Татьяна и, по моим представлениям <...>. Однако где-то мелькает мысль, что она разберется, раз судья... А мне-то зачем?

Спать невозможно. Залезаю в душ. Звонки и стук усиливаются. Чтобы уменьшить этот терроризм, спрятаться от него включаю что-то из Моцарта — на всю катушку! Музыкальный центр у меня новый, классный. Включила так, что ничего больше не слышно не только мне, но и на весь квартал. Вскоре (одновременно сушу волосы) отрубается электричество. Остается только грохот двери, который усилился до чудовищного.

Наконец, совсем озверев, я подхожу к дверям и, если так можно выразиться, сообщаю: «Хватит ломиться! Раз не открываю, значит, не желаю! Я сейчас вызову милицию!!!».

А оттуда — «Это милиция! Откройте! Людмила Павловна!»

И вот — как же я забыла! Читала же! Всем советовала! «Не верь, не бойся, не проси!». Наверное, эта триада сработала бы во мне только в виде триады. Так как я пока не боялась, ничего не собиралась просить, то не сообразила, что первая часть триады была самой актуальной! Не верь!

Конечно, сработало то, что сейчас недоразумение прояснится, все, наконец, кончится...

Тут же соображаю, что Людмила Павловна — Линькова, мать Руслана, с которой мы и совершили жилищный обмен. Наконец-то сейчас они поймут, что не туда попали... Ведь я живу здесь всего несколько месяцев... Конечно, ошибка... А что же мог сделать Руслан? Что бы ни было, буду все отрицать. Ничего не знаю. Что, собственно, правда. Наезд на Галю?

Все это мелькает одномоментно.

В банном халате, почти нагишом, с мокрой головой, балда, открываю дверь...

На лестничной площадке (это примерно десятиметровый коридор) стоят семь злых мужиков (время — уже почти 10 утра), в камуфляже, с автоматами, пытаются войти, одновременно по рации кому-то говорят: открыла, не надо ломать... Ужас. Я чудовишно испугалась. Как в детстве — страх почти абсолютный. Но натура у меня в этом смысле забавная. Тут же страх принимает какой-то противоположный вид («форма превращенная»), и я начинаю вести себя абсолютно нагло, независимо и как бы «со знанием дела». Будучи человеком (до последнего времени) юридически неграмотным, я, видимо, обладаю природным чувством свободы и какими-то твердыми понятиями о правах человека. Базовыми, биологическими. Не помню я наизусть (тем более тогда, в жуткой ситуации) Декларацию прав человека. Но с детства ее чувствую, что ли. Группа крови такая.

И вот, представь себе картинку: мокрая, почти голая женщина говорит чужим уверенным голосом: «Стоп! Я вас в квартиру не пущу!». Встаю в дверях, твердо и уверенно. И они останавливаются!

Эти слова я помню четко.

Дальше — примерное изложение диалога по памяти.

— На каком основании?

— Ордер на обыск.

— Покажите. Да включите же электричество, с какой стати вы обесточили лестницу и квартиру?! Это тоже вам приказано? В каком документе записано?

(Включили). Читаю. Как жалко, что не сделала копию! Причем, я тогда соображала, что нужно скопировать. Но ситуация глупейшая! Пояс от халата я без света потеряла, держу полы халата, чтобы окончательно не обнажить свою вражескую сущность, руки заняты... Стою в дверях, чтобы никого не впустить... Запомнила примерно: бланк Генеральной прокуратуры, подпись первого заместителя генерального прокурора Катушева. Это точно. А текст примерно такой: «в квартире по адресу: наб. реки Фонтанки, дом <...>, кв. <...>, **могут находиться** — то ли вещи, то ли предметы — имеющие отношение к уголовному делу № такой-то» — не помню что еще... в общем, речь идет о «Русском видео».

Ну, соображаю, не Руська это. Раз Катушев — значит, бери выше. Тогда очень активно раскручивали дело Собчака. Может, это касается Гали, может, еще какого-нибудь Чубайса. В общем, что-то круто. Это очевидно. Как себя вести?

С одной стороны, я официально помощник депутата Г. В. Старовойтовой. Вроде как неприкосновенности никто не снимал. С другой стороны, может, они на нее и роют...

Плохо быть юридически неграмотным! А что, если я сделаю какую-нибудь глупость? Что, если будет шантаж? Плохо жить в неправом го-

сударстве!

Ужас обуял меня полностью. Биологически тоже. Но держалась я просто удивительно! Молодец. Интуитивно все делала правильно.

Твердо не пускаю.

— Ваши документы?

— А. В.¹⁴ такой-то (не записала фамилию, балда!). Старший следователь прокуратуры. Сейчас мы пригласим понятых и проведем осмотр помещения.

Беру его удостоверение, он неохотно выпускает из рук, и делаю вид, что записываю все данные. Наверное, записала действительно. Не помню. В это время продолжаю «беседу».

— Нет, вы действуете незаконно. Это моя частная собственность. Мой фамилии в ордере нет. Может быть, к вам придут и принесут бумагу, на которой написано, что в вашей квартире могут находиться вещи и предметы, имеющие отношение к делу диктатора Франко.

— Ну, вы преувеличиваете.

— Нисколько. Докажите мне обратное.

— У меня постановление на обыск.

— Значит, ваше начальство действует противозаконно. А вы не должны исполнять противоправных приказов. Кстати, почему вы начали звонить ко мне в квартиру до шести утра? Что, Берия воскрес?

— Ну, знаете, вы так разговариваете...

— Я умею разговаривать доброжелательно и вежливо. Но вас я не приглашала. Более того, я уверена, что вы не будете осматривать мою квартиру. Сейчас вы выйдете на лестницу, а я позвоню адвокату. (Одного этого А. В. я впустила в коридор квартиры, остальные ждут на лестнице, в нетерпении бья копытами).

— Не надо так с нами разговаривать. Ну, хватит. Где понятые?

— Нет, не хватит. Я помощник депутата Государственной Думы, и вы не имеете права ко мне врываться.

(А сама думаю — то ли я делаю?! А если это все наезд на Галю, то им того и надо, — вот, помощник, шас...).

— А что это у вас за печать на столе?

(Это он, вытягивая шею, углядел печать моего, — помнишь?, — «Интерлигала»).

— Я не будут отвечать на подобные вопросы.

— Ну, как же мы будем разговаривать?

— Да лучше бы никак. Но мы можем поговорить о сложившейся ситуации.

— А имеются у вас документы, указанные в ордере?

— В ордере указано, на мой взгляд, что-то совершенно марсианское, и у меня нет ответов.

¹⁴ Здесь и далее в оригинале — полные имя и отчество. Ольга попросила заменить их инициалами, поскольку не уверена, что запомнила правильно.

— Мы бы быстрее закончили, если бы вы сами предъявили документы и материалы.

— Я повторяю, что ко мне ваши проблемы не имеют ни малейшего отношения. Документ составлен очень странно. Что-то где-то может находиться. Причем тут я? Это моя квартира.

На лестничной площадке появляются понятые. Суют «старшому» паспорта. Совершенно в наглую я вырываю у него паспорта из руки, чтобы посмотреть и списать данные. Одновременно уверенно вещаю:

— Господа понятые, я считаю своим долгом предупредить вас, что я категорически возражаю против досмотра квартиры, сделаю все, чтобы этого не допустить, поэтому вы попадаете в крайне неприятную историю, последствия которой для вас я вскоре выясню у адвоката.

— Понятые тут не причем...

— Причем. Я вам очень не советую участвовать в противозаконном действии. Юридические последствия я уточню и сообщу вам, а об этической стороне дела судить вам — **для меня все абсолютно ясно**, уверяю вас.

Понятые струсили. Один дядечка даже сказал: «А разве мы обязаны? Мне вообще на работу пора...». Его проигнорировали, и он завял. Но я, стерва, тут же подхватила: «Да, на работе Вам трудно будет объяснить, как это вы согласились участвовать в противоправном действии». Он совсем заскучал...

Уверяю Тебя, что **мне было вообще ничего не ясно**. Я от страха всегда веду себя нагло и бессовестно. На самом деле, мне нужно было срочно связаться с Галей, связаться с Юрой Шмидтом и понять, что делать.

Физическая (географическая) диспозиция была тоже сложна, — хотелось бы, конечно, позвонить без них. Однако я уже готова была сделать это и при них, — но как? Телефона с переносной трубкой тогда не было. Впустить всю эту кодлу и идти к телефону на другой конец квартиры?

Ну, уж нет!

— А. В.! Пожалуйста, пройдите на кухню, а ваши товарищи должны подождать за дверью. Во-первых, мне нужно переодеться, во-вторых, мне необходимо срочно позвонить. Без этого разговор теряет смысл.

— Хорошо, только можно они зайдут в туалет?

— Нет, конечно!

— Почему?

— А если кто-то из вас мне наркотиков под плинтус сыпанет?

Ушли.

Впоследствии я обнаружила полностью залитую мочой лестницу. Трудно было выбрать место, куда поставить ногу. Ну, это уже меня веселило. Однако до ситуации с весельем прошло **так много** невыносимых часов! И потом я долго оглядывалась, подходя к дому: не даст ли мне кто-то из них по башке? Вовсе не из политических соображений, а что-

бы отомстить за бесчеловечное обращение. И еще был опасный пик издевательства. По прошествии нескольких часов, пока я звонила, отбивалась так и этак, при этом сама, конечно, просто беспрерывно курила, этот А. В. вежливо спросил: можно ли мне закурить? Я с видом королевы ответствовала: «Разумеется, нет». Во, зараза какова! А Ты все думаешь, что я маленькая девочка.

Набираю Шмидта. Никого. Мобильного тогда еще не было. Набираю Галю. Никого. Набираю Люду. Никого. Набираю Н. Н. — вторую помощницу Гали. Это такое существо: все «ах!», да «ах!», как на облаках живет. Обычно ее к серьезным делам не привлекали. Тут я говорю примерно такой текст (да еще и тоном соответствующим — для сидящего напротив А. В.):

— Н. Н.! Срочно найдите Галину Васильевну. Дело не терпит отлагательства. Езжайте к ней домой, куда угодно, срочно! Нужно срочно пресечь незаконное действие. Ко мне пришли сотрудники прокуратуры, отдела по борьбе с организованной преступностью, налоговой полиции, ФСБ и милиции. Они хотят проникнуть в мою квартиру с оружием. Я твердо намерена не допустить противоправных действий и, более того, мне необходимо, чтобы она связалась с генеральным прокурором, чтобы он принял соответствующие жесткие меры к своим сотрудникам... (Что-то в таком духе).

Та, бедная, наверное, сползла по стенке...

Предполагаю, что Тебе странно слышать (читать) такие слова в моем исполнении. Но, поверь мне, жизнь моя столь радикально изменилась, что я и сама удивляюсь! Я пишу почти дословно. Настолько, насколько позволяет память. Конечно, слова могли быть несколько другими, но общий тон — уверяю Тебя, он был таков.

(Потом напишу, как я вела себя на заседании похоронной комиссии по Гале. Миша Борщевский «выпал в осадок», слушая, как я их всех «построила».

И еще — другая история, про визит Ким Чен Ира в СПб).

Наконец, звонит Галя. Это уже, наверное, часов в двенадцать или половину первого. Оказывается (тут-то я и узнала), в это время шел обыск в квартире Мити Рождественского, нескольких помощников Собчака, Любы Амроминой, Руслана Линькова и других. Потом стало известно, что в эти часы прошел по городу сорок один обыск.

Так вот, Галя сказала: «Все правильно. Ничего не разрешай». Надо отметить, что это большая редкость в наших с ней отношениях. Вечно она говорила, что я все делаю не так. А здесь — поддержка. Единственное, что она покритиковала, это то, что с ее точки зрения надо было не открывать, а поговорить через дверь, а потом, когда они стали бы ломать дверь, нагнать телевидения. «Ну уж нет, спасибо, дорогая, — ответство-

вала я, — это ты хочешь стать президентом, а я хочу нормально жить»... Это у нас шуточки такие семейные были. Чуть что — я ей говорила что-то подобное.

Сказала мне: «Любу ударили локтем в грудь, как она считает, в какую-то особую болевую точку, объяснили, что она будет закатана в асфальт, как и “ее любимый Марк Горячев”, и Люба сломалась». Тут гордость меня окончательно обуяла, и в это-то время я и не позволила А. В. зурить. Как ни странно, у Любы проводили обыск в течение 14 часов, забрали все, компьютер, все бумаги, деловые и личные... и никто не смог ее отстоять. По моему представлению, Люба очень сильный человек, стойкий, ироничный, бесстрашный.

После этого она эмигрировала.

Галя сказала: «Дай трубочку этому мудаку, а мы потом поговорим».

Что меня потрясло: А. В., взяв трубку, не знаю, что услышав, вдруг встал. Весь разговор провел стоя. Тут меня стал душить нервный смех, и я ему сказала, пожалуйста, не подбросьте мне чего-нибудь, я зайду в туалет...

Ожидание. В это время я позвонила паре друзей. Одного застала. Молодец, Толя Осницкий, тут же приехал. Его пропустили. Он сказал, не скрываясь перед прокурорским: «Что же это ваши люди там всю лестницу обмочили?!» А. В. ответил: «Так Ольга Васильевна не пустила их в туалет!». Толя: «Таких только пусти!». Прокурорский все «слопал». Мне опять стало страшно, — ведь отомстят как-то...

Мы с Толей начали завтракать — время около часа дня. Обсуждали наши дела. Мы планировали провести большой семинар по проблеме вышедших из заключения (тогда шла речь о большой амнистии). Говорили о разделении функций между государственными и негосударственными организациями, которые могут оформлять разные «ксивы» для этих людей, обсуждали, кого привлечь на семинар. Мы не выпендривались, это был наш обычный и, более того, актуальный в тот день разговор. Но постепенно стали, не сговариваясь, несколько «наигрывать» на незваного слушателя. Стали — то, что называется, «гнать». Обсуждали, может ли приехать Степашин. Причем, я его называла «Сергей», что тоже было для меня нормально. Но наслаивалась и игра.

Понятых к тому времени отпустили. Я не удержалась, чтобы вставить «свои пять копеек», сказала что-то вроде: «Вот видите! Я же вас предупредила. Хорошо, что вы не стали участвовать в этом деле». Может быть, им стало легче, потому что в моих словах звучало как бы и то, что вы, мол, хорошие люди, не стали мараться.

Я сказала Толе: «Посмотри тут за ним, я переоденусь»... В общем, изгалялись как могли.

Да, еще в период «завтраканья» я позвонила шефу, — он ждал меня на работе примерно к 12-ти. Сказала: «Не беспокойтесь, я никого не убила и не ограбила, но ко мне пришли с обыском. Я не позволю это сделать».

Характерен ответ моего шефа: «Я сейчас приеду!». Я ответила, что пока нет необходимости, спасибо, если будет нужно, я еще позвоню.

...Наконец, около 18 часов (!) <...> позвонил некто Онопрейко, кажется (вот балда! Не помню...) — первый заместитель генерального прокурора. Сказал: «Ольга Васильевна, это Онопрейко, имя, отчество. Прошу прощения, что беспокою...». Я мгновенно понимаю, что победила, и перебиваю:

— Что вы, имя, отчество, какое же это беспокойство, я ждала вашего звонка. Вот ваши сотрудники, которые пытаются ворваться в квартиру до шести утра, как в сталинские времена, — это действительно беспокойство.

— Не может быть! По закону они могут начинать действия только ровно в шесть.

— Ах, возможно мне показалось, что было без пяти шесть... Однако Вы полагаете, что в шесть — это правильно? Пока человек сонный и ничего не соображает, больше шансов, что он наделает ошибок и невольно может произойти самооговор...

— Нет, ну что Вы... Просто потом люди могут уйти на работу...

— Простите, а разве подразумевалось мое задержание? Можно было поговорить в другое время, если есть необходимость... Меня подозревали в бандитизме? Общественно опасных действиях? В ордере на обыск этого не значится. Там вообще нет моей фамилии...

— Ольга Васильевна, мы разберемся. Приносим свои извинения.

Ох, надо было потребовать извинений в письменном виде!!! Жалко. Уж больно сильно струсил. Да и опыта не было. Это сейчас я — почти матерая...

Но видел бы Ты бедного А. В.! Пока я вела разговор, тональностью напоминающий Валерочку Новодворскую, он чуть не вымер на корню. В это время я уже совсем не боялась, раздухарилась по полной программе. А. В. встал, как только услышал, с кем я говорю. Потом, когда трубка была передана ему, он старался говорить твердо и четко, как хороший служака. И опять же стоя.

Извинился, ушел.

Вот и вся история.

Потом были долгие разговоры про Любу, как Галя ее «инструктировала», чтобы не вздумали Любу задержать, она сказала, что сильно поднялось давление, необходимо в аптеку, ее отпустили, она рванула на самолете в Москву... В это время к ней приехала Таня Лиханова, следила за обыском, сумела заставить их сделать себя свидетелем и все подписывала...

В общем, был какой-то ужас.

Конечно, если бы я не надеялась, что Галя не даст мне пропасть, я бы так не нагнела. Очень страшно. Я почувствовала «в полный рост» бес-

правие, беспомощность. Напишут на своих бумажках всякий бред, в том духе, что «по этому адресу вполне могут быть предметы, имеющие отношение к Бен Ладену или к самому Сатане», и даже не знаешь, как быть? Даже более или менее юридически грамотные люди не могут же знать наизусть кодексы в деталях...

Теперь, когда Гали нет, я перестала так сильно трусить. Наоборот, теперь я должна защищать ее честь и достоинство...

Вот такая вышла длинная история, которую в моей памяти вызвали твои формулировки об «имеющих отношение к уголовному делу гражданина В.» предметах и документах...

После убийства Гали все изменилось. Классическая младшая сестра, до сих пор многими (и Тобой, наверное, отчасти) воспринимаемая как маленькая девочка, должна была резко повзреть.

Если Тебе интересно, у меня есть куча документов в электронном виде, которые родились после убийства Гали.

Мое общение с гэбульниками было разнообразным. Основная линия — попытка получить доступ к материалам дела.

Насколько я понимаю эту правовую ситуацию вообще — вначале, когда начались перемены, правозащитники бросились защищать права подозреваемых и обвиняемых. Там действительно был полный беспредел. Удалось кое-чего добиться. Однако за этим лесом не заметили той породы деревьев, которые составляют права потерпевших. И вот теперь новая коллизия: права потерпевших (по сравнению с подозреваемыми и обвиняемыми) сильно перекошены. А, простите, чем же это потерпевший хуже обвиняемого? Например, я! Уж точно не хуже.

«Конкретика» заключается вот в чем. Каждые полгода (обычно, но бывает и другая периодичность) дело продлевается. Постановление о продлении дела — довольно объемный мотивированный документ, в котором изложено, во-первых, что сделано, какие версии рассматриваются, кто опрошен, какие проведены следственные действия, в том числе допросы, обыски и т. п.; а, во-вторых, что собираются делать дальше и зачем просят о продлении. Подозреваемого или обвиняемого обязаны знакомить с этим документом. А про потерпевшего сказано неопределенно: то ли да, то ли нет. Конечно, в такой неопределенности они выбирают «нет».

Я несколько раз писала ходатайства об ознакомлении меня с материалами дела и, в частности, с постановлениями о его продлении. Исходила я, конечно, не из любопытства. Вернее, любопытство было таким побочным мотивом: интересно посмотреть, кто что говорил на допросах, рассматривали ли они всерьез тот бред, что был в газетах (например, что везла «лимон» долларов, так ее ограбили, потому и убили). Главное, мне надо было знать, рассматриваются ли всерьез те версии, которые и я, и другие близкие считают наиболее вероятными. Надо было узнать также, были ли попытки перекалфицировать дело (статья 277, терро-

ризм, покушение на жизнь государственного деятеля — т. е. вот он и есть, формальный критерий политического убийства). Соответственно, я могла бы подавать содержательные мотивированные жалобы и ходатайства. Кроме того, лишаясь возможности вмешиваться в расследование, я имела основания беспокоиться, не будут ли упущены возможности проверки того, другого варианта. Время уходит, и возможности такие могут быть упущены совсем.

Вообще получалось так, что, пока по делу не было и обвиняемых, с ним не мог знакомиться вообще никто! Парламентская комиссия бесправна.

В самом начале Юра [Ю. М. Шмидт. — А. А.] посоветовал мне затребовать официальный статус представителя потерпевших. Свидетель, как Ты понимаешь, бесправен. Более того, он обременен разными подписками. Статус мне дали. И началось...

Об этом уже немного писала.

Вот теперь я знаколюсь с материалами дела.

То ли это действительно «хламовник» из десятков килограмм бумаги, напоминающей макулатуру, то ли они еще не привели его в порядок, то ли они специально мне дают в таком виде...

Надо будет требовать пронумеровать и подшить все эти тома.

Пусть работают. Конечно, мне трудно ориентироваться. Я же такой «храбрый портняжка», а на самом деле трусиха, да еще и юридически полуграмотная. Конечно, за последние годы поднаторела, но все же...

И опять вопли: во что превратилась моя жизнь?

Наверное, мне нужна помощь. Возможно, и твоя. Возможно, и таких людей, как Саша Эткинд. Дело в том, что, не играя, совершенно всерьез, это **невыносимо**.

Нужно учиться играть. Понимаешь, если бы тут было поменьше личного...

Когда стоишь над убитой сестрой, лежащей в луже крови, с 11 вечера до 10 утра, когда нужно тут же стать старшей, решать все и сразу... Когда нужно врать Платону, что к маме в морг нельзя, чтобы дать ему еще хотя бы немного времени... Когда на другой день после убийства нужно ехать к родителям и сообщать им это... Когда нужно решать с похоронами, среди этой своры... Биологическое чувство опасной своры... <...> Когда нужно судиться с газетой, представитель которой на суде объясняет, что «у трупа не бывает достоинства»... Когда нужно отвечать что-то журналистам, большинство из которых все переврут, а кто-то напишет просто клевету... Когда, просыпаясь, догадываешься, что вспоминаемые с трудом фрагменты сна — кусочки длинного сериала, с по-детски дурными попытками спрятаться в тумбочку (а они знают, что ты там), с разглядыванием странных дырочек, скажем, на ноге, «обработанных» как отверстие для шнурка на обуви, но не больно, но пуля-то там, я точ-

но знаю... А ты к смерти не готова, бумаги не разобраны... Трудно играть. Какие уж тут игрушки?

Когда я Тебя упрекаю в занудстве (любя, конечно), это, возможно, отчасти зависть, что ли. В моем представлении, Ты много-много лет тыркаешь Социум в бок (а иногда и в лоб) то любимым сломанным напильником, то Генеральной линейкой... и с искренним интересом смотришь, что будет. И фиксируешь. И анализируешь как ученый. В наиболее комплиментарном для Социума варианте — это такой Солярис. Он может откликнуться нашими собственными фантомами.

В более простом варианте — и реакции попроще. То ли он взорвется, как мешок с дерьмом, то ли он вздумает подкорректироваться, то ли еще что... В этом плане Ты, конечно, гораздо больше игрок, чем гессевский Кнехт. Игра-то живая, рисковая, сильная. Это не просто бисер нанизать так или этак... Это все здорово. Однако...

Однако Ты был свободен в своем выборе. Не хочу сказать, что это было легко. Но принципиально то, что выбор делал по большому счету именно Ты сам.

В моей ситуации труднее. Наверное, с научной точки зрения, получается этакий внезапный тест на способность к адаптации. И не просто адаптироваться надо было, а тоже в активной позиции заставлять ситуацию (вернее, людей, в нее вовлеченных) учитывать и мое существование и тоже адаптироваться в ответ, насколько это возможно вообще. Да и в частности, учитывая актора, которым я стала, мои возможности, какие-то пределы воздействия...

Это не я поставила эксперимент над своей жизнью. Это что-то обратное. Не я инициатор этой игры. Мне не дали выбора.

Собственно, это не точно. Выбор есть всегда. Можно наплевать на все, перестать вообще этим заниматься. А как? Получается, на самом деле у меня и выбора-то нет.¹⁵

Возможно, поэтому мне и нужна помощь.

Галю не вернуть.

При этом ее честь нужно отстаивать.

Видимо, это аксиомы.

Но какой ценой? Если я не сумею в этой страшной игре все же занять несколько игровую позицию, я просто не выдержу. Соматика уже начинает сдавать. Наверное, нужен даже элемент цинизма, что ли...

Вроде, по отзывам разных людей, пока я держу всю эту ситуацию достойно. Однако иногда мне кажется, что кончаются силенки.

Вот в этом смысле я хочу отрефлексировать ситуацию и по мере сил устанавливать хоть какие-то правила игры. Иногда мне кажется, что я

¹⁵ Ты заметила, что я перестал комментировать? **Нельзя** комментировать! Уже не Ты комментируешь мою книгу, а книга становится «подстрочным примечанием» к твоему тексту. Стоило написать 1000 страниц, чтобы «спровоцировать» Тебя на эти 16 страничек.

справляюсь. Иногда появляются промежуточные результаты. А иногда ситуация представляется так: я начинаю в шахматы, мучаюсь, что вижу только два хода вперед, а надо бы не меньше трех, а может, и четырех... а в ответ мне — бейсбольной битой по башке...

Наверное, жизнь человека имеет смысл, если она оправдана этически.¹⁶

Но почему я должна все время оправдываться?

Вот и остается разве что игра слов...

10 мая 2003 г.

Мы, наверное, увидимся 16-го на семинаре у Кесельмана? Вроде докладчиком будет упоминавшийся Эткин. Это письмо я Тебе передам. За оставшиеся несколько дней, возможно, что-то добавлю, а возможно и не успею. Большая суета по завершению четвертого конкурса. Б. М. Фирсов в этом году председатель жюри.

Еще добавочка.

Когда убили Сергея Юшенкова, я написала его семье письмо. Давала горькие советы, имея в виду, что после убийства ничего не заканчивается, делилась опытом.

И еще. Подумалось, зачем-то, что возможно имеет смысл определить жанр этим моим писаниям. Что-то вроде «Драматической юриспруденции»? То есть, конечно, эти записи возникли благодаря твоей книжке. Поэтому напрашивается переключка и жанровая — то был «эксперимент социолога-рабочего», а это — «эксперимент Социума над попавшей в ситуацию представителя потерпевших»... Может, кому и полезно будет? Конечно, «переключка» мне видится более тонкой и изысканной.

Может, это постепенно выльется в книжку? Не знаю. Твой жанр подсказал мне возможность чего-то целостного, тоже с кучей приложений... В т. ч. СМИ — гора! Просматривая книжку Саши Никитина, написанную, в основном, им, но состоящую из огромного количества приложений, по большей части, юридических, я поняла, что это интересно очень мало кому. Ну и ладно? Ведь это пошло — гоняться за массовой популярностью! Быть знаменитым некрасиво...

Конечно, это вряд ли будет научный текст.

Пока я ощущаю это как ауторефлексию. Заразившись от Тебя. И, конечно, то, что я это пишу, постепенно обретает смысл психотерапии. Может быть, это и есть одна из форм вполне легального и, похоже, конструктивного психотерапевтического выхода замучивших меня эмоций? Как шизофреники рисуют... Насколько им помогает арт-терапия? Может, она больше помогает их врачам и «надсмотрщикам»?

Извини, это меня сильно занесло. Не вписалась в поворот.

Возможно и по-другому: пока пишу с интересом, вспоминаю, сопоставляю... Но не исключаю, что на какой-то стадии меня от этого затошнит.

¹⁶ «...Мне кажется, что жизнь по своим причинным связям так сложна, что прагматические критерии часто бесполезны, и остаются — моральные» (А. Сахаров. «Воспоминания»).

Писать или бросить все это? И эту писанину и вообще все?

Вот такая драматургия!

Подумаем вместе, ладно?

О. Старовойтова, 11.05.2003

[Надеюсь, «продолжение следует». Но это — уже в твою собственную книжку, Оля. Ты должна ее написать. Для себя, для меня, для всех... — А. А.]

П.22.2. Обретение заслуженного собеседника (диалог с Виктором Сокирко)¹⁷

Несколько вступительных слов

Ранее, в томе I настоящей книги, читатель уже имел случай познакомиться с Виктором Владимировичем Сокирко, московским экономистом и правозащитником, автором и издателем самиздатских сборников «В защиту экономических свобод», выходявших под псевдонимом «К. Буржуадемов» (1978—1979), одним из редакторов свободного московского журнала «Поиски» (1980), в 1990-х гг. — председателем Общества защиты осужденных хозяйственников и экономических свобод, организатором уникального правозащитного эксперимента — исследовательских судов присяжных, и автором книги «Сумма голосов присяжных в поиске граней экономической свободы» (2000).

В. С. был одним из участников опроса «Ожидаете ли Вы перемен?». ¹⁸ В ту пору (1970—80-е гг.) мы не были лично знакомы и познакомились (правда, только заочно) лишь в 2000 г., когда я попытался разыскать (идентифицировать) некоторых из наших тогдашних экспертов.

Разумеется, я послал Виктору Владимировичу кое-что из своих публикаций об «эксперименте социолога-рабочего». Он же — прислал мне некоторые свои работы (иные из них я читал еще 20 лет назад, в самиздате). Мы обменялись несколькими письмами.

Ниже — извлечения из этой переписки. (Февраль 2001 — апрель 2005).

А. Алексеев — В. Сокирко (октябрь 2000)

Дорогой Виктор Владимирович!

Благодарю Вас за присланные материалы. Они произвели на меня сильное впечатление сегодня, как и когда-то (20 лет назад).

Что касается эксп. листа № 30 из материалов нашего «потаянного» экспертного опроса «Ожидаете ли Вы перемен?» рубежа 70-х — 80-х гг., то его сличение со статьей «Экономика 1990-го года: что нас ждет и есть

¹⁷ «Заслуженный собеседник» — в смысле А. А. Ухтомского. См. выше. См. также ранее, в томе I настоящей книги: раздел 6.3.

¹⁸ Его экспертный лист опубликован в настоящей книге (см. том I; приложение 2 к главе 1).

ли выход?» (в свое время помещенной в журнале «Поиски»¹⁹) не оставляет никаких сомнений: он составлялся если не с Ваших слов, то по мотивам этой Вашей работы. Я взял на себя смелость — с такой оговоркой — «приписать» этот текст Вам.

Не знаю, придерживаетесь ли Вы и сегодня наверняка эпатировавшей как «левых», так и «правых», в конце 70-х, точки зрения: «чем больше рынка, тем больше коммунизма». Да это, как говорится, и «не суть важно» (хотя и было бы интересно мне узнать).

Мой друг Роман Ленковский (социолог и философ из Киева) недавно хорошо объяснил разницу между «искусственным» и «естественным» коммунизмом, а точнее — «коммунитарностью». Последняя есть не что иное, как органичная форма по преимуществу **личностного** (непосредственного, межиндивидуального) **общения**, свободная от корысти, принуждения, иерархии и т. д. А первая — «превращенная форма», т. е. коммунизм «искусственный», провозглашаемый как «высшая ступень» **общественных** (межгрупповых, опосредованных) **отношений**, к тому же еще насильственно внедряемый и навязываемый — идеологическими, экономическими, полицейскими и т. д. средствами (со всеми хорошо известными нам последствиями).²⁰

Говоря «учеными словами», тут происходит небезобидное «смешение уровней» рассмотрения, что до сих пор не вполне отрефлексировано общественной наукой. Но это — к слову.

<...> Примите мое глубокое уважение и восхищение Вашей способностью неуклонно следовать когда-то провозглашенным Вами трем заповедям: «Ответственность перед наукой... трудолюбие... бесстрашие...» (из «Диссидентской этики»).²¹

А. Алексеев, 5.10.2000

* * *

В. Сокирко — А. Алексееву (ноябрь 2000)

Уважаемый Андрей Николаевич!

С большим интересом прочитал Ваши «Записки социолога-рабочего» и поразился Вашему <...> таланту соединить в себе почти несоединимое.²²

<...> По образованию я инженер-сварщик, и первые годы после Бауманского провел на Коломенском тепловозостроительном заводе в качестве сменного мастера в цеху и технолога в отделе, а перед этим было и несколько студенческих практик на Липецком тракторном, на Новокраматорском и нескольких других заводах, так что описываемые Вами

¹⁹ О Московском свободном журнале «Поиски», выходявшем во второй половине 1970-х. и разгромленном в 1980 г., см. ранее, в томе 1 настоящей книги: раздел 1.4.

²⁰ См. ранее, в томе 2: раздел 9.5.

²¹ См. ранее, в томе 1: раздел 1.4.

²² Речь идет о публикациях: Алексеев А. Театр жизни в заводском интерьере (записки социолога-рабочего) // Звезда, 2000, № 10; Алексеев А. Человек и его работа: вид изнутри (из записок социолога-рабочего. 1982-1986 гг.) // Мир России, 1998, № 1/2.

сложные отношения мне немного знакомы. Всю жизнь я привык относиться с почти мистическим почитанием к высокому авторитету рабочих высшей квалификации, «рабочих профессоров», способных делать свое дело классно, без сверхусилий, как бы по наитию.

По отношению к рабочим я даже комплексовал. Как сменный я еще ощущал некоторую полезность для этих людей, выполняя нужные им функции стропальщика, диспетчера, представления работы в ОТК и т. п. (всю политику в области заданий и заработков определял у нас старший мастер), а вот в качестве заводского (отдельского) технолога, приносящего в цех формально написанную технологию, я был просто ничемной писакой *[/! — А. А.]*, потому знал, что сварщик будет работать совершенно в ином, известном ему порядке, понимая, как можно свести до минимума неизбежные деформации и внутренние дефекты швов...

Конечно, потом приходило ко мне и спасительное осознание, что не только я, но никто *[/! — А. А.]* не способен описать в техпроцессе искусство рабочих мастеров, хотя именно на их умение и рассчитывали конструкторы сварных конструкций, но тогда зачем меня заставляли писать эту ненужную макулатуру? Потом приходило понимание, что таковы правила внутривзаводских отношений, что техпроцессы нужны хотя бы для расчета нужных начальству норм, а те — «не твоего ума дело», а сам ты — лишь пешка в начальственной игре с реальными творцами-рабочими...²³

И становилось столь противно, что единственным выходом казался лишь уход *[увольнение — А. А.]*. Но на самом деле и тогда не наступал спасительный «выход в осмысленность», потому что бессмысленностью была практически вся работа в моей жизни — за исключением шабашек и вот последних 10 лет в правозащите.

Вы же в «застойное время» смогли не только вернуться к высокому статусу рабочего профессора, но и попытаться осознать и описать положение рабочих изнутри и даже изобрести новое «направление социологии». Ваши описания процесса наладки ПКР напомнили дорожку мне классику: страницы романа В. Гюго «Труженики моря», посвященные описанию спуска Жюльеном в одиночку драгоценной паровой машины из зависшего в скалах корабля в трюм своей баржи или «производственные» страницы американских романов У. Митчелла или Хейли... Но уверен, что я не одинок в своих эмоциях.²⁴

Что касается «социологического аспекта», то здесь мне судить труднее о значимости Вашего вклада... Стыдно признаться, но я просто плохо пред-

²³ Ср. с размышлениями на эту тему слесаря-механика А. Г. Солипатрова в томе 3 настоящей книги: приложение 1 к главе 12.

²⁴ Определение «рабочий профессор» для меня лестно, однако несправедливо. Руки у социолога-рабочего оказались не «дырявые», но и вовсе не «золотые» (см. ранее, в томе 1 настоящей книги: главы 2 и 3). А удалось стать действительно классным специалистом только в **одной**, относительно **узкой** области — наладка и штамповка на координатно-револьверном прессе определенной модели. «Рабочие-профессора» (асы) обычно имеют куда более широкий профиль и диапазон знаний и умений.

ставляю себе, что именно дает социология как наука (роль самих социологических опросов, как таковых, мне понятна). Если речь идет о составлении обобщенной картины действительности на основе социологии, то мне почему-то такие яркие социологические обобщения не встречались... Не почувствовал я такой законченной обобщенности и в Вашей работе — может из-за гигантского масштаба поднимаемой проблемы: суть отношений рабочих и работодателей. Ведь в своей глубине эта проблема бьется с темой отчуждения труда и с еще более грозной темой вечного нарождения рабства... Впадение в рабство всегда грозило миру и будет грозить ему в будущем. Пример роста числа заключенных в США и других цивилизованных странах — яркий пример очередного впадения мира в рабство по воле законников...

Что же касается закабаления рабочих, то меня эта тема особенно больно стукнула в связи с уголовными делами против «леваков». В полученной Вами книге *[упоминавшаяся выше: «Сумма голосов присяжных в поиске граней экономической свободы»*. — А. А.] она затронута в главе 4.

<...> Ваша книга позволяет еще глубже понять, насколько «левачество» было необходимой стороной производственных отношений в жесткой (рабовладельческой, административной) системе. Хорошо известный Вам метод «выжимания пота из рабочих» с помощью равномерно (по-дурному) повышающихся расценок труда можно было смягчить только с помощью предусмотрительного накапливания и утаивания рабочими действительных рационализаций и усовершенствований их труда, а также выполнения ими левых работ, т. е. путем самостоятельного тайного выхода на рынок в роли свободных предпринимателей. В такой системе отношения рабочие оказываются угнетаемыми творцами с потенцией выхода к свободе, а администрация предприятий (не только государственных, но и частных), со всеми своими нормировщиками, технологами, юристами и прочими умниками-интеллектуалами, оказывается основной рабовладельческой силой, стремящейся превратить рабочих в винтиков запланированного ими техпроцесса, в говорящих рабов...

Но на деле это — лишь один взгляд на проблему, потому что никуда от нужды нашей цивилизации в крупных предприятиях мы не уйдем и представить человечество, состоящее из одних свободных ремесленников на рынке и без крупных предприятий с наемными работниками сегодня могут только фантасты, да и то с большим трудом... В чем же тогда состоит гармония?

Простите, Андрей Николаевич, что я опять зашел в тупик. Если Вы знаете ответы, буду рад познакомиться с ними, и, конечно, в любом случае спасибо Вам за добрые слова и знакомство... Всего доброго, и позвольте чуть заранее поздравить Вас и близких с наступающими большими празднествами встречи 3-го тысячелетия. <...>

Ваш В. В. Сокирко
(Ноябрь 2000)

* * *

А. Алексеев — В. Сокирко (январь 2001)

<...> Примите и мои поздравления с вступлением в новое тысячелетие, уважаемый Виктор Владимирович!

Постановки «роковых» вопросов в Вашем ноябрьском письме мне глубоко созвучны.

<...> А «в тупике» — мы с Вами оба. Но... процитирую Вас же (из давнего письма, адресованного не мне): **«Мы все же обязаны делать и безнадежные попытки!»** <...>

Андр. Алексеев, январь 2001

* * *

В. Сокирко — А. Алексееву (январь 2001)

<...> Обнаружил, что не ответил на Ваш вопрос о буржуазном коммунизме сегодня. Конечно, я держусь прежнего (это видно и по книжке «Сумма...»). Считаю себя достаточно упрямым человеком, чтобы *[не. — А. А.]* менять данные мне в детстве убеждения, если в этом нет необходимости. Это относится и к моему атеизму, и к коммунизму. Эти понятия слишком древни, чтобы так просто от них отказываться только на том основании, что в XX веке коммунистами считали себя Ленин и Сталин, Мао и Пол Пот... И Вы очень правильно провели различие между коммунизмом **естественным** (свободным) и **искусственным** (насильственным). <...>

В. Сокирко, 29.01.2001

* * *

Из предисловия («предварения») М. Гефтера²⁵ к собранию работ В. Сокирко (1988)²⁶

<...> Полемические заметки В. В. Сокирко кажутся мне не просто заслуживающими внимания — в ряду других заметок, писем и откликов, которые вызывает перестройка. В них ощущается определенная позиция, за ним стоят годы продумываний, позволю себе сказать — выстраданных в самом буквальном смысле. «Самиздатский автор 70-х годов» был одним из пионеров борьбы за **экономическое раскрепощение** и в качестве такового отведал и Бутырки. Это, разумеется, не означает, что с ним надо соглашаться на этом единственном основании. Но вслушаться в его голос — и нравственно, и практически полезно.

Тогда, в 70-е годы, В. В. Сокирко избрал себе псевдоним «К. Буржуадемов» (коммунист — буржуазный демократ). Сочетание странное, не правда ли? Кому-то может показаться и отдающим безуминкой. Людей, которые в

²⁵ О Михаиле Яковлевиче Гефтере (1918-1995) см. ранее, в томе 1 настоящей книги: глава 1.

²⁶ Речь идет о рукописи — собрании работ В. Сокирко 1970—80-х гг., включающем как ряд самиздатских статей периода «застоя» (в том числе: «Экономика 1990 г.: что нас ждет и есть ли выход?»; «О возможности и жизненной необходимости союза между сталинистами и диссидентами»), так и некоторые относящиеся к начальному периоду «перестройки», в частности: «Рынок и коммунизм» (1987), «Об условиях выживания и развития» (1987), «За гражданский мир и взаимопонимание (открытое письмо «борцам перестройки» от самиздатского автора 70-х годов)» (1988).

нынешних спорах на темы собственно экономического свойства всерьез исходят из коммунистических убеждений, вероятно, совсем немного, мне такие в печати не встречались.²⁷ Это само по себе должно было бы навести на размышления. Споря, В. В. Сокирко подвигает нас именно к размышлениям. Мало ли этого?

Являясь сам сторонником **многоукладности**, как экономической доминанты, несущей в себе крайне существенное социальное и политическое (в том числе прямо относящееся к межнациональным отношениям) содержание, я, естественно, с симпатией отношусь к соображениям автора, идущим в этом русле. Также близка мне и позиция автора в оспаривании «антиаскетизма», который с таким энтузиазмом проповедует Г. Лисичкин. Не удивительно ли, что за новое слово принимают у нас вчерашний или даже позавчерашний день теоретиков «общества потребления» на Западе, который от этого сам уходит, и не только в обличье хиппи?

В сущности, речь идет о цели. О попытке сформулировать цель, **смысл жизни**, и не где-то сбоку конкретной злобы дня, вводимых и намеченных к введению экономических реалий, а — внутри них.

По-моему, это крайне интересно и поучительно.

М. Гефтер, 10.04.88

П.22.3. Слишком правоверный комсомолец, или дурной шестидесятник

[Цель настоящего приложения — попытка построения авторской «версии» эксперимента социолога-рабочего (одной из...; ибо и у самого автора этих версий не одна!) с учетом более отдаленной биографической ретроспективы, или, если угодно, в более широком жизненном контексте.

Случай для такой авторефлексии представился в 1997 году, когда из петербургского журнала «Пчела» ко мне обратились с просьбой об интервью для номера журнала, посвященного «Ленинграду 50-х и его героям», иначе говоря — поколению «пятидесятников, которых неверно называют шестидесятниками» (тонкое замечание Льва Лурье на страницах того самого тематического номера).

²⁷ Из работы В.Сокирко «Рынок и коммунизм» (1987):

«...И только сегодня мы услышали властные слова ленинского звучания: **“Наш курс — как можно больше социализма!”** И стало ясно, что до сих пор социализма у нас недостаточно, если не просто мало, что социализм — не в сталинском прошлом, а в нашем собственном, после перестройки, — будущем. И снова возникла в обществе демократическая перспектива, ибо так же авторитетно, от имени самой Жизни, Заветов, Учения сказано: **“Чем больше демократии, тем больше социализма!”**»

Подойдет время и (я убежден) мы услышим столь же авторитетное и определенное согласие с жизнью: **“Чем больше рынка, тем больше коммунизма!”** С этим страна снова обретет цель, перестройка — всем понятный смысл, а значит, и исторический шанс на успешное осуществление.

И станет понятно, что не со стыдливого и робкого разрешения служащим кустарничать во внерабочее время на пользу государству (вроде полузапретительного “Закона об индивидуальной трудовой деятельности”) надо начинать, а с широкого раскрытия инициативы и свободы работы на потребителей, на рынок — всех коллективов, групп, коммун, творческих людей, с реальной амнистии инициативным хозяйственникам...».

Ниже — текст этого интервью (название в журнале и название настоящего раздела книги совпадают). Вел беседу Тимур Чагунава. — А. А.]

— В воспоминаниях о своих родителях, написанных для Вашей дочери²⁸, Вы замечаете, что не любите свою молодость. Почему?

— В самом деле, я далек от идиллических воспоминаний о своих молодых годах. Так сказать, не уважаю и не люблю себя, каким был тогда. Кстати, после Вашего знакомства с моей только что вышедшей книгой²⁹, с одной стороны, и с моими журналистскими опусами 35—40-летней давности, с другой, у вас должна была сложиться какая-то концепция нашей беседы. О чем мы будем разговаривать?

— Концепция? Откровенно говоря, не знаю... Меня интересуют больше всего 50-е годы.

— Хорошо, давайте о 50-х. Для меня это были годы учебы на филологическом факультете Ленинградского университета и начала журналистской карьеры, в молодежной прессе.

— А что Вас побудило стать журналистом? Считали ли Вы себя тогда субъектом производства общественного мнения?

— В ту пору (в середине 50-х годов) я и в самом деле полагал, что таким образом могу влиять на общественное мнение, так сказать, формировать его в нужном (вопрос — для кого? считал — для общества) направлении. Ограниченные возможности пропагандистского влияния на сознание людей вообще мне стали ясны уже позднее. (Десять лет спустя пришлось обратиться к этой проблеме уже как социологу).

— Мне довелось познакомиться с опубликованными в газете «Смена» (25 и 27 июня 1961 г.) Вашими путевыми заметками «Вкус собственной правоты» — о поездке в Англию. Вы там отвечаете на вопрос молодого преподавателя социологии из британского университета, не является ли Ваша коммунистическая убежденность неким аналогом веры, когда человек как бы выстраивает себе идеал...

— Наверное, я тогда рассказывал своему собеседнику о бригадах коммунистического труда, «певцом» и в какой-то мере «изобретателем» которых я был на рубеже 50—60-х годов. Было такое «движение за коммунистическое отношение к труду»... Сомневаюсь, что оно поминается в современных школьных учебниках истории. Вы о нем когда-нибудь слышали?

— Нет.

— Ну вот. А ведь еще и в 1985 году, когда я работал на «Ленполиграфмаше» слесарем, мне (кстати, уже исключительно тогда из партии, из Союза журналистов, отовсюду) присваивали звание «ударника коммунистического труда»... Ладно, вернемся к вопросу, поставленному анг-

²⁸ «Коротка моя память... (О моих родителях — для моей дочери)» (рукопись; июль 1997).

²⁹ Речь идет о книге: Алексеев А. Н. Драматическая социология (эксперимент социолога-рабочего). Кн. 1-2. М. СПбФ ИС РАН, 1997.

лийским профессором. Я сказал ему тогда, вполне искренне, что «коммунизм — это в моем сердце...». — «Но в таком случае это что-то вроде веры, — заметил мой оппонент. — Может быть, русские выдумали себе идола — коммунистический идеал, и молятся на него?». Судя по тому, что написано в моем тогдашнем дневнике (а в газете был опубликован, без каких-либо исправлений, мой личный дневник) я ответил: «Религия учит — верь не стараясь понять. Мы же верим в то, что хорошо понимаем. (Какое самонадеянное заявление!). Мы верим в себя, в собственные силы, в дело рук своих. Чтобы по-настоящему верить, надо понимать. А чтобы хорошо понять, надо также поверить». (Мне едва хватило моего разговорного французского, чтобы сформулировать эту «глубокую» мысль). «Трудно понять наши идеалы, если не хочешь понять, если не веришь, что мы строим счастье для человечества», — комментировал я эту беседу в своем дневнике 1961 года. Ну как Вам, современному молодому человеку, нравлюсь я, в мои молодые годы?

— Мне трудно это себе представить...

Ремарка: «Это — ты. Это — я. Это — мы...»

Перечитав в начале 90-х свои дневники и журналистские сочинения рубежа 50—60-х, автор этих строк поначалу был изрядно удручен и растерян: ну и набекрень же были тогда мозги! Характерна моя тогдашняя письменно зафиксированная реакция на вышеупомянутый дневник-очерк о поездке в Англию:

«...Случай этого дневника дает уникальную для автора возможность заглянуть в себя тогдашнего. Грустно? Смешно? Страшно? Не отворачивай лица. Смотришь в потускневшее зеркало. Да, это — ты. Это — я. Это... мы. Старт духовного марафона, дистанция которого — без малого 30 лет. Неопровержимая улика в “досье на самого себя”. Нелицеприятный материал к биографии “поколения шестидесятых”. Уже на пороге финиша, не следует забывать о старте... 25.04.91».

Ныне автор относится к этим своим текстам «хладнокровно», с профессиональным, социологическим интересом. (Июль 2001).

...— Правда, ортодоксом я оказался «слишком последовательным». В том же 1961 году я вступил в партию и тут же ушел из газеты на завод, рабочим (тогда это вызвало удивление комсомольского начальства, но диссидентства усмотрено не было; еще и слова такого не знали). А ушел на завод для того, чтобы познать «вкус собственной правоты» не снаружи, а изнутри этих бригад коммунистического труда. А еще год спустя, в той же «Смене» (оставаясь рабочим) опубликовал гневную статью о формализме в организации «движения за коммунистическое отношение к труду».

— Сколько лет Вам было тогда?

— В 1961-м — двадцать семь.

— Насколько я знаю из записи вашего радиointервью 1995 года, Вы разделяете свое поколение — на «подвижников», «циников» и «слепых». Как Вы это можете прокомментировать?

— Я тогда отвечал на вопросы своего бывшего сокурсника по университету Валентина Горшкова, ныне — ведущего радиопередачи «Исповедь шестидесятника». «Подвижник» — это человек, который понял, в каком обществе он живет, достаточно рано, отважился на противостояние ему. Примеров достаточно общественного поведения приводит не буду, их более чем достаточно. А еще больше было «слепых»... Литературным примером «слепого» (кстати, прозревшего на краю смерти) может служить Шулубин из «Ракового корпуса» Солженицына. Читали?

— Признаться, еще нет.

— Похоже, что в современные школьные программы этот роман еще не успел войти. Прочтите обязательно! Там еще у Солженицына Шулубин цитирует Пушкина: «На всех стихиях человек тиран, предатель или узник...». Вроде, для «дурака» и места у Пушкина не нашлось, с горечью замечает Шулубин.

— Ну, а что такое «циник» в Вашей триаде?

— Это когда «ведают что творят». Человек думает одно, говорит другое, а делает третье... Этот социальный тип, кстати, распространен в любом обществе. Мои же собственные, иногда и неконформные, но по большей части — очень «правоверные» действия в то далекое время (да и позже!) диктовались простой формулой: не стану делать того, что мне противно. Вот только порог «неприемлемого» для меня, как и для большинства людей моего поколения, был невысок... Это было своего рода спасением от пучины цинизма.

— А чем для вас определялся этот порог тогда?

— Тут причудливо соединялись общечеловеческие ценности (нормы человеческой порядочности, чувство собственного достоинства, «золотое» правило этики, хоть тогда этого выражения не знал), впитанные из семьи, особенно от моей матери, с одной стороны, и тогдашние идеологические догмы, воспринятые из школьных и университетских курсов (от «Конституции СССР», как тогда называлось школьное обществоведение, до «Истории партии» и «Основ марксизма-ленинизма»), с другой. Добавьте к этому увлечение комсомольской работой, причащение к партийной журналистике... Вытеснить «базовые» моральные и духовные ценности из моего тогдашнего мировоззрения идеологическим догмам было не под силу, равно как и наоборот. Те и другие как-то уживались, «притирались» друг к другу. Срабатывал инстинкт самосохранения целостной личности.

— Интересно, а плакали ли вы, когда умер Сталин?

— В тот момент мне казалось, что каждый должен быть как никогда собранным. Я не одобрял тех моих товарищей, которые устремились в Москву, чтобы участвовать в демонстрации всенародного горя (там, кстати, тогда получилось что-то вроде «Ходынки»). Насколько помню, я несколько суток не спал после известия о смерти Сталина, демонстрируя (скорее самому себе), как надо «держаться в руках», когда все мы «осиротели». Слез не было, но до рези в глазах читал ночью (вовсе не для экзамена!) какой-то классический труд по лингвистике...

— А что представляла из себя жизнь студента филологического факультета в начале 50-х?

— Ну, для меня это были прежде всего учеба, комсомольский активизм (один год был даже «освобожденным» секретарем комитета комсомола), на первых курсах — занятия спортивной гимнастикой, и памятьнее всего — летние студенческие стройки (возводили сначала «колхозные электростанции», потом — коровники в Ленинградской области). Кстати, участие в таких стройках (безо всякой оплаты труда) считалось почетным комсомольским поручением. Тут было даже что-то вроде конкурса поначалу... Таким, как я, «отличникам-активистам», присуждалась Сталинская стипендия.

— Когда вы вступали в комсомол, какие перспективы жизни и работы вам представлялись?

— Я вступал в комсомол в школе, еще в 8—9-м классе. И гордился тем, что вступил рано. А вот некоторые мои одноклассники стали комсомольцами лишь накануне экзаменов на аттестат зрелости... И мне казалось, что я — «честнее их», потому что вступал в комсомол (как потом и в партию) по убеждению, а не для того, чтобы «улучшить свою анкету».

— Какие исторические события повлияли на развитие Ваших политических взглядов?

— «Политические взгляды» — это уже из сегодняшнего лексикона. Какие могут быть «политические взгляды» у гребцов на галере, где «партия — наш рулевой»? Тогда говорили — «идейная убежденность»... Действительно, аналог веры! XX съезд развенчал для меня культ одного «бога», чтобы возвысить культ другого (Ленина). Конечно, можно было бы поговорить о моих реакциях на советское вторжение в Чехословакию в 1968 году или на войну в Афганистане, но давайте не будем выходить за рамки избранной темы /50-е гг. — А. А./.

<...>

— Какие фильмы вы смотрели, какую музыку слушали?

— Лакировочные советские фильмы (вроде «Кубанских казаков») уже тогда вызывали раздражение. Я предпочитал довоенные ленты. Скажем, «Семеро смелых», с Тамарой Макаровой (этакий соцромантизм). Нравилась старые западные фильмы, вроде «Графа Монтекристо», прока-

тывавшиеся иногда в украинских Домах культуры. А музыка... Дома были пластинки с классикой. Но не помню, чтобы я когда-нибудь сам включал проигрыватель. Любил слушать «магнитофонного» Окуджаву. Но это уже в 60-х...

— Что вы можете сказать о своем поколении в целом?

— Его принято называть «шестидесятниками». Весьма неоднородно это поколение, различны и траектории жизни его представителей. Общим для всех было разве что военное детство, послевоенная школа.

Кстати, моя типология («подвижники», «циники», «слепые») неполна. Т. е. она относится только к тонкому слою более или менее идеологически активной интеллигенции. Другая часть интеллигенции, в поисках самосохранения, просто старалась держаться подальше от «идеологической надстройки». И в «народной гуще» было иначе: «жить, чтобы жить»: работать, примитивно отдыхать, кормить семью, не задаваясь «смыслоразительными» вопросами. Особенностью тех и других было чувство страха, которого, в силу разных обстоятельств, не ведали ни «подвижники», ни «слепые». Интересно, что на рубеже 50—60-х годов, мне, молодому журналисту, казалось, что нужно «разбудить» массу «простых людей», приобщить ее к ценностям высокой культуры и... «правильной» идеологии.

В семьях, которых в свое время непосредственно коснулись репрессии, дети выросли (можно сказать — «прозревали») раньше. Что касается меня, то мое идейное созревание было каким-то замедленным. Сейчас не любят об этом вспоминать, ведь мне еще в середине 80-х годов казалось, что партия и общество должны обновляться вместе.

— Что еще Вы можете сказать о себе?

— Несколько лет назад я собрал в три папки свои сочинения 50—70-х годов (дневники, журналистские публикации, научные статьи, включая некоторые ранние свидетельства того, что позднее кто-то из писавших обо мне журналистов назвал «борьбой с системой ее же средствами»; а можно было бы сказать иначе: «бунт на коленях»). Перечитав все это, я, в поисках самоопределения, колебался между названиями: «недоразвитый» или «запоздалый» шестидесятник. Емкую формулу подсказал мне мой друг — поэт Андрей Чернов: «дурной шестидесятник». Я бы отнес ее к себе. По-надобилась почти целая жизнь, чтобы кое-что понять — о мире и о себе, о «мире в себе» и о «себе в мире». Ну, Вы ведь если не читали, то просматривали мою «Драматическую социологию»...

— Не слишком ли Вы самокритичны?

— Нет. Вот сейчас Вам столько же лет, сколько мне было в 1953-м (год смерти Сталина). И Вы задаете мне, казалось бы, простенькие, даже наивные вопросы. А можете Вы себе представить меня, в Вашем возрасте, задающим такие вопросы (пусть даже не для газеты) своему старшему собеседнику? Знаете что, включите-ка в свою запись один фраг-

мент из текста, адресованного моей дочери, с упоминания о котором началась наша беседа:

«Дети часто мудрее своих родителей, если сравнивать их с родителями, когда те были в их (детей) нынешнем возрасте. Ибо они (родители) тогда еще не прожили того отрезка исторического времени, который суждено было к настоящему времени пережить и им, и детям (пусть одним в зрелом возрасте, а другим — еще в детском). Мне, может быть, и есть чему поучить мою дочь сегодня, в июле 1997 г. (мне — 63, а ей — 36). Но, полагаю, в мои 36 (в году 1970-м, как нетрудно подсчитать), мне можно было бы и “поучиться” у нее сегодняшней».

Дети старше нас, потому что они младше нас. Это сказал уже не я, а моя жена Зина. По-моему, очень точно сказано.

(Пчела, 1997, № 11, с. 56-59)

...Пятидесятники — поколение, вышедшее из холода. Эти ребята содержались в холодильнике Советской власти в ее самый блестящий и самый мрачный период. И вдруг вышли на просторы фестиваля молодежи и студентов и запели «А я иду, шагаю по Москве». Удачливее этой когорты в Российской истории не сыскать. Разве что шестидесятники XIX века или нынешние — постперестроечные.

Молодые после 1953-го определили развитие гражданского общества в России...

Лев Лурье (Пчела, 1997, № 11)

П.22.4. «Дурной шестидесятник»: нет, не вспоминаю, а документально свидетельствую...

[Ниже — некоторые документальные иллюстрации к сказанному выше. Аутентичные авторские тексты из молодежной газеты рубежа 50—60-х годов. — А. А]

...Мы вступаем в период развернутого строительства коммунизма. В грядущем семилетии мы непосредственно, практически будем строить здание коммунизма...

Н. С. Хрущев (Тезисы доклада к XXI съезду КПСС. Ноябрь 1958)

П.22.4.1. «...А влюбленные сидели рядом и... читали проект программы партии!»

— Мне трудно это себе представить...

(Мой интервьюер из предыдущего раздела настоящей книги)

...Приведу один пример явной набоковской мистификации. Он приводит цитату из романа советского писателя Антонова «Большое сердце», напечатанного, по его словам, в 1957 году. Цитата такова:

«Ольга молчала. “О, — сказал Владимир, почему ты не мо-

жешь любить меня так же, как я люблю тебя?” — “Я люблю мою Родину!” — ответила она. — “Я тоже!” — воскликнул он. “Но есть что-то, что я люблю еще больше”, — продолжала Ольга, высвобождаясь из его объятий. — “И это?..” — поинтересовался он. Ольга взглянула на него ясными голубыми глазами и быстро ответила: “Партия”.»

Я бьюсь об заклад, что Набоков все это выдумал. Он говорит о журнальной, то есть первой публикации романа. Но в 57-м году такие вещи уже не печатали. Я сомневаюсь, печатали ли подобное и в сорок седьмом...

Б. Парамонов. «Египтянин Набоков» (Звезда, 1999, N 4)

[...А вот нижеследующий авторский текст 1961 года — вовсе не мистификация (и не пародия!).

Итак, не вспоминаю, а документально свидетельствую...³⁰ — А. А.]

Из ленинградской газеты «Смена» (август 1961)

Здравствуй, будущее!

Все как обычно на стапелях Адмиралтейского. И в то же время необыкновенно. Может быть, это необыкновенное в лицах, озабоченных последним днем месячной программы и каких-то светлых. А может в экземпляре «Правды», который то и дело кочует из рук в руки, пока Георгий Юношев решительно не забирает его, сказав: «В перерыве будем читать».

Бригадир проверяльщик *[название одной из профессий на судостроительных заводах. — А. А.]* Алексей Тинькин читал газету в электричке, едучи на работу. А судосборщик Юрий Чернов купил газету в воскресенье утром по дороге на Московский вокзал. Он шел провожать своего товарища, уезжавшего в отпуск и поэтому попросил дать ему два экземпляра. Уже в вагоне он сунул другу газету: «Почитаешь в поезде...». Вернулся домой к себе в общежитие на Севастопольскую. Уселись читать втроем: он, сосед по комнате Бронин и его двоюродный брат, приехавший в гости.

Потом пришла Люба... Когда приходит Люба, в комнате для Юрия становится светлее. В понедельник Юрий Чернов и Люба Смирнова, технолог того же корпусного цеха, идут во Дворец бракосочетаний подавать заявление. Сосед знает это, поэтому он вскоре ушел и братишку позвал.

А влюбленные сидели рядом и... тоже читали газету, нет, не просто читали, а думали, говорили о будущем. Ведь эти строки о них написаны, о них и для них, для их счастья, которое они, комсомольцы, не мыслят без счастья народа. Партия торжественно провозглашает: нынешнее поколение советских людей будет жить при коммунизме!

Как это прекрасно и величественно, что они, Любовь и Юрий Черновы, будут жить при коммунизме.

...Я разговариваю с Юрием и спрашиваю его о впечатлении, произведенном на него проектом программы Коммунистической партии. Он пытается ответить четко и ясно, но ему не побороть потока охвативших его чувств.

³⁰ См. нашу постановку вопроса о «протоколах жизни» и т. п. — в томе 3 настоящей книги: раздел 0.5.

Как-то все переплелось, личное и общественное... Сегодня он собирает секции для очередного танкера, изготавливаемого по заказу Германской Демократической республики — еще одно свидетельство дружбы между миролюбивыми народами. Сегодня он идет во Дворец бракосочетаний... а в октябре, в дни, когда начнет свою работу XXII съезд, истекает кандидатский стаж Юрия, вступающего в партию... В будущем году Юрий кончит техникум... И он уверен, что если не в этом, то в будущем году бригада, в которой он трудится, добьется звания коллектива коммунистического труда.

И это ли не ответ Юрия на мой вопрос! «Это настолько все дельно и правильно, — находит он, наконец, слова, которые ему самому кажутся неудачными, — это настолько окрыляет...». «Этой программы хватит мне изучать на месяцы, этой программы хватит мне выполнять на годы, — продолжает Юрий. — Но если выразить главное, то это моя программа, понимаете, моя!»

Моя программа... Да, это, пожалуй, прекрасно сказано.

Действительно, завтра Юрий с карандашом в руках подчеркнет каждую пятую или десятую строчку. Он будет конкретно примерять каждую строчку к себе и прикидывать, что может лично он сделать для ее выполнения. Он, может быть, найдет и что добавить или поправить в программе — ведь она представлена на всенародное обсуждение...

Моя программа! Теми или иными словами так говорили разные люди, кого ни встречал я в тот день в цехах Адмиралтейского завода. Так сказали и коммунист, мастер проверяльщик Виктор Павлович Жуков, и беспартийный Алексей Тинькин, и комсомолец, бригадир бригады коммунистического труда, кстати, первой на заводе завоевавшей это звание, Евгений Ефимов, и комсомольский вожак, слесарь-монтажник Игорь Бреверн, и студентка Кораблестроительного института, как все студенты работающая на заводе, Лида Дедук.

К этому большинство прибавляло еще два тезиса. Оба тезиса представляются мне важными, и по порядку их излагаю.

Первый. Эта программа — для блага людей, для блага народа. В ней каждое слово проникнуто заботой о человеке, о его нуждах, о его счастье, о его будущем. Этот документ — высочайший образец гуманизма.

Второй. Это программа, выполнение которой потребует большого упорства и напряжения. Это программа, за которую мы будем бороться. Борьба — и в цехах завода, недавно вступившего в соревнование за звание завода коммунистического труда. Представляете, такой гигант выступил в славный поход! «Будем же соревноваться так, чтобы в недалеком будущем по праву завоевать звание «Адмиралтейский завод коммунистического труда», — писали в своем обращении ко всем труженикам завода коммунисты.

Ко дню съезда Адмиралтейский завод должен спустить со стапелей еще один танкер, портовый ледокол и рыбоконсервный завод, отойдут от достроечной стенки и отправятся в плавание танкер «Белен» и подшефный комсомолу плавучий завод «Павел Чеботнягин». Борьба продолжается — и в быту, и за то, чтобы каждый учился, и за то, чтобы искоренить остатки хулиганства на улицах нашего города (комсомольцы Адмиралтейского каждый день выходят в рейды).

Нет, не просто восхищение вызывает Программа, а и рабочее настроение. «Сколько еще дела впереди!» — мелькнула мысль.

Этот репортаж — первое впечатление, торопливое и взволнованное, как все, что я услышал от рабочих Адмиралтейского, замечательных тружеников, строящих корабли, которым ходить при коммунизме.

...В обеденный перерыв, согласно плану, разработанному партийной и комсомольской организациями, в красных уголках и на свежем воздухе начались коллективные читки проекта Программы Коммунистической партии Советского Союза. На стапеле газету развернул молодой коммунист Георгий Юношев. Вокруг расположились сборщики.

Читали и на участке предварительной сборки, где трудится Юрий Чернов. Только самого Чернова не было: он уехал с Любой во Дворец бракосочетаний.

А. Алексеев

(Смена, 1.08.61)

[Без комментариев! — А. А.]

* * *

[И еще несколько характерных извлечений из журналистского творчества автора рубежа 50—60-х гг. Но начну с исторической справки... — А. А.]

Справка

Из хронографии первой недели пропагандистской кампании по поводу нового патриотического движения (18-25.11.1958):

18.11.1958. Сообщение газеты «Комсомольская правда» о новом развитии «великого почина» — **возникновении бригад коммунистического труда**. *Зачинателями этого нового вида социалистического соревнования названы коммунисты и комсомольцы депо Москва-Сортировочная (того самого, где в 1919 г. был проведен первый «коммунистический субботник»).*

19.11.58. В газете «Ленинградская правда» опубликовано обязательство комсомольско-молодежной бригады токарей 20-го цеха Металлического завода Михаила Ромашова, соревнующейся за звание бригады коммунистического труда.³¹

20.11.58. В газете «Ленинградская правда» опубликованы обязательства комсомольско-молодежной бригады трубопрессового цеха завода «Красный выборжец» Николая Воронина³² и бригады слесарей завода «Электросила» Владимира Смирнова, соревнующихся за звание бригады коммунистического труда.

³¹ «...Михаил Ромашов заявил, что он и семеро его товарищей, стремясь приблизить великую цель — коммунизм, решили бороться за звание бригады коммунистического труда.

— Как мы это понимаем? — объяснил Ромашов. — Коммунистическая бригада — это значит отлично работать, отлично учиться, отлично вести себя в быту...» (Жить и работать по-коммунистически. Сборник документов и материалов о бригадах коммунистического труда на предприятиях Ленинграда. Л.: Институт истории партии при Ленинградском обкоме КПСС, 1960, с. 6).

³² «...На заводе «Красный выборжец», где 30 лет назад начиналось всесоюзное социалистическое соревнование, в борьбу за звание коллектива коммунистического труда вступила бригада трубопрокатчиков Николая Воронина. Члены бригады пригласили на завод М. Е. Путина, ныне — пенсионера, чья подпись стоит под первым в стране договором на социалистическое соревнование. При его участии они составили свое коммунистическое обязательство...» (Там же).

21.11.58. В ленинградской газете «Смена» опубликовано сообщение Николая Смирнова, бригадира токарей 19-го цеха Ленинградского завода полиграфических машин, о вступлении их коллектива в соревнование за звание бригады коммунистического труда. (Этот текст — см. ниже)

21.11.58. Сообщения о постановлении ЦК ВЛКСМ «О новом патриотическом движении комсомольцев и молодежи по созданию и развертыванию соревнования бригад коммунистического труда» и о постановлении Президиума ВЦСПС «О всемерной поддержке творческой инициативы масс по развертыванию коммунистического соревнования».

25.11.58. Решением бюро Ленинградских областного и городского комитетов ВЛКСМ присвоено звание бригад коммунистического труда: 1) бригаде токарей Ленинградского Металлического завода (бригадир Михаил Ромашов); 2) бригаде судосборщиков Балтийского завода (бригадир Василий Смирнов); 3) бригаде трубопркатчиков завода «Красный выборжеец» (бригадир Николай Воронин); 4) бригаде трубогибчиков Адмиралтейского завода (бригадир Евгений Ефимов); 5) бригаде № 56 фабрики имени Володарского (бригадир А. И. Эрмель); 6) молодежному коллективу механического участка 2-го фасоннолитейного цеха Кировского завода (комсомольский группор Николай Ерофеев).

25.11.58. В Ленинграде состоялась городская слет бригад коммунистического труда.

25.11.58. Передовая статья газеты «Правда» — «Бригады коммунистического труда».

...Коммунизм — слово-мечта, слово-призыв — стал словом-делом, творимой реальностью, которая все явственнее, все осязаемей входит в нашу повседневную жизнь, делая ее яркой, богатой, захватывающе интересной, превращая будни в праздник. Происходит это потому, что основой, сердцевиной коммунизма является радостный, сознательный, осмысленный труд на общее благо...

(Комсомольская правда, 18.11.1958)

...Всего несколько дней прошло с тех пор, как в печати появились сообщения о создании на ряде предприятий по инициативе комсомольцев и молодежи бригад коммунистического труда. За короткий срок весть об этих бригадах облетела всю страну, всколыхнула миллионы людей. В бригадах коммунистического труда советские рабочие и работницы увидели ту новую, высшую форму соревнования, которая подсказана самой жизнью и в наибольшей степени соответствует современному периоду развития нашей страны...

(Правда. 25.11.1958)

Из ленинградской газеты «Смена» (ноябрь 1958)

Будем учиться жить в коммунизме

Все комсомольцы нашей группы понимают: коммунистическое общество — общество уже самого близкого, осязаемого будущего. В этом нас наполняют уверенностью сама жизнь и планы партии, рожденные жизнью.

Огромная ответственность — жить в коммунизме. Мы хотим оказаться достойными его. Поэтому мы хотим учиться жить в коммунизме.

А как учиться этому?

У нас на участке дружный, веселый, почти исключительно молодежный коллектив. Незадолго до юбилея ВЛКСМ приняли в комсомол Юрия Рядько, Валентина Коновалова, Олега Гаврилова, Бориса Хусаинова, и о нашем участке токарей стали говорить: здесь вся молодежь — комсомольцы.

Все борются за высокую производительность труда. Внедрение комплексных планов позволило добиться средней выработки 250 процентов и уже к 1 сентября трем комсомольско-молодежным бригадам справиться с годовым заданием. Когда-то наш механический цех задерживал сборочные цехи, а сейчас имеет задел на несколько месяцев.

Из 26 комсомольцев — половина рационализаторы. Все учатся: 23 человека в институте, техникуме, школе, а остальные занимаются в политпросвете.

Мы привыкли все делать сообща. На коммунистическом воскреснике в дни празднования 40-летия комсомола были все комсомольцы, как один. И так каждый раз.

В театр, в кино мы устраиваем коллективные походы. Впрочем дружбу не измеришь одними ими. У нас, например, есть обычай: ко дню рождения каждому члену комсомольской группы делать подарки. А если у кого-нибудь случится беда, обязательно поможем товарищу.

На участке есть люди, по летам уже вышедшие из комсомольского возраста: Алексей Кудрявцев, Борис Узоров, Геннадий Домоведов, Павел Егоров и другие. Все они выросли здесь, на заводе. Вместе с нами они трудятся, учатся, отдыхают, все участвуют в общественной жизни. Мы по-прежнему считаем их не только воспитанниками, но и полноправными членами нашей комсомольской семьи.

Давно мы думали: достаточно ли всего этого?

И вот мы узнали о замечательном почине комсомольцев, вспыхнувшем вдруг в разных концах страны. Коммунистическое соревнование, движение за создание ударных коммунистических бригад! Оно, это движение, родилось в канун замечательных свершений в жизни нашей страны, на пороге семилетки. Нам кажется, что это и есть то самое, о чем мы думали давно, но чему не могли найти нужной формы, нужного названия.

Мы решили организовать у себя на участке бригаду, которая бы боролась за звание ударной коммунистической.

Как мы мыслим себе наш труд в дальнейшем?

Вчера мы еще раз взвесили свои возможности и решили, что повысим производительность труда еще на 3 процента. Это при старой оснастке. Если же администрация цеха даст нам на станки новую оснастку, мы сможем еще поднять производительность труда. Мы предлагаем составить коллективный комплексный план.

Каждый член бригады должен за два месяца, оставшиеся до XXI съезда партии, подать не менее чем по одному рационализаторскому предложению.

Брак у нас на участке ничтожен. Несколько месяцев назад, когда он достиг 0,21 процента, у нас это считали чрезвычайным происшествием. Но чле-

ны бригады, борющиеся за звание ударной коммунистической, обязуются совсем не иметь брака.

Будем держать самую тесную связь с Домом научно-технической пропаганды и стараться не только самим находить новые, более совершенные приемы труда, но и перенимать все лучшее, достигнутое на других заводах. Ежемесячно проводить День новатора.

Обязуемся также сделать наши рабочие места образцом культуры труда.

В отличие от прежних наших обязательств, мы внесли пункт об учебе. Учатся у нас все. И каждый обязуется закончить учебное заведение: Борис Максимов — институт, Виктор Маляров — техникум, Борис Арефьев, Николай Смирнов, Анатолий Кувязев — школу.

Каждый из нас будет еще более активно участвовать в общественной жизни завода.

А еще у нас возникла такая мысль. Девиз ударных коммунистических бригад: один за всех, все — за одного. На такую бригаду равняются, по ней судят, какими же станут отношения людей в коммунистическом обществе. Мы хотим разработать устав своей бригады. В нем мы выразим наши представления о человеке будущего. Пусть это будет высокая мерка, мы постараемся подняться до нее.

Вступая в бригаду, борющуюся за звание коммунистической, мы решили высокосознательно относиться к труду, решительно покончить с пережитками прошлого. Будет считаться недостойным званием члена ударной коммунистической бригады тот, кто хоть раз откажется помочь товарищу, кто неправильно поведет себя в быту.

Вчера принимали мы свое обязательство и договаривались о некоторых основных положениях своего устава. И уже вчера еще и еще ребята подходили, желая присоединиться к нам. Мы им говорим:

— А вы знаете наши условия?

— Знаем, — отвечают, — но мы тоже решили учиться жить в коммунизме.

Николай Смирнов, комсомольский группорг, бригадир токарей цеха № 19 завода полиграфических машин
(Смена, 1958, 21 ноября)³³

* * *

Из ленинградской газеты «Смена» (январь—сентябрь 1959)

<...> Мы стоим на пороге коммунистического общества. В нем жизнь станет богаче, люди красивее. Каждый из нас работает для этого.

Действительность, каждый день которой наполнен свершениями, тем не менее напоминает нам, что сделать еще нужно много.

Люди еще крепче, еще теснее берутся за руки, чтобы завоевать долгожданное будущее.

Пусть же в прекрасной этой борьбе не будет одиночек. <...>

(А. Алексеев. Странный парень // Смена, 17.01.59)

³³ Так называемый «организованный» материал. Текст фактически написан журналистом (в данном случае — автором настоящей книги) и лишь подписан рабочим Н. Смирновым. См. также: Жить и работать по-коммунистически... Л., 1960, с. 35-37.

<...> Товарищество древне как мир. И тысячу лет назад люди помогали друг другу, передавали свое умение, знания, опыт. Этому не могли помешать даже звериные законы эксплуататорского общества.

Потому что это неотъемлемо от человеческой природы, человеческого общения. Но только в нашем социалистическом коллективе отношения дружбы и взаимопомощи легли в основу общественного уклада. Само слово «товариш» стало обиходным: так теперь мы называем друг друга. А нынче, на пороге коммунизма, в нашем обществе совершаются процессы, в результате которых понятие товарищества приобретает новый, еще более глубокий смысл. <...>

Молодые производственники комбината на Пороховых, старейшины и правофлангового отечественной химии [*Охтинский химический комбинат. — А. А.*], предложили развернуть массовую помощь, своего рода шефство передовиков над менее опытными и отстающими товарищами. «Устроим ряды передовиков! — так сформулировали они свой призыв. — Пусть каждый, кто идет впереди, поможет двум своим товарищам». <...>

Это было достойное продолжение почина Валентины Гагановой.³⁴ В несколько дней оно также облетело страну. <...>

(А. Алексеев. Все, чем богат ты сам... // Смена, 30.08.59)

<...> Порой мы спрашиваем себя: а все-таки каким будет коммунизм? Не надо искать каких-то необычайных черт. Коммунизм в нас самих и вокруг нас, в свершеньях и характерах современников. Он в наших буднях. Только пока он существует в виде отдельных радостных примет, а в будущем станет цельной и прекрасной системой. Так из эскизов слагается картина.

А теперь познакоимся с жизнью одного коллектива — цеха коммунистического труда на Охтинском химическом комбинате. <...>

Хотелось бы, чтобы в борьбе за досрочное выполнение семилетки опыт первого цеха коммунистического труда открыл путь десяткам и сотням других. Пусть в ряды соревнующихся смелее встанут участки, цехи, предприятия! <...>

(А. Алексеев. Уголок коммунизма // Смена, 3.09.59)

...Воодушевленные великой целью, миллионы советских людей успешно выполняют задания семилетнего плана, уверенно строят самое справедливое, самое совершенное общество на земле. **Коммунизм близко, его животворное дыхание уже сейчас в наших буднях, в делах и характерах современников** (*Выделено мною сегодня. — А. А.*). Так сбывается ленинское пророчество: «Мы придем к победе коммунистического труда!»...

(*Жить и работать по-коммунистически...*

Л.: Лениздат, 1960. Предисловие)³⁵

³⁴ Почин вышневолоцкой прядильщицы Героя социалистического труда В. И. Гагановой (1959) состоял в переходе из передовой бригады в отстающую, чтобы подтянуть ее до уровня передовых. «Ценность и благородство поступка этого человека в том, что не материальная заинтересованность толкнула ее на такой шаг, а идея, идейная преданность коммунистическому строю» (Н. С. Хрушев).

³⁵ Персональное авторство «Предисловия» в книге не обозначено. Фактический автор — А. Алексеев.

Ремарка: из журналистов — в рабочие.

...В июле 1961 г. автор стал членом КПСС. Как можно понять из всего сказанного выше (см. авторскую саморефлексию 90-х и фрагменты «журналистского творчества» 60-х), этот шаг вполне отвечал его тогдашнему мироотношению и жизнеощущению.

А в сентябре того же года 27-летний журналист «вдруг» расстался с редакцией молодежной газеты, где успел проработать три года, и поступил на Ленинградский завод по обработке цветных металлов, в качестве рабочего-вальцовщика.

Кто-то из коллег «не понял», кто-то, напротив, высоко оценил этот романтический порыв, стремление быть «ближе к жизни»...

Выбор именно этого места работы был вызван отчасти тем, что данному ленинградскому предприятию предполагалось тогда (в партийных органах) первому в городе присвоить звание «завода коммунистического труда»...

Так как же оно там — в гущи движения «разведчиков будущего» — **на самом деле?**

Ниже — извлечения из авторского дневника (1961), посвященные первым дням и неделям работы на заводе. (Июль 2001 — февраль 2005).

П.22.4.2. Первый «эксперимент на себе»

Из дневника (сентябрь 1961)

<...> 3.09.61. Что я узнал о своей будущей работе подручного вальцовщика? Один из рабочих определил ее популярным в последнее время выражением: «Круглое — катать, плоское — таскать». За это катание и таскание в первый месяц я получу 90 руб. Отпуск — 18 раб. дней + 3 дня, после года работы. Работа в три смены. Несколько месяцев спустя, заработок — 100-120 руб. <...>

4.09. <...> Пройдут месяцы, год и, может быть, я не узнаю такого, чего бы в теории не знал. Не считая, конечно, прокатного или литейного производства. Но я узнаю такое, что не в теории, а на практике было со мной или рядом со мной, на **моем** заводе. <...>

6.09. <...> Узнал почему фунт лиха. (А интересно, сколько же это в среднем в день приходится перекидать тонн?). Наломался вдосталь, так что, если бы не душ, то вряд ли добрался до дома. За семь часов успел пережить первое, второе, третье и четвертое дыхание. Когда казалось, что вошел в ритм (эта та уверенность, что от неопытности), вдруг бац — лист на пол [алюминиевый лист, 2-5 мм толщины, весом до 50 кг, запускаемый вручную в валки прокатного стана. — А. А.], хорошо если не по ногам. И значит, ни в какой к черту ритм ты не вошел.

Туловище не гнется, в лопатке что-то стреляет, пальцы ослабли. Спина насквозь мокрая. А потом — каменная. <...>

7.09. Кстати, наутро это ощущение каменной спины, пожалуй, даже приятно. Но это наутро. А вчера вообще спины не было, то есть казалось, что ее нет.

Надо обязательно записывать сразу. Иначе теряет смысл очень значительная часть моего «эксперимента». Два дня я хожу и боюсь «расплескать» воспринятое. К тому же, если уж не говорить о деталях, то каждый день меняются оценки. А ведь мне интересен не только конечный результат. Пропустить день — все равно, что страница, вырванная из книги. А мне, если на то пошло, происходящее представляется книгой с занимательным сюжетом.

Сама по себе жизнь штука очень интересная, если рассматривать ее сквозь призму психологии невольного героя, а сюжетом избрать его приключения от героических до комических. <...>

Итак, спина разламывалась на части и осталась где-то около станка. Мне настолько «повезло» во второй день, что я какое-то время готов был думать, что это специально подстроено, «проверочка». <...> Пришлось встать на «задачу» [листов — в валки. — А. А.] с утра, не посмотрев, как работает подручный, сразу, причем начать с самого тяжелого «товара», листов дюрала, которых одному не поднять, а можно только ворочать. Даже женщины из бригады забеспокоились: «Какая же это учеба?». После окончания партии сочли своим долгом меня успокоить, мол, это не так уж трудно, последние листы хорошо пошли... Это оказалась, пусть стихийная, но все же проверка «на испуг».

Потом пошла «ложка» [производственный жаргон: малоформатные алюминиевые листы. — А. А.]. Она гораздо легче, но ее столько, что на ней гораздо легче разломать спину. Между прочим, ее не считают «выгодным» товаром. К концу смены я, новичок, не падал с ног, но отношу это лишь за счет остатков далекой гимнастической роскоши.³⁶

Наверняка я тратил энергии раза в два больше, чем привычный подручный вальцовщика на этом стане. Неумение проявляется прежде всего в расточительном расходовании сил.

<...> В раздевалке видел того, у кого украли брюки. У него еще свежо впечатление. Больше всего он возмущен, что взял кто-то из своих. <...>. «Уж если ты вор, так воруй у государства, ... твою мать, а тут у своего же товарища, работяги, с...л. Вас семь человек, и один из вас подлец... Да, какой-нибудь раз...дйай, вроде тебя». «Раз...дйай» — рабочий, о котором я пока знаю, что у него в гардеробе два шкафчика, оба набитых всяческим барахлом. Этакий «накопитель». Это вызывает беззлые насмешки товарищей. «Раз...дйай» соглашается, что может быть и вроде него... На следующее утро над ним уже посмеиваются: «У меня рубаха новая, поди укради». Тот сердится, но лениво.

Непомерно грубый юмор. «Симфония материны». <...>

* * *

10.09. Пролетарская этика. Вначале мне это показалось странным. К чести самоучки-исследователя — недолго.

В самом деле, есть чему удивиться. Ты приходишь в бригаду, тебе вместо знакомства суют в руки концы, показывают жестянку с керосином и говорят: «Промывай». Потом ставят сзади работающего стана и ты укладываешь прокатанные полосы. На следующий день ты стоишь уже с другой стороны

³⁶ Стоит отметить, что автор в ту пору был неплохо физически подготовлен: был разрядником по спортивной гимнастике и т. п.

и суешь листы алюминия в валки. Тебе дали минимальные объяснения, чтобы не уронить лист и не сделать брак. Ты проделываешь все движения совершенно бессмысленно.

Вообще никому до тебя нет никакого дела. Ты — пара рук, неумелых рук, с чьей неловкостью мирятся за неимением других. Твоя неловкость не вызовет даже матерщины. Ты — пустое место.

Тебя не спрашивают, кто ты, откуда, где работал раньше, как тебя зовут. Мне стало даже интересно, когда же мой временный старшой Володька спросит, как меня зовут. Он сделал это на четвертый или пятый день, хотел окликнуть меня, исправить какую-то мою ошибку, крикнул: «Эй!». Потом поинтересовался: «Тебя как зовут-то?». Но сделал это отнюдь не из какого-то интереса к моей персоне, а для собственного удобства, чтобы не кричать «Эй!».

Я мог бы предположить, что это индивидуальная особенность Володьки. Но другой парень — Миша — к которому меня определили на день резать полосы, вел себя абсолютно так же. Он произнес классическую фразу, достойную фигурировать в любом романе: «Я пропускаю полосу, а ты сбрасывай обрезки, а товар ложи в четыре ряда». Подумал, словно пожал плечами: «Все». О чем ему еще со мной разговаривать? В течение дня мы больше не обменялись ни словом.

Единственный вопрос, который еще задает тебе человек, после того, как ты спустишь семь потов, вкалывая рядом с ним: «Ты постоянно устроился?»

Это не природное немногословие Миши или Володьки. Во время работы к Мише подошел приятель. Видно, он вернулся из отпуска. Миша скорчил гримасу, выражающую удивление пополам с доброжелательством, и добрых 20 мин. болтал с ним, даже не снисходя объяснить мне, ожидающему очередной полосы, причину непредусмотренного простоя.

Против такого «пренебрежения» есть лишь одно защитное средство — держаться столь же безразлично и независимо. Насколько это в твоих силах.

Но нужно видеть и причину. «Ты устроился постоянно?» Ну, хорошо, это плюс в твою пользу. Но они еще не знают, кто ты и что ты. Прежде всего, они не знают, останешься ли ты в цехе, ведь сколько таких приходило и уходило через пару дней. К чему он будет загромождать свою память твоим именем. Возможно, ему это никогда не понадобится. К чему объяснять то, что тебе, может, и ни к чему знать? Вот поработай у нас недельку-другую, покажи, что ты собой представляешь. А может, не недельку, а месяц?

Люди верят не тому, что ты сам о себе расскажешь, а собственным глазам.

Конечно, ничего такого Володька, подручный вальцовщика, исполняющий обязанности старшого, пока бригадир в отпуске, так вот — ничего такого Володька не думает. Это у него заложено где-то глубоко, то, что я условно назвал «пролетарской этикой». Интеллигенты уже давно бы разговорились, и установили, что теща одного десять лет назад жила на той же улице, что жена другого...

Лишь однажды Володька проявил какую-то тень участия и спросил: «Устал?» Это когда я сумел, вопреки своей неопытности, выполнить норму. А черта ли ему в моей усталости, если даже норма не выполнена. Женщины-то мягче. Но это природное. А «социальное» — общее с Володькой.

В субботу [тогда была еще шестидневная рабочая неделя с 7-часовым рабочим днем. — А. А.] я занялся было подсчетом, сколько раз Володька скажет укоризненно: «Ну, ... твою мать». Один раз я даже стел возможным огрызнуться. Но это была своего рода победа. Для меня это означало относительно признание. Володька снизошел до матерщины.

Порой меня это злит. А порой я думаю: «Может и прав Володька?» Переживания новичка — это ведь только переживания. А у Володьки — норма, заработок и не только это...

Очень неприятно, но в первый день я чуть не уронил тяжеленную плиту ему на голову. Володька увернулся. Впрочем, если бы не пролетарская методика обучения, этого, может, и не случилось бы. Но ведь Володька не знает других методов. (О методах я уже говорил: «Толкай. Держи. Складывай»). Целый день после этого мы проработали вместе. Володька промолчал. И лишь на следующий день заметил: «Чуешь, как ты меня угостил». В самом деле — на лбу ссадина. Что ж, это по-мужски.

Ну, ладно. О пролетарской этике можно еще писать много. Интересно, что ни в одном «производственном романе» об этом как будто не писалось.

Признаться, меня не удовлетворяет стиль и качество этих записей. Хотя я написал на знамени своего дневника отсутствие стиля, как стиль, отсутствие логики, как логика, безграничный субъективизм, как метод восприятия действительности.. И все же...

* * *

10.09. **Норма.** Что такое норма? В первый день ее не существует. Есть гора алюминиевых листов и настенные часы в глубине цехового пролета. Вернее так: есть только часы. И сколько времени еще до 3-15. Во второй день есть лишь гора — точнее партия. Кончить партию и разогнуть спину. В некотором смысле второй день тяжелее первого. На третий день снова вспомнишь о часах. Но уже для того, чтобы определить, сколько времени ушло на партию. Ибо, исходя из этого, можно сообразить, сколько партий сделаешь за день.

Мне довелось начать свое знакомство с нормой на «ложках». Это самый трудоемкий и самый невыгодный товар. Листы сравнительно легкие, но катать [прокатывать, пропускать через валки прокатного стана. — А. А.] их долго, нудно, утомительно. Мы катали их два дня подряд, и это единственный вид работы, на котором я успел приобрести известную долю автоматизма. На «ложке» много не заработаешь. Поэтому ее не любят.

Я остался на вторую смену, посмотреть, как работает подручный на этом стане. Ведь мне пришлось встать к валкам, не видев, как работают другие. В той бригаде была атмосфера, которая мне показалась приятной. Бригадир материл ребят на приемке прокатанных листов — оба «Додики», после десятилетки, они никак не могли понять, чего от них хотят, и бригадир кричал: «Мать вашу, словно первый день!». Потом он проворчал: «Так мы с одной партией час проворочаемся, вместо 40 минут». И таким образом я составил свое представление о норме.

На следующий день я уже следил за часами. На первую партию у меня ушел час, потом 55, 50 и, наконец, 47 мин. А на самой последней я скис.

Просто я демобилизовался, думал, что уже конец, а Володька захотел прокатать еще полтонны.

Маруся тоже устала. Пожалуй, я ее на «ложке» «загонял». Во всяком случае, я дожидался, пока она уложит полосы. Когда Володька затеял дополнительную партию, она кричала через вальцы: «Кончай, ну и зараза!».

Мы сделали 7140 (или 7110) кг. А норма не то 7, не то 7,5 тонн. Но это, в конце концов, не важно. Если бы я знал, сколько норма, я бы уложился. Обычно бригада на «ложке» едва выполняет норму. <...>

* * *

11.09. Я снова остался на вторую смену и за полчаса наблюдения усвоил больше, чем за день, пока вкалывал. Мой резерв времени — пока вальцовщик отождет или прижмет валки. И нужно этим резервом пользоваться похозяйски.

Спина, поясница — все пришло в норму. Через неделю после начала работы еще болят руки, точнее пальцы, по-прежнему чуть опухшие. Самое неприятное — странная боль в лопатке. Видимо, это какое-то растяжение. Она дает знать себя не всегда, а в определенных положениях, каких — я не могу установить. Неприятно не столько боль, сколько сознание, что она в любую минуту может появиться.

Когда рубашка намокнет и прилипнет к спине, боль смягчается, словно от компресса. При напряженной работе о ней забываешь.

Цех горячий. Что же касается стана, то, хоть он и «холодной прокатки», мне в субботу не хватили и трех пар рукавиц, чтобы не жечь руки... В этот день я, вероятно, простудился. Пришел домой с температурой, целый день сбивал ее таблетками. По счастью удалось, не хотелось бы на вторую же неделю бюллетенить.

Горячий товар, горячий еще до прокатки. От него поднимается волна теплого воздуха. После же прокатки от металла идет дым (это воск горит).

...Оказывается «раз...дая» в самом деле подозревают в краже. Но не пойман — не вор. И над ним каждый день настойчиво подшучивают из-за его накопительства. «Пожарник по тебе плачет...». «Все в дом тянешь...». «Раз...дай» самоуверен: «Ты меня правильно понял». И здесь впервые я услышал упоминание о коммунизме: «С такими, как ты, к коммунизму не пойдешь».

* * *

11.09. **Коммунистический цех.** Случилось так, что прокатному цеху, так же, как и литейному (№ 2 и № 1), в один день, а именно — тот, когда я пришел на завод, 4 сентября присвоено коммунистическое звание [*«цех коммунистического труда»*]. — А. А. J. Во всяком случае, это совпадение более знаменательное для меня, чем для цеха. Как еще недавно я писал в газете, я пришел в коллектив «на готовое», «без борьбы» и т. д. В «уголок коммунизма!» И проч., и проч. <...>

Володькина бригада — тоже коммунистическая. Только не пойму, раньше ли ей присвоено это звание или одновременно с цехом. А теперь о том, как было встречено сообщение о присвоении звания.

Я узнал об этом, как и все рабочие, — из «молнии», вывешенной у проходной. «Молния» бросалась в глаза, ее прочитал каждый. Я не устоял от со-

блзна постоять минут 15 как раз на стыке смен у «молнии» и послушать. Через проходную шли рабочие как раз тех цехов, которым присвоено звание. Они самые — **разведчики будущего**.

Это было не очень тактично: в «молнии» о таком событии, как в каком-нибудь постановлении, писать фамилии начальника, пред. месткома, секретаря партбюро. Бестактность вызвала следующую реакцию: «Вкальываешь тут... А начальство вешают».

Рядом с «молнией» висела «тревога» (кажется из-за невывезенного масла — возникала опасность пожара). Тут же объявление о собрании рационализаторов. И записка: «Кто потерял серьгу в душе, обратитесь к кладовщице».

[Замечания рабочих. — А. А.]: «Нам — “молния”, а им — “тревога”...». «Коммунистическое звание, собрание рационализаторов, серьгу потеряли — мать твою так, сколько событий!».

Девушка повернула голову и наткнулась на начальника: «Ох, извините, это я на «молнию» загляделась...».

Нет, не восторг, не протест, — равнодушие. Потрясающее безразличие. Один этот эпизод мог бы послужить поводом для полного скепсиса.

Вся беда в том, что мы часто хотим увидеть то, что хотим видеть. А надо хотеть видеть то, что есть. И в том, что есть, улавливать тенденцию развития. (Вот и лови — «мать твою так, сколько событий!»).

Либо: коммунистическое движение, как, впрочем, и все прочее (обязательства, патриотизм и т. д.), — предмет забот одного начальства. Либо: все это запрятано настолько глубоко, что совершенно незаметно в повседневной жизни. И то, и другое, к сожалению, верно. У начальства — слишком напоказ. У рабочей массы — слишком запрятано. <...>

То, о чем я пишу сейчас, во всяком случае столь же интересно, сколько английская поездка *[поездка в Англию. — А. А.]*. А вот дневник — не ладится. <...> Возможно, это связано с тем, что я уже отстал на несколько дней.

Пожалуй, я не упустил главного, но это главное набросано слишком небрежными мазками. Слишком. Даже для дневника. Впрочем, для меня — ясно. Это мне важнее всего. И все-таки хочется от дневника большего. <...>

* * *

11.09. **Обманутый порыв**. Мы с Шурой правили какие-то полоски. *[«Правили» — на правильном стане. — А. А.]*. Для алюминиевых судков (ширпотреб). Таких прежде не правили. Шуре понравилась моя формулировка: «Работа не бей лежачего». Похоже, она ей была незнакома. <...>

Полоски получались кривые. Захарьич и мастер химичили, как бы их сделать прямыми. Они готовы были даже примириться с небольшой кривизной. Но пришел начальник цеха и сказал, что так не пойдет. Захарьич предложил проводить каждую полоску рукой. Получалось долго. Тогда отодвинули стол, стали пихать кое-как.

И тут... начинающий рабочий предложил рационализацию! Вбить в стол несколько пар гвоздей. Обмотать их тряпками. Запускать полоски со стола, а самодельные «ограничители» не позволят им пойти в валки наперекосья. Полоски получатся прямые, и все-таки быстро. А если просто их совать в валки, будут кривые. Захарьич не одобрил.

Тогда в перерыв я раздобыл гвозди, молоток и сам сварганил свою рационализацию. Выглядела она похабно, но идея здравая. Захарьич велел все же отодвинуть стол. Я сказал: «Пожалуйста, отодвину, мне даже лучше, но будут кривые». Захарьич ответил: «... с ним». Обманутый порыв, убитая мысль, в миниатюре. Если уж Захарьичу ... с ним, то мне и подавно. Нехай будут кривые.

<...> Мастер Косяков. Очень доброжелателен к странному рабочему с высшим образованием. Рассказывал, что 13-й стан, на котором я сейчас работаю, самый тяжелый; есть еще один, тоже тяжелая работа. Сам он работал на всех станах, кроме 13-го, прежде чем стать мастером. Впрочем, он, кажется, заменяет мастера.

<...> В пятницу я услышал единственный отклик на присвоение цеху коммунистического звания. Володька: «Слышала, цеху присвоили...». Шура: «Да, я вчера читала. А что толку?». Володька ответил жестом.

* * *

11.09. До меня дошла (в передаче) реплика, из интеллигентских кругов: «Лев Толстой ушел писать роман». Очень неприятно. Здесь и насмешка. Но я же решил плевать на все! Этого можно было ожидать. В человеке нет и доли тех претензий, какие ему приписывают. Но я не чувствую этого, встречаюсь со сменовцами. Скорее наоборот. <...>

Недавно был в «Смене». Я говорил: «Наша беда, что когда мы хотим что-то знать, мы задаем людям вопросы. А великое дело — узнать, не задавая вопросов». Я могу позволить себе роскошь не спрашивать. Мне некуда спешить, я и так все увижу. <...>

Еще и еще раз убеждаюсь, что мой поступок вызывает у иных и недоброжелательство... Вольно или невольно я бросил какой-то вызов. Подтверждение истины, что «жить в обществе и быть свободным от общества нельзя». <...>

* * *

12.09. **Брак.** Брак бывает разный. Вальцовщик может запороть партию. Если неправильно рассчитает расстояние между валками или ошибется в замерах. Это произошло на днях с Володькой. Надо было прокатать на 4,5 мм. А он прокатал на 5. Заметил бригадир сменщиков. Он опытнее Володьки. Когда-то, до армии Володька у него учился. Тот нас выручил. Взяли и быстренько полтонны перекатали до нужного размера. Володька словно сам сообразил, что напутал; пришел уже в пальто в цех, чего с ним обычно не бывает. Благодарил сменщика.

Подручный, в данном случае я, может запороть лист, или два, или даже десять, если пустит их слишком близко к шейке валка. Лист морщит по краям, порой рвет. Хороший подручный пускает листы один за одним, почти впритык. Но если один наползет на другой, то тоже будет брак. Я успел надевать и того и другого брака. Володька говорил: «Сегодня товар тяжелый. Если ты вчера лист в брак пустил, так это 5 кг, а сегодня 50». Но, пожалуй, его больше беспокоит производительность, чем качество. <...>

Вообще я оказался не слишком способным, но и не совсем неспособным рабочим. — Средним! Кости трещат. Но физических сил достаточно. Особенно, если расходовать их экономно. Иногда мне кажется, что в бригаде сменщиков я научился бы быстрее. Когда-то я просил у Гурия совета, как

работать в литейке. Его совет относится к любому производству с большой долей физического труда: «Не рвись!». Вчера я услышал это несколько раз.

Психологически это очень естественно: человек работает уже неделю. От его поворотливости зависит в значительной степени производительность и заработок всей бригады. Вроде он чего-то нахватался (маленький опыт). И он начинает «рвать». <...> Торопишься, надрываешься. Совестно иначе. А товарищам совестно смотреть, как человек мается: «Не рвись!».

* * *

22.09. **Ночная смена** — это нечто сугубо отрицательное. Противоестественное и антикоммунистическое. Антикоммунистическое в том смысле, что за лишние тонны металла, станки, товары платится человеческими нервами, мускулами, здоровьем. Ночная смена, в сущности, — всего лишь компенсация за отсутствие лишнего стана и производственной площадки на его установку. Это совсем не то, что, скажем, в литейке, где нельзя остановить печь.

Ночью не спишь и вроде не хочется спать, но приходишь домой и валишься как подкошенный. Урок из недели: спать утром часов до 2-х — 2-30, а затем часок-полтора перед сменой. Усталость почему-то больше всего сказывается в ногах. Идешь медленно, как после 20-километрового перехода. <...>

Работа подручного на 13-м стане, когда ты обывк, напоминает танец. Шаг вперед, два шага назад, полтора вперед. Танго! <...>

* * *

27.09. Когда на нашем 13-м меняют валки или другое что, меня посылают на другие станы. По одному-два дня перепробовал и на «кварто-250», и на резке, и на «кварто-1», и на «кварто-2». Мастер Петров: «Мне самому тебя жалко, каждый день на новом месте».

Третий лишний. На «кварто-2» работают троим. На «кварто-1» — вдвоем. Так по штатному расписанию. Меня удивляло уже не равнодушие, а прямо-таки недоброжелательство, с каким меня встречали в качестве третьего и второго, соответственно, Колька и Александр.

Дело в том, что там, где по штатному расписанию положено трое, можно управиться вдвоем. Правда, приходится побегать. И производительность труда все-таки меньше. Ведь каждому приходится делать не только свое, предусмотренное инструкцией, дело, но и помаленьку разрываться на части. Но зато, если я только чего-нибудь не путаю (нет, не путаю!) обычный заработок троих делится на двоих. И они даже рады работать вдвоем. Их это устраивает.

Иногда (не сразу) это признается рационализацией. И высвобождается рабочий. Но «лучше до этого не доводить», ибо тогда пересмотрят нормы и расценки. Разумеется, здесь нет и намек на «государственный подход». Впрочем, неизвестно, с точки зрения государства, что выгоднее: двое или трое.

Все это сочетается с прогрессирующей механизацией, которая действительно высвобождает рабочих. Но вот последний пример: сегодня на этом стане работали троим, а вчера вдвоем, и выполнение то же. Они еще способны примириться с третьим, если этот третий — опытный человек, могущий заменить их у пульта. А если этот третий кто-нибудь вроде меня, то он и подавно лишний.

...В этом отрывке не принято в расчет лишь одно, что бригада на «кварто» — коммунистическая. Но ведь они и сами этого не принимают в расчет!

* * *

<...> Кстати, одно из отличий рабочего класса от интеллигенции в том, что он не старается казаться лучше, чем он есть. Это — ключ, и лекарство к тому состоянию удрученности, которое иногда наплывает под впечатлением заводских «буден». Это и очень важно. <...>

(Записано в сентябре 1961 г.)

Ремарка: зачем пошел в рабочие?

Здесь приведены фрагменты дневника только первого месяца работы на заводе. С меньшей подробностью, иногда — с перерывами, в дневнике описаны два года работы вальцовщиком. Несколько месяцев спустя автор перешел с допотопного «13-го» на более современный прокатный стан — «кварто-2» (где уже не было ручной задачи листов в валки, а прокатывались алюминиевые «рулоны»).

В 1963 г. автор этих строк расстался с Ленинградским заводом по обработке цветных металлов и поступил на Волховский алюминиевый завод, в качестве рабочего-электролизника. Там проработал меньше года.³⁷

Первое «хождение в рабочие» имело цели как самоутверждения, так и познавательную. Но способ познания был совсем иным, чем 20 лет спустя. Говоря в социологических терминах (в ту пору автору, разумеется, не знакомых!) это был журналистский аналог «включенного наблюдения», но никак не «наблюдающего участия» или «социологии действия»...

В общей сложности «рабочая карьера» автора продолжалась тогда около трех лет. После чего вернулся к штатной работе в газете. (Июль 2001 — февраль 2005).

П.22.5. «Очарованная душа, проходившая через ад...»

Ремарка: книга — событие в жизни читателя.

Если бы спросили, какая книга из прочитанных за последние пять лет была для меня самым сильным переживанием и духовным открытием («внутренним событием»), я бы сказал: книга Тамары Владиславовны Петкевич «Жизнь — сапожок непарный». (Февраль 2001).

Рецензия Г. Померанца на книгу Т. Петкевич «Жизнь — сапожок непарный» (1998)

Как сбывалась душа

Мне рассказывали, что эта длинная рукопись так кого-то потрясла, что он нашел способ заработать деньги и опубликовать книгу совершенно неизвестного автора (Т. Петкевич. Жизнь — сапожок непарный. СПб.: АСТРА-ЛЮКС, АТОКСО, 1993). Я стал читать. Обыкновенная жизнь девочки, родившейся в 1920 году, забытой суровым отцом, заторможенной в реакция. Не находила в себе отклика на признания в любви. Обычные для той поры несчастья: арестован отец, персональное дело комсомолки, потерявшей бди-

³⁷ См. об этом ранее, в томе 1 настоящей книги: приложение 1 к главе 5.

тельность. (У доброй трети студентов ИФЛИ, где я учился, были подобные дела). Демагогическая фраза 38-го года: «сын за отца не отвечает». Тамару вызвали в райком вернуть билет. И неожиданная для нее самой реакция: «Ничто во мне не встрепенулось на холодное «возьми». А если так, бесчеловечно было брать отобранный документ. Я окаменело ответила: не надо! И ушла!». Простая естественная человеческая реакция. Но система не простила ее, а за первым поступком последовал второй: поехала в ссылку к другу детства со смутной памятью о декабристах, с неуверенной надеждой на любовь. Слежка, начавшаяся в Питере, продолжалась во Фрунзе. И в 43-м — арест. Есть натуры, блещущие в обычной жизни, но ломающиеся при высоких давлениях, в лапах смертельной болезни или в застенке. А есть другие: **чем больше давление судьбы, тем они сильнее** [выделено мною. — А. А.]. У Тамары открылось второе дыхание, о котором, может быть, никто бы никогда не узнал без вызова судьбы. Именно с обрывом «личной жизни» стала раскрываться ее личность. И с этого мига, с момента ареста самый искусный беллетрист не мог бы создать более захватывающего повествования. Тамару Владиславовну вдохновляло желание сохранить память о замечательных людях, с которыми свела лагерная жизнь. Там действительно был собран цвет русской интеллигенции, мозг нации. Книга в этом убеждает. Но когда пишешь о любимых, невольно рисуешь свою любовь к ним и так, в любви, рисуешь себя. Я с волнением читал отрывки из писем лагерных друзей Тамары Владиславовны. Но в центре остается Тамара, очарованная душа, проходившая через ад. Она отказалась купить свободу ценой подписки о сотрудничестве с «органами» и упорно отстаивала свою правду.

Зона. Этап. Жаркий ад сменяется адом холодным. Иногда Тамару жалеют, устраивают на работу полегче. Но она не умеет платить за это и снова попадает на дорогу к смерти. Полумертвой ее заметил врач, добился перевода в стационар, выучил на медсестру, но это было началом новых, нравственных страданий: спаситель оказался мучителем. Он хитростью выманил ребенка, рожденного рабой, а потом прятался от нее, вышедшей на волю, переезжал из города в город, пока ребенок не привязался к нему...

Между тем Тамару по фотографии в личном деле выбрали в актрисы культбригады (своего рода крепостного театра). Здесь она встретила человека, которого впервые в жизни горячо, беззаветно полюбила. Но Николая облучали в немецких лагерях (потом уже, как «изменник Родины», он попал в советские). Когда Тамара освобождалась, он умирал. Когда все было кончено, ей удалось добиться последней милости: ночью ей выдали тело умершего для похорон на «вольном» кладбище. Разрешил, никого не спрашивая, надзиратель. «Почему он отдал мне Колюшу? Почему разрешил похоронить на кладбище, все взяв на себя? Долгие, долгие годы, десятилетия, всегда и навсегда помню вас, стальногоглазый, хромой надзиратель Сергеев. Клянюсь вашему человеческому сердцу!». На воле пытки страхом: арестуют опять, если не дать подписку о сотрудничестве. Внезапно внутреннее освобождение от страха. И дерзкая поездка в Москву, на Кузнецкий. Темпераментная сцена в приемной МГБ: «Освободите от подписки, или я здесь же покончу с собой!». И снова прожжен лед: могущественное министерство выпустило ее из своих когтей. Тамара на-

конец на воле — внешне и внутренне, она едет в родной Ленинград, навещает старых друзей. Один из них удивлен: как она не озлобилась, не сжалась, откуда силы, блеск ее глаз? Неужели забыла и сына, и Николая? «Нет, не забыла, — отвечает Тамара, — как-то иначе, без забвения...»

Лагерная литература делится для меня на две неравноценные части: истории о гибели души и истории о росте души. Классик первого жанра — Шаламов. Его пытается продолжать Евгений Федоров. Классик второго жанра — Солженицын. Я тридцать лет спорю с его идеями, но не устаю восхищаться автобиографическими главами «Архипелага». Я убежден, что они останутся в одном ряду с другими великими исповедями. В этот ряд встает и книга Тамары Петкевич «Жизнь — сапожок непарный».

Г. Померанц.

(Культура, 9-15.04.98)

* * *

Интервью Т. Петкевич газете «Невское время» (1996)

— Что может удержать человека в экстремальных обстоятельствах, помочь сохранить себя?

— Экстремальные обстоятельства при шоке, который они создают, сами по себе выводят человека к интуитивному поиску спасительных соломинок. Соломинки разламываются, но все-таки держат, пока человек не нащупает «я есмь» — чаще всего не известного ему дотоле себя. И тут любая малость может оказаться огромной по значению: чья-то рука, простое участие, жалость к молодости или к старости. Если говорить о войне, блокаде, лагере, то чашка чая, кусок хлеба, сколок сахара, протянутые кем-то, — важнейшие человеческие сигналы. Еще литература, ее примеры. Уголовники в лагере жаждали услышать пересказы «Анны Карениной», иногда требовали другого конца. Рассказывая романы, можно было выжить. Эти подпорки были существенны и для тех, кто литературу знал, и для тех, кто не ведал, никогда ничего не читал. Все, что создано творческой волей, годится в помощь при крушениях. Даже в среднеазиатских или российских лунных ночах можно было найти утешение.

В юности я не могла понять, как человек выживает, если у него погибли родители, умер муж или жена. Оказывается, **он выстраивает благодаря познанию новой реальности.** [*Здесь и далее выделено мною. — А. А.*] Меняются местами начала и концы, открывая неожиданные перспективы и в нем самом, и в обстоятельствах. Мир расширяется, становится не только биографическим — бытийным. Это и дает возможность жить дальше, не теряя, а обретая себя.

— Как преодолеть страх?

— Страх ведь разный. Он попутчик коварный, вероломный, то и дело меняющий и свое содержание, и свою шкуру. Когда страх возникает от неведения, победить его проще — творческим воображением. Скажем, дети боятся темноты, леса, привидений, у них бывает испуг перед

жизнью как таковой. Вырастая, они преодолевают его. Но если страх намеренно создается бесчеловечными обстоятельствами, все куда сложнее. Тут выручает варварский способ: приходится включить в обиход сознания категорию смерти. Если в тебя вкоренены понятия долга и чести, то в муках, но все же легче совершить выбор: что преступить нельзя. То есть вплотную уясняешь свои отношения со смертью. И может оказаться, что смерть более достойна, предпочтительна, чем измена себе, предательство себя. Смелость как таковая тут не выручит. Надо просто перестать бояться смерти. Когда толпа раздетых людей идет в газовую камеру и никто не кричит, значит данный момент жутче смерти. Если не умом, но интуитивно люди это ощущают, хотя сознание такого принять не может. Страх как производное иезуитских измышлений — самый ужасный, губительный. Он убивает не отдельного человека, а самую жизнь.

— Ваша мама на вопрос, что самое страшное в жизни, ответила: голод. Что для вас самое страшное?

— Мне, пожалуй, уже стыдно чего-то бояться — возраст и судьба исчерпали многое. Не хочется, конечно, умирать в муках. Но страшно было бы оказаться свидетелем того, что люди повернут назад, к пещере, уже отмерив энное количество шагов к преодолению своей незрелости.

Наш народ не хочет и не любит задумываться над своим историческим опытом, помнить собственные поступки. Он словно мечтает, чтобы все сложное решал за него кто-то мускулистый. Это вызывает у меня страх, стыд, обиду: почему до сих пор такая слепота, глухота, безволие? Допускаю, что на митингах в защиту прошлого режима половина причастных к гонителям, а не к гонимым. Они не умеют думать иначе, вообще не умеют думать, сострадать...

— Много лет в нашем обществе насаждалась лагерная система отношений, доносительство, подозрительность, предательство — как норма, как подвиг. Люди были рабами, марионетками, управляемой властью массой. Это и многое другое исказило души, изуродовало нравы нескольких поколений. Нынешнее состояние общества, его духовный уровень — один из результатов успешной работы советской власти. Как выбираться из этого?

— Рецепт один, извечный — стать внутренне свободным человеком, человеком со свободной душой, обрести достоинство. Но мы еще даже не в подготовительном классе. Максимум достигнутого — когда не вешают о прекрасном прошлом, а призывают трудиться. У нас какая-то патологическая тяга к слипанию в массу, в замаятинское «мы». **Мы не прошли школу «я» — она умышленно, целенаправленно подавлялась.** Человек был социальной функцией, а чуть вылезала индивидуальность, следовало «приглашение на казнь». Медя любопытна тем, что ни на кого не сваливала свои преступления, она отвечала — «я». Наше общество к этому пока не приблизилось. Никто не скажет: я был предателем, палачом.... Это битое место, но государство не очистилось, как это сделала Герма-

ния — у нас так и не было Нюрнбергского процесса. А до тех пор проблеме не изжить.

— Поражает в книге ваше умение додумать все до дна, беспощадно. Это выработали в вас обстоятельства, люди или вы сами?

— Наверное, обстоятельства. Надо было «дорыть» до какой-то версии, чтобы, как говорил Чацкий, «рассудок уцелел». У меня была такая потребность.

— Вы так помните себя, окружающих, атмосферу любого события... вам бесконечно интересен, вами изначально уважаем любой человек. Это, конечно, во многом — качества писателя. Но как вы сохранили такую полноту восприятия, такие молодые, живые чувства?

— Мне, действительно, чрезвычайно интересны люди сами по себе. Я всегда отбрасываю, что про них «говорят», воспринимаю каждого с буквы «а». **Пока человек жив, ни одного нельзя считать «завершенным».** Когда ощущаешь человека в пути, необычайно много получаешь взамен. Люди благодарны, если их «не завершают», не ставят точки. Это и создает ощущение, что человечество — что-то теплое, живое, одаривающее, надо только чуточку помочь, и люди станут тем, чем их замыслил Бог.

У меня не было родных, которые могли бы меня поддержать в лагере. Папу в тридцать седьмом расстреляли. Мама и сестра погибли от голода в блокаду, другая сестра чудом осталась жива, попала в детский дом. Мне помогали только чужие люди. Я выжила благодаря посторонним. После освобождения я работала в театре маленького уральского города: в моем паспорте стояло «минус тридцать девять», то есть количество городов, где я не имела права жить. На самом деле их было гораздо больше, поскольку сюда следовало добавить все портовые, пограничные города и поселки... Так вот зимой на Урале, когда стояли пятидесятиградусные морозы, мы ездили на гастроли не в автобусах, а в грузовиках с брезентовым верхом. И вдруг пришла посылка от сестры жены А. О. Гавронского, с которым я была в лагере и которого считаю своим учителем. В посылке лежали аккуратно заштопанные теплые чулки, свитер, варежки. Кто я для нее?! Помню, я разложила на столе драгоценные для меня дары, стала перед ними на колени и не могла унять слез. Мне никогда не оплатить этот долг, это добро — другим, следующим.

— Наиглавнейшей ценностью для вас была и останется душа. Что, по-вашему, происходит с душами нынче? Как изменились люди? Меняются ли они вообще?

— Даже в ритмах ощущаются очевидные перемены. Блок считал, что «ритмы исходят из самой земли». Что руководит сейчас площадными ритмами? Они исходят из земли? Или ими правит сатана? Бесы? То, что эта шальная энергия разрушительна, — очевидно. Сейчас гибнет много соколетних: может быть, они чувствуют это разрушительное ускорение?

Но вдруг тут же, из-под хлама возникает и во весь голос поет живая душа. Значит, есть надежда...

Много непонятных законов определяют наше «сегодня». Знаете, я, например, не могу решить для себя вопрос о смертной казни. Когда речь идет о конкретном преступлении, — да, она должна быть. А в общем ее существование как бы невозможно.

— Что такое для вас интеллигент?

— Человек, озабоченный состоянием окружающей жизни, ответственный за нее. Он чувствует себя обязанным вымолвить то, что не может сформулировать беззащитный. Для интеллигента мало образованности — необходима доброта. Активное желание защитить пострадавших подвигает такого человека к действию. Для меня Сахаров — реальное и многозначное воплощение интеллигента. Я слышала, что у него есть работы, которые будут осмыслены только в XXI веке. Тревога за саму жизнь совершила в нем переворот: он понял, что следует подтянуть нравственную природу людей, чтобы они могли сосуществовать с достижениями разума. Это важно для хода истории.

— В вас много настоящих дарований: актерское, писательское, медицинское, педагогическое... И это наверняка не все. Осуществились вы только в двух первых. А кто вы, по-вашему?

— Никто. Не считаю, что в чем-то осуществилась. В юности мне не дали получить образование: из института иностранных языков отправили в ссылку, из медицинского — в тюрьму и лагерь. Этим я целиком обязана властям. Только в сорок я поступила в наш Театральный институт на театроведческий факультет из чистого упрямства: была работа, большая семья, но мне хотелось закончить институт. Когда я играла на сцене, у меня были удачные роли, любовь зрителей, но отсутствие школы мучило, снедало меня. Литературной школы у меня тоже нет, да и в книге я просто описала то, что происходило со мной и вокруг.

— Какие вы видите сны?

— Ужасные, мучительные. Часто кому-то кричу во сне «Нет!». Утежительные сны очень редки. Когда-то я видела цветные сны. Сейчас — тяжелые. Видимо, надо допережить, доосознать ситуации прошлого, из которых вызволял ангел-хранитель.

— Вы получаете много писем читателей, часто с ними встречаетесь. Что это дает вам?

— Сейчас это счастье моей жизни. В письмах столько индивидуального и общего, столько благородства, памяти, какой-то вал сочувствия. Они разные. Недавно получила письмо от жены охранника лагеря — она работала в зоне. Прислала свою фотографию. Я ее вспомнила. Но главный смысл писем и встреч, видимо, в том, что прежде ни о чем подобном нельзя было говорить вслух. Люди держали все в себе, в недрах семьи, в потайных домашних архивах. Оттого потребность высказаться,

понять, узнать остро жива. Это драма уже не тех, кто приходит, а их матерей, отцов, как правило, умерших. Я оказалась как бы **пограничным звеном между двумя поколениями**, поскольку меня арестовали в двадцать два года. Мы встречаемся не только друг с другом, а и с теми, кто погиб. В детях и внуках я вижу неуходящий трепет, слышу мучащие их важные вопросы. Они тоже хотят допонять то, что еще никак не захлопнется в памяти. И тогда я слышу ахматовское посвящение Бродскому:

О своем я уже не заплачу.
Но не видеть бы мне на земле
Золотое клеймо неудачи
На еще безмятежном челе.

Это разговор через десятилетия, он словно моление о чаше: источник сострадания не иссякает, боль становится одушевленной. Так, наверное, встречаются только люди, прошедшие войну, лагеря, и вершат свою поминальную молитву. Мы — лишь обозначение: суть перерастает факт встречи. Это не встреча читателей с писателем — тут другая природа, личная для каждого. Повторю: если бы государство устроило Нюрнбергский процесс, не было бы столь острой потребности в таких формах общения.

— Как вы воспринимаете наш город?

— Как вечный. Я так рвалась сюда все те годы, что была его лишена. Он вызывает во мне невыразимо сильные чувства, ни в чем не тускнеет. У него свой цвет, свет, он каждый день выглядит иначе. Мне всегда хочется быть с ним наедине.

— О чем-то главном я вас не спросила...

— Главное в тайне самой жизни. Ее не понять. Но когда ее ощущаешь, чувствуешь хоть какую-то степень приближения к ней, рождается благодарность. А если в ней, пусть поздно, все же торжествует справедливость... Тогда еще хочется дышать.

(Т. В. Петкевич. «О своем я уже не заплачу...». Беседовала Татьяна Золотницкая // Невское время, 15.06.96)

* * *

А. А.

Не город — созрелая полость,
а в тех раздвижных небесах
гранитная мышца уперлась
звезде в раззолоченный пах.

Не город — строка тараканья.
Вот эдак и переведи:
железо прозябло до камня,
и камень промок до кости.

И архитектура нелепа.
И архитектуры не жаль —

казенной картонкой совдепа
 предстанет петрова скрижаль.
 Не город — хотя и похоже
 рядами расставленных плит
 на город. Не город. Но что же
 так ясно, так звонко болит?

Андрей Чернов

* * *

П.22.6. Из стихов Эвелины Ракитской. 1984-1986

Ремарка: «Стихи хранятся где-то — это точно...»

И, наконец, обещанные мною ранее стихи Эвелины Ракитской.³⁸

Я воспользуюсь двумя источниками: (1) WEB-сайтом «Сетевая словесность»³⁹, где представлены стихи этого автора от 1984 г. до наших дней; (2) подаренным мне когда-то Эвелиной машинописным «Избранным. 1986», с подзаголовком «Проект дипломной работы студентки IV курса Литературного института им. Горького».⁴⁰

Эти два источника «пересекаются». То есть ряд стихов 25-летнего автора вошли и в сегодняшний творческий отчет.

Воспроизводя здесь несколько стихотворений Эвелины Ракитской середины 80-х, не удержусь также и от «экслюзива»: два произведения, которые представлены в моем архиве, а в современное «Избранное» автором не включены.⁴¹ (Май 2005).

Стихи хранятся где-то — это точно...
 все спрятаны — от оды до стишка,
 мы их оттуда достаем построчно,
 рукою шаря в глубине мешка.

Они когда-то в воздухе летали —
 крылатые пушистые зверьки —
 но их поймали и конфисковали
 в семнадцатом году большевики...

Теперь их держат на Центральном Складе,
 а кладовщик — надменен и суров —

³⁸ Об Э. Б. Ракитской см. выше: раздел 22.14.

³⁹ <www.litera.ru/slova>

⁴⁰ Судя по тому, что в моем архиве сохранилось несколько машинописных копий этого «Избранного», с пометкой: «Ноябрь 1986. А. А.», перепечатывал его (и, возможно, даже озаглавил...) я сам. Э. Р. окончила Литературный институт им. Горького в 1988 г.

⁴¹ Стихотворениями, взятыми только из моего архива, являются: то, что открывает, и то, что замыкает нижеследующую подборку. В случае разночтений (как правило, небольших) архивной и интернетовской версий одного и того же произведения, предпочтение отдавалось второй.

...А среди ранних стихов Э. Ракитской есть одно, особенно мне памятное. Оно обращено к Марине Цветаевой. Однако от воспроизведения его здесь удержусь. Ведь ни одного из своих стихов, датированных ранее 1984 г., Э. Р. не включила не то что в современное «Избранное», но даже и в «Избранное» 1986 г. Так что хватит уже и того моего самоуправства, что цитировал здесь «не спросясь» ее раннюю поэму «Не только о себе» (см. в предыдущей главе).

поэту подает мешок не глядя
и на пол просыпает кучу слов.
Валяются кругом «ланинты», «девы»,
«любовь» и «кровь», «рассветы» и «луга»...
И всем известно, что стихи налево
воруются из каждого мешка.
Хозяин склада за бутылку водки
выносит их через служебный вход,
где чья-то тетка (или просто тетка)
хватает и их мех пушистый мнет.
Какой-нибудь лоснящийся мужчина
сует их в целофановый пакет
и душит, превращая в мертвечину...
Он тоже называется «поэт».
Он их берет, как будто так и надо,
и набивает черный дипломат,
и щелкает замочком «дипломата» —
одни кусочки хвостиков торчат...
А ты поэт, без гнева и печали,
придешь однажды — и пусты мешки.
Но если всех зверьков уже украли,
где ж ты тогда возьмешь свои стихи?
С утра придешь — а склад уже закрыли...
И не напишешь ты ни «бэ», ни «мэ»! —
найдешь одни оторванные крылья
стихов, предназначавшихся тебе.
1983-1986

* * *

Будут гости шуметь,
будут гости играть на гитаре...
про «заезжего» петь
и беседовать о Кортасаре,
со значеньем курить
и талантливо стряхивать пепел,
и ругать и хвалить,
возводя в превосходную степень...
Будут суффиксы «ейш» —
«гениальнейший» или «глупейший»...
Только слушай да ешь!
И не думай о разном дальнейшем.
Развлекайся себе!..
И окурки в тарелке сминая,
подпевай о судьбе,
в падежах это слово меняя...
Только пой да играй!
За тебя все решили как надо —
не возьмут тебя в рай,
не записан ты в очередь ада.
Приведут тебя в ночь —
будешь туфли снимать у порога.
И не вырвешься прочь,

и гостей будет в комнате много...
 Не дадут умереть —
 ты у них предусмотрен как лишний.
 Не возьмут тебя в смерть —
 есть туда кандидат попрестижней...

Приведут тебя в день —
 и не сможешь уйти по-английски...
 Ты им нужен как тень
 или друг без московской прописки.
 И напрасен твой труд,
 и напрасно костюм отутюжен —
 в жизнь тебя не возьмут,
 потому что — кому ты там нужен?
 Потому что...

... Садись,
 что-то больше гитары не слышно...
 На гостей не сердись —
 каждый гость в этой комнате лишний...

1984

* * *

А когда тебя так любят
 эти маленькие перы —
 эти тонкие ресницы
 и голубизна в белках,
 а когда тебе так верят
 твои маленькие дети,
 надо жить на этом свете
 и не думать о веках...
 Не укрыться в черной раме —
 чувство долга... что ж поделаться...
 Надо быть живою мамой —
 остальное все равно.
 Как разбойник с кандалами,
 пусть душа смирится с телом.
 Ей на этом свете долго
 проболтаться суждено...

1984

* * *

Памяти Высоцкого

Я хочу быть такой,
 чтобы каждый на мелкие части
 мог меня разбивать,
 как в лесу разбивается крик,
 чтоб над каждой строкой
 мог любой, леденя от счастья,
 морщить лоб и вздыхать:
 до чего ж примитивный язык...
 Я хочу быть такой,
 чтоб меня принимали за эхо,
 чтобы кто-то локтями

меня отовсюду пихал,
 чтоб над каждой строкой
 критик мой, столбенея от смеха,
 морщил лоб и вздыхал:
 я уже это где-то слышал...
 Я хочу умереть,
 всем понятной от корки до корки,
 чтоб со всех сигарет
 падал прах мною сказанных слов,
 чтоб на кухнях гореть
 дополнительной пятой конфоркой
 и осесть на руках,
 став четвертою стрелкой часов.
 Растерять все свое,
 стать приправой, замешанной в блюде,
 разлететься в пыли,
 чтобы, напрочь меня позабыв,
 даже имя мое
 отрицали ученые люди,
 чтобы споры вели
 и решили, что я — это миф...

1984

* * *

Из цикла «Стихи лишнего человека»

<...>

2.

А я была уборщицей тогда.
 И, копошась в последствиях ремонта,
 сама себе шептала иногда
 навязчивые строчки из Бальмонта,
 которые учебник выдавал
 за идеал ритмического строя,
 чтоб ученик, как выкройку снимал
 приемы поэтического кроя...
 И мир был так удушлив и горяч
 и скроен по метрическим законам,
 что даже самый радостный рифмач
 терялся в нем, как плачущий ребенок.
 Все выводы за доводами шли,
 стояли перед следствием причины,
 и люди, в основном, себя вели,
 как женщины должны и как мужчины...
 ...Я знала, что Россию не люблю,
 (Любить себя — что может быть глупее?) —
 поскольку объяснить, за что люблю
 еще труднее и еще страшнее.
 Я знала, что куда ни кинь глаза,
 везде застыла ясность ледяная,
 и ничего благословить нельзя,
 одновременно с тем не проклиная...

<...>

5.

И пепел мой развеют над Москвой.
А чтобы не возникли осложненья,
я выторгую, будучи живой,
посмертное свое освобожденье.
Я, может быть, юристам дам на чай —
дам тысяч пять, пусть радуются, черти,
но чтоб потом пропало невзначай
у них мое свидетельство о смерти.

Потом я загляну в больничный морг,
и, расплатившись звонкою монетой,
скажу, чтоб не вскрывали череп мой,
чтоб, вынув мозг, набить в него газету...

А вас я попрошу стихи мои,
которые лежат в «архивах личных»,
не размножать на ксероксах в НИИ
и не сжигать на площади публично:
иначе кто-то сможет подсмотреть,
что вся их поэтическая сила
не в том, чтобы кого-нибудь согреть,
а чтобы кровь от ужаса застыла....

1984

* * *

Когда-нибудь меня разоблачат,
и по дороге от метро до дома
мне будет все казаться, что летят
за мной глаза обманутых знакомых...

Когда-нибудь меня разоблачат
и растрезвонят весело повсюду,
что мой так называемый талант —
не Божий дар, а цирковое чудо...

Когда-нибудь на все укажут мне:
дешевые приемы,
шарлатанство,

«легко жила»,
«писала о себе» —

и возвратят в обычное пространство.

Когда-нибудь меня вернут назад,
как слово, убежавшее из песни.
Так в утренний холодный детский сад
приводят после месяца болезни...

Я помню все: дразнилки за спиной,
и как совали шарики из хлеба
за шиворот... и мысль:

не мне одной

заметно, как я выгляжу нелепо...

Я помню все: прокисший вкус котлет
и тайное сознание превосходства.

С тех пор я целых девятнадцать лет

скрываю от людей свое уродство.
..Когда-нибудь меня разоблачат.

1985

* * *

Вы не дали мне краткого имени,
потому я так прямо стою.
Для чего ж Вы с собой привели меня
да и бросили в этом краю?
Разветвленная я, неуклюжая,
как сосна у небес в глубине,
как любовь моя — вовсе не нужная
к этой тянущей душу стране.
Не хочу для нее я эпитетов:
не «большая», не «серая»... нет.
Я не знаю ее и не видела —
только тихий чернеющий снег,
только ветер за низкими окнами
да кусочки пожухлой травы,
только я за немывыми стеклами —
я, назвавшая Бога на «Вы»...

1986

* * *

Марине Георгадзе

Когда я буду в Гарварде читать
какой-нибудь спецкурс,
и будет странно,
что все, о чем я буду вспоминать,
лежит за вечной гладью океана.
Я буду неподвижна и стара.
Студенты — веселы и белозубы.
Мне будет тяжело вставать с утра.
И тяжело улыбкой делать губы.
Беспомощно — как холод по спине,
когда из подворотни в спину дует, —
я буду говорить им о Стране,
и вдруг пойму, что говорю впустую...
И упустив спасительную нить
какого-то простого рассуждения,
увидю я: мне им не объяснить —
веселым и свободным от рожденья...
И я скажу, не подымая глаз,
далекую цитату вспоминая:
«Страна необитаема для нас,
и целый мир для нас — необитаем...»
(«Россия для нас необитаема, и наш благородный труд
докажет высокую моральность мышления...»
Баратынский — Вяземскому, 1832 г.)

1985-1986

* * *

Пока не поздно, надо умирать.
 Но перед этим надо что-то вспомнить.
 А чтоб запомнить, надо мир собрать
 и записать красиво. И запомнить.

Но как все это записать, постой... —
 чтоб не обрезать, как деепричастье?
 Смотри: и счастье может быть бедой,
 да и беда способна быть как счастье...

И по домам, как по своим следам,
 нелепостью знакомых удивляя,
 мы бродим, будто входим к ним в экран,
 по дням своим себя переставляя.

И нет дверей и стен для наших рук,
 и голос наш другие не услышат.
 Мы — только тень, дельфиний ультразвук,
 мы дождь, перебегающий по крыше.

По собственному прошлому идем,
 не в силах отогнать запретной мысли,
 что каждый шаг, смываемый дождем,
 потом к воспоминаниям причислим...

И чтобы не исчезнуть без следа,
 не стечь по крыше каменного зданья,
 ты пишешь пьесу, чтоб зайти туда
 и притворяться собственным созданием.

...Когда-нибудь я оглянусь назад:
 как белые огромные заплаты,
 на месте дыр-голов стихи стоят.
 Одни стихи. И под стихами даты.

1985-1986

Ремарка: со-временники...

Стихи, под которыми стоят более поздние даты, см. хотя бы на упомянутом выше сайте «Сетевая словесность». Мое же сегодняшнее особенное внимание к творчеству Эвелины Ракитской именно того периода (1982-1986) обусловлено прежде всего предметом собственного социологического (публицистического? исторического? смысложизненного?) изыскания.

Синхронные «жизненные миры» и образы времени (эпохи) в сознании тогдашних «отцов» и «детей», конечно же, не могли не различаться. Но и никак нельзя сказать, что, например, мы с ровесницей моей дочери в середине 80-х воспринимали социальный мир принципиально по-разному или говорили «на разных языках»...

И дело тут вовсе не только в личностных (психологических) резонансах. Различия в биографическом (жизненном) опыте отчасти компенсировались общностью актуального исторического опыта. Мы с Эвелиной были... «СО-временники»! (Июнь 2005).

Глава 23. Эпистемологические дебаты

...Наука, как ее стали потом понимать все профессионалы (что может быть скучнее профессионалов?), это уже не только учет возможных противоречий, как было в платоновских «Диалогах», но попытка выявить, что, — после всех возражений, — может быть признано за однозначно-определенную истину. Однозначно-определенная истина — это то, **что мыслится без противоречий**. Сравнительно легко было признать без противоречий, что существуют собаки, кошки, львы, сосны, пальмы и проч. Возникла аристотелевская «естественная наука», соответствующая нашим «систематикам» в ботанике и зоологии. Но уже бесконечно труднее было сговориться о силах и законах, владеющих событиями. Возникли попытки построить «геометрию без противоречий», «физику без противоречий», наконец, «метафизику без противоречий». Схоласты стали рисовать себе науку как совершенно безличную, однозначную, категорическую в своих утверждениях, чудесную и исключительную систему мыслей, которая настолько **сверхчеловечна**, что уже и не нуждается более в собеседнике и не заинтересована в том, слушает ли ее кто-нибудь. **Это пришел пресловутый рационализм!** Рационализм обожествил науку, сделал из нее фантом сверхчеловеческого знания. Профессиональная толпа профессоров, доцентов, академиков, адъюнктов и т. п. «жрецов науки» и по сейчас живут этим фантомом и тем более, чем более они «учены» и потеряли способность самостоятельно мыслить! Засушенные старые понятия они предпочитают живой, подвижной мысли именно потому, что там, где вместо живой и подвижной мысли взяты раз навсегда засушенные препараты мыслей, их легче расположить раз навсегда в определенные ящички. Вместо живо го поля — гербарий! Оно спокойней и привычней для рационалиста и рационализма! «De l'homme à la Science» («от человека к науке» — фр. — А. А.) — характерно озаглавил свою книгу по теории естествознания один из правоверных представителей современного рационализма Ле Дантек. «La Science» это, видите ли, уже не «l'homme» — это что-то неприкосновенное для человека!¹ Для этих самодовольных людей, которыми переполнены наши кафедры, было чрезвычайным скандалом, когда оказывалось, что систем геометрии без противоречия может быть многое множество, кроме общепринятой эвклидовской; и систем физики может быть множество, кроме ньютоновской. А это значило, что «однажды навсегда построенная система истин» есть не более, как претенциозное суеверие; а рационализм снова должен уступить свое, так хорошо насиженное место **диалектике**. Великое приобрете-

¹ «Вот отчего покойный П. Ф. Лесафт мог наблюдать, что через четыре года «выделки» слушатели оказывались значительно поглупевшими! Это оттого, что они заражались рационалистическим суеверием от своих учителей!» (Примечание А. А. Ухтомского).

ние нового мышления в том понимании, что **«систем знания»** может **быть многое множество**, развиваются они, как и все на земле, исторически и в истории имеют свое условное оправдание, но **логически равноправны. По-прежнему за ними стоит живой человек, со своими реальными горями и жадой Собеседника...**

А. А. Ухтомский (Из писем к Е. И. Бронштейн-Шур. 1928)

23.1. «Прорвался ли автор к сути?!» (фельетон о «Драматической социологии...»)

Несколько вступительных слов

Недавно ко мне обратился мой младший коллега²: не напишу ли я рекомендательный отзыв на подготовленную им рукопись учебного пособия по методике и технике социологических исследований? Прочитав, я предпочел ограничиться устными замечаниями и соображениями (рукопись показалась мне довольно «сырой»).

В свою очередь, я подарил коллеге только что вышедшую «Драматическую социологию и социологическую ауторефлексию» (тома 1 и 2): а не захочет ли он ее отрецензировать? Тот, прочитав оба тома, как говорит, с интересом, взялся за дело «с веселием и отвагою».

Итак, эту рецензию на свою книгу я, в известном смысле, сам же и «заказал»!

...Получилась своего рода тестовая (моделирующая) ситуация (стихийный эксперимент?). Вот, разница поколений... Разница базовых образований и профессиональных школ... Наконец, разница общеметодологических ориентаций (научных подходов).

*Как читатель, вероятно, заметит, мой коллега крайне самоуверен, и его сочинение, уж всяко, для автора не комплиментарно. Но, если отбросить шелуху красноречия и зубоскальства, его **рецензия комплементарна к книге**: она неплохо оттеняет позицию автора и расширяет круг «версий» эксперимента социолога-рабочего.*

В чем мы с младшим коллегой принципиально расходимся?

Автор настоящей книги полагает неуместным (ложным?) кардинальное противопоставление «субъект-субъектной» и «субъект-объектной» (можно называть и иначе) социологий, что обычно сопровождается апофеозом (провозглашением «правильности»!) той либо другой. Автор отстаивает тезис о равноправии и взаимодополнительности разных эпистемологических подходов к изучению социальной реальности.³

² Виталий Евгеньевич Григорьев — 1961 г. рожд. До недавнего времени — младший научный сотрудник Социологического института РАН. В 2001 г. окончил социологический факультет СПбГУ, а сейчас и преподает там.

³ «...По нашему убеждению, не в каком-то одном («правильном») концептуальном или методическом подходе, не посредством какого-то одного («наилучшего») способа познания могут быть раскрыты сущность явления или смысл события, а на стыке или в столкновении — «диалоге»! — разных подходов, в комбинировании и взаимодополнении («комплексировании») разных способов описания...» («Предисловие. От автора — сегодня. 2002»; том 1, с. 17).

Проблеме соотношения классической («субъект-объектной») и не классической («субъект-субъектной») социологии специально посвящен раздел В3.3 в томе 2 (там употреблялись другие термины: «объективная» и «субъективная» социологии).

Иначе думает мой оппонент, который демонстрирует свою безусловную приверженность (беззаветную преданность...) к одной лишь «объективной» (точной, строгой, «позитивной»!) науке. Что же касается активистских и интуиционистских подходов, в частности, в социологии, то он если и готов с ними примириться, то лишь истолковав их в духе узко понятого (вульгарного?) рационализма.⁴

По существу, это позиция воинствующего сайентизма (его рецидивов?), уже как будто становящаяся анахронизмом. Но предоставлю слово моему памфлетисту. (Июнь 2003).

Рецензия В. Григорьева на книгу А. Алексеева (май 2003)

[Здесь это произведение представлено в том виде, в каком мне довелось ознакомиться с ним весной 2003 г. Тогда же я поделился с В. Г. своими соображениями по поводу его работы (см. ремарки и подстрочные примечания ниже), а также своим намерением включить ее — с комментариями — в заключительный том «Драматической социологии и социологической ауторефлексии».

*Надо сказать, все авторские соображения были моим оппонентом благополучно проигнорированы, и вскоре за тем этот текст, **практически без изменений**, с незначительной редакционной правкой, оказался опубликован в «Социологическом журнале» (2003, № 2), да еще почему-то с ошибкой в обозначении авторства...⁵ — А. А.]*

Двухтомник Андрея Николаевича Алексеева «Драматическая социология и социологическая ауторефлексия» (1072 страницы) описывает квазиэкспериментальное исследование производственных отношений, предпринятое автором в 1980–84 годах. Исследование продолжалось до 1988 года, но хронологические рамки у книги более узкие.⁶ Автор поступил на работу наладчиком в «Ленполиграфмаш» и скрупулезно фиксировал производственные практики, с которыми сталкивался. Особенность метода А.⁷ состояла в том, что помимо наблюдений за естественным ходом событий автор выступал с определенными инициативами и описывал их последствия. Книга представляет собой т. н. «плотное описание». Автор включил в публикацию множество документов, относящихся как к самому исследованию, так и к его контексту. Одним из глав-

⁴ Интересно: а как обстояло дело со мной самим в середине 70-х, когда был в том же возрасте, что и В. Г. сегодня? Вспоминаю: будучи тогда, как и он теперь, адептом «позитивной» (подлинной!) науки, предпринял первую самостоятельную попытку разобраться, что же такое на самом деле есть **строгое** научное исследование. (Мою работу, в соавторстве с Б. Д. Беликовым, на эту тему, опубликованную в 1975 г., см. ниже).

⁵ Текст рецензии, опубликованной в «Социологическом журнале», подписан: «Л. Г. Григорьев, кандидат философских наук» (?).

⁶ 1980—1986 гг. — для томов 1 и 2. (Все подстрочные примечания здесь принадлежат автору настоящей книги. — А. А.).

⁷ Здесь и далее в оригинале документа — фамилия.

ных элементов контекста автор рассматривает себя, а возможно, и читателя. Поэтому читатель книги обнаружит личные письма, стихи *[разных лиц, но не автора книги. — А. А.]*, описания событий, произошедших совершенно независимо от деятельности автора, реакцию других людей на тексты А. Местами, автор признает, что «вышел из берегов», но в чем состоят эти берега? Контекст не имеет логических ограничений по определению. Латинское слово контекст означает «соединять плетением», результат плетения нитей называется **текстилем**. А что же невозможно соединить плетением в мире **текстов**, если все тексты строятся наподобие нитей? У них есть начало, конец и длина *[см! — А. А.]*.

Собственно полевое исследование имело целью рассмотреть гипотезы, относящиеся к процессу внедрения инноваций на социалистическом предприятии (страницы 256-257, первый том). Основные негативные *[? — А. А.]* гипотезы — о неэффективной экономической политике государства в целом выглядят подтвердившимися. Гипотеза о накоплении общественного осмысления социальных и экономических проблем и возможности достижения нового уровня в инновационном поиске не получила подтверждения. Вряд ли имеет смысл подробно обсуждать результаты исследования сегодня, когда объект — социалистическое предприятие — исчез.⁸ Автор весьма далеко уходит от схемы изложения, традиционной для социологии. Собственно, я нигде внятного перечня итогов исследования не нашел. Зато многократно подчеркивается ценность описания событий как жизненного документа. Автора следует отнести к той школе *[увы, не названа! — А. А.]*, которая считает, что результат исследования — это текст интервью, фильм или протокол наблюдений, а не проверка гипотез, получаемых из теоретического знания. Таким образом, это произведение следует воспринимать не как итог работы автора, а как отправную точку работы читателя, имеющего намерение лучше понять общество, в котором жил и живет А.

А. называет свой метод на разных этапах своей научной работы как «экспериментальная социология», «наблюдающее участие», «драматическая социология». Эти слова уже многое скажут специалисту. Сам А. отдал немало места в книге размышлениям о месте своего исследования в современной социологии *[?! — А. А.]*. Разумеется, дизайн исследования не может быть отнесен к эксперименту ни в виде замысла, ни в том виде, как он реализовался. Мне представляется важным подчеркнуть отличие метода автора от участвующего наблюдения. Каноны наблюдения как научного метода предполагают, что присутствие наблюдателя способно разрушить объект наблюдения. Отсюда предписание — минимизировать воздействие на объект. Автор исходит из того, что реалистическое воздействие на объект не только не противоречит целям социологического иссле-

⁸ Полагаю, что это — слишком категоричное заявление. О соотношении «преемственности» и «изменчивости» в общественном развитии см. в томе I настоящей книги: «Предисловие...». См. также в томе 3: приложение 2 к главе 12.

дования, но способно привести к получению необходимого знания, которое иным способом не может быть (легко) получено.

В качестве меры допустимости оценки предлагается принцип «вынужденной инициативы». Если что-то не заработает, то вину могут возложить на вас. Тогда лучше заранее угадать, в чем вас обвинят. Если представить свою инициативу как вынужденный системой шаг, то окружающие воспримут это с пониманием, т. е. вы осуществите экспериментальное воздействие, не поставив под сомнение его системный характер. Соответственно, система отреагирует нормально, как бы она реагировала на подобное воздействие в вашем отсутствии.

Еще один принцип, который использует автор, — принцип справедливости.⁹ Этот принцип регулирует отношения с людьми. Ответственность (читай неудобства) следует переадресовывать только тем людям, которым она и так изначально (по нормам производства) предназначена. Этот принцип позволяет гарантировать, что пострадавшие индивиды будут действовать в рамках сложившихся отношений и поле не будет разрушено.

И, наконец, можно выделить еще один принцип: «ситуационный максимализм». Самое действенное воздействие — не максимально возможное, а максимально уместное в сложившейся ситуации. Эсдек Мартов когда-то выразил воззрения экономистов таким текстом: «Если возможно, то осторожно, марш, марш вперед, рабочий народ!». Автор использовал этот принцип для «социального нормотворчества», т. е. создания новых образцов поведения.¹⁰

В целом, метод А. оказался способен решать те научные вопросы, которые автор формулировал. Я говорю о тех проблемах, которые были публично сформулированы автором перед научным сообществом, как сотрудником Института социально-экономических проблем [1981 г. — А. А.]. Кейс-стади оказывается уместным, если изучаемый объект имеет сложный характер. Огромное количество неконтролируемых связей на более общем уровне анализа выглядят как динамические (однозначные) закономерности, не требующие обоснования выборочными статистическими средствами [*динамические закономерности = однозначные закономерности?*] — А. А.]. Под сомнение можно поставить принцип ситуационного максимализма. Исследование было одним из факторов, приведших к старту новой карьеры автора — карьеры отщепенца-антисоветчика. Хотя автор сам себя таковым не считал. Обыск, следствие, исключение из КПСС, общественных организаций, какие-то странные происшествия. А. понимает куда мог привести этот путь, не зря он поместил в книгу и описание антисоветских «дел» и фрагменты биографий людей, по этим делам проходивших. Поскольку такая карьера явно не укладывалась в рамки исследова-

⁹ Формулировка рецензента. В тексте книги такого определения нет.

¹⁰ Пересказ авторского рассуждения о «ситуационном максимализме» и «социальном нормотворчестве» весьма вольный. (См. в томе 1, с. 218).

ния [производственных отношений. — А. А.], то говорить о «ситуационном максимализме» не приходится. Понятно, что оценить степень ситуационности в «кейс-стади» задача не простая. Нарушение границ приводит к разрушению всего исследования. Вернуться назад уже невозможно. Одно дело когда рядом с вами в налащиках работает советский социолог, а другое, когда антисоветчик, «вредитель», «саботажник», «шпион». Тут уже не до реализма повседневности...

Ремарка: две «карьеры».

«Карьера антисоветчика» изначально, понятно, не планировалась автором, но в рамки изыскания с «расширенным полем» вполне уложилась. И в «экстремальной» ситуации «реализм повседневности» проявился лишь отчётливее. (Июнь 2003).

...Если бы принцип был явно нарушен, то можно было бы только пожалеть об ошибке исследователя. Но дело в том, что произошедшее выглядит скорее как накопленный итог многих воздействий, каждое из которых не превышает пределы ситуативно допустимого максимума. И потом, все, что вчера не составляло проблемы, обрушивается водопадом обвинений. И как следствие — невозможность продолжать исследование [как его понимает рецензент. — А. А.]. Таким образом, ситуация, оказывается, обладает пределом выносливости, выход за который резко снижает пределы уместного воздействия. Но как диагностировать эти пределы, остается неясным. Скорее всего, автор не нарушал собственного принципа, просто он не сработал. «В какой-то момент рамки эксперимента социолога-рабочего расширились».¹¹ С другой стороны, если вмешательство КГБ рассматривать как внешнее событие, не имеющее причинной связи с исследованием, то методологический принцип можно и сохранить для дальнейшей проверки.

Большое место в начале книги автор отдает защите «качественных методов». Конечно эта полемика на методологическом уровне архаична.¹² Она возникла тогда, когда в статистике господствовали параметрические методы, вычислительные мощности были не в состоянии справиться с математической обработкой более-менее реалистичных моделей социального мира, а математический аппарат считался непригодным (во многом обоснованно) для работы с категориальными данными. Все это уходит в прошлое на наших глазах. «Понимание», «субъективный смысл» и т. п. больше не являются сущностями, противостоящими естественнонаучному подходу, а успешно моделируются какими-нибудь

¹¹ «...В какой-то момент я понял, что силою обстоятельств (среди которых и моя роль, пожалуй, не пассивна) рамки эксперимента социолога-рабочего расширились...» (Из письма М. С. Горбачеву, апрель 1986; том 2, с. 373).

¹² Как будет показано ниже, дискуссия на этот счет в отечественной социологии продолжалась до середины 90-х гг., да и сейчас еще можно встретить ее отголоски. (См., например, журнал «Неприкосновенный запас», 2004).

сингулярными матричными разложениями или рядами Фурье на базе вполне измеримых характеристик *[!! — А. А.]*.

Разница между двумя подходами сегодня, как мне кажется, состоит вот в чем. Традиционный социолог заявляет: «я знаю, что в этом озере есть золотой ключик, сейчас я вычерпаю воду и найду его. Если гипотеза не подтвердится, то Тартилле придется пересмотреть ее взгляды». Сторонник мягких подходов говорит: «в озерах можно найти много интересного — возможно, здесь могут быть золотые ключики. Сейчас я вычерпаю воду и опишу все, что найду». Разница незначительная, процесс вычерпывания одинаковый в любой процедуре. И ключик будет найден, если он только есть.

Проблема в том, что вокруг вертятся какие-то люди, которые бегают с ведрами, черпают воду, выливают ее куда попало, бросают дело на полпути и вообще неясно чем занимаются. Если их спросить что они делают, они ответят, что им нравится процесс вычерпывания, а шум вылитой воды и есть главный результат поиска золотого ключика. Свое поведение они обоснуют ссылками на тех, кто уже раньше занимался вычерпыванием воды. Проблема в том, что если человек плохо знает социологию, то в позитивистской социологии это обнаруживается мгновенно, а в качественных подходах — нет. А социологов, которые плохо знают социологию, особенно методику и технику, у нас много. И единственным результатом усилий в качественной социологии чаще всего становится хорошо проведенное время в уютном социологическом оазисе *[гм! — А. А.]*, защищенном пустыми фразами о том, что «преждевременная строгость опасна» или «в праве на научность качественным методам отказывают только ригористы».¹³ Не отказываем. Если это методы, а не журналистская риторика...

Ремарка: кульминационный пункт памфлета.

Тут филиппика моего дискусшанта достигает кульминации. Под «какими-то людьми», мешающими «настоящим социологам» (хоть традиционным, хоть не традиционным...) искать «золотой ключик» на дне озера, он, похоже, подразумевает... автора книги.¹⁴ (Июнь 2003).

...Человек по животной природе собиратель. Ему свойственно познавать все подряд. Наука началась тогда, когда пришло понимание, что собирательство следует ограничить. Типичное, воспроизводимое, сравнимое, наблюдаемое и т. д., и т. п. Отказ от строгости это движение от науки к схола-

¹³ (1) «Строгость, примененная слишком рано, может оказаться смертельной» (*Понф Г.* Отношение и контекст / Принципы самоорганизации. М., 1966, с. 426. См. в томе 1, с. 20).

(2) «... В праве на научный статус “качественной социологии” сегодня отказывают разве что уж слишком ригористичные поборники “объективного” социального знания...» («Предисловие...»; том 1, с. 38).

¹⁴ Что ж, процитирую себя, коль скоро этого не сделал рецензент: «...Так какая же книга предлагается вниманию профессионального (но и не только!) читателя? Не вполне социологическая, но и не философская... Не мемуарная, но и не историческая... Можно, конечно, усмотреть тут и журналистику, документальную публицистику... Так или иначе, книга все же написана социологом. От своей профессиональной принадлежности не отрекаемся!..» («Предисловие...»; том 1, с. 39).

стике [! — А. А.]. У А. это движение к литературе или журналистике, но схоластика тоже представлена в книге текстами <...>. ¹⁵ Это уже было. И этого аргумента достаточно. Кого не убеждает история, не убедят и тексты.

Прелести книги не исчерпываются описанием исследования. Вторая часть названия — «социологическая ауторефлексия». Слово «социологическая», возможно, ничего не значит. Где-то А. утверждает, что социология это то, чем занимаются социологи. ¹⁶ Есть у него и более общая формулировка, пригодная для любых случаев: «суди себя сам». Соответственно, любая ауторефлексия социолога становится автоматически социологической. А возможно и значит что-то. Ведь почему-то автор борется со званием антисоветчика, не признавая за советскими организациями право на произвольное навешивание ярлыка. Будь я автором, то последовательно бы полагал, что антисоветчик это тот, кого считают антисоветчиком. Понять А. трудно, поскольку, с одной стороны, он выступает против методологической строгости — исследование это то, что я как профессионал считаю таковым, суди себя сам, — а с другой, постоянно требует от людей и организаций, особенно начальства, игры по всем правилам. Неудивительно, что с такой двойной моралью он постоянно попадает в ситуацию обиженного [? — А. А.]. То от него требуют игры по правилам системы: раскаяний, клятв верности, признания ошибок, а он эти правила не соблюдает, то те, кто должен соблюдать правила, — правоохранительные органы. например, — их постоянно нарушают, видимо полагая, что право это то, что охраняют правоохранительные органы...

Ремарка: «Суди себя сам».

Рецензент совершает, похоже, неосознаваемую им подмену предмета: не то, «каким быть исследованию», а именно себя (свою жизнь) автор судит сам (чего, кстати, и моему оппоненту, и кому угодно от души желаю). (Июнь 2003).

...Сам А. формулирует цель ауторефлексии как «прорыв к Сути (последняя сама по себе далека от однозначности)». Суть — это устаревшая форма глагола быть, третье лицо, множественное число. Сегодня мы скажем «они есть», а не «они суть». [Ну, зачем же за всех говорить? Я, например, так не скажу. — А. А.]. В этой книге **суть** используется как существительное, смысл которого мне не очень ясен, оно означает нечто скрытое, туманное, неизвестное для автора и обладающее возвышенным значением...

Ремарка: суть и сущность.

Суть — бытовой эквивалент философского понятия сущность. Дискутант здесь не очень корректно перелагает авторскую мысль из «Предисловия»:

¹⁵ Здесь мною опущены фамилии. Легкомысленный выпад избыточно самоуверенного полемиста в адрес моих со-авторов полагаю заведомо неприемлемым и позволю себе его здесь опустить.

¹⁶ «...В давних спорах о том, что же такое социология, было и такое остроумное определение: «Социология — это то, чем занимаются социологи»...» («Предисловие...»; том 1, с. 39).

«... Сама по себе множественность подступов к предмету не есть самоцель, а попытка обеспечения “прорыва к Сути” (последняя сама по себе далека от однозначности!). Это всего лишь способ “многоканального” продвижения к целостному познанию социальной реальности, которая сама по себе есть “целое”...» (Том 1 настоящей книги, с. 17).¹⁷ (Июнь 2003).

...На этом пути ничего интересного для социологии [в лице рецензента. — А. А.] автору обнаружить не удастся, но читатель с несоциологическими интересами [т. е. «не специалист». — А. А.] кое-что обнаружит. Книга является еще и социологическим Карнеги [! — А. А.]. Она начинается как социологическая инструкция к станку ПКР КО-120. Инженер мог бы написать: «Прежде чем включать станок, убедитесь, что ручка 2 стоит в нейтральном положении, а уровень масла на индикаторе на правой панели находится между отметками 5 и 8...» И т. д., и т. п. А. предлагает [самому себе. — А. А.] «сначала подумай, потом спроси», «не спрашивай второй раз того же самого». «Вызывает раздражение та кошка, которая мучает [мяукает. — А. А.] беспричинно». Постепенно максимы, якобы извлеченные из производственных ситуаций превращаются в жизненные наставления: «делай только то, что никто за тебя не сделает», «хочешь побольше узнать — поменьше спрашивай», мое самое любимое: «лучший способ подвести начальство — последовательно выполнять все его распоряжения». Я пишу «якобы», поскольку максима, появившаяся в тексте как обобщение социолога А. ситуаций на Ленполиграфмаше, позже оказывается воспроизведением фразы журналиста А., придуманной для описания работы на алюминиевом комбинате.¹⁸ Для меня очевидно, что из ситуаций автор привлекает только то, что уже присутствует в его темпераменте, хотя, кажется, не всегда замечает этого [это? — А. А.] из-за присущего ему нарциссизма. «Суди себя сам». Нарциссизм это не плохо. Психолог Сергей Ушакин так характеризует активность нарциссической личности: «Агрессия нарцисса, таким образом, есть всегда ответ на удар, которого еще не было, есть всегда скрытое признание угрозы потенциальной демаркации идентичности — будь то идентичность половая или идентичность профессиональная».¹⁹ Мог ли придумать принцип вынужденной инициативы другой психологический тип? Хотите писать такие же книги? Попробуйте следовать неформальным правилам А.:

¹⁷ И еще в одном месте — про «Суть»: «...Мы зажаты корсетом профессионализма, автоцензуры, стремления увидеть свое сочинение в печати. Так вот, хочешь прорваться к Сути — раскрепости себя так, чтобы было заведомо “не профессионально”, “не прилично”, “не печатно” (ни там, ни сям!)... Говори так, как можно только с “очень близкими” или с “очень далекими” разговаривать...» (Из «Писем Любимым женщинам»; том 1, с. 194).

¹⁸ «Будь моя воля, я бы издал такие заповеди для молодого электролизника: ... 2. Не стесняйся задавать вопросы, но и не спрашивай того, что уже знаешь или сам можешь сообразить...» (Из очерка «Как меня учили». 1964; том 1, с. 403).

¹⁹ Похоже, рецензент усмотрел в моей книге угрозу потенциальной демаркации своей собственной профессиональной идентичности... А зря!

- регулярно посылайте научный отчет друзьям, например, в письмах;
- учитывайте потраченное время;
- протоколируйте свою жизнь, отдавайте этому 30 минут каждый день.

Проблема будет у вас та же, что и у всех читателей Карнеги. Если вы хмурый, то знание о необходимости улыбки не поможет. Нужно знать как перестать быть хмурым, а этого Карнеги не сообщает. Но добрые советы потому и называются добрыми, что не приносят зла. И еще. Я, конечно, не верю, что достаточно начать писать протоколы, чтобы стать социологом [*я тоже не верю в то, что оппонент мне как будто приписывает. — А. А.*]. Разве что социологом жизненного мира по Шюцу. Но по Шюцу в жизненном мире каждый человек уже социолог, а значит опять-таки протоколы не помогут.

Да, спросите вы, прорвался ли А. к Сути? Вот его собственный вывод: «Ключевые смысложизненные вопросы оказались для автора не разрешимыми».²⁰

Потрясающим достоинством книги А. является ее полилогичность. На титуле стоят 16 авторских копирайтов. Читатель найдет первичный материал, комментарии, комментарии к комментариям, параллельные тексты, альтернативные тексты.²¹ Посмотрите сами. В наше время, когда круглые столы и конференции представляют зачитания заранее написанных текстов, книга А. демонстрирует возможность альтернативы. Книга А. прекрасный образец социального нормотворчества, пример «наделения смыслом труда, настойчиво тяготеющего к бессмыслице».²² Жаль, но научный труд тяготеет к бессмыслице, как и всякий другой.

Полилог книги А. живой. Он живой благодаря тому, что тексты воспроизводятся как документы, т. е. в том виде, как они появились. И видно людей. Вот коммунист А. доказывает, что он не антисоветчик. Если он коммунист, то кто те, кто его исключают? Один против всех своих. Борется открыто. Вот друг А. — антисоветчик [*зм! — А. А.*], марксист. Как марксист знает, что должен занять свое место в классовой борьбе. Но зачем, если «концептуализация превращенной формы, извлеченная и развернутая Мерабом Константиновичем Мамардашвили из «арсеналов» «Капитала», стала, пожалуй, «самым страшным снарядом» в «голову» со-

²⁰ «...По большому счету опыт социолога-испытателя следует трактовать... как ограниченную условиями исторического места и времени попытку жизненного самоосуществления человека. Причем ключевые смысложизненные вопросы, к решению которых была устремлена эта попытка, в пределах данного эксперимента, как такового (в последнем случае выделено мною сегодня. — А. А.), оказались для автора не разрешимыми...» («Предисловие...»; том 1, с. 35).

²¹ Ср. с включенной в настоящую книгу пародией на «Письма Любимым женщинам» (т. 1, с. 163).

²² В тексте, датированном 1979 годом, т. е. в пору работы автора в Институте социально-экономических проблем, речь идет о том, что «львиная доля усилий» в рамках времени, затрачиваемого на собственно профессиональную деятельность, уходит на «борьбу с энтропией» и на «наделение смыслом труда, настойчиво тяготеющего к бессмыслице» (том 1, с. 513).

ветской идеологии». Дело-то уже сделано Мамардашвили. А проблемы А. с идеологией как бы и существовать не могут, поскольку в «голове советской идеологии» разорвался «самый страшный снаряд». А в деле А. идеология основывается вовсе не на «Капитале», а на убеждении, что Ленин сказал, «что жить в обществе и быть свободным от общества нельзя» (мнение секретаря партбюро цеха «Ленполиграфмаша»). А сила снаряда зависит не от правильности слов, а [от. — А. А.] того, насколько авторитетен артиллерист. И не сказанные слова Ленина²³ могут оказаться важнее сказанных слов Маркса, когда они используются как снаряды. А. посылает «правильные слова», а его враги нет. Но побеждает система. А кто-то живет и объясняет себе, почему он выбрал «рефлексивный» путь, а не политико-силовой, когда по теории [марксистско-ленинской? — А. А.] вроде бы следовало выбрать последний. Все уже в прошлом, а они все доказывают себе, что были тогда правы...

Ремарка: ментальный конфликт «отцов» и «детей».

...*Очередная небрежность (надеюсь, не подтасовка!) В. Г. На самом деле, мой со-автор — Р. Ленчовский — пишет о жизненном выборе вовсе не «рефлексивного пути», а о «рефлексивно-рефлексивном сопротивлении».*

«...*Рефлексивным, поскольку не мы начинали, с нашей стороны были ответные действия на вызов того, что называлось деформациями социализма». Рефлексивным же — поскольку это были действия в рамках не политической (скажем, «диссидентской», правозащитной и т. п.), а профессиональной рефлексивной (духовной) деятельности.*

Сопротивление же — не внесистемное, а внутрисистемное: система — «была для нас чем-то исходным, условием, с которым мы в любом случае, раз мы остаемся здесь, “внутри” этой общественной системы, — должны считаться. Мы сопротивлялись как раз тому, что было для нас и нами воспринималось как извращение системообразующих принципов» («На что мы надеялись...»; т. 2, с. 228-229).

Мой со-автор «судит себя сам», в отличие от рецензента, который предпочитает судить другого.

Вообще, в этой части сочинения В. Г. явственно проявляется уже не конфликт научных парадигм, а ментальный конфликт «отцов» и «детей». Последние в этом рефлексивном конфликте иногда агрессивны... (Июнь 2003).

...Считается, что реферат — важнейший компонент рецензии. Для меня эта задача оказалась непосильной. У А. слишком много сюжетов. Это книга не нарратив, она имитирует жизнь со всеми ее нелогичностями и разрывами. Так что в книге есть много чего, чего я даже не коснулся...

²³ Почему же «не сказанные слова»? Секретарь партбюро цеха (том 2, с. 110) сослался на широко известное высказывание В. И. Ленина (из статьи «Партийная организация и партийная литература»).

Ремарка: к вопросу о литературных, журналистских и научных жанрах.

Действительно, дискуссиант «много чего» не коснулся. «Сюжеты» — биографические, научные, социокультурные, политические, всякие иные — и впрямь слишком многочисленны и разнообразны. «Как в жизни»... Сравнивая с литературными жанрами, данная книга, уж всяко, не социологическая «повесть», а социологический «роман». (Если, конечно, полагать это произведение социологическим; в том смысле, в каком социологию понимает мой «читатель-профессионал», оно, конечно же, таковым не является).

Интересно, что, судя по тексту рецензии, мой оппонент следил больше за «фабулой», чем за «сюжетами». Во всяком случае там, где автор или его со-авторы занимались не описанием «событий» и «процессов», а их истолкованием (20 лет назад или сегодня — неважно), не просто предъявляли социальные факты, а интерпретировали их, это коллегу интересовало мало. (Если первое для него — «журналистика», то второе — «риторика»! А где же — измерение?!).

Как же мне определить жанр работы моего критика? Вот, нашел определение: «фельетон»! Жанр, как известно, сатирический или юмористический. Но вроде — не научный... Хотя — почему бы и нет? (Июнь 2003).

...Можно было пойти другим путем. Если главный итог исследования А. его описания, то соответствующая рецензия должна быть историей чтения этой книги. Со всеми отвлечениями и посторонними моментами. 1000 страниц за один присест не одолеешь. Но история у каждого может быть своя. Писать глоссы на глоссы значит впадать в дурную бесконечность. Хорошая рецензия должна закрывать необходимость чтения книги. Так же как хорошее исследование закрывает необходимость поиска каких-то ответов, находя решения вопросов [?! — А. А.]. А бы предпочел вопросы ответам. Путь плохой, поскольку тупиковый, хотя этот тупик и выглядит бесконечным. Плохую рецензию я писать не стал, а с хорошей не справился. Так что читайте Алексева, и не следуйте его максиме: «делай только то, что никто за тебя не сделает». Мой экземпляр книги прочли уже двое, оба с удовольствием.²⁴

В. Григорьев, май 2003

Ремарка 1: МОНОлогизм versus ПОЛИлогизм.

...Коль скоро от комментариев («глоссы на глоссы»?) я все равно не удержался, еще три — **общих** — наблюдения, по поводу вышеприведенного текста.

(1) Интересно, что единственным усмотренным рецензентом предметом авторского изыскания являются только отношения на производстве. Все остальное, коль скоро не было изначально заявлено в «гипотезах» (например, на заседании ученого совета ИСЭП АН СССР в 1981 г.)²⁵, для него лишь «контекст», «дизайн», а вовсе не предмет исследования.

²⁴ Что ж, за призыв «читать книгу А.», а стало быть — судить о ней **самостоятельно** (не полагаясь только на суд рецензента) — благодарю!

²⁵ См. в томе 1 настоящей книги: раздел 3.8.

(2) *Замечательна неосайентистская иллюзия насчет возможности моделирования «понимания» и «субъективного смысла» с помощью «сингулярных матричных разложений или рядов Фурье». Раньше, мол, не умели, а теперь, с современными, известными рецензенту, «вычислительными мощностями», — все можем! Жива «мистифицированная наука»!*²⁶

(3) Ну, и филологические и психоаналитические экзерсисы («текст, контекст, текстиль...»; «суть» — глагол и существительное; «активность нарциссической личности» и т. п.) обращают на себя внимание. Тут, похоже, рецензент, как и автор (в других областях), сумел «выйти из берегов».

Еще — отмечу не аккуратно («не строгое...») цитирование рецензентом строгости. Пришлось автору в подстрочных примечаниях делать точные отсылы к тексту книги и приводить **контекст**.

... Что ж, мой оппонент либо со временем сам себя «воспитает» и «рассудит», либо останется... каким его «выучили». Он пока не «полилогичен», а **монологичен** (моноцентричен? одномерен?). «Двойник умирает, чтобы дать место собеседнику...» (А. Ухтомский). Этого с младшим коллегой еще не произошло. (Июнь 2003).

Ремарка 2: создатели автопортретов.

Всякий текст есть своеобразный автопортрет, даже когда человек пишет о совершенно «посторонних» вещах. Хотели или не хотели того, свои автопортреты написали здесь и автор книги, и авторы приведенных «версий» (см. главу 22), и милая мне О. Старовойтова, и мой неотвратимо «знающий как надо» оппонент В. Григорьев.

Развернутый отклик автора настоящей книги на публикацию вышеприведенной рецензии-фельетона в «Социологическом журнале» (текст, сначала принятый, а затем отвергнутый руководством этого журнала) см. в конце настоящей главы. (Июнь 2003 — апрель 2005).

... Следует признать интуицию, внутренне присущую самой природе рациональности, в качестве законной и существенной части научной теории. Поэтому интерпретации, сводящие науку к экономичному описанию фактов, или к конвенциональному языку для записи эмпирических выводов, или к рабочей гипотезе, призванной обеспечить удобство человеческой деятельности, — все они определенно игнорируют рациональную суть науки...

М. Полани («Личностное знание». 1959)

23.2. Что такое «строгое исследование»?

Несколько вступительных слов

Здесь, пожалуй, уместно рассказать, как же эволюционировал сам автор настоящей книги от воззрений, близких к тем, которые исповедует

²⁶ См. в томе 1: раздел 3.4.

представленный выше энтузиаст (фанат?) «подлинной» (объективной!) науки, — к «методологическому плюрализму» в социальных исследованиях (а заодно — и к толерантности в научных дискуссиях).

Начну с одного давнего эпизода своей профессиональной биографии.

...В ту пору (середина 70-х) автор вместе с группой коллег, среди прочего, занимался исследованиями в области социологии культуры, и в частности — театра.²⁷ В основном использовались «традиционные» методы сбора и обработки социологической информации: статистическое наблюдение, контент-анализ, массовые и экспертные опросы. Но — работа на стыке социологии и искусствознания.

Ниже — статья, опубликованная в 1975 г. в сборнике «Методологические проблемы современного искусствознания». (Июнь 2003).

Статья А. Алексеева и Б. Беликова
«О понятии “строгое исследование” в гуманитарных науках»
(1975)²⁸

Постановка вопроса о строгости как определенном признаке, характеристике научного исследования, связана с тенденциями развития современной науки. Ныне все чаще можно встретить выражение «научная строгость», «строгое исследование» и т. п. Сплошь и рядом эти выражения употребляются в оценочном смысле, как указание на достоинство исследования, в отличие от нестрогих исследований, рассуждений и т. д. Обращает на себя внимание, далее, что строгость ищут, к ней стремятся особенно в тех научных сферах, для которых характерны как раз нестрогие исследования.

В естественном-научном знании соблюдение определенных норм строгости является само собой разумеющимся. Иначе обстоит дело в гуманитарных науках. В известном смысле последние переживают сейчас период, который в ряде естественных наук считается пройденным. Как отмечал Ф. Энгельс, имея в виду физику, «...то, что у греков было гениальной догадкой, является у нас результатом строго научного исследования, основанного на опыте, и потому имеет гораздо более определенную и ясную форму» [1, с. 354–355]. По-видимому, правомерно считать строгость уровнем, которого достигает наука на определенном этапе своего развития.

В современном научном обиходе можно встретить почти синонимичное употребление таких терминов, как **строгость**, **научность**, **точность**, **корректность**, **объективность** и даже **истинность**. Между тем, все это по-

²⁷ Качественно-количественный анализ театрального репертуара (его структуры и динамики), изучение театральных вкусов различных слоев населения и аудитории театра (сквозь призму «зрительского поведения», т. е. фактического предпочтения зрителями определенных театров или спектаклей того или иного типа). Об исследовательской группе «Социология и театр» при Ленинградском отделении Всероссийского театрального общества см. ранее, в томе 1 настоящей книги: раздел 1.4; в томе 2: разделы 8.13 и 9.10.

²⁸ О моем соавторе, социологе и философе Борисе Дмитриевиче Беликове (ныне покойном) см. ранее, в томе 2 настоящей книги: раздел 7.13, а также приложение 6 к части 2.

нения из разных рядов, далеко не идентичные друг другу. Отсюда есть все основания утверждать, что само понятие строгости употребляется «не строго» и требует уточнения.

Такое уточнение можно проводить по крайней мере в двух планах: а) семантическое уточнение — путем анализа употребления слова **строгий** в обыденном языке; б) операциональное уточнение — путем анализа терминологического употребления этого слова в различных науках. Желательно также освободить понятие строгости от разнообразных оценочных наслоений и этических оттенков. На наш взгляд, оппозиция «строгий — не строгий» никак не укладывается в противопоставление «научного» и «не научного».²⁹

Слово **строгий** в обыденном языке имеет разнообразные значения, среди которых есть и такие эмоционально насыщенные, как «очень требовательный и взыскательный», «очень серьезный, суровый». Наибольший интерес для нас представляют значения типа: «правильный, соответствующий требованиям определенной нормы», «не допускающий никаких отклонений от нормы» [2]. Для сравнения стоит обратиться к английскому языку. В последнем имеются по крайней мере четыре эквивалента русского слова «строгий»: *rigorous, strict, severe, exact*. Путем «обратного» перевода этих слов на русский можно обнаружить следующие интересные для нас значения: «точный» (*rigorous, strict, exact*), «определенный» (*strict*), «аккуратный», «правильный» (*exact*), «простой, сжатый» (*severe*) [3].

Можно предположить, что все указанные значения так или иначе присутствуют в содержании понятия «строгое исследование».

В целях операционального уточнения этого термина уместно обратиться к тем областям знания, в которых представление о строгости наиболее развито.

«Издавна — еще с античной древности — отличительной чертой математики считалась ее строгость, — пишет С. А. Яновская. — Именно математическая строгость — строгая логическая необходимость математических доказательств и точность вычислений — делала математику образцом наук и рассматривалась как обеспечивающая ей высшую степень достоверности и объективности» [4, с. 12].

В изложении С. А. Яновской математическая «строгость» не совпадает с обыденными значениями данного слова, хотя и сохраняет с ними определенную связь. В строгом математическом доказательстве имеет место устранение неопределенностей в рамках принятой системы аксиом. В пределе, устранение всех неопределенностей приводит к построению формальных дедуктивных систем. С точки зрения нашей задачи, пред-

²⁹ Здесь замечу, что сами понятия «наука» и «научность», тогда в особенности, но и до сих пор остаются очень сильно ценностно нагруженными. Не случайно говорилось, например: «политика нашей партии всесторонне **научно** обоснована». Но и в мировой культурной традиции (начиная с века Просвещения) наука выступала как некоторая «сверхценность». (*Здесь и далее — современные примечания автора*).

ставляют интерес следующие особенности последних: а) аксиоматичность, т. е. четкое задание системы аксиом, удовлетворяющей требованиям непротиворечивости, полноты и независимости; б) формализм, т. е. построение теоретических систем только из «утвержденного» списка элементов на основе полного и буквального выполнения операциональных правил...

Ремарка: ...и математика не исключает «нестрогость»!

*Здесь стоит заметить, что наряду с формализмом в современной математике имеют место и такие направления, как **интуиционизм** и **конструктивизм**. Добавим еще, что в последние десятилетия наблюдается интенсивное развитие **асимптотической** математики, исключающей абсолютизацию точности.³⁰ (Июнь 2003).*

...В естественных науках, даже в тех, которые широко используют математику, представления о строгости несколько иные. Так, для теоретической компоненты этих наук требование строгости обычно раскрывается через полноту описания физических условий и корректность математической постановки задачи. При этом под полнотой понимается учет всех факторов, существенно влияющих на поведение объекта, а корректность предполагает математическую формулировку задачи таким образом, чтобы она допускала однозначное решение.

В экспериментальной части естественных наук строгость подразумевает четкую постановку задачи, точность измерительной процедуры (обязательное указание погрешности измерений), исключение субъективных искажений в процессе получения эмпирических данных, учет всех возможных посторонних влияний на результат опыта.

В методологии науки понятие строгости и точности применяется в качестве определенной характеристики содержательной стороны научных теорий.

«Научная теория считается точной, строгой, если ее содержательные элементы (абстракции, идеализации, понятия и т. п.) уточнены до такой степени, что они допускают применение к ним (и соответствующим им объектам) определенных общих правил оперирования, то есть правил, отличающихся формальным характером (к их числу относятся и математические правила)» [5, с. 101].

Интерпретация строгости как точности является характерной, когда пытаются применить это понятие к гуманитарным наукам. Активизация контактов этих наук с науками «точными», внедрение средств формализации и количественных методов в нетрадиционные для их использования области способствует такому представлению (см.: 6; 7). Например,

³⁰ Согласно Р. Баранцеву, асимптотические методы в математике определяются системной триадой: «точность — локальность — простота». Причем, в отличие от классической математики, в асимптотической — «говорится об эффективности приближения, выражающейся в оптимальном сочетании простоты и точности». А «совмещение точности и простоты достигается по мере локализации» (Баранцев Р. Г. Синергетика в современном естествознании. М.: УРСС, 2003, с. 39).

исследование феноменов художественной культуры полагается «строгим», если исследователь оперирует однозначно определенными понятиями и осуществляет измерения, т. е. соотносит изучаемую реальность с системой числовых символов по определенным правилам.

Обсуждая возможности и перспективы включения идей и средств кибернетики в методологический арсенал гуманитарного знания, и в частности, в культурологические исследования, Б. В. Бирюков и Е. С. Геллер употребляют термины «строгость» и «точность» как синонимы. При этом ими выделяются следующие компоненты научной строгости (точности): а) точность, однозначность применяемого языка; б) использование средств количественной оценки изучаемых явлений; в) достоверность и полнота исходного фактического материала [8, с. 7-9]. Такая трактовка, безусловно, лежит в русле выработки **общенаучного** представления о строгости, поисков определения, которое было бы применимо и к естественным, и к гуманитарным наукам. Нам представляется, однако, целесообразным иной подход, избегающий отождествление строгости с точностью (в естественно-научном смысле).

Стремясь наметить и обосновать **методологические** аспекты научной строгости, мы приходим к мысли, что движение гуманитарных наук к строгости определяется привнесением в них нормативов точности, выработанных ранее в других областях знания, с одной стороны, и имманентным развитием этих наук — с другой.

Строгое исследование всегда включает в себя некоторую процедуру, т. е. определенную, сознательно контролируемую и четко фиксированную последовательность действий с объектами или их заместителями — знаками. Формулировка задачи и выработка плана исследовательских действий может не иметь и, как правило, не имеет процедурного характера. Но само оперирование с объектом должно быть процедурой, включающей интуитивный «произвол». Это, разумеется, не означает, что в строгом исследовании отсутствует субъективный момент. Но он весь как бы «оттянут» в подготовительный этап, сосредоточен в выборе исходных посылок, в постановке задачи, в разработке самой процедуры. Дальше исследователь уже «не властен» над результатом, за исключением самого последнего этапа — интерпретации этого результата. Таким образом, строгое исследование предполагает четкое разграничение самой процедуры, пред- и постпроцедурных этапов.

Сказанным задано определенное представление о строгости как в эмпирическом, так и в теоретическом исследовании, как в естественных, так и в гуманитарных науках. Однако сущность научной строгости этим еще не определена. Нам кажется, что можно выдвинуть два основных критерия — два требования, которым исследование должно удовлетворять, чтобы считаться строгим. Назовем их критерием **соответствия цели** и критерием **воспроизводимости результатов**.

Первый критерий предполагает соответствие процедуры определенной задаче, а рабочей схемы исследования — некоторой системе теоретических представлений. В современной социологии этот критерий принято формулировать как требование **обоснованности** (операциональных определений, процедур, шкал и т. д.). «Операциональное определение считается обоснованным, если в процессе осуществления перечисленных в нем операций измерения исследователь охватывает именно то, на что указывает понятие» [9, S. 22-23]. В частности, применительно к измерению, критерий соответствия цели удобно выразить кратко афоризмом: «Измеряй то, что действительно должно быть измерено».

Второй критерий предполагает выработку такой процедуры, которая, будучи применена тем же или другими исследователями, приводила бы к тем же результатам при соблюдении тех же условий. В эмпирической социологии этому соответствует понятие **надежности**. «Надежным является инструмент в той мере, в какой повторные случаи его применения при одинаковых условиях дают одинаковые результаты» [9, S. 22-23]. Поскольку воспроизводимость результатов есть необходимое условие их «проверяемости», суть данного критерия применительно к измерению может быть выражена таким афористическим высказыванием: «Измеряй так, чтобы тебя можно было проверить».

Не следует думать, что строгое исследование обязательно включает использование количественных методов. Важно лишь, чтобы исследование удовлетворяло требованиям соответствия цели и воспроизводимости результатов (разумеется, в определенных, заданных границах «жесткости» того и другого). Поскольку эти два критерия относительны, постольку уместно говорить о «мере» строгости каждого конкретного исследования.

К названным двум основным можно добавить еще одно требование, правда, не входящее в содержание самого понятия строгости. Это — критерий **относительной простоты**. В последнем своеобразно сочетаются принципы экономичности и изящества. Слишком сложная процедура оказывается неоправданно «дорогой» платой за реализацию цели. Как правило, чрезмерная сложность процедуры затрудняет и возможность воспроизведения результатов. Вместе с тем, чем проще способ получения важного результата, тем исследование «красивее».

Изложенное представление о строгости освобождает этот термин от различных оценочных аспектов и вводит его в контекст общенаучных методологических представлений. В свете сказанного ясно, что **строгость** — **отнюдь не синоним объективности и тем более не синоним истинности** [выделено мною сегодня. — А. А.], но лишь одна из предпосылок этих необходимых для науки качеств...

Ремарка 1: предрассудки «позитивной» науки.

Что строгость = объективность — есть один из предрассудков «сверхчеловечной» науки (против которой так восставал А. А. Ухтомский (см. выше).

Прояснив содержание понятия «строгое исследование», нетрудно заметить, что соблюдение требований «соответствия цели» и «воспроизводимости результатов» вовсе не гарантирует от субъективности при постановке задач или при интерпретации данных. Постольку и «строгое» исследование может быть субъективным (субъективистским?), а «не строгое» — быть объективным, в смысле адекватного отображения реальности.³¹

Что же касается отождествления строгости и научности, а также строгости и истинности, то здесь — аналогичная сайентистская иллюзия, усугубляемая ценностной нагруженностью этих слов как в обиходной речи, так и в профессиональном дискурсе. (Июнь 2003).

Ремарка 2: обоснованность, надежность, экономичность, изящество.

В данной статье авторы удержались от попытки дефиниции научной строгости. Но определение очевидным образом вытекает из их рассуждения:

— строгое исследование есть такое исследование, которое удовлетворяет критериям соответствия цели и воспроизводимости результатов (т. е. требованиям обоснованности операциональных определений и надежности инструмента измерения). Такое исследование предположительно удовлетворяет также (дополнительному) критерию относительной простоты, соединяющему в себе принципы экономичности и изящества.

Итак: научная строгость есть обязательное сочетание обоснованности и надежности, а факультативно — также экономичности и... красоты.³² (Июнь 2003).

...Преобладание строгих исследований в определенной области знания безусловно является свидетельством зрелости научной дисциплины. Отсюда не следует, однако, что «строгость» является единственным эффективным средством развития науки.

Строгие исследования являются необходимым условием прогресса науки на определенном этапе ее развития. Для проведения [выдвижения. — А. А.] требований строгости во всякой данной науке, необходимо, чтобы эта наука имела достаточно развитый понятийный аппарат. Как замечает Г. Цопф: «Строгость, примененная слишком рано, может оказаться смертельной» [10, с. 426]. Разделяя опасения Г. Цопфа, мы имеем в виду отказ от догматического навязывания строгости **любой** области исследования вне зависимости от уровня ее развития. Вместе с

³¹ В частности, потому автором настоящей книги используются кавычки для рабочих терминов «объективная» и «субъективная» социология (см. ранее, в томе 2: раздел ВЗ.3). Первая соотносится, в частности, с «жесткими», строгими методами, а вторая — с «мягкими», нестрогими...

³² Стоит заметить, что этим критериям научной строгости удовлетворяют лишь немногие из современных эмпирических исследований, где используются «жесткие» методы.

тем, необходимо стимулировать собственное, имманентное движение к строгости всякой конкретной науки, в частности, в искусствознании.

Ремарка: каким быть дальнейшему научному движению?

Сейчас автор сказал бы так: следует стимулировать пульсирующее развитие науки — от «строгости» к «нестрогости» и обратно (своего рода челночное движение). Необходима, далее, стимуляция движения науки широким фронтом, при взаимосогласовании и координации (не субординации!) различных подходов и направлений, в которых преобладают, соответственно, «строгие» либо «нестрогие» методы. Ориентируясь в отдаленной (пока!) перспективе на интеграцию и синтез «субъект-объектного» и «субъект-субъектного» познания.³³ (Июнь 2003).

Литература

1. Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 20.
2. Ожегов С. И. Словарь русского языка. М., 1960.
3. Англо-русский словарь / Сост. В. К. Мюллер. М., 1969.
4. Яновская С. А. О роли математической строгости в истории творческого развития математики и специально о геометрии Декарта / Исследование логических систем. М., 1970.
5. Горский Д. П. О соотношении точного и неточного в точных науках / Логика и методология науки. М., 1967.
6. Семиотика и искусствометрия. М., 1972.
7. Моль А. Социодинамика культуры. М., 1973.
8. Бирюков Б. В., Геллер Е. С. Кибернетика в гуманитарных науках. М., 1973.
9. Maunz R., Holm P. Einführung in die Methoden der empirischen Soziologie. Köln und Opladen, 1969.
10. Цонф Г. Отношение и контекст // Принципы самоорганизации. М., 1966.

(А. Алексеев, Б. Беликов. О понятии «строгое исследование» в гуманитарных науках (к постановке вопроса) / Методологические проблемы современного искусствознания. Вып. 1. М.: Наука, 1975, с. 43-48)

Ремарка: еще одно толкование «научной строгости»...

Здесь оставлен в стороне вопрос о строгости применительно к научной теории. Это — отдельная тема, которую ни авторы вышеприведенной статьи (1975), ни автор настоящей книги не обсуждают. Скажу лишь, что «строгость» теории часто отождествляется с ее (теории) непротиворечивостью. Однако непротиворечивость теоретического построения сама по себе не гарантирует ни объяснительных возможностей, ни предсказательной силы, ни эвристичности теории. (Июнь 2003).

³³ Специально об этом см. в томе 2 настоящей книги: раздел ВЗ.3.

23.3. Пределы компетенции дискурсивной социологии

Ремарка: мой «заочный» научный наставник (В. Н. Шубкин).

Следующий эпизод из научного движения (созревания) автора настоящей книги (впрочем, только ли его?).

...Владимир Николаевич Шубкин был для меня одним из «заочных» учителей (совместная работа в Институте истории, филологии и философии СО АН СССР, в Новосибирске, в конце 60-х, к сожалению, продолжалась очень недолго). В свое время его статья под названием «Пределы» в «Новом мире» (1978, № 2) произвела на будущего социолога-испытателя глубокое впечатление (отчасти потому, что сам стихийно двигался в том же направлении).

В. Ш. рассматривает две категории ограничений, «пределов» социологии, которые можно назвать 1) этическими и 2) эпистемологическими. Здесь остановимся преимущественно на последних.

Ниже — извлечения из упомянутой новомировской статьи В. Шубкина.³⁴ (Декабрь 1999 — март 2005).

Из статьи В. Шубкина «Пределы» (1978)

<...> Увлечения и ограничения

В начале развития любой области знания энтузиасты обычно преувеличивают ожидаемые результаты. Это неудивительно. Ведь здесь — до начала исследований — они имеют дело с непрофессионалами, которые обычно не представляют себе, как тернист путь науки, которые не знают, что лишь десятая часть реализованных исследований дает действительно важные результаты. Настолько важные, что они с лихвой перекрывают все затраты. Если ты сам не попробовал этой езды в незнакомое, не ощутил на себе трудностей поиска — вряд ли ты действительно поймешь других. Не удивительно, что поначалу ученым приходится, говоря о своей области знания, несколько завышенно представлять ее возможности. Без этого не построишь синхротрон стоимостью в сотни миллионов рублей, не создашь современный вычислительный центр, не организуешь новый, современный биологический институт. Без этого нельзя провести и серьезных социальных исследований.

Впрочем, дело не только в этом. Люди сплошь и рядом становятся жертвами собственной пропаганды. И ученым, работающим в социологии, которые столько сил потратили на то, чтобы возродить эту область знания, начинает казаться, что они всемогущи, что они методами своей науки способны изучить человека и общество, вдоль и поперек. Самоокопачивая себя, они вторгаются в соседние области знания, в искус-

³⁴ Текст названной статьи, с небольшими изменениями, вошел также в качестве одного из разделов в состав книги: Шубкин В. Начало пути. Проблемы молодежи в зеркале социологии и литературы. М.: Молодая гвардия, 1979.

ство, в литературу, полагая, что все им ведомо и доступно. Здесь, на этих рубежах, сплошь и рядом происходит превращение науки в то, что К. Маркс называл светскими формами религиозного сознания. Вот почему поистине актуально и сейчас, прежде чем объединяться, размежеваться, критически оценить используемые методы, уяснить себе, кто есть кто, где чья сфера влияния.

Социология, как мы уже говорили выше, возрождалась у нас в стране как наука дискурсивная, то есть широко использующая статистические и математические методы. С тех пор, как в начале 60-х годов были изданы первые книги по количественным методам социологических исследований, интерес к ним не затухал. Именно это отмечали после VI Всемирного социологического конгресса западные обозреватели, пытаясь понять причину, специфику и направления «социологического бума» в СССР. Этот интерес к количественным методам был вызван не столько стремлением приподнять социологию, сколько практической направленностью, стремлением дать свои разработки в форме, которая позволяла бы их непосредственно учесть при подготовке и принятии соответствующих решений. И такой перекося в сторону логических, математических методов был бы естественным и плодотворным, если бы сохранялось чувство меры, если бы он не был связан с недооценкой литературы и искусства как исключительно важных форм познания социальных явлений и процессов.

Перелом наметился лишь в последние годы, когда социологи стали более явственно ощущать пределы своей области знания. Этому способствовало и то, что сам взгляд на искусство и науку за последнее десятилетие непрерывно обогащался. Если прежде наука с ее специфическими методами рассматривалась часто как единственная форма познания окружающего нас мира, то теперь даже для представителей самых точных областей знания становится все более очевидным, что в познании социального без литературы, искусства не обойтись.

Член-корреспондент АН СССР, физик Е. Л. Фейнберг в своей статье в «Вопросах философии» справедливо выступил против фетишизации логического мышления, против недооценки синтетических, интуитивных форм познания, характерных для искусства.

«...И в эпоху научного знания, — пишет он, — интуитивное постижение нисколько не утратило своего важнейшего значения (хотя некоторые объекты суждений, опосредованные дискурсивно и опытно, перешли в сферу науки). Более того, рост авторитета дискурсивного знания, доходящий до попыток фетишизации дискуссии (*здесь в журнале опечатка. Правильно: дискурсии.* — А. А.), с одной стороны, ослабление таких источников авторитета интуиции, как религиозная мистика, обрядовость и опора на божественный авторитет — с другой, предъявляют повышенные требования к искусству в целом и к ассоциативной, эмоциональной и интеллектуальной восприимчивости тех, кому искусство адресовано. Возможно, в этом кроется и причина усложнения, обострения форм, средств, используемых искусством.

Поэтому, можно полагать, искусство как метод, помогающий удержать познание от монополии дискурсии (функции которой во все возрастающей степени передаются машине) и тем обеспечить полноту познания, будет необходимо и в будущем, поскольку адекватное и полное познание в целом есть необходимое условие существования человечества» (Вопросы философии, 1976, № 7, с. 198).

Хотя здесь автор и рассматривает искусство в основном с точки зрения познания, с его суждениями трудно не согласиться. Более того, этот подход дает возможность дифференцированно посмотреть на соотношения дискурсии и интуиции в различных областях знания. Математика, физика, техника, химия, биология, гуманитарные науки — наверное, я не очень ошибусь, если буду утверждать, что соотношение дискурсии и интуиции в них различно, хотя, может быть, я и не вполне строго ранжировал их по этому признаку. Если в математике почти безраздельно господствует дискурсия, если она, особенно в XX веке, захватила командные высоты в физике, технике, то вряд ли это можно утверждать, говоря о гуманитарных науках, в частности, о социологии, где роль интуиции в действительно содержательных открытиях чрезвычайно велика, хотя, конечно, социология, как, впрочем, и биология и история, чтобы выглядеть прилично и современно, при каждом удобном и неудобном случае стремится облечь свои интуитивно полученные выводы в дискурсивные наряды.

Важная роль чисто интуитивного познания в науках об обществе обусловливает противоречивые последствия. Во-первых, это требует иных, нелогических форм доказательности истины. Сплошь и рядом критериями истины здесь являются суждения, которые разделяются другими специалистами. Вот почему отбор специалистов, способных отличать сверкающие крупницы нового знания от серого песка эпигонства и невежества, имеет первостепенное значение для существования социологии. Если в ученых советах, ВАКе сосредоточены действительно профессионалы, эрудированные, знающие состояние социологии в стране и за рубежом, которые сами проводили оригинальные, теоретически и практически важные исследования и способны выполнять роль экспертов, то наука имеет перспективы развития. Если же специалисты вытесняются, а командные высоты занимают случайные люди, то ликвидируются основные критерии научности. Во-вторых, нельзя не видеть, что возрастающие роли интуиции расширяет возможности спекуляции. Фетиши авторитета, должности, звания — все это может быть использовано и нередко используется вместо дискурсивных критериев истины и существенно ослабляет чисто научные позиции гуманитариев.

Нередко самообман ученого-социолога питается ограниченностью информации. Ну, скажем, имеющаяся статистика позволяет ему учесть влияние пяти факторов, влияющих на данный процесс. На них он может построить удивительные дискурсионные замки, использовать теорию графов, теорию вероятностей, математическую статистику, мощные компьютеры, делающие миллионы операций в секунду и пр., и пр.

А на самом деле данный социальный процесс обусловлен не пятью, а ста факторами. Да к тому же вовлеченные в исследование пять факторов не являются главными, определяющими. В итоге все эти упражнения не дают адекватного представления о данном процессе.³⁵

«Порок таких работ, — говорит И. Грекова, человек весьма искушенный и в математике, и в литературе, — отсутствие доматематического, качественного анализа явления, подлинной постановки задачи. Умение ставить задачи, безусловно, должно быть отнесено к области искусства, и в этой зоне наука теснейшим образом смыкается с искусством, включая в себя элементы искусства как неотъемлемую часть.

К сожалению, многие авторы пренебрегают этой важнейшей стороной научных исследований и заполняют свои страницы пустыми формальными выкладками. Через этот барьер формул и мутных мыслей (зачастую неясных даже автору) трудно бывает продрасться, чтобы с уверенностью квалифицировать работу как образец псевдонауки» (Вопросы философии, 1976, № 10, с. 105).

Вагранка или модель человека

Это особенно важно, когда в социологических или социально-психологических исследованиях мы от среднестатистического человека или от среднеарифметического представителя того или иного класса или группы доходим до проблем личности. Выдергивая то одну, то другую группу факторов, мы неизбежно искажаем картину, хотя порой нам и кажется, что мы просто делаем ее менее сложной, более простой. Но без этих сложностей при бесчисленных ограничениях и абстракциях теряется то, что поэт называл «лица необщим выраженьем», что мы называем личностью. Напротив, при комплексном подходе множество тончайших, социально-психологических проблем всплывает перед исследователем. Здесь такие нюансы, такие глубины, которых не постигнешь с помощью каменных орудий современной социологии и психологии и которых, будем справедливы, некоторые исследователи просто не чувствуют. Все это лишь подчеркивает настоятельную необходимость использования для **более полного** познания социальных явлений средств не только науки, но и искусства, прежде всего литературы.

Тут требуются психологические эксперименты в предельной ситуации. Тут нужно идти до края, до пропасти. И здесь не обойтись без писателей, которые задолго до появления слов о системном, комплексном и прочих подходах доступно разъяснили вещи, которые нынче начинают переоткрывать.

«Что знает рассудок? — спрашивал, например, Ф. М. Достоевский. — Рассудок знает только то, что успел узнать (иного, пожалуй, и никогда не узнает; это хоть и не утешение, но отчего же этого и не высказать?), а натура человеческая действует вся целиком, всем, что в ней есть, сознательно и бессознательно, и хоть врет, да живет» (Ф. М. Достоевский. Полное собрание сочинений в тридцати томах. Л.: Наука, 1973, т. 5, с. 115).

³⁵ Ср. с **позднейшими** (1981) рассуждениями автора настоящей книги о «мистифицированной науке» (см. в томе 1: раздел 3.4).

Если так подходить к натуре человеческой, то в ней обнаруживается немало удивительного, алогичного, парадоксального. Например, в структуре ценностей жизни, мотивов поведения, о которых теперь любят говорить и писать социологи.

«Ведь вы, господа, сколько мне известно, — говорит цитировавшийся выше автор устами одного из своих героев, — весь ваш реестр человеческих выгод взяли средним числом из статистических цифр и из научно-экономических формул. Ведь ваши выгоды — это благоденствие, богатство, свобода, покой, ну и так далее и так далее; так что человек, который бы, например, явно и зазнамо пошел против всего этого реестра, был бы, по-вашему, ну да и, конечно, по-моему, обскурант или совсем сумасшедший, так ли? Но ведь вот что удивительно; отчего это так происходит, что все эти статистики, мудрецы и любители рода человеческого при исчислении человеческих выгод постоянно одну выгоду пропускают? Даже и в расчет ее не берут в том виде, в каком ее следует брать, а от этого и весь расчет зависит» (Там же, с. 110-111).

О какой же выгоде, от которой весь расчет зависит, говорит этот знак души человеческой, высмеивая любителей «научно-экономических формул» и «статистических цифр»? Вот пожалуйста:

«Свое собственное, вольное и свободное хотенье, свой собственный, хотя бы самый дикий каприз, своя фантазия, раздраженная иногда хоть бы даже до сумасшествия, — вот это-то все и есть та самая пропущенная, самая выгодная выгода, которая ни под какую классификацию не подходит и от которой все системы и теории постоянно разлетаются к черту». И удивительнее всего: это оказывается не так уж вредно нашему брату, «может быть выгоднее всех выгод... потому что во всяком случае сохраняет нам самое главное и самое дорогое, то есть нашу личность и нашу индивидуальность» (Там же, с. 113, 115).

Можно спорить с Ф. М. Достоевским, но нельзя не видеть, что такие нюансы не схватишь с помощью дискурсивного знания. В этих рассуждениях свобода самовыражения, самоосуществления, право на собственные поиски и ошибки — это главнейшая ценность, без которой человек не может сохранить себя как личность. И то, что мы стремимся расширить эту свободу, обеспечить в том числе расширение свободы поисков призвания не для капризничаящих одиночек, а для всего общества, для всех классов и социальных групп — лучшее свидетельство того, что здесь создаются все более благоприятные условия для синтеза человека экономического, социального и духовного, реальных шагов к обществу, где «свободное развитие каждого является условием свободного развития всех» (К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 4, с. 447).

Социолог — не будем об этом забывать — изучает, строго говоря, не личность, а среднестатистического человека в среднестатистической ситуации. При операции осреднения живого человека как бы обстругивают. В результате у него из бесконечного числа граней, в которых запечатлелась его и его предков природа, история, социум и что придавало ему отблеск единственности и неповторимости, остается совсем немного — в зависимости от того, как его обстругивали исследователи. Он может стать трехмерным или плоским, как доска, а то и одномерным человеком. Если по результатам такого абстрагирования (то есть обстругивания) мы попытаемся делать прогнозы относительно его поведения — мы

только людей насмешим: индивидуум скончался при операции осреднения, а для изучения поведения живых людей нельзя использовать трупы. И здесь в нашем анализе мы наталкиваемся на пределы, которые не перейдешь. К тому же этот среднестатистический человек в среднестатистической ситуации, конечно же, безнравственный и бездуховный. А если мы из него выпотрошили совесть, способность к самооценке и самоограничению, нравственное самосознание, то его модель оказывается весьма несовершенной. И хотя сейчас некоторые математики в эйфории публично обещают сконструировать модель человека, это может вызвать у людей, способных к критическому анализу, лишь усмешку. Эти математики (или кибернетики) имеют тысячекратно преувеличенное представление о возможностях науки и тысячекратно преуменьшенное представление о сложности человека, который уж наверняка не менее неисчерпаем, чем атом.

Как-то два математика в Академгородке под Новосибирском объявили, что они построят модель человека. Они напряженно работали два года. Наконец, когда дело дошло до выдачи результатов, они несколько смущенно объявили: «Модель человека у нас пока не получилась, но мы построили модель КМК — Кузнецкого металлургического комбината, точнее модель вагранки». Это было, конечно, честное признание. И оно имеет важное значение и сегодня прежде всего в главном: давайте не путать человека с вагранкой, давайте реально видеть пределы научного знания.

«Пределы — здесь, пределы — там, — скажет недовольный читатель. — А как же прогресс науки?» Не знаю, кто и когда вбил нам в голову эту мысль об исключительной самоценности развития науки. И так прочно, что стали мы порой забывать, что прогресс знания не цель, а средство. Причем средство, целиком и полностью подчиненное интересам человека и человечества.

Речь, конечно, не идет об абсолютных, незбылемых пределах. По мере того, как сужаются возможности дискурсивного познания социума и человека, все более расширяются иные горизонты. В том, чего сегодня не может совершить наука, не преступая своих собственных ограничений и нравственных пределов, ей может помочь искусство и прежде всего литература. <...>

(В. Шубкин. Пределы // Новый мир, 1978, № 2, с. 203-207)³⁶

³⁶ В середине 90-х вышла в свет книга: *Шубкин В. Н.* Насилие и свобода. Социологические очерки. М.: На Воробьевых, 1996, — где тексты конца 70-х в основном воспроизведены.

Возвращаясь к этой теме в своей современной работе (2003) В. Н. Шубкин пишет: «...Социологи не избежали столь свойственных человеку иллюзий о безграничных возможностях своей области знания. Некоторые коллеги даже обиделись на мою статью, опубликованную в 1979 г. (*Владимир Николаевич ошибся: на самом деле — в 1978 г.* — А. А.) в журнале «Новый мир», где я не только говорил о необходимости нравственных ограничений при проведении исследований, но и утверждал, что восхождение от социального к духовному человеку ограничивает использование тяжелых орудий современной социологии...» (*Шубкин В. Н. Е. Б. Ж.* / Социологический kaleйдоскоп (памяти Леонида Абрамовича Гордона). М.: Прогресс — Традиция, 2003, с. 587).

Ремарка: дорого то, что сказано вовремя...

В конце 70-х, когда Владимир Николаевич первым у нас поставил вопрос о «пределах» социологии, последняя успела уже настолько отождествить себя с «жесткими» методами, что «мягкие» даже и им относились скорее к сфере «искусства». Но тут не хочется ему возражать.

По существу, это было пионерное предостережение против разросшихся технократических иллюзий и сайентистских амбиций, нонконформистское — «против течения»! — выступление в защиту адекватных представлений о богатой тотальности, многомерности и «неисчерпаемости» мира личности (да и социальной мира)...³⁷

Теперь эти мысли стали едва ли не расхожими. Но дорого то, что сказано впервые. 25 лет назад это было сказано вовремя.

Ныне, когда продолжавшаяся у нас до середины 90-х гг. дискуссия приерженцев «традиционной» и «не традиционной» социологии, «строгих» и «не строгих» методов и т. п. как будто угасла, остается добавить одно:

*— Познание **мультивариантно** («многоканально», как говорил П. Сорокин) и целостно. Были **синкретические** опыты постижения социальной реальности. Можно ожидать попыток **синтеза** разных подходов.*

Как «науке» (в узком смысле) и «искусству» не обойтись друг без друга, так и «наука» (в широком смысле) не есть только «дискурсивное знание» (пользуясь выражением В. Шубкина). (Май 2001 — июнь 2003).

...Злоключения науки начались с того, как ее отделили от искусства, вытравляя из нее все личностное и постольку неисповедимое...

К. Свасьян («Становление европейской науки». 1990)

23.4. Из истории идейной борьбы вокруг проблемы социального эксперимента

[Обратимся к работе Р. В. Рывкиной и А. В. Винокура (Новосибирск, 1968). Будучи издана несколько десятилетий назад, эта работа, на наш взгляд, не потеряла не только научной ценности, но даже и актуальности. — А. А.]

Из книги Р. Рывкиной и А. Винокура «Социальный эксперимент» (1968)

<...> Как известно [1], идея эксперимента в социальных науках впервые была высказана Лапласом. В «Философском опыте вероятности» («Essais philosophique sur les probabilités», 1814) он писал:

³⁷ Здесь не касаюсь той гуманистической критики, которую еще раньше получила «объективная» социология (структурно-функциональный и позитивистский подходы) на Западе. В конце 70-х образцы этой критики впервые проникли к нам, преодолев научно-идеологические препюны: в частности, была издана (с ограничительным грифом «для научных библиотек») своего рода «энциклопедия феноменологической социологии» (в переводе Л. Г. Ионина): Новые направления в социологической теории. М.: Прогресс, 1978. (Авторы: Д. Силвермен; Д. Уолш; М. Филлипсон; П. Филмер). (См., подробнее ниже). Ну, а ныне без освещения (упоминания) «качественной», «гуманистической», «интерпретативной», «интерактивной», «драматургической» и др. социологий — редкий из отечественных учебников обходится.

«Давайте применим к политическим и нравственным наукам методы, основанные на наблюдении и расчете, которые нам так хорошо послужили в естественных науках» ([1], S. 418-419).

Идея Лапласа состояла в том, чтобы применить к изучению общества такие приемы вероятностного подхода, как выборку, создание параллельных контрольных групп и т. п. Условием, позволяющим обеспечить научность результата, Лаплас считал небольшие масштабы объекта. Поскольку, по мнению Лапласа, монополия на проведение экспериментов принадлежит правительству, которое может оперировать только большими группами, то практически получить с помощью эксперимента однозначный научный результат нельзя. Однако в принципе он считал, что именно эксперимент и теория вероятности должны соединить область естественных наук с науками о человеке.

Дискуссии, которые возникали в течение всего XIX в. в социологии, социальной психологии, педагогике и других социальных науках в связи с научным экспериментом, были связаны с противоречием между принципами научного экспериментирования, выработанными в ходе его развития внутри естественных, главным образом физических, наук, и состоянием общественных наук.

<...> Если обсуждение вопроса об эксперименте в социальной литературе XIX в. шло в плане общих рассуждений о различиях между социальным и естественно-научным познанием, то в конце XIX и начале XX в. вопрос о судьбе эксперимента оказался связанным с обсуждением вопроса о средствах количественного описания социальных явлений. В частности, работами Дюркгейма, М. Вебера, Ч. Кули были выдвинуты следующие вопросы: 1) возможно ли измерение социальных явлений и получение количественно точных данных о них, что должно и может быть объектом измерения; 2) какие «приборы» могут быть использованы для таких измерений; 3) возможно ли достижение точности в измерении социальных явлений; 4) возможен ли учет погрешностей, связанных с тем, что источником фактов и средством их получения является социальная группа; 5) достижима ли однозначная интерпретация социальных фактов. Кроме того, сам вопрос об эксперименте дополнительно выдвигал вопросы о возможности очищения социального явления от влияния побочных факторов, о возможности получения однозначных результатов путем эксперимента и др. Как мы увидим далее, эти более конкретные вопросы в 20-х гг. XX в. получили уже определенное решение.

Таким образом, на разных уровнях развития социальных наук вопрос об эксперименте ставился по-разному и в связи с разными методологическими проблемами. Однако за всеми этими различиями стояло одно противоречие, которое определяло собой всю идейную и практическую историю социального эксперимента, — противоречие между уровнем развития естествознания, используемым в качестве эталона оценки уровня других наук, и уровнем социального познания. Наличие этого противоречия объясняет те дискуссии, которые велись по вопросу об эксперименте в социальных науках.

Во второй половине XIX в. развитие идеи социального эксперимента шло в двух противоположных направлениях: 1) дополнение ее принципами организации эксперимента, разработанными в естествознании; 2) обоснование невозможности использования эксперимента для изучения социальных явлений.

<...> Виднейшим выразителем негативного отношения к идее социального эксперимента был О. Конт. Как известно, в число тех требований, которые Конт считал необходимым предъявлять к социальным наукам, входит требование опоры на позитивные факты (позитивизм) и использование точных методов исследования (физикализм). И вместе с тем он был противником применения экспериментального метода как в биологии, так и в социальных науках, считая основным и общим в той и другой области сравнительно-исторический метод. Как указывает Паже, невозможность использования экспериментального метода в социологии и социальных науках вообще Конт доказывает наличием закона гармонии, пригнанностью и взаимообусловленностью всех элементов явления, исключающей возможность изоляции каких-либо факторов, порождающих существование явлений ([1], S. 422).

<...> Существенную роль в создании негативного отношения к социальному эксперименту сыграли фундаментальные труды Д. Милля. <...> В «Логике нравственных наук» Миль в принципе отрицает возможность производить научно точные опыты в тех сферах, где имеют дело с человеком, его психикой, поведением, как в психологии характера, так и в общественных науках в целом. <...>

«Признание применимости экспериментального метода в политической философии, — пишет Миль, — несовместимо со сколько-нибудь правильным пониманием этих методов» ([2], с. 799). Во-первых, в общественной жизни невозможна организация искусственных опытов; здесь, с одной стороны «невозможно установить и заметить все факты каждого случая, а с другой (по причине изменения этих фактов), прежде чем пройдет достаточно времени для определения результатов опыта, всегда должны существенным образом измениться не те, так другие существенные обстоятельства» (Там же).

Вслед за Контом отрицательное отношение к эксперименту и идею сравнительного метода как основного в социологии развивает Э. Дюркгейм. Он различает «экспериментирование в собственном смысле», т. е. изучение событий, искусственно вызываемых по усмотрению экспериментатора, и «косвенное экспериментирование».

«Если же не в нашей воле вызывать события (явления) и если мы их можем наблюдать только как они происходят, тогда используется метод косвенного экспериментирования или сравнительный метод» ([1], S. 424).

У Дюркгейма обнаруживается то же противоречие, что и у Конта. С одной стороны, он утверждает, что социальные законы не отличаются от законов, управляющих остальной природой, поэтому метод, которым они исследуются, идентичен методам других наук. С другой, он отказывается признать принципиальную возможность использования эксперимента в социальном познании, признавая возможным здесь только косвенное экспериментирование, т. е. метод теоретического анализа истории.

Проблема эксперимента в социальных науках в начала XX в. обнаружилась в связи с классификацией наук, предложенных Виндельбандом. Как известно, Виндельбанд различает науки, изучающие общие законы (номотетические), и науки, изучающие единичные, неповторяющиеся ситуации (идиографические). Социальные науки, как науки идиографические, не имеют отношения к законам, и потому основной метод, который должен в них исполь-

зоваться, это метод описания. С этих позиций точные методы познания социальных явлений в принципе исключаются. В качестве одного из основных аргументов Виндельбанда и его последователей против возможности использования точных методов в социальном познании выдвигался его ценностный характер (т. е. направленность на изучение ценностей и других факторов человеческого поведения). <...>

Дальнейшее обсуждение вопроса о возможности использования эксперимента в социальных науках было связано с развитием основных направлений в социологии XX в., в частности, с дискуссией между интуитионизмом и позитивизмом. Как уже говорилось, отношение к эксперименту различных школ нельзя понять вне характеристики соответствующих социальных концепций в целом. В начале XX в. отрицательное отношение к точным методам вообще и к эксперименту в частности таких социологов, как П. Сорокин, Дильтей, Литт, было связано с тем, что надежды на провозглашенную еще Контом перестройку социологии на базе физических методов не оправдались. В связи с этим возродилось противопоставление общественных наук естествознанию в целом ([3], с. 24).

<...> В отличие от Дильтея, Макс Вебер, развивший направление «понимающей социологии» в первой четверти XX в., делал акцент на том, что понимание социологом поведения наблюдаемой совокупности должно сопровождаться проверкой, контролем этого понимания (путем толкования), обычными методами каузального анализа. Однако в принципе с позиций данного направления основной метод социального познания — это «сочувствующая интроспекция», или понимание с целью интерпретации поведения. Применение количественных методов здесь принимается с ограничениями, ибо поведение группы рассматривается как нечто большее, чем его внешние проявления, включая то, что стоит за внешними проявлениями поведения (мотивы, ценности, нормы) и что может быть, с точки зрения Вебера, лишь понято и интерпретировано, но не может быть измерено.

Тенденция заменить точные методы интуицией проявляется и сейчас. Так, Р. Кениг ([4], S. 73) отмечает, что Арнольд Гелен (Gehlen A., 1957) высказал идею о замене контролируемого наблюдения феноменологическим созерцанием сущности, называемым также интуицией. Характерным для феноменологической интуиции, как считает Гелен, является отсутствие контроля за явлением.

В противоположность понимающей, или интерпретативной, социологии неопозитивистское направление (Ландберг, Додд, Адлер) исходит из того, что сознание, лежащее в основе поведения, недоступно для изучения. Непосредственно доступно для изучения лишь само поведение. В поведении значение имеет лишь то, что может быть описано на языке физики и математики. С позиций этой концепции использование социального эксперимента в принципе не исключается. Однако его роль сводится к фиксации внешних проявлений поведения в разных ситуациях без анализа мотивов, его определяющих.

Таким образом, вопрос о применимости эксперимента в социальном познании оказался связанным с решением более общего вопроса — вопроса о предмете социальных наук, в частности наук, изучающих поведение соци-

альных групп. Крайними полюсами, сложившимися в ходе дискуссии по этим вопросам, оказались, с одной стороны, сторонники интуиции и интроспекции, с другой — формального количественного описания поведения.

Как указывают Беккер и Босков ([5], с. 234-237), в ходе этой полемики стала очевидной ограниченность альтернативной постановки вопроса. Появились сторонники точки зрения, согласно которой измерение социальных явлений должно сочетаться с изучением их качественной стороны. Этим самым были как-то определены и задачи социального эксперимента — измерение не только внешних форм поведения, но и мотивов, оценок, мнений, ценностей, т. е. самого содержания этого поведения.

<...> Отсутствие показателей и методов для количественного описания широкого круга социальных явлений связано с тем, что для всего XIX в. было характерно развитие макросоциологии, т. е. разработка главным образом общих социологических концепций. Количественные же методы (потребность в их разработке и использовании, а также возможность их применения) становятся необходимыми при переходе к познанию процессов, протекающих на уровне отдельных социальных групп. Вместе с тем возникновение социологии малых групп, где впервые стали применяться количественные, в том числе и экспериментальные, методы, явилось следствием развития экспериментальных исследований в психологии (сначала в общей — к концу 70-х годов XIX в., а затем в социальной) и в педагогике.

<...> В решении этой задачи большое значение имело возникновение и развитие социометрии в конце 20-х — начале 30-х годов XX в. Заслуга основателя этого направления Д. Морено в плане интересующего нас вопроса состояла в следующем. Он подверг критике точку зрения Милля и Конта, иными словами, традиционное отрицательное отношение к эксперименту в социальной сфере с позиций нового подхода к самому эксперименту.

«Главной задачей социометрии, — писал Морено, — был пересмотр экспериментального метода в целях его успешного применения к социальным проблемам». Социометрия определялась как «математическое изучение психологических свойств населения, как экспериментальная техника и результаты, полученные при применении количественных методов», а также как «исследование эволюции и организации групп и положения индивидуумов внутри них» ([6], с. 66-67).

Морено дает острую критику тезиса Д. Милля о невозможности применения эксперимента в социальном познании. Он пишет:

«Милль заимствовал способ оценки данных социальных наук из наук физических. Он пришел к грустному выводу, что экспериментальный метод неприменим в социальных науках, так как предмет изучения слишком сложен» ([6], с. 64). Но «Миллевский канон неприложим к социальным наукам отнюдь не потому, что они ниже естественных наук. Он просто предложил неправильную модель» ([6], с. 80).

Неправильность этой модели, по Морено, состояла в том, что Милль не учитывал особенностей социального объекта как такового, который осуществляет постоянные реакции на меняющиеся факторы среды (процесс «разминки»). Чтобы эксперимент дал требуемые результаты, экспериментатор должен строить свое исследование с учетом этой «разминки», т. е. поведения группы в данных условиях. Для этого эксперимент должен происходить в естественных для данной группы условиях (*in situ*) ([6], с. 80).

Таким образом, Морено подвел итог дискуссиям об эксперименте, выдвигая тезис о необходимости подгонки экспериментального метода под специфику социального объекта, наполнения его новым содержанием в соответствии со спецификой этого объекта. Заслуга социометрии состоит в том, что ею был не только поставлен вопрос о перестройке экспериментального метода, но и разработаны конкретные методики его использования применительно к особенностям малых групп.

* * *

В работах Маркса и Энгельса нет постановки вопроса о необходимости использования научного эксперимента для изучения социальных явлений. Объясняется это тем, что социология разрабатывалась Марксом и Энгельсом как философская, а не эмпирическая наука, опирающаяся на собственные эмпирические исследования. В социологии, которая создается применительно к обществу в целом, рассматриваемому на всех этапах его исторического развития, в качестве эмпирического материала используются не отдельные эксперименты, а весь исторический опыт человечества. Существенно и то, что разработка исторического материализма происходила в борьбе с идеалистическими концепциями, поэтому его создатели исследовали главным образом не процедурные проблемы, а философскую методологию социального познания. <...>

Литература

1. *Pages R.* Das Experiment in der Soziologie / Handbuch der Empirischen Sozialforschung. Bd. 1. Stuttgart, 1962.
 2. *Милль Дж.* Система логики. М.: Изд. Г. А. Лемана, 1914.
 3. *Кон И. С.* К вопросу о предмете социологии / Вопросы марксистской социологии. Л.: Изд-во ЛГУ, 1962.
 4. *König R.* Die Beobachtung / Handbuch der Empirischen Sozialforschung. Bd. 1. Stuttgart, 1962.
 5. *Беккер Г. и Босков А.* Современная социологическая теория. М.: ИЛ, 1961.
 6. *Морено Дж. Л.* Социометрия. М.: ИЛ, 1958.
- (Р. В. Рывкина, А. В. Винокур. Социальный эксперимент. Новосибирск: Наука, 1968, с. 4-16)

Ремарка: социальный эксперимент = исследование + управление?

Замечу, что в цитированной работе 60-х гг. социальный эксперимент обсуждается исключительно в русле «дискурсивной» (по выражению В. Шубкина), количественной социологии. Возможность экспериментирования вне этой парадигмы (а именно — в рамках гуманистической, качественной социологии) в работе Р. Рывкиной и А. Винокура не рассматривается, как не отвечающая общенаучным представлениям об этом методе.

По мысли авторов, в социальном эксперименте соединяются элементы исследования, с одной стороны, и элементы управления, с другой.³⁸

³⁸ «Социальный эксперимент как единство научного исследования и управления» — название одной из ключевых глав книги.

Можно сказать, что социальный эксперимент здесь предстает, как нечто идущее «сверху» (система управления) и/или «сбоку» (система исследования), т. е. «извне». Но вовсе не «снизу» или (точнее!) «изнутри»: индивидуальное или коллективное, «не управленческое», «не санкционированное», свободное экспериментирование!.

Последнее в нашей социологии того времени теоретически и практически исключалось. Не так ли, Инна? (Январь 2000 — октябрь 2003).

23.5. «Качественное знание — это своего рода маточный раствор...»

Несколько вступительных слов

С Сергеем Александровичем Белановским мы познакомились в середине 80-х. В ту пору С. Б. занимался сбором глубинных интервью на темы производственной жизни. То есть предмет исследования — «человек в системе реальных производственных отношений» — у нас, по существу, совпадал, только методы были разные.³⁹

Помню, С. Б. предлагал тогда и мне стать одним из его респондентов. Но я был больше склонен к писанию собственных «протоколов наблюдающего участия»...

С тех пор мы с Сергеем Белановским встречались, к сожалению, не часто. В начале 90-х мне случилось быть рецензентом рукописи его книги, посвященной качественным методам в социологии. Рукопись вызвала горячие споры в профессиональном сообществе... (Февраль 2001 — октябрь 2003).

Из книги С. Белановского «Методика и техника фокусированного интервью» (1993)

<...> Качественное знание — «... совокупность теоретических представлений ученого, касающихся исследуемых им проблем. В отличие от концепций, которые представляют собой более или менее завершенные логические конструкции, качественное знание включает в себя также большое количество недоработанных и не до конца отрефлектированных концептуальных представлений, не находящихся в логическом единстве друг с другом. Иными словами, **качественное знание — это своего рода «маточный» раствор** [выделено мною. — А. А.], из которого ученый в процессе своей работы выкристаллизовывает теории и концепции. Развитые концепции представляют предельную форму качественного знания, своего рода конечный продукт деятельности ученого. В процессе исследований концептуальные взгляды ученых развиваются, трансформируются и обновляются. Развитие концепции представляет собой процесс ее дедуктивного развертывания, включающий прослеживание все более отдален-

³⁹ Исследование моего коллеги было андерграундным, и его материалы были опубликованы лишь в 90-х гг. См.: Производственные интервью. Вып. 1-4 / Отв. ред. — С. А. Белановский. М.: Институт народнохозяйственного прогнозирования АН СССР (РАН), 1991-1992.

ных следствий, расширение охвата рассматриваемых явлений, и соединение данной концепции с другими концептуальными системами. Процесс развертывания концепции порождает проблемы сохранения логической совместимости ее составных частей, согласованности с другими концепциями и с наблюдаемыми явлениями. Накопление противоречий с течением времени должно повлечь за собой ответную реакцию в виде: а) приспособления концепции путем изменения частных ее элементов; б) трансформации концептуального «ядра», влекущей за собой крупные изменения в ее составных частях; в) радикальной замены концепции. В соответствии с этим качественная гносеологическая традиция рассматривает прогресс научного знания в виде не экстенсивного накопления изученных «фактов», а постоянного обновления концептуальных представлений. Эффективность развития науки определяется таким образом скоростью возникновения и внедрения в научное сознание «концептуальных инноваций». <...> В определенном отношении процесс развития науки может быть уподоблен процессу экономического развития, который со времен И. Шумпетера рассматривается не столько как экстенсивное развитие производства на базе существующих технологий, сколько как процесс внедрения экономически значимых инноваций. Следовательно, одна из наиболее значимых задач российской социальной науки заключается в освоении и использовании методического аппарата, способствующего эффективному преодолению концептуальной стагнации и ускоренному обновлению научного знания. <...>

(С. А. Белановский. Методика и техника фокусированного интервью. М.: Наука, 1993, с. 23-24)

* * *

Из отзыва на рукопись книги С. Белановского (1993)

Названная работа С. А. Белановского [*«Методика и техника фокусированного интервью»*. — А. А.] представляется автору настоящего отзыва новаторской по замыслу и образцовой по исполнению. В ней отчетливо выделяются две части.

Одна, представленная первой главой и выполняющая роль расширенного теоретико-методологического введения, содержит принципиальную постановку вопроса о соотношении количественных и качественных методов, их взаимодополнительности в социальных исследованиях. В ней критически рассматривается сложившийся к настоящему времени в отечественной социологии перекос в сторону сциентистской, негуманитарной парадигмы социологического изыскания в ущерб так называемым мягким, гибким методам наблюдения и анализа. Критика резкая, порой нелестная, но по сути обоснованная и справедливая, точно вскрывающая конкретно-исторические причины и собственноручные обстоятельства методологического кризиса, переживаемого нашей социологией. За исключением ряда давних работ В. Н. Шубкина, нескольких работ В. А. Ядова последнего времени, трудно най-

ти в нашей социологии столь же основательную и бескомпромиссную социологическую самокритику.

Вторая часть работы С. А. Белановского (главы 2-5) представляет собой собственно учебно-методическое пособие для социологов, экономистов, социальных психологов, журналистов, как заявлено в подзаголовке книги. Здесь автор выступает преимущественно уже в качестве методиста, тонкого аналитика возможных аспектов подготовки, проведения и интерпретации результатов одного из эффективнейших методов эмпирической социологии, исключая математическую обработку данных. Столь разносторонняя и филигранная проработка этой более частной, методической проблематики в российской социологии нам также неизвестна.

С. А. Белановский в своей книге выступает как методолог и методист отнюдь не умозрительного плана. Его личный многолетний богатейший опыт работы именно с методикой фокусированного интервью, в котором ему, на наш взгляд, удалось достичь подлинной виртуозности (см., например, опубликованные работы — «Производственные интервью», «Дедовщина в армии»), находит итоговое обобщение в данной книге.

<...> Автор настоящего отзыва относит себя к научным единомышленникам С. А. Белановского. Мои собственные поиски в области разработки и внедрения неколичественных методов в нашу социологию (исследование жизненных путей в 1970-х гг., фокусированные интервью «Ожидаете ли Вы перемен?» конца 1970-х — начала 1980-х гг., наблюдающее участие в конкретной социально-производственной ситуации и «экспериментальная социология» в 1980-х гг.) в основном исходят из тех же методологических принципов. Не могу не выразить глубокого удовлетворения тем, что эти принципы получили в книге С. А. Белановского столь глубокое осмысление, оригинальный синтез и адекватную систематизацию.

<...> Как стало недавно известно автору настоящего отзыва, рукопись книги С. А. Белановского, среди прочих откликов, встретила и резкое неприятие у некоторых ведущих специалистов в области методики и техники социологических исследований. Мне остается выразить на этот счет искреннее сожаление и даже недоумение. Возможно, этому отчасти способствовал полемический задор автора, его иногда подчеркнутая независимость суждений и «безоглядность» критики, впрочем, всегда остающейся в рамках научного спора. <...>

А. Алексеев, 25.01.93

(Цит. по: С. А. Белановский. Методика и техника фокусированного интервью. М.: Наука, 1993, с. 335-337)

23.6. «Case study» как исследовательская методология

Несколько вступительных слов

В начале 80-х социолог-рабочий намеревался написать статью: «Зачем нужны “отдельные случаи” социологу?». От исполнения замысла отвлекли драматические события вокруг своего собственного «случая». Статья осталась «в чернилнице».

Вроде бы не хватает такого раздела в составе этой книги... Но, по счастью, самому писать теперь уже не надо. Поскольку это — лучше, чем я мог бы сам! — сделано моим новосибирским коллегой и другом — специалистом в области промышленной социологии, докт. социол. наук Владимиром Исааковичем Герчиковым, который тоже обычно строит свои исследования на «отдельных случаях».

Ниже приводится (с небольшими сокращениями) одна глава из книги В. И. Герчикова, в соавторстве с С. Ю. Барсуковой. (Автор данного текста — В. Герчиков). (Декабрь 1999 — октябрь 2003).

Из книги С. Барсуковой и В. Герчикова
«Приватизация и трудовые отношения: от единого и общего — к частному и разному» (1997)

«Case study» как исследовательская методология:
почему мы выбрали этот подход

В буквальном смысле «case study» означает **исследование случаев** или **событий**, происходящих на каких-то объектах, с какими-то действующими лицами. Наиболее известен такой вид исследований в медицине, где к анализу истории болезни отдельных людей прибегают уже не одну сотню лет при столкновении с необычными ситуациями.

В социологии эти исследования начали развиваться с 20-х и 30-х годов XX столетия. Исследователи Чикагской школы (США), признанные лидеры в этом направлении, определяли «case study» как неколичественные исследования, делающие акцент на истории и контексте происходящих событий, избегающие обобщений и исходно ориентированные на понимание социальной жизни через представления действующих лиц (Stoeker R., 1991, p. 89).

Очевидно, что под это определение подпадает целая группа методов: биографический, исторический, наблюдение и даже эксперимент. Не случайно единого понимания сущностных характеристик метода «case study» нет не только в отечественной социологии, где его использование пока относительно мало, но и в западной науке, где он давно стал одним из самых применяемых методов социологических исследований. Так, Дж. Митчелл определяет «case study» как

«...детальное рассмотрение события или серии взаимосвязанных событий, которые по мнению исследователя представляют определенные теоретические принципы» (Mitchell J. 1983, pp. 191-192).

Р. Йин описывает его как эмпирическое исследование, которое изучает существующее явление с его реальным жизненным контекстом, когда границы между явлением и контекстом не столь очевидны, и в котором используются для доказательства многообразные средства (Yin R., 1984, p. 23). Г. Беккер отметил, что этот вид исследований неотделим от использования мнений и оценок участников изучаемых событий (Becker H., 1968), а Р. Стоекер подчеркивает, что

«...термин “case study” нужно зарезервировать за теми исследовательскими проектами, которые дают целостное объяснение динамики за определенный исторический период конкретного социального объекта» (Stoeker R., 1991, pp. 97-98).

Поэтому наиболее оправданной нам представляется точка зрения Дж. Платт, которая считает «case study» более не **методом** в принятом в социологии смысле, а исследовательским **подходом**, не столько предлагающим какую-то специфическую методику, технику научной работы, сколько накладывающим определенные ограничения на методы сбора информации (Platt J., 1988). Не случайно Р. Уолкер отнес «case study» к группе качественных исследований, в которых преимущественно используются глубокие интервью, групповые интервью, описания событий их участниками, проективные техники и другие методы (Walker R., 1985, pp. 4-7).

Но согласившись, что «case study» представляет собой углубленное исследование некоторого явления с его реальным контекстом и на материалах ограниченного числа объектов наблюдения, мы должны определить «case» (случай) не просто как некоторый конкретный объект, единицу наблюдения, а как **один из вариантов эмпирической реализации изучаемого явления**, как воплощение одного из теоретических конструкторов, с помощью которых исследователь распознает, описывает, анализирует свой предмет. Из такого понимания вполне однозначно следует и ответ на вопрос, сколько и каких объектов нужно отбирать для некоторого конкретного исследования: каждый из объектов должен демонстрировать какой-то вариант реализации изучаемого предмета, а все вместе они должны по возможности покрывать все вероятные варианты.

Отметим характерные особенности, которыми обладают исследования «case study», частично вытекающие из приведенных выше определений. При этом мы постараемся не только отмечать и кратко аргументировать те или иные характеристики подхода, но и показывать (насколько это окажется в наших силах), как можно использовать достоинства «case study» и как ослабить его недостатки. Начнем с тех свойств, которые вполне определенно можно считать **преимуществами** данного подхода, обеспечивающими его достаточно широкое использование в мировой социологии.

— Ограниченное количество эмпирических объектов дает исследователю возможность более глубокого проникновения в изучаемую частную проблему, чтобы лучше выявить ее сущность и предложить как новые теоретические задачи, так и способы обобщения отдельных случаев на более широкую реальность. Поскольку каждый случай рассматривается как конкретная реализация изучаемой сущности, исследователь и получает принципиальное право на такое обобщение (Burawoy M., 1979, p. XV).

— Эвристический характер «case study» делает его незаменимым при изучении слабо определенных явлений, по которым у исследователя нет достаточных знаний для априорного построения развернутой теоретической схемы объекта. А именно с такой ситуацией сталкивается социолог при анализе любого процесса или явления, происходящего в современный период кардинальных изменений всех сфер общественной жизни России. Используя характерные для «case study» методы проведения свободных и перекрестных интервью, рассматривая разностороннюю фактическую информацию, исследователь получает возможность ориентироваться в происходящих процессах и собрать необходимую для анализа информацию.

— Поскольку «case study» исходно нацелен на изучение какой-то проблемы во всем ее окружении, он весьма эффективен для выявления причинной зависимости происходящих изменений и событий от широкого круга многообразных факторов:

«...Вопросы “как?” и “почему?” обладают наибольшей объяснительной способностью и ведут к преимущественному использованию в исследованиях исторического и экспериментального методов, а также “case study”, ибо вопросы такого типа требуют скорее прослеживания операциональных связей во времени, чем просто анализа частот или направлений» (Yin R., 1984, p. 18).

— Следующее важное преимущество подхода — его исходная динамическая ориентация, ибо постоянное наблюдение за одним или несколькими объектами позволяет исследователю изучать не только набор, номенклатуру происходящих событий и изменений, но и их последовательность во времени. Это дает возможность не только лучше понять происходящее, но и предложить конкретные меры по разрешению изучаемой проблемы:

«...Когда мы узнаем достаточно о динамике в каком-то конкретном случае, мы можем “предписывать лечение”, основанное на наших предположениях о влиянии каких-то специфических воздействий на ситуацию» (Stoeker, 1991, p. 102).

Одним из значимых аспектов методологии «case study», позволяющим точнее зафиксировать именно динамику происходящих изменений, является возможность интервьюирования одних и тех же людей (участников событий, происходящих на объекте исследования) на протяжении длительного периода времени.

— Еще более важной является уникальная для данного подхода возможность получать ответы на вопрос, почему некоторое событие, ожидаемое его участниками и исследователем (согласно теоретическим представлениям последнего), **не произошло**. Такие факты вполне правомочно трактовать как **исключения**, объяснительная способность которых для лучшего понимания общих явлений и прогнозирования дальнейшего развития событий на конкретных объектах, как известно, более велика, чем у фактов, подтверждающих известные общие тенденции (Mitchell J., 1983, pp. 203-204).

— Особенность многих экономических и социальных явлений, происходящих в настоящее время в России, — закрытость информации о них для стороннего наблюдателя. Исследователь, работающий в рамках подхода «case study», может рассчитывать на получение закрытой информации, так как, во-первых, периодическое неформальное общение с одними и теми же людьми обеспечивает исследователю получение у них определенного доверия (они на практике убеждаются, что информация, которую они сообщили исследователю, не была использована им во вред); во-вторых, существует возможность сопоставления мнений разных лиц по одному и тому же вопросу.

— Поскольку (как мы уже отмечали выше вслед за Дж. Платт) «case study» скорее не метод, а подход, он практически не ограничивает собственно методическую свободу исследователя:

«...В рамках этого подхода мы можем исследовать, опрашивать, наблюдать, участвовать, читать, изучать архивы, рыться в мусоре и даже считать» (Stoeker R., 1991. p. 98).

Отметим теперь те свойства «case study», которые являются предметом особо частых дискуссий, ибо их примерно с равными основаниями можно считать как **преимуществами**, так и **недостатками** подхода.

Первое. Ограниченность объектной области позволяет пользоваться только достаточно обобщенными теоретическими схемами. В самом деле: чем более детальны наши априорные теоретические соображения, тем больше вероятность, что на ограниченном числе объектов существенная часть этих деталей не подтвердится (не будет обнаружена). Поэтому в методологии «case study» требуется разумное сочетание теоретической и эмпирической («полевой») исследовательской работы. С одной стороны, теория определяет ограничения на выбор объектов наблюдения и изучаемые в исследовании вопросы, но с другой — слишком большой упор на теорию мешает исследователю обнаруживать новые факты и строить на них новое знание, препятствует проявлению скрытых от данной теории сущностей:

«...Нужно понимать, что общие теории предопределяют обобщенные процессы в разной степени, и мы можем показать, в какой. Но мы обнаружим также, что только некоторые из обобщенных процессов истинны, и тогда начнем объяснять "необъяснимые отклонения" и перестраивать теорию» (Stoeker R., 1991, p. 105).

Второе. Принципиальная затрудненность обобщений. Очевидно, что каждый изучаемый случай уникален и обладает собственной историей, конкретным сочетанием действующих факторов и последовательностью происходящих событий, что затрудняет сравнение особенностей разных случаев и проведение обобщений. Однако, если исследователь отбирал случаи так, как мы определили это выше, если он постоянно соотносит свои теоретические построения с наблюдаемыми событиями, то возможность сравнения между собой различных случаев становится вполне реальной. Тем более, что в методологии «case study» дополнительные основания для сравнений возникают из имманентного этому подходу причинного анализа последовательности событий, происходящих в каждом из исследуемых случаев.

Третье. Глубокая включенность, а зачастую и прямое вмешательство исследователя в объект и в последовательность наблюдаемых событий. Это часто рассматривается критиками «case study» как один из серьезных негативов, так как предопределяет большое влияние исследователя на результаты его деятельности и не создает необходимой научной дистанции между теорией и эмпирической работой (Becker H. S., 1968; Bromley, 1986). Но это качество «case study» можно сделать и его преимуществом (Selltiz, 1966, p. 64), тем более, что

«...слишком стараясь быть "объективным", мы пропускаем существенную и ценную информацию» (Stoeker R., 1991, p. 96).

Четвертое. Активное вовлечение в исследование действующих лиц изучаемых событий. Достаточно очевидное негативное следствие такого вовлечения — пристрастность участников событий, а потому искаженность получаемых от них описаний и оценок. Но, с другой стороны, действующие лица могут и сообщить исследователю не только факты, но и собственные версии объяснения происходящих событий, и дать свою оценку объяснениям, которые предлагает исследователь. Кроме того, такая вовлеченность помогает

и участникам событий «...лучше понять контекст своих действий, природу возникающих социальных проблем и вероятные последствия бездействия, в чем они по большей части нуждаются» (Beauregard R., 1988, p. 54).

Что же касается непреднамеренного искажения информации активными участниками рассматриваемых событий, то этот недостаток может быть в значительной мере исправлен, если наряду с ними опрашивать и тех, кто не был включен в ситуацию, а также людей, занимающих разные позиции в изучаемом сообществе (объекте) (Selltitz, 1966, pp. 63-64).

Вместе с тем у «case study» есть и ряд свойств, которые с большой определенностью можно считать именно **недостатками**, а потому для своей нейтрализации они требуют дополнительного и специального внимания от исследователя.

Во-первых, это фактическая невозможность одновременного изучения большого числа случаев (объектов). Но тогда закономерен вопрос: будут ли репрезентативны результаты, полученные на основе малочисленной выборки? Очевидно, что они не могут претендовать на репрезентативность в региональном, отраслевом или институциональном смысле — для обеспечения такой представительности нескольких случаев явно недостаточно. Что же касается содержательной, предметной репрезентативности, то ее в рамках данной методологии можно почти всегда обеспечить, если полностью использовать описанные выше возможности и выбрать для исследования именно те случаи, которые представляют все основные варианты изучаемого явления или процесса. <...>

Тем не менее, для обеспечения представительности получаемых результатов в общепринятом в социологии смысле нужно выйти за пределы методологии «case study» и провести дополнительное (и гораздо более масштабное по числу объектов) исследование с анализом статистических данных и использованием различных методов массового опроса. Но в этом случае задача массового исследования резко сужается: сущность происходящих процессов исследователю уже ясна и нужно только оценить степень распространенности известных вариантов в требуемой области социальной действительности (в рамках какой-то территориальной, отраслевой или другой социальной общности).

Во-вторых, информация, получаемая в ходе глубоких и слабо структурированных интервью с ограниченным числом респондентов, практически недоступна для количественной обработки и наиболее часто используемых в социологии методов математического анализа. Исследователю, работающему в рамках этой методологии, приходится отказываться от попытки сколько-нибудь точных измерений всякого рода зависимых и независимых переменных, характеризующих изучаемый процесс или явление.

В-третьих, в роли интервьюера в таком исследовании может выступать только сам исследователь, поскольку и детальные теоретические представления об изучаемом явлении или процессе, и перечень задаваемых вопросов, и номенклатура собираемой информации, и набор и последовательность методических приемов и процедур в ходе исследования все время меняются (развиваются). Поэтому для получения качественных результатов особую значимость приобретает квалификация исследователя, а также необходимость подробной и постоянной фиксации всего исследовательского процесса.

Конечно, вполне реально проведение такого исследования не одним человеком, а некоторой «исследовательской командой», особенно если <...> изучается одновременно несколько объектов. Но это всегда должна быть именно **команда**, а не просто некая группа специалистов, и для обеспечения единства подхода и действий ее участников необходимо предпринимать специальные меры: регулярно обсуждать ход работы и получаемые результаты; организовывать перекрестное участие одних членов команды в исследованиях, проводимых другими; проводить взаимное рецензирование отчетов и пр.

В-четвертых, по сравнению с массовыми опросами, в «case study» резко возрастает также роль и значимость респондента. В самом деле: в массовых опросах респонденты являются статистическими представителями изучаемой социальной общности (объекта), а потому основная забота исследователя состоит в том, чтобы при отборе респондентов обеспечить требуемый уровень репрезентативности этой общности. В «case study» принципиально иная ситуация. Здесь основной респондент — это непосредственный и хорошо информированный участник происходящих событий — в английском языке для них используется термин «**key informant**» (ключевой, основной информатор). Но число таких людей часто очень невелико, и возможность замены одного из них другим минимальна. Поэтому от исследователя требуется особая настойчивость для достижения контакта с нужными людьми и принятие специальных мер для получения и удержания их полного доверия.

В уже упоминавшейся выше книге Зеллтица и его коллег (Selltiz С., 1966, pp. 61-62) подчеркивается полезность изучения в обследуемых общностях новичков и непохожих (**strangers**): их необычные реакции и оценки, удивления или смущения могут обратить внимание исследователя на те моменты жизни сообщества, с которыми постоянные его члены полностью сжились и уже просто не замечают. Почти так же интересны, по мнению этих авторов, различные маргинальные, девиантные, изолированные группы, а также те, кто совершает переход из одной культуры в другую, например, иммигранты, пытающиеся освоиться в новой для себя стране, научные работники, ставшие продавцами, и т. п.

И, наконец, «case study», как и любое другое исследование, затрагивающее предысторию каких-либо событий, базируется на ретроспективных сведениях (что неминуемо усиливает их искажение) и использует их произвольную интерпретацию. В значительной мере этот недостаток можно уменьшить использованием перекрестных опросов участников событий (причем, как уже отмечалось выше, опрашивать надо людей, чьи интересы в этом событии были различны), но полностью его элиминировать не удастся.

В целом же, соотнося рассмотренные выше достоинства и недостатки подхода, мы вполне согласны с мнением, что

«...case study — наилучший путь, которым мы можем усовершенствовать теорию и улучшить ее эффективные приложения к сложным ситуациям» (Stoeker R., 1991, p. 109).

Отметим в заключение особую эффективность метода «case study» в обучении. Дж. Платт подчеркивает, что использование материалов этих исследований в учебной практике:

— помогает определить абстрактные понятия (концепции);

- дает конкретные иллюстрации для этих понятий;
- помогает аудитории запомнить приводимые примеры, ибо богатство описываемых в них деталей служит для этого хорошим мнемоническим инструментом;
- возбуждает заинтересованность аудитории и расширяет ее опыт, демонстрируя слушателям людей и места, с которыми они иначе вряд ли бы ознакомились;
- представляет информацию в более наглядной и интересной форме, чем это можно было бы сделать по результатам количественных исследований (Platt J., 1988, p. 5). <...>

Литература

1. *Beauregard R. A.* In the Absence of Practice: The Locality Research Debate // Antipod, 1989, Vol. 20.
2. *Beker H. S.* Social Observation and Social Case Studies / Sills D. (ed.). International Encyclopedia of Social Sciences. Vol. II. Macmillan and Free Press, 1968.
3. *Bromley D. B.* The Case-Study Method in Psychology and Related Disciplines. John Wiley and Sons, 1986.
4. *Burawoy M.* Manufacturing Consent; Changes in Labor Process Under Monopoly Capitalism. Chicago: University of Chicago Press, 1979.
5. *Mitchell H.* Case and Situation Analysis // The Sociological Review. 1983, № 1.
6. *Platt J.* What Can Case Studies Do? // Studies in Qualitative Methodology, 1988, № 1.
7. *Selltiz C.* et al. Research Methods in Social Relations. Holt, Rinehart and Winston, 1966.
8. *Stoeker R.* Evaluation and Rethinking the Case Study / The Sociological Review. 1991, Vol. 39, № 1.
9. *Walker R.* An Introduction to Applied Qualitative Research / Walker R. (ed.). Applied Qualitative Research, Gower Publishing Company Ltd, 1985.
10. *Yin R. K.* Case Study Research: Design and Methods. Beverly Hills: Sage, 1984.

(С. Ю. Барсукова, В. И. Герчиков. Приватизация и трудовые отношения: от единого и общего — к частному и разному. Новосибирск: ИЭиОПП, 1997, с. 11-18)⁴⁰

23.7. Из болгарского энциклопедического словаря по социологии

[Ниже — извлечения из болгарского академического энциклопедического словаря по социологии: Энциклопедичен речник по социология. / Общ. науч. ръководство и редакция — Ст. Михайлов. София: «М-8-М» Михаил Мирчев, 1997.

⁴⁰ См. также: Собственность и трудовые отношения: варианты трансформации. Сборник кейсов. / Под ред. В. И. Герчикова, М. В. Кошман. Новосибирск: Издательство ИЭиОПП, 1995. Здесь стоит привести оглавление этой книги, из которого хорошо видны исследовательский подход и способ представления научных результатов «case study»: 1. Металлургический завод. 2. Машиностроительный завод. 3. Завод специального оборудования. 4. Фабрика галантереи. 5. Аэропорт. 6. Коммерческие структуры используют льготы трудовых коллективов. 7. Частные предприятия. 8. Предприятия, выкупленные трудовыми коллективами.

Автор приводимых здесь статей — чл.-корр. Болгарской академии наук, проф. Стоян Михайлов. Перевод — автора настоящей книги.⁴¹ — А. А./

<...> Наблюдение. — Конкретный метод регистрации фактов в ЭСИ [*эмпирическое социологическое исследование.* — А. А./], при котором источником информации является поведение исследуемого лица. В таком случае анкетер⁴² непосредственно, иногда с помощью аппаратуры, наблюдает поступки, явления, процессы и на основе своих впечатлений фиксирует ответы в вопроснике. Н. может применяться при изучении только сегодняшних, но не минувших или будущих событий. Исследование документов, использование кино- и телевизионных съемок не есть Н. Другое дело, что в некоторых случаях оказывается целесообразным записывать то, что говорит исследуемое лицо, — с помощью соответствующей техники или вести съемку его поступков.

Возможности охвата наблюдением ограничены. С помощью Н. нельзя обследовать большое количество лиц — нужно слишком много анкетеров [*наблюдателей.* — А. А./]. Н. эффективно, когда ведется в течение достаточно продолжительного времени, что позволяет впечатлениям об исследуемом лице, о деятельности соответствующей институции и т. д. стать полнее, избежать случайных искажений. Эта ограниченность Н. вступает в противоречие с требованием представительности информации.

Как правило, Н. в ЭСИ является полевым, а не лабораторным. В зависимости от программы и методики исследования, предварительно определяется, какие объекты подлежат наблюдению, в течение какого времени, в какие дни и часы, как они будут распределены между анкетерами и т. д. Устанавливается, как будут записываться впечатления — в присутствии исследуемого лица или после, будет ли вестись магнитофонная запись, съемка и т. д. По каждому сеансу Н. составляется протокол, в котором записываются впечатления. Если Н. является тайным, записи выполняются сразу после сеанса.

В некоторых случаях действия исследуемого лица могут сниматься скрытой камерой, его разговоры могут записываться — без осведомления его об этом. Тут возникают этические проблемы, связанные с анонимностью.

Н. может проводиться и без участия анкетера в наблюдаемой деятельности. Главное преимущество Н. с таким участием (включенное наблюдение) состоит в преодолении ограниченности пассивной регистрации, поскольку дает возможность воспринять и лучше почувствовать всю гамму переживаний, сопровождающую наблюдаемую деятельность и соответствующие социальные формы и механизмы, глубже проникнуть во внутренний мир исследуемого лица. В случае, если анкетер не имеет возможности сам осуществлять Н. в качестве участника соответствующей деятельности, он может привлечь к этому кого-либо из реальных членов наблюдаемого коллектива, в качестве своего «корреспондента», но это чревато как снижением достоверности, так и осложнениями этического характера.

⁴¹ Пользуюсь случаем выразить свою признательность сотруднику Института социологии Болгарской академии наук Светле Колевой, приславшей мне этот словарь. (Июль 2000).

⁴² В болгарской социологической традиции анкетером называется всякий участник ЭСИ, который занимается сбором фактов.

Н. бывает явным или тайным, в зависимости от того, известно ли исследуемому лицу, что его наблюдают. При явном Н. есть опасность *[определенным образом. — А. А.]* настроить исследуемое лицо, при том, что последнее может этого даже не осознавать. Поэтому предпочтительнее тайное Н., особенно если оно участвующее. При тайном Н. существенным является способ введения анкетера в новую среду. Такое введение должно быть непринужденным, а это лучше достигается с помощью людей, занимающих более высокое положение в иерархии, или же неформальных лидеров. Этические проблемы в Н. решаются при строгом соблюдении принципа анонимности *[наблюдаемых лиц. — А. А.]*, обязательного для всякого ЭСИ.

Н. может быть однократным, проводимым в течение определенного срока или многократным, панельным. Предпочтительным является сочетание Н. с другими методами регистрации фактов, во-первых, поскольку не все поддается Н. и, во-вторых, поскольку и здесь существует опасность субъективных искажений в восприятии и оценках.

* * *

<...> **Эксперимент, социологический.** — Метод установления возможностей, особенностей, эффективности некоторой новой формы общественной деятельности, общественных отношений, которая вносит определенные изменения в отдельный элемент или в целостную <...> общественную систему. Чем сложнее становится общество, чем более разнообразны интересы личности, тем более необходима предварительная экспериментальная проверка нововведений в общественной жизни. Э. с. затрагивает или имеет в виду некоторую социологическую систему или взаимосвязь.

Э. с. может рассматриваться как специфическое ЭСИ. Все научные требования, предъявляемые к подготовке ЭСИ, действительны и для Э. с. В этом смысле Э. с. является особым, синтетическим методом исследования. В программу Э. с. включается прежде всего теоретическая модель новой социальной формы, которая подлежит экспериментальной проверке. Эта модель дополняется темой и задачами Э. с. При Э. с. могут использоваться все конкретные методы регистрации фактов.

Методика регистрации фактов при Э. с. имеет особое значение. Она должна преодолеть сопротивление рутинных сил, которые не заинтересованы в новой социальной форме, подлежащей экспериментальной проверке, и потому часто стремятся исказить результаты Э. с. Кроме того, анкетеры *[наблюдатели. — А. А.]* не должны быть заинтересованы в тех или иных результатах эксперимента, чтобы информация о нем была объективной.

* * *

<...> **Анкета, косвенная.** — Конкретный синтетический метод регистрации фактов, при котором элементарные, отдельные методы регистрации используются как его специфические элементы. Разработан в качестве метода в Болгарии при подготовке ЭСИ религиозности (1962) под руководством Живко Ошавкова.

При А. к. вопросник пополняется самим анкетером. Предпочтительно, чтобы анкетер был знаком с исследуемым лицом и хотя бы частично с его окружением. Используются все источники информации. При установлении несоответствий между отдельными источниками информации по данному

вопросу анкеты, наводятся дополнительные справки либо посредством нового разговора с исследуемым лицом и людьми из его окружения, либо путем изыскания новых документов, либо путем новых наблюдений за поведением исследуемого лица. Ни один документ, ни один разговор, вообще — ни один источник информации не должен приниматься анкетером абсолютно. При А. к. анкетер является своего рода исследователем.

А. к. имеет преимущества перед прямой анкетой, благодаря разнообразию источников информации и возможности проверить всякий ответ, равно как и избежать уклонения от ответа на некоторые вопросы. А. к. сходно с интервью, поскольку и в этом случае ответы записываются анкетером. Однако в случае интервью это осуществляется исключительно на основе разговора с исследуемым лицом, т. е. источником информации оказывается только его самосознание последнего. Соответственно, А. к. имеет преимущества и перед остальными элементарными методами регистрации.

Итак, А. к. отличается от других методов двумя главными обстоятельствами: во-первых, здесь используются все источники информации и, во-вторых, это есть специфический синтез остальных методов регистрации. Как правило, в случае А. к. ответ на один и тот же вопрос извлекается из различных источников информации и с помощью различных элементарных методов, которые взаимно дополняют и контролируют друг друга. Имеет значение и последовательность использования разных источников информации.

При А. к. количество вопросов может быть неограниченным. Они могут затрагивать все существенные моменты и аспекты общественной жизни и личности. А. к. позволяет найти ответ на все вопросы и проверить правдивость ответов. Поэтому она обеспечивает не только высокую достоверность, но и необходимую представительность информации.

К недостаткам А. к. относится то, что она требует сложной и трудоемкой организации и значительное большее количество анкетеров и научных руководителей, и, соответственно, является более дорогостоящей.

(Энциклопедичен речник по социология. Второ издание. София: «М-8-М» Михаил Мирчев, 1997, с. 278, 123, 29)

Ремарка: Живко Ошавков и Анатолий Давыдов.

Характерным примером применения метода «косвенной анкеты» является опыт сельского учителя, краеведа и правозащитника А. Давыдова (см. ранее, в томе 2 настоящей книги: приложение 3 к части 2), относящийся к началу 70-х гг. Будучи «социологом-любителем», Анатолий Васильевич Давыдов профессиональной терминологией не пользовался и «изобрел» этот метод, разумеется, независимо от Живко Ошавкова. (Июль 2000).

23.8. «Скрытая камера» социолога

[Ниже — текст статьи, написанной на базе опыта применения автором метода включенного наблюдения в комплексном социальном исследовании в начале 70-х гг. Здесь публикуется с небольшими сокращениями. — А. А.]

Применение метода включенного наблюдения в комплексном социальном исследовании (из опыта изучения сельской молодежи)

<...> Включенное, или участвующее наблюдение имеет довольно богатую историю в социологической практике и свою достаточно развитую «теорию» ([1], с. 159; [2], с. 120-124; [3]; [4]; [5]; [6]). Сам термин «участвующее наблюдение» имеет почти полувековую традицию, будучи предложен Э. Линдеманом в 1924 г. ([7], р. 280). Настоящий метод входит в систему эмпирических методов социологии, как один из методов наблюдения, и в собственных рамках допускает ряд вариаций (в зависимости от способов вхождения в группу, меры «включенности» участвующего наблюдателя, способов регистрации результатов и т. д.). Относительная «непопулярность» данного метода в нашей социологии есть, по-видимому, явление временное и не имеет иных оснований, кроме сложившегося господства анкетного метода и интервью.

Метод включенного наблюдения приносит наибольший успех, будучи применен **в комплексе методов** [здесь и далее выделено мною сегодня. — А. А.], и особенно необходим на подготовительных этапах крупных обследований. Справедливость последнего утверждения особенно хорошо осознается в итоге критического просмотра современной социологической практики. Последняя в общем изобилует вопросниками, которые приносят если не вред, то по крайней мере «нулевую» информацию, ввиду своей неадекватности объекту или условиям обследования. Для разработки информативной социологической анкеты необходимо определенное предварительное знание исследуемого контингента, учет социальной психологии, образа жизни, повседневного языка общения, типичных ситуаций и т. д. В противном случае анкета в большинстве своих вопросов оказывается, мягко говоря, неуместной, она игнорирует реальную обстановку и отправлена не по адресу. Сплошь и рядом респондентам предлагают стандартные клише-стереотипы вместо вопросов и вариантов ответа и получают, естественно, «вежливое» согласие со всеми этими клише, но отнюдь не социологическую информацию. <...> Методические ошибки стимулируются слабостью, поверхностностью знакомства с объектом. Чем непосредственнее и «интимнее» будет предварительное знакомство, тем лучше. Участвующее наблюдение есть самое непосредственное (или непосредованное) изучение. Не претендуя на массовость собранного материала, на широту обобщений и законченность выводов, оно приоткрывает перед исследователем пусть ограниченный участок действительности, но такой «как она есть», и тем самым предохраняет наблюдательного и вдумчивого исследователя от многих ошибок на последующих этапах. Можно сказать, что включенное наблюдение есть один из лучших способов **«социологической разведки»**.

Использование метода включенного наблюдения имеет ряд специфических трудностей и таит в себе ряд опасностей. Отвлекаясь здесь от затруднений чисто организационного порядка, остановимся на некоторых, возникаю-

ших при таком наблюдении познавательных, психологических и этических проблемах. В литературе многократно отмечалась **двойственность ситуации участвующего наблюдателя**. С одной стороны, он становится носителем определенной роли, которая является органичной для объекта. Например, он трудится в производственном коллективе, где должен удовлетворять разнообразным производственным и иным требованиям к члену этого коллектива. Вместе с тем, он осуществляет отвечающую своей задаче роль исследователя, которая вовсе не органична для объекта (именно потому она внешне никак не выказывается). Эти две роли в сознании и поведении исследователя выступают в своеобразный конфликт. Чем больше он рядовой участник, тем труднее ему, хотя бы «про себя», оставаться сторонним наблюдателем. Условия наблюдения побуждают смотреть на окружающее глазами окружающих. Возникает опасность искажения или даже утраты второй роли, полной идентификации с первой (обеспечивающей участие). И наоборот, чем активнее наблюдаешь, тем затруднительнее собственное естественное поведение в качестве участника. Возникает, далее, вопрос чисто этического свойства. Чтобы не нарушать, не «возмущать» естественного хода и течения жизни объекта (определенной среды, группы, коллектива), участвующий наблюдатель оставляет **скрытой для окружающих** свою основную роль исследователя. Но в какой мере допустимо пользоваться своим инкогнито для изучения человеческих отношений, а значит - и людей, которые к этому, может, вовсе не расположены?

<...> Искать ответы на этот и иные вопросы, на наш взгляд, следует не в умозрительном рассуждении, а в практике опробования данного метода.

Участвующее наблюдение было введено нами в качестве одной из методик в программу комплексного социального исследования «Сельская молодежь в условиях агропромышленного комплекса», проводимого сектором философских проблем воспитания Института философии АН СССР. Данное исследование осуществляется на материале колхоза «Заря коммунизма», Ровенского р-на, Ровенской обл. УССР, для которого характерно высокое развитие подсобных промышленных предприятий, соединение сельскохозяйственного и индустриального труда.

Согласно исследовательскому плану, включенное наблюдение должно было предшествовать разработке вопросника, выборочному интервьюированию и массовому опросу молодежи. Оно было призвано обеспечить такое знакомство с объектом, которое способствовало бы проведению остальных этапов обследования — с учетом достаточно «интимного» знания фактического положения дел. Следует заметить, что задачи включенного наблюдения в данном случае были скорее поисковыми. Так, формализованная регистрация наблюдаемых фактов, рассчитанная на последующую статистическую обработку данных, не планировалась.

Группа «участвующего наблюдения» состояла из двух человек: А.Н. Алексеев и А.В. Седов.⁴³ Автору этих строк довелось быть арматур-

⁴³ Александр Владимирович Седов был в ту пору аспирантом Института философии АН СССР, а автор этих строк — его научным руководителем.

щиком на строительстве колхозного стеклотарного завода, его коллеге — рабочим на кирпичном производстве того же колхоза, а затем помощником электросварщика на строительстве кормоцеха. Во всех случаях работа не требовала особой профессиональной подготовки (что немаловажно при выборе своего конкретного места внутри изучаемого коллектива). Включенное наблюдение осуществлялось в течение месяца (июнь 1971 г.).

Одной из главных трудностей в применении данного исследовательского метода, по-видимому, является выбор «линии поведения», которая обеспечила бы безыскусственность положения участвующего наблюдателя и не «замутняла» естественного хода жизни исследуемой среды. С этим тесно связана проблема адаптации наблюдателя, особенно остро дискутируемая в литературе. Авторы одного из учебников по социологии пишут о включенном наблюдении: «Эта процедура применяется тогда, когда исследователь способен преобразиться так, чтобы быть принятым в качестве члена группы» ([6], р. 121). Есть основания возразить против выражения «преобразиться» (это же английское слово *disguise* можно было бы перевести и более грубо — «замаскироваться»). Участвующий наблюдатель, по нашему глубокому убеждению, не должен «играть» кого-то другого, его психологическая задача скорее должна состоять в том, чтобы **быть самим собой в новой обстановке**. Таков важнейший методический вывод из нашего практического опыта.

Очень важно войти в роль, которая была бы не только достаточно естественна и понятна окружающим, но и максимально органична самому участвующему наблюдателю. В данном случае это была роль сезонника, преследующего материальный интерес, решившего поработать половину своего отпуска, чтобы вторую отдохнуть как следует. «Примыслив» себе мотив, нет надобности выдумывать факты собственной биографии. Отвечая на обычные вопросы к новичку, которые задают товарищи по работе, участвующий наблюдатель может говорить «все как есть» (автор этих строк позволил себе даже назвать место своей основной работы — академический институт, что было пропущено бригадой мимо ушей). Он «не договаривал» одного — своей исследовательской цели (что, в конечном счете, укладывается в нормы «права на личную жизнь»: с какой стати человек обязан все рассказывать). Такой способ вхождения в группу обеспечивает достаточно надежную адаптацию (психологический аспект) и вместе с тем удовлетворяет важному принципу: нельзя ожидать доверия в ответ на фальшь, пусть даже искусно скрытую (аспект нравственный).

Опыт подсказывает и другое важное правило включенного наблюдения. Оно может показаться парадоксальным: **максимум интересующей социолога информации достигается минимумом явной любознательности**. (Эту же мысль можно выразить и афористически: если хочешь побольше узнать — поменьше спрашивай!). «Не спровоцированная» специальным вопросом нечаянная реплика часто информативнее целого интервью (по

крайней мере на данном этапе исследования). Вообще, что касается интервью, пусть даже самого «незаметного», самого деликатного, то это дело не для участвующего наблюдателя. Тут важно не только сохранение обстановки естественности, которая неизбежно нарушается наблюдателем, если он чрезмерно любознателен. Важно также следовать определенному этическому принципу: **не злоупотреблять тем, что окружающие не знают о твоей исследовательской задаче** (может быть, если бы знали, они ответили бы на те же вопросы иначе).

При таком способе поведения и контактов участвующий наблюдатель оказывается «принят в качестве члена группы», не прилагая к этому специальных усилий. И, наоборот, всякие «специальные усилия» скорее вызвали бы обратный результат.

В нашем случае исследователю важно было не столько узнать какую-либо деталь личной биографии своих новых товарищей, отдельное мнение и т. д., сколько уловить общую атмосферу, настроение коллектива, отношение к труду, выраженное в поступках, а не в словесных заявлениях и т. п. **«Скрытая камера» социолога, как нам представляется, направлена не на отдельного человека, она не посягает на его «интим».** Другое дело — «интим» группы, коллектива. Но это то, что люди считают возможным обнаруживать друг перед другом в процессе труда и досуга, что, если и скрыто, то не от того, кто разделяет с ними этот труд и досуг. Особенный интерес представляет поведение коллектива в «значимых ситуациях», пользуясь термином Е. С. Кузьмина.

«Значимые ситуации могут возникать в производственной, общественной, учебной, бытовой сфере у членов того или иного коллектива, либо у коллектива в целом. Как коллектив и его члены реагируют на изменение норм выработки, на внедрение рационализаторского предложения, на сверхурочные работы, на обсуждение комплексного плана, на успехи и недостатки в учебе, на поведение своих членов в быту — вот примеры «значимых ситуаций» ([8] с. 29).

Думается, что предложенный Е. С. Кузьминым метод изучения **значимых ситуаций** наиболее эффективен в комплексе с включенным наблюдением. Следует сказать, что для внимательного глаза производственная жизнь, досуг, быт изобилуют стихийно возникающими значимыми ситуациями при известном стремлении усмотреть, выделить их в потоке повседневности. В принципе возможны и значимые ситуации, созданные самим участвующим наблюдателем. Но здесь нужны особые осторожность и такт, поскольку это, строго говоря, выходит за рамки обеих ролей участника-наблюдателя.⁴⁴

Значимая ситуация, организованная самим исследователем⁴⁵, должна удовлетворять по крайней мере двум условиям: во-первых, она не должна принести хотя бы минимального ущерба кому-либо из членов коллектива

⁴⁴ По существу, этим рассуждением автор предвосхищает переход от «включенного наблюдения» к «наблюдающему участию».

⁴⁵ Ср. с «моделирующей ситуацией» — понятием, введенным автором этих строк позднее, в связи с «наблюдающим участием».

ва; во-вторых, она должна «вписываться» в естественный контекст поведения как самого участвующего наблюдателя, так и коллектива. Вот один пример. За несколько дней до своего отъезда из колхоза автор этих строк решил сам создать значимую ситуацию, **раскрыв свое инкогнито**, точнее — объяснив бригаде действительную цель своего поступления на колхозную стройку.

Это сообщение не вызвало «сенсации», ситуация оказалась лишена всякой напряженности. Мало того, после не удалось заметить каких бы то ни было изменений в поведении коллектива ни по отношению к исследователю, ни в отношениях между людьми в его присутствии. Дело в том, что своим сообщением участвующий наблюдатель добавил пусть существенный, но **единственный** штрих к сложившемуся о себе представлению. Ему не понадобилось при этом опровергать что-либо из того, что он говорил о себе раньше.

Мы ограничились здесь изложением лишь ряда методических выводов из нашего опыта. Содержательные результаты [*включенного наблюдения*. — А. А.] должны рассматриваться в контексте данных, полученных другими способами. Можно, однако, сказать, что в итоге применения включенного наблюдения получено необходимое предварительное, **«эмоционально-опытное» подтверждение гипотез исследования, требующих теперь проверки более строгими методами**. Формулировки некоторых гипотез уточнены, выдвинут ряд дополнительных. Опыт включенного наблюдения позволил использовать в разработанном позднее вопроснике социологического интервью значительное количество тестовых и ситуационных вопросов, учитывающих конкретную обстановку.⁴⁶

Представляется необходимым дальнейшее более активное внедрение метода участвующего наблюдения в современную социологическую практику, равно как и выработка определенных норм и стандартов его научного применения.

Литература

1. Ядов В. А. Методология и процедуры социологических исследований. Тарту, 1968.
2. Goode W. and Hatt P. Methods in Social Research. N.-Y., 1952.
3. Becker A. S. Problems of Inference and Proof on Participant Observation / Sociological Methods. Ed. N. K. Denzin. Chicago, 1970.
4. Gold R. L. Roles in Sociological Field Observation / Sociological Methods. Ed. by N. K. Denzin. Chicago, 1970.
5. Olesen V. L. and Whittaker E. W. Role-Making in Participant Observation: Processes in the Researcher-Actor Relationship / Sociological Methods. Ed. by N. K. Denzin. Chicago, 1970.

⁴⁶ См. «Вам нет тридцати...». Социологическое интервью. Ленинград — Ровно, 1972; интервьюирование по этому вопроснику проводилось в с. Заря, Ровенского р-на, Ровенской обл., в июне 1972 г., год спустя после включенного наблюдения.

6. Kluckhohn Fl. Die Methode der teilnehmenden Beobachtung / Kцnig R. (ed.). Beobachtung und Experiment in der Socialforschung. Kцln, Berlin, 1965.

7. Theodorsen G. A. and Theodorsen A. G. A Modern Dictionary of Sociology. N.-Y., 1969.

8. Кузьмин Е. С. Основы социальной психологии. Л.: Изд-во Ленинградского университета, 1967.

(Цит. по: Молодежь. Образование, воспитание, профессиональная деятельность. Л.: Наука, 1973, с. 65-71)⁴⁷

Ремарка: к вопросу о профессиональной этике социолога.

В связи с обсуждавшимся в представленной здесь статье морально-этическими проблемами «включенного наблюдения» приведем общую постановку вопроса о соотношении цели и средств в социологическом исследовании, принадлежащую киевскому социологу Владимиру Паниотто:

«...Диалектика цели и средств — это не абстрактный вопрос, представляющий теоретический интерес, а насущная проблема практики научных исследований, не имеющая однозначного решения и требующая тщательного рассмотрения в каждом конкретном случае. Ситуация безусловно в нравственном отношении использования социологических методик представляет, на мой взгляд, бльшую опасность, чем ситуация исследовательского бездействия из-за моратория на конкретные способы проведения социологического исследования. Поэтому целесообразно уделять особое внимание этому вопросу в социологических публикациях, практиковать обсуждение с этой точки зрения процедур социологического исследования, стимулировать разработку новых способов сбора информации с учетом нравственного аспекта методики.

Например, включенное наблюдение во многих случаях может быть заменено процедурой “наблюдающего участия”, которая отличается тем, что исследователь становится участником коллектива, не скрывая своего “происхождения”, своих целей и задач...⁴⁸ В этом случае наблюдение (точнее, участие) проводится дольше — с тем, чтобы члены коллектива успели адаптироваться и перестали обращать внимание на исследователя, исследователь по-другому строит свои отношения с членами коллектива и т. п.

...Вообще для каждого метода сбора социологической информации в рамках разработки профессиональной этики должны быть разработаны свои правила нравственного поведения, своего рода “кодекс чести”, входящий как составная часть в методiku исследования (выделено мною. — А. А.)...» (Паниотто В. И. Качество социологической информации (методы оценки и процедуры обеспечения). Киев: Наукова думка, 1986, с. 172-173). (Декабрь 2000 — октябрь 2003).

⁴⁷ См. также: Алексеев А. Н. «Скрытая камера» социолога // Знание-сила, 1972, № 1.

⁴⁸ Здесь В. П. ссылается на одну из работ автора этих строк (1982), а также на работу: Рязских И. А. Опыт использования включенного наблюдения для изучения жизни производственного коллектива // Социологические исследования, 1975, № 3.

23.9. На пороге эоантропоцентрической социологии

Несколько вступительных слов

Ниже — одноименная статья (1994) докт. психол. наук, профессора Тамары Моисеевны Дридзе. Вплоть до 2000 г. Т. Д. руководила Центром социального управления, коммуникации и социально-проектных технологий Института социологии РАН.⁴⁹

Признаться, я лично воспринимаю эту работу коллеги и друга как отодвинутый во времени (12 лет!), с учетом современных общественных изменений и научного движения, развернутый, «программный» ответ — на адресованное Т. Д. в начале 80-х письмо-размышление социолога-рабочего о «мистифицированной науке».⁵⁰

Основные положения, выдвинутые Тамарой Дридзе в данной статье, глубоко созвучны автору настоящей книги. (Апрель 2000 — июнь 2003).

Статья Т. Дридзе «На пороге эоантропоцентрической социологии», опубликованная в журнале «Общественные науки и современность» (1994)⁵¹

Цель, которую я поставила перед собой, приступая к статье, — попытаться представить некую общую панораму, характеризующую направления исследовательского поиска в социальных науках; уловить просматривающееся в них стремление к выходу на новую, междисциплинарную парадигму, способную размыть границы между разными отраслями научного знания о природе, человеке и обществе (экология, психология, культурология, экономика, социальная и экономическая география, этология, антропология и др.), равно как и между так называемыми «сферами» повседневной социальной жизни (труд, быт, отдых и т. п.).

Думается, немаловажно преодолеть стереотип привычного «одномерного» рассмотрения этих «сфер», а соответственно, и управления ими как «отраслями народного хозяйства». За ними — целостность человеческого образа жизни. И связаны они между собой не «напрямую» («сфера» со «сферой»), а через «натуру» и жизнедеятельность людей).

Нельзя забывать и о том, как меняется роль социолога в современном мире. На смену деспотиям, где, по мысли Монтескье (до сих пор актуальной!), господствуют не законы, а нравы и обычаи, приходят уклады, требующие не властвовать, а служить, не командовать, а сотрудничать, организуя и координируя процессы коммуникации в социальном пространстве-времени. Повсеместная децентрализация управления сопровождается, однако, сменой мотивов и распадом устоявшихся ранее связей и контактов между людьми. Нарастает социальная дезинтеграция, обусловленная, как правило, агрессивностью властолюбцев и любителей легкой наживы, конструирующих и провоцирующих межэтнические, межконфессиональные и прочие силовые конфликты. Сметая все на своем пути, «авторы», соучастники и

⁴⁹ См. о ней в томе I настоящей книги: раздел 4.4 («Памяти Тамары Дридзе»).

⁵⁰ См. ранее, в томе I: раздел 3.4.

⁵¹ Здесь публикуется с небольшими сокращениями.

невольные пособники таких конфликтов уничтожают среду обитания людей, отрицая тем самым самоценность жизни как таковой, лишая будущего своих потомков.

В этих условиях выживание природы и цивилизаций в значительной мере зависит от нравственности, компетентности, а значит, и от осознания собственной «хрупкости» любым субъектом, причастным к преобразованиям в жизненной среде. Обществовед, осознающий эту истину, перестает быть узким специалистом по социальной структуре, образу жизни, девиантному поведению и т. п. Преодолевая символические «рамки соотнесения» («frames of reference»), разделяющие отрасли и самих носителей социального знания, он стремится проникнуть в глубь подлинной социальной драмы, распознать ее истоки, лежащие за пределами видимой «социальной топологии». Возникает как бы новая «миссия» социолога — выявлять, представлять и защищать людей от самих себя, интегрируя накопленное ими же знание о природе, человеке и обществе в процессы выработки решений, затрагивающих их собственное будущее.

Очевидно, что выработка любых решений, оказывающих влияние на качество жизни людей, на характер и направление развития природных и социокультурных объектов, носит управленческий характер и потому не может ориентироваться на обрывочные знания. Выработка таких решений предполагает не только мысленную реконструкцию или «сборку» сложных объектов, «разобранных» по отраслям знания, но и научно обоснованное «восхождение» к истокам этих объектов, а следовательно, и к истокам социально значимых проблем, всегда имеющих предысторию и скрытый потенциал перерастания в состояние напряженности. Иными словами, нужна новая **социально-диагностическая парадигма** [выделено мною. — А. А.], позволяющая отслеживать и «обнажать» эко- и психоантропологические начала, динамику и тенденции развития проблемных жизненных и социальных ситуаций.

Между тем в нынешних своих изысканиях большая часть современных российских социологов опирается, как правило, либо на ставшую привычной детерминистскую модель общественного развития, либо (что бывает чаще) на разнообразные версии западного структурализма с их тенденцией объективировать, структурировать и измерять количественно этнологические, психологические, экологические, культурные и любые иные образования. В результате они отвлекаются как от специфики их генезиса (становления), так и от разнородности их внутреннего содержания. Отсюда и укоренившаяся ориентация на изучение базовых «ячеек» социальной структуры общества. Сложилась стереотипная рассматриваемость группового, а не индивидуального начала в качестве «пускового механизма» любого социально значимого процесса, оперирования безличными структурными единицами и их свойствами, поддающимися подсчету и (или) измерению.

При этом само социальное знание оказывается достаточно разрозненным. Подчиняясь правилам и стандартам проведения эмпирического исследования, социологи весьма редко исходят из гипотез, основанных на некоем общем видении природы изучаемого объекта. Это сказывается как на составе наблюдаемых разными исследователями переменных, так и на самих

интерпретациях получаемых данных. Несопоставимость результатов, обусловленная отсутствием общенаучной платформы, обесценивает новое знание, не позволяя интегрировать его в систему выработки решений.

В этой связи обращает на себя внимание сложившаяся в социологии тенденция **автономизации** социальной реальности, утверждения ее кардинального отличия от биологической, экономической и иных «реальностей». Эта идея, восходящая к «социальной физике» О. Конта, вплоть до настоящего времени служит делу обоснования самого существования социологии как самостоятельной научной дисциплины, изучающей простейшие и вместе с тем наиболее общие свойства социальных систем. Само же социологическое изучение многослойной социальной реальности естественно привело к дальнейшему дроблению социологии как науки на множество частных социологий. В результате сегодня можно насчитать до пятидесяти отраслей социологической науки, вычленимых в зависимости от предмета изучения (социология детства, молодежи, женщин, семьи, воспитания, труда, науки, религии, права, культуры, коммуникации, среды, повседневной жизни, миграции, стратификации и т. п.). В самом факте такого дробления есть нечто заставляющее задуматься над смыслом и последствиями нынешнего способа организации и получения социального знания, а также над судьбами фундаментальных социологических концепций, носящих преимущественно описательный характер.

Анализируя сложившуюся ныне ситуацию, например в испанской теоретической социологии, профессор Мадридского университета Комплутенсе Э. Ламо де Эспиноса обращает внимание на то, что новое поколение молодых социологов, окончивших британские и американские университеты, попытались внести в испанскую социологию струю здорового **«парадигматического плюрализма»** [выделено мною. — А. А.]. Оно ознакомило в конце 80-х гг. испанскую научную общественность с критической теорией общества франкфуртской неомарксистской школы, с концепциями символического интеракционизма, этнометодологии и т. п. Предполагалось, что это стимулирует развитие фундаментальной социологии в самой Испании, приведет к более глубокому осмыслению социальной реальности переходного времени (см. Lamo de Espinosa E. Sociological theory / Sociology in Spain. Madrid, 1990, p. 350). Этого, однако, не произошло. Случилось то же, что и в России, где молодые социологи, побывавшие на стажировках за рубежом и увлеченные почерпнутой там информацией о последних достижениях в области символического интеракционизма и социальной топологии, а также об эффективности так называемых «мягких» (неформальных, качественных) методов сбора социальной информации, заимствованных из этнометодологии и дискурсного (нарративного) анализа, оказались не понятыми у себя дома.

Представляется, что такое непонимание произошло по крайней мере по двум причинам. Одно из них состоит в том, что интенсивный переход к практической демократии, мало заинтересованной в фундаментальных теориях и склонной к поиску быстрых решений, сиюминутных проблем, ведет к резкому ухудшению финансовой ситуации в науке. Извечный дисбаланс между теорией и практикой возрастает. Бедствующие социологи все чаще отказы-

ваются от теоретического поиска в пользу хорошо оплачиваемых прикладных исследований. Утверждается представление о том, что социология — это техника изучения рынка и электората с последующим написанием отчетов для заказчиков (администраторов, предпринимателей, лидеров разного рода движений и т. п.). И хотя исполнение таких заказов, возможно, способствует становлению социологии как профессионального ремесла, обогащения социологической теории, по существу, не происходит.

Более того, возрастает разрыв между целостной картиной социальной жизни, в том или ином виде присутствующей в сознании ученого, и фрагментарность заказных исследований, порой не вписывающихся не только в ту или иную теоретическую модель, но и не отвечающих устремлениям социолога. К тому же собираемая с помощью стандартных социологических приемов (опросов, переписей, формализованного анализа текстов и т. п.) информация, даже если она вполне удовлетворяет конкретного заказчика, повторно, как правило, не используется, ибо отсутствует теоретическая основа для сопоставления и обобщения содержательных результатов концептуально разнородных и разноаспектных исследований сходных (и даже одних и тех же) социальных образований.

Вторая причина отторжения теоретических моделей состоит, по всей видимости, в том, что названные модели, как правило, представляют собой **идеальные конструкты без человека**. К тому же дробление представлений о человеке и социуме уподобляет само знание разбитому зеркалу, «во фрагментах которого можно увидеть клочки распадающегося мира» (Человек — эволюция — космос. 1982, № 1, с. 166). Утерянным оказалось и представление об интенциональности (определенной направленности) сознания и социальной ответственности людей, а следовательно, и восходящих к ним социально значимых процессов, «конфигурация» которых в существенной мере зависит от наиболее распространенных, повторяющихся и устойчивых стратегий действия и поведения.

Следствием такого развития событий в социологии представляется тот, на мой взгляд, прискорбный факт, что эта дисциплина постепенно лишается возможности исполнять функцию науки как таковой. Поскольку предназначение последней состоит в описании, объяснении и предсказании направления развития социально значимых процессов, а это немислимо без систематической научной индукции, без постоянного «обмена вещев» между теоретическим и эмпирическим уровнями познания.

Решение проблемы лежит, как представляется, на путях развития экологической психоантропологии и выстраивания (на новой современной научной платформе) **экоантропоцентрической парадигмы** познания социальной действительности. В этой парадигме могут быть «сняты» междисциплинарные барьеры, искусственно воздвигнутые так называемой «узкопрофессиональной специализацией» (в том числе и при помощи языковых метафор), между социологией, психологией, антропологией, этиологией, экономикой, семиотикой и другими отраслями знаний о природе, человеке и обществе.

Экоантропоцентрическая парадигма социального познания восходит к идеям экзистенциальной философии, философской, культурной и социаль-

ной антропологии, социальной географии и психологии среды. Она исходит из того, что социальные институты общества представляют собой кристаллизацию межчеловеческих отношений. А поскольку природа человека целостна и двуедина (сочетает в себе инстинктивное и ментальное начала), то социально значимые процессы, восходящие к предметным и функциональным потребностям человека, также целостны и двуедины (нельзя, например, понять природу политического процесса, не учитывая игровой инстинкт и т. п.).

Сказанное позволяет предложить новое, отличное от общепринятых <...> определение предметной области социологии как эокантропоцентрически ориентированной науки. **Эокантропоцентрическая социология изучает механизмы и социально значимые следствия взаимодействий человека с его природным, культурным и социальным окружением, опосредуемых социальной структурой и социальной инфраструктурой.** Таким образом, вместо триады «группа (класс) — общество — общественные отношения» предметом анализа становится связка «человек — среда (жизненная, социокультурная) — их взаимодействие (основанное на коммуникации)».

Такое определение дает возможность социологу, исследующему любые аспекты социальной реальности, не терять из виду многомерное пространство-время, охватывающее все направления взаимодействий человека со средой его обитания. <...> Кроме того, здесь открывается возможность изучения не просто социальных, но **социально значимых** процессов, т. е. любых процессов (вне зависимости от их истоков и характера), оказывающих влияние на жизненную ситуацию личности и среду ее жизнедеятельности. <...> К тому же в этой парадигме социальная структура (социально-групповой и демографический срез) общества и его социальная инфраструктура (сеть социокультурных институций, предприятий, учреждений, организаций и т. п., призванных служить жизнеобеспечению) как бы «дезавуируются», теряют самоценность, обретая значение лишь в той мере, в какой соприкосновение (вхождение, самоидентификация, взаимодействие и т. п.) с ними оказывает влияние на жизненные ситуации людей, на их образ мыслей, на качество и образ их жизни.

В эокантропоцентрической парадигме социального познания изначально не группы (этнические, конфессиональные, профессиональные, статус-позиционные, возрастные и т. п.) с предписанным им типовым сознанием и поведением, как бы «распадающиеся» на своих отдельных «представителей», а люди, которые, осуществляя свой собственный выбор и (или) делая его под давлением среды, и образуют такие группы и общности, идентифицируют себя с ними сегодня, а завтра по каким-то мотивам меняют свою ориентацию. **Изучая социальные процессы и, тем более, претендуя на право их регулировать, думается, целесообразно от увлечения социальными структурами вернуться к истоку — к человеку, герою и автору множества социальных драм.** [*Здесь и далее выделено мною. — А. А.*] Анализировать социальную действительность, пытаться описать, объяснить и даже предсказать будущее ее состояние можно, лишь идя от экологических и психоантропологических факторов выживания людей к функциональной организации микро- и макросреды их жизнедеятельности. Как мне представляется, свою несостоятельность уже в достаточной степени проявила противоположная ориентация на функции, на-

пример, сооружений, территорий, населенных пунктов и т. п., принятая, в частности, в генеральных планах развития наших городов.

Групповой социальный субъект — единица условная. Ее «единство» задано вовсе не предопределено. Оно «исчисляется» аналитически, исходя из столь же условного сходства признаков (если речь идет о половозрастных характеристиках, которые вообще-то столь же условны: пенсионер отнюдь не всегда стар, равно как инженер по профессии отнюдь не всегда специалист). И вряд ли целесообразно, скажем, организуя инфраструктурные сети, исходить из социально-структурных «пропорций».

Регулируя социальную жизнь, создавая социальную инфраструктуру, призванную служить жизнеобеспечению людей, важно отдавать себе отчет в том, что ее заботы и услуги не могут адресоваться группе или классу. Они должны быть адресованы человеку, причем не среднестатистическому или групповому, а отдельному, с его конкретными нуждами и запросами. Кормится, учится, трудится, лечится человек, а не «слой» или «прослойка», а значит, инфраструктура, сконструированная в расчете на «безличные» компоненты социальной структуры, неэффективна по исходному принципу.⁵²

Нет и не может быть прямой и простой связи между социальной структурой и, скажем, структурой жилищного фонда. **Между ними стоит живой человек с собственной жизненной стратегией.** Поэтому нельзя, например, раз и навсегда (или, скажем, до 2025 года) «увязать» квартирный состав жилья с демографическим составом населения. Семьи, как известно, могут возникать и распадаться, люди — рождаться, болеть и умирать. Человек может сегодня оказаться семейным, завтра — одиноким. У одной и той же семьи на разных этапах ее жизненного цикла меняются проблемы, материальное положение, жизненные установки и т. п., а соответственно, и требования к жилью, к обслуживанию, к работе и т. д.

Экоантропоцентрическая парадигма в социологии представляется мне залогом ориентации науки на воспроизводство здоровой жизни в здоровой среде. И, значит, цель социального участия и связей с общественностью состоит не только в обеспечении социальной защиты слабых и (или) больных (вполне конкретных) людей, не только в помощи малоимущим и неустроенным. Она видится мне прежде всего в поддержании стабильности, законности и гуманитарной ориентации всей системы социального управления, способствующей становлению и выживанию сильных, самостоятельно думающих, работающих, социально активных и нравственно устойчивых людей. Поэтому социологам нельзя упрощать свои исследовательские задачи, сводя их к изучению достаточно обезличенных данных фактографического и статистического характера.

Как справедливо отмечает специалист в области социальной антропологии П. Гулливер, факты и цифры, полученные в ходе широкомасштабных исследований, будучи обобщены и оценены, не дают, однако, качественного знания о

⁵² Ср. нашу собственную постановку вопроса в работе 1981 г.: «...Не смешивать жизнь человеческих индивидов с функционированием социальных систем... Ведь **живут**-то только люди (социальные индивиды); а группы и общности — **существуют и воспроизводятся**; общество же, само по себе, есть структура, которая может только **функционировать и развиваться** (но не «жить»)» («Образ жизни и жизненный процесс...». 1981; том 1 настоящей книги, с. 445).

значительно более важных, но не столь очевидных явлениях (см. Gulliver P. M. Anthropology. «The African world: a survey of social research». London, 1965, p. 97). Можно узнать о числе и социально-демографическом составе людей (семей), проживающих в одном доме, и получить формальные сведения об их контактах друг с другом, но остаться в неведении относительно действительных отношений между ними и норм поведения, которых они придерживаются. Можно подсчитать количество переездов в расчете на одного человека, не разобравшись при этом в природе процесса и характере его связей с жизненной средой, с бывшими и новыми соседями. Можно узнать, чем человек, по его словам, занимался, занимается или будет заниматься, так и не выяснив, как он в действительности относится к выполнению, скажем, своих родственных или иных социально значимых обязательств. Качественная сторона взаимодействий человека с его природным, культурным и даже социальным окружением (этнические, родственные, соседские, политические, профессиональные, досуговые, религиозные взаимодействия) практически выпадает из поля зрения «структурно-ориентированного» социолога. Ибо факт принадлежности к той или иной социальной группе и даже статус-позиция в «социальном пространстве» не объясняют динамики поведения людей, нередко кажущегося парадоксальным. Другой американский ученый, Л. Плотников, специально выделил то обстоятельство, что социальный контекст постоянно меняется и индивидуумам приходится менять свои роли и действия, сообразуясь с ситуацией. Быстрые и интенсивные перемены в жизненной среде заставляют человека столь же быстро и интенсивно менять свои «внешние» социальные роли в целях выживания. В разное время, замечает Плотников, люди бывают и традиционалистами, и модернистами, местными патриотами и националистами, партикуляристами и универсалистами. И все это — в соответствии с их личными нуждами в условиях диктата той социокультурной среды, в которой они вынуждены находиться. (См. Plotnicov L. Strangers to the city. Pittsburg, 1971, p. 11).

Скрытые пласты социальной жизни недоступны для исследования традиционными социологическими методами, вытекающими из столь же традиционной трактовки предметной области социологии. Жизненные стратегии людей в мире социальных контактов и отношений включают в себя целую гамму ориентаций. Отвлекаясь от этих субъективных начал, социология теряет возможность видеть и понимать социальную реальность, отслеживать истоки и направление процессов, ее меняющих. Следовательно, нельзя не присоединиться к мнению антрополога, который полагает необходимым сконцентрироваться на реальном мире индивидуума, на его понимании среды, на изучении его отношений с ней, на его самоопределении внутри нее и (через его приспособляемость к ней) на том, как он добивается удовлетворения своих жизненных запросов, избегая неприятностей и разочарований. (Ibid., p. 12). И значит, **социологам не обойтись без модели, в рамках которой был бы возможен последовательный переход от исследования конкретных событий, составляющих индивидуальный жизненный путь человека, к изучению социально значимых явлений и процессов.**

Соответствующие исследования должны носить **локальный** характер, что, к сожалению, не кажется очевидным именно в России, практически лишен-

ной знакомства с культурно- и социально-антропологическими традициями в науке. Интерес к человеческой личности, к ее наклонностям и выбору здесь в основном проявили писатели и журналисты. Социальная наука все же искала общее и боялась частного, «нетипичного». ⁵³ Между тем динамика конкретно-исторических ситуаций проистекает из динамики локальных социальных ситуаций, «коррелирующих», в свою очередь, с жизненными стратегиями людей. «Измерения» ситуаций — экологическое (воспроизводство жизни), экономическое (воспроизводство ресурсов для жизни), культурное (воспроизводство образцов для жизни) «валентны» человеку, а не формально-аналитическим компонентам и «пропорциям» социально-аналитического свойства. Знание последних, несомненно, полезно политикам и летописцам, оно способствует некоторой «общей ориентации в материале», однако мало что дает социальной диагностике и грамотному социальному управлению.

Представляется, что эоантропоцентрическая установка неявно присутствует в трудах многих современных социологов — сторонников гуманизации этой науки. **Обращение к человеку, его прошлому и будущему, к особенностям его личных переживаний, его жизненных стратегий, включая те, что направлены на минимизацию и (или) компенсацию расходов жизненной энергии, становится сегодня одной из центральных тенденций, прослеживаемых в социологической литературе.** ⁵⁴ Не случайны и интенсивная институционализация антропологии в университетских и академических центрах, возникновение антропологических ассоциаций, учреждение антропологических изданий, проведение семинаров и конгрессов по антропологии. И все это при активном участии социологов.

В то же время в социологии возникло понимание значимости органической связи между жизненной средой и поведением человека. И если раньше понятие «среда» социологи всячески обходили, относя его к разряду психоаналитических, антропологических, бихевиористских, гештальтистских и т. д., то теперь уже стали привычными словосочетания типа «социология среды», «энвайроментальная социология», «социальная экология», «экология человека» и т. п. Но нужно ли науке это очередное расчленение? Не разумнее ли уберечь целостное представление среды, сохранив соответствующее понятие в статусе одной из ключевых категорий эоантропоцентрической социологии — наряду с такими онтогносеологическими категориями, как «человек», «сознание», «субъектность», «ментальность», «жизнедеятельность», «жизненная (социальная) ситуация», «жизненная энергия», «жизненные ресурсы», «рекреация», «активность», «поведение», «деятельность», «коммуникация», «взаимодействие», «группа», «сообщество» и т. п.?

Известно, что человек — существо биосоциальное. В эоантропоцентрической парадигме человек выступает как носитель жизненного потенциала, в той или иной мере позволяющего ему адаптироваться в интенсивно меняющейся среде обитания. Потребность человека в постоянном восстановлении жизненной энергии (рекреация) в борьбе с усиливающимся натиском цивилизации становится одной из самых насущных, поскольку совпадает с потребностью выжить.

⁵³ Ср. с постановкой вопроса В. Н. Шубкиным на рубеже 70-х—80-х гг. См. ранее: раздел 23 3.

⁵⁴ См. об этом также ниже: глава 24.

Экоантропоцентрическая парадигма принята в качестве исходной платформы в прогнозном социальном проектировании, которое трактуется нами как вариант «мягкой» социальной технологии, позволяющей интегрировать научное знание, ценное с гуманитарной точки зрения, в практику выработки и принятия управленческих решений. Разработка этой технологии стала возможной на основе сочетания проблемно-ситуационного и средового подходов к изучению индивидуальных жизненных и управленческих стратегий с трактовкой социальной коммуникации как основного социокультурного механизма, обеспечивающего становление, воспроизводство и модификацию всех социальных связей, возможность научного обоснования и практической реализации доктрины социального участия и партнерства.

Концепция прогнозного социального проектирования как ключевого звена социально-управленческого цикла включает в себя методологические, технологические и прикладные аспекты, а также разнообразные исследовательские стратегии. Кроме того, она предполагает апробацию междисциплинарных методов и техник, позволяющих не только табличным, но и пространственно-временным образом организовывать экологическую, экономическую и иную социально-значимую информацию для выработки конкретных решений локального характера. Эта технология, как мне представляется, закладывает научную платформу междисциплинарного объединения ученых для участия в регулировании социально-значимых процессов.

Т. Дридзе

(Общественные науки и современность. 1994, № 4, с. 97-103)

Ремарка: что — когда сказано...

См. также позднейшие труды Тамары Дридзе на эти темы:

— *Экоантропоцентрическая парадигма в социальном познании и социальном управлении // Человек, 1998, № 2; К преодолению парадигмального кризиса в социологии // Общественные науки и современность, 2000, № 5; и др.*

Узнав, что я собираюсь включить в эту книгу ее работу 1994 г., Тамара заметила: «Последние статьи — более зрелые...». Это было за несколько месяцев до ее кончины, последовавшей 31.10.2000.

*...И все же — оставляю как есть: ведь важно не только — **что** сказано, но и — **когда**. Даже если — «всего лишь» — десять лет назад. (Сентябрь 2000 — июнь 2003).*

* * *

Из работы Т. Дридзе «Экоантропоцентрическая модель социального познания как путь к преодолению парадигмального кризиса в социологии», (2000)

<...> Изучая социальные процессы и, тем более, претендуя на право их регулировать, целесообразно от увлечения структурными социальными единицами вернуться к истоку — к **человеку**, герою и автору множества социальных драм. Не к виду — «*Homo sapiens*» (человек разумеющий) и т. п., «*Homo ludens*» (человек играющий), «*Homo agens*» (человек действующий) и т. п., а к роду — «*Homo vivens*» (**человек живущий**), который, будучи антропологически изначальным, рефлексивируется, как правило, лишь авторами художественных произведений.

<...> Итак, пришла пора повернуть фундаментальную социологию лицом к **живому человеку, обитающему в многослойной жизненной среде**. Переход к такой парадигме социального познания откроет перед ней обширные возможности для интеграции научного знания о природе, человеке и обществе в практику выработки социально значимых управленческих решений. Думаю, что это единственный научно-осмысленный путь не только к реабилитации в социальных науках организующего человеческого начала социокультурной жизни общества, но и к постижению механизмов ее зарождения, поддержания и воспроизводства, а также к познанию жизненных и социокультурных ресурсов, способов выживания людей и сообществ в разных социокультурных ситуациях и средах. <...>

Т. Дридзе

(Социологические исследования, 2000, № 2, с. 22, 28).

Ремарка 1: Дридзевские чтения.

Труды Тамары Дридзе заслуживают внимательного изучения и осмысления, для чего бесполезна и просто пропаганда ее научного наследия. Этой последней задаче отчасти служит и настоящая републикация.

Недавно я с удовлетворением узнал, что начиная с 2001 г. в Институте социологии РАН проходят ежегодные Дридзевские чтения.⁵⁵ (Январь 2004).

Ремарка 2: за «рефлексивную социологию» (Г. Саганенко).

К сожалению, я не имею возможности процитировать здесь всех своих научных союзников.

К таковым, например, относится докт. социол. наук, профессор, ведущий науч. сотрудник Социологического института РАН Галина Иосифовна Саганенко.⁵⁶ Приведу здесь фрагмент из ее научного отчета 1999 г.:

«...Нами проанализирована (в частности, на материале множества современных учебников социологии. — А. А.) специфика отношения социологии к “человеку” в трех методологических подходах:

*(1) Представляется, что социология, которая занимается обществом, обходится без анализа человека вообще, без анализа многообразия субъектов, действующих в обществе. Так разделы, которые имеются в монографиях/учебниках и где как бы есть “человек” или “люди” — группы и организации, население, харизматические политические лидеры и пр. — все-таки задевают проблему в разных иных жанрах и аспектах и в совокупности не дают ощущения **субъектности социальной реальности**, множественности разных типов субъектов, действующих в обществе...*

*(2) Что касается методологии социологических исследований, то “человек” здесь существует только в ранге **объекта исследования**, в специфической функции “респондента”, призванного обеспечивать правдивой информацией институализированные формы деятельности социологии (эмпирические исследования).*

⁵⁵ См.: Вестник РОС, № 2(19), осень-зима 2003-2004, с. 9.

⁵⁶ См. особенно ее постановку вопроса о том, что такое «социологическое мышление»: Саганенко Г. И. Как не поддаться магии отдельных слов (О развитии социологического мышления в обществе) // Философская и социологическая мысль, 1991, № 1.

В гуманистической социологии есть интерес к целостной жизни человека, к новым измерениям повседневной и глубинной его жизнедеятельности. Однако можно обнаружить и здесь, что “человек” это прежде всего объект для социолога — эмпирика или теоретика.

Социолог скорее всего удовлетворяет свое любопытство на благо своих теоретических или методологических построений, а не для какой бы то ни было пользы реального человека. Здесь социолог, представляется, удовлетворен больше самим собой, своим “гуманистическим поворотом” к миру — к человеку, своими специфическими подходами. И собственно актуальное существование реального человека в современном обществе — отдано на откуп разве лишь отдельным эмпирическим исследованиям.

(3) В “рефлексивной социологии”⁵⁷ реализуется иная целевая направленность — предложить реальному человеку некоторые инструменты для систематического осмысления им отдельных значимых сторон жизни в контексте актуального общества, ввести в область осмысления достаточно существенную совокупность этих значимых сфер...» (Саганенко Г. И. Социальная и социологическая информация: способы актуализации информации, проблемы взаимного перехода. Научный отчет. 1999).⁵⁸

(Октябрь 2003).

23.10. «Метод — не только путь, но и взгляд...»

...После вчитывания в документы смотришь окрест совершенно иным взглядом. То, что вижу на улице, то, как протекает моя сегодняшняя жизнь, властно задает **позицию чтения** документов. Так впервые ощутила (не по одним книгам), что **метод** — не только **путь**, но и **взгляд**, и **чувство**...

Н. Козлова

[Ниже — несколько извлечений из высоко ценимых мною трудов московского философа, социолога, культуролога Натальи Никитичны Козловой. Не будучи лично знаком, очень хотел подарить ей свою книгу. Не довелось: Н. Н. Козлова скончалась в 2002 г. — А. А.]

Из книги Н. Козловой «Горизонты повседневности советской эпохи (голоса из хора)» (1996)⁵⁹

<...> Повседневность — одно из пространственно-временных измерений развертывания истории, форма протекания человеческой жизни, область, где возникает надежда на новацию — банальности, перетекая

⁵⁷ Термин, в свое время предложенный О. Гоулднером (1920-1980), однако Г. Саганенко вкладывает в этот термин несколько иной смысл.

⁵⁸ Ср. с постановкой вопроса о «**субъект-субъектном познании**» у С. М. Розета в его работе 1992 г. (см. в томе 1 настоящей книги: приложение 2 к части 1).

⁵⁹ Эта работа — пионерная в современном отечественном общественном знании. «Книга построена на анализе писем, воспоминаний и дневников, личных архивов так называемых “маленьких”, ничем не знаменитых людей. Жанр — исследование социальной динамики в контексте анализа повседневных практик» (*Козлова Н. Н. Горизонты повседневности (голоса из хора)*). М., 1996, с. 16).

друг в друга, образуют новые миры. Но она же поддерживает стабильность функционирования человеческих обществ. Повседневность — целостный социокультурный мир, как он человеку дан. Повседневность — судьба и возмездие.

Говорить о повседневности — рассуждать, с одной стороны, о первичных онтологиях — о «вещах», людей окружающих. А с другой, о том, как люди с вещами обращаются, о классификациях мира, о телесном опыте (привычки, обычаи, техники еды, сна, сексуальности и т. д., и т. п.), об играх, в которые люди играют в любом обществе и в данном рассматриваемом обществе, всегда отмеченном чертами индивидуальности. Желания и мечты, вербальный язык являются столь же органическим элементом повседневности, как обычаи, традиции, вещная среда, в которой человек живет, первичные структуры деятельности и социальные формы, которые определяют его поведение. А кроме того, повседневность лишь на первый взгляд кажется миром «твердой» реальности, некоей предельной социальной онтологией: на деле она протуберанцами выбрасывает клише, которые впечатывали в сознание многочисленные «культурные медиаторы» — школьные учителя и пропагандисты, авторы фильмов, которые человек смотрел, романов и газет, которые он читал... Человек даже может не читать и не смотреть, но «клише», к ним восходящие, могут попасть в повседневный словарь вербального или невербального языка. Человек пишет — значит пользуется языком, который он не сам создал. Повседневность — продукт социального конструирования.

Повседневность — мир «естественной установки», пестрой мозаики жизни. Человек пишет о себе, и рядом оказывается «раскулачивание» и «научился бальным танцам», «купил часы и мандолину» и «прочитал статью Сталина «Головокружение от успехов» в газете, «ничего не ел на завтрак» и «видел вождей на параде». В изучаемых документах вырезка из газеты соседствует с личной фотографией, книжка ударника — с билетом в театр или в баню. «Крик души» пишется на обратной стороне листа спичечных этикеток, ибо на спичечной фабрике работает пишущий. Коллажи «официального» и «неофициального», бытового и идеологического, личного и политического о чем-то говорят, на что-то намекают. И задача исследователя — интерпретировать эти коллажи, что и значит в конечном итоге исследовать социокультурную динамику...

Ремарка 1: коллажи жизни.

Вот так, пожалуй, можно определить и эту мою книгу...

Хочется однако заметить, что сами по себе разнообразные «человеческие документы» (жизненные свидетельства), наполняющие архивную папку, даже в совокупности, еще не образуют «коллажа»... Они суть спонтанное (стихийное) отражение «потока жизни», в отличие от продуктов творчества, к каковым, думаю, правомерно относить и коллажи жизни.

Само понятие «коллаж» предполагает **намеренное соединение** разнородных предметов (будь то в изобразительном искусстве, откуда взялось само это слово, будь то в иных сферах творчества).

Стало быть, коллаж, как таковой, уже несет в себе элементы **интерпретации или концептуализации** — поскольку отобрано, упорядочено, «склеено» кем-либо так, а не иначе.

(Разумеется, таким коллажистом может оказаться и сам субъект повседневности — автор или коллекционер документов). (Февраль 2001 — ноябрь 2003).

Ремарка 2: внутрличностный конфликт интерпретатора с протоколистом.

Уже не раз приходилось слышать, что эта книга перегружена «жизненными подробностями»; пусть даже все они — «приметы времени», однако дотошность бытописания зачастую оборачивается против самого автора (в восприятии читателя, решившегося читать все подряд).

Не очевидны и преимущества использованных мною коллажных приемов перед иными композиционными решениями...

Охотно принимаю эту критику. Но — что сделано, то сделано: упорядоченный тематически и хронологически «коллаж жизни», с первичной попыткой концептуализации. При этом протоколист в авторе иногда берет верх над интерпретатором.

Остается мечтать... о неведомом **читателе-изыскателе**, который (вот так же, как Н. Козлова в своих «Горизонтах повседневности...») отнесется к настоящему сочинению как к многосоставному «человеческому документу» и захочет промыть этот, лишь частично очищенный автором, песок.

Вопрос: какой именно «драгметалл» читатель будет искать? Не ограничить бы ему авторской промывкой (элиминацией «лишнего») возможности поиска!.. (Ноябрь 2003).

...Повседневность — то, что, **казалось бы**, меняется в последнюю очередь. Повседневность течет подобно равнинной реке. Течение ее — подобно течению реки — может убыстряться, спокойная река превращаться в водопад. Повседневность всегда чревата переменами, но бывают времена, которые можно определить как слом повседневности. Таким периодом были 20—30-е гг. Переворачивалась жизнь всех социальных групп. Наиболее радикальные изменения претерпевала повседневность крестьян, ибо они переставали быть крестьянами.

Исследования повседневности в «предельной конкретности» (В. Беньямин) — выводят за пределы жанров «большой» философии истории, Больших проектов, Большой идеологии, за границы институциональных проблем. Анализ социальной динамики с точки зрения повседневности позволяет ощутить, что за монологизмом идеологических и политических решений стоит плюрализм маленьких жизненных выборов, война ценностей (понятых как социальное отношение), символические игры. Иссле-

дования повседневности позволяют пересмотреть накатанные схемы — схемы, превратившиеся в самоочевидность и создающие, в частности, опасность замены рассмотрения проблемы повседневности исследованием функционирования государства. Скажем сразу же — введение параметра повседневности в социальный анализ подрывает превратившееся в догму представление, согласно которому до поры до времени советские люди разделяли коммунистическую идеологию, и демонстрирует, сколь мало было влияние именно доктрины как «веры в модель». Рушится представление, согласно которому любая официальная доктрина несет в себе некое прямое значение, объясняющее поведение ее приверженцев. Сфера повседневности, включающая «все», тем не менее относительно автономна — здесь действуют логики практики, логики коммуникационной, а не целе-рациональной, логики аффективной и символической интеграции. Эти логики всегда перерабатывают решения власти. Власть, будучи всепроникающей, проявляется здесь в иных, горизонтальных формах, в виде метафизики власти. Исследования повседневности постоянно намекают на то, что социальный и моральный порядок общества имеет множественные измерения.

В результате рушатся привычные схемы, возникает новый угол зрения на уже известное. Работая с атрибутами повседневности, исследователю приходится пребывать в зазоре между реальностью практики и абстрактностью теоретического дискурса. Мы оказываемся в той пограничной полосе, где за совершенно добровольными решениями обнаруживается социально-структурирующее начало, а новая социальная структура предстает результатом реализации желаний, где субъективные надежды и объективные возможности коррелируются. Словом, остро ощущаешь, что человек — не кукла на веревочках структуры, что его чувства и представления лежат в основе любой социальной системы, что они непременно делегируются. <...>

(Н. Н. Козлова. Горизонты повседневности (голоса из хора). М.: Институт философии РАН, 1996, с. 13-16)

Ремарка: вспомним М. Гефтера.

В связи с вышеприведенным отрывком, посвященным понятию «повседневности», хочется напомнить читателю цитировавшуюся нами ранее статью М. Я. Гефтера «История — позади? Историк — человек лишний?» (1993), с постановкой вопроса о двух ипостасях человека: «человек исторический» и «человек повседневный».⁶⁰

«... Схватки между ними формируют лики эпохи... В решающий момент повседневность предъявляет заявку на ту единственность смысла, которой пыталась узурпировать история» (М. Гефтер).

(Июнь 2003).

⁶⁰ См. в томе 1 настоящей книги: «Предисловие...».

* * *

**Из статьи Н. Козловой «Опыт социологического чтения
“человеческих документов”, или размышление о значимости
методологической рефлексии» (2000)**

<...> Проблема онтологического соучастия, ключевая для рассмотрения социальной реальности, постоянно присутствует в процессе исследования индивидуальных практик. По выражению П. Бергера, социальный исследователь подобен человеку, толкающему автобус, в котором сам едет. Вряд ли этот тезис можно толковать в духе дильтеева чувствования, пусть таковое и приходит на ум в первую очередь.

<...> Сказать, что мир суть объект, значит возвести в абсолют познавательную ситуацию ученого, «как будто все, что было и есть, всегда существовало только для того, чтобы попасть в лабораторию» (Мерло-Понти. Око и дух. М., 1992, с. 10).

Вот почему необходимы операции объективации объективирующего субъекта. Писание любой истории служит переводом прошлого на язык современности и несет опасность исторического релятивизма. Избежать этого можно лишь **историзируя** самих себя, т. е. обозначая время и место, из которого говоришь, пытаясь высказываться в качестве участника, а не представителя Разума или Истории.

<...> Объективировать самого себя трудно. Как это делать? Можно, в частности, погрузиться в историю идей и понятий. Не каждый будет специально этим заниматься. Мне представляется, что данной операцией подразумевается не только теоретическая работа, но и такой ход, как обращение к собственной биографии. Этот важный шаг не есть ни «вчувствование», ни «переживательное отношение к объекту», но необходимый первый шаг работы по объективации.

Обращение к собственной биографии доступно каждому — и тем, кто наблюдает конкретный социум «извне», и тем, кто в нем живет.

<...> Особенно важен шаг обращения к собственной биографии для занимающихся той историей и той культурой, от которых неотделимы сами. Здесь способ перейти с точки зрения разума диктующего на точку зрения разума понимающего.

<...> Следует стремиться писать тексты, учитывая собственную включенность в процесс, т. е. в ту историю, которую сам изучаешь. Твой взгляд — взгляд участника. Это прожектор, высвечивающий отдельные места. Направление света определяется не только познавательным интересом пишущего, но и жизненным опытом, принадлежностью к поколению, позицией в социально-историческом пространстве. В этом случае имеет место акт **признания**: кто ты такой и откуда говоришь — из какой точки на пересечении множества силовых линий истории. Пишущий о своей культуре обладает тем, что не может быть дано наблюдателю со стороны: **памятью тела** — тела, наполненного немотой воспоми-

нений, тела маркированного, нагруженного уже свершившейся историей. Именно благодаря памяти тела возникает ощущение подлинности воскрешенного прошлого, и мы испытываем радость, обретая действительность. <...>

Как только попытаешься проделать эту «внеаучную» операцию, становится трудно предпринимать поиск «культурных схем» и кодов, моделей, норм и общих представлений, словно стоящих за событиями. Всегда приходится учитывать, что эти схемы существуют не за пределами человеческого бытия, но порождаются людьми и связаны с их желаниями, мечтами и возможностями.

И тогда теоретическое усилие и работа памяти начинают стимулировать друг друга, рождая новый взгляд. Я задаюсь вопросом, почему вижу так, а не иначе? Только ли оттого, что набралась жизненного опыта? Мне трудно различить, какая доля понимания обусловлена прожитыми годами, т. е. накопленным практическим знанием, а какая теоретической работой. Речь идет о процессе **взаимодополнительном**.

Н. Козлова

(Социологические исследования, 2000, № 9, с. 26-28)

* * *

**Из работы Н. Козловой «Методология анализа
человеческих документов», опубликованной в журнале
«Социологические исследования» (2004)**

<...> Обращение к заметкам, письмам, дневникам **рядовых агентов исторического процесса** вполне правомерно и не носит факультативного характера.

Очень важный вопрос: что мы при этом исследуем? Некоторое время назад ответ был бы скорее всего, таким: массовое сознание. Нынче на этот вопрос отвечаешь по-иному. Скорее мы исследуем индивидуальное. Проблема индивидуального никогда не воспринималась как простая. Недаром даже методы наук были некогда поделены на **номотетические** и **идиографические**. Споры о проблемах исследования индивидуального продолжают по сей день.

Специфика качественных методов состоит в том, что исследователь имеет дело с **идиографическим**: с индивидуальной жизненной историей, индивидуальным рассказом о себе, индивидуальным текстом и т. д. Теоретическая рефлексия подвергается испытанию конкретными практиками. Исследователь входит **в поле проблем вклада индивидов в изобретение истории, одновременно пытаясь показать, каким образом история вписана в их язык и тело** [*здесь выделено мною. — А. А.*].

С одной стороны, становится очевидно, что любая жизнь неповторима, ценность, имеет смысл. <...> С другой стороны, оказываешься на той пограничной полосе, где можно увидеть, как за совершенно

добровольными решениями, за случайностями обнаруживается социально-структурирующее начало. <...>

Н. Козлова

(Социологические исследования, 2004, № 1, с. 15)

23.11. К вопросу о «нормальной» и «ненормальной» социологии

[Ниже — краткий обзор происходившей не столь давно (в середине 90-х гг.) дискуссии о разных эпистемологических подходах («парадигмах») в современной социологии и собственная точка зрения автора настоящей книги. — А. А.]

Из книги «Драматическая социология (эксперимент социолога-рабочего)» (1997)

I

В последнее время в нашей социологической литературе наметилась если не дискуссия, то отчетливая поляризация взглядов на бурное распространение так называемых мягких методов и стимулируемой ими и обосновывающей их «качественной» методологии. В сущности, это — отображение и продолжение процесса, давно начавшегося в мировой социологии.

Полярные позиции доходят до взаимного отрицания. Проиллюстрируем это:

«...На ступени развитой науки формирование знания идет как последовательная концептуальная универсализация объектов теоретического мира с последующей онтологизацией и операционализацией. При всей справедливости данной мысли не обойти вопроса о ее адекватности применительно к социологии. Если познание в науке управляется началом объектности, то как стимулирует оно выполнение социологией своих специфических задач как дисциплины гуманитарной? Ведь превращение социологии в социальную физику означает элиминацию из рассмотрения вопросов субъективности с тематическим сдвигом с человеческой, экзистенциальной, персонально-жизненной "репрезентативности" на расчеловеченную, безжизненную, объективно-логическую "репрезентативность".

...Традиционная наука бессубъектна, деперсонализирована, но что в этом хорошего? Выдерживая высоты теории, подтягиваясь к науке, стандартная социология деформирует субъекта, проходится по нему катком абстракций отождествления, приемами идентификации. Однако изгнанный в дверь, субъект рвется в окно. При концептуализации мирожизненных реалий социологии не избежать индивидоцентричных контекстов, эксплицирующих, почему в ситуации "X" с участием действующих лиц "Y" имело место "Z". Родовые признаки регулярно, расчеловеченные концепты оказываются бесплодными, недостаточными.

Оправдан, следовательно, поворот от объектной, стандартно-научной социологии к социологии субъектосодержащей. Перспектива его связывается с проектом антропосоциологии...» (Ильин В. В. Теоретическое и эмпирическое в социологии: смена парадигмы? // Социологические исследования, 1996, № 10, с. 16-17).

Послушаем другую сторону:

«...Замкнутость на личном иррациональном опыте, не поддающемся контролю и проверке, сближает «качественную» методологию с антинаукой, направленной против идеала объективности. ...Естественно, что результаты применения «качественной» методологии к изучению одной и той же проблемы будут каждый раз качественно различаться, так как они

уникальны. Конечно же, речь идет не об отдельных «качественных» методах — этнографическом описании, участвующем наблюдении, анализе документов и т. д., а о «качественной методологии» как альтернативном проекте групповой солидарности в социологической науке. Цель данного мероприятия — демонстрация личной заслуги изобретателя. Если социология являет собой область открытую для подобных мероприятий ..., то следует признать, что нормы научной рациональности и объективности препятствуют ее развитию и вся она превращается в «качественную» квазидисциплину, создаваемую по поводу различных «случаев» под прикрытием риторического декора. «Случай» здесь — не более, чем мистификация, цель которой — продемонстрировать «жизненность» конкретных описаний и «безжизненность» статистических распределений...» (Батыгин Г. С., Девятко И. Ф. Миф о «качественной социологии» // Социологический журнал, 1994, № 2, с. 38).

«...Речь идет не только об образовании новых периферийных областей знания, например, «софтметодологии», но скорее о тотальной экспансии «совращения» в корпус науки и создании некой разновидности паразитической критики с гуманитарных позиций. Все это происходит на фоне ламентаций о репрессивной роли научного знания как формы власти. «Совращение» к тому же сопровождается претензиями на чудесное постижение повседневности без использования «мертвых» технических средств измерения и анализа данных...» (Там же, с. 41).

...Как видим, накал страстей как в «гуманитарной критике» сциентизма, так и в «сциентистской реакции» на эту критику достаточно велик. (Последовательность публикации цитированных работ — обратная, но в данном случае это не имеет значения).

То самое, что первым автором рассматривается как позитивный процесс «перетекания» стандартной социологии в антропоцентричную (см. Ильин В. В. Указ. соч., с. 21), вторые трактуют как «симптом аномалии в институциональной структуре науки» (Батыгин Г. С., Девятко И. Ф. Указ. соч., с. 36).

Примирительную позицию в методологической дилемме занимает В. А. Ядов:

«...К сегодняшнему дню ситуация в мировой социологии изменилась. Методы жесткого количественного анализа вступили в **содружество** (выделено мною. — А. А.) с гибкими или качественными методами.

...Классическая социология... исходит из концепции общества как системно-организованной целостности. Жизнь индивидов — это проявление надиндивидуальных и от них не зависящих обстоятельств. Индивид в классической социологии, включая марксистскую, это представитель социального типа. Переход к пониманию личного смысла его собственной деятельности в языке социологических категорий и понятий практически невозможен. Для этого надо обращаться к понятиям психологии, культурологии или вообще отказаться от языка науки, использовать язык обыденных представлений о человеческом поведении...» (Ядов В. А. Социологическое исследование: методология, программа, методы. Самара, 1995, с. 243-244).

«...Еще раз спросим себя, какие же методы лучше, количественные или качественные, жесткие или гибкие? Ответ достаточно очевиден: надо знать, что, где и когда использовать. Мастер решает, в каком случае применить железный молот, а где деревянный молоток жестящика, когда обратиться к массовым данным, а когда к анализу уникальных событий и явлений. Надо думать...» (Там же, с. 254).

«...Правильный подход, следовательно, заключается в том, чтобы разумно использовать разные стратегии исследования и знать пределы разумных допущений...» (Ядов В. А. Стратегия и методы качественного анализа данных // Социология: методология, методы, математические модели, 1991, № 1, с. 30).

В общем, все хорошо «в меру»... Вопрос — чем и на каком уровне должна задаваться эта «мера»?

Теперь послушаем голос «человека со стороны» (не ангажированного в социологическом сообществе):

«...Удивительные вещи открываются, когда удается, наконец, замолчать... Тут возникает возможность выслушать другого.

Это произошло, кажется, в социологии, с возникновением в ней так называемой «гуманитарной» или «качественной» ветви, имеющей дело с отдельным человеком, с его «историей жизни» (*récits de vie*). Достаточно было нескольких кратчайших эмпирических исследований, чтобы обнаружилось: многие мощные социологические теории и построения просто неадекватны на фоне рассказов обычного человека о самом себе.

Возникшая новая, качественная социология в методе историй жизни меняет и способ исследования: важнейшим становится диалог. А в диалоге необходимо допущение, что придется узнать и неожиданное, наряду с ожидаемым.

...Итак, после ста лет монолога социологии удалось, наконец, замолчать и услышать голос того, о ком она столько говорила. Раньше был (слышен) только ее голос.

Однако этот услышанный ею новый голос не был бы услышан без ее собственных усилий, без ста лет прошлого говорения!

...Как награда объект социологического исследования может быть найден буквально под ногами (как, например пачка выброшенных писем). Но эта награда невозможна без прошлых усилий социологии: голых, мертвых конструкций, не несущих удовлетворения и самому строителю...» (*Воронцов С. В. Способность умолчания // Человек, 1996, № 3 с. 65-66*).

Примечательно, что для С. В. Воронцова дилеммы «объективное-субъективное» («жесткое-мягкое») как бы не существует. Он преодолевает ее выходом в новое измерение (диалог, слушание, «умолчание»).

Какова же позиция автора «Драматической социологии» в этой проблеме? Содержание и характер книги могут склонить к предположению, что пишущий эти строки «исповедует» качественную методологию. Но это было бы слишком поспешным выводом.

Надо сказать, что в начале своей социологической карьеры автор (кстати, имеющий базовое гуманитарное образование) был безусловным приверженцем как раз «жесткой» методологии, «объективной» науки и т. д. Это отвечало его (не вполне осознанному) стремлению избежать как спекулятивности, так и идеологизированности, свойственных нашему обществузнанию в то время.

Затем пришло время собственных методологических рефлексий. Прочитав свою (в соавторстве с Б. Д. Беликовым) работу 1975 года. <...>

[Здесь опущено обширное цитирование из работы «О понятии «строгое исследование» в гуманитарных науках», в частности — о критериях научной строгости; см. выше: раздел 23.2. — А. А.]

...В вышеприведенном отрывке нет утверждений, от которых автор готов был бы сегодня отказаться. Но хочется продвинуться дальше, благо есть к тому и основания, и повод.

Рискуя навлечь на себя упрек в «методологическом плюрализме», автор, вслед за В. А. Ядовым, отказывается делать выбор в пользу какой-либо одной из стратегий социологического исследования. Но «думать»,

на наш взгляд, следует не только применительно к каждой конкретной исследовательской задаче или ситуации, а и в плане выработки принципиальной эпистемологической позиции.

Вновь обратимся к точке зрения оппонентов «качественной» методологии:

«...В действительности «количественная» и «качественная» социологии не являются эпистемологическими альтернативами, либо конкурирующими парадигмами. Дискуссия о преимуществах «качественного» либо «количественного» подхода бессмысленна...» (Батыгин Г. С., Девятко И. Ф. Указ. соч., с. 41).

В самом деле — не альтернативы, не «конкуренты»... Вот только аргументировать этот тезис мы предпочитаем иначе, т. е. не постулированием принципиальной «несоизмеримости» двух подходов.

II⁶¹

В описанной проблемной ситуации (кстати, кризис рационализма и распространение мягких методов наблюдаются не только в социологии) нам представляется уместным обратиться к идеям **тринитарной методологии**, развивающейся сегодня на стыке теории познания и синергетики. Принципиальное свойство этой методологии — ее **открытость**.

Слово лидеру этого направления у нас Р. Г. Баранцеву:

«...Метод как средство познания есть способ воспроизведения изучаемого предмета в мышлении. И если этим предметом является открытая система, то путь ее познания должен быть в той же мере открытым. Иначе воспроизводится нечто искаженное, обедненное, редуцированное.

В утилитарном мире методы создавались, изучались, развивались, чтобы решать задачи. Как у рабов, у них не было иной роли, кроме служебной. Вопрос о самоценности методов обычно даже не ставился. Такая вторичность привела к тому, что понятие открытого метода осознается с опозданием.

...Детерминизм вплоть до абсолютной точности, безусловная независимость от субъекта, предельная полнота описания — таковы строгие критерии традиционной парадигмы, завовавшей науку в безжизненный тупик.

Для открытых систем методы, соответственно предмету, должны обладать свойствами неопределенности, совместности, дополнительности. Эти свойства не могли появиться в жесткой бинарной методологии, где господствует формула мышления «либо-либо». Для разрешения любого противоречия всегда требуется сторонняя позиция, определяющая меру жизнеспособного компромисса, чтобы подняться по диалектической спирали развития, сначала нужно выйти из антитезы в боковое измерение, обрести фундамент, задаваемый невырожденной тройкой опор одного уровня» (Баранцев Р. Г. Открытость тринитарной методологии / Московский синергетический форум. Январская (1996) встреча «Устойчивость развития в изменяющемся мире». Тезисы. М., 1996, с. 35-36).

«Решительное предпочтение отбрасывает нас в упрощающую и тем опасную крайность, а путь к компромиссу нуждается в ориентирах, критериях, чувстве меры. Всякая дилемма сама по себе, без учета окружения, оказывается беспомощной, неразрешимой. Для устойчивого примирения требуются дополнительные соображения, слитые в третий фактор. Синтез становится возможным только в структуре, открытой для меры» (Баранцев Р. Г. Тринитарный смысл культуры / Культура XXI века: Человек, Общество, Космос. Владивосток, 1996, с. 64).

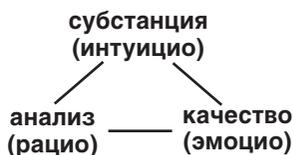
«Тринитарная структура обладает той упругостью, мягкостью, гибкостью, которая необходима для обеспечения **единства целого при свободе частей** (выделено мною. — А. А.).

⁶¹ Основные положения этой части работы 1996 года см. также в томе 2 настоящей книги: раздел В3.3.

Это свойство проявляется в принципе неопределенности, дополнительности, совместности, включающем меру самоограничения и позволяющем избегать соблазнов губительной абсолютизации. В системной триаде каждая пара находится в соотношении дополнительности, а третий элемент задает меру со-единения» (Там же, с. 65).

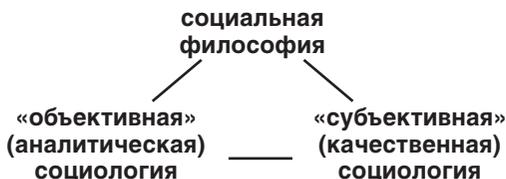
В поисках выхода из обрисованного выше методологического конфликта в социологии, обратимся в качестве эвристического ориентира к триадному архетипу, на который указывает Р. Г. Баранцев:

«Познание движется не только рациональной дорогой. Наше мышление способно оперировать и четкими понятиями, и художественными образами, и размытыми символами одновременно. Выделяются рациональный, сенситивный и интуитивный способы познания. Иными словами, можно говорить об аналитическом, качественном и субстанциональном аспектах мышления. Постулат о равноправии и единстве этих трех сторон ведет к следующей структурной формуле:

Такая триада ... оказалась весьма плодотворной при исследовании целостных объектов. Она помогает сознательно контролировать полноту описания и позволяет дополнять отдельные монады и диады до целостных комплексов» (Баранцев Р. Г. Динамика как путь к синтезу / Семиодинамика. Труды семинара. СПб., 1994, с. 14).

Примем в качестве гипотезы, что в нашем («социологическом») случае указанному триадному архетипу соответствует следующая тринитарная структура «социального знания»:

Здесь оговорим условность наших названий. <...>

Ремарка: «субъект-объектная» и «субъект-субъектная» социологии.

Термины «объективная» социология и «субъективная» социология, примененные в работе «Драматическая социология» (1997) ныне представляются мне неудачными.

Уже хотя бы потому, что «объективная» (аналитическая) социология вовсе не гарантирована от субъективизма, а «субъективная» (качественная) — способна вполне объективно отображать социальную реальность.

Более точными, отражающими главный пункт различий двух эпистемологических подходов в социологии, являются, на мой взгляд: субъект-объ-

ектная (здесь — «объективная») социология и *субъект-субъектная* (здесь — «субъективная») социология.

Термины «субъект-объектное» и «субъект-субъектное» познание (применительно к социально-гуманитарным наукам), насколько мне известно, были впервые предложены (в связке) С. М. Розетом в работе, опубликованной посмертно. Напомню:

«...Мне хотелось бы содействовать становлению субъект-субъектного познания. Субъект-субъектное познание может быть только равноправным диалогом “исследуемого” и “исследователя” по поводу темы исследования, без монополии на “объективную истину” у сторон... Обе стороны диалога могут быть обогащены исследованием как развивающим фрагментом жизненной практики... Респондент превращается в собеседника “Исследователя”, по возможности заинтересованного в теме исследования, и становится... соавтором исследования...» (С. Розет; 1992).⁶²
(Ноябрь-декабрь 2003).

...Рамки настоящих заметок не позволяют нам углубляться в проблематику «третьего фактора» (социальной философии) и ее соотношения с двумя другими элементами этой триады, которую мы полагаем системной (что само по себе требует развернутой аргументации). Ограничимся предположением, что именно на социально-философское умозрение ложится сегодня роль арбитра в конфликте «стандартной» и «нестандартной», классической и неклассической социологии.

Как нам представляется, такая постановка вопроса не противоречит и той, которую находим в современной фундаментальной работе по истории социологии (см.: История теоретической социологии, том 1. М., 1995; Введение). В частности, Ю. Н. Давыдов предлагает там трактовку социальной философии — в узком смысле — как «раздела общей социологии», посвященного «осмыслению таких результатов (проблем, антиномий) социологической теории, которые не могут быть “верифицированы” с помощью ее собственных познавательных инструментов» (Указ соч., с. 22-23).

(Возможно, для одного из элементов нашей триады уместно было бы использовать непривычный термин: **философская социология**).

Согласно К. С. Пигрову, отношение: индивид — социум — Абсолют, — является исходным пунктом социально-философской проблематики (см. Пигров К. С. Социальная философия / Программа по специализации «Социальная философия» для студентов философского факультета. СПб., 1995, с. 4). По-видимому, именно здесь следует искать «меру со-единения» социоцентричного и антропоцентричного исследовательских подходов.

С другой стороны, каждая из компонент системной триады выполняет роль регулятива в соотношении двух других. Отношение дополнитель-

⁶² См. том I настоящей книги: с. 554-555.

ности, по-видимому, существует также и между социальной философией и «объективной» социологией, и между «субъективной» социологией и социальной философией, что заслуживает отдельного исследования.

Как справедливо замечено, «социология без социальной философии — безродна, а социальная философия без социологии — бесплодна» (Шамшурин В. В. «Гуманитарная» социология: новые перспективы и старые проблемы // Социологические исследования, 1994, № 2, с. 68-69).

Итак, при подходе с позиций тринитарной методологии снимается не только «бессмысленный» спор о предпочтительности той или иной социологической парадигмы, но и упование на золотую середину, без соответствующего выхода в «боковое измерение».

Еще одно, последнее цитирование:

«...Абсолютизация любой из компонент системной триады нарушает ее целостность. Чрезмерная формализация заводит в тупик даже математику, безудержный разгул страстей становится для человека губительным, неограниченное возвышение духа чревато грехом гордыни. Но, вместе с тем, **каждая ипостась способна являть целое** (выделено мною. — А. А.). Так, в истине мы видим добро и красоту, в любви обретаем надежду и веру, в правде находим радость и пользу.

Включенность в Тринитарное со-знание помогает по-новому видеть проблемы, освобождаясь от прокрустовой альтернативности...» (Баранцев Р. Г. Тринитарный смысл культуры..., с. 66).

В свете всего сказанного, хотелось бы предостеречь против слишком тщательного «разгораживания» и взаимного отторжения разных методологических подходов и аспектов социального знания (что пока мы наблюдаем сегодня).

Одной из фундаментальных триад, сложившихся в истории человечества, является: **тело — душа — дух**. Так вот, «тело», «душа» и «дух» знания о социальном могут составить систему, **открытую** — как для взаимопроникновения (взаимообогащения) своих частей, так и относительно всего универсума человеческого знания.

Р. S. Автор признателен Р. Г. Баранцеву за обсуждение настоящей темы.

А. Алексеев, декабрь 1996

(Цит. по: А. Н. Алексеев. Драматическая социология (эксперимент социолога-рабочего). М.: СПбФ ИС РАН, 1997, с. 29-40)

* * *

Автоаннотация к докладу «“Субъект-объектная” и “субъект-субъектная” социологии: проблемы соотношения и взаимодействия» (февраль 2004)

Настоящая работа посвящена актуальной проблеме соотношения и взаимодействия разных теоретико-познавательных подходов в социологии XX века, иногда трактуемых как разные парадигмы (дисциплинарные матрицы), в смысле Т. Куна.

Автор выражает сомнение в правомерности применения понятия **научная революция** к наукам социально-гуманитарного профиля. Предлага-

гается эпистемологическая (она же — историко-научная) модель структуры современной социологии, на базе тринитарной методологии, предполагающей, в частности, соотнесение с фундаментальным семантическим архетипом: **рацио — эмоцио — интуицио**. Целостность системных триад, в отличие от одномерных, свойственных бинарному мышлению (да — нет, или — или), и переходных (гегелевских), характеризуемых известной формулой «тезис — антитезис — синтез», обеспечивается тем, что в них представлены «три элемента одного уровня, каждый из которых может служить мерой совмещения двух других; причем все три потенциально равноправны» (Р. Г. Баранцев).

Компонентами построенной на этих теоретико-методологических основаниях авторской модели являются: **субъект-объектная социология, субъект-субъектная социология и социальная философия**.

Логика развития социологической науки рассматривается как движение **от синкретизма через дифференциацию к синтезу**, причем эта динамика включает своего рода пульсирующую реализацию (и распространение) исследовательских (социологических, социокультурных) практик, опирающихся на тот либо иной исторически выдвигающийся на передний план эпистемологический подход.

В таком случае эмпирически наблюдаемое сегодня «преодоление» господствующей **классической** (структурно-функционалистской и позитивистской по преимуществу) «парадигмы» — постпозитивистской (в ее современных эпистемологических основаниях) «парадигмой» **не классической**, так называемой гуманистической, интерпретативной, антропоцентричной и т. д. социологии — оказывается и закономерным, и, вместе с тем, «счастливым» обстоятельством развития мировой социологической науки.

Ибо тем самым обеспечивается нелинейность научного развития, происходит **самоорганизация** социального знания, как динамической и открытой системы.

А. Алексеев, 10.01.2004⁶³

23.12. «Физика Логоса» и коммуникативная социология

[Ниже — два текста (личное письмо и извлечение из научного труда) московского социолога, философа, математика Сергея Валерьяновича Чеснокова. — А. А.]⁶⁴

⁶³ См. также: Алексеев А. Н. Об эпистемологической структуре и логике развития социологического знания // XVIII Люблинские чтения, Современные проблемы эволюции. Ульяновск: Ульяновский гос. педагогический университет, 2004; Алексеев А. Н. От синкретизма — через дифференциацию — к синтезу (об эпистемологической структуре и логике развития социологического знания) // Телескоп: наблюдения за повседневной жизнью петербуржцев, 2004, № 6.

⁶⁴ См. о нем ранее, в томе 1 настоящей книги: «Предисловие. От автора — сегодня, 2002». Пользуюсь случаем принести извинения коллеге и другу за мою неаккуратность в библиографической ссылке на его авторефлексивное эссе, опубликованное в «Социологическом журнале» (см. том 1 настоящей книги, стр. 42). Правильно: Чесноков С. «Мне интересен человек как человек...» // Социологический журнал, 2001, № 2.

23.12.1. И еще одна рецензия...

С. Чесноков — А. Алексееву (июнь 2002)

Дорогой Андрей!

Еще раз спасибо за присланную тобой книгу «Из опыта драматической социологии».⁶⁵

Твоя жизнь и действие в социологии редкий для России пример, когда социология как наука становится откровенно коммуникативной, предлагает себя прежде всего социуму, гражданскому сообществу, замыкая социум сам на себя. При этом собственно научная часть дополняется автокоммуникативной функцией, — ты избираешь литературную форму, в основе которой документальная драма.

С драмой у ученых традиционно плоховато, и ты, конечно, белая ворона. Многие драму если и признают, то как проблему, которую нужно решать, а не как первичное начало в социуме. Но для пролечивания коммуникативных разрывов, доставшихся в наследство от истории (не только коммунистической, если прислушаться хотя бы к Николаю Лескову), сопровождающих бытование современных обособленных сообществ, определяемых словами «наркотики», «спид», «проституция», «инвалиды», «Афган», «Чечня», «армия», «тюрьма», «население регионов», «население столиц», «власть», «молодежь», «старики» и т. д., именно драма может (и должна) быть одним из важнейших оснований для развития как исследовательской, так и литературной форм в социологии, определяющей свой смысл в замыкании сообщества на себя.

Здесь, мне кажется, одно из самых перспективных направлений в развитии коммуникативной социологии (и социологии вообще). <...>

Твой Сережа Чесноков

20.06.2002

23.12.2. Этика и наука⁶⁶

Из книги С. Чеснокова «Физика Логоса» (1991)

<...> Конфликт между наукой и гуманитарной культурой имеет древние корни. В науке есть достаточно такого, что способно подавлять движения души, оправданные силою чувства.

Что-то заставило Петрарку в «Книге писем о делах повседневных» написать:

«Кому не смешны жалкие умозаключения, которыми ученые люди изводят и себя, и других и на которые растрачивают всю свою жизнь, на другое дело не годные, в своем прямо вредные» (В книге Франческо Петрарка «Эстетические фрагменты». М., 1982, с. 75).

Письмо Фоме из Мессины, «против старцев диалектиков», откуда взяты эти строки, датировано 1350 годом. Без малого шесть столетий спустя Павел Флоренский был более жестким, говоря (статья «Итоги»), что «наука, изгнанная своими сторонниками с трона истинности, либо смешна, либо вредна».

⁶⁵ Имеется в виду пилотное издание тома 2 настоящей книги: Алексеев А.Н. Год Оруэлла (из опыта драматической социологии). СПб.: Ступени, 2001.

⁶⁶ Название соответствующего раздела цитируемой здесь работы С. В. Чеснокова.

Он предрекал гибель современной науки:

«Была же когда-то сложнейшая и пышно разработанная система магического миропонимания, и тонкостью отделки своей она не уступила бы ни схоластике, ни сциентизму, и была действительно великолепная система китайских церемоний, как и не менее великолепный талмудизм. Люди учились и мучились целую жизнь, сдавали экзамены, поучали ученые степени, прославлялись и кичились... а потом обломки древнеавилонской магии ютятся в грубой избе у полунормальной знахарки и т. д. Даже большие знатоки древности лишь смутно-смутно нащупывают некоторые отдельные линии этих великих построений, но уже не сознавая их внутреннего смысла и ценности, хотя не исключена возможность, что где-нибудь эти построения восстаноятся.

Но ныне светом и молвой
Они забыты...

Таково же и будущее возрожденческой науки, но более суровое, более беспощадное, поскольку и сама она была беспощадна к человеку».

Наука подавляет гуманитарную культуру. И если бы все сводилось к конфликтам между разумом и чувством на бытовом, так сказать, уровне, было бы полбеды. Скрытые силы агрессии, заложенные в современной науке, производят в гуманитарной культуре разрушительные действия, ничуть не меньше, чем дым от горящих нефтяных скважин Кувейта в небе планеты.

Огромный по масштабам корпус научных текстов оказывает деформирующее влияние на язык и литературу. Возвеличение социального статуса научных истин, научной прагматики оборачивается подавлением истин души человека.

Делаясь практической философией жизни, нормы профессионального научного мышления порождают технократические подходы к искусству, к политике, к управлению социальными процессами, обедняют духовную жизнь.

От этого прежде всего страдают сами люди, носители такого сознания. Они становятся душевными инвалидами. Страдает культура, этика, язык. Научный объективизм это яд, от которого гибнет любовь, жухнут человеческие отношения.

Страдает и сама наука, ее дееспособность в решении важных проблем современного мира.

Наше столетие привнесло новые формы разрушительных воздействий со стороны науки. Они связаны с тотальными процессами вторжения точных знаний во все уголки обыденной жизни.

Компьютеризация и информационные технологии не только несут благо, они также деформируют язык, создают новые знаковые пейзажи, изменяют семантические поля во всечеловеческом Логосе.

Конечно, должна возникнуть новая этика, способная защитить культуру и язык от разрушения, которые приходят вместе с достижениями цивилизации.

Усилия построить ее со стороны тех, кто связал свою жизнь с искусством, философией, не прекращались и не прекращаются. Со стороны самой науки усилия в этом направлении более слабые.

Проблемы этики науки с предельной остротой и заинтересованностью обсуждались в научном мире в связи с созданием атомной бомбы. Этические принципы, способные оградить гуманитарную культуру от деструктив-

ного влияния науки, вызывают несравненно меньший интерес среди ученых. Сама проблема не кажется столь острой. Исключения редки.

Ученые часто выражают приверженность гуманитарным принципам. Но признанием роли духовных начал, стоящих вне науки, не обойтись. Замечательно, что ученые верят в Бога, любят поэзию, литературу, не могут жить без живописи и музыки. Но этого не достаточно.

Невелика цена пиитета перед духовностью, перед интуицией и озарениями, без которых немислим труд ученого, если этот пиитет так легко уживается с форменным безобразием, творимым от имени точной науки, под защитой ее авторитета, в области социологии, психологии, медицины, экономики, лингвистики.

Нарушение норм, на которых держится естественный язык, в науке уже давно стало нормой. Вся практика так называемых математических методов в гуманитарных науках тому свидетельство. И речь не о «побочных следствиях», не о «проблематичных точках зрения», а о концепциях, которые кладутся в основу научных теорий и с самого начала противоречат гуманитарным принципам, охраняющим культуру и язык.

Теория измерений, понимаемая как теория шкалирования, утверждает приоритет числа над словом.

Теория нечетких множеств объявляет патологию, неспособность давать эйдосам имена, основой гуманитарности.

Математические методы многомерного статистического анализа игнорируют эйдетическую природу языка, их использование в гуманитарных науках под флагом мнимой строгости и ложной научности сопровождается разрушением естественных способов формулировать и выражать мысли.

И это не периферические формы научной деятельности. Это грандиозная по масштабам практика производства духовной продукции, в которую интегрированы влиятельные ученые, большинство университетов мира, крупные фирмы и корпорации.

Вряд ли кто из тех, кто порождает и поддерживает все это, будет особенно возражать против духовности или скажет недоброе в адрес «интуиции» и «прозрений», скорее наоборот. Но от этого не легче.

Физика Логоса не спорит с этой практикой...

Ремарка: о физике Логоса (С. Чесноков).

Исходными позициями физики Логоса, по С. Чеснокову, являются:

1) постулат существования платоновской реальности, который в развернутом виде гласит: **«Платоновская реальность существует и служит формой для материи и духа»;**

2) принцип дополнительности, имея в виду дополнительность между формой и содержанием, который гласит: **«Реальность первого рода и реальность второго рода (платоновская реальность) взаимно дополнительны».**

Ключевые понятия в физике Логоса — **образ** (или «единичный эйдос») и **детерминация** («упорядоченная пара взаимосвязанных, взаимодействующих эйдосов»).

«...С позиций физики Логоса мир — это Логос, т. е. совокупность эйдосов. Структуру мира определяют взаимосвязи между эйдосами, взаимодействия ме-

жду ними. Детерминация — это простейший, элементарный вариант такого взаимодействия.

...В теории детерминаций различают два уровня. Это элементарная теория детерминаций или элементарный детерминационный анализ. И это неэлементарная (продвинутая) теория детерминаций или детерминационная силогистика, «логика эйдосов»...» (Чесноков С. Физика Логоса (краткий очерк). М., б/д. [1991. — А. А.], с. 18-19). (Октябрь 2003).

...И все же конфликт есть. Но он имеет этическую, не научную природу.

Можно, например, говорить, как делается обычно в теории вероятностей и математической статистике, что соотношение

$$P(ab) = P(a) P(b)$$

обозначает независимость событий a , b . Это вопрос выбора интерпретации для некоего четкого формального обстоятельства. Вполне можно закрыть глаза на то, что это соотношение означает фактически лишь независимость частоты одного события от другого события, а не независимость событий.

Но как только мы приходим к приложениям в области социологии и психологии, делать так становится просто неэтично, потому что в конечном итоге это приводит к обману специалистов-предметников, не сведущих в точной науке, но вынужденных обращаться за помощью к математическим методам.

Можно исходить из того, что измерение это «гомоморфизм эмпирической системы с отношениями в числовую систему с отношениями». Кто может математику запретить называть измерением то, что ему хочется так назвать? Это его право, здесь не может быть предмета для научного спора. Тем более, что он не одинок, а действует в русле определенной сложившейся традиции.

Но когда совершается переход от математической теории к свойствам мира, к тому, как, в частности, люди получают знания, проводя анкетные опросы и обрабатывая их результаты, вкладывать в понятие измерения такой смысл становится неприемлемым уже не по научным, а по этическим соображениям. Совершается подмена: термин «измерение» оказывается закрепленным за чисто технической процедурой числового кодирования, которая не служит источником эмпирического знания. И наоборот, обмен именами эйдосов, который и есть действительный источник эмпирического знания, оказывается вне поля проблем, связанных с измерениями. На таких подменах делать науку нельзя.

И это тем более нехорошо, что в сознании специалистов-предметников, имеющих дело с опросами людей, но не с математикой или физикой, само словосочетание «теория измерений» вызывает априорное уважение из-за престижа, которым пользуется в общественном сознании теория и практика естественнонаучных измерений.

Традиционно точные науки сами по себе как бы вне добра и зла... Источник этических оценок принятая мыслить вне науки.

Физические законы, позволившие сделать ядерную или водородную бомбу, отражают свойства мира. Они не есть ни добро, ни зло. Зло возникает, когда делают бомбу, тем более, когда ее взрывают. Источник зла не наука, а тот, кто ее использует.

Физика Логоса изменяет это положение. Он помещает источник этических оценок внутрь самой науки. Причина в том, что платоновская реальность служит формой не только для материального мира, но и для мира духовного.

Когда физик изучает эйдосы материального мира, он волен в известных пределах делать с ними все, что он хочет. Эксперименты как форма общения с миром допустимы. Из уже заданных эйдосов мира исследователь может по своей воле создавать новые эйдосы с новым материальным содержанием. Для этого он должен воспользоваться законами, которые также заданы вне людей, сотворены не ими.

Данность мира, его сотворенность вне людей позволяет физику чувствовать себя как бы вне этики, когда он изучает мир.. Он «чистый ученый», который «ищет истину».

Разумеется, это справедливо до известных пределов. Крупные ускорители, исследовательские ядерные реакторы, озонные дыры от космических аппаратов показывают, что пределы эти не безграничны. Но все равно, даже когда ученый обязан подчиниться нормам этики, источник их вне науки.

В гуманитарных науках все по-другому. Когда социолог или психолог изучает эйдосы духовного мира, он не волен вывести себя за пределы их содержания. Источник духовных эйдосов — души людей, и он обязан это учитывать. Он сам — всего лишь человек, как и все другие люди... Содержание эйдосов здесь творят люди и он — равноправный участник этого драматического процесса. Он может менять содержание эйдосов, но по законам, которые он сам творит вместе со своими собратьями по бытию.

Это взаимодействие с **другим**, который уравниен с тобой, как суверенный со-творец мира, и в то же время иной, чем ты, потому что следует иным началам, ведомым ему и неведомым тебе, началам, которые ты никогда не будешь в силах воспринять, потому что ты — не он, и никогда им не будешь, — это взаимодействие с самого начала невозможно вне этики. Этика возникает здесь, как основа получения знаний.

Изучая материальный мир, исследователь может рассчитывать на то, что он в результате получит не только точное знание об эйдетической, платоновской реальности, но и точное знание о содержании эйдосов.

Знания об эйдосах, которые служат знаками во всечеловеческом Логосе, также могут быть точными.

Что же касается семантических полей вокруг знаков, то здесь ситуация более сложная.

Объемы эйдосов и объемные характеристики взаимодействий между эйдосами в семантических полях (точность и полнота детерминации) доступны для изучения с позиций точного знания, Это знание о структуре семантических полей.

Однако, если говорить о содержании эйдосов в семантических полях, то здесь точное знание невозможно и это принципиально. Содержание эйдосов, рождаемых во всечеловеческом Логосе, всегда включает момент творчества, в котором участвуют или могут участвовать все люди. И никто из людей не в состоянии выйти за рамки этого. Ни один исследователь не может избежать своего собственного воздействия на содержание изучаемых им эйдосов.

В этом главная причина, почему знание о содержании духовных эйдосов не бывает вне этики.

В этом же причина того, почему при получении знаний о содержании духовных эйдосов так важно соблюдать нормы, сложившиеся в естественном языке. Нарушение их деформирует язык. А поскольку всякое получение знаний о духовных эйдосах это всегда действие в языке (не в науке, а в языке!), то нарушение норм языка становится действием, разрушающим коммуникативные процессы, которыми он жив.

В естественных науках использование математики может быть правильным или неправильным. В науках гуманитарных появляется новый момент: оно может быть этичным или неэтичным.

Знаний вне этики нет. Это древняя истина. Физика Логоса подкрепляет ее средствами строгой науки. <...>

(С. Чесноков. Физика Логоса (краткий очерк). М., б/д. [1991. — А. А.], с. 100-106)

23.13. Введение в коммуникативную социокультурную биографику

[Ниже — программа (рабочий тематический план третьего семестра 2003/2004 года) спецкурса «Биографический метод в социологических исследованиях (введение в коммуникативную социокультурную биографику)», который читает Роман Иванович Ленчовский на факультете социальных наук и социальных технологий в Национальном университете «Киево-Могилянская академия».

Об этом спецкурсе уже шла речь ранее. Дело в том, что мой киевский друг и коллега решил воспользоваться историей эксперимента и «дела» социолога-рабочего, описанной в настоящей книге, в качестве своего рода модели, избрав ее предметом для теоретико-методологического и дидактического осмысления и сделав своего рода стержнем, на который нанизывается содержание всего курса.

Напомню, что свои учебные работы студенты — слушатели этого спецкурса — выполняли «в жанре» личного письма другу по поводу первых двух томов «Драматической социологии и социологической ауторефлексии».⁶⁷ — А. А.]

Темы лекций

1. Биографический нарратив как феномен индивидуального и общественного самосознания, предмет и стратегия социокультурных исследований. Феноменологическая методология, «анализ случая» и социологический праксис в биографике (парадигма А. Алексеева).

2. Многообразие форм и жанров биографических репрезентаций и реконструкций. Описательная и объяснительная биографика. Конфликт идентичностей и жизненный кризис.

⁶⁷ См. ранее, в томе 3 настоящей книги: раздел 0.12.

3. «Конфликт интерпретаций». Социокультурная герменевтика: от объяснения к пониманию в биографике.

4. «Конфликт коммуникаций»: эпистемологическая и экстраэпистемологическая перспективы в биографике.

5. «Конфликт экзистенций». Ценностное разнообразие культурных универсалий, жизненных позиций и стратегий, индивидуальных судеб. «Наблюдающее участие» и социологический «дазайн-анализ» в гуманитаристике.

Темы групповых занятий

Семинар 1.

1. Общее представление о биографическом методе.

2. Жанры биографических репрезентаций и исследовательских стратегий.

3. Метод «наблюдающего участия», «драматическая социология» и социологическая ауторефлексия («случай — дело» А.⁶⁸: первая часть).

Семинар 2.

1. «Конфликт идентичностей». Человек в пограничных ситуациях и жизненный выбор.

2. Описательная и объяснительная биографика.

3. Метод «наблюдающего участия», «драматическая социология» и социологическая ауторефлексия («случай — дело» А.: вторая часть).

Семинар 3.

1. «Конфликт интерпретаций» — от биографических объяснений к пониманию.

2. Биографическая герменевтика.

3. Метод «наблюдающего участия», «драматическая социология» и социологическая ауторефлексия («случай — дело» А.: третья часть).

Семинар 4.

1. «Конфликт коммуникаций». Биографические коммуникации.

2. 7 уровней общения (по Бьюдженталю).

3. Метод «наблюдающего участия», «драматическая социология» и социологическая ауторефлексия («случай — дело» А.: четвертая часть).

Семинар 5.

1. Экзистенциальная биографика. (Дазайн-анализ в философии, психологии и социологии).

2. Культурные универсалии, стратегии жизни и индивидуальные судьбы.

3. Метод «наблюдающего участия», «драматическая социология» и социологическая ауторефлексия («случай — дело» А.: пятая часть).

Автор курса — Р. Ленчовский⁶⁹

⁶⁸ Здесь и далее в оригинале документа — фамилия.

⁶⁹ В списке основной и дополнительной литературы по этому спецкурсу представлены работы С. Аверинцева, А. Алексеева, М. Бахтина, Д. Берто, М. Бубера, Дж. Бьюдженталю, А. Валевского, А. Валицкого, М. Вебера, Е. Доенко, С. Карпиловской, С. Квита, В. Марченко, Е. Мещеркиной, К. Муздыбаева, Дж. Питерса, П. Рикера, Й. Рууса, В. Семеновой, Л. Скокова, П. Сорокина, Т. Титаренко, Э. Фромма, В. Черновила, Л. Шамшина, А. Шюца, Э. Эриксона, К. Ясперса.

Ремарка: не только учебная версия...

Как видно, не я сам, а именно Роман Ленчовский выполняет рекомендацию, высказанную 8 лет назад Р. В. Рывкиной:

«...Хочется... пожелать автору сделать **учебную версию** своего труда... На нем... учить социологии, включив в рекомендательный список для студентов».⁷⁰

Замечу, что программа Р. Л. являет собой также и оригинальную теоретическую разработку; истолкование «случая» социолога-испытателя, в терминах, пока не освоенных самим «изобретателем» драматической социологии. (Апрель 2005).

23.14. Оборона, которую считаю необходимой и достаточной

...Стиль полемики важнее предмета полемики. Предметы меняются, а стиль создает цивилизацию...

Г. Померанц

Несколько вступительных слов

Выше (раздел 23.1) приводился полный текст рецензии (можно сказать — фельетона) преподавателя социологии СПбГУ В. Григорьева на первые два тома «Драматической социологии и социологической ауторефлексии». Этот текст был откомментирован мною — «по горячим следам» (в июне 2003 г.). Тогда же он был включен в рукопись заключительного тома настоящей книги (против чего сам рецензент не возражал).

Когда в начале 2004 года я вдруг обнаружил этот фельетон напечатанным на страницах «Социологического журнала» — то счел необходимым откликнуться письмом в редакцию. После письменного обмена мнениями между заместителем гл. редактора журнала Л. А. Козловой и автором книги редакция согласилась напечатать мой ответ оппоненту и даже прислала корректуру — соответствующие страницы оригинал-макета № 4 «СЖ» за 2003. Но в последнюю минуту гл. редактор журнала Д. Л. Константиновский готовившуюся публикацию моей «обороны» отменил, без объяснения причин своего решения.⁷¹

⁷⁰ См. ранее: раздел 22.11.

⁷¹ Из электронной переписки автора с редакцией «Социологического журнала» (февраль-апрель 2004).

...Зам. гл. редактора «СЖ» Л. Козлова — А. Алексееву: «...Разрешите выразить реакцию на Ваше письмо в адрес редколлегии... Прежде всего позвольте принести извинения за недостатки редакторской работы, которые обнаруживаются в опубликованном тексте рецензии Григорьева на Вашу книгу, в частности, неаккуратное цитирование, ошибочно указанные инициалы и регалии автора. Некоторые особенности стиля изложения, не соответствующие канонам академического журнала, следовало устранить при редактировании текста, что было сделано не во всех случаях... Содержательные же разногласия между Вами и автором рецензии могут стать предметом научной полемики на страницах нашего издания...» (19.02.04).

(Здесь опущена часть переписки, посвященная обсуждению возможности и условий опубликования в «СЖ» авторского ответа на выступление журнала. В частности, ввиду отсутствия в

Ниже — поначалу принятый редакцией «Социологического журнала», а затем «круто» отвергнутый ею текст. (Июнь 2004 — апрель 2005).

Авторский комментарий к книге⁷²

В № 2 «Социологического журнала» за 2003 год была опубликована рецензия «кандидата философских наук Л. Г. Григорьева»⁷³ на мою книгу «Драматическая социология и социологическая ауторефлексия», вышедшую, при поддержке Российского Фонда фундаментальных исследований, в Санкт-Петербургском издательстве «Норма», в 2003 году.

Упомянутая рецензия, с одной стороны, пожалуй, выполняет относительно названной книги своего рода рекламную функцию, а с другой — играет роль, как я считаю, дезориентирующую. Думается, что опубликованный журналом материал характеризует его автора полнее и отчетливее, чем предмет обсуждения. Так или иначе, развязный тон рецензии не делает чести ее соавителю.

Мне не кажется этот случай подходящим для возрождения, на мой взгляд, исчерпавшей себя многолетней дискуссии по вопросу об адекватности/неадекватности или эффективности/неэффективности тех или иных способов и ме-

журнале рубрики «Письмо в редакцию», редакция предложила опубликовать этот ответ в рубрике «Обзоры, рецензии, рефераты», против чего я не возражал).

Л. К. — А. А.: «...пересылаю Вам оригинал-макет Вашего текста для “Социологического журнала”...» (1.04.04).

А. А. — Л. К.: «...Я изучил присланный Вами оригинал-макет. Действительно, (мой... — А. А.) материал публикуется в авторской редакции, кроме заголовка, что тоже аккуратно оговорено в редакционном примечании. Во всяком случае: возражений против такой публикации со стороны автора нет... Благодарю за сотрудничество...» (2.04.04).

Гл. редактор «СЖ» Д. Константиновский — А. Алексееву: «...Подписывая журнал в печать, я перечитал Ваш материал и пришел к выводу, что мы не можем его опубликовать. Давайте вместо него опубликуем настоящую методологическую статью. Примите это как предложение от “Социологического журнала”...» (12.04.04).

А. А. — Д. К.: «...Вопрос о подготовке статьи... для “СЖ” я готов обсуждать... лишь при опубликовании уже находящегося в распоряжении редакции моего письма... Что касается Вашего отказа от опубликования имеющегося текста, то редакция, может быть, и вправе отвергать поступивший к ней материал без каких-либо объяснений, но, полагаю, не в случае, когда этот материал уже... поставлен в номер, верстка вычитана автором, и вдруг, при подписании журнала в печать, “набор рассыпан”. В таком исключительном случае автор вправе быть информированным о мотивах подобных действий редакции. Рассчитываю такую информацию от Вас получить...» (13.04.04).

А. Алексеев — в редакции «СЖ»: «...Пожалуйста, уведомьте, получено ли Вами мое письмо от 13 апреля...» (22.04.04).

Д. К. — А. А.: «...Позвольте, пожалуйста, нам... самим разобраться в нашей работе и принимать самостоятельные решения. Предложение написать статью для журнала остается в силе...» (23.04. 04).

Должен заметить, что подобный стиль обращения отнюдь не способствовал возникновению у автора желания писать для «СЖ» эксклюзивную статью на методологические темы.

⁷² «Материал публикуется в авторской редакции. Формулировка заглавия — редакционная». Таким примечанием снабдила данный текст редакция журнала. Авторским названием материала было: «**Оборона, которую считаю необходимой и достаточной**».

⁷³ Редакцией журнала здесь допущена неточность: в действительности автором этой рецензии является В. Е. Григорьев, младший научный сотрудник Социологического института РАН, ученой степени не имеющий. (Здесь и далее — примечания, присутствовавшие в журнальном оригинал-макете. — А. А.).

тодов социологического познания. Тем более, что сам вовсе не принадлежу к приверженцам лишь какого-либо одного («наилучшего» или «единственно правильного»!) из известных эпистемологических подходов в социологии.

Не хотелось бы занимать внимание читателей журнала и рассмотрением примеров, когда рецензент небрежен в переложении и обсуждении содержания книги (неаккуратен в цитировании и т. п.).

Но и не заметить вовсе столь энергичное критическое выступление профессионального журнала автору вроде бы нельзя.

Как же быть? Конечно, можно пожелать читателям «Социологического журнала» обратиться к первоисточнику, т. е. к самой книге. Но есть опасность, что для многих из них упомянутая рецензия останется все же единственным источником информации. Вот им-то я и считаю необходимым адресовать — при посредстве того же журнала! — настоящую ремарку-автомментарий.

Что представляет собой обсуждаемая книга?

Отличие от известных канонов научной монографии, эта работа являет собой сюжетно выстроенное произведение, где результаты исследования предстают не как готовые, а как развивающиеся в процессе их получения. Сквозным сюжетом книги является социально-личностный эксперимент, предпринятый в 1980-х гг. Эксперимент начался с инициативного перехода социолога из научного института на завод, в качестве рабочего. В этой социальной роли автор пребывал с 1980 по 1988 г.

В книге представлены материалы исследования производственной жизни изнутри, «глазами рабочего», а также исследования характерных черт социокультурной среды и общественно-политической жизни периода, предшествовавшего радикальным общественным переменам рубежа 1980-1990-х гг. Существенными моментами содержания являются как синхронный с событиями эксперимента самоанализ, так и современная интерпретация поведения социолога-испытателя и его непосредственного окружения.

Первый том — «В поисках жанра» — посвящен начальному этапу «эксперимента социолога-рабочего». На этом этапе был разработан и опробован социологический метод «наблюдающего участия», который, в отличие от известного метода «включенного наблюдения», предполагает активное вмешательство исследователя в изучаемые социальные процессы. В этот же том вошли некоторые материалы андерграундного экспертно-прогностического исследования «Ожидаете ли Вы перемен?» (1979-1981).

Во втором томе — «Контрапункты» — рассматривается продолжение эксперимента при «вновь возникших» обстоятельствах: состоявшейся в середине 1980-х гг. эскалации идеологических и политических обвинений в адрес социолога-испытателя. Социологически осмысляется личный опыт самообороны от этих обвинений, при постепенно нарастающей поддержке коллег (ученых, рабочих, журналистов).

Как указано в издательской аннотации, книга предназначена специалистам гуманитарных наук и «широкому кругу читателей, стремящихся понять общество, в котором они живут, и самих себя в этом обществе».

Такова наикратчайшая (в сущности, справочная) информация о книге. В дополнение к сказанному, позволю себе воспроизвести здесь, с некоторой авторской правкой, заметки, написанные мною в свое время по поводу пилотного, автономного издания тома 2 «Драматической социологии и социологической ауторефлексии». ⁷⁴ Эти заметки (кстати, включенные в издание 2003 г.) могут быть отнесены также и к двухтомнику в целом.

* * *

...Чего автор хотел и что, по его мнению, ему удалось (не удалось...) сделать в этой книге, а также — чем данная работа, с авторской точки зрения, отличается от некоторых других? Могу сообщить, тезисно:

1. Автор этих строк надеется, что ему удалось сделать определенный методолого-методический вклад в развитие того круга исследовательских подходов и практик, для которого используются разные термины: «понимающая», «интерактивная», «интерпретативная», «качественная», «гуманистическая», «коммуникативная» социология и т. д., — при том, что все эти названия указывают на известную неклассическую социологическую «парадигму».

Реализуемая в современных феноменологических, акционистских, интуитивистских подходах перспектива не противоположения, а **сближения** субъекта и объекта исследования, вплоть до их отождествления, опережающе усматривалась ранее некоторыми мыслителями первой половины XX века (например: А. Швейцер; А. Ухтомский; П. Сорокин — в конце жизни). М. Полани в своей теории познания делал главный акцент на **личном участии** исследователя и его «самоотдаче» в ходе постижения реальности. Именно в трудах названных мыслителей автор ищет и находит фундаментальное подкрепление своим профессиональным поискам.

2. По мысли автора, «драматическая социология» являет собой одно из исследовательских направлений в рамках указанной неклассической эпистемологической традиции. В ней (драматической социологии) постулируется соединение элементов практической деятельности, рефлексии и игры. «Погруженный» в определенную социальную среду, социолог-испытатель наблюдает и анализирует не только независимые от него реалии, но и — особенно — последствия собственных действий в этой среде. Тем самым субъект изыскания сам становится инструментом и контролируемым фактором исследовательского процесса («познание через действие»).

3. Предложенный автором метод **наблюдающего участия**, активное использование стихийно складывающихся в процессе «жизни-исследования» и намеренное (иногда говорят — «провокативное») построение **моделирующих ситуаций**, способствующих выявлению социальных тенденций и обнажению социальных механизмов, — впервые были подробно рассмотрены в книге об эксперименте социолога-рабочего, вышедшей в середине 1990-х гг. ⁷⁵ Ныне этот

⁷⁴ Алексеев А. Н. Год Оруэлла (из опыта драматической социологии). СПб.: Ступени, 2001.

⁷⁵ Алексеев А. Н. Драматическая социология (эксперимент социолога-рабочего). Кн. 1-2. М.: СПбФ ИС РАН, 1997. Рецензию В. А. Ядова на эту книгу см. в: «Социологические исследования», 1999, № 1. См. также рецензии, опубликованные в журнале «Знание-сила» (1999, № 5/6), в газете «Поиск» (1998, 17-23 января).

исследовательский подход представлен также и на новом материале: не только производственная, но и общественно-политическая, научная и иные сферы социальной жизни определенного исторического времени.

4. В отличие от большинства современных социологических работ, case study (исследование случая) является здесь не дополнительным, а **основным** методом исследования. Причем в центре рассмотрения — социальное-личностный эксперимент и «жизненный случай» самого автора. (Понятно, что, например, политическое «дело» социолога-рабочего не проектировалось исследователем, однако, коль скоро возникло, оно рационально и как будто достаточно эффективно использовано субъектом жизни для исследовательских нужд).

5. Вообще говоря, эксперимент над людьми социальному исследователю запрещен по моральным соображениям. Следует иметь в виду, что объектами «экспериментальных» воздействий в данном случае если и выступают люди, то не как частные лица, а как носители социальных ролей, представители социальных институтов (в том числе — институтов власти, вплоть до вершин партийной и государственной иерархии, не исключая «политической полиции»).

6. «Социологическому испытанию» подвергались не только социальные институты, но и сам субъект изыскания. (С легкой руки журналистов «перестроечного» времени это стали называть «экспериментом на себе»). Существенным здесь является пристальное внимание социолога-испытателя к собственным действиям и поступкам в предлагаемых социальных обстоятельствах, а также к мотивации этих поступков, вырисовывающейся не столько из прямых авторских рассуждений, сколько из контекста его поведения.

7. Книга, составленная в основном из документов разных лет, построена как некое социолого-драматургическое произведение, где действующие лица вступают в отношения между собой, ведут диалог, обмениваются репликами, совершают индивидуальные поступки и групповые акции, реагируют на действия других людей. В отличие от обычных академических трудов, это — «фабульное» сочинение; причем здесь представлены не только «жизненные приключения», но и, как хотелось бы думать автору (а уж судить — читателю!), — **приключения духа**.

Если в «протоколах жизни» («записях для памяти», своего рода репортажах о значимых событиях и поворотах, например, «дела» социолога-рабочего) фиксируются в основном факты, то, скажем, в личной переписке с друзьями и коллегами преобладает рефлексия, попытки экспликации определенной жизненной стратегии и тактики; причем выявляется эволюция той и другой на протяжении рассматриваемого жизненного и исторического периода.

8. В отличие от упомянутой выше книги 1997 г. (где, в частности, «театр жизни на заводских подмостках» почти не комментировался «из сегодня»), монография 2003 г. густо насыщена **современными** ремарками, из которых явствует нынешнее (часто — весьма критичное!) отношение автора к собственным «экспериментальным» и не экспериментальным действиям и, осо-

бенно, к своему тогдашнему образу мыслей, сформированному в основном «господствующими мыслями эпохи».

Автор замечает о себе, что был не столько «инакомыслящим», сколько «инакодействующим», в тех пределах, в каких диктовали ему инстинкт самосохранения, с одной стороны, и внутренняя убежденность в своей правоте или нравственное чувство, с другой.

9. В итоге автор истолковывает сегодня всю свою «одиссею социолога-испытателя», и в частности — хитроумное (и даже небезуспешное, в ряде отношений) единоборство с партийно-государственной машиной, как своего рода вынужденную инициативу и **необходимую оборону** личности против тоталитарных или авторитарных посягательств на свободу мысли и действия, а также на ее (личности) достоинство.

(Необходимая оборона — обычно в рамках социальных норм, официально декларированных в данной общественной системе. Преследователи социолога-испытателя порой вынуждены были отступать, сталкиваясь со скрупулезным соблюдением системных правил, какое демонстрировал «неудобный» субъект в интеракции с социальными институтами)

10. Указанный в п. 8 композиционный прием — соединение развернутых документальных свидетельств минувшего времени и современных интерпретаций (те и другие строго датированы!), своего рода хронологические контрапункты индивидуального и социального сознания и поведения — почти не имеют прецедентов в нашей научной и философской литературе. (Пожалуй, единственный пример — творчество Г. Гачева).

11. Стоит обратить внимание на «многоголосие» или «полифонию» данного сочинения. Автор редко перелагает точки зрения других людей (будь то единомышленники или оппоненты), предоставляя им высказаться самим. В известном смысле это коллективная монография, в которой много как соакторов, так и со-беседников. Таковыми для автора выступают прежде всего коллеги и друзья: Р. Ленчовский, С. Розет (ныне покойный), Ю. Шеголев, А. Кетегат, Р. Баранцев, С. Минакова, Т. Дридзе (ныне покойная), Н. Шустрова, Р. Рывкина, А. Соснин (ныне покойный), А. Назимова, А. Базникин (ныне покойный), В. Очаковский, В. Дудченко и др.

12. В обсуждаемой книге отражены профессиональные и жизненные поиски автора-социолога, относящиеся к исследованию взаимодействия личности и социальной среды, человека и социальных институтов, индивидуального и социального сознания. Но, пожалуй, автор претендует не только на профессионально-научную, но и на мироотношенческую интерпретацию эксперимента и «дела» социолога-рабочего и т. д. Сделав инициативный, поначалу скромный вызов системе, человек получает ответные вызовы от судьбы (или общества?), на которые уже обязан отвечать, коль скоро «эту кашу заварил». Что бы с ним дальше не случилось, он продолжает оставаться «наблюдающим участником» собственной жизни и социальных процессов, в которые вовлечен.

* * *

Итак, воздержавшись от спора с рецензентом (В. Е. Григорьевым) — будь то по принципиальным, будь то по частным вопросам, будь то в собственно научной, будь то в этической плоскости — автор настоящего письма «всего лишь» изложил **иной** (свой собственный) взгляд на «драматическую социологию и социологическую ауторефлексию», представленные в обсуждаемой книге.

Такую оборону я считаю необходимой и достаточной.

Разумеется, социолог-испытатель и автор книги может быть не менее неправ, в своих самооценках, чем его, полагаю, не в меру самоуверенный молодой коллега, в своих рассуждениях. Но об этом лучше окончательно судить уже не тому или другому, а — заинтересованному читателю, имеющему возможность сравнить: хоть рецензию и саму книгу, хоть (на худой конец) рецензию и настоящее письмо.

Как верно замечено Г. Померанцем, стиль полемики важнее ее предмета. Предметы полемики (я бы добавил — всякого обсуждения!) преходящи, а вот ее стиль создает цивилизацию...⁷⁶

А. Алексеев
(Апрель 2004)

* * *

...Парацельс мог бы сказать то именно, чего никогда не сказал бы Бэкон (из страха прослыть необъективным): **метод — это я**. Победа Бэкона уже вытекала из элементарнейших **последствий** этого различия; ближайшее последствие гласило: усвоить метод Парацельса — значит стать самому *sui generis* Парацельсом; наука это человек, и, следовательно, **настоящая наука — это настоящий человек: «кто ищет истины, тому надо в мою монархию»** (Парацельс. — А. А.). Инстинкт «**клерков**» сработал прагматически: легче и удобнее было отдать предпочтение «**бесчеловечности**»...

К. Свасьян. Становление европейской науки. Ереван, 1990, с. 164

...Вот самопервейшая тайна Гете: простая и просветленная максима, перевешивающая библиотеки: «**Все фактическое есть уже теория... Не следует только ничего искать за феноменами; они сами составляют учение**». Это значит: поменьше слов, побольше испытующего взгляда. И самая неприметная **вещь** научит нас большему, чем громокипящие слова о последних тайнах мироздания...

...«**Что труднее всего? — обронил он (Гете. — А. А.) однажды. — То, что кажется тебе самым легким: видеть перед глазами то, что у тебя перед глазами**». Но между глазами и тем, что у тебя перед глазами, нет непосредственной связи; легион посредников застилает взор и закрывает доступ к реальному миру; вот почему, констатирует Гете, «**нет ничего труднее, чем брать вещи такими, каковы они на самом деле**»...

К. А. Свасьян. Голоса безмолвия. Ереван, 1984, с. 229, 234

⁷⁶ См. Померанц Г. Догматы полемики и этнический мир // Звезда, 2003, № 6, с. 172.

...Нет такой теории, которая не была бы тщательно подготовленным фрагментом некой автобиографии...

Поль Валери ⁷⁷

* * *

23.15. «Ключевым здесь является вопрос о жанре...»

[Рукопись этого тома была уже полностью подготовлена к печати, когда я узнал о существовании еще одной рецензии на первые два тома «Драматической социологии и социологической ауторефлексии». Эта рецензия была опубликована в журнале «Новое литературное обозрение» (2004, № 6). Ее автор — петербургский социолог Д. К. Равинский.⁷⁸

Рецензия в «НЛО» во многом созвучна моему вышеприведенному ответу на фельетон, опубликованный в «Социологическом журнале». Воспроизведу ее здесь. — А. А.]

Алексеев А. Н. Драматическая социология и социологическая ауторефлексия: В 2 т. — СПб.: Норма, 2003. — 592 с., 480 с.

Приметная черта последнего десятилетия — выход в свет ряда содержательных работ по истории советской социологии. Причины этого внешне понятны: чем дальше мы отдаляемся от «реального социализма», тем очевиднее потребность задумываться, «что это было», каковы были действительные законы, по которым жило позднесоветское общество? И прием «двойного зеркала» — анализ общества через анализ состояния науки, которая это общество призвана была изучать, — в очередной раз демонстрирует свою плодотворность. Чем же выделяется из общего ряда эта книга? Ключевым здесь является вопрос о жанре — не только о жанре книги, но и о жанре социологического исследования, в книге отраженного. Тяжеловесное название и объясняется попыткой описать эту жанровую специфику: условно говоря, драматическая социология — это тот «опыт на себе», который поставил герой и автор книги, а социологическая ауторефлексия — осмысление этого опыта как самим автором, так и другими, сопоставление его с разными общественными контекстами. Дело в том, что, в отличие от большинства работ по истории советской социологии, это не воспоминания, не просто анализ прошлого опыта с сегодняшних событий, но и описание — «в режиме реального времени» — уникального социологического (и социального) опыта, полученного автором в конце 1970-х — первой половине 1980-х гг.

Та история, которая образовала сюжет книги, достаточно известна, став в свое время одной из «эмблематических картинок» перестройки. Успешный социолог сменил должность старшего научного сотрудника

⁷⁷ Цит. по: *Свасьян К. А.* Голоса безмолвия. Ереван, 1984, с. 95.

⁷⁸ Дмитрий Константинович Равинский — специалист в области социологии культуры, старший научный сотрудник Российской национальной библиотеки.

академического института на должность слесаря завода «Ленполиграфмаш», поставив своей целью «включенное наблюдение», изучение производственных взаимоотношений в коллективе крупного предприятия. Естественно, вскоре возник конфликт между «рабочим-исследователем» и администрацией (точнее было бы сказать — истеблишментом) завода, постепенно ставший конфликтом с обкомом и КГБ. Поражение в итоге ленинградских партийных властей — одного из бастионов позднесоветского консерватизма — стало знаменем времени, конкретным проявлением перемен в стране.⁷⁹

Сегодня, когда мы отошли от перестроечной стилистики восприятия, становится понятной **социологическая** природа конфликта. Собственно, конфликт этот был не столько между новатором и бюрократами, сколько между наблюдателем, исследователем и теми, кто в ходе исследования оказался в роли его объекта. Недовольство вызвала не негативная картина, выявленная социологом (негативная информация властями собиралась, хотя и не очень было понятно, что с ней дальше делать), а сам несанкционированный доступ» вдумчивого наблюдателя ко вверенному им обществу.

Стоит подчеркнуть, что сказанное в полной мере относилось не только к экспертному опросу о перспективах развития советского общества — тут уж недовольство было неизбежно, но и к разрешенному вроде бы исследованию отношений на производстве. Конфликт здесь получил и «стилистическое измерение». А. Алексеев и его «соучастники» излагали свои наблюдения и суждения в форме «Писем любимым женщинам», обычно адресованных знакомым женщинам-социологам. Две черты этих посланий привлекают внимание и воспринимаются как принципиальные. С одной стороны — скрупулезность, дотошность изложения, становящаяся знаком исследовательской добросовестности, научной честности. С другой — личностная интонация, какой-то социологический лиризм, окрашивающий эти послания. Нет надобности напоминать, что в глазах властей в те годы социологическое исследование означало лишь анкетирование, результатом которого были колонки цифр. Само понятие «кейс-стади» не было известно даже профессиональным социологам, и вообще качественные методы едва начинали проникать в социологическую практику. Исследование социолога-рабочего и другие материалы, собранные в книге, — это своего рода «человеческая социология», противостоящая официальной. Очень заметно это стилистическое противостояние, поскольку А. Алексеев так же скрупулезно фиксировал и материалы официального лагеря, в том числе конспектировал устные выступления на проработочных собраниях (во внутренней документации КГБ Алексеев проходил под псевдонимом Аспид).

⁷⁹ Ср. с авторской постановкой вопроса в соответствующих главах тома 3 настоящей книги (гл. 16: «Сотворение легенды»; гл. 17: «Поборник», «аргумент», «символ», «разменная монета»...).

Так что в книге представлена уникальная коллекция бюрократического новояза (чего стоит, например, определение алексеевского опроса как «тенденциозно-экспертного»), ее можно рассматривать и как скрупулезное описание бюрократического цугцванга, когда игрок вынужден совершать ошибки. Ведь действительно Алексеев и его сподвижники были не диссидентами-антисоветчиками, а коммунистическими романтиками, желавшими улучшить систему. Будь система эластичнее, она смогла бы интегрировать их опыт, приспособиться к новым временам. Кажется, А. Михник назвал причиной краха социализма «революцию радиаторов», когда исчерпан был ресурс прочности, аварийной защищенности. Так и система идеологического контроля исчерпала к началу 80-х свой ресурс, оставив в арсенале только brutальные методы.

Рецензии на хорошие работы исторического плана принято заканчивать словами, что и в новых условиях рассмотренная в них проблематика вполне актуальна. В данном случае это справедливое суждение звучит очень печально.

Дмитрий Равинский

(Новое литературное обозрение, 2004, № 70/6/, с. 420-421)

[Могу предположить, что читательские аудитории двух профессиональных журналов — «Новое литературное обозрение» и «Социологический журнал» — пересекаются мало. Что ж, по крайней мере читатель самой обсуждаемой книги имеет случай ознакомиться с точками зрения, высказанными как в том, так и в другом. — А. А.]

Приложения к главе 23

...Для меня признание безграничной сложности действительности — это проявление уважения к действительности; уважения, которое перерастает в восхищение. Нам, людям дан кусок вселенной, чтобы мы познавали ее; мы добираемся до ее глубин не единственным путем; мы зондируем ее своими поступками, наукой, поэзией, любовью и религией; нам нужны разные методы, чтобы измерить ими свой мир. Безграничная ценность жизни не может быть отгадана только с одной стороны. Полагаю, что где-то здесь мы касаемся нелокализованной, но мучительной боли современных людей...

*К. Чапек. К одному читателю. Середина 30-х гг.
(Цит. по: К. Чапек. Соч, т. 4. М.: ГИХЛ, 1959, с. 613)*

...То, что мы уже знаем, — ничтожная зыбь в море того, что можно назвать полными законами Природы... Природа не только в неозримое число раз богаче нашего современного представления о ней, но и непрерывно развивается. У нас нет оснований утверждать, что темп развития природы ниже набранного нами темпа познания ее. А если природа развивается быстрее, чем растет наше знание, то о каких истинах в последней инстанции может идти речь?..

И. Л. Герловин. Основы единой теории всех взаимодействий в веществе. Л.: Энергоатомиздат, 1990, с. 5

П.23.1. Собеседование теории с реальностью (А. Ухтомский)

Несколько вступительных слов

Как уже отмечалось, знакомство с ранней (еще 70-х гг.) публикацией фрагментов из эпистолярного наследия крупнейшего российского физиолога, академика Алексея Алексеевича Ухтомского (1875-1942)¹ сыграло исключительно важную роль в формировании жизненной и научной позиции автора этой книги.

Нравственная философия и эпистемологическая концепция, развитая А. Ухтомским в работах, лишь недавно увидевших свет², являют собой одну из вершин мировой философской мысли.

¹ См. ранее, в томе 1 настоящей книги: раздел 6.3. См. также эпиграфы, открывающие том 1 и замыкающие том 2 настоящей книги. См. также том 3: глава без номера.

² *Ухтомский А.* Интуиция совести. Письма. Записные книжки. Заметки на полях. СПб.: Петербургский писатель, 1996, 528 с.; *Ухтомский А.* Заслуженный собеседник. Этика. Религия. Наука. Рыбинск: Рыбинское подворье, 1997. 576 с.; *Ухтомский А.* Доминанта души. Из гуманитарного наследия. Рыбинск: Рыбинское подворье, 2000, 608 с.

Ниже — еще несколько извлечений из гуманитарного наследия А. А. Ухтомского. — А. А.]

Из письма А. Ухтомского к Е. Бронштейн-Шур (1927)

<...> Я ужасно боюсь доктрин и теорий и так хотел бы оберечь моих любимых друзей от увлечения ими, — чтобы прекрасные души не замыкали слуха и сердца к конкретной жизни и конкретным людям, как они есть!

...Да и каждый из нас в отдельности может наблюдать на себе самом, что «рассуждающий разум» долго еще плетет свои силлогизмы и сети, не подмечая того, что в глубине нашего существа уже зародилась и назрела неожиданная новая сила, которая совсем по-новому предпрещает события ближайшего будущего, и только ждет случайного дополнительного толчка, чтобы всплыть и властно заявить о себе; «рассуждающий разум», застигнутый врасплох, сначала ужасно растеряется от неожиданного заявления властной доминанты, а потом постарается убедить себя, что в сущности он все это по-своему понимает и может предусмотреть! Такова уж его самомнительная профессия! Профессия замкнутого в себе теоретизирования! В действительности же слишком похоже на то, что эта властная доминантная жизнь имеет свой смысл и исторические резоны, так что интуиция сердца, предчувствие и т. под. могут замечать и предвидеть гораздо ранее и дальше, чем «рассуждение»! Так совесть предвидит и начинает предупреждать гораздо ранее, чем так называемое «здоровое рассуждение». Интуиция совести и «здоровое рассуждение» находятся между собой в таких же отношениях, как художник, пророк и поэт, с одной стороны, и спокойный, рассудительный мещанин, с другой!

К счастью для науки, она переполнена интуициями, как ей ни хочется утверждать о себе, что она привилегированная сфера «исключительно рассуждающего разума». Вот ведь, даже в алгебре обнаружены теперь вкравшиеся туда интуиции, не говоря уж о геометрии и о прочей натуралистической науке. И это все к счастью, ибо вначале замкнутый на себя «рассуждающий разум» давно бы задохся, а наука перестала бы жить. Поле науки оплодотворяется интуициями, властно вторгающимися в сети «чистой доктрины»; и они оказываются мудрее и прозорливее «чистой доктрины», ибо они складываются самую реальную жизнь, **а жизнь и история мудрее наших наилучших рассуждений о них... <...>**

(Цит. по: А. Ухтомский. Интуиция совести. Письма. Записные книжки. Заметки на полях. СПб., 1996, с. 255-256)³

* * *

Из «Записных книжек» А. Ухтомского (1930—1940)

<...> Обаяние логически законченных теорий без внутреннего противоречия в сущности давно миновало.

³ См. также: Ухтомский А. А. Письма // Пути в неизвестное. Писатели рассказывают о науке. Сб. 10. М.: Советский писатель, 1973.

<...> Та реальная сила новой истории, которую мы называем наукой в современном нашем смысле, чужда рационализму и рационалистическим вожделениям с самых своих истоков в эпоху Возрождения, чужда так же, как Леонардо да Винчи чужд схоластам средневековой Сорбонны. По сравнению с древним и средневековым рационалистическим «ведением» <...> сдвинулся сам искомый идеал познания. Акцент ставится не на тонко разработанное «учение без противоречий» <...>, а на самоотверженное распознание конкретной, повседневной реальности, как она есть. Не так, как мне хочется, чтобы она была, а так, как она есть сама для себя. Отныне не реальность вращается и тяготеет около моего законодательствующего «рацио», но мой «рацио», если он хочет быть в самом деле разумным, вращается и тяготеет около реальности и ее законов, каковы они есть, независимо от моих пожеланий. На место того древнего спорщика, с которым препирался Платон в своих «Диалогах», становится сама реальность, поскольку она непрестанно ограничивает вожделения моей теории. Теория постоянно силится расползтись в универсальное учение, а факты реальности всегда вновь и вновь встают перед ней, как новые границы и новые поучения. Теория утверждает: «Вот как оно по-моему должно быть». А реальность возражает: «А вот, как оно есть!»

И вот что замечательно. Для новой науки этот беспрестанный и нигде не избегаемый спорщик уже не слепой и ненавистный, <...> всего лишь портящий ту форму, которую тщетно пытается накинуть на него художественный замысел писателя и мыслителя, — беззаконная и темная материя, непрестанно вырывающаяся из тех прекрасных законов, которым ищет подчинить ее творческий «рацио»! Нет, для Леонардо да Винчи и для Галилея это любимая реальность, к которой их «рацио» относится как влюбленный жених, считая за счастье различить и понять ее собственные самобытные черты, и у нее же впервые почерпнуть те законы, которыми она живет. Ибо новый «рацио» знает, что ее законы — это законы и для него, и без ее законов он сам для себя со всеми своими вожделениями расплывается в неопределенность и пустоту! И отныне «рацио» уже не навязывает реальности свою логику, но хочет постигнуть логику реальности, т. е. у реальности научиться ее логике!

Отсюда совсем другой критерий истины, другой и критерий для ценности самой науки: для нас это уже не самодовлеющее академическое учение, самоудовлетворенное в своем Олимпе, а **способность предвидеть** то, что даст нам реальность, правда то, что совпадает с действительностью. Критерий живой и практический, естественно, всегда относительный. Истинна для нас лишь та научная теория, которая в своих предвидениях и ожиданиях соответствует действительности. Если этого совпадения с действительностью нет, мы отбрасываем свою теорию, как бы красива и заманчива она нам ни казалась.

Новый ученый всегда отступает, если действительность возражает против его предвидений конкретными фактами. Он говорит себе сми-

ренно: «Значит, я ошибался, и теория, как ни разумна, была не верна!». И он учится у фактов строить новую теорию, более близкую к фактам. Из этого прекрасного Собеседования, с одной стороны, неизбежно теоретизирующего ученого и, с другой, — всегда обновляющейся реальности родится в своем изобилии новая наука, полная неожиданностей и все новой содержательности. <...>

...систематический рационализм неизбежно превращает среду в которой он оперирует, в **мертвую материю** (чтобы оперировать в ней принципиально без ограничений), а себя самого в **автократическое самоудовлетворение солипсизма** (чтобы принципиально ничем внешним себя не ограничивать). Рационализм принципиально убивает среду, чтобы расчистить себе дорогу. А сам превращается в чистый солипсизм, ибо его «дальний», с которым он беседует на бесконечном расстоянии, растаял как облачко, а его случайный «ближний», заявляющий о себе в конце концов только досадным непониманием, тем самым превращается в элемент среды, т. е. принципиально в кусок все той же мертвой материи, с которой надо оперировать *sans gêne*.

Само собою, в мышлении рационалиста совершенно нет категории «лица», ибо у него, собственно, нет и собеседника. Если по старой памяти он употребляет это слово «лицо», то лишь как «нерациональное», «житейское» понятие, в виде уступки нерациональной повседневности. Учетывание человеческого лица в практике жизни ничем для его понимания не отличается от «лицемерия». В сущности, он всегда его осуждает и должен осуждать, будучи последовательным. В чем дело? Конец «лица», когда все — сплошная материя, подлежащая обработке? Затем рационалист вполне естественно всегда более или менее доволен своим умом и никогда не доволен своим положением. Как не быть довольным своим умом, если зацепиться более не за что? И естественно думать, что все было бы прекрасно, если бы не слепое сопротивление среды с ее инертностью и с теми нерациональными существами, которых приходится принимать, по аналогии, тоже «за людей». Этим последним приходится принимать так или иначе в расчет, потому что это, пожалуй, самые досадные, наиболее увертливые в своем сопротивлении рациональной обработке элементы среды! Великий и достойный труд, который сознает для себя рационализм, — всю эту среду и копошущихся в ней людей завоевать, подчинить себе, рационализировать! Великий труд, великое задание! Хватит ли для этого истории?

Подавленный множеством неожиданностей, которые преподносит среда и которые все вновь и вновь надо рационализировать по аналогии «тоже за людей», рационалист страждет в своем солипсизме. Но он непреклонен как рок, как логика, и его поддерживает благородная гордость самосознания, что страждет он от неуклонности на своем ясном пути.

«Ни кривизна улиц, ни великое множество закоулков, ни разбросанность обывательских хижин — ничто не остановило его. Ему было ясно

одно: что перед глазами его дремучий лес и что следует с этим лесом распорядиться. Наткнувшись на какую-нибудь неправильность, Угрюм-Бурчеев на минуту вперял в нее недоумевающий взор, но тотчас же выходил из оцепенения и молча делал жест вперед, как бы проектируя прямую линию» (Салтыков-Щедрин. История одного города). <...>

Но положение рационалиста остается все же бесконечно трагичным! «Дальний», к которому обращены его речи, всегда выдуман. Потому и обращение к нему, в писательстве ли, в рационалистически настроенной науке, или в рационалистической философии, — всегда переполнено выдумками. Рационалистические мысли не прорывают границ человеческого **одиночества** и не приобретают выхода к реальному живому собеседнику; они солипсичны на самой точке своего отправления. Порочный круг, в котором стоят с самого начала люди без ближнего, делает невозможным объективное признание лица в другом. Признают объективное существование за геометрической точкой, за атомами, за вещами, — за чем угодно, только не за объективными лицами приходящих близких. Дальний выдуманный допускается потому, что он легко предвидим, ибо это ты сам, объективированный в кого-то вдали. Ближние отклоняются потому, что мешают тебе, как писателю и ученому, заниматься этим объективированием себя, как в зеркальном изображении, в далеком дальнем. И реальнейший ближний, с которым сталкивает жизнь, теряет значение самодовлеющего, отчетливого лица, ибо ведь, если признать его, то пришлось бы отложить свои благородные выдумки и заняться всецело им, объективным лицом! Чтобы такого пассажа не происходило, бедный человек убеждает сам себя и доказывает *ex cathedra*, что может понять других только как вещи и механизмы, но не как лица. И все для того и от того, что с ближним чрезмерно трудно, с дальним — легче, ибо, естественно, легче быть с самим собою и своими абстракциями. <...>

(А. Ухтомский. Заслуженный собеседник. Этика. Религия. Наука. Рыбинск: Рыбинское подворье, 1997, с. 194-196, 198-200)

* * *

Из «Заметок на полях книг» А. Ухтомского (год неизв.)

<...> Рационализм несет в себе порок индивидуалистического самоупора: *cogito ergo sum*.⁴ Все прочее для него «среда» для упражнений *sans gêne*.⁵ В эту **среду для безответственных операций** входит и народ, и природа, и вообще все бытие за исключением самого оперирующего. Рационалистический социализм силится создать сверхиндивидуальную общую жизнь имманентными силами того же рационалистического индивидуума, т. е. заранее ловя свою тень и всевозможную задачу: прекратить **симптомы порока**, не посягая на основной **корень порока** внутри деятеля.

⁴ Я мыслю, следовательно, я существую. — лат.

⁵ Без стеснения, бесцеремонно. — фр.

<...> Зараза «рациональной» теории! Она начинается там, где подумали, что исчерпали своею схемою действительность и интуицию. Получается ужас: пробуют «рационализировать» непонятное и ранее всякой попытки понять то, что берут за объект своих операций. <...>

(А. Ухтомский. Заслуженный собеседник..., с. 396-397)

П.23.2. Личностная самоотдача как преодоление дизъюнкции между субъективным и объективным (М. Полани)

[С книгой М. Полани «Личностное знание», изданной в русском переводе («для научных библиотек») в середине 80-х, автору этих строк довелось ознакомиться в 1986 г. и найти в ней эпистемологическое подкрепление своим методолого-методическим поискам. — А. А.]

Из «Новейшего философского словаря» (1999)

Полани (Polanyi) Майкл (1891-1976) — британский философ, один из основателей постпозитивизма, выходец из Венгрии, сотрудник (с 1923) Института физической химии (Берлин), в эмиграции с 1933, профессор физической химии и социальных наук Манчестерского университета (1933). В главных сочинениях по философии и социологии науки «Личностное знание. На пути к посткритической философии» (1958), «Неуважение свободы» (1940), «Основания академической свободы» (1947), «Логика свободы» (1951), «Знание и бытие, эссе» (1969) и др. выступил в 40-х с критикой основных принципов логического позитивизма, в 50-х — разработал концепцию «неявного знания». Стремился конструктивно преодолеть идею о возможности деперсонифицированного представления научного знания, неправомерно приравняваемого к объективности последнего. В структуре ориентировочной и познавательной активности — в сенсомоторных навыках, восприятии, использовании языка, методах диагностики и экспериментирования, актах научного творчества и т. д. — П. выделял явные и неявные компоненты. Последние, по П., осваиваются человеком в практических действиях, в совместной научной работе и служат основанием его целенаправленной активности. В науке явное знание представлено как интерперсональное знание (в понятиях и теориях), неявное — как личностное знание, вплетенное в искусство экспериментирования и теоретические навыки ученых, в их пристрастия и убеждения. Неявное знание, согласно П., не допускает полной экспликации и транслируется через непосредственное («из рук в руки») обучение мастерству научного поиска и личные контакты ученых. Научный опыт у П. — внутренне переживаем, обусловлен страстным желанием исследователя достичь подлинно научной истины, явно личностно окрашен. П. ввел в оборот понятие «научное сообщество». В ряде работ подчеркивал необходимость определенных социокультурных условий для поддержания свободных научных коммуникаций и сохранения научных традиций.

А. Грицанов

(Новейший философский словарь / Сост. А. А. Грицанов. Минск: изд. В. М. Скаун, 1998, с. 528.

* * *

[Здесь предлагаю вниманию читателя свои давние выписки из книги М. Полани. — А. А.]

Из предисловия В. Лекторского к русскому изданию книги М. Полани «Личностное знание» (1985)

<...> Появившись в печати на фоне безраздельного господства позитивизма в англо-американской философии, уже первые эпистемологические работы М. Полани привлекли внимание оригинальностью методологического подхода.

М. Полани известен как один из основоположников так называемого исторического направления в англо-американской философии науки постпозитивистской ориентации. Он одним из первых в англо-американской философии подверг серьезной критике позитивистское противопоставление философии науки тезис о беспредпосылочности (философской ненагруженности) научного знания, свойственные позитивизму наивно индуктивистские представления о логике научного открытия. Критикуя позитивистский образ науки, М. Полани выступает против так называемого эмпирического фундаментализма, согласно которому ученый должен стремиться к исключению понятий, не имеющих чувственного прообраза, к элиминации «метафизических проблем».

Но М. Полани противостоит и так называемому «критическому рационализму» постпозитивистов. Исходные теоретические представления М. Полани о механизме развития науки резко контрастируют с попперовскими. Так, например, если Поппер считает рациональность имманентной чертой науки и ищет внутреннюю логику ее развития, отвлекаясь от воздействия на нее социально-культурных факторов, то М. Полани рассматривает в качестве имманентных характеристик науки ее культурно-исторические детерминанты, формирующие не только институциональный облик науки, но и сами формы научной рациональности. Если Поппер пытался строить «эпистемологию без познающего субъекта», то пафос работ М. Полани связан с выявлением человеческого фактора науки. (Можно полагать, что самим названием своей известной книги «Объективное знание» (вышедшей после данной работы) К. Поппер сознательно противопоставляет свои идеи концепции М. Полани). М. Полани считается одним из основателей западной социологии познания, исследовавшим проблемы научных традиций, научных школ, вопросы внутринаучной коммуникации.

<...> Собственно эпистемологическая концепция М. Полани <...> противостоит и позитивизму, и «критическому рационализму» постпозитивизма.

Автор подвергает критике кантовское аргюі, через которое, как утверждает он, знание явлений редуцируется к порядку без проникновения в структуру вещей самих по себе и их внутренних взаимоотношений. Смысл же научного исследования М. Полани видит в проникновении во внутреннюю рациональность и объективную структуру реальности. Научные гипотезы не выводятся прямо и непосредственно из наблюдения, а научные понятия — из экспериментов. М. Полани настаивает на отсутствии «логиче-

ского моста» между фактами и теорией, обосновывает невозможность создания логики научного открытия как формальной системы. Теоретико-познавательная концепция М. Полани, таким образом, нацелена на преодоление как плоско-эмпирического, так и формально-логицистского подходов.

Сердцевиной теории познания М. Полани является его эпистемология неявного знания. Изложению этой концепции и посвящена данная монография, впервые вышедшая в 1958 г. в Англии, а затем переизданная в 1962 г. в США.

Цель исследования автор видит в изучении процесса научного познания как постижения объективных связей универсума с учетом исключительной конструктивной роли познания.

<...> Основным стержнем концепции неявного знания является положение о существовании двух типов знания: центрального, или явного, эксплицитного, и периферического, неявного, скрытого, имплицитного. Причем имплицитный элемент трактуется не просто как неформализуемый избыток информации, а как необходимое основание логических форм знания. <...>

В. А. Лекторский

(Цит. по: М. Полани. Личностное знание. На пути к посткритической философии. М.: Прогресс, 1985, с. 5-8)

* * *

Из книги М. Полани «Личностное знание» (1958)⁶

Из предисловия

<...> Прежде всего я отказался от идеала научной беспристрастности. В точных науках этот ложный идеал не приносит большого вреда, поскольку там ученые нередко им пренебрегают. Но, как я постараюсь показать, в биологии, психологии и социологии его влияние оказывается разрушительным, искажающим все наше мировоззрение даже за границами собственно науки. Я хочу предложить иной идеал знания. (18)

<...> Может показаться, что эти два слова [*«Личностное знание»*]. — А. А.] противоречат друг другу: ведь подлинное знание считается безличным, всеобщим, объективным. Но это кажущееся противоречие разрешается иной трактовкой самого понятия «знание». (18)

<...> Для меня **знание** — это активное постижение познаваемых вещей, действие, требующее особого искусства [*здесь и далее, за исключением специально оговоренных случаев, выделено мною.* — А. А.]. (18)

<...> **Постигание** не является ни произвольным актом, ни пассивным опытом: оно ответственный акт, претендующий на всеобщность. Такого рода знание на самом деле **объективно** [*выделено М. П.* — А. А.], поскольку позволяет установить контакт со скрытой реальностью; контакт, определяемый как **условие предвидения** неопределенной области неизвестных (и, возможно, до сей поры непредставимых) подлинных сущностей. Мне думается, что термин «личностное знание» хорошо описывает этот своеобразный **сплав личного и объективного**. (19)

⁶ В скобках указаны страницы по изданию: Полани М. Личностное знание. На пути к посткритической философии. М.: Прогресс, 1985.

<...> Я показал, что в каждом акте познания присутствует **страстный вклад познающей личности** и что эта добавка — не свидетельство несовершенства, но насущно необходимый элемент знания. (19)

Из части I (Искусство познания)

<...> Цель моей книги состоит в том, чтобы показать, что абсолютная объективность, приписываемая обычно точным наукам, принадлежит к разряду заблуждений и ориентирует на ложные идеалы. (40)

<...> Хотя **содержание науки, заключенное в ясные формулировки**, преподается сегодня во всем мире в десятках новых университетов, **неявное искусство научного исследования** для многих из них остается неведомым. *[выделено М. П. — А. А.]* (87)

<...> Можно допустить, что если в науке и технике применяется экспертиза или привлекаются знатоки, то это делается по той простой причине, что измерением их не заменишь. Измерению присуща большая объективность, благодаря которой его результаты являются устойчивыми независимо от того, где и как оно осуществляется. Однако то большее количество учебного времени, которое студенты химии, биологи и медики посвящают практическим занятиям, свидетельствует о той важной роли, которую в этих дисциплинах играет передача практических знаний и умений от учителя к ученику. В самом сердце науки существуют области практического знания, которые через формулировки передать невозможно. (89)

<...> Личностное знание в науке является результатом не выдумки, но открытия и как таковое призвано установить контакт с действительностью <...>. Оно заставляет нас отдаться видению реальности с той страстью, о которой мы можем и не подозревать. Ответственность, которую мы при этом на себя принимаем, нельзя переложить ни на какие критерии верифицируемости или фальсифицируемости или чего угодно еще. Потому что **мы живем в этом знании, как в одеянии из собственной кожи**. (101).

<...> **Интеллектуальная самоотдача** — это принятие ответственного решения, подчинения императиву того, что я, находясь в здравом сознании, считаю истинным. Это акт надежды, стремление исполнить долг в рамках ситуации, за которую я не несу ответа и которая поэтому определяет мое призвание. Эта надежда и этот долг выражаются в **универсальной направленности** личностного знания. (102)

Из части II (Неявное знание)

<...> Я показал наличие молчащего знания и мышления, а также области, где молчаливая компонента в качестве фокуса нашего внимания есть значение воспринимаемой (или только что воспринятой) нами на слух речи. <...> Теперь мы обратимся к более сложно организованной области не полностью **концептуализированных** (*в этом фрагменте выделения принадлежат М. П. — А. А.*), которые могут представлять собой:

(а) поиск ошупью, результаты которого должны быть затем **скорректированы** в свете достигнутого нами молчаливого понимания;

(б) предвосхищающую догадку, которая позднее должна **смениться** нашим молчаливым пониманием. (136-137)

<...> Благодаря наличию **эмоциональной составляющей** мы можем рассматривать науку в одном ряду великих систем человеческого познания. (195)

<...> Науку считают чем-то устанавливаемым объективно, независимо от ее эмоциональных корней. Здесь необходимо подчеркнуть, что с этим мнением я не согласен. <...> Мне хочется показать, что **страстность в науке** — это не просто субъективно-психологический побочный фактор, но **логически неотъемлемый элемент науки**. (196)

<...> Любой процесс исследования, не руководимый интеллектуальными эмоциями, неизбежно потонет в тривиальностях. (197)

<...> Утверждение будет приемлемо как компонент науки, если оно обладает, и будет тем более ценно, чем в большей мере оно обладает:

- (1) достоверностью (точностью),
- (2) релевантностью для данной системы знания (глубиной) и
- (3) самостоятельной значимостью.

Два первых из этих критериев приняты в науке, третий — по отношению к ней является внешним.

Применяются все три критерия совместно, а потому недостаточность по одному из них в основном компенсируется в случае хорошего выполнения остальных. (198)

<...> Всеобщая тенденция стремиться в науке к точности наблюдений и систематичности **в ущерб содержательной стороне дела** по-прежнему вдохновляется идеалом строго объективного знания, который сохранился в парадигме Лапласа. Эта тенденция ведет в перспективе к еще более широкой **интеллектуальной дезорганизации** — к опасности, угрожающей всем ценностям не только науки, но и культуры в целом. (205)

<...> Философское движение, основанное на стремлении к научной строгости (Лаплас), стало угрозой для положения самой науки. (207)

<...> Приятие нового есть эвристический процесс, акт, в котором личность изменяет себя, следовательно (в той мере, в какой это так) — это — акт обращения. (218)

<...> Наука есть система убеждений, к которой мы приобщены. (246)

Из части III (Обоснование личностного знания)

<...> Лишь слова с **неопределенным** значением могут иметь отношение к действительности. <...> Решение принять риск неопределенности не позволяет считать **точность** значения каким-то идеалом. (255)

<...> Любая философия, выдвигающая своим идеалом строгость значения, самопротиворечива. Ибо если такая философия рассматривает деятельную сопричастность философа к значению того, что он говорит, как

недостаток, препятствующий достижению объективной общезначимости, то она должна на основании этой нормы отвергнуть и самое себя. (257)

<...> К настоящему времени выяснилось, что современный **сциентизм** сковывает мысль не меньше, чем это делала церковь. (276)

<...> Сегодня мы снова должны признать, что **вера** является источником знания. Неявное согласие, интеллектуальная страстность, владение языком, наследование культуры, взаимное притяжение братьев по разуму — вот те импульсы, которые определяют наше видение природы вещей и на которые мы опираемся, осваивая эти вещи. Никакой интеллект — ни критический, ни оригинальный — не может действовать вне этой системы взаимного общественного **доверия**. (277)

<...> Наука существует лишь в той мере, в какой существует страстное стремление к ее совершенству, и только при условии, что мы верим, что это совершенство суть гарантия вечности и всеобщности знания. (278)

<...> Я убежден, что я должен стремиться узнать, во что я действительно верю, и пытаться сформулировать убеждения, которых я придерживаюсь. (278)

<...> Личностная причастность познающего субъекта тому процессу познания, которому он вверяет себя, осуществляется в порыве страсти. Мы осознаем **интеллектуальную красоту** как ориентир для открытий и как признак истинности. <...> (299)

<...> ...концепция **личностного** [выделено М. П. — А. А.], которое не есть **ни субъективное, ни объективное**. Поскольку личностное подчинено требованиям, которые оно само признает как нечто от него независимое, оно несубъективно; но поскольку оно есть действие, руководимое индивидуальными страстями, оно и необъективно. **Оно** [личностное. — А. А.] **преодолевает дизъюнкцию между субъективным и объективным**. (300)

<...> Будучи несовместимой с идеалом полностью формализованного разума, оригинальность в то же время есть нечто совершенно отличное от удовлетворения влечений. Ибо наши влечения — именно наши и направлены они на достижения именно **нашего** [выделено М. П. — А. А.] удовлетворения, в то время как ученый-открыватель ищет такое решение проблемы, которое было бы удовлетворительным и обязательным и для него, и для всех остальных. (302)

<...> **Самоотдача** есть не что иное, как некий личностный выбор, выбор искомый, при котором человек ищет и в конце концов принимает нечто такое, что и он сам, и тот, кто описывает эту ситуацию, считают заданным безлично. Напротив субъективное всецело обусловлено характером того состояния, в котором находится данная личность.

Мы видим, что в ситуации самоотдачи имеется **взаимная корреляция между личностным и всеобщим**. (303)

<...> Самоотдача является единственным путем приблизиться к всеобще-достоверному. (304)

<...> Согласно логике самоотдачи, **истина есть нечто, о чем можно мыслить, только будучи в этом убежденным** [выделено М. П. — А. А.]. (308)

<...> **Личностное** осуществляется в утверждении своей устремленности к всеобщему, а **всеобщее** конституируется в его принятии в качестве безличностного условия личностной самоотдачи.

Личностная привязанность порождает парадокс преданности: личность утверждает свою рациональную независимость, повинуюсь велению своей совести, то есть обязательствам, возлагаемым личностью самой на себя. Лютер выразил эту ситуацию своим заявлением: «На том стою и не могу иначе». Эти слова могли бы быть произнесены и Галилеем, и Гарвеем, и Эллиотсоном. Они выражают суть той ситуации, в которой находится всякий первопроходец в искусстве, науке, практическом действии или вере. (313)

<...> В приверженности научному поиску **уверенность, самоотдача и законоположение** сливаются в **единую мысль**, говорящую о скрытой реальности. (318)

<...> Принять личностную вовлеченность как единственное отношение, в рамках которого мы можем верить в истинность чего-либо, — значит отказаться от всех попыток найти строгие критерии истины и строгие процедуры для ее достижения. Результат, получаемый с помощью механического применения строгих правил, безличностной вовлеченности кого-либо, не может ничего и ни для кого означать. Итак, отказываясь от тщетной погони за формализованным научным методом, концепция вовлеченности принимает вместо этого личность ученого в качестве деятельного субъекта, ответственного за проведение и удостоверение научных открытий. Процедура, которой следует ученый в своем исследовании, является, конечно, методической, однако **его методы — это лишь максимы некоторого искусства**, которые он применяет в соответствии со своим собственным оригинальным подходом к проблемам, им выбранным. **Открытия являются составной частью искусства познания**, которое можно изучить с помощью наставлений и примеров. Но для овладения вершинами этого искусства необходимы особые прирожденные дарования, соответствующие конкретным особенностям исследуемых предметов. (318)

<...> Главное различие, проводимое в теории самоотдачи, — это различие между переживаниями, которые испытываются нами просто как страдание или удовольствие, и **переживаниями, которым свойственна некая активность**. Всякого рода беспорядочные, судорожные движения нельзя признать деятельностью, но все, что обнаруживает тенденцию к достижению некоторого результата, следует считать таковой, неважно, идет ли речь о каких-либо телесных движениях или же только о мысли. (320)

<...> Эта позиция не является солипсистской, ибо она основана на вере во внешнюю реальность и подразумевает существование других лиц, которые также могут приближаться к той же реальности. (325)

<...> Философия, провозглашающая изначальность доверия, не устраняет сомнение, но говорит подобно христианству, что мы обязаны придерживаться того, во что мы истинно верим, вверившись почти неразличимым проблескам истины, призывающим нас делать то, что мы делали, **даже тогда, когда сознаем, сколь абсурдно малы наши шансы на удачу.** (329)

<...> В своих влечениях разум правомочен осуществлять свою власть над гораздо более обширными областями, чем это представляет себе объективизм. Объективизм стремится избавиться нас от всякой **ответственности** за приверженность к нашим убеждениям. Вот почему он может быть логически развит в виде систем мысли, в которых из жизни и из человеческого общества изгоняется ответственность человеческой личности. <...> Мы отбрасываем ограниченность объективизма, чтобы исполнить свое призвание, которое обязывает нас сделать наши умы **открытыми** по отношению к множеству вещей, представляющих подлинный интерес для человека. (337)

(М. Полани. Личностное знание. На пути к посткритической философии. М.: Прогресс, 1985)

...Вопрос: **Вы не ответили, в чем все-таки состоит методика различения существенного и несущественного?**

Ответ: В личных особенностях самого историка. Один из тяжелых предрассудков рационализма вынуждает нас недовольно морщиться от этих слов. Предполагается, что существует некая методика, которую можно объективировать в параграфах, и что усвоивший ее и есть «ученый». Впрочем, вот вполне **«объективный»** ответ, по аналогии: когда Баха спросили, что значит — хорошо играть на клавире, он ответил так: опустить в нужное время нужный палец на нужную клавишу...

К. Свасьян. Становление европейской науки. Ереван, 1990, с. 9

П.23.3. «Из тупика на коронную дорогу интегральной социологии и психологии...» (П. Сорокин)

Несколько вступительных слов

Лишь через 20 лет после смерти крупнейшего русско-американского социолога Питирима Сорокина (1889–1968) состоялось то, что можно назвать его возвращением на родину.

...Однако еще далеко не все наследие П. Сорокина вошло в наш научный обиход. Это относится, в частности, к одной из последних его книг: «Fads and Foibles in Modern Sociology and Related Sciences» (Chicago, 1956). Пока единичны попытки осмысления интегралистской концепции психосоциального знания, разрабатывавшейся П. Сорокиным в середине минувшего века.

Мой коллега, сотрудник Социологического института РАН, докт. социол. наук Никита Константинович Серов перевел и опубликовал ряд фрагментов вышеупомянутой книги П. Сорокина.

Ниже — извлечения из его публикаций в журнале «Реальность и субъект» (1998-1999). (Декабрь 1999 — июнь 2003).

Из книги П. Сорокина «Причуды и слабости современной социологии и родственных наук» (1956)

<...> Несмотря на свои шумливые заявления, наши доморощенные «научные» социологи и психологи отстали от современных изменений во взглядах естественных наук на интуицию и логико-математическое познание. Примитивная форма эмпирической теории познания, которой они придерживаются, поразительно устарела с точки зрения современного естествознания. Она несостоятельна в свете имеющихся свидетельств. У самоназванных охранителей «научной» социологии и психологии нет никаких оснований для их претенциозных заявлений, а тем более для их монотонных заверений, будто все интуитивные и рассудочные (rational) теории познания и творчества являются ненаучными.

Тот же самый вердикт справедлив для взгляда на отношения между познающим и познаваемым в процессе познания, а также для взгляда на «объективную» сущность научных предложений с позиций, установленных господствующей эмпирической теорией наших социологов и психологов. В соответствии с их противопоставлением, научный наблюдатель и явление остаются так же отчужденными друг от друга, как фотокамера и пейзаж. Они не должны и не могут слиться в целостное единство, в котором разделяющая их пропасть устраняется, и самая разделенность познающего и познаваемого исчезает. Как следствие такой предпосылки, научное познание может заключаться только в объективном наблюдении и описании изучаемого объекта отстраненным наблюдателем. Никакие свойства, категории, принципы, влияния, оценки, никакие прочие характеристики наблюдателя не должны включаться в такое наблюдение. Наблюдатель должен быть так же беспристрастен, как фотокамера. Только такая теория или описание, которые совершенно очищены от субъективных свойств познающего, могут быть научной теорией. Такова точка зрения наших эмпирицистов по этой проблеме.

Придерживаясь этой позиции, они считают интуитивную теорию познания совершенно ненаучной. В противоположность эмпирической теории интуитивная теория утверждает: (а) познающий и познаваемое могут сливаться в одно целое; (b) даже для приблизительно точного познания объекта необходимо в некоторой степени слияние с ним; (с) полное слияние является единственным путем познания подлинной или истинной реальности; (d) поскольку подлинная реальность бесконечна — количественно и качественно, — постольку интуитивное знание о ней не может быть выражено никакими словами, понятиями, дефинициями, измерениями или иными внешними средствами общения (external means of communication) . Такое адекватное познание истинной реальности становится «неизъяснимым», «невыразимым», «не-

определимым» какими-либо словами или числами. Оно может быть лишь символизировано или, в исключительных случаях, интуитивно передано посредством слияния мысли общающихся (by merging the minds of the communicants).

<...> Слова, понятия, дефиниции, категории нашего мышления — такие, как время, пространство, субъект, объект, что, кто, причинность, и т. д. — пригодны для описания лишь определенной, конечной, различаемой ряби в бесконечном океане, но они неприменимы, не могут описать бесчисленные качественные и количественные свойства самого нерасчлененно целостного океана. Только полное слияние с океаном — Богом, Дао, Брахманом, Сверхдушой, Истинной Реальностью, coincidentia oppositorum (сосуществованием противоположностей, или совпадением противоречий), Неизъяснимым и т. п. может адекватно впечатлить многообразием бесконечности океана. «Сам Бог не знает, что Он представляет собой, потому что Бог не есть что» у И. С. Эриугены многозначительно отражает такое впечатление: категории что, кто, время, пространство, личность, дух-материя и т. д. неприменимы к Богу или к истинной реальности. Любое выраженное словами предложение, дефиниция, понятие, уравнение или теория определяет лишь одно из бесчисленных различий в беспредельном океане; никакое из них не может определить сам океан. Каждое словесное научное предложение проливает игольно тонкий луч света на бесконечно малую частицу безбрежного океана, но оно не освещает беспредельную тьму, которая окружает эту частичку. Эмпирическое описание является «пальцем, указующим на луну», но не описанием самой по себе луны.

<...> Поскольку любые эмпирические или логико-математические познания являются эксплицитно или имплицитно словесными познаниями, выраженными в словесных описаниях, понятиях, дефинициях, предложениях, уравнениях и теориях, постольку лишь в таких пределах словесные познания могут дать нам ограниченное представление о многих «частицах», окруженных тьмой. Они никогда не могут дать нам адекватного знания о самой по себе тьме. В этом смысле они представляют нам только тени реальных многомерных явлений, или знание о некоторых из кратковременно различаемых рябей в беспредельном океане. В этом предпосылка неадекватности, поверхностности и относительности чувственного и логико-математического знания.

<...> Но даже такое знание о ряби наши чувство-восприятие и логико-математическое рассуждение могут «предоставить» только при условии, если в процессе познания происходит пусть и несовершенная, но действительная идентификация познающего и познаваемого. В противном случае, если познающий и познаемое остаются совершенно чуждыми друг другу, взаимно внешними и не имеющими «линии связи» между собой, то невозможно достаточно близкое знание даже о ряби в океане: в этом случае не может быть ни тщательного наблюдения, ни точно-

го описания, ни хотя бы отдаленно адекватного логико-математического анализа.

<...> Как следствие такого «незначительного и несовершенного слияния познающего и познаваемого» в чувственном и логико-математическом познании, любое научное предложение всегда представляет собой «функцию двух переменных: свойств познающего и свойств познаваемого». Это противоположность утверждению эмпирицистов о том, будто научная теория является простым описанием свойств и отношений изучаемого объекта, не обусловленным никакими свойствами наблюдателя. Таковы, в черно-белых тонах, противоположные пункты господствующей эмпирицистской и интуитивальной теории познания. <...>

(Цит. по: П. Сорокин. Интегральная теория познания социальной реальности. Пер. Н. Серова // Реальность и субъект, 1998, № 2/3, с. 111-112)

* * *

Оглавление книги П. Сорокина «Fads and Foibles in Modern Sociology and Related Sciences» (Chicago, 1956)

Предисловие.

Глава 1. Потеря памяти и новые Колумбы.

1) Потеря памяти и комплекс первооткрывательства; 2) Причины амнезии и комплекса первооткрывательства.

Глава 2. Дефекты речи: невразумительный жаргон и псевдонаучный сленг.

Глава 3. Иллюзия операционализма.

1) Операционализм в естествознании; 2) Псевдооперационализм в психосоциальных науках.

Глава 4. Тестомания.

1) Эпоха тестократии; 2) Тестирование как всеобщий и извечный социальный процесс; 3) Недостатки современных психосоциальных тестов.

Глава 5. Причуда тестов умственных способностей.

1) Общие дефекты тестов умственных способностей; 2) Выявление несостоятельности тестов умственных способностей индуктивным методом.

Глава 6. Проективные и прочие психосоциальные тесты.

1) Проективные методы; 2) Индуктивное выявление несостоятельности проективных тестов; 3) Другие психосоциальные тесты.

Глава 7. Квантофрения.

1) Королева наук и культ нумерологии; 2) Псевдоматематика в современных психосоциальных науках; 3) Переписывание, извращение и контрабанда математических формул в психосоциальных науках; 4) Культ нумерологии; 5) Фиктивная квантификация нечисловых качественных данных.

Глава 8. Квантофрения (продолжение).

1) Математические модели; 2) Статистические методы; 3) Другие недостатки статистического метода; 4) Заключение.

Глава 9. Великий культ «социальной физики» и «психической механики».

1) Подделки (simulacra) «естественнонаучной социологии и психологии»; 2) Экспериментальный метод; 3) Новейшая «социальная физика» и физикалистская психология; 4) Кибернетические модели.

Глава 10. Чудесная страна социальных атомов и малых групп.

1) Поиски социальных атомов и элементарных частиц; 2) Социальный атом Морено; 3) Великий распад атомной коротышки; 4) Прогулки по чудесной стране «малых групп».

Глава 11. Предсказательность и научная теория.

1) Предсказательность как свидетельство обоснованности теории; 2) Ненадежность оснований предсказания; 3) Выводы.

Глава 12. Отживающая философия и теория познания современных психосоциальных наук.

1) Преобладающий обветшалый эмпирицизм; 2) Устарелость господствующей теории познания.

Глава 13. В тупике домыслов и негативизма.

1) Обманчивый объективизм современной социологии и психологии; 2) Негативистские склонности; 3) Возмездие (The Nemesis); 4) Из тупика на коронную дорогу интегральной социологии и психологии.

(Цит. по: П. Сорокин. Интегральная теория познания социальной реальности // Реальность и субъект. 1998, № 2/3, с. 99)

* * *

Из статьи Н. Серова «Питирим Сорокин о трех основных каналах познания», опубликованной в журнале «Реальность и субъект» (1999)

<...> Одну из многих своих книг «Причуды и слабости современной социологии» П. А. Сорокин заключил логически убедительным изложением представлений о путях преодоления кризиса социологического знания. За сорок с лишним лет они ничуть не утратили своей актуальности. Они заняли в книге две с небольшим страницы, поэтому целесообразнее привести их целиком, чем пересказывать. Вот перевод 4-го, заключительного параграфа последней, 13-й главы книги Сорокина «Fads and Foibles in Modern Sociology and Related Sciences» (Chicago, 1956); в квадратных скобках указаны номера страниц оригинала, в обычных скобках — варианты перевода некоторых терминов или их англоязычная версия).

«[с. 315] **4. Из тупика на коронную дорогу интегральной социологии и психологии.**

Творческое возрождение наших наук требует коренной перестройки господствующих концепций социологии и психологии. Центральная задача такой перестройки состоит в замене преобладающих несовершенных представлений о том, что образует психосоциальную реальность, о том, что составляет обоснованное знание о ней и о том, каковы методы ее познания, — более адекватными концепциями этих основоположений.

[с. 316] Преобладающие в психосоциальных науках воззрения предполагают, что психосоциальная реальность — это исключительно сенсорные (чувственные, sensory) явления; что адекватное знание о ней — это систематизированная совокупность предложений, описывающих сенсорные наблюдения, и что сенсорное восприятие во всех его формах — простое наблюдение, клиническое, экспериментальное, статистическое, — подкрепленное логико-математическим рассуждением, это единственный метод, каким может быть достигнуто познание всей психосоциальной реальности. Из этих предположений вытекают почти все характерные черты нынешней психосоциальной науки. Этими же предположениями обусловлены практически все ее несовершенства, обсужденные в данной книге.

Для творческого возрождения наших дисциплин эти неполноценные предпосылки должны быть замещены тем, что можно назвать интегралистской концепцией реальности.

В этой концепции психосоциальная реальность воспринимается как сложное многообразие, в котором мы можем различить по меньшей мере три аспекта: **сенсорный** (чувственный), **рациональный** (рассудочный, rational) и **сверхчувственно-сверхрациональный** (supersensory-superrational) (здесь и далее выделено мною. — А. А.). Сенсорный аспект присутствует во всех психосоциальных явлениях, которые могут быть восприняты нашими органами чувств. Рациональный аспект присущ всем рассудочным явлениям в психосоциальном универсуме: в логически и математически последовательных системах науки, философии, религии, этики, изящных искусств, вплоть до осознанно мотивированной деятельности индивида или группы. Сверхчувственно-сверхрациональный аспект проявляется в высшей творческой деятельности и в выдающихся произведениях гения в любых областях культурного творчества: в замечательных творческих достижениях гениального ученого, философа, основателя религии, великого законодателя, выдающегося апостола бескорыстной любви, гениального писателя, поэта, художника, скульптора, композитора, архитектора, и т. д. Ньютон и Галилей; Санкарачарья, Платон, Кант; Бетховен, Бах, Моцарт; Фидий, Микеланджело, Рафаэль; Гомер, Шекспир; Будда, Христос — все они и подобные им являются человеческими воплощениями сверхсознательного в психосоциальном мире.

Рассматривая таким образом многообразную психосоциальную реальность, интегралистская концепция знания о ней охватывает адекватное знание не только о сенсорном аспекте этой реальности, но и о ее рассудочном и сверхчувственно-сверхрациональном аспектах.

В соответствии с этим интегральная наука утверждает, что такая многогранная реальность познаваема не только через канал сенсорного восприятия-наблюдения, но также через канал рассудочной логико-математической мысли и через канал сверхчувственно-сверхрациональной интуиции. Чувственным каналом следует пользоваться в основном для познания сенсорных явлений; рациональным каналом — для познания явлений рассудка; а интуитивным каналом — для познания сверхрационально-сверхчувственных ноуменов психосоциального мира.

[с. 317] В целом **адекватное знание о психосоциальной реальности требует согласованного использования всех трех каналов**. Именно это дает нам знание о всех трех аспектах нашей реальности, тогда как пользование только одним из них обеспечивает знание лишь об одном аспекте. При интегрированном использовании всех трех каналов знание, получаемое через один из них, **дополняется и проверяется** знанием из других двух каналов. Такая взаимная проверка является дополнительной гарантией против ошибок одноканального знания и важным обеспечением более полной обоснованности нашего познания. История человеческого знания полна неверных наблюдений, ложных суждений и обманчивых интуиций. Взаимная проверка знаний, получаемых по разным каналам, уменьшает подобную угрозу.

Такова вкратце **интегралистская концепция психосоциальной реальности, адекватного знания о ней и методов ее познания**.⁷

⁷ Здесь Сорокин отсылает к развернутому изложению теории интегралистской системы реальности, истины и познания в других его книгах: Social and Cultural Dynamics, 1937-41; Sociocultural Causality, Space, Time, 1943; The Way and Power of Love, 1954. (Примеч. Н. Серова).

Понимаемое таким образом интегральное изучение психосоциального мира охватывает все главные методы исследования и постижения психосоциальной реальности: **эмпирический, логико-математический и интуитивный**. Каждый из этих методов предназначен для изучения соответствующего ему аспекта интегральной реальности: для познания эмпирического аспекта правомерен эмпирический метод во всех его вариантах; для познания рационального и сверхрационального аспектов пригодны логико-математический и интуитивный методы исследования и постижения; наконец, для интегрального познания целостной, "трехмерной" психосоциальной реальности должна использоваться объединенная система всех трех главных методов. Во всех этих отношениях интегральный подход к пониманию психосоциального мира более полон и более адекватен, чем любой из обособленных методов познания.

Преобладающей ныне эмпирической психосоциальной наукой получен, особенно на протяжении XVI, XVII, XVIII и XIX-го веков, значительный объем знания о человеке и его социокультурном мире. Отчасти поддерживаемая логико-математическим методом, эта эмпирическая наука напряженно трудилась несколько столетий. К настоящему времени она исчерпала свои силы, стала до некоторой степени невротичной и менее продуктивной. Она нуждается в неотложной, намного более существенной помощи со стороны двух других методов познания. Это означает, что требуется **теснейшая кооперация и объединение всех трех методов в единую интегральную концепцию реальности, интегральную систему истины и интегральный метод познания**. Только таким интегральным путем можно **вывести психосоциальную науку из тупика на коронную дорогу обновления социологии и психологии**. (*Sorokin P. A. Fads and Foibles in Modern Sociology and Related Sciences, Chicago, 1956*)».

<...> В кратком обосновании интегралистской концепции познания Сорокин не затронул краеугольную проблему соотношения реальности и сознания исследователя как носителя тех или иных познавательных установок. Это не означает, однако, что вне его внимания осталась «погруженность» индивидуального и преемственно-коллективного сознания исследователей в ту самую психосоциальную реальность, которую оно стремится познать. Его теория интегралистской системы реальности, истины и познания, возникшая в 1920-е годы, явилась его жизненным кредо и им же до 1968 г. подвергалась самокритичной проверке, уточнению, дополнению.

<...> В 1957 г. Сорокин изложил один из вариантов своей интегралистской теории в пересмотренном и сокращенном до одного тома издании «Социальной и культурной динамики» (*Sorokin P. A. Social and Cultural Dynamics, Boston, 1957*).⁸

<...> Интегральная теория оснований знания в ее развернутом виде, возможно, вберет в себя, наряду с другими, какие-то из элементов <...>, по неодобрительному перечислению Сорокина, «интерпретаций человека и всех ценностей "физикохимически", "биологически", "рефлексологически", "эндокринологически", "бихевиористически", "психоаналитически", "механистически", "материалистически", как совокупности атомов и электронов-протонов...». Однако есть основания ожидать, учитывая подчеркнутую самим же Сорокиным органичность синтеза в интегралистской концепции противоречивых элементов Идеационального *[исходящего из признания сущ-*

⁸ См. *Сорокин П.* Социальная и культурная динамика. Исследование изменений в больших системах искусства, истины, этики, права и общественных отношений / Пер. с англ. В. Сапова. СПб.: РХГИ, 2000. 1056 с.

ности реальности — сверхсенсорной. — А. А.] и Чувственного [исходящего из признания сущности реальности — сенсорной. — А. А.] умонастроений, что итогом синтеза не станет «...совокупность атомов и электронов-протонов с запутанными в их огромной бездушной паутине человеческими роботами».

Скорее можно надеяться на то, что интегрирование нынешних искусственно обособленных друг от друга естественнонаучных, технологических и гуманитарных знаний о человеке и его истинном месте в «окружающем мире» послужит более полному выяснению пока еще далеко не в исчерпывающей мере раскрытых созидательных и вообще приспособительных возможностей человеческого сознания — на уровне личности и, особенно, на уровне глобального сверхорганизма или, в терминах В. И. Вернадского, ноосферы.

Н. Серов

(Цит. по: Реальность и субъект, 1999, № 1/2, с. 73-74, 81)⁹

Ремарка: движение мировой научной мысли.

Стоит обратить внимание на даты: 1956 — выход в свет «Причуд и слабостей современной социологии и родственных ей наук» П. Сорокина; 1958 — «Личностное знание» М. Полани. А в 1959 г. вышла в свет книга Ч. Р. Милса «Социологическое воображение».¹⁰ То, что было ранними прозрениями у А. Ухтомского и у некоторых других мыслителей первой половины XX века (здесь в первую очередь следует назвать Альберта Швейцера)¹¹, получило программную разработку во второй половине минувшего столетия. Ныне движение социально-философской мысли и гуманитарно-научной практики в этом направлении ширится. (Декабрь 1999 — июнь 2003).

...Все эти — далеко не общепризнанные! — соображения о потенциальном (актуальном?) «тождестве субъект-объекта» (А. Ухтомский), о «знании как переживании мира» и внутренней связи «познающего субъекта с миром» (А. Швейцер), о «страстном вкладе познающей личности» во всякий акт познания (М. Полани), наконец, о «действительной идентификации познающего и познаваемого» (П. Сорокин) являются для нас важнейшей эпистемологической предпосылкой...

Автоцитата (из «Предисловия» к тому 1 настоящей книги. 2003)

* * *

От автора — сегодня

Диспут между «интуитивистами» и «рационалистом»

Следует, пожалуй, оговорить, что в представленных выше эпистемологических подходах (А. Ухтомский, М. Полани, поздний П. Сорокин), не

⁹ См. также: Джеффрис В. Интегрализм П. А. Сорокина: новая общественная наука и реконструкция общества // Социологические исследования, 1999, № 11. Стоит заметить, что в пору критического переосмысления им мирового опыта социологии и разработки интегралистской теории познания психосоциальной реальности (50-е гг. минувшего века) П. Сорокин довольно далеко отошел от эпистемологических позиций эмпирического позитивизма — направления, к которому сам себя ранее относил (см. Новейший философский словарь. Минск: Изд. В. М. Скакун, 1998, с. 641).

¹⁰ См. о ней ниже, в главе 24.

¹¹ См. в томе 1 настоящей книги: раздел 6.3, а также приложение 1 к главе 6.

сводимых друг к другу, однако равно подчеркивающих ограниченность рационализма как когнитивного принципа и стратегии познания, сама трактовка рационализма является существенно более узкой, чем у таких рационалистов, к каковым относил себя, например, А. А. Любищев.¹²

«...Последовательный рационализм и заключается в признании единственного принципа — следования разуму с отрицанием самостоятельного значения за всеми другими принципами. Я себя причисляю к таким рационалистам...» (Любищев А. А. Мысли о многом. Ульяновск, Ульяновский гос. педагогический университет, 1997, с. 16).¹³

Ныне опубликованы материалы переписки Любищева с его друзьями и многолетними корреспондентами П. Г. Светловым и Б. С. Кузиным, остро полемизировавшими с ним по поводу его акцентуированного рационализма. Из письма П. Светлова¹⁴:

«...Познание не обязательно результат рационализации. Знание имеет множество источников и рефлектирующий разум — лишь один из них... За пределами применимости разума пролегал огромный океан своего рода, о котором нам дают понятие внеразумные источники знания, каковые служат и фундаментом разумного...» (Цит. по: Баранцев Р. Г. О духовном наследии А. А. Любищева // Реальность и субъект, 1999, № 1/2, с. 155).

Из ответа Любищева на это письмо:

«...Я... чувствую себя в одной компании с Эйнштейном, Эддингтоном, Гейзенбергом, Шредингером, Вейлем...

...Все они — рационалисты, как и Кант: религия в пределах чистого разума: а глубоко религиозные люди, как наш покойный друг В. Н. Беклемишев и ты, интуитивисты. Вот этого у меня нет и потому я совершенно бессилена в размышлениях на темы религии в духе, например, П. А. Флоренского... Но я высоко ценю все разумное, что дала, в частности, христианская религия. Проповедь любви и учение о Логосе, данное апостолом Иоанном, интернационализм апостола Павла и то критическое отношение, которое дано в поведении апостола Фомы» (Там же).

Или вот что писал Любищеву Б. С. Кузин¹⁵ (1951):

«...Меня просто пугает Ваше преклонение перед разумом... Я думаю, что разум, конечно, очень важное и очень высокое качество. Но он ужасен в человеке, если составляет единственную его добродетель. Всякие попытки утвердить культ разума неизбежно влекли за собой жестокость и фальшь,

¹² Александр Александрович Любищев (1890–1972) — биолог, ученый-энциклопедист, мыслитель. См. о нем подробно ранее, в томе 1 настоящей книги: раздел 6.5, приложение 3 к главе 6 и другие разделы.

¹³ В другом месте: «Исходя из моего основного принципа последовательного рационализма следует признать, что разум дает возможность оправдать все этические, политические и прочие критерии. Разум есть не только высшая, но и единственная добродетель человека...» (Там же, с. 29). Обе цитаты из письма к дочери (Е. А. Равдель), от 16.12.49. При том, что заявленный тезис подробно аргументируется Любищевым, его трудно считать бесспорным.

¹⁴ Павел Григорьевич Светлов (1892–1974) — член-корреспондент Академии медицинских наук, доктор биологических наук.

¹⁵ Борис Сергеевич Кузин (1903–1973) — доктор биологических наук.

губительные для искусства. Голый разум — чудовище, быть может, еще более ужасное, чем чистое безумие. Величие человека состоит не в том, что он разумен, но что он разумен, морален и способен воспринимать прекрасное» (Цит. по: Любичев А. А. Мысли о многом..., с 33).

Из ответа Любичева (19.09.51):

«...Я думаю, что Ваше негодование проистекает только из неправильного понимания разума и морали. Можно ли построить мораль независимо от разума?.. Какое положение морали Вы сможете выдвинуть, чтобы оно приводило к хорошим результатам независимо от критики разума? Любая добродетель, не контролируемая разумом, приводит к смешным или преступным поступкам... И, конечно, гораздо больше жестокости внесено в мир вследствие неограниченного проведения моральных доктрин, чем вследствие неограниченного господства разума... **Подлинно разумный человек всегда склонен к терпимости...**» (Там же, с. 34-35)¹⁶

Как отмечает Р. Г. Баранцев в своем предисловии к изданным в 2000 г. трудам А. А. Любичева на тему «Наука и религия»,

«...многослойный рационализм Любичева далеко выходит за рамки классического идеала (здесь и далее выделено мною. — А. А.)... и представляет интереснейший объект для современных охотников расширенного толкования этого понятия. Склоняясь к пантеистическому мировоззрению, Любичев стремится к высшему синтезу Истины, Красоты и Добра на пифагорейском пути в развитии культуры. Не случайно в своей работе он приводит слова А. Эйнштейна: «Все религии, искусства и науки являются ветвями одного дерева"...» (Баранцев Р. Г. На пути к единому знанию / А. А. Любичев. Наука и религия. СПб.: Алетейя, 2000, с 10).¹⁷

Нетрудно предположить, что А. А. Ухтомский (см. выше: раздел П.23.1) скорее солидаризировался бы с П. Г. Светловым и Б. С. Кузиным, чем с А. А. Любичевым, в их дискуссии о рационализме. Что же касается автора настоящей книги, то моя позиция в данном вопросе, пожалуй, все же ближе к Ухтомскому и к Полани, чем к Любичеву.

Однако не стоит так уж абсолютизировать мировоззренческие заявления мыслителей (иногда заостренные полемически)...

И Любичев был вовсе «не только» рационалистом... Иначе вряд ли мог бы состояться необыкновенный «феномен Любичева», во всем разнообразии, богатстве и величии его творческого жизнеосуществления... И Ухтомский, конечно же, делал свои выдающиеся открытия в области физиологии нервной системы и т. п. — вовсе не (только...) на «иррациональной» основе. И так далее...

Отмеченные «рассогласования» (противоречия...) лишь подтверждают ту всеобщую, как мне кажется, закономерность, что целостная Личность,

¹⁶ См. также: Знание и вера. Из переписки А. А. Любичева с П. Г. Светловым / Любичев А. А. Наука и религия. СПб.: Алетейя, 2000; Наука — искусство — мораль. Из переписки А. А. Любичева с Б. С. Кузиным / Там же.

¹⁷ См. об этом также ранее, в томе 1 настоящей книги: приложение 3 к главе 6.

«Лицо», человеческий «Гений» — неизбежно «шире», «глубже», «богаче» лобой декларации или «символа веры».

Характерен в этой связи обмен репликами П. Светлова и А. Любичева в их переписке. Вот «интуитивист» Светлов пишет «рационалисту» Любичеву по поводу только что прочитанной рукописи последнего — «Наука и религия» (письмо от 21.11.69):

«...Не скрою своего сожаления о том, что у тебя осталось почти неза-
тронутым то, что я бы назвал нутром вопроса о соотношении науки и ре-
лигии. Я имею в виду соотношение между научным и религиозным сознани-
ем, т. е. между знанием и верой.

...Я далек от мысли упрекать тебя за то, что ты ограничил план своей
работы взаимоотношениями науки и религии как общественных явлений,
сделав центром внимания пользу и вред, приносимый ими друг другу. Вышло
здорово: бесчисленные нападки на религию, как на врага науки, оказались
разбитыми вдребезги. Замечательно, что это сделано безбожником! (Только
во имя справедливости)...» (Цит. по: Любичев А. А. Наука и религия...,
с. 314-315).

Из ответа Любичева П. Г. Светлову (22.12.69):

«...Ты пишешь, что с поставленной мной задачей я справился хорошо, и
за это большое тебе спасибо. Напрасно ты только называешь меня безбож-
ником, ведь в одном из предыдущих писем ты меня причислил к религиозным
людям...» (Там же, с. 316).

Далее Любичев вспоминает апостола Фому:

«...Фома — наиболее критически мыслящий из всех апостолов. По пора-
зительному совпадению имя Фомы носят три выдающихся мыслителя: Фо-
ма Аквинат, Кампанелла и Мор. Если угодно, моя работа «Наука и рели-
гия» проникнута духом апостола Фомы...» (Там же).

Заметим еще, что всякого мыслителя следует воспринимать не изоли-
рованно, а в контексте его ближнего круга общения и культурной среды.

Еще раз соглашусь с Рэмом Баранцевым, пишушим в своем предисловии
к избранным трудам Любичева о религии и науке:

«...Рациональность Любичева, эстетичность Кузина и духовность
Светлова в своем единстве образуют ту ноосферную целостность, кото-
рая достойным образом завершает эту книгу...»¹⁸ (Баранцев Р. Г. На пути
к единому знанию / Любичев А. А. Наука и религия..., с. 10).

Спор между «интуитивистами» (типа Светлова или Кузина) и «рацио-
налистами» (типа Любичева) неисчерпаем, однако плодотворен — когда
он (вот как у них!) ведется на принципах равноправного и дружественного,
взаимоуважительного диалога, с «доминантой на Лицо другого» (Ухтом-
ский).¹⁹ (Июнь 2000 — май 2005).

¹⁸ Имеется в виду то обстоятельство, что книга завершается извлечениями из переписки Лю-
бичева со Светловым и Кузиным.

¹⁹ К теме диалога, «автодиалога» и «критического плюрализма» в науке (кстати, на примере
именно А. А. Любичева) еще вернемся во «Вместо заключения» к настоящей книге.

П.23.4. Из истории гуманистической (интерпретативной) социологии

П. 23.4.1. Первая школа качественных исследований в социологии

[Ниже — краткий обзор истории *Чикагской школы*, воспроизводимый мною из учебника В. В. Семеновой «Качественные методы: введение в гуманистическую социологию» (М., 1998)²⁰. — А. А.]

<...> О тесной связи практики качественных исследований с теоретическими традициями субъективной или гуманистической социологии свидетельствует история отдельных научных школ.

Становление качественной парадигмы закономерно связывают прежде всего с Чикагской школой 20—30-х годов и именами У.Томаса и Ф.Знанецкого. В действительности, эта школа представлена более широким кругом имен и интересов.

<...>Чикагский университет в период между двумя мировыми войнами занимал ведущее положение в американской социологии и воспитал большое количество студентов, впоследствии ставших значимыми фигурами. Активной деятельности университета способствовало, с одной стороны, теоретическое влияние символического интеракционизма [Дж. Мид (1863-1931). — А. А.] и гуманистической мысли, с другой — напряженная социальная ситуация самого Чикаго: быстро растущего города с рядом острых социальных проблем (миграция, приток населения из других городов), требовавших нестандартных научных решений.

По словам Р. Парка, город был социальной лабораторией для применения новых методов и аспектов анализа. Предметом детального изучения стали различные территории города и отдельные группировки: районы пригорода, приюты, негритянские семьи, еврейские гетто, эмигрантские сообщества. Эти исследования первоначально относили к этнографической традиции. Однако интеракционистская ориентация социологов постепенно скорректировала их интересы в сторону проблем конструирования идентичностей, изучения социального взаимодействия, образа «я» своими глазами и с точки зрения других. Такой интерес подкреплялся также теоретическими работами самих представителей Чикагской школы: У. Томаса, Дж. Мида, Р. Парка, Х. Беккера.

По более позднему высказыванию Ф. Знанецкого, основным направлением практической деятельности Чикагской школы того времени можно считать построение моделей успешного поведения (Американская социологическая мысль. Мертон Р., Мид Дж., Парсонс Т., Шюц А. Тексты. М., 1996, с. 53). Они рассматривались на примере успешности адаптационного поведения мигрантов: как соотношение инновационного и традиционного аспектов деятельности; как проблемы маргинального поведения и т.д. Фокусом интереса исследователей были прежде всего взаимоотношения в группе, индиви-

²⁰ Докт. социол. наук Виктория Владимировна Семенова работает в Институте социологии РАН. Среди ее трудов укажем также на написанную ею главу 6 («Качественные методы в социологии») в книге: В. А. Ядов, в сотрудничестве с В. В. Семеновой. Стратегия социологического исследования. Описание, объяснение, понимание социальной реальности. М.: Добросвет, 1998.

дуальное и групповое. Поэтому для их изучения использовались преимущественно качественные методы.

Характерным было рассмотрение проблем в рамках пространственных и временных ограничений (экосистемное исследование города Роберта Парка (там же, с. 71) или исследование психологии кризисного сознания, что также является чертой качественного метода.

Под руководством Р. Парка и Э. Берджеса на социологическом факультете в течение ряда лет издавались книги по методике изучения истории жизни, использованию дневников и писем (1923-1925), а также материалы научных дискуссий по методике интервьюирования (А. Богардус, 1926).<...>

[Здесь и далее мною опущены библиографические ссылки на первоисточники. — А. А.]

О технике кейс-стади Э. Берджес писал, что этот метод для социологии имеет ту же ценность, что и микроскоп для биологии <...>. Позднее он отмечал, что не видит противоречия между применением статистики и кейс-стади в социологическом исследовании, считая, что оба метода должны иметь равное признание и быть равноправными средствами исследования для каждого социолога <...>. Он подтверждал это высказывание своей практикой, применяя оба подхода в своем проекте по семье, включавшем 1000 семейных пар.

Следуя призыву своих лидеров «покинуть кабинеты и выйти в поле», в этот период в Чикагском университете проводится ряд крупных исследований <...>

В области криминологии Клиффорд Шоу обсуждает проблемы кейс-стади (1927) и собирает вместе с Берджесом ряд историй жизни для своей известнейшей трилогии о Джеке Роллере <...> («Естественная история карьеры преступника» — 1931; «Братья-преступники» — 1938).

Многие издания Чикагского университета того времени построены на использовании личных документов: «Профессиональный вор» Э. Сатерленда (1927) <...> и «Самоубийство» Кэвена (1928) <...> построены на дневниках. Проект «Банда» Трашера (1926) использует фотографии, Зорбах в своем исследовании «Золотой берег» опирается на дневники наблюдения <...>.

<...> Методологический вклад Чикагской школы в развитие качественных исследований состоял в развитии трех основных направлений:

— Представление о жизни как конкретном опыте, полном субъективных переживаний и противоречий, как жизни, имеющей конкретное тело и душу; жизни, основным наполнением которой является разрешение проблем.

— Реалистическое представление о течении индивидуальной жизни: не как о статической, единомоментной, а протяженной во времени, имеющей начало и конец, представление о жизни как потоке — то, что называется «потоком жизни».

— Понимание жизни маргиналов и отверженных как частного опыта, отличающегося от одобряемого и общепринятого; их голоса обычно не могут быть услышаны при использовании массовых статистических процедур.

Впоследствии, в 40-е годы, Чикагская школа распалась. Частично из-за того, что была подвергнута критике со стороны позитивизма, частично из-за того, что многие ее теоретики ушли со сцены.

<...> Опыт Чикагской школы, а также других научных школ демонстрирует, что развитие гуманистической социологии как теоретической традиции неотделимо от практики: нестандартные социальные проблемы, требующие поискового подхода, стимулируют развитие теоретических школ, а практика обогащается за счет расширения набора методов. <...>

(В. В. Семенова. Качественные методы: введение в гуманистическую социологию. М.: Добросвет, 1998, с. 70-78).

П.2.3.4.2. «Границы социологического познания пролезают там, где кончается интерес или изобретательность социолога...»

[Ниже — извлечения из некоторых работ зарубежных и отечественных авторов, посвященных феноменологическому направлению в социологии. — А. А.]

Из книги «Новые направления в социологической теории» (1972; рус. пер. 1978)²¹

<...> Мир, на который направлено интенциональное сознание, Гуссерль называет «жизненным миром». К жизненному миру принадлежим все мы в нашей донаучной естественной установке; он является основой всех значений для всех наук, а также для феноменологии. Таким образом, жизненный мир — это наша непосредственная «интуитивная среда», где, по словам Шюца, «мы, как человеческие существа среди себе подобных, переживаем культуру и общество, определенным образом относимся к окружающим нас объектам, воздействуем на них и сами находимся под их воздействием» <...>. Кроме того, жизненный мир рассматривается Гуссерлем как «интерсубъективный» мир, и именно в понятии интерсубъективности кристаллизуются возможности более тесного союза между феноменологией и социологией. <...> Хотя сам Гуссерль несколько неопределенно высказывался о роли понятий жизненного мира и интерсубъективности в своем творчестве, придавая им главное значение лишь в более поздних своих работах, в трудах Альфреда Шюца они несомненно занимают центральное место. Именно Шюц показал значение феноменологии для социологии. Понятие интерсубъективности раздвинуло границы феноменологической критики и обеспечило основу для ее применения ко всем наукам о человеке.

<...> Шюц [*Альфред Шюц (1899-1959)*. — А. А.], выявив возможность связей между социологией и феноменологией, показал, как изучение естественной установки прямо ведет к социологическим проблемам. Социологию интересует не трансцендентальное, а сфера мирового опыта — интерсубъективный мир повседневной жизни.

<...> Феноменология выводит социологическое знание из тупика естественно-научных моделей исследования на путь превращения социологии в специфически **гуманитарную** науку, сосредоточившую внимание на осознании человеком самого себя и социального мира. Отказ от естественнонауч-

²¹ О книге группы молодых (в 70-х гг. минувшего века) английских социологов (Д. Силвермана, Д. Уолша, М. Филипсона и П. Филмера), горячих приверженцев феноменологической социологии, — «New Directions in Sociological Theory», изданной в переводе Л. Г. Ионина на русском языке в 1978 г., см. также ранее: раздел 23.2.

ных моделей требует нового, человеческого критерия обоснования теоретических построений, и феноменологическая социология выдвигает такой критерий: адекватность социологических интерпретаций устанавливается путем возвращения их обратно в тот мир, из которого они происходят.

<...> Согласно распространенному, но ошибочному взгляду, феноменологическая социология является «микросоциологией», ограничивающейся изучением «прямых» взаимодействий и игнорирующей традиционные социологические проблемы, связанные с понятием «социальной структуры». Если под «микро» понимается исследование того, как конкретные люди в конкретных социальных обстоятельствах совместно конструируют свои социальные миры, то ярлык правильный. Однако на самом деле предполагается нечто иное: «микро» в данном контексте означает узость интересов и озабоченность «мелкими» проблемами. Ярлык приклеивается с целью выдать феноменологическую социологию за некоего отпрыска социальной психологии или теории малых групп и нейтрализовать тем самым угрозу корыстным интересам социологической традиции.²²

<...> С точки зрения феноменологической социологии нельзя считать второстепенными такие выдвигаемые ею проблемы, как порождение, сохранение, уточнение и усвоение смысла «социальной структуры». Это центральные проблемы социологии. Область социологического анализа простирается всюду, где только может быть обнаружен и исследован постоянный процесс осмысленного созидания индивидами «социальной структуры». Поскольку значение наличествует везде, где есть живые люди, будь то социологи или просто члены общества, границы социологического познания пролегают там, где кончается интерес или изобретательность самого социолога, или же там, где в дело вмешиваются чуждые науке политические мотивы. Это единственные границы предмета эмпирической социологии, ориентированной на проблему знания. Делая упор на эмпирический характер социологического анализа, феноменология подчеркивает, что если вы не можете получить данные, если не можете получить доступ, если не можете исследовать конструкцию значений и, следовательно, предложить реконструкцию, то вам, в сущности, нечего сказать. Любая интерпретация в таком случае будет лишь спекуляцией в рамках обыденного сознания.

(М. Филлипсон. Феноменологическая философия и социология / Новые направления в социологической теории. М.: Прогресс, 1978, с. 213-214, 216, 270-271)

* * *

Из книги Х. Абельса «Интеракция, идентификация, презентация. Введение в интерпретативную социологию» (1999)

<...> Шюц соединяет концепцию жизненного мира Гуссерля с понимающей социологией Макса Вебера. Он пишет:

²² Цитируемая здесь работа относится к тому периоду, когда феноменологическое направление в социологии еще вынуждено было отстаивать свою суверенность и значимость. Отсюда — некоторая запальчивость «молодых английских социологов». Ныне эта конфронтация в полемике «неклассики» и «классики» в мировой социологии существенно поубавилась.

«Науки об истолковании и объяснении человеческого действия и мышления должны начать с описания базовых структур донаучного знания, которое является само собой разумеющейся реальностью для людей с естественной установкой. Эта реальность представляет собой повседневный жизненный мир».²³

Человек принимает в этом мире постоянное и неизбежное участие. Это тот мир, к которому человек постоянно ощущает свою причастность, и одновременно это тот мир, в котором он постоянно живет вместе с другими людьми. Как это возможно, будет показано в дальнейшем, а сейчас нам необходимо выяснить, как человек находит свой путь к такой реальности. В этой связи следует воспользоваться несколько иным определением понятия жизненного мира:

«Под повседневным жизненным миром понимается та область реальности, которая свойственна в качестве простой данности нормальному бодрствующему взрослому человеку в здравом рассудке. Простой данностью мы называем все, что переживаем как несомненное, то есть любое положение дел, которое до поры до времени является для нас непроблематичным».²⁴

В этом определении жизненный мир предстает как «не подлежащая сомнению основа естественного мировоззрения». Каким образом человек приходит к своему естественному мировоззрению? В этом заключается основной вопрос феноменологии.

<...> Цель феноменологического анализа социальных явлений заключается в исследовании того, как человек шаг за шагом организует социальную реальность. В этом заключается «просветительская» функция феноменологической социологии: она стремится изучить не только рутину повседневного мышления и его «святую простоту»²⁵, но и «ложное сознание» — то есть власть идеологии в широком смысле этого слова. Поэтому феноменологическая социология — это скорее нечто вроде **протосоциологии** [выделено мною]. — А. А. J. <...>

(Абельс Х. Интеракция, идентификация, презентация. Введение в интерпретативную социологию. СПб.: Алетейя, 1999, с.73-74, 98-99)

* * *

Из книги «Новые направления в социологической теории» (1972; рус. пер. 1978)

<...> В своих «Исследованиях по этнометодологии»²⁶ Гарфинкель попытался, как мне кажется, установить в целях социологического анализа существование значимого, конечного и нередуцируемого уровня социальной реальности <...>. Главное достижение его этнометодологии состоит в выработке основ содержательного социологического анализа повседневной жизни.

<...> Истинной задачей этнометодологии становится <...> анализ процессов объективизации первого порядка, то есть способов, используемых

²³ Schütz A., Luckmann T. Strukturen des Lebenswelt. Bd. I. Neuwied, 1975, S. 23.

²⁴ Ibid.

²⁵ Abels H., Stenger H. Gesellschaft lernen. Opladen, 1989, S. 56.

²⁶ Garfinkel H. Studien in Ethnometodologie. Prentice-Hall, Englewood Cliffs, New Jersey, 1967.

участниками для обеспечения рациональности и описуемости их повседневного опыта. Другими словами, **этнометодологическая социология — это социология повседневной жизни** [здесь и далее выделено мною. — А. А.]. И задачей социологов-профессионалов, экстатически относящихся к социальному миру, то есть не приемлющих на веру то, что приемлют их «бытовые коллеги — члены коллектива, становится **раскрытие молчаливо подразумеваемых общих предпосылок**, которые, как предполагается, придают повседневной жизни ее упорядоченный характер. Это будет одновременно признание и исследование ими их собственного участия в мире здравого смысла и в его конструировании как реальности. Они смогут представить и проанализировать опыт социальных взаимодействий более осмысленно, чем это можно сделать при помощи формальных абстрактных терминов традиционной социологии. Они будут, как утверждает Гарфинкель <...>, стремиться к **«открытию формальных свойств будничных практически основанных на здравом смысле действий “изнутри” действительных контекстов как текущей реализации этих контекстов»**. <...>

(Д. Силвермен. Об этнометодологии Гарольда Гарфинкеля / Новые направления в социологической теории. М.: Прогресс, 1978, с. 331, 350-351)

* * *

Из книги В. Семеновой «Качественные методы: введение в гуманистическую социологию» (1998)

<...> В исследовании повседневности Г. Гарфинкель предложил два новых подхода. Первый — **анализ разговоров**, или **конверсационный анализ**, — предполагает исследование способов организации разговорного общения в разных средах и выделяет такие составляющие, как **индексность разговора** (indexical expressions) — т. е. сиюминутные смыслы, нюансы значений, придаваемые речевым конструктам в зависимости от контекста высказывания), а также **процесс интерпретации** как работа участников общения по расшифровке этих смыслов.

Особое внимание Г. Гарфинкель уделяет **непроговоренным, подразумеваемым и умалчиваемым** аспектам социального взаимодействия. Отсюда его второй подход — использование **провокационной стратегии**. Она базируется на прерывании привычных форм взаимодействия для выяснения социального порядка, по поводу которого участники общения обычно не рефлексиируют.

Г. Гарфинкель так излагает суть своей исследовательской стратегии:

«Я предпочитаю начать исследование со знакомства с обычными ситуациями протекания процесса и посмотреть, что можно сделать, чтобы нарушить его. Какие действия надо совершить, чтобы нарушить заведенный автоматический ход вещей в данном окружении; чтобы внести смятение; чтобы произвести социально спровоцированный эффект волнения, стыда, вины или раскаяния; чтобы начались дезорганизованные взаимодействия, которые бы рассказали нам что-то о том, как организованы и воспроизводятся структуры повседневной деятельности в обычном порядке, в процессе каждодневной рутины» (Garfinkel H. Studien in Ethnometodologie. Englewood Cliffs. N.-Y.: Prentice-Hall, pp. 37-38). <...>

(В. В. Семенова. Качественные методы. Введение в гуманистическую социологию. М.: Добросвет, 1998, с. 67)

Ремарка: «провокативные» ситуации = «моделирующие» ситуации?

Последнюю цитату из Г. Гарфинкеля в пору было бы поставить одним из эпиграфов к «Письмам-дневникам» социолога-рабочего начала 80-х гг. (см. в томе 1 настоящей книги: главы 2 и 3) или к истории о «Серее-штрейкбрехере» (см. в томе 1: раздел 5.5).

В первом случае своеобразной провокацией со стороны «социолога-наладчика» было не что иное, как инициативная попытка заинтересованного, компетентного и ответственного выполнения своих **прямых** производственных обязанностей (обеспечение запуска нового станка и т. п.).

Во втором же случае (индивидуальная «забастовка» наладчика ПКР и т. д.) своего рода провокативным действием явилось, напротив, **прерывание** некоторого нового (установившегося в итоге первой, долгосрочной «провокации») порядка и резкий возврат к «естественному» ходу вещей (что реализовалось, в частности, в производственном поведении «Серее»).

Обе ситуации были: в наших терминах — «моделирующими», а в терминах Г. Гарфинкеля — пожалуй — «провокативными»... (Декабрь 1999 — июнь 2003)

П.23.5. О драматургической социологии (Ирвинг Гофман)

[В 80-х гг. изобретателю «драматической социологии», как, пожалуй, и большинству советских социологов, о «драматургической социологии» Ирвинга Гофмана (1922-1982), несмотря на ее чрезвычайную популярность на Западе, ничего не было известно.

Ниже — извлечения из очерка социологии И. Гофмана, представленного в недавно переведенной у нас книге немецкого социолога Х. Абельса. — А. А.]

Из книги Х. Абельса «Интеракция, идентификация, презентация. Введение в интерпретативную социологию» (1999)

<...> Что и как делает Гофман? Смещение перспектив

Карл Маннгейм в одном из своих произведений рассказывал, что он иногда посылал своих лондонских студентов наблюдать за людьми на улицах (Dahrendorf R. Vorwort / Goffman E. Wir alle spielen Theater. München, 1991, S. VII), а потом они рассказывали ему все, что видели. Насколько нам известно, Гофман никогда не давал никому подобных заданий, хотя его тоже интересовала обыденная повседневная жизнь. Он сам вел все наблюдения и делал описания, опираясь лишь на свою неистощимую выдумку по поводу того, где и как следует наблюдать и анализировать повседневную жизнь. Немецкий социолог Г. Освальд называет Гофмана

«...одержимым писателем-социологом с выдающейся способностью исследовать самые сокровенные, обыденные и банальные стороны жизни и обнаруживать в них нечто необычное, приключенческое и волнующее» (Oswald H. In memoriam Erwing Goffman // Kölner Zeitschrift für Soziologie und Sozialpsychologie. 1984. Die Nummer, S. 211).

Ральф Дарендорф в предисловии к первой книге Гофмана, опубликованной в Германии, высоко оценил его способность интерпретировать всем нам знакомую повседневную жизнь. Он пишет:

«Гофман является, конечно, мастером интерпретации с таким глубоким чутьем, которое редко встречается в истории социальных наук. Не случайно, что первым автором, которого вообще цитирует Гофман, является Георг Зиммель. У него мы находим схожий талант прояснять наблюдаемую реальность через обнаруженные в ней структуры; здесь мы находим схожий смысл в по-видимости различающихся деталях» (*Dahrendorf R. Vorwort...*, S. VIII).

Дарендорф отмечает способность Гофмана к осмыслению очевидного абсурда (*Ibid.*, S. VII), и этот интерес к абсурду возникает лишь от того, что абсурд формирует наши основные представления о нормальности. Например, он так поясняет свой интерес к уголовным преступникам:

«В отношении уголовников главное не то, какие преступления они совершают и почему... Главное — свет, который проливает контраст их социального положения с нашим на то, что делаем мы» (*Goffman E. Das Individuum im öffentlichen Austausch. Frankfurt am Main, 1982, S. 344, Anm.*). Благодаря методу максимального контраста можно обнаружить условия социальной нормальности. Представитель альтернативной социологии А. Гулднер в этой связи справедливо заметил, что идеально-типическая методология Макса Вебера тоже является «сравнительным методом», который «основан на исследовании скорее крайних случаев, чем обычных» (*Gouldner A. Romantisches und klassisches Denken // Reziprozität und Autonomie. Frankfurt am Main, 1984, S. 186*).

Интерес к гротеску и экстремальным ситуациям восходит к традиции романтизма. В современной социологии к ней можно отнести прежде всего Гофмана, который в элегантной форме продолжил эту традицию социальной мысли. Он рассуждает «с позиции хитроумного аутсайдера» (*Ibid.*, S. 192) и рассматривает вещи с необычной точки зрения. Американский социолог К. Берк назвал такой подход «смещением перспектив». У Гофмана этот прием является основным методом научного творчества (*Ibid.*).

Такой оригинальный стиль мышления оказал глубокое влияние на методологическую дискуссию в социологии. Это касается этнометодологии 60-х годов и герменевтически ориентированного анализа глубинных структур речи и деятельности конца 70-х годов. Интересно, что при этом имя Гофмана упоминается редко и вскользь, хотя именно его «дружеское недоверие» к обычному восприятию повседневной жизни, которое он считает лишь частью житейского лицедейства, легло в основу целой научной школы.

Несмотря на большое косвенное влияние на социологию, Гофман до сих пор не попал в центр теоретических дискуссий. Хоть он, как уже отмечалось, был в свое время назван журналом «*The Sociological Quarterly*» как «вероятно, самый значительный теоретик после второй мировой войны», внесший решающий вклад в феноменологическую социологию, тем не менее следует отметить, что сообщество профессиональных социологов мало принимает его во внимание (*Collins R. Relations in Public // The Sociological Quarterly, 1973, № 14, p. 137*). Непоследовательность восприятия и отрыв его творчества от основной социологической дискуссии имеет свои причины. Одной из них является его манера изложения. Гофмана

«...очень легко читать благодаря наличию примеров и литературному таланту автора, но трудно понимать из-за сложности анализа и высокой степени детализации концепций, замысловатости рассуждений с частой сменой перспектив» (*Oswald H. Im memoriam...*, S. 211).

Социологи, которые стремятся поддержать репутацию своего предмета с помощью абстрактных понятий и систематических методов исследования, до

сих пор испытывают трудности в восприятии соединения жанров «научной монографии и романа» (Ditton zit. nach Meyrowitz (1985): *Überall und nirgends dabei*, Bd. 1, S. 80). Однако Дарендорф предостерегает от недооценки социологии такого рода. Гофмана, как и Зиммеля, считают «неудобными» социологами, которые «слишком нетребовательно относятся к основам этой дисциплины, и возникает сомнение, относится ли она к точным наукам или к литературоведению» (Dahrendorf. *Vorwort...*, S. IX). Однако при таком «легком, почти эфемерном отношении к предмету» не следует заблуждаться по поводу якобы его незначительного теоретического содержания (Ibid.).

Другая причина отдаленности творчества Гофмана от теоретической дискуссии в социологии заключается в том, что сам Гофман никогда не стремился прояснить или хотя бы прокомментировать свои теоретические положения. Он знал, что его либо понимают, либо не понимают. Так, он лишь один раз высказался по поводу критики в свой адрес (Goffman E. *A replay to Denzin and Keller // Contemporary Sociology*, 1981, № 10). Вероятно, будь у него намерение обогатить теоретическую дискуссию, он совершил бы это скорее всего в форме пересмотра всей социологии. Именно на это указывает содержание его вступительного послания к коллегам 1982 года в качестве президента Американской социологической ассоциации, которое он так и не смог прочесть. В нем он критикует социологию за пустоту в теории и слепоту в эмпирии (Goffman E. *The Interaction Order // American Sociological Review*, 1983, vol. 48, p. 92). Конечно, первое обвинение весьма спорно, но второе ясно показывает, что имеет в виду Гофман. Он хочет вернуться к предпосылкам социологии как науки, благодаря которым она не только непосредственно наблюдает явления, но и описывает их с некоторой дистанции. Именно этому и посвятил свою жизнь Гофман, заглянув «за кулисы нормальности». Его способность смотреть на вещи «с изнанки» оказала большое влияние на социологическую теорию. Интересно, что социологические теории на основе идей Гофмана относятся к сложным теоретическим конструкциям, разработанным наиболее полно. В качестве примеров таких теорий можно назвать социологию Лумана или Хабермаса.

В заключение отметим темы, которые Гофман разрабатывает методом смещения перспектив. Прежде всего это проблема социального действия, которую он рассматривает с двух точек зрения: во-первых, с точки зрения теории социального действия Макса Вебера, на которого он ссылается лишь эпизодически. Гофман увлечен идеей Вебера о том, что социальное действие ориентировано на общий смысл, подразумеваемый участниками взаимодействия. Во-вторых, он рассматривает социальное действие с позиции Дж. Мида, придерживаясь его тезиса о принятии роли другого. Он объединяет оба теоретических подхода в модели драматургического действия.

У Хабермаса имеется понятие **драматургического действия**, которое лежит в основе социологии Гофмана:

«Понятие драматургического действия относится не к отдельному действующему лицу или члену социальной группы, а к участникам социального взаимодействия, которые являются друг для друга публикой, перед которой они себя презентуют. Действующий человек вызывает у публики определенный образ, производит на нее определенное впечатление о себе, более или менее целенаправленно раскрывая перед ней свою субъективность.

Каждое действующее лицо может контролировать доступ публики в сферу своих личных взглядов, мыслей, установок, желаний, чувств и т. д. в силу своего доминирующего положения в этой сфере. В драматургическом действии его участники обращают это обстоятельство себе на пользу и управляют своим взаимодействием путем регулирования взаимного доступа к своей субъективности. Поэтому центральное понятие теории – понятие **само-презентации** означает не стихийное выражение эмоций, а стилизацию выражения своих переживаний, адресованную зрителям» (*Habermas J. Theorie des kommunikativen Handelns*, Bd. 1. Frankfurt am Main, 1981, S. 128).

Гофман рассматривает социальное действие с точки зрения манипулирования смыслом, как спектакль, развивая при этом теоретическое положение Вебера о смысле социального действия и теоретическое положение Мида о калькуляции последствий социального действия. <...>

Можно предположить, что такое развитие Гофманом теоретических положений Мида шокировало социологов. В качестве примера иной версии символического интеракционизма можно привести творчество Х. Штайнерта, которое сыграло важнейшую роль в распространении символического интеракционизма в Германии. Полемизируя с Гофманом, Штайнерт пишет:

«Парадигма Мида получила у Гофмана дальнейшее развитие постольку, поскольку он исходит не из консенсуса между участниками социального действия, возникающего в результате социализации, а из социальных требований и заранее заданных "декораций" социального действия, с помощью которых действующему лицу более или менее (с точки зрения Гофмана, имеет место скорее первое) искусно удается извлечь из ситуации максимальную выгоду» (*Steinert H. Das Handlungsmodell des Symbolischen Interaktionismus / Handlungstheorien – interdisziplinär*, Bd. 4. München, 1977, S. 84).

Мир, который стоит перед мысленным взором Гофмана, — это мир актеров. Штайнерт в этой связи продолжает:

«Эта парадигма разрабатывается дальше, поскольку Гофман, по сравнению с Мидом, гораздо больше знает о людских трюках, применяемых в повседневной жизни. Он лишь смотрит на вещи теоретическим взором и ничему не удивляется. Он знает, как и что делают люди в повседневной жизни, но описывает это безо всяких эмоций» (*Ibid.*).

Гофман смотрит на социальный мир с точки зрения «чужака» и пользуется специфическими возможностями, связанными с такой позицией. Г. Зиммель описал их в своем широко известном в социологии эссе о чужаке. Под «чужаком» он понимает вновь прибывшего, который намерен остаться в данном обществе. Он становится частью новой социальной группы, но до конца не расстается с прошлым опытом. Такой синтез «далекого» и «близкого» обуславливает у него «особые аттитюды объективности» (*Simmel G. Exkurs über den Fremden / Soziologie. Untersuchungen über die Formen der Vergesellschaftung. Simmel Gesamtausgabe*, Bd. 11. Frankfurt am Main, 1992, S. 766), так как он не связан с единственной точкой зрения на мир, а смотрит на него с постоянной дистанции. Поэтому Зиммель называет объективность свободой (*Ibid.*, S. 767). Гофман является подобным «чужаком», живущим в нашем обществе, имеющим право рассматривать нормальное как то, что могло бы быть иным. Некоторые считают такую манеру наблюдения комедией, другие были введены ею относительно нее в заблуждение. Гофман на этом основании считает, что одной из задач социологии является просвещение.

Отсюда возникает еще один ответ на вопрос о цели гофмановских описаний: Гофман претендует на свободу объективного и разрабатывает метод анализа того, что скрывается за «вещами», что обращает его к фундаментальной проблеме социологии — взаимосвязи человека с обществом, с другими людьми. Ответ Гофмана на этот вопрос касается рассмотрения опасностей для сохранения личности в современном обществе. <...>

(Х. Абельс. Интеракция, идентификация, презентация. Введение в интерпретативную социологию. СПб.: Алетейя, 1999, с. 193-201)

* * *

Из предисловия А. Ковалева к книге И. Гофмана «Представление себя другим в повседневной жизни» (2000)²⁷

<...> Похоже, что опыт Гофмана подрывает надежду на исполнение заветной мечты теоретиков социологии — построить мост между наблюдениями и обобщениями на уровне повседневных житейских ситуаций и историческими обобщениями макросоциологии, причем построить не в форме интуитивных прозрений и поверхностных метафор, а в виде лестницы строгих понятий, включенных в общую теоретическую систему. Кажется, из чтения Гофмана надо сделать вывод, что лучше эти разные миры, то есть микровзаимодействия («сценическую постановку» которых он так хорошо проанализировал) и макроструктурные процессы, исследовать по отдельности. Это не мешает нам ценить тончайшие «художественные» наблюдения, схватывающие взаимопроникновения двух миров, в изобилии рассыпанные в книге Гофмана. <...>

(И. Гофман. Представление себя другим в повседневной жизни. М., 2000, с. 26)

П.23.6. О социологической интервенции (А. Турен)

Несколько вступительных слов

В 1984 г. во Франции вышла книга Алена Тулена «Le retour de l'acteur. Essais de sociologie», куда вошли работы этого автора разных лет. Недавно упомянутая книга появилась, в переводе Е. А. Самарской, на русском языке.²⁸

В 80-х гг. автору этих строк о социологии действия, в отличие от феноменологической школы в социологии, практически ничего не было известно (хотя мог бы и знать!).²⁹

Ниже — композиция извлечений из книги А. Тулена 1984 г. (Декабрь 1999 — июнь 2003).

²⁷ Недавно впервые на русском языке, в переводе А. Д. Ковалева, вышло полное издание классического труда И. Гофмана 1959 г.: Гофман И. Представление себя другим в повседневной жизни. М.: КАНОН-пресс-Ц, «Кучково поле», 2000.

²⁸ Более ранние работы А. Тулена: «Sociologie de l'action» («Социология действия»), 1965; «La voix et le regard» («Голос и взгляд»), 1978; и др., — на русский полностью не переводились.

²⁹ Как отмечал В. А. Ядов в своей рецензии на книгу автора этих строк «Драматическая социология (эксперимент социолога-рабочего)», вышедшую в 1997 г. (см. текст этой рецензии ранее: раздел 22.1), эксперимент социолога-рабочего «не вписывается» ни в этнометодологическое направление, по Гарфинкелю, ни в социологию действия, по Турену. (Оба эти направления рассматриваются В. Я. как альтернативные по отношению к традиционной социологии). Этой «невписанностью» автор вовсе не огорчен. (Хоть и жалеет о том, что оказался в свое время недостаточно профессионально эрудирован).

**Из книги А. Турена «Возвращение человека действующего»
(1984; рус. пер. — 1998)**

<...> Дистанция, которую занимает субъект в отношении общественной организации, не должна его замкнуть в себе самом, она должна подготавливать его возвращение к действию, привести его к тому, чтобы он включился в общественное движение или в культурную инновацию.

Метод социологии действия

<...> Выбор метода зависит не только от соображений техники. Каждый метод соответствует некоему подходу, представлению о социальной действительности и, следовательно, выбору, сделанному исследователем, акцентировать внимание на некотором типе поведения. Социолог или антрополог, интересующийся природой и функционированием культурных и общественных норм коллектива, каковой отличается скорее своим порядком, чем изменением, должны занять позицию наблюдателя. Они стремятся уловить объективные проявления этих культурных норм, например, функционирование системы родства или ритуала. Они также регистрируют представления, верования и мифы, анализируя их извне, то есть ища принципы, управляющие совокупностью правил, и даже мысленные структуры, участвовавшие в создании этих мифов и верований. Он стремится показать, какие роли соответствуют положению, как формы поведения определяются занимаемой в обществе позицией или мобильностью на социальной лестнице. Речь идет о самом классическом приеме современной социологии. Его обновил прогресс статистических методов. Триумф в пятидесятые годы парсоновской версии рационализма придал ему столь большое значение, что можно было в какой-то момент поверить в его конституирующую силу для всякой социологии. Но те, кто интересуются решениями, изменениями, отношениями влияния и власти, никогда не чувствуют себя удовлетворенными таким представлением об обществе и экстенсивным способом исследования. Они всегда предпочитали изучать, как были приняты решения, как изменяются организации, что привело их к развитию особых исследований, которые стремились выявить за внешней стороной явлений сложную и скрытую историю решений.

<...> Социологическая интервенция представляет метод, который <...> стремится стать на службу изучения производства общества, *[в то время... — А. А.]* как экстенсивное расследование служит изучению форм и уровней социального участия.

Принципы

1. Главная проблема заключается здесь в том, что область самых фундаментальных социальных отношений и их культурных целей не поддается непосредственному наблюдению. Как перейти от изучения нормативного поведения к изучению форм поведения, ставящих нормы под вопрос? Уже

Маркс, хотя и совсем в другом контексте, стремился обнаружить классовые отношения позади форм экономической практики. Многочисленны также те, кто искал проявления рабочего и, в особенности, классового сознания за формами поведения рабочих, продиктованных ответом на их трудовую и жизненную ситуацию. Это присутствие в повседневном опыте позиций, ставящих его под вопрос, было первым открытием индустриальной социологии, благодаря классическим работам Ретлисбергера в *Western Electric (Roethlisberger F. J., Dickson W. J. Management and the Workers. Harvard University Press, 1939)*. Анализируя торможение работы в мастерской Bank Wiring, эти первые индустриальные социологи показали, что поведение рабочих далеко не может определяться в терминах адаптации или рациональности, а должно быть понято как конкретное выражение борьбы за контроль над машинами и производительностью. Анализ поведения рабочих по отношению к различным системам оплаты постоянно подкреплял выводы первых исследований. Этот пример направляет нас на совершенно иной путь, чем изучение «великих исторических событий». Он заключается в концентрации внимания на самих действующих людях, взятых в их конкретном существовании: так можно лучше всего раскрыть механизмы, с помощью которых возможно, по ту сторону поведения социального потребления, выявить поведения конфликтного производства общества.

2. Но надо идти дальше наблюдения. Нужно создать почти экспериментальным образом такие ситуации, где тяжесть повседневного положения насколько возможно уменьшена, что позволяет действующему лицу выражать наиболее сильно свое оспаривание этого положения, свои цели и свое понимание тех конфликтов, в которые он оказывается включен в процессе достижения данных целей. Парадоксальным образом изучение исторического действия отдалается от больших полотен и экстенсивных расследований и обращается к интенсивному изучению ограниченных групп, с которыми социологи должны проводить углубленные и длительные исследования.

3. Идем дальше. Такой переход от потребления к производству общества не осуществляется спонтанно даже в благоприятных условиях, созданных исследователями. Нужно еще, чтобы последние вмешивались непосредственно. Только благодаря им действующее лицо может подняться с одного на другой уровень социальной действительности и перейти от поведения ответа и адаптации к поведению проекта и конфликта. Только если исследователь активно вмешивается, **чтобы увлечь действующее лицо к наиболее фундаментальному из его отношений** [выделено мною. — А. А.], последнее сможет перестать рассматривать свое поведение только как ответ на установившийся порядок.

Процедуры

<...> Важен здесь не размер изучаемой группы, а тот факт, что созданы **группы интервенции** [во всех не оговоренных случаях выделение принадлежит

А. Т. — А. А./, помещенные в такую искусственную ситуацию, что их члены более воспринимают себя производителями истории, историй, изменения собственного положения, чем в обычной жизни. Исходный пункт социологической интервенции заключается в создании таких групп, состоящих из действующих лиц, или точнее **активистов** [выделено мною. — А. А./, которые вовсе не прекращают своей деятельности, но оставаясь активистами, включаются также в аналитическую работу. Не должно бы быть там никакого противоречия между ролью активистов и ролью аналитиков-участников, так как анализ направлен к обнаружению самого глубокого смысла действия. Но на практике создание таких групп сталкивается с большими трудностями.

<...> В действительности исследователи изучали не столько поведение действующих лиц, сколько их самоанализ. Немыслимо отделять роль от сознания роли и в особенности класс — от классового сознания. Даже если классовое сознание смешано с сознанием других ролей или прикрыто им и, особенно, деформировано идеологией, оно присутствует. Первой целью исследователя является, значит, **развитие сознания действующего лица** [выделено мною. — А. А./]. Группы, когда они начинают объединяться, действуют как **группы-свидетели**, ведущиеся в них дискуссии воспроизводят те дебаты, которые происходят в ходе борьбы или коллективного действия. Надо преобразовать эти группы-свидетели в **группы-лица** посредством **поворота**, состоящего в установлении дистанции по отношению к практике и в выработке общих ее интерпретаций. Такой переход может осуществиться спонтанно или по инициативе исследователя. Он ведет к тому, что можно бы назвать идеологическим анализом, так как он и остается связан с действием и стремится его понять.

Переход от этого идеологического анализа к анализу, стремящемуся идентифицировать присутствующее в действии общественное движение, можно назвать **конверсией**. Только исследователь может осуществить такой переход. Именно он должен представить группе образ общественного движения, который придает действию его самый высокий смысл. Исследователь не стремится интерпретировать природу практики, высвобождая ее «дух», он **увлекает практику и ее интерпретацию к самому высокому из возможных уровней** [выделено мною. — А. А./]. Он никогда не становится на какой-либо другой уровень, чем уровень общественных движений.

<...> Совокупность моментов интервенции, следующих за конверсией, должна сохранять ее [конверсии? — А. А./ господствующую роль, ибо конверсия может считаться окончательно свершившейся только в конце исследования. Но недостаточно установить верность гипотезы [гипотезы о более высоком смысле практики, внесенной в группу исследователем. — А. А./] в группах, в которых она была представлена. Желательно еще предложить эти гипотезы другим группам. Это составляет важную часть того, что называют **перманентной социологией** и что представляет совокупность способов поиска, следующего за конверсией. Формируются новые группы, чтобы применить упомянутые гипотезы к новым ситуациям и посмотреть, помогают ли они группам лучше адаптировать их действия и пробуждаемые ими реакции.

Проблемы

<...> Успех исследования зависит от группы, поэтому исследователь имеет потребность быть принятым группой и думает достичь этого, уменьшая разделяющую их дистанцию, показывая свою лояльность по отношению к группе и ее борьбе, стремясь даже иногда стать ее лидером. Такое сильное отождествление исследователя с группой может создать иллюзию, что группа способна далеко продвинуть свой самоанализ. Но скоро обнаруживается, что в таких условиях становится невозможна конверсия, так как уничтожена всякая дистанция между исследователем и группой. Между тем, конверсия предполагает, чтобы дистанция была столь большой, насколько это возможно, и чтобы исследователь прилагал значительное усилие к «подтягиванию» группы к самому высокому значению ее действия, значению, носителем которого он выступает. <...>

Область

<...> Метод социологической интервенции <...> имеет, на самом деле научные намерения, но стремится также поднять уровень действия таким образом, чтобы реальное действие максимально приблизилось к возможному действию. Он направлен на то, чтобы помочь людям делать свою историю в тот момент, когда на руинах разрушенных или преданных иллюзий вера в способность обществ созидать самих себя ослабела. Не было бы противоречием утверждать, что социологическая интервенция имеет эвристическую ценность, и одновременно признавать, что она свидетельствует о желании выработать сознание возможного действия и способствует таким образом защите и укреплению шансов демократии. <...>

* * *

<...> Что такое субъект, если не действующее лицо общества, поставленное в отношении к культурным моделям, к историчности общества того типа, к которому оно принадлежит? Только обращение к субъекту позволяет сегодня перейти от уже изменившейся культуры к созданию действующих лиц <...>. Мы не слышим более призывов к изменению общества и государства, мы не доверяем никаким лозунгам и никаким идеологиям, но мы чувствуем потребность жить в мире, который мы уже перестроили, вместо того, чтобы ютиться рядом с ним, среди руин нашей истории.

Даже при очень благоприятных обстоятельствах переход от одного типа общества к другому не осуществляется без нарушения непрерывности. И именно в такой момент разрыва наиболее необходимо услышать призыв к субъекту, понять, что не общественная ситуация управляет действием и сознанием, а что она сама является результатом культурных инноваций и общественных конфликтов. Перед тем, как действующие лица смогут признать себя творцами своей истории, должно наступить то, что я называю романтическим моментом. В этот период субъект

ект проявляет себя не своими творениями, а сознанием дистанции в отношении незначительных или чуждых вещей, своим желанием свободы и творчества. Завтра, вероятно, возникнут общественные движения и политические переговоры, сегодняшний день отличается не только разложением прошлого и общим ощущением кризиса, но и призывом к субъекту, к необходимости поставить под сомнение все формы социальной организации и к требованию творческой свободы.

Данная книга приурочена в точности к этому моменту. Она не содержит только размышление о возвращении действующего лица, она готовит его появление.

(А. Турен. Возвращение человека действующего. Очерк социологии. М.: Научный мир, 1998, с. 10-11, 115-118, 119-124, 127, 198-199)

[Попытка соотнести нашу «драматическую социологию» с «социологией действия» А. Турена была предпринята в томе 1 настоящей книги: «Предисловие. От автора сегодня. 2002». ³⁰ — А. А.]

23.7. «Истории жизни» и перспектива пробуждения социологии

[Ниже — композиция извлечений из работы французского социолога, одного из лидеров современной гуманистической социологии Даниэля Берто. — А. А.]

Из статьи Д. Берто «Полезность рассказов о жизни для реалистичной и значимой социологии» (1997)

<...> Биографический подход прошел большой путь с 1960-х годов, когда он считался ненаучным. В 1976 г. я использовал понятие «*approche biographique*», чтобы выразить потенциал рассказов о жизни для социального исследования. Я был убежден, что рассказы о жизни — это не всего лишь еще один из инструментов сбора данных. Я даже написал короткую статью под заголовком «*comment l'approche biographique peut transformer la pratique sociologique*».³¹

С тех пор прошло 20 лет и практика социологии действительно значительно изменилась, но все же, на мой взгляд, она изменилась недостаточно. Биографический метод еще не занял в ней центрального места, которое, на мой взгляд, принадлежит ему по праву.

³⁰ Напомню общий вывод:

«...Социология действия — это не просто (не только) исследовательская практика. Здесь присутствует элемент “социальной педагогики”, своего рода “внесение сознательности в стихийность движения”... В эксперименте социолога-рабочего подобная педагогическая (организаторская) задача отсутствовала... Социолог-испытатель не претендует на “организацию коллективной борьбы”. В случае наблюдающего участия исключено (запрещено) всякое действие, которое не было бы продиктовано аналитической и/или деловой и/или смысложизненной задачей (соответственно — комбинацией этих задач и мотивов)...» (Том. 1, с. 37-38).

³¹ «Как биографический подход может изменить социологическую практику. — фр.

<...> Рассказы о жизни, собранные методом интервью, таким образом, могут быть использованы **социологами** для получения очень полезной, в значительной степени, **объективной** информации о структурирующих силах, лежащих в основе **социальных** феноменов. Если это сделано должным образом <...>, тогда можно получить если и не **полностью объективное** описание и объяснение таких феноменов (я убежден, что это безнадежная задача, учитывая природу социальных процессов), то, по крайней мере, качественные «плотные описания» ('thick descriptions'), по Клиффорду Гирцу, социальных феноменов и лежащих в их основе процессов. Такой исследовательский дизайн позволяет развить хорошо обоснованную **интерпретацию** социальных процессов и даже выдвинуть предположения об их последующей эволюции, основанной на внутреннем знании их внутренней динамики.

<...> Биографический подход может получить поддержку через новое прочтение Макса Вебера. Он является отцом-основателем социологии, который, в отличие от Огюста Конта или Дюркгейма, находился под сильнейшим влиянием историков и германского различия естественных наук и 'Kulturwissenschaften'. Такая традиция заставляет его построить все свое рассуждение на понятии **человеческого действия**. Поскольку человеческое действие никогда не является полностью предопределенным, это исходное положение защитило Вебера от искушения рассматривать социальные явления как простые выражения скрытых законов.

В акционистской перспективе, каузальность рассматривается в совершенно другом свете, в центре внимания оказывается роль случайности. Каузальность предстает не как эффект воздействия одних переменных на другие, как это имеет место в ньютоновской физике или в опросных исследованиях, когда они подражают ньютоновской физике. Они рассматриваются как **процесс**, погруженный в историческое время, при котором прошлые события и действия обуславливают возможности для более поздних действий и событий. Эта обусловленность не всегда является **необходимой** (т. е. другие события **могли бы** также создать похожие условия) и практически никогда не является **достаточной**, поскольку между одной причиной и ее следствием проходит не только взаимодействие множества других причин и влияний, но также посредничество человеческого действия, которое всегда до известной степени оказывается непредсказуемым.

Если придерживаться веберовского подхода, который может быть назван «со-конструктивистским», то окажется, что лучшим способом понимания данных феноменов будет рассмотрение процессов, которые их воспроизводят (всегда в несколько измененном виде). В центре этой концепции — пристальное внимание к значениям, которые изменяют течение действий, предпринятых деятелями (актерами). При последовательном проведении такой взгляд ведет к схватыванию сложности реального мира, поскольку социальные действия всегда являются **взаимодейст-**

виями. Таким образом, между Вебером и интеракционизмом существует потенциал конвергенции. И самое лучшее определение этой потенциальной точки конвергенции было дано Ч. Райтом Миллсом, когда он писал, что «социальная наука должна изучать социальную структуру, историю и их взаимодействие в рамках биографии». Такая концепция социального исследования остается сегодня столь же валидной, как и 36 лет назад, когда Миллс опубликовал эти слова. Для Миллса они были теснейшим образом связаны с потребностью в предназначении (need for commitment), всегда присущем социальному исследованию. Если социологи не помогают своим современникам лучше понимать мир, в котором они живут и который они конструируют каждый день, то кто это будет делать вместо них? Будет ли это задачей кабинетных интеллектуалов или, еще хуже, журналистов и политиков?

<...> В заключение я хотел бы обратиться к проблеме, чрезвычайно значимой для социологов: что мы должны делать? В каком направлении, в какой тип исследования мы должны инвестировать нашу интеллектуальную энергию, наш профессионализм?

Это старый вопрос, на который давались разные ответы. Но поскольку большинство этих ответов сейчас кажутся устаревшими, надо заново рассмотреть эту проблему.

Самый общий ответ всегда имел научный характер: социологи должны стараться выявить законы общества. Этот ответ сейчас кажется абсолютно устаревшим: таких законов просто не существует. Это знали и Вебер, и Элиас. Можно обнаружить повторяющиеся способы действий, сформированные нормами и/или интересами и ценностями. То, что происходит в социальной исторической реальности, не является предопределенным, оно лишь обусловлено. В конечном итоге историю делает **действие**.

Кроме того, социологическое знание является исторически обусловленным. Его валидность ограничена культурным контекстом, в рамках которого оно развивается. Иллюзии сциентизма утрачены, кажется, навсегда. Конструкционизм или, скорее, со-конструктивистская реалистическая перспектива кажется на сегодняшний день разумным подходом. Каков бы ни был используемый подход, единственно, на что может рассчитывать социология, — это пролить некоторый свет на данный социально-исторический процесс.

Но для чего? Ответ большинства отцов-основателей постоянно заключался в следующем: чтобы сориентировать этот общий метапроцесс или, по крайней мере, некоторые из его компонентов в «правильном» направлении, сделать общество несколько лучше, более свободным и более справедливым, более мирным и демократичным. И Маркс, и Дюркгейм думали и **действовали** именно таким образом, так же, как Прудон, Фурье и Сен-Симон. Той же ориентации придерживался Вебер в собственном ему духе. Сегодня такие социологи, как Турен, Бурдьё, Хабермас или Гидденс — все таким же образом трактуют предназначение со-

циологии. Остается только неясным, каким образом социологическое знание становится социальной силой, оказывающей влияние на историческое развитие. По этому поводу вновь мы видим, что старые ответы стали внезапно устаревшими.

По Марксу, четкое понимание внутреннего механизма политической экономии, идеологии, политической и социальной борьбы должно было помочь мировому пролетариату сбросить с себя цепи ('*émancipation des travailleurs sera l'oeuvre des travailleurs eux-mêmes*').³² Теперь, однако, кажется, мировой пролетариат инвестирует свою энергию в нечто другое.

По Дюркгейму (который однажды сказал, что социальное исследование не стоило бы и часа боли, если бы оно не доказало свою полезность на практике), социальным агентом, который может управлять превращением социологических идей в социальные силы, является Государство. Но со времен Дюркгейма мы научились доверять государству не полностью. Если не государство, если не пролетариат, может быть, действующим лицом (актером) должна быть революционная партия? Спросить так сейчас, в 1996 году, и здесь — в бывшем Ленинграде — и есть дать отрицательный ответ на этот вопрос. Может быть, политические партии могут заменить спонтанные, искренние и активные социальные движения? Таков был ответ Алена Турена, однако ни одно из движений, которые он изучал, не ответило его высоким ожиданиям.

Я уверен, однако, что ответ на этот вопрос существует, что существует социальный актер [*актор*. — А. А.], который позитивно ориентирован и имеет структурное соприкосновение с социологией. Это любопытный актер, это не социальный класс, у него нет устойчивого статуса, иногда он даже как будто исчезает надолго. Этот актер — то, что обычно называют **гражданским обществом**. <...>

(Д. Берто. Полезность рассказов о жизни для реалистичной и значимой социологии / Биографический метод в изучении постсоциалистических обществ. Материалы международного семинара. Санкт-Петербург. 14-17.11.96. СПб.: Центр независимых социологических исследований, 1997, с. 14-15, 19-21)

П.23.8. «Рутинa», «события» и «загадка жизни»

Из статьи В. Голофаства «Три слоя биографического повествования», (1996)³³

<...> Можно выделить три слоя биографического повествования.

Первый слой — рутинa, личный, семейный, групповой быт, область устойчиво воспроизводимых действий, мыслей, чувств и обстоятельств. Со-

³² Освобождение трудящихся станет делом самих трудящихся — фр.

³³ Валерий Борисович Голофаств — один из ведущих петербургских социологов, безвременно скончавшийся в декабре 2004 г. Канд. филос. наук. Последние годы заведовал сектором социально-культурных изменений Социологического института РАН. Основатель Биографического фонда в рамках названного сектора. См. о нем также ранее, в томе 2 настоящей книги: раздел 9.7; в томе 3: раздел: 14.8.

циологу обычно важен семейный, но также и институциональный, статусно-профессиональный обиход. Отметим неявно-нормативный характер соответствующих явлений. Он обнаруживается по эмоциональным реакциям, которые сопровождают инерцию обихода, или, напротив, явные разрывы, провалы в повторяющемся мире повседневности. Так или иначе приходится очертить круг людей, которые сохраняют, разделяют и поддерживают коллективный обиход, которые живут этой рутинной. Обычно она редко удостаивается слова, вербализации, индивидуального, а тем более коллективного внимания. Она есть, она само собой разумеется, она на своем месте, как правила туалета, иерархии, кулинарии, застолья, собрания или фольклора. С той только разницей, что дело не в правилах, а в сути того, что может ими регулироваться. <...>

Две опасности подстерегают исследователя при интерпретации рутины. Первая — **неопределенность обобщения**. Нужно определить контекст (или серию контекстов: эпоха, место, социальная общность), где данная регулярность привычна, обыденна, сложилась и есть. Вторая опасность — **сверхобобщение**, всякая генерализация требует дополнительной проверки и аргументации. <...>

Второй слой автобиографического повествования — событийная культура. Личные и общественные события — обычный предмет анализа биографий. Отметим, что события — это тоже, как правило, рутина, но макроструктуры жизни — семейной, местной, городской или социетальной. Рядовой человек редко попадает в переплет общественных событий, оставаясь на втором — третьем плане. Если же это случается, то оставляет в нем неизгладимое впечатление. И все же поразительно, как мало событий [*по-видимому, имеются в виду общественные события.* — А. А.] включает ординарная биография. Если теория жизненного цикла индивида, семьи или группы позволяет сравнительно легко структурировать любое биографическое повествование, то **молчание** о событиях макропланов, институциональных, секторальных или социетальных — принуждает ввести понятие **горизонта индивидуальной жизни**. Что бы ни демонстрировал нам телевизор новостей и развлечений, немного входит в нашу жизнь как **событие**. Но, может быть, дело в том, что мы не знаем кукловода, или телевизионные поколения еще не писали своих биографий? Или граница между символическим и реальным еще отягчена инерцией традиционного?

Как бы то ни было, нередки и неординарные биографии: в них повышена степень индивидуализации хода жизни, рефлексия личного отношения ко всему важному, исключительному. <...>

Итак, **интеграция личных и общественных** (групповых, институциональных...) **событий** — это особый параметр связи индивидуальной жизни и социальной истории, который может быть предметом анализа и сравнения биографических повествований. <...>

Третий слой биографических повествовательных структур — это **тайная, скрытая сторона жизни, ее загадка, малопонятное или безнадежно**

непонятное, пугающее, неожиданные совпадения, провалы. Естественно было бы связать эту сторону с многообразием форм социального контроля: табу на вербализацию секса, болезни, смерти, помешательства, на этническое, социальное, физическое неравенство или страдания и унижения, на стыд и срам, на стигматизацию и насилие, вообще на проявление моральных крайностей...

*Ремарка: **сокрытая сторона жизни.***

Пожалуй, социальные исследователи уже научились преодолевать эти «табу», не говоря уж о современной тяге людей к личностному «самообнажению» перед телевизионной камерой и т. п. (Вспомним хотя бы популярную телепередачу В. Комиссарова «Моя семья» и другие, вроде «Окон», «Девичьих слез» и т. п.).

*Однако само по себе методологическое различие не просто «внешней» и «внутренней» сторон жизни, а именно: (а) **эксплицитной** и (обычно) **предъявляемой** и (б) **латентной** и (иногда) **замалчиваемой**, представляется эвристически ценным. (Январь 2000 — октябрь 2003).*

...Но проблема шире. Согласно принятым теориям, индивид — это поле столкновения социально-культурного детерминизма и свободы, случая, биологической нужды и социальной настоятельности, рефлексии и заблуждения, догадки и неведения. Сама идея социальной науки [принятых в ней теорий? — А. А.] состоит в признании факта неспособности индивида (или общества) свободно или незаинтересованно читать или направлять свою жизнь. Впрочем, самоанализ не только усиливает ощущение драмы существования, но нередко и умиротворяет.

Стандартная техника прояснения скрытых сторон жизни — их **активная тематизация в биографических интервью или в сценариях биографий**, что резко повышает уровень диалогичности биографических текстов, а также опасность появления артефактов.

Когда же дело касается спонтанных автобиографий, мотивы которых обычно не вполне ясны, очевидность третьего слоя проявляется при появлении первых же вопросов: «почему», «зачем», «что случилось», «чем вызвано»? <...>

Подобные вопросы при анализе одной биографии [биографии как таковой, выдержанной в режиме монолога. — А. А.] могут так и остаться без определенных ответов, но вряд ли их можно окончательно выяснить путем прямых обращений к автору биографии. Такие вопросы развивают исследование и требуют новых материалов, а может быть и способов изучения...

*Ремарка: **биографический метод и диалог.***

Один из возможных путей решения этой проблемы видится в расширении диалогического круга: не только диалог исследователя с субъектом биографии, но и включение в него (в этот диалог), очно или заочно, других лиц. Эти «другие» нужны даже не столько в качестве информантов, сколько в

качестве (информированных) **интерпретаторов и экспертов**: соотношение разных «версий» одной жизни. (Январь 2000 — октябрь 2003).

<...> Привычное, хорошо знакомое нередко экранирует анализ, препятствует обнаружению обусловленного разнообразия, правила, закономерности. Но, с другой стороны, структурный анализ биографических данных является их фундаментальным свойством, позволяющим сразу отбросить нереалистические гипотезы. Другим важным качеством биографических текстов является укрупненный взгляд на действительность, характерный для здравого смысла и обыденного языка, что, конечно, не всегда помогает быстро продвигаться к сути дела, но зато сохраняет ценность биографического повествования для «простого читателя». Биография как жизнь без литературных украшений притягивает магией возможного, на самом деле, для другого, а значит — в опасности или успехе — и для себя.

Трехслойная структура всякого биографического повествования — только один из возможных разрезов в структуре социально-культурных координат. В дальнейшем я предполагаю искать и другие тропинки в сплетении культурных оппозиций, характерных для всякого связного текста. Можно предположить, что любой достаточно длинный текст состоит из разнородных, более или менее крупных частей, построенных на отдельных группах оппозиций, различающихся хронологическим или событийным ритмом (см. упоминавшееся выше различие обычной и макрорутин). Кроме того, для данной культурной традиции желательно было бы выделить стилистические (лингвистические) маркеры вступления в зону теневого, скрытого, неясного содержания, в которых, вероятно, действует своя логика сопоставлений и чередований.

В. Голофаст

(Цит. по: Биографический метод в изучении постсоциалистических обществ. Материалы международного семинара. Санкт-Петербург. 14-17.11.96. СПб.: Центр независимых социологических исследований, 1997, с. 23-26).³⁴

П.23.9. Метод погружения

Из статьи В. Павленко «К вопросу об исследовании аксиологических структур социальных субъектов», опубликованной в журнале «Телескоп» (2003)³⁵

[Здесь опущен первый раздел статьи, посвященный теоретико-методологической постановке вопроса об исследовании аксиологических структур социальных субъектов: «Аксиологические пролегомены». — А. А.]

³⁴ См. также другие работы этого автора: *Голофаст В. Б.* Многообразие биографических повествований / На перепутьях истории и культуры. СПб.: СПбФ ИС РАН, 1995; *Голофаст В.* Многообразие биографических повествований // Социологический журнал, 1995, № 1; *Голофаст В. Б.* Концепции индивида и пространство биографий / Право на имя: биографии XX века. Биографический метод в социальных и исторических науках. Чтения памяти Вениамина Иофе, СПб., 18-19 апреля 2003 г. СПб, 2004.

³⁵ Владимир Никифорович Павленко — научный сотрудник Социологического института РАН. См. о нем ранее, в томе 2 настоящей книги: разделы 9.6, 9.9.

<...> 2. *От методологии к методике*

<...> Попробуем поставить проблему фиксации ценностного сдвига в аксиологической сфере социального субъекта. Начнем с индивида-в-социуме — человеческой личности. Во взаимодействии с внешним миром она демонстрирует два своих наиболее устойчивых модуса: внутренний — собственную идентичность, внешний — индивидуальный стиль жизни.

Идентичность личности — это ее «что», т. е. ее содержание, выстроенное на каркасе ценностей, обладающих атрибутами качества, количества и иерархии, следовательно, некоторой структурой. Другими словами, идентичность личности есть индивидуальная ценностная структура, определенная система ценностей.

Стиль жизни личности — это ее «как», т. е. форма ее проявления вовне, способ реализации идентичности, ценностно ею детерминированный. Идентичность и стиль жизни личности как результат первичной социализации достаточно тесно взаимоувязаны в рамках единого аксиологического континуума, поэтому с большой долей уверенности можно предположить, что при надлежащем методическом подходе (о чем ниже) возможно через анализ стиля жизни индивида исследовать ценностную структуру его идентичности и, наоборот, анализ иерархии ценностей индивида может позволить спрогнозировать те либо иные линии его поведения в изменившихся условиях.

Однако на этом пути исследователя ожидают две большие трудности. Во-первых, о чем уже упоминалось выше, специфика первичной социализации индивида приводит к тому, что ее результаты — его идентичность и стиль жизни — им просто получены, им не отрешены (а если и будут, то в достаточно зрелом возрасте, *post factum*), осознание им собственной иерархии ценностей весьма смутно, рационализация самих ценностей ситуативна, основанием выбора служит зачастую принцип «нравится — не нравится».

Вторым естественным препятствием на пути исследования ценностных детерминант поведения социальных индивидов является их вторичная социализация, фактически продолжающаяся до конца их жизни. Степени интериоризации результатов первичной и вторичной социализации не сопоставимы: результат первичной — сущностная идентичность, естественный стиль жизни и конститутивная ценностная структура, результат вторичной — масковые, ролевые идентичности, театральные стиль жизни и ситуативно-парадные социальные ценности.

Сознательным утрированием результатов вторичной социализации индивида нам бы хотелось предостеречь тех исследователей, которые слишком легко приходят к выводу о ценностных трансформациях, чуть ли не синхронных социальным изменениям в стране последних десяти лет.

<...> Непроясненность для самого индивида собственной аксиологической конституции и ситуативно-ролевой ценностный набор, выработанный прагматикой зрелого периода его жизни, к сожалению, не единственное препятствие в исследовании ценностной статики и динамики. Тематика индивидуальных ценностей, если она обсуждается не в ситуативно-ролевом контексте, но в индивидуально-экзистенциальном плане, интимна и закрыта для посторонних.

Сложность и деликатность проблемы ценностей следует из того, что носителем ценностей является личность. Если в процессе исследования личности тем либо иным образом опредмечивается, то она с необходимостью перестает быть носителем нравственных ценностей и превращается в социальный муляж человека, но тогда теряет смысл и сама постановка проблемы ценностей социального индивида.³⁶

Избежать опредмечивания личностей можно, согласно М. Шелеру, через участие в них, «лишь осуществляя вслед за ними и вместе с ними их свободные акты, «идентифицируя» себя, как мы обычно говорим, с волеием, любовью и т. д. какой-нибудь личности, и тем самым — с нею самой. И в актах упомянутого одного надъединичного духа... мы можем участвовать лишь благодаря соосуществлению».³⁷

Если рассматривать аксиологическую проблематику социальных субъектов более высокого порядка, то подобного рода «идентификация», по Шелеру, возможна, пожалуй, лишь в случае реальных социокультурных групп, будь то семейно-родственный клан либо объединение лиц типа «Gemeinschaft».

Реальный аксиологический сдвиг происходит в социуме со сменой поколений. Какой бы ни была причина социокультурного изменения конкретного социума, имманентной ли, экстернатальной, либо сочетанием того и другого³⁸, интернализация его качественной составляющей есть результат именно первичной социализации синхронной ему совокупности социальных субъектов. Актуальный до сих пор генерационный подход к проблеме социокультурной трансформации содержится в работах Х. Ортеги-и-Гассета, Н. Элиаса и К. Маннгейма. <...> [Здесь опущены ссылки на работы указанных авторов. — А. А.]

3. Метод погружения

Генезис метода связан с опытом применения совокупности биографических методов к проблематике социокультурных изменений. Анализ биографических текстов при полном признании важности содержащейся в них информации ставит проблему ее релевантности. Сопоставительный анализ биографических текстов и глубинных интервью с авторами историй жизни вынуждает прийти к выводу, что биографический текст предполагает социальный адресат [адресата. — А. А.] и им детерминирован, предполагает адресат вариант рационального структурирования автором своего собственного бытия и преломления социального пространства его экзистенции, проистекающего из самого факта его (автора) в нем пребывания, [а также... — А. А.] представляет собой целостную <...> Я-концепцию, претерпевающую те или иные изменения в зависимости от социального адресата.³⁹

В самом деле. Чем больше срок общения с автором истории жизни и возникающая при этом степень доверия автора к исследователю, тем более становит-

³⁶ См. Шелер М. Избранные произведения. М., 1994, с. 304-306. (Здесь и далее — подстрочные примечания В. П. — А. А.)

³⁷ Там же, с. 160-161.

³⁸ Ср. Сорокин П. Социальная и культурная динамика. СПб., 2000, с. 732-749.

³⁹ Ср. Голофаст В. Б. Многообразие биографических повествований / На перепутьях истории и культуры. Труды СПб филиала Института социологии РАН. СПб, 1995.

ся очевидной природой лакун биографического текста и природой его интенциональности. Производит неизгладимое впечатление добросовестно выученного урока содержательная и, более того, текстуальная идентичность большинства фрагментов биографического текста и нарратива. В свою очередь, другие фрагменты истории жизни подвергаются той или иной степени трансформации. Следует констатировать, однако, что вариабельность истории жизни, как бы далеко она ни простиралась, оставляет нерушимой Я-концепцию. (Мы не рассматриваем в данном случае ситуацию экзистенциального кризиса нарратора).

Лакуны (умолчания) — самый естественный способ сохранения Я-концепции и гармонии социального взаимодействия. Они позволяют автору (нарратору) относительно «малой кровью» быть адекватным ожиданиям актуального для него социального окружения и не исказить Я-концепцию и скрывающуюся за ней автоидентичность. Другие искажения в следующих друг за другом вариантах истории жизни одного и того же социального субъекта происходят по основанию прогрессивной самоактуализации, когда субъект случившееся с ним представляет как им инициированное, а условия, в которых ему приходится находиться, — как им созданные и т. п., а также для акцентирования смысловой значимости события или поступка, когда искажения для субъекта имеют характер невинной стилистической фигуры. Следует решительно подчеркнуть, что, исключая случаи намеренного введения в заблуждение, когда история жизни превращается просто в «художественное произведение», трансформация истории жизни происходит автоматически, полубессознательно, по законам социального взаимодействия...

Ремарка: «...когда субъект случившееся с ним представляет как им инициированное, а условия, в которых ему приходится находиться, — как им созданные...»

Вообще, очень тонкое замечание, справедливое, по крайней мере, для определенного типа личности.

Вот так и автор настоящей книги, того и гляди, выдал бы «приключения» своего героя (т. е. самого себя) за его «похождения», если бы только их «вспоминал». Однако «держали в узде»... документы, «жизненные свидетельства», которые не подделаешь. Ими и пытался уберечь себя от диктата собственной Я-концепции (хоть вполне, разумеется, уберечься и не сумел).

Отсюда, кстати, и двойственная интерпретация «эксперимента социолога-рабочего»: это — и то, что человек может сделать с обстоятельствами, и то, что обстоятельства могут сделать с человеком.

На этапе первичной социализации преобладает, понятно, второе; в последующем же обычно совмещаются (переплетаются) то и другое. И, при честной ауторефлексии, обнаруживаешь лишь... «ограниченную условия исторического места и времени попытку жизненного самоосуществления человека...»⁴⁰

В принципе, то же самое можно сказать о жизни всякого человека. (Декабрь 2003 — май 2005).

...С учетом вышесказанного, метод исследования должен позволить наблюдать респондента в обстоятельствах его жизни, изучить его Я-концепцию,

⁴⁰ См. в «Предисловии...» к настоящей книге: том 1, с. 35.

ее становление и взаимодействие с социальным окружением в изменяющихся условиях на протяжении всей жизни респондента. С другой стороны, этот метод должен дать возможность констатировать унаследованный генетический, культурный и социальный ресурс, с которым респондент вступает в жизнь, изучить все последующие трансформации этого ресурса и его трансмиссию последующим поколениям. Кроме того, проблема фиксации ценностного сдвига и изучения его механизма требует исследования ценностной динамики ряда поколений в рамках одного семейно-родственного клана. «Метод погружения» создает идеальные предпосылки для решения этих задач.

4. Описание метода

Как правило, хранителем родовой памяти является пожилая представительница семейно-родственного клана. Поэтому в качестве основного объекта исследования берется история жизни пожилой женщины 75 и более лет, живущей в семье одного из своих детей и имеющей внуков старшего школьного возраста. Этим достигается доступ к информации о жизни, по крайней мере, пяти поколений данной семьи и прочих семей семейно-родственного клана, к которому она принадлежит и с которыми она поддерживает более или менее регулярные контакты.

Пожилой человек, даже живущий в семье, практически всегда пребывает в состоянии той либо иной степени относительной социальной депривации. Поэтому предложение исследователя записать историю жизни респондента и совместно поработать над составлением генеалогии его семьи встречает, как правило, заинтересованный отклик. Еженедельные встречи с респондентом и работа с ним в течение 2-3 часов рано или поздно приводят к тому, что исследователь знакомится со всеми членами семьи респондента, которые позитивно оценивают результаты генеалогических изысканий и тот новый содержательный настрой жизни, в котором стала пребывать их мать и бабушка.

В процессе работы с респондентом над историей его жизни и генеалогией его семьи исследователь вступает в личный или телефонный контакт с прочими родственниками респондента с целью уточнения или получения новых данных о той либо иной ветви генеалогии. Постепенно контакт исследователя с респондентом как автором нарратива и основным звеном генеалогии (Его) становится все менее формальным, история жизни становится все более эмоционально окрашенной и приобретает экзистенциальную глубину и проблемность. Непроясненные для самого Его события его жизни и собственные его поступки обсуждаются с исследователем, который из деликатного, не критичного и заинтересованного слушателя превращается со временем в доверительного собеседника. Совместная работа превращается в общение, которое не прекращается и в промежутках между еженедельными встречами, продолжаясь по телефону.

Наступает момент, и исследователь получает от Его приглашение в гости, обычно, на день рождения, где он оказывается представленным самому близкому Его кругу родственников и друзей. Затем следует приглашение в гости супругу и детям исследователя, заочное знакомство с которыми респондента уже состоялось по телефону. <...> С течением времени исследователь становится свидетелем и участником почти всех значимых внешних и внутренних

событий в жизни Его и его близких: «Вы наш» или «Он свой» — он становится членом реальной социокультурной группы, к которой принадлежит, зачастую являясь ее неформальным и/или формальным лидером, Его.

Итак, основной принцип метода погружения — вхождение в экзистенциальное поле субъекта через абсолютное без изъятия не критичное приятие его личности и совместную с ним деятельность, имеющую для него прежде всего экзистенциальную, а затем уже социальную значимость. Все свидетельства активного взаимодействия исследователя и Его, как-то: интенсивность общения, обмен услугами, и т. п. — это внешние и мало существенные референты того факта, что и исследователь, и Его вошли в экзистенциальное поле друг друга и сосуществуют в некотором общем для них поле экзистанса, то есть становятся друзьями с вытекающей из этого факта ответственностью, по крайней мере, со стороны исследователя.

Таким образом, метод погружения отличается от прочих антропологических методов исследования социокультурной проблематики тем, что он применяется для изучения социальных феноменов той культуры и, часто, субкультуры, к которым принадлежит сам исследователь. Благодаря этому он имеет возможность не только описывать и структурировать по произвольно выбранному формальному основанию социальные феномены, но и фиксировать конкретные существенные ценностные детерминанты и регулятивы поведения социальных агентов и функционирования социальных институтов. <...>

В. Павленко

(Цит. по: Телескоп: наблюдения за повседневной жизнью петербуржцев. 2003, № 5, с. 47-49)

Ремарка 1: метод погружения как предельный случай включенного наблюдения.

*Всякий исследовательский метод имеет свои достоинства (преимущества) и недостатки.⁴¹ Описанная технология социально-антропологического (социологического?) культурологического?) изыскания являет собой, как я считаю, предельный случай участвующего, или включенного наблюдения (так же, как, скажем, «социологическая интервенция», в смысле А. Турена, представляется мне предельным случаем «наблюдающего участия»).*⁴²

Причем обычно «предельные случаи» оказываются на грани выхода за пределы исследовательского метода как такового.⁴³ Так, слишком глубокое взаимопроникновение «экзистенциальных полей» исследователя и его объекта (субъекта) таит в себе опасность утраты собственно исследовательского «угла зрения», так что искомое «тождество субъект-объекта» (выражение А. Ухтомского) может оказаться не относительным, а абсолютным.⁴⁴

⁴¹ См., например, предпринятый В. Герчиковым обзор преимуществ и недостатков исследовательского подхода «case study»: раздел 23.6, выше.

⁴² Пожалуй, не случайно Б. Максимов называет «наблюдающее участие» социолога-рабочего «социологическим вторжением» (см. ранее: раздел 22.10). Если «участвующее наблюдение» — погружение, то «наблюдающее участие» — вторжение.

⁴³ В частности, применительно к «социологии действия» А. Турена см. об этом в «Предисловии...» (том I настоящей книги, с. 37-38).

⁴⁴ Не случайно В. Павленко отмечает, что метод погружения применим, преимущественно, «для изучения социальных феноменов той культуры и, часто, субкультуры, к которой принадлежит сам исследователь».

Иными словами, постулируемое В. П. в качестве основного принципа метода погружения, эмпатическое «вхождение в экзистенциальное поле субъекта через абсолютное без изъятия не критичное (! — А. А.) приятие его личности...» — эрозит разрушением собственной (профессиональной) идентичности исследователя.

Пожалуй, ситуацию абсолютно идентифицированного с «объектом» (Его, в терминах В. П.) социального аналитика можно сравнить с положением такого ауторефлексивного (размышляющего о себе) субъекта, который, при всем своем стремлении к объективности, не в силах выйти за пределы сложившейся у него Я-концепции, взлянуть на себя одновременно (или последовательно, поступательно-возвратно) — и «изнутри», и «со стороны», а стало быть ее (Я-концепцию) откорректировать.

С учетом этих соображений, можно сказать: путь исследователя здесь пролегал «по лезвию бритвы»...⁴⁵ (Декабрь 2003).

Ремарка 2: погружение — диалог — постижение.

Здесь представляется уместным вспомнить принадлежащую нашему обществу с В. Павленко покойному другу — Сергею Михайловичу Розету (1940–1994) — эвристичную постановку вопроса о различении «субъект-объектного» и «субъект-субъектного» познания и о равноправном **диалоге**, как возможном и желательном способе взаимодействия исследователя и исследуемого (что моим коллегой здесь, пожалуй, подразумевается, но отчетливо не заявлено).⁴⁶

...Диалог — это, как правило, **встреча** двух (или более) разных индивидуальных сознаний (если угодно, экзистенциальных полей), а не «слияние» их. Доминанта «на лицо другого» (А. Ухтомский) вовсе не предполагает обязательного консенсуса.

Собственно, одним из путей обеспечения плодотворности возникающего в процессе «субъект-субъектного» познания диалога (со-беседования, взаимопонимания и т. д.) и является метод **погружения**, предполагающий долговременную совместную деятельность и связанное с нею соприкосновение и частичное взаимоналожение (своего рода интерференцию) «экзистенциальных полей» исследователя и исследуемого (исследуемых).

Идеальную логику такого социального изыскания можно выразить следующей схемой: **погружение — диалог — постижение**. Пожалуй, уточню: **совместное постижение!** (Декабрь 2003).

Ремарка 3: погружение как акт ответственности.

Описывая свой метод, В. Павленко справедливо отмечает момент **ответственности** исследователя, которую тот принимает на себя установлением столь тесного контакта с «респондентом». В особенности, с учетом того, что исследователь фактически становится *alter ego* пожилого (как правило) человека. (Декабрь 2003).

⁴⁵ С этой проблемой, кстати, столкнулся и автор настоящей книги, пытаясь исследовать, скажем, рабочую среду «глазами рабочего», или в попытках самоанализа своего жизнеощущения и поведения (в период «эксперимента социолога-рабочего» и т. д.). Его ауторефлексия (имманентная способность всякого человека) при этом была под постоянной угрозой утраты качества **социологичности** (т. е. профессионально-научного качества).

⁴⁶ См. ранее, в томе 1 настоящей книги: приложение 2 к части 1.

П.23.10. Гюнтер Вальраф — король анонимной «ролевой журналистики». Интермедия

Несколько вступительных слов

Гюнтер Вальраф — немецкий журналист (род. 1942), сделавший анонимное погружение в описываемую среду своим основным творческим и жизненным методом. Наиболее полное собрание его сочинений на русском вышло в 1988 г., в серии «Зарубежная художественная публицистика и документальная проза» издательства «Прогресс».

Ниже — композиция извлечений из вступительной статьи М. В. Зоркой к книге: Г. Вальраф. Репортер обвиняет. М., 1988. (Январь 2000 — июнь 2003).

Из вступительной статьи М. Зоркой к книге «Репортер обвиняет» (1988)

Человек, который проходит сквозь стены

<...> В настоящее время Вальраф — едва ли не самый знаменитый из всех авторов, пишущих на немецком языке. Его выступления, исчезновения, появления, передвижения, хроника судебных процессов, где он оказывается в довольно редкой роли обвиняемого обвинителя, — все это уже становится материалом для газетных сообщений. Таковые, впрочем, как правило, носят характер неопределенный или гадательный: всякий раз можно подозревать, что предпринятая Вальрафом и даже вынесенная на публику акция обнаружит со временем некий дополнительный смысл.

<...> Свою трудовую биографию Вальраф начал с завода Форда, где раньше работал его отец, хотя, конечно же, мог найти место повыгоднее и почище. Но рассказы знакомых об ужасных условиях труда именно на предприятиях-гигантах казались ему столь невероятными, что он решил испытать на собственной шкуре, каково приходится рядовому немцу, борющемуся за кусок хлеба от зари до зари. За два года он несколько раз нанимался на крупнейшие заводы ФРГ, задавшись вполне определенной целью: изучить индустриальный мир как систему, о которой на примере деятельности у автомобильного магната можно получить лишь частичное представление.

Обретенный опыт и доподлинные знания, интересовавшие молодого рабочего больше, нежели участие в производственном процессе как таковом, не остались без применения. Вальраф (под псевдонимом Вальман, взятом для того, чтобы тут же превратиться в безработного) сообщал о своих впечатлениях в профсоюзной газете «Металл»; материалы вскоре составили его первый сборник «Ты нам нужен» (1966).

<...> Прогрессивная критика и заинтересованные читатели заметили молодого журналиста очень скоро. В достоверном и деловом тоне его публикации (вслед за первым сборником появились «Тринадцать нежелательных репортажей» (1969), «О том, кто отправился странствовать и узнал страх» (1970), «Новые репортажи, исследования и поучительные примеры» (1972), «Вы там наверху, мы здесь внизу» (1973) и др.) сообщали о насущных проблемах целого класса. В сочетании с непосредственностью и живостью изложения это рождало впечатление нового и свежего слова в текущей литературе.

<...> Уже после выхода первого сборника он отправился за материалом для следующих репортажей под чужим именем. Правда, это была вынужденная махинация: к тому времени во все крупные и средние предприятия успешно разосласть его фотографии вместе с соответствующей отрицательной рекомендацией. Что было делать? Изменить намерения или измениться внешне? Вальраф выбрал последнее. Более того — в метаморфозах обрел себя.

Фантазия Гюнтера Вальрафа поистине неистощима, реакция мгновенна. Сам барон Мюнхгаузен позавидовал бы, наверное, той ловкости, с какой он выкручивается из трудных ситуаций, моментально оценивая преимущества противника и сочиняя невесть какие неблизцы о себе и о своем прошлом! Кстати, чтобы так лихо и беззастенчиво врать, нужно быть глубоко и безоговорочно уверенным в силе той правды, которой служишь.

<...> Целый карнавал масок! Министерский советник Кревер; путешественник без денег, вынужденный воспользоваться бесплатной столовой в Регнсбурге; бывший студент-художник, которому для прокорма семьи необходимо подработать в концерне «Мелитта»; безработный, умоляющий чиновника в отделе социального обеспечения помочь его голодающей семье хотя бы крошечной ссудой; швейцар в страховом концерне Герлинга...

В свое время Генрих Белль, высоко оценивший дарование молодого журналиста, писал: «У меня есть только одно возражение против метода Вальрафа: он не сможет им долго заниматься, потому что станет чересчур знаменит». Учитель и старший коллега Вальрафа оказался прав в последнем утверждении, но не по сути: известность усложняет маскировку, но делает более весомыми результаты. За полтора десятилетия (предисловие Белля к шведскому изданию «Нежелательных репортажей» вышло в 1970-м) Вальраф сменил десятки обличий и не собирается искать другие способы добычи информации и борьбы.

Испробовал он за свою жизнь, впрочем, многое. Первой настоящей сенсацией, когда имя Вальрафа появилось во всех, даже самых консервативных газетах, стала предпринятая им в Греции политическая акция: в 1974 году, во времена «черных полковников», он, создатель Комитета солидарности с демократами Греции, в знак протеста против режима хунты приковал себя цепью к столбу в центре Афин и разбрасывал антифашистские листовки. Дальнейшее страшно: побои, арест, суд, где Вальраф произнес яркую обличительную речь, тюрьма. Только отставка диктаторского режима и установление демократической власти спасли бесстрашного журналиста.

<...> В захватывающей книге «Раскрытие одного заговора» (1976) рассказывалось о том, как, находясь в Португалии, Вальраф связался с заговорщиками из правых кругов, готовившими фашистский переворот, и о целой серии продуманных журналистских акций, благодаря которым этот переворот не состоялся.

<...> Десять лет назад в ганноверском филиале газеты «Бильд» появился новый сотрудник — молодой, перспективный, хваткий. Его звали Ганс Эстер, он собирался сделать карьеру в журналистике. В самом деле, очень скоро на страницах популярной газеты стали мелькать бойкие заметки за его подписью. <...> Гюнтер Вальраф избрал для нового расследования весьма рискованный способ.

<...> Четыре с половиной месяца работы в «Бильд» дали материал для трех книг: «Рождение сенсации» (1977), «Свидетели обвинения. Описание «Бильд» продолжается» (1979), «Справочник по «Бильд» — до отказа» (1981). Вальраф назвал их трехтомником и утверждает, что они последовательно развивают единую тему: анамнез, диагноз, терапия. Действительно, по скрупулезности и точности в выявлении симптомов, старательности в определении конечных результатов анализа метод Вальрафа можно сравнить с деятельностью толкового и профессионального врача.

<...> В середине 80-х годов те, кто следил за деятельностью Вальрафа — и ненавистники и почитатели, — знали, что журналист работает над какой-то большой темой. Ожидалась сенсация: а вдруг это верхушка бундесвера или ведомство по охране конституции, а может быть, он где-то возле федерального канцлера. Появление Вальрафа «с самого низа» не ожидал никто.

<...> Вальраф вооружается темными контактными линзами, усам, париком и предстает перед работодателями гастарбейгером, турком. <...> Вальраф-Али батрачит, ремонтирует конюшню, вкалывает на рыбном комбинате, промышляет игрой на шарманке, стоит у плиты в дешевой закускойной, моет унитазы, дышит смертоносной пылью на асбестовом заводе — вот далеко не полное описание одиссеи по задворкам. Вальраф был турком Али два года.

<...> В одном из интервью, данном полтора года спустя, Вальраф сообщал, что тираж его книги [*«На самом дне», 1985. — А. А.*] перевалил за 2,3 миллиона и она переведена на двадцать один язык.

<...> За книгу «На самом дне» Вальраф получил баснословный гонорар. Но и тут надежды на развенчание дерзкого ниспровергателя устоев не оправдались. Большую часть этих денег журналист вложил в новый фонд солидарности с иностранцами и в строительство жилищного комплекса в Дуйсбурге, где будут совместно проживать немецкие и иностранные семьи.

<...> Помимо магнитофонных кассет, записных книжек и личных воспоминаний, он обладал видеопленкой на 80 часов просмотра. Из этой кинохроники жизни Али был смонтирован полнометражный документальный фильм (режиссер Йорг Гфререр), который с успехом прошел по фестивальных экранам 1986 года и стоил Вальрафу огромных издержек на очередной судебный процесс.

* * *

<...> Человечеству известно множество форм борьбы за справедливость, от стихийного восстания рабов до одиночного бунта, от организованной демонстрации до выступления в печати. Путь, избранный Вальрафом, глубоко индивидуален, хотя и имеет прецеденты в истории XX века. Генетически способ «внедрения в событие» восходит к глубокой древности, к самому детству человечества, к маскировке, как приему охоты с целью приблизиться к объекту, не вызывая подозрений. Близки к этому и вековые поэтические образы сказки, где герой обладает волшебным средством и делается незримым. «Помоему, маска и шапка-невидимка — это древнейший принцип искусства, — говорит Вальраф, — мечта, которая рождается у человека еще в детстве».

С завидной откровенностью он признается, что его увлекает уже сама «иг-ра» [*здесь и далее, кроме специально оговоренных случаев, выделено мною. — А. А.*]

Да, как бы ни были высоки цели и намерения этого человека, посвятившего свою жизнь борьбе за свободу угнетенных, как бы ни забывал он о себе, как бы ни была велика сила самопожертвования — все равно Вальраф решается на операцию с принятой и обдуманной стратегией еще и в силу особенностей собственного характера. Речь идет о некоем эстетическом наслаждении, о своего рода удовольствии, пафосе риска — есть упоение в бою. <...> «В ролях я живу намного интенсивнее, становлюсь собой, осознаю самого себя... Исполнение ролей — это моя сущность» [цитата из Г. Вальрафа. — А. А.]

<...> Все великие очеркисты, от молодого Хемингуэя до Эгона Эрвина Киша, были вездесущими «ловцами событий» на месте их свершения. Полностью принимая эстафету, Вальраф вносит в профессию **метаморфозу, перевоплощение как постоянный прием**. Степень приближения, включения в событие неизмеримо увеличивается!

<...> «Театр Гюнтера Вальрафа» — так можно было бы с некоторой натяжкой назвать вид журналистской деятельности, о которой идет речь.

<...> В своем театре, близком к искусству переживания, а не самодовлеющей игре Вальраф всегда не упускает из виду «сверхзадачи» (К. С. Станиславский) — социального анализа с целью разоблачения общественного неравенства, гнета, унижения тех, кого жизнь опустила на дно или поставила лицом к лицу со злом. Азарт, с каким он бросается из одной перипетии в другую, вызван как личными устремлениями и свойствами, так и гораздо более общими причинами.

<...> «Когда я, находясь в анонимной ситуации, испытываю на себе несправедливость, то я теряю всякий страх...» — говорит беспокойный очеркист. Обратим внимание: в большинстве случаев Вальраф оказывается в роли **страдающего** [выделено М. З. — А. А.], того, кто испытывает на себе все тяготы зурядного бытия. Не сталкиваясь в своей подлинной [? — А. А.] жизни с материальными трудностями, он зато в полной мере ощущает их, играя свои рискованные роли. Не однажды в текстах репортажей встречаются слова, что будь он и в самом деле рабочим, безработным, иностранцем, ему бы не выдержать.

<...> При всех перевоплощениях и проделках Вальраф считает себя лишь «принимающим участие наблюдателем». Но его положение изначально двойственно, ведь, играя роль, он выполняет две функции в обществе, свою и чужую. Еще в 1973 году в одной швейцарской газете остроумно писали, что он одновременно мститель за обездоленных, благородный разбойник и — Франкенштейн, который всегда не прочь отхлебнуть чужой крови [! — А. А.]. Другое дело, что Вальраф позволяет себе вмешиваться только в профессиональную жизнь своих врагов, **частное, личное для него «абсолютное табу»**. Он никогда не стал бы использовать свои методы против индивидуума как такового <...>. «А против аппарата власти других возможностей нет». В этом он категорически убежден.

Вопрос о правомочности методов Вальрафа возникал, разумеется, не один раз. Федеральный суд, как об этом писала пресса в 1987 году, постановил, что цель оправдывает средства в том случае, когда обнародование разоблачительных фактов идет на пользу обществу. При этом понятно, что понятие общественной пользы можно трактовать весьма произвольно.

В свое время Генрих Белль, выступавший в Кельнском суде свидетелем по очередному делу Вальрафа (после издания репортажа «Концерт Герлинга», разоблачающего финансовые аферы последнего), нашел иные аргументы в защиту. Он доказывал, что написанное Вальрафом есть литература и, как ясно каждому, она нуждается в фактах. Существуют разные способы познания действительности, один из них открыл для себя неутомимый очеркист, что и отличает его публикации от «журналистики фасадов». Если признать его методы криминальными, то литература вообще <...> лишится огромных возможностей.

<...> В своих теоретических суждениях он [*Гюнтер Вальраф. — А. А.*] стоит на позициях строгого реализма, считая самым надежным литературным приемом точность в описании фактов, чтобы читатель понимал: «...такое не придумал, такое не под силу воображению, это все происходило на самом деле».

Современный журналист, считает Вальраф, имеет, как правило, дело с уже отобранным или «профильтрованным» материалом. Одна из главных профессиональных целей для него — преодоление данного положения вещей, поиски нового пути для получения информации «не через третьи руки», стремление к документальной подлинности и достоверности сообщаемого. Выдвигая тезис о том, что со временем литература как явление вовсе отомрет и на смену ей придет непосредственное сообщение, он, как это ни парадоксально, отдает приоритет в правдивости информации **художественному** в сравнении с **публицистическим** [*выделено М. З. — А. А.*]. Художественное — это пережитое, прочувствованное самим автором, это порождение его собственного духовного опыта. Журналистика имеет дело с обработкой чужой информации, а следовательно, не обладает столь действенной, всепроникающей силой. Однако, **ставя самого себя в центр изучаемой жизненной ситуации, автор ролевого репортажа превращает «чужую информацию» в индивидуальный опыт.**

Этот процесс для Вальрафа не менее важен, чем результат — написанный текст. Вот почему в его очерк как правило, включена «закулисная сторона», что-то вроде сценической истории: каким образом ему пришла в голову мысль совершить тот или иной поступок, какие средства пришлось пустить в ход. Текст Вальрафа выглядит современно и броско, он вольно перебивается юридическими документами, выдержками из газет, ссылками на справочные издания, всякого рода цитатами, напоминающая коллаж. Его репортажи не назовешь, как писал Белль, ловкими или изящными.

<...> В его ранних очерках видны следы работы над словом, образом. <...> Со временем Вальраф перестал заботиться об эстетическом наслаждении, которое должен испытывать при знакомстве с его книгами читатель. Как автор он блистательно выполнил другую задачу — стал доступным миллионам. <...> Безусловно признавая содержание главенствующим над формой, он во все не старается следовать чему-либо иному, кроме конкретности факта и вывода. Зато доказывая важную для него мысль, он не страшится настойчивых повторений, что особенно бросается в глаза в трех книгах о «Бильд».

<...> Нельзя со всей уверенностью утверждать, что его репортажам суждено будет войти в литературно-художественное наследие нашей эпохи. Но зато в его палитре найдутся все краски времени, и с их помощью будущий

историк воссоздаст подлинную картину нынешней общественной жизни и социальной борьбы. <...>

М. Зоркая

(Цит. по: Г. Вальраф. Репортер обвиняет. М.: Прогресс, 1988, с. 5-22)

Ремарка: разведение или соединение социальных ролей?

Был ли Гюнтер Вальраф в свое время образцом (разумеется, недосыгаемым!) для социолога-испытателя? И да, и нет!

Главный пункт поведенческого различия «драматической социологии» и анонимного «ролевого репортажа» — отсутствие или же наличие **метаморфозы**, т. е. разведения социальных ролей. Г. Вальраф — гений социально-ролевой метаморфозы.

Социолог-рабочий этого не только не умел, но и не хотел... И пытался как-то (удачно или нет — другой вопрос!) **соединять** разные роли в своем социальном поведении. (Декабрь 1999 — июнь 2003)

П.23.11. «Исповести» и «жизнемысли» Георгия Гачева

Несколько вступительных слов

С книгой писателя, философа, культуролога Георгия Дмитриевича Гачева «Семейная комедия. Лета в Щитове (исповести)» (М., 1994) мне довелось ознакомиться уже когда была закончена и ждала выхода в свет «Драматическая социология» (1997).

К сожалению, и других произведений Г. Гачева (например, из серии «Национальные образы мира»), — на менее «интимные» темы, но в той же манере написанные — до тех пор не читал.

Не говоря уж о множестве идейных, экзистенциальных созвучий, прикосновение к **«исповестям»** Г. Гачева было для автора этих строк, одновременно — и открытием, и «узнаванием» знакомого жанра.

...Вот и опять, думал: сам изобрел — перепечатывать тексты прежних лет, не редактируя, а лишь аранжируя их, и иногда комментируя себя, прежнего, «из сегодня» (диалог с самим собой, развернутый во времени).

А оказывается — и тут меня опередили! (А может и у Г. Гачева были предшественники? Не знаю...).

Встреча с жанровым прецедентом — обрадовала. Значит, опять — «творческая парансихология»?! Это во-первых. А во-вторых... Когда «белая ворона» не одна — глядишь, и не заключают...

Ниже — композиция извлечений из упомянутой работы Георгия Гачева. Оговорю, что здесь будут представлены лишь немногие «первичные» дневниковые записи писателя и философа (отобранные мною, в качестве примеров, достаточно произвольно), а упор сделан — на фрагментах, содержащих в себе **обснование метода и объяснение жанра**.⁴⁷

В скобках указаны страницы по названному изданию, а также датировки записей. (Май 2000 — апрель 2005).

⁴⁷ О Георгии Гачеве и его замечательном, уникальном способе философско-ауторефлексивной работы см. также ранее, в томе 1 настоящей книги: Предисловие («От автора — сегодня. 2002»).

Бытие нельзя познать, им можно лишь быть.

Георгий Гачев, 1969

**Из книги Г. Гачева «Семейная комедия. Лета в Щитове»
(1994)**

***Приглашение к доверию*⁴⁸**

Человечество в нашем веке так измызгалось в гекатомбах и океанах лживого слова, что даже слово художественной литературы — как вымысел — уже нам неправдою дышит: настолько стали чутки к придуманности. И, реактивно к этому, — влечет просто правда, факт, документ. А в литературе — честное, исповедальное слово писателя. А то взял себе позу учителя жизни: срывает все и всяческие маски — с других людей, а сам, мэтр вальяжный, непроницаемый, гражданин хороший!.. Не верим тебе — такому чистенькому! Всех поучаешь, а сам-ка ты как учишь себя? — раскройся!..

И вот, чуя такую потребу времени и душ наших, всю жизнь глядяваюсь в себя, охочусь за собой: уловить честно, что аз есмь? — и в этой работе стараясь вычищать себя от мусора лобы и мнимых понятий и ложных прицелов в душе на ценности эфемерные...

Но все равно — увы! — образ выходит — и себя самого, как бы ты ни старался то, что есть на самом деле, фиксировать. И это — как рок — даже всякой исповеди. Но само усилие — дойти до самой сути, до предела возможного чистосердечия и откровенности, обстругивать болванку самого себя — есть достойный труд честности, и он заслуживает и фиксации, и чтобы читатель с волнением следил за этим борением пронизающей в себя и свою жизнь — мысли. На этом пути многие завоевания в понимании человека совершаются.

Так что и самое что ни на есть факто-исповедное записание — все равно образ творит, персонаж выходит, то или иное представление, как и в сознательно нацеленной на вымысел литературе. Каков я на самом деле — Бог весть. Но по Сократову призыву «Познай самого себя!», человек призван усердно штурмовать и эту неизвестность — себя самого!

Мужайтесь, о други, боритесь прилежно!..

Но коли ты устремился в эту сторону — исповедания — и вот даешь плоды этой внутренней работы над собой подсмотреть другим, выносишь читателю, — тут совсем другой тип, и коленкор, и климат литературы предполагается: «не художественной», где автор, забронировавшись в вымысел, поучает читателя, как вещь и предмет воздействия, а, скажем, взаимоучительной, собеседной, где как бы на встречу собираются люди, стремящиеся к добру, заинтересованные одолеть зло в себе, искоренить его в каждом. А для того — чтоб можно было признаваться безоглядно и в самомалейших его в тебе шевелениях и просвечиваться рентгеном доброжелательного — так ожидается — взгляда со стороны. А не взгляда критика-вражины Зоила, что только и ждет, чтобы тебя подсесть и задеть и обличить и уничтожить. Такое — легче легкого высокомерно высмеять и умно омерзить.

⁴⁸ Тексты позднейших пояснений и комментариев Г. Гачева (1980—90-х гг.) к собственным дневниковым записям 1969-1970 гг. выделены курсивом — не им самим, а мною.

Ты даешь беззащитный текст — и уже самим фактом исповедной записи (что на это можно пойти!) и актом предложения наружу: «читайте!» — этот жест взъискует, форсирует-стимулирует-индуцирует в душах людей иное состояние мира и ориентировку: встречную доброжелательность, а не подстерегание-подозрительность; ситуацию взаимолобви и великодушия, а не взаимоненависти и карания. Доверяющийся — и сотворяет доверие: распространяет его силовое поле вокруг; ис-повесть заражает со-вестью.

Страх быть смешным — жуткий жупел, парализующий простодушие и доверие и к себе, и к людям. И, напротив, коли сделаешь усилие одолеть его, хотя бы в некоторой мере, — многую помощь соделаешь оздоровлению психического климата в обществе. И человек начинает чувствовать себя окруженным в мире не вражиною, а дружиною людей. 23.06.86. (3-4)

Биографический ключ

<...> Родился 1 мая 1929 г. (Телец, значит, по Зодиаку западному и Змея — по восточному) в Москве.<...>⁴⁹

<...> А надо ли делать конфетку?

27.03.86. <...> Есть даже нечто более достоверное, чем моя зыбкая и переменчивая память: то мои записки, или, как дети мои их ласково-насмешливо именуют — «записюрьки», что я, как всю почти жизнь свою, так и тогда вел, почитая это дело главным для себя. И вот разворочил я странички — и пахнуло, и воскресло.

Часть из них перепечатал и принес в один журнал. Молодой, но уже опытный редактор-умелец, набивший руку, выпускник Литинститута, прочитал и так сказал: «Материал прекрасный, но сыр, обработать надо. Эх, конфетку можно сделать.»⁵⁰

⁴⁹ Продолжение автобиографического фрагмента:

«...Отец — политэмигрант из Болгарии, философ и литератор. Мать — музыковед. Рос в семье один, учился музыке. В войну — в Татарии, работал летом в колхозе. В 1946—1952 гг. — студент филологического факультета МГУ по отделениям романо-германской и славянской филологии. В Университете увлекался общественной работой и горным туризмом. В 1952—1954 — учитель русского языка и литературы и английского языка в г. Брянске. 1954—1957 гг. — аспирант Института мировой литературы им. Горького АН СССР, а с 1957 по 1961 г. — младший научный сотрудник там же. В 1955 г. — женился. В 1959 г. родился сын и защищена кандидатская диссертация «Ускоренное развитие литературы». В 1959—1961 гг. написаны те книги (6) по эстетике и теории литературы, что будут выходить двадцать лет впоследствии, но тогда не шли, и, измучась с редакторами и издателями (да плюс отчаянная страсть за рубежом семьи), бросил науку и ушел в народ на физический труд. С января по май 1962 г. — слесарь и автослесарь в болгарской деревне Твардица в Молдавии, а с мая 1962 по август 1963 — матрос Черноморского пароходства. С декабря 1963 г. — снова м. н. с. сектора теории ИМЛИ. В 1965 г. принят в члены Союза писателей (рекомендовали Ю. Трифонов, Б. Сучков, Б. Слуцкий). С 1966 г. — снова любовь, два года пытки между двух семей и наконец успокоение в нормальной семье (дочери 1966 и 1972 гг. рожд.) как компенсации моего одинокого детства. Тут сюжет — сживание различных личностей и меня воспитание — детьми в том числе. С 1968 г. арендовал, а в 1972 г. купил новую избу в 75 км. от Москвы, где веду натуральное хозяйство, материальное и духовное (мыслию и пишу): возделываю и землю, и свою душу на природе. Основные научные исследования с 1964 г. по настоящее время посвящены национальным образам мира. 2.02.86» (Г. Гачев. Указ. соч., с. 5).

⁵⁰ Помню, и мне довелось услышать такое от опытейшего редактора толстого журнала, в котором предполагалось опубликовать композицию из «Писем-дневников...» социолога-работого 80-х гг. Я сказал: «И рад бы, да нельзя!» (Примечание А. А.)

А я вот сомневаюсь: надо ли делать конфетку? То есть зачем? Чтобы из нервных записей на ходу жизни получились отполированные пассажи и абзацы и вышла бы нормальная художественная литература? А зачем она и в нее писать? Те записи тогда мне были необходимым собеседником-другом, совестью-разумом, кто выслушивает исповедь запутавшегося человека и надоумливает на выход и решение или успокаивает пониманием. И потому была именно жизненная необходимость их возникновения, неотменная.

А зачем сейчас я стану их переписывать, редактировать, переделывать? Нечего, что ли, мне нынче делать и нет проблем для решения и загвоздок, в коих путаешься и для чего надобно прибегнуть к помощи слова, — как тогда?.. Есть! Еще бы! И продолжаю это свое делание.

Но вот свершаются сроки жизни; писания мои в себя, в стол, помогли ее прожить в общем радостно и умно, — и вот отходить скоро, и глодать начинает — чувство вины; себе-то ты этими писаниями послужил, а людям? Эгоист!.. И действительно: сам вкушал радость вословенствования жизни — и вылечивался так. Ну а другие? Не может ли послужить этот опыт в пользу и моим ближним? И не стоит ли поусилиться: привести эти записи в порядок, чтобы они для восприятия доступны и другим стали? Тогда два дела сразу свершишь: и людям послужишь, и дело своей жизни от Леты хоть на время отодвнешь, продлишь,охранишь...А и третье дело: и ныне текущее время радостно и вибрируя душой и восхитясь умом, препровождать станешь...

<...> Итак, прорисовывается и идея предпринимаемого труда, а с нею — и метода <...> (6-7, 10)⁵¹

<...> Зачем мне и что за «Щитово»?

Собственно, в отношении к записям тех трех лет (1969-1971) мы с тобой, читатель, находимся в сходном положении. Я тоже впервые открываю читать эти записки. Тогда я был переживатель и «за-писатель» — и с тех пор их не читал: не было нужды. Ведь свое дело они, мысли и слова тех дней, для меня уже сделали: помогли их прожить — тем, что просветляли загвоздки и наводили на решения. А сегодня у меня другие передраги и другие мысли тут работают и слова записываются. Зачем же ворошить отжитое и отмысленное?

Да вот если вместе, читатель, то уж и мне интереснее: от тебя я заимствую сторонний взгляд на себя как вещь, а на жизнь мою — как чей-то процесс, и могу к себе же самому отнестись «онно» и объективно; а это интересно для самопознания, и для познания человека в жизни вообще, что уж есть мое постоянное дело и профессия, к чему чувствую призвание.

Ведь и жизнь свою я однажды уразумел как эксперимент!.. Не знаю, чей: кто или что его надо мной ставит? Но важно тут, осознав себя неким подопытным существом, не юлить-прятаться-увливать от роли этой, но принять, и исполнять ее честно, и добросовестно вести журнал наблюдений. Тогда и я встаю в свободное отношение к себе самому, возвышаюсь над процессом только существования в его удовольствиях и мучениях, способен становлюсь к превозможению страданий и ударов: они — тоже опыт! научают!.. А при чувствительности натуры моей и при одиночестве души помощь думы и слова становится прибежищем, выходом и спасением!..

⁵¹ Окончание этого фрагмента см. ранее, в томе 1 настоящей книги, с. 40.

Но во что выход? А в самообслуживание! Сам я себе становлюсь и экспериментатор, и прибор, и объект — это если извне подходить. А если изнутри: я сам становлюсь абсолютно живущий, полностью отдавая ее (жизни) толчкам и тягам (уповая, что во всем смысл есть и изо всего что-то будет, выльется, что затем уловит «прибор», и сомыслит разум мой же), то есть субъект своего существования. [Выделено мною. — А. А.]

Так что я не согласен с распространенным (с романтизма XIX века) суждением, что рефлексия, включение разума в поток жизни, бледнит ее цвет и не дает переживать, и любить, и страдать, полностью этому отдаваясь. Возможно и это, и оно было, есть, бывает. Честно же исповедание Фауста («Сцена из «Фауста» Пушкина) и Печорина лермонтовского. Но и другое возможно: усиление вникания и внимания. Как в радиотехнике, ум в этом случае выступает как тяга и усилитель чувства, уловитель волн-волнений, — и с мыслию живешь полнее и разнообразней, чем без нее. И именно просвещенный разум в развитии своем приводит человека к восценению тонкой жизни сердца, к «оправданию» любви и всех чувств.

Ну что же? Все интереснее начинает представляться перспектива предстоящего плавания: в 17 лет назад, на юго-запад от Москвы, где было место деревеньки Щитово. Это будет не просто воскрешение того, что было (перепечатка записей), но и встреча, и исследование, и опознавание: меня ныне живущего, 57 почти лет отроду, и меня тогдашнего, 40-еще-летнего. Кто он мне? По возрасту — в сыновья годится. Но ведь он же — раньше меня, ныне живущего, он мне предшествует на шкале времени, так что он мне — отец, я ему сын. Вот воистину где «нераздельно и неслиянно». Понял, как это просто может быть... Так что — выходим на очную ставку отца с сыном. Тот мне докладывает, как он жил: раскладывает записки — и в них полный и честный ответ. Я же исповедаюсь ему, что из меня вышло и к чему в итоге привели его тогдашние борения, потрясения и старания выжить — и стоила ли овчинка выделки?.. Померяемся — и силами, и оценками, и соображениями. Потягаемся!..

Но нет, не та интонация; делить-то нам нечего и спорить. Территория-то одного человека из нас! А вот спокойно осознаваться и беседовать — и стоить, и любопытно.

Итак, что за Щитово и зачем, и как оно вошло в мою жизнь? Или выразимся иначе: ведь не Щитово для меня, а я для Щитова, — чтоб вот его, ушедшее, восписать, и может воспеть. <...> (10-12; текст датирован: 27.03.86)

[Далее — «Слово тогдашней жизни», по выражению Г. Гачева. Записи 1969-1970 гг., иногда комментируемые их автором 15-20 лет спустя. — А. А.]

* * *

Лето 1969

Ум, пьяный деревней

<...> 23.05.69. Совершенно невозможно думать про волю, разум, свободу = пустоту сию (читать Фихте и Шеллинга), когда под солнцем утренним капля с листка, когда глаза жмурятся, многоптичье звучит, и верещит благовонно зеленый, теплый... «мир» — уже хочется не этих общих категорий, а слова простые и частные изыскивать.

Лень что-либо делать: родилось во мне сие священное состояние. Млею под солнышком: отогреваю косточки, за холода промерзшие. Лето — сон (сладостный). Зима — сон же (лучше ее в спячке, не ощущая, провести). Климат блажен... Осень и весна — бессоница; но тоже не деятельность, а ожидание грядущего со-бытия: с бытием соития. Осень — это тоска, весной — надежда.

Шумит, шумит ветер и листва — и смывает, и сметает божественным венком мою коросту — заскорузлые затверженности слов, понятий, усвоенных мною за городскую жизнь.

Да, шевелятся кроны раки у меня в мозгу и храм облаков студенистых = фантомов-призраков мыслей-мнений разгоняют.

А звонкие высокие фиоритуры = звуковые орнаменты, звучащие листики и веточки, висящие в воздухе, оттесняют кошмары равномерных городских тараканий, дребезжаний.

Прерывисты, в ритме дыхания воздуха, мотивы птиц: завиточки, виньточки. Все так вьется, орнамент по канве воздушных волн — приливов-отливов — вышивается.

И все — причуды (=при чуде, значит, находимся), вместо моторно-равномерного гула города. <...> (20-21).

<...> [*Фрагмент без названия. — А. А.*]

31.5.69. Теплота есть поглощенный, связанный свет; свет есть свободная теплота (из натурфилософии Шеллинга).

«Теплота» применяется к душе, «свет» — к уму. Значит Душа (сердечность, доброта) есть поглощенный ум (ср. «ум сердца» у Толстого). Ум же есть свободная (от тела и тел и их взаимных отношений, что и именуется «добротой» и «сердечностью», самопожертвованием) душа — ее парение, «вольный сын эфира». (Это — «ум ума»: Платон, Плотин).

Женщина = теплота, душа (Наташа Ростова «не устаивает быть умной»). Мужчина = свет, ум.

Уразумеваю также, что помехи к покою — суть нам благодать, стимул жизни. По Шеллигу, смерть = равновесие, покой; ее химический процесс — это стремление вернуться в нарушенное равновесие (т. е. «энтропия», по-нынешнему). Жизнь — равновесие не восстанавливается, а все вновь нарушается, и потому борьба сил остается постоянно: все новые препятствия к восстановлению входят в наш круг. И это — организм, жизнь.

Но про то же и поэт: «Покоя нет, покой нам только снится». А сон = предвестие, близнец смерти. <...> (23-24).

<...> *Глагол Природы, или нахожу метафизику в физике*

7.06.69. «Колебания с частотной характеристикой ниже этого диапазона (от 2000 до 20000 герц — зона слуха человека. — Г. Г.) уже не воспринимаются слухом как звук, а ощущаются как прикосновение (Хаксли Дж., Кох Л. Язык животных, М.: Мир, 1968, С. 23. Далее при ссылках на это издание указываются только страницы).

То есть: слух переходит в осязание. А на верхней границе, наверное, звук начинает переходить в свет. Вот единая шкала чувств и органов — локаторов бытия и движений в природе: она — по длине волн = ударов вещества по пространству.

«Песни многих маленьких птичек очень близки к верхней границе человеческой способности восприятия, и старые люди могут их вовсе не слышать. Пресмыкающиеся, видимо глухи к высокому тону» (с. 24).

Маленькая птичка издает уже звук-луч, как фотон. Старик глохнет = отдаляется от вещества. Но и слепнет = от света отдаляется. Но все же тенденция — к свету и дали: молодой близорук, старый дальнорук. Притяжение дали и того света сильнее.

«Тот свет» — это только Царствие Небесное? А про ад с тьмой кромешной как сказать? «Мир иной»?

Но «тот свет» — уже не свет, это «тот еще свет!» — иронично, т. е. тьма.

Перед в нас воспринимает высоту (верх), зад — низ.

«У кузнечиков и, видимо, у всех сверчков есть два типа органов, приспособленных к восприятию различных частот: подобные «уху» органы, расположенные на ногах и чувствительные к высоким звукам, и волоски, расположенные на выростах заднего конца тела и чувствительные к низким звукам» (с. 23).

Ухо — круг, шар, блюдце, как и глаз. Высота и верх тянутся быть шаром, точкой, как глаз, солнце, звезда? А низ-зад тяготеет быть линией, длиной, путь-дорогой, далью, ногой, рукой, туловищем, стволом, ветвью — конечностью.

Волосы у нас — для восприятия тончайших касаний: дуновений. Волос — сам волна и волны ловит длинные, перешедшие с орбиты круглости на вытянутость и вышедшие из зоны слуха и грехопавшие в зону осязания.

«Трудно сказать, являются ли эти волоски истинным органом слуха или они воспринимают только вибрацию... Можно с уверенностью сказать, что у каждого животного есть собственный мир звуков, зрительных восприятий и запахов, в котором оно живет» (с. 24).

Вот: склад Я рождает внешний мир, «Не-я», прямо по Фихте!

Слух переходит в дыхание: «В ухе позвоночных барабанная полость связана с дыхательной системой через евстахиеву трубу, идущую из полости рта в среднее ухо» (с. 24).

Дыхание (дух) — связь между издаванием звуков и слышанием их, тогда как у животных неизвестно: издающие звук — слышат ли? Ибо у них тело — связь: одни части издают звук, а другие, с теми не связанные сразу, — воспринимают.

Следовательно, Дух (дыхание) — канал между телесным...

Бывает: звук издается для других видов (напугать), а сам автор не воспринимает это свое колебание как звук. То есть нет самосознания, отдачи, рефлексии, обратной связи.

Но можно и так понять: в общем организме, теле, туловище Природы одно животное = язык-голос, другое = ухо-слух.

«Обитатели леса больше надеются на свои уши, чем на глаза или нос... Прекрасные летуны — стрекозы, бабочки, пчелы, осы или мухи — полагаются в основном на зрение. Для тех, кто главным образом ползает, как, например, муравьи или жуки, важно обоняние... Но кузнечикам, чья жизнь проходит в зарослях трав, приходится полагаться на звуки» (с. 24).

Итак, звук — в толще вещества (в лесу или в траве) связующий, но где сама материя в форме длин и волн: стебли, стволы — готовые вибрранты. Глазу в этой сети нечего делать.

«Наше внутреннее ухо не только орган слуха, но и орган равновесия» (с. 31). И у рыб тоже.

Значит, звук — самочувствие формы в ее отношении к силе тяжести; звук — сигнал массе нашего тела. Вес и звук так соединяются и переходят друг в друга.

Змеи не слышат (= язык сам не слышит): «При заклинании на змей действует не звук дудочки заклинателя, а его движения» (с. 33)

Ибо змея сама есть только волна. (41-43)

Объяснение с читателем

29.03.86. Читатель, чувствую, утомлен: хочется ему повествования, описания событий: как и что происходило с людьми, а тут ему все мысли да мысли подсовывают!..

Но почему «отвори потихоньку калитку» и как кто ступил ногами иль обнял рукой, иль нож всадил, иль выстрелил — нам интереснее и сказуемее, чем как кто и о чем думает — и почему?.. Ведь это: понимания — тоже суть события — да еще какие! Целый эпос в них внутренней жизни души и сознания. Его и пишу — в связи лишь со внешними передвижениями и случаями жизни текущей.

И кстати: все эти уразумения, новые понятия о свете и тьме, о материи как матери нашей, о руке и языке вещества, что я прописывал доселе, — ведь в них явный след Щитова: воздействие сего благоуханного места, где в меня прямоком вливалась природа и ее сомыслы с нами, на соображения моего ума. Воистину искомое и желанное преобразование моего разума и сознания в эти дни свершилось — в сих записях зафиксировано. <....> (43-44).

<...> Моя жизнь = моя «система»

Алексей Федорович Лосев (философ), когда я ему изложил, чем живу (и про «воплощение рассеянного бытия с обратным рассеянием» и проч.), сказал: «Надо писать систему».

Но система есть образ Целого. А что во мне наиболее приближается к целому бытия и есть мое целое? Разве ум мой, логос, слово? Это все — часть. Жизнь моя вся — вот мое целое. И я ее делаю ручкой Целого Бытия: ему вручаю — да пишет мною и самосознается. И тогда дух мой, слово и логос (поскольку уже они на службе у целого бытия) чрез целое моей жизни наиболее способны за срок-течение жизни моей явленный чрез меня образ Целого и начертать.

Это и будет моя «система». А не то, что я сейчас выложу и возведу-выстрою логикой, сведя концы с концами.

Хотя это — задача! Большое усилие... Но тогда это дело отменит Жизнь, ее надобно... Да и сам ум опасно выхолостится — боюсь. Нет, верю Жизни, что — вразумит... <...> (54; текст датирован: 9.06.69)

<...> Ученичество

Как хорошо учиться, а не «творить»! Как благостно постигать, а не чувствовать обязанность каждый раз выжимать из себя, а если нейдет — тогда смерть (Пушкин), самоубийство (Маяковский). Какая претензия и неблагодать!

Вот я читаю Лао-Цзы и Гегеля, учу греческий, вглядываюсь в травинку, постигаю и существую = по существу шестую — нет, пребываю в сутях, а не стремлюсь лишь к ним.

Как хороши мелкие констатации, а не усилие перевернуть и все постигнуть! Это значит: при том, что мне дарована благодать ощущения целого, в предмете ума и зрения иметь могу дробность и вытягиванье Бытия — в вещи; ну да, как вон в стебель оно втекло и, им извиваясь, втекает дале в зерно, семя. Реки: из родника — в море. А в воплощении рассеянного бытия — обратное течение: океан умалется в реки (стебли) и далее уплотняется в вещь, родник, атом.

О, радость! Я снова — как дитя и школьник: учу языки и вещи, знание естества и знание слова.

Читал Гегеля (Логику), движим потребностью определить свое дело и точку. И вот: ученичество, вечное, последовательное вопрошение (наивное, как у Сократа) и переживание точек зрения — не метафизическая ли это позиция? И не она ли пристала человеку — как ученику Бытия и Бога, жизни и истины?

До сих пор я изучал языки (слова) и мышление (как мыслить?), т. е. все — предпосылки познания. А пока ведь я ничего не знаю. Теперь надо начать узнавать. А пока я лишь инструментом познания овладевал. <...> (72-73; текст датирован 2.09.69).

<...> [*Фрагменты без названия. — А. А.*]

[1969. — А. А.] <...> Европейское мышление есть «я»-мышление. С Декарта это осознано, далее Кант, Фихте, Гегель и т. д. И все время учет точки наблюдения и поправка на нее (относительность Эйнштейна): где нахожусь я-наблюдатель. И в «60 днях в мышлении»⁵² этот же я-подход явил. И до сих пор: путь моего «я» в миропонимании фиксирую.

А вот добыть бы «внеянное» сознание — к этому переходить буду.

Естествознание и наука Запада — все отношения исследуют: солнце ль вокруг меня, я ль вокруг солнца?.. Все — раздвоенное сознание, в раздвоении, рефлексии и взаимоотражениях черпающее бесконечность мыслей и идей: внутри этого раздвоения на субъект-объект, на «я» и предмет наблюдения. И вся природа сознания, мышления исследованы Кантом — Гегелем как только при «я» возможные.

⁵² «60 дней в мышлении. Дневник одного путешествия вокруг света, или Роман о приключениях мысли (Сотворение жанра)» — мое сочинение осени 1961 г., в котором я впервые вышел на свой жанр «жизнемыслей», или «привлеченного мышления», или «экзистенциальной культурологии», в коем я работаю с тех пор всю жизнь. Там три слоя текста: трактат о содержательности форм, дневник моей жизни, пока писался трактат, и комментарий, связующий то и другое и показывающий, как сюжет и заголовки моей личной жизни решаются на сублимированном уровне теоретических построений. Трактатная половина этого текста вышла книгой «Содержательность художественных форм. Эпос. Лирика. Театр» (М.: Просвещение, 1968). Один известный профессор эстетики написал разгромную статью на нее в «Известиях» от 3 марта 1969 г. и донос в Комитет по печати, после чего были сняты и директор и редактор, а я надолго отставлен от печатания своих писаний. — 23.06.93. (*Здесь и далее во всех не оговоренных случаях — примечания Г. Гачева.*)

Ну а если без этого, по-другому как? По крайней мере, для начала исследовать возможность «ты»-мышления, «оно»-мышления, «он(она)»-мышления <...>. Значит, безличное, без идеи лица — такое понятие мышление.<...>

<...> **16.09.69.** «Знающий не доказывает, доказывающий не знает» — эту мудрость Лао-Цзы и Толстой включил в «Круг чтения».

А европейская мысль поставила доказуемость условием знания и потому знает доказывание, разные его способы — и не верит прямому знанию-ведению. Платон же не доказывает, а провозглашает. А софисты — доказывают. Итак, — отринуть доказуемость и угождение принципу доказательства. <...> (93-95).

* * *

Лето 1970

3.04.86. *Поверх груди моих записей этого, 1970 года, лета — листки, школьно-девичьим почерком исписанные: это дети Ивана Лобача ко мне приходили часто к столу под ветлой и, видя, как я маракую, похотели и сами пописать.*

— Дядя Георгий! А можно мы тоже будем писать? Про что можно?

— Про что хотите. Вот бумага — берите.

— И вы это в книжке своей используете?

— Конечно, когда-нибудь введу.

И вот пусть их эти письма будут как «Введение в Щитово 1970».

Так оживительно звучит их речь простодушная при моем мудреном слоге — воистину будто весенне-летние зефиры после трудного и мрачного зимнего Боря.

И ни слова, ни буквы править не хочется — ведь понятно же все и с милыми ошибками.

Как уст румяных без улыбки,
Без грамматической ошибки
Я русской речи не люблю.

Прислонюсь к Пушкину.

* * *

«Наша деревня очень маленькая. Маленькая она оттого что во время войны ее разгромили. Сдесь было очень много домов, но сейчас осталось всего 5 домов. Сдесь была школа во много этажей. Сейчас эту школу перенесли в деревню Шубино. Мы в этой школе учились, а сейчас учимся в Свитине. Наша учительница хорошая ее зовут Татьяна Дмитриевна (как Татьяну Ларину! — Г. Г.), а ее фамилия Устинова. Моя мама работает в совхозе по наряду. Мой папа тракторист. У нас в огороде растет лук, капуста, морковь, свекла, огурцы, репа, редиска, редька. Я читала книги особенно мне понравилась «Партизанка Лара». Понравилась она мне тем как Лара мужественно боролась с немцами. Летом у нас весело, мы играем в разные игры. Особенно мне нравится игра в двенадцать палочек. Летом мы ходим в лес за грибами, за малиной, ягодами. У нас в деревне есть козы и одна корова. Скоро в саду поспеют яблоки, крыжовник, смородина, и у кого малина.

У меня есть сестра Галя она учится в 6-ом классе. У меня еще есть три брата. Одного брата взяли в армию. Мы жили в деревне Юдановке. У нас дома есть телевизор. Я каждый день смотрю кино. Больше всего мне нравится кино «Четыре танкиста и собака». Это кино я смотрела всего два раза. Я учусь в четвертом классе. У нас каникулы 30 мая. Для пятого класса у меня есть все книги. У нас есть котята.

У меня есть подруга ее зовут Наташа она учится в четвертом классе. Мы с ней учимся с первого класса и вместе с ней сидели. У меня есть сестра она учится в шестом классе. Она отличница. Ее вывесили на доску почета. Ей дали почетную грамоту и книгу «Босоногие годы».

Сейчас расцвели ландыши. У нас есть пчелы. К нам в деревню приехал дачник. Он мне нравится он очень добрый. Он привозил к нам артистов. *(Это я им открытки из города привозил. — Г. Г.)*. Сейчас у нас уже больше тридцати. Мы ходим в кино. В клубу бывают интересные кино.

Мы посадили картошку. Я ходила в лес за ландышами.

Мой брат прислал нам свою фотографию у него 4 значка.

Он служит в городе Клайпеде

Рая Лобачева».

* * *

«Я учусь в Свитинской школе. Там всего 20 учеников.

У нас в деревне есть турник.

К нам в деревню приехал дачник. У нас уже засвили яблоки, груши, сливы, вишни. У нас в деревне очень много сломанных домов. От чего они сломаны. Ребята разбили окна и отломали двери. У нас летом, весной, и осенью очень жарко. У меня есть сестра Галя она учится в пятом классе. *(Рая писала, что в 6-м. Видно, перешла в 6-й. — Г. Г.)*. Ей дали почетную грамоту и книгу босаногие годы. У нас в деревне есть магазин. Я перехожу в 3 класс. У нас был диктант, я написала на 3. Я ездила на эликтрички.

Почему солнце бывает молодым потому что через год солнце меняется и становится опять молодым. *(Это мы с ней философствовали. — Г. Г.)*. Ваня Андриянов провел своих солдат в поход. А в доме Андрияновых жили фашисты. Так Ваня Андриянов помог выгнать фашистов. и 13 летнего мальчика наградили красной звездой.

На улицы хорошая погода. В Шубене всего 4 дома. У нас взошла расада. В Шубене есть школа. Весной все деревья стоят зеленые. У нас взошел лук. У нас в деревне есть козы, овцы, коровы. Весной мы играем в хоранички *(«прятки» так красиво названы: от «хоронить-ся».* — Г. Г.), в салочки. Я смотрела сказку Брятовую руку. Я читала книгу кто колечко найдет, кто с крелечка сойдет. У нас есть магазин. Летом ходим за грибами, ягодами и за малиной. Осенью поспевают сад. Я очень люблю яблоки...

У меня есть сестра Рая она учится в 4 классе. Она очень любит читать книги. Моя мама уходят на работу в 8 часов, а проходят в 5 часов. У нас есть карова. Сейчас цветут яблони, груши, сливы, вишни. Я люблю свою маму. Я умею прыгать. У нас уж маленький крыжовник. Нашей Гали дали почетную грамоту. У меня брат служит в армии. Этот город называется Клайпеда. В нашей деревне добрый дачник. Мы учимся в Свитено. У нас в школе звать учительницу Татьяна Петровна. У нас на огороде стоит чучило как его сделали? Шили круглый мешок и напихали соломы, сшили нарукавники и напихали соломы и пришили к тулвещу. И так же сделали ноги. У нас на плотинке очень чистая вода. Мы ходим купться в Свитель. Там очень опасно, и глубоко.

Почему вырастает трава поэтому что в земле есть маленькая трава и из маленький травки вырастают корни. *(Тоже философствовали. — Г. Г.)*.

Зимой мы катаемся на лыжах, на салазках. Я читаю книги. Зимой деревья стоят голые. Зимой дачник уезжает. Летом 30 мая нам дают кониклы. Я ездила в Музей Ленина. Я видела Ленина. Там очень красива. Я читала книгу о Мальчише Кабальчише и Лару партизанку. Эти книжки очень хорошие. Может и вы знаете эти книги.

Таня Лобачева».

3.04.86. *И так две милые привратницы щитовского рая очень приветливо встретили нас и толково ввели в курс местной жизни и дел. <...> (114-117).*⁵³

<...> [Фрагмент без названия. — А. А.]

21.05.70. Встаю — и нет у меня сегодня исследовательского напора. А сел на крыльцо и жду подсказа от бытия, от природы.

⁵³ Чего это я все переписываю?... А — нравится! Вот так бы и писать философские книги. Или социологические... *(Примечание А. А.)*.

Но ведь это значит: **сама жизнь моя отдана, есть орудие бытийственного эксперимента, мною он ставится, так что мне надо лишь прислушаться, а не усиливаться на отвлечение от жизни в некую проблемную трубу иль скважину, как тем, у кого жизнь сама собой, мысль — сама собой.** [*Выделено мною.* — А. А.] (137).

Жертвую правдой, служу истине

Как это? А вот как. 6 с лишним лет я фактически обманываю свой Институт мировой литературы: получаю зарплату, ничего им не давая и не заявляя открыто, что совсем на них работать не могу и не собираюсь, а только на Истину. И за это время, обманывая частное (государство, науку литературоведения), т. е. нарушая «правду» и «справедливость» (а они — в измерении кесаревом), служу Богу, Целому. Истину ищу, вырабатываю неориентированное мышление, и в поисках Абсолюта написал ряд сочинений вольного и чистого мышления.

Бочаров⁵⁴ меня осуждает: раз ты в чужом монастыре, то должен считать-ся с его уставом или уходить, т. е. он за правду под предлогом ратования за тождество правды и истины. На самом же деле любит людскую правду — недаром так нравится ему экзистенциалистская интерпретация фразы «Платон мне друг, но истина дороже»: «Раз Платон мне друг, пожертвую истиной», иль повторяет Достоевского: «Если мне предложат выбрать: с истиной или с Христом? — я останусь с Христом».

Я ж уровнем правды, добра и зла пожертвую за уровень истины, святости и греха — потому допускал себя до совершения неправды и зла. <...> (137-138); текст датирован: 21.05.70.).

<...> Распредмечивание Бытия (считаться с читателем и предметом?..)

<...> Итак, очертилась ситуация: бебрежное и сверхпредметное поле Истины, где предметы и слова — локальные ее блески. Читатель — тоже отдельность и на правах предмета. И недаром он требует, чтобы «держались предмета мысли», а не растекались бы мыслию по дереву», хоть бы Дереву Жизни или Познания. В уважении к предмету он видит (и справедливо) уважение к себе, ибо это есть уважение ко всему этому уровню человеческих твердых рассечений бытия на части, на субъекты и объекты. Меня ж постоянно упрекают за то, что я не предмет строго трактую, о котором вроде пишу, но беру его поводом для, как они говорят, «самовыражения» (тоже на том же уровне субъектно-объектно меня прищипывая — как избыточного субъекта), а я чувствую: для проникновения чрез предмет за него: в порождающее его лоно Целого — и потому позволяю себе играть предметами, смешивать, разрывать их грани. (139-140; текст датирован 22.05.70).

На лекции Аверинцева

Подобное же упрекнувание предъявляют Аверинцеву ходящие на его лекции. Вот и в субботу после лекции, внешним предметом которой был Древний Рим, его самочувствие и культура, говорили так: так ли, правильно ли

⁵⁴ Бочаров Сергей — литературовед, мой друг, вместе учились в МГУ и работали в ИМЛИ (Институте мировой литературы). — 26.06.93.

он протолковал Катутла — как примитивнейшего из древнеримских лириков, «а я так думаю, что в нем есть и другое» и т. д. и что он неточно о предметах и не все верно говорит, но — интересно. Другие, напротив, восхищаются точностью знания предметов, о которых он говорит: верным в них вживанием и передачей — как медиум. Так, Б. Шрагин⁵⁵ об Аверинцеве: он гениален в своей способности передать любой предмет, проблему культуры, мыслителя адекватно, как бы изнутри его самого.

Я так думаю, что Аверинцев, конечно, имеет дело со всем семантическим полем мирового духа, культуры, сразу оно все в нем дышит — и лишь те или иные его (поля) внутренние значения и вопросы лучше вскрываются на тех или иных предметах (эпохах, произведениях, писателях), и он на них их и показывает выпуклее. Но не сами предметы — цель (хотя изящество и глубина их истолкования — его тоже цель и гордость). Так, из римской любовной поэзии: появление «я» и «ты», причем «ты» как чужое «я» и воля, и оттуда предел, тогда как греческая поэзия не знала любовной лирики, но — эротичу, где настроение — безлично (будь оно вожделение телесное или духовное, Платоново...).

Итак: проникнуть через предмет как канал и скважину — в глубину. И там плавать, уже из зоны суеты предполагая возможные предметы — как воплощение этих **пред-**положений. Вот смысл того, что у божеств ум, мысль равны воле и делу, т. е. творческая сила сама по себе (мысль) без рук совершается: подумал — и это уже где-то сделалось, предметилось. <...> (140-141; текст датирован 22.05.70).

<...> *Садим картошку*

У Деда в доме — как в храме толковости и неспешности. Поносил я ему мешки с картошкой на поле, и он позвал:

— Лапши поешь?

Сели обедать. Лапша на густом козьем молоке.

— Свининки принести нарезать?

— Как ты, смотри сам.

— Я-то не буду.

— Ну и не надо.

— Потом тогда, когда кончим...

(Тогда самогончику п̄ставит и за свининкой в погреб слазит).

Едим тихо. Вглядываюсь в окно.

— Это что за птица?

— А? Плесница. А здесь говорят «трясо-гузка»: все хвостом трясет. По-нял?

Чай пили.

— Спасибо говорю, — хватит.

— Пей, вода дырочку найдет. Деды, бывало, три чайника по три литра выпивали. Зайдет — просит «пару чая».

Сидим.

⁵⁵ Шрагин Борис — философ, эстетик. 16.04.92.

— Так, — говорю.

— Так дело, не ходи бело.

И вот школа вдумчивости и медитации с Дедом. Время перестал чувствовать. Кряхтит сзади: портянки, солдат, наматывает. Скоро лошадь запрягать — будем за ней картошки в борозду кидать. <...> (148; текст датирован: 22.05.70).

<...> *В начале была цель...*

29.05.70. Вчера соседская девочка Таня Лобачева, 10 лет, ко мне:

— Дядя Георгий! А вы мне обещали объяснить, что это вы там все пишете?

— Ну давай попробую. Вот мы живем. А зачем?

— Чтобы не умереть: кушаем, одеваемся.

— Но и животные так. А чем мы от них отличаемся?

— Животное — зверь. А мы — люди.

— А что это такое?

— Мы дом большой строим и огород сажаем, а зверь — в берлоге: в ней места мало, а у нас и люди, и мебель, и животные в доме могут.

— Ну вот живем — и умрем. А отчего?

— Состаримся, заболеем.

— А есть что не старится, а всегда одинаково?

— ?

— Ну вот солнце например. Разве оно не одно и то же всегда?

— Как же одно и то же! Оно тоже то молодое, то старое.

— Как так? И как часто меняется?

— Ну, раз в неделю.

— В неделю? (А ведь похоже: воскресенье-то раз в неделю бывает, а Христос — Солнце. И на многих языках это день, посвященный солнцу: англ. — Sunday, немецк. — Sonntag).

— И еще весной оно одно, а осенью, зимой — другое.

— Значит, еще и каждый год меняется?

— Да: оно устает, старится, а потом новое солнце приходит, как Новый год.

— Ну вот видишь, мы уже с тобой и говорим о том, над чем я думаю: откуда все? почему?.. Вон травка — откуда?

— Из корней.

— А корни откуда?

— Ну, это я не знаю. Скажите!

— Как же я скажу, когда сам над этим думаю и, может, не знаю.

— А я придумала: в земле белые маленькие волоски-корешки, а от них корни, и из них трава вырастает! Видите вот эти волоски? — и, выдернув травку, показывает.

Ну, думаю хватит загонять ее в дурную бесконечность, и говорю,

— Вот это уже нравится мне. На тебе листок бумаги — возьми и запиши об этом.

— Из чего трава?

— Да, и про солнце: очень мне понравилось, как ты его объяснила.

И так мы с Таней Лобачевой уперлись в причину и цель — в «целевую причину» («энтелехия» Аристотеля).

Так, по причине **Волга** образуется из родника на Валдайской возвышенности. По цели же (по второй части энтелехии) Волга образуется Каспийским морем, куда она впадает: ибо вакуум, созданный морем, его жаждой, всасывающей зéмли, стягивающей равнины вниз к себе, и сделал наклон и тягу, в силу чего потечет — образуется желоб Волги. И Каспийское море подхватывает каплю на Валдае и, владея уж ею, тянет в себя. Ибо не было б Волги без этого стока (как и не было б без материи капель воды). <...> (158-159).

<...> [Фрагмент без названия. — А. А.]

7.06.70. Проходили с Васькой мимо куста сирени. Сорвали.

— Умеешь, Вась, счастье искать?

— Умею.

Ищем. Я тоже. Не нахожу. Да и верно: я ж в счастье живу, так что мне не его искать. Мне уж истину — вот искать. А счастье — при мне. (Тьфу-тьфу!) Так что мне: «Счастье — хорошо, а истина (не правда) — лучше». <...> (163).

<...> **«Не судите! = не делите»**

19.06.70. А ведь Христова заповедь «Не судите, да не судимы будете» буквально: «не делите». (*«Мэ кринете ина мэ критхете» — в то лето я читал Новый завет медленно, ибо по гречески, так же как в предыдущее я переписывал в день по главе из Лао-Цзы, а в 68-году успокаивал себя, переписывая в день по песне «Бхагавадгиты». Такие вот стадии духовно-религиозного развития. — 19.04.92*)..

То есть это заповедь целостности и есть принцип и способ всем сохраниться и пребывать целым и с Целым. Не делить(ся) не раз-личать, вообще никакого «раз», ибо раз = рас(кол), и «раз» влечет за собой «два» (*диа-вол — «диа-болос» — «рас-кольщик», «разбросавший надвое» буквально, по гречески. — 19.04.92*), а далее — всю автоматическую маршрутовку среди множеств: «раз — два», левой — правой! Кстате, недаром в воинстве эта четкая Двоица — в команде шага: этим застолбляются устои существования: да — нет, мужское — женское... Они как бы культовым заклинанием в мир вгоняются, гвозди Двоицы вколачиваются шагами-сапогами-молотами. И от нее уже эхо лишь падает на «три» как опадание: «раз — два — три...» (пауза) — на четыре.

«На «три» нет счета в воинстве, в социальности, в государстве (лишь в танце: вальс, мазурка, менуэт...), а на 2 или на 4. Тетрада (четверица), квадрат — число расчлененного, выявленного Целого (ибо когда оно — Единое, оно неразлично и непознаваемо): когда оно внутри расчленилось, различилось (на 3 — три лица Троицы) и снова замкнулось, завершилось — в совершенстве пребывает, чего знак (совершенства и полноты) — Четверица. Знак сделанности.

Вообще, Двоица и Четверица — ургийны, кинетичны, трансцендентальны, явлены. А Единица и Троица — потенциальны, сокровенны, тайны, трансцендентны. Двоица — та вообще только для напорождения Множества сотворена: ее руками, Эросом — Яростью все вещи, существа насечь из Целого мира, расчленишь и закрепить в членораздельном состоянии. Это как

руки Целого-Единого, как слепые его, тупые орудия, как сторукие Котт, Бриарей и Гийес вызваны Зевсом в битве богов с титанами.

Двоица — очень понятна и очевидна во всем. Но Троица — уже таинство, сворачивание Двоицы назад, вворачивание в Единое, а не курс разворачивания во Множество — все вперед и в прогресс (= «*вышагиванье вперед*» буквально, по латыни. — 19.04.92). Троица — опять немота и тишина. Двоица — гвалт и скрежет Эроса, притяжений-отталкиваний, движение матери(и), ее содрогания. Троица — снова покой: мир, благоволение, гармония — не равно-весие: это из зоны Двоицы, как и сим-метрия. Троица — шар (3 измерения в нем) и кривая. Двоица — прямая и плоскость (площадь) — линии социальности.

И недаром Троицы нет в военном марше (где структура рассечения надвое, как и суть военного дела, убийства: усекновение, рассекать мир, расчленять; и потому война — Эросное дело объятия, соития — «рукопашный бой», и любовь сравнивают с битвой и наоборот), но есть в танце. А танец — хоровод, круг, представитель космоса в Социуме людей, образ вращения сфер, где — гармония. Как и в искусстве все — сверхсоциально: оно — представитель Космоса, его строения и воли, Единого, Целого. <...> (183-184).

<...> *Быть счастливым*

12.10.70. Последнее время много общаюсь (с давними спутниками жизни, В. В. Ивановым; с Пятигорским встречался под самогон наедине)⁵⁶ и должен был себя формулировать.

На вопрос: счастлив ли? — «Да», — отвечаю твердо, как и на вопрос: как живешь, — «Хорошо».

Так действительно чувствую. Правда, странно, что вот «достиг я высшей власти», т. е. потолка желаний человека: «быть счастливым» — и (а все еще) продолжаю жить и это состояние для меня буднично.

Но ведь быть счастливым — это не все.

Счастлив — значит: с частью. Да, я добыл свою часть, свой удел. Но тем сильнее жажда — к Целому.

Ты счастлив = Ты сыт? Но ведь это же не все: поверх сытости живет духовная жажда. Так и: быть счастливым — это лишь предпосылка поднятия и постижения чего-то высшего.

Счастлив, — значит, свободен от того, что вяжет нас, людей, и могу идти дальше.

Но то же — и к свободе относится. Объясняю свой принцип: **жить в обществе — и быть свободным от общества**. Вот я уж более десяти лет живу и думаю и пишу свободно. Перефразируя Козьмы Пруtkова формулу: «(Если) Хочешь быть счастливым — будь им!» = «Если хочешь быть свободным, будь им!» То есть не думай, что она — предмет вне тебя, некая вещь, которую надо «взять» (у кого-то), «добыть» (как руду на гора); она сотворяема, ее бытие не вещное, а творческое, ее производят, так что не ной об «условиях и предпосылках», а будь, сразу! (281).

⁵⁶ Иванов Вячеслав Всеволодович («Кома») — лингвист, культуролог; Пятигорский Александр — философ, индолог и буддолог. Оба — мои сверстники и сосуденты. — 23.06.93.

* * *

<...> Четверть века спустя

13.06.93. <...> Считаю «Лета в Щитове» — 1969 и 1970-й. И не хочется вторгаться в текст с нынешним своим. Сейчас я вроде бы вышел из кишения страстной жизни и попроще и полегче и мое существование, и душа, и вопросы уму. То и тогда — интереснее, напряженнее. Больше нерешенности. А сейчас уже все состоялось и необратимо — и в жизни, и в понятиях. Больше решенного. Драм нет. Все просто и примитивно со мной стало: выжить бы, продлится, здоровышко хоть какое удержат (глаз, рука...), семейка из жены и дочек чтоб цела, и все длились. Ну и чтоб книжечки мои выходили, печатались.

«Нет проблем!» Неужто и я могу так сказать, как бодренькие американцы оптимистично на всякий вопрос и загвоздку сим реагируют: мол, «будет сделано, все ясно!»?

Ну а чего ж бы ты хотел? В свои 65 лет — как Фауст быть: искать смысл жизни и свой путь, «в дебрях неясного и нерешенного» пребывать? Уж жизненные вопросы должны быть решенными для тебя — предыдущим ходом жизни и пути. А коли не решил ты, то смерть за тебя решит и в каком состоянии тебя застанет — так и зафиксирует и приложит.

Вот тут-то заволновался и я нынешний. Сказано: бодрствуйте, ибо не ведаете часа... И в каком душе-и-умонастроении застанет тебя конец, в том и навечно останешься.

Ну, а «судьбы России»? Пути истории, цивилизации, человечества?.. Они уж — как есть, сами собой, Божьими путями, неисповедимыми мне, двинутся мимо меня.

Да, это раньше я, молодой, спаивал свой путь и выбор с общим и во оправдание своего именно такого понятия, настроения или поступка турысы миропостроений приводил. <...>

Улыбаюсь и доволен, как корабельщик, что миновал Симплегады⁵⁷ или мыс Горн с воронками их и ураганами. И доволен, что не отлынил от труда страстей и проблем, много их пришлось решать. И что благополучно вроде — для тебя и вовлеченных тобою в жизнь — все разрешилось: жены, дети — на хороших путях, не изуродовал ты, а мог бы... Так что некое благословение Господне и на своем жизнепрохождении ощущаю. А и доклад о пути-шествии своем многопроблемном оставил: судовой журнал ежедневно заполнял.

<...> Да, теперь еще больше восцениваю свой дневник за жизнь: он вскрывает динамику под статикой: каждый атом и миг предстает не как статуарность, а поле напряжений. Каждый ответ — как драма, действие вопросов.

То есть мое делание — сродни физике XX века, раскрывшей микро под всяким макро. И наоборот: бешеные скорости — света! — в жизни ничтожно малых частиц и состояний элементарных. Так и вроде бы «элементарные состояния» нашей будничной жизни: встал, обнял жену, повел ребенка в лес — какие там вихри небесные и адавы могут крутиться. <...> (340-343).

<...> Что Бог подаст

14.06.93. <...> Очами Светланы напоследок окинул текст... «Все было не так!» — небось, скажет. Да, если бы иметь ее записи тех времен и параллельно

⁵⁷ Симплегады — скалы Сцилла и Харибда: пролив между ними еле прошел Одиссей у Гомера.

соположить в тексте — вот диалог бы получился! Но ей тогда такой субъективной рефлексией заниматься на ум не приходило, потребности не было: знай-успевай существовать: дочь растить — кормить, работать, читать, объективно продумывать — писать!..

Пожалуй, эти утренние два умозрения (вчера и сегодня, пока считываю «Щитово») можно будет дать в текст — как ему «Постскриптум». Еще и умозрение на Троицу подключить — удачное. И так естественная точка будет поставлена в этой подлинно **открытой книге**, потенциально бесконечно длящейся... — бы... (346)

(Г. Гачев. Семейная комедия. Лета в Щитове (исповести). М.: Школа-Пресс, 1994)

Ремарка: жизненысли и мыследействия.

Книга Г. Гачева — это «приключения мысли», «записи человека, который вдумывается» (с. 8).

В ней мало описаний («...Ну ладно. Хватит информативно-описательного текста. Скучно мне его писать...» — обрывает себя Г. Г. на полслове; с. 16). Здесь нет внешней фабулы (как, скажем, в моей «Драматической социологии»...).

Но есть — драма!

Просто здесь действие (по крайней мере — в период, когда создавались Гачевым эти записи-«жизненысли»), обращено преимущественно **вовнутрь**. Мысль, размышление — тоже действие!

Возникает другая интрига — интрига **действенной мысли**. (Ср. у К. Свасьяна: «Школа Гете — школа действенности...»).

И — жизненный эксперимент: «...не знаю чей: кто или что его надо мной ставит...» (Г. Гачев).

В жанре «исповестей» и «жизненыслей» написаны почти все произведения Гачева. Здесь удерживается от библиографической справки, ввиду ее объемности, с одной стороны, и общедоступности с другой.

По тонкому замечанию Ч. Айтматова, «Гачев пытается привить древо познания к древу жизни...». (Апрель 2000 — апрель 2005).⁵⁸

...И, наконец, **философия** есть, в сущности, дневник. Отсроченность во времени, существенная для дневника, представляющего технику власти над временем, — эта отсроченность оказывается существенной для **генезиса самосознания**, культуру которого и предлагает философия. Как писал Ю. М. Лотман, одним из наиболее константных признаков культуры, признаком, который можно считать универсалией культуры, является **потребность в самоописании**. Самосознание задается самописанием. Потребность в са-

⁵⁸ Еще раз оговорю: не запоздалой попыткой презентации произведения, вызывающего у автора этих строк истинное восхищение глубиной предметного содержания, свободой персонального «жизне-мыслия» и блеском литературной формы, является данный раздел. А лишь своего рода апологией предпринятого Г. Гачевым (произошедшего с ним?) «бытийственного эксперимента», испытанного им метода (жизни... творчества...) и изобретенного (открытого?) им жанра: автодиалога, или диалога с самим собой, прежним, годы спустя.

моописании и реализуется в создании автодескриптивных текстов метакультурного уровня, которые можно считать грамматиками, создаваемыми для описания самой себя. (Лотман Ю. М. Статьи по типологии культуры. Тарту, 1973, с. 4-5]. Таким образом тот язык, который выступал как внешняя «тотальная коммуникация», создается не где-нибудь, а в самом дневнике. Ведь любой официозный текст порожден субъективностью, а потому прошел дневниковую стадию...

К. С. Пигров («Дневник: общение с самим собой в пространстве тотальной коммуникации») ⁵⁹

П.23.12. Классическое, неклассическое и постнеклассическое социальное видение

Из книги В. Васильковой «Порядок и хаос в развитии социальных систем (1999)» ⁶⁰

<...> В настоящее время социальная теория в целом находится в тисках мощного парадигмального кризиса, касающегося осмысления общепринятой «картины социального мира» (с его сквозной тематикой эволюционно-структурной упорядоченности) и метода, породившего эту картину мира. Этот кризис есть выражение тех кардинальных сдвигов в стиле мышления и понимании мира, которые знаменуют переход от классической парадигмы знания к неклассической и постнеклассической парадигме.⁶¹ Суть проблемы сводится к тому, что классические объяснительные принципы и схемы не способны в полной мере ответить на те вопросы, которые ставит современная эпоха постнеклассичности. Используя терминологию А. Дж. Тойнби, можно сказать, что современная социальная теория ищет Ответ-на-Вызов современной эпохи.

Интерполируя подобный парадигмальный сдвиг <...> на социальное знание, мы можем так охарактеризовать основные черты классической парадигмы социального знания.

1. Социальная история развивается **линейно, поступательно, без альтернатив**, ориентируясь на высшую конечную историческую или постисторическую цель. Социальное развитие предсказуемо и «ретросказуемо»: настоящее определяется прошлым, а будущее — настоящим и прошлым. Таковы концепции провиденциального типа (включая концепции последовательно-

⁵⁹ Цит. по: Проблемы общения в пространстве тотальной коммуникации. Международные чтения по теории, истории и философии культуры, вып. 6. СПб.: Эйдос, 1998, с. 213. См. также: Пигров К. С. Вещь и время / Время/бремя артефактов (Социальная аналитика непоправимости). СПб., 2004, с. 25-26.

⁶⁰ Валерия Валентиновна Василькова — докт. филос. наук, профессор философского факультета Санкт-Петербургского гос. университета.

⁶¹ См. об этом: Алтухов В. Контуры неклассической общественной теории // Общественные науки и современность (в дальнейшем — ОНС. — А. А.), 1992, № 5; Алтухов В. Смена парадигм и формирование новой методологии (попытка обзора дискуссии) // ОНС, 1993, № 1; Бакиров В. Социальное познание на пороге постиндустриального мира // ОНС, 1993, № 1; Познание в социальном контексте. М., 1994; Смирнова Н. Классическая парадигма социального знания и опыт феноменологической альтернативы // ОНС, 1995, № 1; Смирнова Н. Социально-культурное многообразие в зеркале методологии // ОНС, 1993, № 1; Федотова В. Классическое и неклассическое в социальном познании // ОНС, 1992, № 4. (Здесь и далее — примечания В. В. — А. А.).

го развертывания в материальной истории надчеловеческой духовной идеи), социального прогресса, формационного развития общества, отчасти — цивилизационного.

2. **Случайность как отдельное событие или проявление свободной индивидуальной человеческой воли элиминируется** в той или иной форме: в первом случае (случайность как событие) она отдается на откуп описательной истории как совокупности эксцессов и жизнеописаний, во втором случае (случайность как проявление индивидуальной воли) рассматривается лишь как почва, мозаичный материал, из которого складываются «узоры» макроистории — ее целесообразные закономерности.

3. Предметом истинного социального знания и критерием его подлинной научности являются **общие, повторяющиеся процессы и явления**. Отсюда — обязательная черта классических концептуальных построений — вычленение необходимой **стадиальности или этапности** общего исторического развития. Основа вычленения таких стадий и этапов — воспроизводство повторяющейся эволюционной матрицы в различающихся условиях.

4. Классические социальные и исторические концепции основаны, как правило, на идее **универсальной историчности**, осмысливающей исторический процесс в его единстве и общей направленности. Разнообразие исторической и социальной реальности рассматривается лишь как инварианты такой эволюционно-структурной целостности.

5. В центре классического понимания социума находится интерпретация «ставшего» (бытия как постоянства), но не «становящегося» (бытия как незавершенности). За таким пониманием стоит признание надисторического и надсоциального (трансцендентного) универсума — идеального прототипа, прафеномена, прообраза порядка и гармонии, сообразно которому должна организовываться «земная» жизнь человеческих сообществ. Отсюда вытекают, во первых, принципиальная **объективация социального знания** (позиция внешнего наблюдателя, противоположение субъекта и объекта), и во вторых, преимущественный теоретический интерес к проблемам **устойчивости, равновесности** в социальном мироупорядочении.

Переход к неклассическому социальному видению в конце XIX — начале XX вв. был связан с появлением таких философских течений, как философия жизни, феноменология, возрождением интереса к герменевтике в ее социальной интерпретации (Х. Г. Гадамер). Исторически и тематически этот переход совпал с этапом кризиса естествознания и явился его методологическим инвариантом. Данный кризис в общеметодологическом и философском плане инициировал интерес к проблемам становления, необратимости развития (т. е. возможности развития как регресса), динамике организации и дезорганизации. Но главным образом были подвергнуты пересмотру эпистемологические основания классического знания, произошел перенос гносеологических акцентов на субъективную интерпретацию, релятивизм, многомерность истины. Субъективизация познания означала бунт познающего субъекта против классического рационализма и объективизации. В центре мыслительного мира встал **живой** человек, укорененный в процессах живой жизни. Стала размываться характерная для классического философст-

ования позиция познающего субъекта как внешнего наблюдателя, поднятого **над** реальностью и способного оценивать и судить ее.

Все эти изменения самым существенным образом сказались на принципах построения социальной теории и на образе социального мироустройства. В частности, применительно к философии истории стало возможным даже говорить о ее завершении, точнее о завершении ее «классического проекта» как постижении единой всемирной истории в ее целостности, предопределенности, общей направленности и смысле. Если познающий субъект находится **внутри** истории и способен через субъективную интерпретацию фиксировать разные ее срезы и придавать им разный смысл, то история никогда не будет завершена. Как писал Я. Ясперс,

«...история не завершена, она таит в себе бесконечные возможности; любая концепция познанного исторического целого разрушается, новые факты открывают в прошлом не замеченную нами раньше истину. То, что прежде отпадало как несущественное, обретает первоисточинную значимость. Завершение истории кажется нам невозможным, она движется от одной бесконечности в другую...»⁶²

Включение исторического человека в смыслообразование истории меняет и образ будущего — будущее общества предстает в его открытости спектру возможностей, реализуемых людьми, в вариативности и альтернативности. Поэтому, как замечает Ю. В. Перов, философия истории в XXI в. вряд ли сможет стать монистичной. Она будет скорее всего выражаться в различных теоретических «проециях», совмещение и наложение которых могут приблизить нас к искомому результату, хотя исчерпанность подходов никогда нельзя предполагать. Впрочем, вопрос о совместимости таких мыслительных конструкций — дело будущего.⁶³

Аналогичный методологический разворот мы наблюдаем в социальной философии и теоретической социологии, в связи с появлением герменевтики Х. Г. Гадамера и понимающей социологии М. Вебера.

<...> Понимающая социология, возникшая как противопоставление позитивизму и натурализму в социологии, опиралась на идеи В. Дильтея о принципиальной специфике социального познания: социальное знание основано на понимании, прямом постижении, тогда как естественным наукам свойственно не прямое, выводное знание = знание как объяснение.

М. Вебер, пытаясь смягчить эту методологическую оппозицию, с одной стороны, признавал специфику социального действия как имеющего субъективный (переживаемый) смысл, с другой стороны, рассматривал понимание лишь как источник формирующихся научных положений (гипотез), которое должно быть верифицировано сугубо научными методами. Таким образом социология **понимает** социальные действия, **интерпретируя** их.

Одним из последних и наиболее продуктивных выражений понимающей социологии явилась **феноменологическая социология**, которая в настоящее время выступает наиболее действенной альтернативой классическому социальному знанию (ведущим концептуалистом здесь является А. Шюц). В рам-

⁶² Ясперс К. Смысл и назначение истории. М., 1991, с. 276-277.

⁶³ Философия на рубеже веков. СПб., 1996, с. 158-160.

ках феноменологической социологии общество понимается как явление, созданное и постоянно воссоздаваемое в духовном взаимодействии индивидов, в процессах межиндивидуальной коммуникации. Социальный мир осмысливается в его сугубо человеческом бытии — повседневном, индивидуальном. В поисках истинных оснований социальной жизни акцент переносится с макромира объективных процессов на **микромир повседневности**. Вместе с тем, вводимое феноменологической социологией понятие интерсубъективности позволяет увидеть, если можно так выразиться, вертикальную динамику в становлении социального знания — от единичных субъективных значений, которые формируются в потоке переживаний и опыта индивидуального субъекта («конструкты первого порядка», до высокогенерализованных, интерсубъективно-обоснованных конструкций науки об обществе («конструкты второго порядка»). <...>

Так наука связывается с повседневностью, а научные понятия обретают истоки и фундамент в повседневном знании и деятельности. При этом наука не обладает правом на исключительную объективность и истинность в суждениях о социальной жизни. Она является всего лишь одним из «миров опыта» (другие подобные миры — мир художественной фантазии, мир религиозной веры и др.). В каждом из этих миров группируются данные определенного опыта, каждый из них обладает своим «когнитивным стилем».

Естественно, что при провозглашении такой многомерности и «многомирности» социальной действительности возникает вопрос о социокультурной **соизмеримости** различных пластов социального опыта, рассматриваемых в качестве уникальных, самоценных и несводимых друг к другу. Ответ на этот вопрос предлагает так называемая социология повседневности.⁶⁴ Именно сфера повседневной жизни человека с ее синкретичностью, нерасчлененностью, слитностью познания с практической деятельностью выступает реальным социально-онтологическим обоснованием культурной соизмеримости. <...>

В целом феноменологическая (неклассическая) ориентация в социологии, перенося исследовательский акцент на социокультурное многообразие, позволяет преодолеть «теоретическую дальнорзоркость» классических глобальных социальных концепций, обращает внимание на те пласты жизни, которые прежде ускользали из круга теоретического анализа. Но что не менее важно, неклассический взгляд на проблемы социума стимулирует новую методологию социального познания — систему «мягких» методов и «смыслосберегающих» интерпретаций.

Обозначим в общих чертах методологическую альтернативу классической и неклассической социальной теории.

В отличие от универсальных классических социальных концепций, охватывающих все стороны общественной жизни в единой теоретической схеме, феноменология утверждает универсальность субъективности. В строгом смысле феноменологическая социология не теоретична, она часто сводится к повествовательному описанию отдельных сторон социальной жизни, из которых складывается относительно целостный, но мозаичный образ...

⁶⁴ Козлова Н. Социология повседневности // Общественные науки и современность, 1992, № 3.

Ремарка: социология — дальнозоркая либо близорукая...

Если классическая социология страдает таким «дефектом зрения», как теоретическая дальнозоркость, то неклассическая, пожалуй, страдает своего рода «теоретической близорукостью». Откуда следует, что необходимо **соотношение** «социальных картин», получаемых той и другой, иначе говоря — **взаимодополнение и интеграция** разных способов социального видения.

В чем, кстати, видел выход «из тупика на коронную дорогу интегральной социологии и психологии» Питирим Сорокин (см. выше: раздел П.23.3). (Январь 2004).

...Если в рамках классической познавательной традиции критерием научности выступает построение особой реальности идеализированных объектов, то феноменология ищет истоки и аргументацию для своих теоретических моделей в повседневном жизненном мире.

В то время как классическая социология разделяет социальные действия на рациональные и нерациональные (в соответствии с заданной ею схемой средств и целей), феноменология пытается исследовать различные формы рациональности, за которыми она усматривает различные варианты человеческого поведения.

Если классическая социология ориентируется на строгость и однозначность своих понятий, то в феноменологической традиции любое понятие обладает «открытым горизонтом значения» и вследствие этого — определенной смысловой «непрозрачностью».

Группируя подобное сопоставление классической и неклассической парадигм социального познания, Н. Смирнова уподобляет их **законодательному и интерпретационному** разуму:

«Законодательный разум самодостаточен и вещает с позиций абсолютного превосходства, интерпретативный же ведет диалог и заинтересован в его продолжении. Осуществление подобных «диалогических» функций в условиях нестабильного социума соответствует реальностям и потребностям современной жизни».⁶⁵

Постмодернистский (постнеклассический) этап в развитии методологии социального познания, ставший в последнее время на Западе своеобразной интеллектуальной модой, есть вариант некоего методологического экстремизма. В его рамках осуществляется отказ от фундаментальных гносеологических категорий (например, объекта и субъекта), а стихия языка и «языковые игры» полагаются единственной реальностью социально-философского исследования.

«Ему соответствует и картина социального мира, разорванного на множество плохо совместимых, наплывающих друг на друга фрагментов. Его олицетворяет и мелькание картинок перед взором субъекта, блуждающего по каналам телевизионных программ или компьютерных игр».⁶⁶

Современный этап в развитии отечественной социальной теории, отражая общенаучную ситуацию, имеет некоторые особенности. Как и в естест-

⁶⁵ Смирнова Н. Классическая парадигма социального знания и опыт феноменологической альтернативы // ОНС, 1995, № 1, с. 137.

⁶⁶ Смирнова Н. Социально-культурное многообразие в зеркале методологии // ОНС, 1993, № 1, с. 81.

веннонаучной эвристической палитре, в современных науках об обществе перемешаны и сосуществуют методологические установки классического, неклассического и отчасти постнеклассического обществензнания (хотя последнее еще слабо приживается в отечественной социологии и социальной философии).

Причем такое промежуточное положение, когда новая социологическая парадигма еще не утвердилась и не получила достаточного рационального обоснования, а старая продолжает удерживать ключевые позиции (особенно в образовательной практике) — это положение порождает как ряд кризисных проблем, так и открывает широкие прорывные возможности в развитии социальной теории. С одной стороны, как отмечает В. Алтухов,

«...происходит противоречивое смешение токов, идущих от разных парадигм, и этим обусловлены необычайная внутренняя разнородность современных знаний, мощная их релятивизация, доходящая до крайних форм методологического и гносеологического анархизма».⁶⁷

С другой стороны, нельзя не отметить, что сложившаяся ситуация чрезвычайно благоприятна для новационного методологического поиска — идет не просто освоение всего спектра современных социологических теорий, не просто плюралистический перебор объяснительных моделей и концепций, но начинается работа по выработке реального, рационально обоснованного **мировоззренческого и методологического синтеза**, базирующегося на выработке общих принципов соотношения, соизмеримости и взаимодополнительности различных методологических и общетеоретических подходов. <...>

Вкратце

Далее автор рассматривает современные обращения, в частности, отечественных исследователей к концептуальному кругу синергетики, как способу выработки некоего «теоретического компромисса» между классической и неклассической парадигмами социального знания.⁶⁸

...По нашему мнению, еще рано говорить о возникающей целостной философии социальной самоорганизации или теории социосинергетики. Но уже сейчас можно определить те методологические основания, которые позволяют синергетическому социальному видению **синтезировать классические парадигмальные наработки и неклассическую интерпретацию социума** и таким образом обозначают основные очертания целостной концепции развития общества как самоорганизующейся, многомерной и нелинейной системы.

Ключом к новому социальному видению является, на наш взгляд, проблема **соотношения бытия и становления**, ставшего и становящегося.

<...> И. Пригожин, обосновывая конец эпохи «безапелляционных суждений и взаимоисключающих позиций», обращается к трудам М. Мерло-Понти, признавая, что новая познавательная ситуация была раньше осознана в социологии как постулирование «истины в данной ситуации». В книге «Порядок из хаоса» приводится следующая цитата из работы М. Мерло-Пон-

⁶⁷ Алтухов В. Смена парадигм и формирование новой методологии (попытка обзора дискуссии) // ОНС, 1993, № 1, с. 99.

⁶⁸ См. об этом специально ниже, в следующей главе.

ти «Философия и социология», ставшая программной для познавательной позиции синергетики:

«До тех пор, пока мой идеал — абсолютный наблюдатель, знание, безотносительное к какой бы то ни было точке зрения, моя ситуация является лишь источником ошибок. Но стоит лишь мне осознать, что через нее я связан со всеми действиями и всем знанием, имеющим смысл для меня, и что она постепенно наполняется всем могущим иметь смысл для меня, и мой контакт с социальным в ограниченности моего бытия открывается мне как исходный пункт всякой, в том числе и научной, истины, а поскольку мы, находясь внутри истины и не имея возможности выбраться из нее наружу, имеем некоторое представление об истине, все, что я могу сделать, — это определить истину в рамках данной ситуации».⁶⁹

Сам Пригожин обозначил эту проблему как дилемму «актер и зритель». Он считал, что общество, как и природу, нельзя рассматривать «извне», с позиций зрителя. Такое описание должно разворачиваться как диалог, коммуникация.

Однако синергетическая методология не есть субъективистский релятивизм. Само возведение проблемы становления в ранг универсальной сохраняет объективные основания познания, ориентацию на поиск устойчивости, повторяющихся «структур порядка» в неустойчивом, стохастически организующемся мире.

Возникает новая и, на наш взгляд, весьма конструктивная исследовательская позиция — «**становящийся**» познающий субъект в «**становящемся**» познаваемом мире [выделено мною. — А. А.]. Истина не дана, она формируется и изменяется в процессе познания. Поэтому безапелляционность в суждениях должна сменяться большой осторожностью в оценках.

Говоря словами Н. Моисеева,

«...все наблюдаемое нами, все, в чем мы сегодня участвуем, — это лишь фрагменты единого мирового синергетического процесса... Все развитие нашего мира выглядит сложной борьбой различных противоположных начал и противоречивых тенденций на фоне непрерывного действия случайных причин, разрушающих одни устойчивые (точнее — стабильные) структуры и создающие предпосылки для появления новых».⁷⁰

Если же человек начинает воспринимать себя как существо, **погруженное** в единый мировой процесс самоорганизации, но вместе с тем и как существо, **постигающее** логику этого процесса, то его оценка социального мира расширяется, но не сужается. Он вступает в живой диалог, коммуникацию со своим историческим временем, со всеми элементами своего социума — и дружественными, и враждебными. <...>

(В. В. Василькова. Порядок и хаос в развитии социальных систем (Синергетика и теория социальной самоорганизации). М.: Лань, 1999, с. 195-206)

[Я вполне солидарен с представленной здесь пронизательной историко-научной и эпистемологической рефлексией петербургского социального философа. К некоторым из высказанных В. Васильковой положений еще вернемся — в главе 25, при обсуждении материалов андерграундного экспертно-прогностического исследования «Ожидаете ли Вы перемен?», рубежа 1970—80-х гг. — А. А.]

⁶⁹ Цит. по: Пригожин И., Стенгерс И. Порядок из хаоса: Новый диалог человека с природой. М., 1986, с. 371.

⁷⁰ Моисеев Н. Н. Алгоритмы развития. М., 1987, с. 63.

Глава 24. Человек в обществе и общество в человеке

24.1. Что же является предметом социологического изучения?

От автора — сегодня

*Автору этих строк уже приходилось заявлять о своей позиции в известном споре между приверженцами социологии социоцентричной, «структурирующей», «дискурсивной», использующей преимущественно «жесткие» и количественные методы, и социологии антропоцентричной, «интерпретативной», «гуманистической», использующей в основном «мягкие» и качественные методы. Буду называть первую — **субъект-объектной**, а вторую — **субъект-субъектной социологией**.¹*

Разные теоретико-познавательные подходы, реализуемые той и другой, как мне представляется, вовсе не исключают друг друга. А говоря метафорически — оба эти «альтернативных» подхода суть разные «русла» единого научного потока, или, если угодно, разные «ветви», равно необходимые для цветения и плодоношения «древа социального познания».

*Здесь напомним и о третьем «русле». Это — **социальная философия** (философская социология?), сосредотачивающаяся на мировоззренческих и смысложизненных вопросах социального бытия и его познания.*

*Будучи соотнесены между собой, «субъект-объектная» социология, «субъект-субъектная» социология и социальная философия составляют **системную триаду** науки о человеке и обществе.²*

*Мне не импонирует ставшая уже привычной трактовка «не классической» (включающей в себя феноменологические, акционистские, интуитивистские, конструктивистские и некоторые иные социологические подходы) и «классической» («стандартно-научной», по выражению В. В. Ильина) социологий как разных социологических парадигм. Ибо само по себе понятие «парадигма», по крайней мере у Т. Куна, связано с «научными революциями», предполагающими **смену парадигмы**; при этом новая отрицает старую, обычно включая ее в себя как «частный случай» для граничных условий (что бывало в истории естествознания).*

*Думаю, речь здесь должна идти скорее о **взаимодополнительности** разных парадигмальных (уж воспользуюсь этим термином!) подходов, при их*

¹ В некоторых предыдущих работах (например, в томе 2 настоящей книги, раздел В3.3) мною использовались менее удачные термины: **«объективная»** (в смысле — «субъект-объектная») и **«субъективная»** (в смысле — «субъект-субъектная») социология.

² См. об этом, в частности, в томе 2 настоящей книги: раздел В3.3. См. также в томе 4: раздел 23.10.

принципиальном **равноправии** (и, кстати сказать, равно глубоких корнях в истории мировой культуры).³

Пожалуй, можно говорить также об их (этих парадигмальных подходах) **пульсирующем** развитии: в разных социокультурных и общенаучных контекстах один (на данном историческом этапе — именно «субъект-субъектная» социология) «наверстывает» свое отставание от другого (в данном случае — от социологии «субъект-объектной»). Эта последняя успела — в минувшем столетии — занять господствующее положение (что и привело к тому, что иногда называют «парадигмальным кризисом» в социологии).

Итак, автор настоящей книги не принадлежит к числу ни адептов «субъект-субъектной» (гуманистической и т. п.), ни противников «субъект-объектной» (структурирующей и т. д.) социологии.⁴

Вот почему для меня равно ценны, скажем: круг научных идей ныне покойной Тамары Дридзе, развернутый ею в цикле работ середины 90-х гг.⁵, и... казалось бы, полярный этим идеям (при ближайшем рассмотрении — не совсем так!) теоретико-методологический подход, разрабатываемый Леонидом Кесельманом в серии работ последнего времени.

Приглашаю читателя раскрыть только что появившуюся книгу: Галина Старовойтова — продолжение жизни / Под ред. Л. Е. Кесельмана. СПб.: Норма, 2003. (Ноябрь 2003).

* * *

О книге «Галина Старовойтова — продолжение жизни» (2003)

Эта замечательная книга, вышедшая в свет ровно в день 5-летней годовщины со дня гибели Галины, включает в себя:

а) тексты развернутых ответов свыше 80 лиц, чей жизненный путь так или иначе пересекался с Галиной Старовойтовой (среди них — российские и зарубежные политики, ученые, деятели культуры, просто друзья), на своего рода анкету⁶;

³ Сказанное относится и к социальной философии, как элементу системной триады социологического знания.

⁴ Здесь уместно напомнить замечание С. М. Розета, которому принадлежит сама постановка вопроса о «субъект-субъектном» и «субъект-объектном» познании в социологии (1992): «...Несмотря на критический пафос приведенных обоснований предполагаемый подход лишь очерчивает область субъект-субъектного познания, оставляя субъект-объектному познанию адекватную ему реальность...» (см. том I настоящей книги, с. 555).

⁵ См. ранее: раздел 23.9.

⁶ Анкета состояла из шести вопросов:

— Какой Вы помните ее и кем была она для Вас при жизни? / Кем, по Вашему мнению, была она для других людей и для нашего общества? / Кем она стала для Вас сейчас, когда ее не стало? / Кем, по Вашему мнению, она стала сейчас для других людей и для нашего общества? / Присутствует ли она сейчас в Вашей жизни и если да, то в каких проявлениях? / Присутствует ли она, по Вашему мнению, сейчас в жизни других людей и нашего общества и если да, то в каких проявлениях?

б) описание и анализ репрезентативных опросов жителей Петербурга (выборка свыше 10 тыс. единиц наблюдения) и Самары (выборка до 3 тыс. единиц), проведенных во второй половине октября 2003 г.⁷

Эти данные были получены по специально разработанной программе общественного Центра изучения и прогнозирования социальных процессов (рук. — Л. Е. Кесельман) совместно с сотрудниками Самарского фонда социальных исследований (рук. — В. Б. Звоновский).

В своей «Попытке предисловия» к книге, Ольга **Старовойтова**, президент «Фонда Галины Старовойтовой» и Леонид **Кесельман**, руководитель вышеупомянутого Центра, пишут:

«...В социальной жизни, судя по данным наших замеров, Галя, безусловно, присутствует. Более того, никогда при своей жизни она не имела столь высокого, скажем так, авторитета, который есть у нее сейчас. Воистину “смертью смерть поправ”, она превратилась в мощное силовое поле, активно участвующее в формировании миропонимания, а значит и поведения людей, всего нашего общества. Этот вывод и является основным содержанием социологической части, а может и всей книги. Надеемся, что эта книга станет заметным событием не только в обозначении памяти о Гале, но и в нашем понимании логики социального пространства, исследованием которого, мы, собственно, и занимаемся...» (Галина Старовойтова — продолжение жизни..., с. 5).

Да, важным событием и в обозначении памяти о Галине, и в нашем понимании общества, в котором мы живем, эта книга, несомненно, является.

Стоит еще отметить, что весь исследовательский цикл проведенного исследования, от разработки программы до издания книги занял... один месяц. Случай — беспрецедентный в нашей социологической практике.

Здесь ограничусь этой краткой аннотацией, ибо тема предстоящего разговора — все же другая. Речь пойдет... **о предмете социологии!**

А. А., ноябрь 2003

* * *

[В своем предисловии к аналитическому обзору материалов исследования на тему «Феномен Галины Старовойтовой в трансформирующемся социальном пространстве» Леонид Кесельман — в предельно заостренной, полемической форме — выражает свою научно-гражданственную позицию.

Ниже — извлечения из этого предисловия. Иногда буду дополнять их извлечениями из другой работы Л. Кесельмана — «Уличный опрос в социологическом исследовании» (СПб.—Самара, 2001). — А. А.]

Из книги «Галина Старовойтова — продолжение жизни» (2003)

Несколько слов о том, кому и зачем нужна социология⁸

В последнее время «социологические данные» все чаще и чаще предъются обществу не столько как характеристики наблюдаемого соци-

⁷ Использовался метод **делегированного наблюдения**, или уличного опроса. (Об этом методе см. в томе 3 настоящей книги: раздел 21.9). Жители названных городов реагировали на вопросы: — Известно ли Вам что-нибудь о Галине Старовойтовой? / Если хоть что-нибудь слышали о ней, как бы Вы оценили ее и ее деятельность?

⁸ Так назвал свое предисловие к представленному в книге аналитическому обзору данных делегированного наблюдения Л. Кесельман.

ального пространства, сколько как одно из средств современной PR-технологии, или, что более привычно для заставших наше недавнее советское прошлое, коммунистической (несколько раньше и в других местах — беспардонной геббельсовской) пропаганды. Разнобой цифр, предъявляемых различными производителями такого «продукта» никого особенно не смущает, ибо аудитория уже давно привыкла, что социология такая же продажная служанка своих заказчиков, как и некоторые другие социальные институты нашего общества. Казалось бы, у желающих сохранить свое профессиональное реноме должна периодически возникать потребность объяснить свои прошлые «ошибки» и как-то оправдаться. Но не тут-то было. Гораздо проще сделать вид, что этих ошибок просто не было (что называется, «по умолчанию»). Тем более, что на смену одной избирательной кампании, активно прибегавшей к PR-возможностям «продажной служанки», накатывает следующая, не менее затратная, а для этих служителей истины и не менее доходная.⁹

Но главное — для профессиональных социологов по-прежнему остается открытым вопрос: как можно отличить профессионально выполненную работу, направленную на выявление реальных характеристик наблюдаемого общества, от, скажем так, менее профессиональной, да и просто от заведомой халтуры, даже не пытающейся «оправдываться» по поводу своей откровенной лжи. Проблема эта стоит не только перед собственно профессиональным цехом, но и перед всем обществом, явно утратившим способность видеть и понимать указанные различия.

<...> В конце 1980-х — начале 1990-х гг. в какой-то момент, когда собственно социология, как наука о **социальных детерминантах** или своеобразных, внешне не наблюдаемых социальных полях, обладающих принудительной силой по отношению к каждому отдельному человеку и всему обществу в целом (в зоне действия которых, хотим мы того или нет, проживает свою социальную судьбу не только каждый отдельный человек, но вся наличная на данный момент совокупность людей), освободилась от всякого внешнего политического контроля и получила возможность обеспечивать **общество** информацией о реальных параметрах этих внешне не наблюдаемых силовых полей, в которых оно существует. Казалось, что времена отсутствия надежной и качественной информации о наиболее значимых характеристиках нашего социального пространства окончательно канули в лету, и мы станем, наконец, жить в условиях естественной и остро необходимой всему обществу и каждому из нас прозрачности основных социальных институтов.

Но не тут-то было. Очень скоро в стране стали возникать службы, представляющие статистические данные об отношении людей к тем или иным социальным и политическим явлениям, событиям и персонажам. Эти ус-

⁹ Писано вскоре после выборов губернатора Санкт-Петербурга (сентябрь-октябрь 2003) и в преддверии выборов в Государственную Думу РФ (декабрь 2003).

редненные и легко запоминаемые данные поначалу воспринимались как «одно из» проявлений, а вскоре — как единственно возможное проявление социологической деятельности.¹⁰ Сегодня не только рядовой обыватель, но и самые первые лица нашего государства искренне убеждены, что измерение всяческих рейтингов — это и есть социология, а все остальное «от лукавого» и не заслуживает никакого внимания. <...>

Вкратце

*Обозревая современное положение дел, Л. Кесельман настаивает на решительном **размежевании** профессионально-научных исследований и бурно размножившихся в последние годы «имитаций социологии».*

Л. К. пишет:

«...Сейчас в стране почти мирно сосуществуют два несколько разных, но, по своему вполне профессиональных сообщества:

а) собственно социологи, занятые наблюдением не людей или их усредненных характеристик, а собственно социума, то есть того внешне не наблюдаемого социального пространства, в котором и действуют различные социальные группы и сообщества, а также отдельные люди;

б) различные исследователи «общественного мнения», или так называемые “полстеры”, одним из наиболее известных продуктов которых и являются более или менее профессионально выявленные “рейтинги” известных политических персонажей...» (с. 179-180).

Конъюнктурно-заказным опросам (в частности, подавляющему большинству электоральных) Л. Кесельман в праве называться социологически отказывает. И далее:

«...Публикация собственно социологических данных просто тонет в море имитирующих их “рейтингов”, а то и блокируется различными местными продолжающего процветать “министерства правды”, либо всячески искажается с помощью... вольного журналистского... пересказа (“своими словами”) основного смысла плохо понятых рассказчиком результатов профессиональной социологической деятельности. С такой же легкостью эти ни в чем не сомневающиеся... представители еще одного древнейшего профессионального цеха, пересказывают и результаты многочисленных жуликов... промышляющих на ниве незамысловатой PR-деятельности...» (с. 180).¹¹

Ремарка: продолжение следует.

Моя поддержка заявленной здесь Леонидом Кесельманом профессионально-гражданственной позиции является безусловной.

¹⁰ Ср. с соответствующей критической оценкой Т. М. Дридзе ситуации начала распространения практики современных «заказных исследований» (первая половина 90-х гг.) в разделе 23.9 настоящей книги.

¹¹ Тем, кому вся эта критика прямо или косвенно адресована, думаю, «мало не показалось»... См. также: Кесельман Л. Давайте разберемся // Телескоп. Наблюдения за повседневной жизнью петербуржцев. 2003, № 4.

*Далее, вместе с автором, сосредоточусь на его собственно-научных идеях, относящихся к природе социального пространства и предмету социологии.*¹²

*Заранее скажу, что теоретико-методологический поиск моего друга и коллеги приветствуется мною, при том, что он представляется заслуживающим также и критического комментария. (Ноябрь 2003).*¹³

<...> Основным объектом внимания социологии являются социальные институты и группы, обладающие свойствами своеобразного **социального силового поля**; тогда как объектом внимания «полстеров» являются сами люди и их мнения по тому или иному вопросу...

Ремарка 1: в чем разница между социологом и «полстером».

Здесь трудно не заметить, что альтернативное выдвигание «социальных институтов и групп...», с одной стороны, и «самых людей...», с другой, в качестве основных объектов внимания социолога либо «полстера» — как будто симметрично различению социоцентричного и антропоцентричного подходов («парадигм») в социологии.

Следует, однако, иметь в виду, что главное отличие «полстеров» от социологов не в том, что первых интересуют «люди и их мнения», а вторых — «социальные детерминанты и т. д.», а в том, что первые, в отличие от последних, преследуют, как правило, венаучные цели.

Современные, скажем, электоральные или маркетинговые опросы, не говоря уж о пиаровских «фальшь-рейтингах», ни к одной из названных «парадигм» отношения не имеют.

Ремарка 2: метафора «социальное силовое поле».

Метафоричные (по крайней мере, по происхождению) рабочие термины — дело обычное в дискурсе социальных наук. Но «работает», понятно, не любая метафора, а та, которая помогает приблизиться к постижению реальности.

Что такое «силовое поле» в физике? Это — «часть пространства, в каждой точке которого на помещенную туда материальную частицу действует определенная по величине и направлению сила, зависящая от координат этой точки, а иногда и от времени. В первом случае С. п. наз. стационарным, во втором — нестационарным» (Советский энциклопедический словарь. М.: Советская энциклопедия, 1990, с. 1219).

*В науках о человеке метафора **поле** применялась К. Левиным, разработавшим в начале 30-х гг. концепцию личности, в основе которой — понятие «поля» («психополя») как единства личности и ее окружения. Это поле*

¹² Эта тема пока лишь вскользь затронута в ранее цитированных отрывках.

¹³ Ноябрем 2003 года датируются также и все последующие ремарки — «заметки на полях» текстов. Л. Кесельмана. Поэтому в дальнейшем обозначать датировку своих ремарок не буду.

оказывается под напряжением, в частности, когда нарушается равновесие между субъектом и средой.

В современной социологии эту метафору использует П. Бурдьё. В частности, понятие «социальное поле», наряду с «хабитусом», является одним из центральных в его структурно-конструктивистской концепции, а введение указанных понятий направлено на преодоление разрыва между макро- и микроанализом социальных реалий.¹⁴

Та же метафора в контексте рассуждения Л. Кесельмана не сводима к упомянутым прецедентам и, на мой взгляд, вполне оригинальна и эвристична.

<...> Социология, как таковая, по нашему убеждению, как правило, не занимается [*здесь и далее — скорее в нормативном смысле: не должна заниматься... — А. А.*] мнением **людей**, обычно выдаваемым за «общественное мнение», и вообще не занимается «рейтингами». Социология занимается изучением тех **социальных детерминант**, которые определяют предпочтения, ценностные ориентации, социальное поведение людей и т. д.

<...> К сожалению, то, что прозрачно для представителей нашего профессионального цеха, почти неведомо большинству других людей. «Жить в обществе и быть свободным от него, к сожалению (а может, и к счастью) невозможно». И несмотря на то, что эта формула многократно изжевана и опошлена <...> марксистскими начетчиками <...>, [*она — А. А.*] абсолютно верна. Собственно, на этой формуле и зиждется все здание социологии.

Обыденным сознанием параметры социального пространства не улавливаются, а **социология — это наука не о людях, а о социуме**.¹⁵ И точно так же, как строителя, занятого возведением прочного, теплого, уютного для жизни (человека) дома в первую очередь должны интересовать технологические параметры объекта его деятельности, а не текст молитвы «Все для человека, все во имя человека», так и социолога должны волновать не слова этой молитвы <...>, а качество информации о тех социальных полях, в пространстве которых вынуждены жить эти самые люди.

Только обеспечив их качественной информацией об этих не поддающихся не вооруженному специальной профессиональной технологией наблюдениям, социолог может помочь человеку сделать эти условия вначале понятными, а затем и более приемлемыми. <...>

Следует еще раз жестко обозначить непривычное для обыденного сознания обстоятельство: **социология вообще не занимается людьми** [*в смысле: не должна заниматься!.. — А. А.*]. **Объектом ее изучения люди не явля-**

¹⁴ «...**Поле социальное** — в теории структуралистского конструктивизма — социальное пространство, в котором существуют объективные связи между различными позициями, интересами задействованных в нем агентов, их вступление в противоборство или сотрудничество друг с другом, с целью завоевания там доминирующих позиций... **П. С.** всегда предстает перед агентом уже существующим, заданным, а конкретная индивидуальная практика может лишь воспроизводить и преобразовывать **П. С.** ...» (Учебный социологический словарь. М.: Экзамен, 1999, с. 209).

¹⁵ Здесь и далее, при цитировании данной работы, выделено мною. — А. А.

ются. Обратное — один из мифов, который по-прежнему господствует в обыденном сознании...

Ремарка: «социология вообще не занимается людьми...»

Конечно, максималистское заявление! И, пожалуй, эта ригористическая формула диаметрально противоположна той позиции, которая выражена в дискурсе гуманистической (интерпретативной) социологии.¹⁶

Но удержусь здесь от спора с моим другом и коллегой — «о словах».¹⁷ Свою точку зрения по существу вопроса сформулирую отдельно, ниже.

...[Вот так же... — А. А.] когда-то все люди были убеждены, что Солнце вращается вокруг Земли, потому что утром оно поднимается на востоке, а вечером садится на западе. Основываясь на этой очевидности, обыденное сознание указывало на то, что Солнце вращается вокруг Земли. Потребовались какие-то профессиональные усилия, чтобы доказать, что Вселенная устроена иначе, и все наоборот. Сегодня уже и малые дети об этом знают.

Но главное, новое представление о том, как устроена наша Вселенная, позволило реализовать огромное количество тех проектов и технологий (от больших географических открытий до современного спутникового телевидения), без которых немыслима наша нынешняя повседневность. Без этих технологий невозможен тот «физический комфорт», который худо-бедно научились создавать себе люди, существующие в условиях современной цивилизации. Но ведь вследствие нашей неспособности обеспечить людям «социальный комфорт» этот «физический комфорт» грозит превратиться в ничто.

Убежденные в том, что социум состоит в основном из таких же людей, как и они сами <...>, они [носители обыденного сознания. — А. А.] полагают, что собственных целей можно достичь за счет ущемления интересов этих «других», и не видят, что их возможности ограничивают не «другие» люди <...>, которых они пытаются тем или иным способом принудить к нужному для себя поведению, а **безличные социальные силовые поля**, над которыми человек, по крайней мере, один человек, совершенно не властен.

Ремарка: «...человек совершенно не властен»?

Пожалуй, слишком сильно сказано... От давления «безличных социальных силовых полей» (в терминах Л. К.) людям, разумеется, некуда деться («жить в обществе и быть свободным от общества нельзя»); но человек (и даже один!) способен — в большей или меньшей степени — преодолевать это давление, за счет силы своего разума, чувств и воли. Хотя бы отчасти противостоять этим «непреложным» социальным детерминациям... Если

¹⁶ См ранее: глава 23 и приложения к этой главе.

¹⁷ Целостная личность (в том числе и социальный исследователь) всегда богаче собственных деклараций... И вообще — «судите не по словам, а по делам их»!

бы было иначе, всякое социальное изменение, да и просто неординарный поступок оказались бы невозможными.¹⁸

Вообще говоря, социальное поведение человека зависит от двух групп факторов (отвлекаясь от природных и биологических):

(а) от взаимоналожения («сюрдетерминации») разных социальных **влияний** (внешняя регуляция);

(б) от собственного его, человека, **выбора** (опирающегося на внутреннюю, или **само-**регуляцию личности, по В. Ядову).

Разумеется, хорошо понимает это и Л. Кесельман. Продолжу цитирование его работы...

...Влияние этих полей **можно учитывать**, как учитывает опытный яхтсмен влияние встречного ветра, ведя свой корабль **навстречу ему**; но его нельзя игнорировать, а значит, нельзя не знать. Именно это незнание и приводит нас к тому опаснейшему социальному дискомфорту, в котором оказалось человечество в начале третьего тысячелетия. Тотальная борьба с «другими», в которую втянуты сейчас люди, не осознающие реальных обстоятельств того социального пространства, в котором они существуют, грозит им всеобщей катастрофой. Осознание же своего «бессилия» перед неподвластными им «социальными силовыми полями» открывает им реальные возможности достижения разумно поставленных целей. И здесь без социологии не обойтись.

Социологи занимаются социумом. Что такое социум? Нет, это не сумма людей, и даже не все люди, живущие в данный момент на нашей планете. Все люди, живущие в данный момент, находятся в некотором пространстве силовых полей, существующих **вне этих людей**. Ну, скажем, миф об Иисусе Христе существует уже две тысячи лет. И он детерминирует миропонимание, предпочтения и поведение нынешних людей гораздо больше, чем скажем, намерения больших начальников, министров, Путина, Буша...

Ремарка: «силовые поля существуют вне этих людей...» (вспоминая Дюркгейма).

В другой своей работе¹⁹ Л. К. цитирует Э. Дюркгейма, который писал в своем «Метод социологии»:

«...Когда я действую как брат, супруг или гражданин, когда я выполняю заключенные мною обязательства, я исполняю обязанности, установленные вне меня и моих действий правом и обычаями. Даже когда они согласны с моими собственными чувствами и когда я признаю в душе их реальность, последняя остается все-таки объективной, так как я не сам создал их, а усвоил благодаря воспитанию.

¹⁸ Говоря в наших собственных (почти обыденных!) терминах, речь идет о соотношении того, **что обстоятельства могут сделать с человеком** и **что человек может сделать с обстоятельствами**. Это соотношение есть **величина переменная во времени и в пространстве** (как для человека, так и для социума). См. в томе I настоящей книги: «Предисловие. От автора — сегодня. 2002».

¹⁹ *Кесельман Л.* Уличный опрос в социологическом исследовании. СПб. — Самара, 2001.

...Эти способы мышления, деятельности и чувствования обладают тем примечательным свойством, что существуют вне индивидуального сознания.

Эти типы поведения или мышления не только находятся вне индивида, но и наделены принудительной силой, вследствие которой они навязываются ему независимо от его желания...» (Конец цитаты).²⁰

Здесь уместно обратиться к историко-социологическому комментарию. В работе, посвященной социологии Дюркгейма, Александр Гофман показывает, как происходило становление дюркгеймовых принципов «социологизма», а именно — в контрверзе с умозрительными спекуляциями в социальной науке, с одной стороны, и с психологическим редукционизмом в социологии (равно как и в зарождавшейся тогда социальной психологии), с другой.

«...Трактовка социопсихических сущностей, таких как “коллективное сознание”, “коллективные представления”, “коллективные чувства”, “коллективное внимание” и т. п., была сугубо “социологической”: последние рассматривались как надындивидуальные сущности, не сводимые к соответствующим фактам и состояниям индивидуальной психики (Гофман А. Б. Социология Эмиля Дюркгейма / Дюркгейм Э. Социология. Ее предмет, метод, предназначение. М., 1995, с. 322).

Следует, однако, учитывать также и эволюцию воззрений Дюркгейма. А. Гофман пишет:

«...Под влиянием трудностей методологического характера и критики со стороны других направлений он (Э. Дюркгейм. — А. А.) со временем смягчил ригоризм своих первоначальных “социологических” и антипсихологических формулировок. Вообще эволюция его мысли... явилась результатом изменения методологической ситуации в социальной науке и постепенного осознания недостаточности и неадекватности механистического детерминизма в подходе к проблемам человеческого поведения.

Вначале Дюркгейм подчеркивал внешний и принудительный характер социальных фактов. При объяснении социальных явлений он часто апеллировал к демографическим и социально-экологическим факторам (объем и плотность населения, структура и степень сложности социальных групп и т. д.), к “социальной среде” и “социальным условиям” (не очень ясно определяемым). Впоследствии он все чаще обращается к понятиям “чувства долга”, “морального авторитета общества”, и другим психологическим посредникам между обществом и индивидом.

Эта смена понятийных приоритетов выражает частичное осознание Дюркгеймом того факта, что социальные нормы (и, шире, социальные факторы в целом) влияют на индивидуальное поведение не непосредственно, а через определенные механизмы их интериоризации, что внешняя детерминация осуществляется через ценностные ориентации индивидов, что действительность социальных регуляторов определяется не только их принудительностью, но и желательностью для индивидов. Отсюда рост интереса Дюрк-

²⁰ Здесь — цит. по: Дюркгейм Э. Социология. Ее предмет, метод, предназначение. Пер. А. Б. Гофмана. М.: Канон, 1995, с. 29-30.

гейма к собственно ценностной проблематике в конце жизни...» (Там же, с. 322).

Но вернемся к тексту Л. Кесельмана «о том, кому и зачем нужна социология».

...Социум — это силовое поле, не имеющее внешне наблюдаемой «материальности»; это **виртуальное поле или пространство**. И это виртуальное пространство обладает большими возможностями влиять на поведение и отдельных людей, и самых крупных социальных групп. Но при этом оно не поддается наблюдению обыденным сознанием. Для этого нужны специальные технологии...

Ремарка 1: онтологичность социума как виртуального поля или пространства.

В другой своей работе — «Уличный опрос в социологическом исследовании» (Самара—СПб., 2001) — обсуждая те же вопросы, Л. Кесельман так аргументирует свою теоретико-методологическую позицию:

«...Автор последнего издания классического учебника по стратегии социологического исследования... как и большинство его отечественных учеников и последователей (впрочем, и многие другие их коллеги), полагает, что категория общества (социума) — “достаточно высокая социальная абстракция”.²¹ Иначе говоря, общество (социум), как объект наблюдения (исследования), — это не более, чем абстрактная категория (метафора), позволяющая обобщить (интегрировать), поднять на теоретический уровень разрозненные или систематизированные наблюдения поведения (практики) различных групп или совокупностей людей (в предельных случаях: отдельной личности или всего человечества).

В этом постулате общество (социум) неявно лишается своей онтологичности («общество есть лишь результат высокой степени абстракции»), либо его онтология редуцируется до тех же физически наблюдаемых людей (личностей, индивидов, персонажей), всегда обладающих осязаемой телесной оболочкой. Между тем, уже в основных классических теориях (Дюркгейм, Маркс, Вебер) социум рассматривается не как сообщество или совокупность физических тел внешне наблюдаемых персонажей, а как отношения между ними. Иначе говоря, социум есть не совокупность людей (групп, масс и т. д.), а **среда**, в которой существуют эти персонажи. Среда эта внешне не наблюдаема, как не наблюдаемы электрические, магнитные или гравитационные поля. Но она так же реальна (то есть онтологична), как эти и многие другие внешне не наблюдаемые явления внешнего по отношению к каждому отдельному индивиду мира.

Здесь некоторых “наивных материалистов”, полагающих, что реальная материя всегда предстает перед нами в виде некоторой доступной не-

²¹ Ядов В. А. Социологическое исследование. Методология, программа, методы. Самара: Самарский университет, 1995, с. 17. (Здесь и далее — подстрочные примечания Л. К. — А. А.).

посредственному осязанию вещной субстанции, приводит в смущение видимое отсутствие иной, нежели внешне наблюдаемые люди, субстанции или телесной оболочки. Поэтому они невольно пытаются вообразить социум в виде совокупности окружающих каждого отдельного человека людей. Между тем, социум — это не среда из других людей, а вполне реальная (на языке этих «наивных материалистов» — материальная) среда, в которой находятся все эти люди, каждый из которых (и даже все вместе) может лишь как-то корректировать социальный процесс (жизнь социума), оставляя в нем следы своей деятельности.²²

И социум этот обладает императивностью по отношению к человеку не обязательно через посредство находящихся рядом с ним людей. Их влияние, да и то лишь как ситуативных представителей или персонификаторов социума, обладает относительно целостной императивностью лишь на этапе первичной социализации этого человека. После завершения социализации человека социум, интернализированный индивидом в виде его собственного способа мировосприятия, ценностных приоритетов, а также совокупности освоенных им навыков и технологий деятельности, превращается в его основной **социальный императив**. Ситуативное же окружение существует скорей не как социальная, а как психическая, в крайнем случае, — социально-психологическая среда, способная существенно корректировать поведение индивида на этом межличностном, психологическом, то есть в сущности, на досоциальном уровне...» (Кесельман Л. Указ. соч., с. 21–22).

И еще одно очень существенное замечание Л. К.:

«...Эта (социальная. — А. А.) среда не может быть редуцирована лишь к деятельности существующих (присутствующих, наблюдаемых) в данный момент людей или социальных групп. Целостный социум всегда шире того, в который погружено то или иное внешне наблюдаемое сообщество (совокупность, масса, группа или отдельный индивид), не только на свои пространственные координаты (до самого последнего времени общество рассматривалось, как правило, в рамках границ национального государства), но и на свою «овеществленную», структурную (институциональную) часть, которая в каждый данный момент есть производная от **всей предыдущей деятельности и практик всех когда-либо существовавших людей, всей их социальной истории**.²³ При этом социальная история всегда шире «физической» истории реальных исторических событий, ибо в ней присутствует совокупность таких «виртуальных» социальных фактов, как разного рода мифы (например, миф о жизни и воскрешении Иисуса Христа)...» (Там же, с. 24).

Ремарка 2: и все-таки — «вне» или/и «внутри»?..

И все же: только ли **внешней средой** является социум для человеческих индивидов? Может — решусь заметить! — также и **«внутренней» средой?**

²² См. Штомпка П. Социология социальных изменений. М.: Аспект-пресс, 1996, с. 268–294.

²³ Там же, с. 312–336.

Разве вне/надиндивидуальное «силовое поле» (в терминах Л. К.) так или иначе не «овнутряется» (интериоризируется) людьми (их сознанием и психикой), чтобы потом «внешне» и «зримо» проявиться в их поведении?

Иначе говоря, не включает ли само индивидуальное сознание, как таковое, в себя (в лично-переработанном виде) те или иные элементы (фрагменты) этого безличного «социального поля»?

Я бы сказал, фигурально, так: не только человек живет в обществе, но и общество «живет» в человеке.²⁴

Ремарка 3: социальный номинализм и социальный реализм.

...Это давний, восходящий к раннему средневековью, и еще глубже — к античности, спор номиналистов и реалистов об универсалиях. Если номинализм лишает общие понятия онтологического статуса и связывает их существование в качестве имен только со сферой мышления, то реализм исходит из презумпции надления того или иного феномена онтологическим статусом независимой от человеческого сознания сферы бытия.²⁵

В частности, Эмиль Дюркгейм был ярко выраженным «социальным реалистом». В уже цитировавшейся выше работе о социологии Дюркгейма А. Гофман отмечает также следующее:

*«...Онтологическая сторона “социологизма” (Дюркгейма. — А. А.) не сводится, однако, к признанию основательности и автономии социальной реальности. Утверждается **примат** социальной реальности по отношению к индивидуальной и ее исключительное значение в детерминации человеческого сознания и поведения; значение же индивидуальной реальности признается вторичным.*

...Социальные факты, по Дюркгейму, обладают двумя характерными признаками: внешним существованием и принудительной силой по отношению к индивидам. Общество в его интерпретации выступает как независимая от индивидов, вне- и надындивидуальная реальность... Оно представляет собой более богатую и более “реальную” реальность, чем индивид; оно доминирует над ним и создает его, являясь источником всех высших ценностей.

Таким образом, характерная онтологическая черта “социологизма” — это позиция, обозначенная в истории социологии как “социальный реализм”. Эта позиция противостоит “социальному номинализму”, согласно которой общество сводится к сумме составляющих его индивидов...

В целом точку зрения “социального реализма” в разное время и с разной степенью “реализма” отстаивали французские традиционалисты Ж. де Местр и Л. де Бональд; Сен-Симон и Конт; Спенсер (несмотря на общий индивидуалистический пафос его системы); французские социологи А. Эспинас и Ж. Изуле; русский социолог Е. де Роберти; польско-австрийский

²⁴ Кстати, уж коли вспомнил Л. К. «миф о Христе», замечу: «простой» религиозный человек (носитель вполне «обыденного» сознания!) скорее всего скажет: **Бог — и вне нас, и внутри нас...**

²⁵ См. Новейший философский словарь. Минск: изд. В. М. Скакун, 1999, с. 471, 566.

социолог Л. Гумплович; немецкий философ О. Шпанн и др.» (Гофман А. Б. *Социология Эмиля Дюркгейма...*, с. 318-319).

Как видно, в русле «социального реализма» (в оппозиции к «социальному номинализму») лежит и теоретико-методологический поиск Леонида Кесельмана.²⁶

Вообще говоря, в философских и частно-научных спорах «номиналистов» и «реалистов» нет безусловно правых.²⁷

Ремарка 4: можно ли наблюдать социум?

Дополню сказанное еще одной большой цитатой из работы Л. Кесельмана 2001 г.:

«...Социум к наличным (доступным внешнему наблюдению) группам или массам людей не может быть редуцирован ни онтологически, ни технически (как непосредственный объект наблюдения). Значит ли это, что социум в принципе не наблюдаем? Отнюдь нет. Как отсутствие осязаемой “материальной вещиности” магнитного или электрического поля не превращает их в ненаблюдаемую реальность — наблюдателю надо лишь отказаться от идеи поиска этих полей в куске медного провода или аналогичной осязаемой вещной субстанции; так и в данном случае — наблюдатель и исследователь может наблюдать социум, но не в усредненных характеристиках людей, а в **социально детерминированных** способах их существования и восприятия мира.

Эти способы, в самом деле, могут быть обнаружены с помощью статистики наблюдений. Не статистики индивидуальных самонаблюдений, которыми, по существу, являются данные различных массовых опросов, обычно воспринимаемых в качестве социологических наблюдений, а статистики осознанного наблюдения социума, обнаруживающегося в надиндивидуальных, социально-детерминированных характеристиках сознания и поведения людей. Да, конечно объект в социологии, по сравнению с объектами “естественных” наук (физики, химии или биологии), имеет определенную специфику — он обладает собственной субъективностью. Но такой же субъективностью обладают, например, объекты психологии или педагогики.

²⁶ Принципиальную (и весьма актуальную!) научную новизну в рамках «социально-реалистской» традиции составляет, на мой взгляд, представление Л. К. о социуме как **виртуальном поле или пространстве** и эвристичная метафора **социального силового поля**. Причем, это последнее понятие автор не просто «провозглашает», но и демонстрирует его «работоспособность», или возможность операционализации в практике эмпирического исследования (см. ниже).

²⁷ Здесь уместно вспомнить А. А. Ухтомского:

«...Я понял то, что было понятно уже древним: в действительности реальным значением и бытием обладает и общее, насколько нам удастся его открыть, и частно-индивидуальное, насколько оно дается нам в наглядности ежедневно и ежеминутно...

“Общее” и “частно-индивидуальное” старинной логики превращается в живые и переполненные конкретным содержанием “общество” и “лицо”. И если там, у старых логиков, возможен бесконечный спор, кому приписать истинную реальность (общему или индивидуальному), то здесь ясно, что и вопроса такого быть не может: одинаково бьет жизнью и содержательностью и общество и лицо...» (*Ухтомский А.* Интуиция совести. Письма. Записные книжки. Заметки на полях. СПб.: 1996, с. 266-267).

Этот фрагмент письма А. А. Ухтомского к Е. И. Бронштейн-Шур (1927) использовался в качестве эпиграфа к настоящей книге (см. том 1, с. 9).

Направленность внимания на социально-структурные аспекты изучаемого явления является главной особенностью нашего исследовательского подхода (выделено мною. — А. А.), определяющего, соответственно, методологию и методику. Наряду с прочим это означает и сознательный отказ от стремления к максимальной точности фиксации выраженности изучаемой характеристики у отдельно взятого индивида. Такая тщательность естественна и вполне обоснованна в рамках психологического подхода, направленного на исследование психики, но лишена сколько-нибудь серьезных оснований в социологическом исследовании, направленном на выявление собственно социальной, то есть надиндивидуальной, составляющей исследуемых феноменов...» (Кесельман Л. Уличный опрос в социологическом исследовании..., с. 24-25).

Возвращаюсь к тексту Л. К. 2003 года.

...Социолога-аналитика интересует не столько общая совокупность населения, а его отдельные социальные группы. Скажем, девять групп занятости — частные предприниматели, наемные работники, занятые в частной экономике, наемные работники, занятые в акционерных предприятиях, бюджетники, пенсионеры — это разные группы людей, поразному выходящие мир. И для того, чтобы получить представление о них, нам надо получить достаточное наполнение в каждой из этих групп.²⁸ А еще поколенческие группы. Ведь человек, родившийся в 80-х годах, — это уже совсем другое, чем родившийся в 40-х. И т. д., и т. д.

Огромное количество «пиарщиков», которые вообще к социологии никакого отношения не имеют, занимаются «измерениями», потом эти «измерения» используют в качестве PR-средства и т. д. Конечно, это вопиющее безобразие. Но главная беда нашего общества не в этом. Беда в том, что сегодня наше общество, вся наша страна лишена объективной информации о тех обстоятельствах, в которых она существует. У нас нет мониторинга социального пространства, в котором мы живем. Как в такой ситуации принимать какие-либо решения? <...> Мы все изолированы от этой информации. Общество живет в потемках. Те «неожиданности», с которыми оно периодически сталкивается, есть свидетельства того, что самые важные решения принимаются в потемках. Нельзя так дальше жить.

Необходимо, наконец, обеспечить производство надежной, качественной информации о процессах, идущих в социуме. Здесь только одно важное условие: структура, производящая такую информацию, должна быть абсолютно независима от властных структур и других «влиятельных заказчиков». Она не должна работать только на власть или только на «заказчика». Она должна обеспечивать всех — и полуграмотную ста-

²⁸ То есть достаточное статистическое наполнение отдельных групп в общей совокупности опрошенных или наблюдаемых. Что, как уже отмечалось (см. ранее, в томе 3 настоящей книги: раздел 21.9), весьма успешно достигается, в частности, при использовании метода «делегированного наблюдения», или уличных опросов.

рушку, и президента, и оппонировавших ему «олигархов» — качественной информацией о том, в каком обществе мы живем. Никто, кроме профессиональных социологов, этой качественной информацией обеспечить общество не может.

Л. Кесельман

(Цит. по: Галина Старовойтова — продолжение жизни / Под ред. Л.Е. Кесельмана. СПб.: Норма, 2003, с. 178-184)

* * *

Мой комментарий к текстам Л. Кесельмана (2003)

Как уже говорил, я целиком и полностью разделяю **профессионально-гражданственную** позицию Леонида Кесельмана.

Что же касается собственно научного — оригинального **теоретико-методологического** подхода, представленного в цитированных здесь текстах коллеги (и, как известно, хорошо подкрепляемого им инструментально — инновационной технологией «делегированного наблюдения»), то замечу здесь следующее.

Этот подход представляется мне, отвлекаясь от издержек полемизма в отдельных текстах, дерзкой (амбициозной?), но весьма серьезной попыткой разрешения едва ли не главной эпистемологической проблемы современной социологии — проблемы адекватного определения ее, социологии, **предмета**.

От правильного разрешения этой проблемы зависит и осмысление прошлого, и ориентировка в настоящем, и перспектива дальнейшего развития социологической науки.

Как считает Л. К.,

«...“Люди, их мнения, склонности и мотивы деятельности”... являются лишь промежуточным, если хотите, «косвенным» объектом социологического исследования, тогда как конечным объектом социологического исследования является все же **социум**, обеспечивший в свое время первичную социализацию этих людей и в каждый данный момент определяющий общие рамки их ценностных приоритетов, мнений, склонностей и мотивов деятельности» (Кесельман Л. Уличный опрос в социологическом исследовании. Самара—СПб., 2001, с. 20).

Вот эта «виртуальная реальность», выступающая основным **социальным** императивом для миропонимания, ценностных ориентаций и установок, а через их посредство — и для поведения конкретных людей, и является, согласно Л. Кесельману, главным («конечным») объектом собственно-социологических изысканий, соответственно — предметом социологии.

Так ли это? Полагаю все же, что — и так, и не так.

На мой взгляд, заявленный моим коллегой последовательный социологизм имеет полное право на существование, но только **в рамках определенно-парадигмального** подхода, а именно — того, что выше обозначалось как **«субъект-объектная»** (социоцентричная, структурирующая и т. п.) социология. Именно для такой социологии **социум** (в изложенном смысле) есть «конечный» объект изучения.²⁹

²⁹ Хотя и среди приверженцев «структурирующей» социологической «парадигмы» могут найтись оппоненты теоретико-методологическому подходу Л. Кесельмана; но не буду здесь эту критику предвосхищать.

А как для других «ветвей» («русел») социологического познания?

В частности — для «**субъект-субъектной**» (антропоцентричной, гуманистической и т. д.) социологии? Может быть, по крайней мере для нее — не «косвенным» объектом изучения являются все-таки **люди** с их субъективным миром и жизненной практикой, а точнее — человек, как **социальное** существо, как конкретно-исторический субъект деятельности, как «ансамбль общественных отношений» (в терминах Маркса), как персонификатор социума и рецептор (а также индуктор...) «социальных силовых полей» (в терминах Кесельмана)?

Разумеется, не «физические индивиды», как таковые, и не «человек вообще», а — «объемный» человек (собственное выражение Л. К.)³⁰, **человек в обществе!**

Человек в системе его общественных связей (прямых и опосредованных), в его взаимодействии с другими людьми и с социальными институтами, во всем разнообразии форм его поведения (вербального и реального), способов и стилей жизни (возможных и реализуемых), в многообразии его социальных типов и, разумеется, в его непрерывной принадлежности к определенной социальной среде (понимаемой, конечно, не натуралистически, а в смысле хотя бы тех самых «социальных силовых полей», по Л. К.) — это, на мой взгляд, вполне достойный, необходимый и даже — до самого последнего времени — пренебрегавшийся **объект социологического изучения**.³¹

Надеюсь, что против такой постановки вопроса автор едва ли не эпатажной фразы: «Социология вообще не занимается людьми», — возражать не станет.

Далее. Вопрос о многосоставности социальной науки, о «методологическом плюрализме», тем более — о **взаимодополнительности** разных «парадигмальных» подходов в социологии (см. выше), — моим коллегой не только не ставится, но такого вопроса для него словно и не существует. Исследователь социума, как такового, его структуры и динамики, предстает здесь социологом *par excellence*; а все остальные (хоть «гуманисты», хоть «социальные философы», не говоря уж о «полстерах») — всяко не социологи, а «самозванцы»...

Соответственно, **междисциплинарные** контакты с другими науками (социогуманитарными, психосоциальными, и не только!) никак в представлении Л. К. о предмете социологии не вписываются.³²

Вообще, всякая наука может успешно развиваться лишь отказавшись от замкнутости в своих узко профессиональных (корпоративных) рамках, став

³⁰ «...Именно социальное превращает индивида в того “объемного” человека, регуляция деятельности которого осуществляется параллельно на самых разных уровнях: от физического до психического и социального...» (*Кесельман Л.* Уличный опрос в социологическом исследовании..., с. 22).

³¹ Другое дело, что на протяжении всего минувшего века именно «люди», как таковые, оказывались для социолога главным, если не эксклюзивным, источником информации. При этом происходила не отфлексированная (кстати, и мировой социальной наукой) психологизация, тем самым — своего рода **подмена предмета** «объективной» социологии: на результатах агрегирования и «изоэренной» математической обработки множества **психологических**, в сущности, переменных — субъективных мнений и оценок опрошенных индивидов, строились выводы и заключения об объективных **социальных** процессах и закономерностях. Вот против этого, как я понимаю, и восстает Л. Кесельман, утверждая, что не дело социологии «заниматься людьми», и предьявляя свой метод «делегированного наблюдения» как альтернативу «социологическому опросу».

³² См., например, постановку вопроса Тамарой Дридзе о потребности выхода на новую, именно **междисциплинарную** парадигму в социологических исследованиях (раздел 23.9).

«открытой системой» — относительно всего универсума человеческого знания (кстати, не только собственно научного...).

Но дело здесь и не только в своего рода профессиональном изоляционизме, в котором Л. Кесельман дает повод себя упрекнуть (по крайней мере, на материале представленных здесь текстов).

Так как же, нужны ли все-таки «люди», человек в обществе, как объект изучения для социологии, будь то — «параллельно» с социумом, будь то — в многосложных (здесь не обсуждаемых нами) взаимоотношениях с ним?

В логике вышеприведенных рассуждений Л. К. получается, что даже и в последнем смысле человек для социолога вроде «не интересен» (хоть за моим коллегой и остается право сказать, что он «не это имел в виду»; и, скорее всего, так оно и есть!).

Тут возникает новая, фундаментальная, пожалуй, уже не теоретико-методологическая (в рамках социологии, как таковой), а **мировоззренческая** проблема.

Прокламируемое (горячо отстаиваемое!) Л. Кесельманом ограничение объекта внимания для социолога-профессионала **только** «безличными социальными силовыми полями», в которые погружены жизнь и деятельность всякого человека, вроде бы выводит за пределы круга социологических интересов (соответственно, наблюдения и анализа) — то, что принято называть субъективным, деятельностным, «**человеческим**» фактором (без которого, понятно, немислимы ни существование, ни изменение социума).

Разумеется, саму по себе роль «человеческого» фактора в самодвижении общества Л. К. не отрицает. Мало того, он сам успешно исследует эту роль (точнее — ее отображение в социальном сознании). Остановлюсь на этом моменте чуть подробнее.

...В аналитическом обзоре, вошедшем в книгу «Галина Старовойтова — продолжение жизни», есть, на мой взгляд, принципиально важный раздел: «Локализация ответственности и становление нового, “европейского” сознания».

Осенью 1991 г. общественный Центр изучения и прогнозирования социальных процессов, созданный Л. Кесельманом³³, впервые включил в сценарий своих «уличных контактов» с жителями нашего города вопрос: «**Как Вы полагаете, ваше (материальное) благополучие по преимуществу зависит от вас или от внешних обстоятельств (других людей, начальства и т. п.)?**» С тех пор эта позиция постоянно присутствует в обследованиях, проводимых Центром.

В итоге, удалось осуществить 12-летний мониторинг такой важной характеристики социального сознания, как **атрибуция** (локализация) **ответственности** (относимой человеком к себе или отсылаемой во-вне).

И вот, обнаруживается, что численность (доля) так называемых **экстерналов** (отсылающих ответственность за свое материальное благополучие во-вне) от начала экономических преобразований в нашей стране к настоящему времени медленно, но неуклонно сокращается: в 1991 г. в среднем — 53%; 1992 — 52%; 1993 — 49%. И т. д.³⁴ К 2000 г. доля «экстерналов» снизилась до

³³ См. ранее, в томе 3 настоящей книги: раздел 21.9.

³⁴ В последующие годы отмечались некоторые колебания показателя, синхронные с изменениями в макроэкономической или политической ситуации страны, но в целом наблюдается тенденция к его снижению.

46,5%. А в октябре 2003 г. этот показатель, по данным мониторинга, опустился до 38,3%. Итого — снижение почти на 15 пунктов за 12 лет. (См.: Галина Старовойтова — продолжение жизни. СПб.: Норма, 2003, с. 250).³⁵

Соответствующая динамика численности (доли) **интерналов** (принимающих ответственность за свое материальное благополучие преимущественно на себя), хоть и не так выразительна, но тоже вполне отчетлива: в 1991 г. в среднем — 22%; 1992 — 25%; 1993 — 26%. И т. д. К 2000 г. доля «интерналов» возросла до 32%. В октябре 2003 г. — 32,9%. Мониторингом зафиксирован рост этого показателя — на 11 пунктов за 12 лет. (См. там же).

Итак, трансформация социального сознания (в частности, в аспекте атрибуции ответственности) совершается. Быстро, медленно? Медленнее, чем хотелось бы, но быстрее, чем можно было ожидать. Л.К. справедливо пишет:

«...Общество, состоящее из людей с «феодалным» сознанием, не осознающих собственную ответственность за судьбу, но рассчитывающих на ответственность за нее справедливых и добрых начальников, как правило, не может обеспечить всем этим людям сколько-нибудь приемлемый “современный” уровень жизни. Уровень этот люди могут обеспечить себе сами своим ответственным, рациональным поведением и, в первую очередь, **свободным, а значит ответственным** (здесь и далее — выделено мною. — А. А.) экономическим поведением. Но освоение адекватных форм такого поведения предполагает соответствующее этому поведению сознание, которое у каждого взрослого (социализированного) человека **крайне инерционно** и очень трудно трансформируется. Аналогичная инерция присуща и социальному (или, как принято говорить, общественному) сознанию...» (Галина Старовойтова — продолжение жизни..., с. 245).

Детально проанализировав дифференциацию и динамику показателей атрибуции ответственности (интернальности/экстернальности), в частности, для различных возрастных групп (они же — разные поколенческие группы) Л. Кесельман дает обнаруженным трендам следующее социально-историческое объяснение:

«...Приведенные данные свидетельствуют о том, что поколения, сформировавшиеся в условиях нарастающего потока ценностных воздействий европеизированных моделей значимости личности и ее ответственности за свою судьбу, в большей мере готовы к принятию на себя основной ответственности за свое экономическое положение. Притом, у молодежи эта готовность значительно выше, чем у поколений, сформировавшихся в условиях преобладания патерналистских (коммунистических или православных) моделей, где отдельный человек есть в основном лишь функция общества-государства, жестко детерминирующего его поведение в основных сферах его жизни.

Описанный сдвиг произошел сегодня лишь среди тех, чье ценностное сознание и представления о социальных нормах формировались в основном после начала реформ середины восьмидесятых, тогда как во всех остальных категориях изменения уровня интернальности практически на порядок меньше. Это еще раз подтверждает, что освоить новое содержание социальных норм и соответствующие им формы поведения (отвергающие, в частности, внешнюю атрибуцию) в ходе социализации заметно проще, нежели завершившим свою социализацию сменить уже усвоенные представления на противоположные.

³⁵ Л. К. замечает: «Общее уменьшение всего на пять-шесть процентов (пунктов — А. А.) можно было бы принять за незначимое, если бы эти показатели не выстраивались в относительно пологую, но все же однонаправленную кривую и за каждым из среднегодовых показателей не стояли десятилетиями совокупности суммарных (годовых) выборок...» (Там же).

Уровень интернальности, то есть готовности принять ответственность за собственную судьбу и собственное материальное положение, в нашей стране отличается (*значительно ниже!* — А. А.) от аналогичных характеристик населения большинства стран Западной Европы и Соединенных Штатов... Но надежда на их (*этих показателей.* — А. А.) скорое изменение в ближайшем будущем, как видно из приведенных данных, все же есть...» (Там же, с. 255).³⁶

А теперь спрошу моего друга: что же он изучает здесь на самом деле — только ли трансформирующийся российский социум, как таковой, становление нового «европейского» сознания в постсоветской России? Или он изучает **также и людей, трансформирующих этот социум своей возрастающей** (пусть преимущественно, как выясняется из анализа данных того же мониторинга, за счет смены поколений...) **способностью принять на себя груз ответственности за личную судьбу** (без расчета на то, что эту судьбу устроит кто-то другой или что-то другое, например, государство)?

В одной из своих работ (2001) Л. Кесельман пишет:

«...Да, социальная среда (социум, социальное пространство), в свою очередь, производна от деятельности тех же людей. Однако производна она лишь “в конечном счете”, как “результат высокой степени абстракции”...» (Кесельман Л. Уличный опрос в социологическом исследовании..., с. 24).

На что хочется заметить: а разве деятельность «человека живущего» (попросту — жизнь человека), при всей ее суровой обусловленности «социальными силовыми полями» (в терминах Л. К.), производна от социума (в его же, Л. Кесельмана смысле) тоже не в конечном ли счете?³⁷

Общество (социум), разумеется, не является ни множеством, ни суммой, ни совокупностью — физических индивидов, общностей, групп. Тут Л. К. несомненно прав.

Но ни индивиды, ни общности, ни группы уж всяко не похожи на «железные опилки», механически выстраивающиеся по «силовым линиям» магнитного поля в известном школьном физическом опыте. И сам Л. Кесельман результатами своих конкретных исследований — пусть «не людей, но социума»! — это лишний раз убедительно показывает (см. выше). Люди, имманентно наделенные свойством **социальной субъектности** (активности), суть «герои и авторы множества социальных драм», действующие лица, **акторы** самоорганизующегося социального театра.³⁸

³⁶ Используя метафору 40-летнего кружения по пустыне народа Моисеева, Л. К. замечает: «Так или иначе, но если вся Россия уходит из своего прошлого такими же темпами, то за сорок лет мы из этого прошлого должны успеть выбраться» (Там же, с. 250). См. также: Кесельман Л. У Господа нет других рук, кроме наших собственных // Правое дело, 2003, № 9.

Материалы мониторинга характеристик атрибуции ответственности в постсоветском «социальном пространстве» см. также: Мацкевич М. Локализация ответственности и адаптация к постсоветской действительности // Телескоп: наблюдения за повседневной жизнью петербуржцев, 2001, № 3; Кесельман Л., Мацкевич М. Атрибуция ответственности и наркотики. — Глава в кн.: Кесельман Л., Мацкевич М. Социальное пространство наркотизма. СПб.: Медицинская пресса, 2001; Кесельман Л., Мацкевич М. Груз ответственности // Петербург — место и время. 2003, №1; и др. работы этих авторов.

³⁷ Вообще, ни бескрайний индетерминизм, ни крайний детерминизм не приемлемы в качестве мировоззренческой платформы социальной науки, да и науки вообще.

³⁸ Здесь не только «социальная физика» XIX века, но даже и популярная в середине XX века «социально-ролевая» концепция обнаруживает свою неадекватность «субъективно-объективной» реальности. Ведь люди способны еще и импровизировать на подмостках этого театра, выходить (вопрос — почему, как и ради чего?) из предписываемых им «социальной режиссурой» ролей.

Как же, с учетом всего сказанного, следует самоопределиться социальным исследователю (в частности, социологу) со своим «предметом»?

Только ли «социум» (в смысле Л. Кесельмана) должен стать объектом социологического изучения? Или — **также и!** — «человек действующий» (в смысле М. Вебера), «*homo vivens*» (в смысле Т. Дридзе) или «человек повседневный» (в смысле М. Гефтера)? Только ли «бесчеловечное» виртуальное пространство, особая «социальная материя»³⁹ — есть предмет социологии? Или — **также и!** — относительно свободные/не свободные (от давления социального поля) сознание, поведение, общение — **целостная жизнь** — самодеятельных социальных индивидов?

Да, качественная и надежная (короче — доброкачественная) социологическая информация остро необходима сегодня нашему обществу — как его социальным институтам, так и гражданам; спору нет! Но стоит ли (этот вопрос я адресую моему коллеге) так уж **зауживать понятие** (ограничивать разнообразие содержания...) самой по себе социологической информации? Правильно ли сводить ее к (разумеется, достоверным!) социологическим данным лишь о характере, направленности и силе влияния социальной среды на человека?⁴⁰

Человеческая деятельность изменяет мир, и, пожалуй, не только «в конечном счете»... Не говоря уж о повседневном, частичном, незаметном, подспудном изменении социального мира именно ныне живущими людьми, бывают и такие исторические события, сотворенные этими людьми, после которых говорят: «Мы проснулись в другом мире»...

И все это, на мой взгляд, тоже есть объект изучения для социолога. Только в самой социологии, как и во всякой науке (как и вообще — в любой человеческой практике...), существует **разделение труда**. И, соответственно, должны быть разные, собственные, специфические объекты социологического наблюдения и анализа. Разные сферы интересов, разные предметные области...

Каждый делает свое дело, строит свои научные модели, решает свои научные задачи, своими методами.⁴¹

При этом настоятельно необходима внутривидовая (внутрипрофессиональная), равно как и межпрофессиональная (межнаучная) кооперация в

³⁹ Вспоминается лемовский «Солярис», который можно представить как художественную метафору «материальности» виртуального социального пространства. Не так ли и человеческий «солярис» порождает чувственно воспринимаемые фантомы?

⁴⁰ Но и приняв «социализм» Л. Кесельмана в целом, уместно задать рядом вопросов, заслуживающих теоретической проработки — уже **в рамках этого «социологизма**». В частности:

— как эти непосредственно не наблюдаемые, и тем не менее — вполне реальные (прав Л. Кесельман!) «силовые поля» в пространстве социума генерируются и подпитываются?

— каковы социально-экономические, социально-культурные и иные механизмы их формирования?

— как происходит их, этих многомерных социальных полей, структуризация, со-подчинение частей (иерархизация)?

— каковы закономерности изменения социального пространства (иногда — постепенные изменения, иногда — крутые перемены)?

⁴¹ Когда читаешь некоторые тексты Л. К. последнего времени, так и проступает — «между строк» — не высказанный явно, но как бы подразумеваемый призыв, если не требование: «Если ты социолог, делай как я!». Действительно, есть чему поучиться у моего друга и коллеги... Ну, а все-таки почему — только так, как ты? Может можно еще и иначе? Не обязательно лучше, эффективнее, но — по-своему. «Делай, как я! А не хочешь — не делай!..» (это уже мой призыв!). А кого как называть (или по какому разряду числить) — это уже вопрос конвенции...

изучении человека и общества. Со-единение, а не жесткое раз-межевание усилий постижения (вспомним нашу триаду: «субъект-объектная» социология, «субъект-субъектная» социология, социальная философия).⁴² В перспективе же — попытки **интеграции** и **синтеза** разных, пока дифференцированных исследовательских подходов.⁴³

...Из великого множества известных определений социологии мне представляется наиболее адекватным (и вместе с тем доступным также и «обыденному сознанию») следующее, принадлежащее ученым из Оксфорда:

«В самой простой формулировке социология — это изучение сложных взаимоотношений между людьми и обществом, исследование того, как люди создают и изменяют общество и как общество формирует поведение людей и их представление о себе...» (Томпсон Дж. Л., Пристли Дж. Социология / Пер. с англ. А. К. Миньшикова. Львов — М.: Инициатива, 1998. с. 7).

Резюмируя все сказанное, позволю себе предложить еще одно, наикратчайшее, пожалуй, метафоричное (стало быть — заведомо не исчерпывающее!) определение:

— **Предметом социологии** (кстати, в отличие от любой другой социогуманитарной или психосоциальной науки) **является — человек в обществе и общество в человеке.**⁴⁴

А насчет того, чем и как сегодня заниматься социологу, я бы особенно прислушался к Чарльзу Райту Миллсу. Рекомендациями и предостережениями людям нашей профессии, высказанными им почти полвека назад, завершу эту главу.⁴⁵

А. А., ноябрь 2003

Р. S. Только что (этих моих заметок еще не читал!) Л. К. передал мне экземпляр тезисов своего доклада «Трансформирующееся социальное поле как предмет социологического исследования», предполагаемого на методологическом семинаре Социологического института РАН в декабре 2003 г.

Из этих тезисов:

«...Объектом и предметом социологического исследования являются не сами люди (или их доступные внешнему наблюдению свойства), а социальные детерминанты (**социальные силовые поля**), которые определяют способ миропонимания, ценностные ориентации, а значит, и социальную деятельность людей.

Эти поля не могут быть редуцированы не только к отдельно взятой личности или группе, но и ко всей совокупности людей, существующих в каждый данный момент на нашей планете.

⁴² «В системной триаде каждая пара находится в соотношении дополнительности, а третий элемент задает меру со-единения» (*Баранцев Р. Г. Тринитарный смысл культуры / Культура XXI века. Человек. Общество. Космос. Владивосток, 1996, с. 64.*

⁴³ Такие попытки в теоретическом плане уже имеют место, например: в «интегративной социологии» П. Сорокина; в «структуралистском конструктивизме» П. Бурдьё; в «структурно-деятельностной» социологии П. Штомпки.

⁴⁴ «Человек в обществе» и «общество в человеке», а также — «общество как драма», — именно эти формулы использует Питер Л. Бергер, в качестве названий глав своей знаменитой книги. См. *Бергер П. Л. Приглашение в социологию. Гуманистическая перспектива / Пер. с англ. под ред. Г. С. Батыгина. М.: Аспект Пресс, 1996.*

⁴⁵ См. ниже, в конце этой главы.

Социальные силовые поля сами по себе «виртуальны», т. е. не обладают свойствами внешне наблюдаемой «материальной» субстанции. Это и ведет к естественному для здравого смысла, основанному на обыденном житейском опыте, упорно сохраняющемуся представлению о том, что источником этих полей являются окружающие нас люди и их — социальная активность».

Некоторая часть социальной активности некоторой части людей, и в самом деле, может трансформироваться в некоторые фрагменты общего социального поля, и эти процессы могут и должны быть предметом социологических изысканий (*Выделено мною. — А. А.*)

Однако основная «масса» этого поля от актуальной активности отдельных людей, их сколь угодно больших групп, да и всех существующих в каждый данный момент времени на планете, относительно мало зависима...»

Вот такой у нас с Леонидом получился «телепатический мост» (как бы его ответ на мое неотправленное письмо; см. выделенное мною в тезисах Л. К., выше).

Верится без труда, что открыватель и подвижник исследовательского подхода (назовем его пока **социально-полевым**), обладающего большой разрешающей силой социологического описания и объяснения, не устанет и дальше этот подход развивать, обогащать и корректировать.

А. А., 27 ноября 2003 г., четверг, 19 час.

* * *

**Текст заочного выступления Б. Докторова
на Методологическом семинаре Социологического института РАН
(декабрь 2003)**

Трудность участия в дискуссии по сегодняшнему докладу Л. Кесельмана⁴⁶ заключается в том, что собственно доклада я не слушал и не слышал вопросов и выступлений участников семинара.

С другой стороны, моя позиция по поводу содержания этого доклада базируется на достаточно обширном материале, позволяющем иметь определенную точку зрения относительно развиваемых автором концепций и относительно его взгляда на познание социального мира. Прежде всего — это тезисы самого доклада. Второе, развернутые ответы Л. К. на ряд моих вопросов по тексту тезисов, которые он высылал по электронной почте. Третье, это знакомство с многими его публикациями последнего времени и личные беседы в ноябре прошлого года и летом — нынешнего. Наконец, почти 15-летние наблюдения за его теоретико-методическими исследованиями социального контекста Петербурга.

Я не знаю, каков формат настоящего семинара и предполагается ли принятие какого-либо решения о проделанной Л. К. работе и о содержании его доклада. Если это входит в задачу семинара, прошу учесть мое мнение и поддерживать направленность работ, осуществляемых Кесельманом и его группой.

Конечно, можно было бы сказать, что обращение Кесельмана к созданию своих теоретических построений произошло потому, что он не смог найти ответы на возникающие у него вопросы. Но это объяснение чисто внеш-

⁴⁶ Об этом докладе см. выше.

него характера. Более ценно то, что у него (или в нем) возникло ощущение необходимости разработки теории. За полтора десятилетия эмпирических исследований Кесельманом дано описание трендов сознания (и поведения) населения Петербурга. Само по себе это крайне ценно. Но, видимо, в последние годы, автор «услышал» новые сигналы от накопленного им материала. Вся масса данных, частично упорядоченных, частично — еще требующих к себе внимания, — начала давить на него. <...>

Таким образом, мы имеем дело с достаточно редким для социологии случаем, когда теоретические представления автора возникли, прежде всего, не как восхождение от проведенного им анализа теоретических работ других исследователей, но как стремление найти концептуальную базу для обобщения накопленного им самим огромного, уникального массива эмпирической информации.

Трудно сказать, что и почему было отброшено Кесельманом как не подходящее ему. Но это особая тема генезиса теоретических конструктов. Так или иначе он пришел к концепции социальных силовых полей. <...>

В самом этом факте ничего удивительного нет. История 20-го века дает множество успешных примеров обращения к концепции поля. Это делали физики, философы, историки, аналитики космо-биологических феноменов, эмбриологи и так далее. Наше профессиональное сознание готово к развитию старых «полевых» концепций и к восприятию новых.

Докладчик сам нередко обращается к аналогиям из области естественных наук. Можем сделать это и мы. Гравитационные поля создаются космическими телами. Радиационные поля создаются радиоактивными элементами. Эмбриональные поля — это сигналы новой жизни. Ноосфера — это продукт (поле) деятельности человека.

Как вводит социальное поле Л. Кесельман? Как он его видит?

В тексте тезисов есть утверждение о том, что «социальные детерминанты» (**социальные силовые поля**) определяют способ миропонимания, ценностные ориентации и социальную деятельность людей. Говорится, что «социальные силовые поля сами по себе «виртуальны», т. е. не обладают свойствами внешне наблюдаемой вешной, «материальной» субстанции». Отмечается, что:

«...в современном (актуальном) социальном процессе люди, как правило, являются лишь источником биофизической энергии социального поля (социальных полей); тогда как направленность их социальной активности детерминирована социальными полями, производными в своей основной "массе" от "сухого остатка" их прошлой социальной активности и, главное, социальной активности предшествовавших поколений».

Нет возможности продолжать цитирование. Автором многое сказано о функции социального поля и о его субстанциональном характере. Это можно принять.

Но пока слабее разработана тема генезиса самого социального поля. И трудности, которые отчасти автор сам создал себе, по нашему мнению, заключаются в том, что он «оторвал» поле от личности, от человека, от индивида. То, что социология может изучать социум, не изучая человека, очевидно. Но это — конвенция, уровень абстракции, некая удобная схема, об-

шеная модель. Убери человека по существу, и пропадет необходимость в изучении социума. В действительности, думается, социальное поле, если мы признаем его существование, лежит, расположено в той же мере в социуме, в какой оно присутствует в человеке.

Но в чем автор скорее всего прав, так это в том, что поле легче, проще обнаруживается при изучении социума, чем при анализе индивида. Однако это уже область методологии или технологии научного поиска.

Не спасает ситуацию и замечание Л. Кесельмана о том, что

«...само глобальное социальное поле в процессе своего саморазвития (трансформации), являющегося результатом взаимодействия множества "локальных" социальных полей, и взаимодействия с актуальной активностью людей непрерывно трансформируется, чем и определяется его генезис (трансформация)».⁴⁷

Ибо в таком объяснении основной вопрос генезиса и трансформации поля просто переносится с уровня глобального на локальный. Не более.

Думается, что очень многое в построениях Л. Кесельмана упростится и станет более прозрачным, если он сможет отказаться от тезиса «социология — это наука не о людях, а о социуме», в другом месте — «социология в принципе не занимается людьми». Правда, после последнего тезиса автор немного откорректировал себя:

«Объектом (социологического) изучения, как правило, люди не являются, а если и являются, то лишь в качестве элементов социального пространства».

Думается, социология это наука о социуме и о людях. Пусть даже сначала — о людях лишь в качестве элементов социального пространства.

Если автор не соглашается с такой трактовкой, то было бы хорошо, если бы он оставил название «социологии» той науке, которая создана и обозначается этим словом, а сам искал бы термин, имя для той науки, которую он создает...

Ремарка: «Социально-полевой» подход?

Тут оппонент (Б. Докторов) автора, что говорится, «поймал»: в самом деле, если тот является единственным социологом среди «социологов» (в кавычках), не лучше ли называть себя как-нибудь иначе?

Но в таком положении оказывается почти всякий инноватор... И наиболее разумно было бы, мне кажется, Л. К. определять развиваемый им круг идей, как некий новый (или «хорошо забытый» старый!) исследовательский подход (скажем, в данном случае, «социально-полевой») — в рамках той науки, в которой сам он, слава богу, остается. (См. выше: мой комментарий к текстам Л. Кесельмана). (Декабрь 2003).

⁴⁷ Здесь обращаю внимание читателя, что Б. Докторов обсуждает позднейший (относительно тех, которые рассматривал, например, я) текст Л. Кесельмана: его декабрьские (2003г.), тезисы. Уже в них наблюдается некоторая эволюция концепции, хотя бы — признание взаимодействия «социального силового поля» с «актуальной активностью людей», в отличие от категоричных заявлений о безусловной, односторонней зависимости человека от диктата «безличных социальных полей».

...Из выше сказанного уже следует, что я принадлежу к тем, кто считает, что социальное можно и нужно искать и внутри индивидуального (но не только). Но должен отметить, что само это допущение не влечет за собой обращения к многомерным методам статистики, которые автор почему-то обозначает как приемы манипуляции с цифрами. Создатели этих приемов Пирсон, Гальтон, Каттэл, Терстоун и другие — понимали психологическое и социальное очень глубоко, для того и создавали свои приемы, и менее всего думали о манипуляции.

Ложным представляется и тезис Л. К. о том, что «серьезные» исследователи практикуют теперь «качественные методы», позволяющие с помощью извлечений из более или менее углубленных интервью иллюстрировать те или иные гипотезы о свойствах социума». Хотелось бы увидеть несколько примеров в подтверждение этого положения...

Ремарка: опасность «сужения» профессионального сознания.

Здесь рецензент как бы щадит автора, слишком рано оборвав цитату. А пишет Л. К. в своих декабрьских (2003) тезисах дословно следующее:

«...Впрочем, “количественные” методы уже давно отданы на откуп различным околосоциологическим коммерсантам и полстерам (см. справедливую критику заказной псевдосоциологии выше. — А. А.). “Серьезные” (именно в кавычках! — А. А.) исследователи практикуют теперь “качественные методы”, позволяющие с помощью извлечений из более или менее углубленных интервью иллюстрировать те или иные гипотезы о свойствах социума... Но иллюстрация не свидетельствует, а лишь его муляж. Социология же, как мне представляется, в отличие от социальной философии, имеет дело с социальными фактами, которые, как полагал еще Дюркгейм, можно и нужно рассматривать как вещи. Поэтому так называемые “качественные методы” даже в самых лучших своих проявлениях не более чем хорошо иллюстрированная социальная философия, когей, согласно, нынешней моде, увлечено социологическое сообщество...».

Я бы усмотрел здесь рецидив, казалось бы, исчерпавшей себя дискуссии о «нормальной» и «ненормальной» социологии⁴⁸, своего рода превышение пределов «необходимой обороны» Мастера «субъект-объектной» социологии от скорее уже воображаемых (ныне) нападок на нее со стороны приверженцев «субъект-субъектной».

...Ну что сказать моему коллеге и другу, касательно его филиппики в адрес «качественных методов» и т. д.? Натурам творческим вообще свойственно «увлекаться». Приходится друзьям защищать Леонида Кесельмана... от него самого, предостерегая от огорчительного нигилизма и опасности «сужения» профессионального сознания. (Декабрь 2003).

...Мне ситуация представляется иной. Современная социология — я не говорю о социально-философских работах — это модельные обобщения всего накопленного в науке, в том числе — итогов количественной обработки массивов. Это направление мощно развивается. И российские социологи смогут в ближайшие годы выпасть из международного профессионального сотрудничества, если не углубят свои знания в области математики и не перестанут бояться математической формализации.

⁴⁸ См. ранее: раздел 23.11.

Вполне допускаю, что тезисы доклада не дают мне возможности в полной мере понять ряд построенных Л. Кесельмана. Тем с большим интересом я жду, когда почта доставит мне его книгу Памяти Галины Старовойтовой, в которой ряд положений его концепции изложен⁴⁹, а также выхода в свет материалов его семинара по трансформирующемуся социальному пространству.⁵⁰

Что меня особенно интересует, это реализация его принципов в его же теоретико-эмпирических исследованиях. Появляются ли, проступают ли в его операционализациях, в его показателях (индикаторах), в его интерпретации изучаемых социальных феноменов те конструкты, которые в принципе (именно в принципе) не используются социологами, не разделяющими концепцию Л. К. или пока не знакомыми с нею?

Наличие таковых атрибутов в новых работах Л. Кесельмана может стать мощным прорывом в теории и в практике социологических тенденций. Возможно, это все произойдет вскоре.

Б. Докторов, докт. филос. наук, профессор, ассоциированный член Института социологии РАН
23.12.2003

* * *

Из рецензии Б. Миронова на книгу «Галина Старовойтова — продолжение жизни» (2003)⁵¹

<...> В кратком методологическом эссе (с. 178-184)⁵² Л. Кесельман предельно откровенно и, как мне кажется, намеренно заостренно говорит о необходимости смены парадигмы в социологических исследованиях. Этот параграф <...> может показаться неорганичным для сборника, если не принять во внимание, что в эссе артикулируется кредо руководителя всего проекта о Г. Старовойтовой, которое несомненно повлияло и на постановку проблемы, и на сбор материала путем наблюдения, а не опроса (как настаивает Л. Кесельман), и на результаты анализа. Автор полагает, что «социология, как таковая, не должна заниматься мнениями **людей**, обычно выдаваемых за общественное мнение, и рейтингами. Социология должна заниматься изучением тех **социальных детерминант**, которые определяют предпочтения, ценностные ориентации, социальное поведение людей и т. д.». Что такое социальные детерминанты? По его мнению, это своеобразные, внешне не наблюдаемые социальные поля, обладающие принудительной силой по отношению к каждому отдельному человеку и всему обществу в целом; в зоне их дейст-

⁴⁹ См. выше.

⁵⁰ См.: Актуальные проблемы трансформации социального пространства. СПб.: МЦСЭИ «Леонтьевский центр», 2003. Это — сборник материалов совместного междисциплинарного семинара Леонтьевского центра и Социологического института РАН, организатором которого (семинара) и одним из научных редакторов которого (сборника) является Л. Кесельман. Среди опубликованных там работ см., в частности, *Кесельман Л. Е., Мацкевич М. Г. Поворот направо?; Кесельман Л. Е. Продолжение жизни.*

⁵¹ Борис Николаевич Миронов, профессор социологического факультета Санкт-Петербургского университета, автор фундаментальных историко-социологических исследований, обобщенных в недавно вышедшей третьим изданием книге: *Миронов Б. Н. Социальная история России (XVIII — начало XX века) Генезис личности, демократической семьи, гражданского общества и правового государства.* Тт. 1 и 2. СПб.: «Дмитрий Буланин», 2003.

⁵² Имеется в виду текст под названием «Несколько слов о том, кому и зачем нужна социология», подробно цитировавшийся и обсуждавшийся нами выше.

вия проживает свою социальную судьбу и каждый отдельный человек, и вся наличная на данный момент совокупность людей. Что касается надежной информации о так называемых «рейтингах», то она должна быть лишь **продуктом** изучения социальных детерминант.

Направление и силу социальных полей, считает Л. Кесельман, социологи могут идентифицировать, а политики должны учитывать. Их игнорирование приводит к тому опасному социальному дискомфорту, в котором оказалась Россия, да и все Человечество в настоящее время. Только ясное осознание власти социальных силовых полей над людьми откроет реальные возможности для достижения разумно поставленных целей. И в этом обществе может помочь социология при трех условиях: (1) если социологи захотят взять на себя выполнение этой задачи, (2) если они возьмут на вооружение новые технологии проведения социологического исследования, (3) если они будут «абсолютно независимы от властных структур и других влиятельных заказчиков».

Звучит захватывающе! Давно уже социологи не высказывали подобных притязаний — что можно только приветствовать. Однако, чтобы пойти за Кесельманом, на мой взгляд, необходимо, чтобы он сам выполнил три условия. Во-первых, эмпирически и операционно определил, что такое силовые поля, или социальные детерминанты (метафор явно недостаточно), и как их наблюдать и изучать. Мысль о том, что есть некие социальные детерминанты, которые определяют коллективное поведение людей, не нова, так же как и идеи, что социология не редуцируется к психологии, и что социологи не должны объяснять социальные явления и процессы психологией и мнениями людей. Многие социологические школы эти идеи принимают, только по-разному определяют социальные детерминанты и методологию их изучения. Но в изложении Л. Кесельмана эти мысли звучат как-то мистически⁵³: «источником этих полей не являются окружающие нас люди и их социальная активность; социальные силовые поля безличны, человек над ними практически не властен». Кто же тогда и каким образом создает социальные силовые поля? И как поля могут существовать без людей и вне их сознания? «Социальные силовые поля сами по себе «виртуальны», т. е. не обладают свойствами внешне наблюдаемой «материальной» субстанции. Как же изучать ненаблюдаемое? Автор успокаивает: «Социология уже достигла того положения, когда технологически задача получения информации о параметрах социального пространства вполне решаемая». Однако эта новая технология, в эссе, к сожалению, не обсуждается.

Мне кажется, что как ни определять силовые социальные поля, понять их возможно только через наблюдения за поведением людей и посредством изучения их мнений, заявлений, ответов и т. п., словом, через постижение текстов, которые люди создают — не известно другого способа постижения социальной реальности. Кроме того, социальная реальность существует не только сама по себе, но и в головах людей и социологов, которые за ними [людьми. — А. А.] наблюдают, и, самое важное, постичь социальную реальность возможно, именно изучая, как она преломляется в сознании людей.

⁵³ Вообще, как можно заметить, последовательный «социальный реализм» тяготеет к объективному идеализму (в пределе — к мистицизму), так же как последовательный «социальный номинализм» — к вульгарному (наивному) материализму. (*Мое примечание.* — А. А.)

Да и сами люди действуют в соответствии с тем, как они понимают окружающую их реальность, и как они артикулируют свое понимание. Получается, что и онтологически, и гносеологически (эпистемологически) невозможно изучать социальную реальность без изучения людей. Значит, без изучения людей не обойтись и при исследовании силовых социальных полей, как бы их ни интерпретировать.

Во-вторых, Кесельману следует показать коллегам, что это за новые технологии, с помощью которых он намерен силовые поля изучать, как их применять, в чем их новизна и специфика. Заметим, что профессиональные технологии в принципе не могут быть «простенькими», как определяет их Л. Кесельман; называть их так, значит, упрощать дело и сеять новые иллюзии. Например, осваиваемый им метод уличного наблюдения — совсем не простенький, и к тому же требует высокого профессионализма от интервьюера уже на стадии сбора первичной информации.

В-третьих, автор должен смягчить свои требования и отказаться от известной доли романтизма и утопизма, (а) потому что социологи и любые другие социальные исследователи никогда не будут «абсолютно независимы от властных структур и других влиятельных заказчиков»; (б) если социологи не будут изучать мнения людей и рейтинги, то кто это будет делать, и на что социологи будут жить (не умрут ли они с голоду?). <...>

Б. Миронов, доктор исторических наук, профессор СПбГУ

(Цит. по: Телескоп: наблюдения за повседневной жизнью петербуржцев», 2003, № 6, с. 46-47).

Ремарка 1: «...веха в дискурсе о демократии и событие в жизни социологического сообщества».

Рецензия Б. Миронова заканчивается следующими словами:

«...Выход в свет книги “Галина Старовойтова — продолжение жизни” — важное событие в политической истории Петербурга... Книга артикулирует отношение горожан к Г. Старовойтовой, однако при этом является вехой в дискурсе не только о Г. Старовойтовой, но и о демократии в России. Книга является также и важным фактом в жизни сообщества российских социологов, так как предельно обнажает больные места в работе цеха социологов и предлагает некоторые лекарства для их излечения» (Телескоп, 2003, № 6, с. 47).

(Декабрь 2003).

Ремарка 2: впереди — продолжение диалога.

Итак, трое заинтересованных оппонентов (Б. Докторов, Б. Миронов и автор настоящей книги) приветствуют теоретическо-методологический поиск Л. Кесельмана, дают результатам этого поиска высокую оценку. При этом, пожалуй, независимо друг от друга, все трое обращают внимание, в сущности, на одни и те же уязвимые места научного подхода своего коллеги и друга, неосторожно претендующего на некий социологический универсализм.

Думается, здесь уместно напомнить о плодотворности методологического плюрализма и об ограниченности («пределах») всякой отдельно взя-

той исследовательской парадигмы. Впереди, как видно, продолжение диалога. (Декабрь 2003 — апрель 2005).

24.2. «Здравствуй, племя младое, незнакомое...» (2)

Несколько вступительных слов

До сих пор мне приходилось цитировать или пересказывать, иногда — оппонировать, в любом случае — со-беседовать, по преимуществу, с друзьями и коллегами **из моего поколения**, ну, иногда — лет на 10 моложе. Исключения были, но не так уж много.⁵⁴

Если не устранить совсем, то хотя бы ослабить указанный возрастной (поколенческий) «перекос» мне предстоит настоящим разделом, где главным действующим лицом и автором будет социолог из Ульяновска — Олеся Анатольевна **Козина**, с которой познакомился в 1999 г. (когда впервые довелось участвовать в ежегодных «Любищевских чтениях» в Ульяновске).

...О. Козина — философ, социолог, поэт. В 1991 г. окончила технический вуз по специальности «инженер-системотехник»; потом занималась журналистикой. Еще учась в институте, писала стихи, сказки, публиковалась в местных СМИ. Окончила заочную аспирантуру; в 1999 г. защитила кандидатскую диссертацию о философско-эстетических аспектах неомифологии Н. К. и Е. Н. Рерихов на философском факультете Санкт-Петербургского университета (науч. рук. — докт. филос. наук Ю. В. Линник; вот «тесен мир»⁵⁵).

К тому времени О. К. уже преподавала социологию в Ульяновском гос. университете. Доцент кафедры социологии факультета гуманитарных наук и социальных технологий УлГУ. В 2004 г. поступила в докторантуру факультета социологии Санкт-Петербургского университета..

В 2000 г. в Ульяновске вышел первый сборник стихов и притч Олеси Козиной, в 2004-м — уже четвертый поэтический сборник.⁵⁶ Основной литературный жанр автора можно определить, как философско-мировоззренческая лирика.

...Если мое поколение считается (является?) вышедшим из 60-х, то Олеся Козина — **из поколения 90-х**; во всяком случае родилась она примерно в те годы, когда автор этих строк начинал свою научную карьеру. Если учесть, что О. К. преподает социологию, то ее ученики — будущие социологи (студенты УлГУ) — приходятся мне как бы «внучатыми племянниками».

Что представляет собой это «племя» (младое, незнакомое...)? Чем для них является социология, какой они видят «социологию в себе», и какими —

⁵⁴ Эти исключения см. ранее, в томе 3 настоящей книги: раздел 0.12; см. также в томе 4: раздел 23.1

⁵⁵ О Ю. В. Линнике см. ранее, в томе 3: раздел 17.14.

⁵⁶ Козина О. Выбор. Ульяновск, 2000; Она же. Формы: выбранное. Ульяновск, 2000; Она же. Аз Есмь. Ульяновск, 2003; Она же. Стихи. Ульяновск, 2004.

«себя в социологии»? Об этом Олеся знает во всяком случае лучше меня. Поэтому — ей слово.⁵⁷ (Январь 2004 — май 2005).

24.2.1. Социолог глазами будущих социологов

[Ниже — одноименная работа О. А. Козиной, присланная мне ею в начале 2004 г. Эта работа имеет подзаголовок: «Данные экспресс-опросов студентов специальности «Социология».⁵⁸ — А. А.]

Цель исследования — дать общую характеристику студентам специальности «Социология» на текущем этапе обучения.

Задача исследования — выявить усвоенные студентами требования к знаниям и умениям, предъявляемые к специалисту-социологу. Дополнительной (латентной) задачей было получение информации, характеризующей в целом отношение студентов к профессии социолога и к полученным знаниям.

Объект исследования — студенты специальности «Социология» [Ульяновского гос. университета. — А. А.]. <...>

Вкратце

Здесь опущены приводимые автором извлечения из Государственного образовательного стандарта высшего профессионального образования РФ: «Государственные требования к минимуму содержания и уровню подготовки выпускника по специальности 020300 «Социология» (Стандарт введен в действие с 3.03.1995).

...В анонимном исследовании приняли участие студенты 2—5 курсов специальности «Социология», всего 61 человек (17 чел. — 2-й курс; 20 чел. — 3-й курс; 13 чел. — 4-й курс; 11 чел. — 5-й курс).

Респондентам были заданы три открытых вопроса:

1. Что должен знать будущий социолог?
2. Что должен уметь будущий социолог?
3. Где может работать будущий социолог?

Результаты проведенного письменного экспресс-опроса следующие.

По мнению студентов, будущий социолог **должен знать**:

— теорию социологии, общие концепции (27)⁵⁹; методы соц. исследования (17); историю социологии (12); основы психологии (12); знание ПК (10); иностранный язык (9); русский язык, худ. литературу, философию, математику (3); «С-бухгалтерию» (1); «сферу дея-

⁵⁷ Об О. А. Козиной, дочери моих друзей Анатолия Николаевича и Лидии Ивановны **Марасовых** (он — биолог, доцент Ульяновского гос. педагогического университета, она — учитель средней школы), и один из ее (О. К.) текстов см. также ранее, в томе 1 настоящей книги: приложение 4 к главе 6.

⁵⁸ Публикуется в сокращении.

⁵⁹ Здесь и далее — в скобках указано количество лиц, ответивших в смысле, позволяющем отнести ответ в данную группу. (Следует учитывать, что вопросы были открытыми). Здесь опущены приводимые автором распределения ответов по курсам (2—5), сами по себе довольно информативные. (Примеч. А. А.)

тельности» (1); с какой целью проводить исследование (1); «социальную атмосферу» (1); как получить информацию (1); что такое социология (1).

Будущий социолог должен уметь:

— правильно и грамотно проводить соц. исследование (29); быть коммуникабельным (26); анализировать и интерпретировать полученные данные (16); применять свои знания (12); логически мыслить и прогнозировать будущую ситуацию (8); собирать и получать информацию (3); обладать креативностью (2); слушать, обобщать, конкретизировать (1), общаться на профессиональном языке (1); быть беспристрастным (1); поставить цель (1); использовать данные (1); выявлять проблемы (1).

Социолог может работать:

— специалистом по маркетингу (22); журналистом (21); в сфере политики, центр политических исследований (19); в сфере рекламы (17); в администрации, мэрии, гос. органах (17); в любой сфере (9); в школе (5); в сфере связи с общественностью (5); преподавателем (4); на радио (4); в Госкомстате, статистическом бюро (3); на НПО «Марс» (1); в научной сфере (1); в социальном отделе (1); в коммерческих структурах (1); в отделе кадров (1); на любом предприятии (1); где придется (1).

По результатам, полученным в ходе исследования, можно сделать выводы о том, что студенты знают о требованиях, предъявляемых к получаемой специальности, лишь приблизительно и в целом далеки от сущности и социальной значимости своей будущей профессии. Целостное представление о будущей профессии социолога у студентов отсутствует; это во многом связано с низкой активностью и познавательной способностью (о чем говорят как скудость собранных сведений, так и нечеткие и непрофессиональные формулировки, которых большинство). Кроме того, данные не отражают ни необходимого представления о социологии как комплексе дисциплин, ни владения социологической терминологией, ни связи социологии с другими общественными и гуманитарными науками. Усвоенные студентами требования к знаниям и умениям, предъявляемые к специалисту-социологу, ставят серьезную проблему их будущей профессиональной оценки, а также заставляют обратить более пристальное внимание на учебный процесс. В целом отношение студентов к профессии социолога и к полученным знаниям — одностороннее, а иногда — неопределенное. Это тесно взаимосвязано с проблемой трудоустройства именно социологов.

Напрашивающиеся гипотезы здесь таковы, что студент специальности «Социология» Ульяновского гос. университета обладает заниженной самооценкой и неустойчивым целеполаганием. Результаты исследования демонстрируют у молодых людей слабую рефлексивную связь с собственным будущим, неиспользование собственного потенциала и, на фоне этого, — способность к высокой адаптации и готовность приспособиться к любым профессиональным сферам. Можно отметить и отсутствие стремления продолжать самообразование. Тем не менее, здесь есть внутренняя проблема — дискретность окружающего современного мира собирается в целостность только по собственной воле личности. И если она *[целостность. — А. А.]* не проявляется в данный момент, это не значит, что ее нет. Очевидно, что точка разрыва в студенческом понимании социологии как таковой — в самой идентичности социолога, который идентифицируется как мобильный специа-

лист, умеющий взаимодействовать с любой внешней средой, а не как исследователь, определяющий индикаторы проблем социума. С этим непосредственно связана рефлексивная трудность для студентов дифференцировать «знать» и «уметь» (в данных, часто не разделенных между собой).

Ввиду того, что письменный опрос всегда сопровождается определенным процентом брака, была предусмотрена контрольная проверка данных в виде устного опроса студентов 3 и 4 курсов, о котором они не были предупреждены заранее. Студентам было предложено разыграть экспромт по такой *[проективной]*. — А. А.] ситуации:

«Прошло 5 лет. Вы уже работаете социологом. Где Вы работаете, какой проблемой Вы занимаетесь, с помощью каких методов ее решаете?»

Опросы были проведены с кратким временным перерывом.

Результаты устного экспресс-опроса следующие.

3-й курс (21 чел.)

(1) центр занятости и трудоустройства выпускников вуза; изучение рынка труда и информации от работодателей; (2) маркетинговый центр; проблема поведения потребителей; изучение факторов, влияющих на поведение потребителей (доход; профессия); (3) центр занятости; проблема вторичной занятости; изучение причин увольнения и информации от руководителей, безработных, биржи вакансий; (4) политологический центр; проблема дискриминации женщин в политической сфере; изучение общественного мнения в правительственных органах; метод — опрос; (5) отдел менеджмента нефтегазовой компании; проблема межличностного взаимодействия работников компании; изучение языкового барьера, проблемы здоровья; метод — анкетный опрос; (6) большая организация, проблема влияния группы на личность; изучение предпочтений; метод — интервью; (7) рекламное агентство; заказчик — косметическая фирма; проблема рейтинга фирмы; метод — опрос на улице, в магазинах, в косметических отделах; (8) политологический центр; изучение предпочтений аудитории и влияния информации; (9) предприятие, проблема межличностных, межгрупповых конфликтов между руководителями и рабочими, изучение ценностных ориентаций; (10) крупная фирма, маркетинговый отдел; 2 варианта: 1-й: изучение факторов, влияющих на поведение потребителей; методы — анкетный опрос, фокус-группы; 2-й: изучение корпоративной культуры, ценностных предпочтений; методы — анкетный опрос, интервью; (11) центр социальных возможностей города N; социолог-психолог; проблема влияния личной жизни на трудовую деятельность; межличностные проблемы молодых специалистов; метод — не анкетный опрос, а сам руководитель, который может поощрить человека, поднять его жизненный тонус; (12) центр изучения общественного мнения; проблема влияния СМК на социальные процессы; проблема влияния группы на индивида; изучение информационных отношений в обществе; методы — уличный опрос, анкетный опрос, фокус-группы, интервью; (13) журналист; проблема включенности человека в различные общности; изучение формирования ценностей под влиянием общности; метод — включенное наблюдение; (14) производственное предприятие, проблема взаимоотношений администрации и работников; изучение влияния алкоголизма на производительность труда; метод — эксперимент; (15) методист отдела кадров Заволжского района; проблема — наркомания, детская преступность; метод — собрания с учащимися, родителями, учителями; (16) 2 варианта. 1-й: 2008 год — выборы Президента РФ, изучение рейтинга кандидатов в президенты; метод — массовый опрос; 2-й: изучение корпоративной культуры, причин конфликтов; качественные методы, фокус-группы; (17) Минюст или социологический центр; проблема сект; изучение уставов и структур религиозных организаций; (18) крупное предприятие; проблема повышения производительности труда; изучение общественного мнения предприятия, мнения работников, их предложений; (19) «работать лучше на власть». 2 варианта; 1-й: проблема наркомании и преступности; качественные и количественные методы; 2-й: маркетинговый центр; проблема поведения потребителей; изу-

чение спроса; (20) маркетинговый центр нефтяной компании; изучение предпочтений, мнения и оценок потребителей продукции; (21) см. пункт 20.

4-й курс (8 чел.)

(1) нефтяная компания «ЮКОС»; изучение оценок качества ГСМ потребителями; метод – анкетный опрос; (2) автозавод; изучение популярности моделей автомобилей, оценок автолюбителями качества продукции; изучение спроса на автозапчасти в торговых организациях и т. д.; (3) фирма по видеопрокату; изучение спроса на видеокассеты, фильмы; изучение возможностей расширения сети, повышения качества работы, привлечения клиентов; (4) маркетинговый центр нефтяной компании; изучение спроса на табачную продукцию (предпочтения; изготовитель; наибольший спрос; максимальная, средняя, минимальная цена); методы – интервью, анкетный опрос; (5) 2 варианта: 1-й: администрация г. Ульяновска; разработка новой системы образования (новые принципы; отмена архаизмов, например, обязательного посещения лекций); 2-й: помощник министра финансов или социолог в банке; прогнозы реакций населения на изменения в финансовом мире; (6) хостинг-фирма; изучение спроса на сайты; разработка схем для оптимального использования интернета; проблема актуальных сайтов; (7) фирма по продаже техники или мебели; изучение спроса на мебель (какой вид мебели наиболее популярен); методы – опросы, наблюдение; (8) 2 варианта: 1-й: комитет социальной защиты; изучение того, как опекуны распоряжаются собственностью сирот; изучение проблемных семей; 2-й: предвыборный штаб; анализ информации по рейтингу кандидатов; разработка программ проведения предвыборных кампаний с учетом местных особенностей.

Последние данные примечательны тем, что показывают явную субординацию информации, полученной письменным и устным способом. Для студентов предпочтительным оказывается второй, так как автоматически снимает необходимость обобщения и четких умозаключений. Нарратив (устный текст) действительно предоставляет как богатую основу для интерпретации, так и возможность получения максимума информации.

Но проблема, поставленная при анализе данных письменного опроса, не снята. Эти данные позволяют уточнить к предыдущие гипотетические выводы, а именно — то, что, во-первых, студенты не обладают способностью поставить и сформулировать проблему, причем 4-й курс более, чем 3-й [! — А. А.]. Во-вторых, попытка определить локальный предмет предполагаемого исследования сопровождается смещением предметной сферы: она не уточняется, не конкретизируется, а все более усложняется и совмещается с другим предметом. В-третьих, несмотря на социологическое фантазирование и высокую дисперсию (повторений мало), заметна тенденция сближать социолога с другими специалистами: со специалистом по маркетингу, журналистом, рекламным агентом, психологом, менеджером и прочими. Фактически студенты убеждены в синонимичности содержания этих разных профессий. В-четвертых, общей позитивной характеристикой студентов 3-го и 4-го курсов является их наблюдательность и реакция на окружающие социальные процессы. Они хотят вмешаться в социальный мир с целью его изменить, исправить (а это одна из функций социологии как общественной науки: критическое отношение к миру); они ощущают себя актерами, способными взаимодействовать с социальными системами. И, в-пятых, студентов характеризует настолько высокая мобильность (а в данном случае это псевдопрофессиональная мобильность), что идентичность социолога не просто

оказывается плавающей в пространстве смежных профессий, но становится мнимой; ее содержание инверсируется. <...>

Таким образом, результаты опросов, на первый взгляд, кажущиеся противоречивыми, дополняют друг друга по внутренним параметрам и являются единым целым.

О. Козина, ноябрь 2003

Ремарка: плоды адаптации и просвещения.

Авторские заключения по результатам этого экспресс-опроса, во всяком случае, не комплиментарны по отношению к респондентам. Признаться, также и меня, в частности, видение студентами специальности «Социология» своего профессионального будущего несколько обескуражило.

Но... одно дело, скажем, прагматичные планы будущего жизне- и трудоустройства (кстати, в значительной части ответов никакого отношения к социологии не имеющего!), и совсем другое — творческий потенциал молодых людей, развиваемый неконформным педагогом. О чем — ниже. (Январь 2004 — апрель 2005).

24.2.2. «Между сказками, или Ловушки для студентов»

...Подведя итоги, мы посчитали, что на первое место вышли 2 сказки:

— Лягушка влюбилась в молодого парня. Она поцеловала его, а он стал жабой.

— Жил бы Кашей вечно, если бы не решил поесть яичницы, да подавился иголкой.

Ура победителям!

(Из методического пособия по социологии, 2002)

Ремарка: необыкновенное учебно-методическое пособие.

В конце 2000 г. попалась мне на глаза заметка в газете Российской академии наук, Минобразования РФ и Министерства промышленности, науки и технологий РФ «Поиск»:

«В Ульяновском госуниверситете собираются издать (увы, и по сей день собираются!) — А. А.) методическое пособие, составленное из написанных студентами сказок, сообщает газета УлГУ «Вестник». Более ста таких историй сочинили студенты гуманитарного факультета в рамках изучения курсов социологии культуры и социальной антропологии.

Автор столь необычной методики подготовки к занятиям — преподаватель кафедры социологии Олеся Козина. Она считает, что сочинение сказок позволяет студентам творчески проявить себя, смоделировать окружающее социальное пространство, применяя полученные знания и давая волю фантазии. Студенты уже придумали и написали сказки на темы «Социальная сказка о социальном яблоке», «Сказка о социальном взаимодействии», «Жила-была ракушка и вот попала она из морской реальности в социальную»...» (Соколовская К. В гостях у сказки // Поиск, 2000, № 50).

А летом 2002 г. я получил от О. К. почтовую бандероль — рукопись упомянутого учебно-методического пособия. Оно было подготовлено Олесей в соавторстве с одной из своих студенток — Ириной Басовой (что само по себе примечательно!).

Название этого необычного учебного пособия: «Между сказками, или Ловушки для студентов». (Январь 2004).

**Из «Предисловия» О. Козиной к рукописи
учебно-методического пособия «Между сказками...» (2002)⁶⁰**

<...> В сентябре 2000 года я понял, что если я не скрашу «вынужденное» размышление студентов и приобщение их к сложной практике рефлексивных диалогов, то наш учебный процесс будет отягощен обоюдным непониманием. Студентов заинтересовать несложно. Труднее сделать так, чтобы этот интерес обратился в ценность, когда собственные усилия и результаты приобретают жизненную значимость. И если мне во время учебного процесса это удастся, я считаю, что в какой-то степени дала жизнь чуду.⁶¹

// Я — преподаватель. Хотя в моих детских разнообразных мечтах вовсе не было никаких преподавателей. И мне небезразлично, как занимаются мои студенты, а главное — **о чем они думают во время занятий**. А думают они постоянно... Лица — как экраны; разнообразие интереснейших сюжетов: забавных, неуловимых, далеких, мелькающих. За студентами во время занятий невозможно не наблюдать. Особенно, когда они пытаются «выкрутиться с достоинством» из сложного вопроса. Обычно студенты (сейчас я употребляю слово «студенты» как некое имя множества, как одно из имен молодежи) молчат на занятиях редко. Даже во время экзамена.

Наверное, им молчать потенциально не удастся — надо обязательно прокомментировать ситуацию, что-то сделать, в общем, как-то отреагировать, хотя бы вздохнуть. А это уже — звук. В аудитории всегда — постоянная волна звука, подвижная и неподдаваемая. Даже редкая тишина — собрание дыханий, движений и всяких неожиданных звучаний: шуршат пакеты, поскрипывают ручки (паузы заполняются иллюстрациями к лекциям), падают предметы (обычно сумки, которые используются как ширмы, — чтобы преподавателю было не видно все то остальное, что важно успеть помимолекции). Цезарь позавидовал бы современным студентам. Им на занятиях удастся многое: переписывать другие лекции; жевать; есть; общаться; читать; приводить себя в порядок; гадать; решать кроссворды; нравиться; выяснять отношения; обсуждать события; смотреть в окно; ловить сообщения от тех, кто в коридоре; рисовать; готовиться к разным семинарам; отдыхать и... позвольте на этом остановиться. Если особенно не придирайтесь, то есть не добиваться отражения лекции на «экранах», можно только снять шляпу и похва-

⁶⁰ Предисловий (равно как и заключений; см. ниже) в этом учебном пособии два: одно принадлежит студентке, теперь уже бывшей (И. Басовой), другое — преподавателю (О. Козиной). И голос каждой — хорошо различим в разворачивающемся на страницах «Между сказками...» их диалоге друг с другом и с со студентами — их анонимными со-авторами.

⁶¹ Редактируя (дорабатывая) рукопись своего учебного пособия два года спустя, О. Козина изменила последнюю фразу. Стало: «И если мне во время учебного процесса это удастся, я **считаю себя преподавателем**». И правильно!

лить их за «успеваемость». В том смысле, что они все успевают. Но «придираться» — это и есть то, что отличает преподавателя от студентов (если вы — преподаватель, то улыбнитесь, потому что это — шутка). У меня есть старый приемчик, позволяющий отвлечь студентов от неотложных дел и побыть в тишине. Я задаю им вопрос. Эка невидаль — скажете вы. Но суть в том, что вопросы-то бывают разные. Я давно отказалась от репродуктивных вопросов и применяю только продуктивные. Я хочу слышать, — что они думают по заданной теме, как они думают, и почему они думают именно так. Вот тогда наступает музыкальная тишина, подсвеченная изнутри: лица студентов преображаются на глазах. Одухотворение им придает работа мысли. В эти минуты у меня прямо-таки захватывает дыхание, я люблюсь ими и готовлюсь выслушать все, что они выдумали за то время, пока были лишены кислорода взаимной поддержки в вакууме размышлений... Я им не устаю говорить: «Как на вас приятно смотреть, когда вы думаете», потому что это — так. //

<...> А теперь скажу самое главное. Многое из того, что сочинили (выдумали, сотворили) студенты, а мы с Ириной представили Вам, — есть знания. Ставшие таковыми только в результате применения; их цена — усилия. Знания не в виде абстрактных определений и логических выводов, а облаченные в творческую форму игры различных категорий (в том числе и социологических), — осевших именно на тех узлах, где они «работают», где они функциональны. Мне это особенно ценно. Мы убедились, что порой студент «слышит не теми ушами», но он вполне способен услышать суть. Мы убедились в том, что студент умен, находчив, доверчив и незлобив. Мы стащили с него «одеяло» лени и увидели, как он преобразился после умственной зарядки.

<...> Мы могли бы придать нашей работе бóльшую, так сказать, «социологичность». Мы могли сформулировать любые рабочие гипотезы и проверить их. Например, обыграть известные стереотипы: «студент всегда бестолков», «преподаватель всегда прав», «ленивый студент», «хитроумные способы добывания хороших оценок» и так далее. И доказали бы это без труда. Но мы не ставили такой цели! Априорной была совсем иная установка: «студент вовсе не такой, каким мы его себе представляем». Эту цель мы достигли с помощью разрешения сложной задачи: идентификации и «опредмечивания» интереса. Интереса к лекциям, семинарам, учебе и знаниям вообще. Мы разыграли наше представление на сцене отношения студента к учебному процессу. Любая сказка уверит вас, что этот интерес присутствует и более того, он локализован пространственными координатами: если вы как следует взгляните в словесные выражения, то перед вами предстанет живая реальность, где центр «одушевления» — сам студент, его повседневность, его ценности, его удачи и чаяния.

<...> Смысловой переплет этой книги представляет связь двух живых элементов: вопрос — ответ. Собственно, наша книга — это Ответ студентов на мой к ним Вопрос. Ответ сложный, разноязычный, пестрый и глубокий.

Мы очень хотим, чтобы Вы сами в этом убедились. <...>

(О. Козина, И. Басова. Между сказками..., 2002. Рукопись)

Ремарка: «Между сказками...» — предисловие (до и после доработки).

Следует оговорить, что здесь процитирована рукопись, поступившая ко мне в 2002 году. Как мне недавно сообщила О. Козина, с тех пор рукопись «Между сказками...» подверглась существенной авторской доработке. А бóльшая часть приведенного здесь фрагмента «Предисловия» автором из рукописи... просто исключена.⁶²

Я попросил прислать мне последний вариант рукописи (2005 г.). И, ознакомившись с ним, понял, что уместно привести здесь оба варианта этого «Предисловия».

Ниже — извлечения из переработанного предисловия О. К. (ставшего, надо сказать, заметно строже!). (Май 2005).

* * *

Из «Предисловия» О. Козиной к рукописи учебно-методического пособия «Между сказками...» (2005)

О смысле, целях и задачах

<...> Игра — один из самых плодотворных способов усвоения знаний. Опыт показывает, что семинары по изучению отраслей социологии полезно сопровождать творческой инициативой не только со стороны преподавателя, но и со стороны студента. Как студенты усваивают социологические (а в общем, теоретические) категории и понятия? Умеют ли они ими пользоваться? Вот то, что лежит в основе нашего своеобразного подхода: конкурсов студенческих работ.

Если весь учебный процесс обобщить, то перед нами будет элементарная структура, образованная всего двумя формальными узлами: присутствие и подтверждение этого присутствия. Присутствие можно разделить на составляющие: посещение занятий, выполнение заданий, участие в различных мероприятиях факультета и университета, но в целом оно отражает имя студента: «студент» как нечто статичное. Но с другой стороны, оно фиксирует его внутренние движения, то динамичное и меняющееся, что дополняет это имя необходимыми приращениями. Подтверждение присутствия — вещь весьма материальная и осязаемая. Это четко определенные временные интервалы со своими параметрами: курсовые и дипломные работы; «творческие» задания в виде всевозможных исследований; практики; зачеты и оценки в зачетной книжке; рефераты и многое другое, что составляет содержательное направление любой кафедры. Я говорю только о формальной стороне. Которая за плоскостью заполненных бумаг скрывает непостижимую телесность живых пространств. Наша книга касается как раз непонятных биений организма студенчества. Оперирование этой сложной телесностью — вещь опасная и налагает ответственность...

Я пытаюсь своим предисловием ответить на один вопрос, заданный Ириной [Басовой. — А. А.]. В одну из наших встреч она спросила: «Олеся Анатольевна, а какую цель вы преследуете?». Здесь я вернусь к тому, что составляет подтверждение присутствия. У знаний, «получаемых» студентами, есть устойчивая сторона, та, которая проявляется благодаря определенным критериям, выработанным пре-

⁶² Эта часть «Предисловия» в моей перепечатке выделена двумя косыми чертами: // .

подавателями давным-давно. В университете много «ходячих» истин, например, «легко» узнать, знает студент материал или не знает. Так же «легко» поставить студенту «отлично» или «завалить» его. Лицевая сторона «медали» обучения — знания. Шкала оценок, принятая в системе образования, в основном, весьма позитивна: любая ведомость скажет нам, что знания в любом случае есть, только отличаются «концентрацией» (хотя реально «пятибалльная шкала» всегда называется «трехбалльной»), так как работают лишь оценки «удовл», «хор» и «отл»). Невидимая медаль — понимание. К сожалению, большинство студентов стараются воспроизводить услышанное и прочитанное, но не использовать.

В этой книге вы увидите, какие разнообразные формы принимают теоретические постулаты на выходе студенческой фантазии. Многое из того, что сочинили (выдумали, сотворили) студенты, — знания. Ставшие таковыми только в результате применения; их «цена» — усилия. Не подобия абстрактных определений и логических выводов, а творческая форма игры различных категорий (в том числе и социологических), — осевших именно на тех узлах, где они «работают», где они функциональны. Конечно, это опосредованные социологические знания, но их ценность в том, что они отвечают своей сути. В данной ситуации стереотип лени смещен вектором действия-делания, и целью преподавателя было задать нужный вектор.

Я — автор всех заданий. Студентам лишь оставалось продолжить идею, данную в начале. Я предложила студентам Ульяновского государственного университета попытаться что-нибудь «вылепить» из лекционного материала. Для начала — сказки. При одном существенном условии: сказки должны быть социальными, то есть показывать взаимоотношения и взаимодействия персонажей, то есть близкими к социологическим; но при этом оставаясь сказками.

<...> Данная книга представляет собой оригинальное исследование. Оригинальность ее заключена в том, что второй автор является одновременно и участником, и объектом исследования.

Цель: креативное применение социологических (в том числе социально-философских, психологических, антропологических) категорий и понятий.

Объект: студенты.

Предмет: понимание лекционного материала.

Метод: социологизация художественного пространства с помощью сочетания формализованного и естественного языка.

Задачи:

1. Привлечение студентов к новой форме семинарских занятий.
2. Выявление предметного интереса к социологическим дисциплинам.
3. Получение данных.
4. Доведение данных до понятийного соответствия определенным концептуальным положениям.
5. Закрепление идентичности студента.

Некоторые изначальные **гипотезы:**

1. Учебный процесс — совместная работа преподавателя и студента.
2. Наличие у студентов определенного отношения к учебному процессу.
3. Наличие у студентов собственной структуры суждений и восприятия теоретического материала.

4. Согласие студентов на творчество.

Здесь должна быть существенная поправка. Мы назвали эту книгу исследованием, но опустили термин «социологическое». Если бы данные представляли собой действительно эмпирический материал как таковой, полученный в результате наших опросов, то имело бы место не просто социологическое исследование, а разведывательное, пилотажное или какое-нибудь другое. Но некоторые данные (а именно сказки в 13 слов и стихи) претерпели редакцию (точнее, им была оказана помощь в создании), поскольку в противном случае потеряло бы смысл любое из творческих заданий. А поскольку задания заключались не только в содержании, но главным образом в форме (если сказка, то сказка; если стих, то стих), то совместные усилия были необходимы.

(О. Козина, И. Басова. Между сказками..., 2005. Рукопись)

Ремарка: «Между сказками...» — структура (оглавление).

В этом учебно-методическом пособии представлены не только несколько сотен текстов студенческих «социологических сказок», или своего рода притч (иногда даже — «стихов на заданную тему»), но и анализ, интерпретация, осмысление этих текстов составителями пособия. Его ведут автономно, иногда вступая в диалог, оба соавтора пособия.

Здесь приведу оглавление презентуемого (обсуждаемого) мною учебного пособия (вариант 2005 г.):

— Предисловие 1: интервью с Ириной; Предисловие 2: о смысле, целях и задачах; Предисловие 3: об идентичности студента и «студенческой идентичности»; Сказки: Задание № 1. Жила-была ракушка. И вот попала она из морской реальности в социальную...; Задание № 2. Жило-было взаимодействие. И вдруг посмотрело оно на себя в зеркало...; Задание № 3. Жила-была психология. Ей нравилось быть красивой, ухоженной и всегда находиться в центре внимания...; Задание № 4. Социальная сказка о социальном яблоке; Задание № 5. Социологическая сказка; Задание № 6. Сказка об отличиях социологии и антропологии; Мнение будущего социолога Ирины; Сказки про и для моих студентов. Социологические и философские отчасти...; Конкурс сказок в 13 слов; Удивительная статистика (конкурс в цифрах); Миниатюры; Социальность в стихах; Заключение 1; Заключение 2; Приложение 1: новые сказки.

Ниже — извлечения из некоторых разделов учебного пособия. (Январь 2004 — май 2005).

* * *

Комментарий И. Басовой к студенческим произведениям из учебно-методического пособия «Между сказками...» (2002-2005)⁶³

Сказки о ракушке

Вы прочитали? Я думаю, что вы так же, как и я, уловили ту единую нить, которая проходит через эти сказки и объединяет их. В каждой из них прямо

⁶³ Этот раздел учебного пособия называется «Мнение будущего социолога Ирины». В дальнейшем разделы, не претерпевшие изменений в рукописи 2005 г. по сравнению с рукописью 2002 г., обозначаются ссылкой: «Между сказками...» (2002-2005), а разделы, претерпевшие изменения при доработке — ссылкой «Между сказками...» (2005).

или косвенно затрагиваются социальные роли; ракушка постоянно ищет себя, свое «Я» и место в окружающем мире, то есть в обществе, пробует что-то новое. Эти вопросы волнуют человека на протяжении всей его жизни, преобладают над всеми остальными. Эти сказки являются подтверждением этого; во многих присутствуют элементы морали и даже философии, это характерно и для остальных сказок. Но, к сожалению, ракушка в большинстве из них или возвращается домой, понимая, что социум не слишком дружелюбен, или наступает такой момент, когда вернуться невозможно, потому что (социум) ее уже поглотил...⁶⁴

Сказки о яблоке

Услышав слово «яблоко», хочется продолжить и — получится «яблоко раздора», в основном такие же ассоциации у большинства авторов этого раздела сказок, так как противоречиями и вытекающими из них конфликтами никого не удивишь, а причиной, то есть «яблоком раздора» может послужить все, что угодно. Они неизбежны, их надо встречать спокойно и достойно.

Сказки о взаимодействии

Заметьте, в каждой сказке взаимодействие ассоциируется со словом «общение» или «общаться», хотя бы раз, но вы их встретите. Каждая сказка пытается объяснить сущность такого сложного процесса, как взаимодействие, по-своему и показать всю его многогранность, сложность, а самое главное, важность его присутствия не только между отдельными людьми. Сказки выходят на более высокий уровень, чем небольшая общность: мирового сообщества, социума, видимо, глобализация на современном этапе мало кого оставила равнодушным, в данном случае речь идет об авторах этих произведений. Но это не говорит о том, что все они однотипны и похожи. Несмотря на то, что мнения и выводы здесь едины, представления этой неотъемлемой части нашей жизни очень разнообразны.

Такие сказки могут помочь (детям, например) уловить суть такого объемного понятия с помощью простых ярких и красочных образов и описаний, развивая параллельно другие способности ребенка.

Сказки о психологии

Конечно же, здесь с первых слов становится понятно, что речь пойдет о человеческих качествах и ценностях, которые будут актуальны всегда, пока жив человек. Сказки говорят о дружбе, любви, уважении, взаимопомощи,

⁶⁴ Не приходится сомневаться в том, что к важнейшим непосредственным источникам и стимулам социально-педагогического творчества О. Козиной относится ее литературное творчество. Ее первый поэтический сборник «Выбор» (1999) включает в себя несколько десятков «прозаических» притч: притчи — «о Часах», «о Камне», «о Дереве», «о Дороге», «о Лесе», «о Море»... Приведу здесь последнюю из названных:

«**Притча о Море.** Лежала на дне Моря Ракушка. Проник луч на дно, разбудил ее. Впитала Ракушка шелест Моря, вздохи рыб, звоны кораллов. Поднял смерч Ракушку, бросил на берег. Долго лежала Она возле Моря. Не могла вернуться. Не дотягивались до Нее волны.

Подняли Ракушку. Унесли от Моря. Трясли и стучали. Но молчала Ракушка. Взяли Ракушку детские руки. Пожалели. Согрелась Ракушка. Запела. О волнах. О сказочных рыбах.

Увидели люди слезы прибора. Отдали Ракушку Моря. Вернули песню» (О. Козина. Выбор..., с. 76).

сострадании и, конечно, не забыты и отрицательные проявления нашей души, например, зависть. В этом разделе ей уделено особое внимание, лишний раз можно убедиться, какое разрушительное влияние она оказывает на человека и на всех, кто его окружает. Но человек всего лишь человек, он не может быть идеальным, даже если захочет. Авторы (психологи) довольно точно представляют предмет, функции и место изучаемой науки в обществе и среди других дисциплин.

Можно с уверенностью отметить еще один важный аспект, который прямо или косвенно присутствует в каждой сказке, — это взаимоотношения личности и государства или, как ее называют в литературе, «проблема маленького человека». Сейчас даже самые маленькие члены общества ощущают равнодушие в этих контактах, которое потом обязательно отразится на самом государстве.

Сказки об отличиях социологии и антропологии

Сказки этого раздела носят объяснительный характер, они пытаются показать на конкретных примерах отличительные особенности этих двух наук. У кого-то это получилось ярко, у кого-то неявно, но ясно одно: студенты понимают то, о чем пишут: что Социология и Антропология — очень близкие науки, взаимосвязанные друг с другом, что их области знаний и исследований пересекаются, и отсюда возникает много споров, которые в виде конфликтов присутствуют в сказках.

О некоторых сказках

Каждая сказка заслуживает отдельного внимания и анализа, по ее содержанию очень многое можно сказать о том, кто ее написал. Выводы эти касаются не только интересов, увлечений, проблем, которые волновали автора во время ее написания, но и психологического состояния в целом; наличие комплексы, которые вырвались здесь наружу. <...>

Эти произведения являются характерными для 21 века. Почему? Да потому, что их отличает терпимость к иному мнению, к людям с другим цветом кожи, к религиям, ощущается явное единение со всем остальным миром, но страх одиночества и непонимания все равно бродит где-то рядом.

(О. Козина, И. Басова. Между сказками..., 2002—2005. Рукопись)

* * *

[Стремясь, по возможности, экономно и адекватно предъявить читателю процесс и результаты студенческого познания-творчества, организуемого преподавателем социологии, ограничусь здесь бескупюрным цитированием как «первичных материалов», так и анализа этих материалов — лишь из двух разделов учебного пособия О. Козиной и И. Басовой: «Конкурс сказок в 13 слов» и «Социальность в стихах». — А. А.]

Раздел «Конкурс сказок в 13 слов» из учебно-методического пособия «Между сказками...» (2002-2005)

Идея конкурса сказок в тринадцать слов принадлежит В. Келеру («Сказки одного дня», 1973). В его детской книге была остроумная «самая короткая сказка на свете»:

- Привидений не существует, – сказал Карасев Ершову.
- Вы так думаете, – ответил тот. И исчез.

Студентам факультета гуманитарных наук и социальных технологий, а также студентам Колледжа экономики, информатики и дизайна Ульяновского государственного университета было предложено сочинить социологические сказки не более чем в 13 слов.

1. Сказки студентов Колледжа экономики, информатики и дизайна (КЭИИД)

(1) Снежинка упала на землю, ей нравилось на земле, но она растаяла. (2) В одной школе училась девочка. Ее никто не замечал. И она умерла. (3) Мальчик СКАЗ заблудился в лесу. Добрая фея КА помогла ему найти дорогу. (4) «Бабушка, ведьмы существуют?» «Не знаю, прожив тысячу лет, еще ни одну не встречала». (5) Кормили поросенка на убой, а он превратился в золотую копилку. Хозяева зажили богато. (6) Маша подумала: «Как мало грибов на этой поляне!». И грибы стали расти. (7) «Я так люблю тебя!» – сказал дряхлый старичок барышне. Стал белым голубем и улетел. (8) Жил-был снежный человек. Хорошо, спокойно, пока не забрели в его края люди. (9) «Чуда не бывает», – спорили феи. И, сказав неосторожное слово, превратились в кактус. (10) Сказочник мечтал сочинить самую интересную сказку, и муза вдохновения подарила ему рукопись. (11) Юра наблюдал за лебедями, которые почему-то становились двойками. И он побежал делать уроки. (12) Жил бы Кашей вечно, если бы не решил поесть яичницы, да поперхнулся иголкой. (13) «Что происходит на свете?» – спросил грибок. Не добравшись до истины, попал в суп. (14) Луна сказала: «Хочу сиять как Солнце». Земля ответила: «Тогда я буду жить вечно». (15) Фея умела творить чудеса. Все люди восхищались, а она лишь пользовалась волшебной палочкой. (16) Полюбили друг друга стерка и карандаш. И появились у них маленькие красивые каракули. (17) Маша встретила в лесу медведя. «Дай меду!» – попросил медведь. Маша удивилась и отдала мед. (18) Встретились Любовь и Солнце, полюбили друг друга. И у них родились дети: доброта, ласка, нежность. (19) Встретились Луна и Любовь и понравились друг другу. У них родилась дочь Измена. (20) Однажды я нашла свои неудачные стихи исправленными. Я поняла, что это был Пушкин... (21) Муравей мечтал увидеть всю Землю. Попав на небо, он ослеп от неожиданной красоты. (22) Катя гуляла в саду. Вдруг она чихнула, и все цветы превратились в бабочек. (23) Жил-был трусливый зайчик. «Я хочу стать храбрым!» – сказал он. Пошел к волшебнику и не дошел – испугался. (24) Жил-был одуванчик. «Я люблю тебя, солнышко!» – воскликнул он. И солнышко стало одуванчиком. (25) Жираф мечтал достать до неба. Вытянул шею, вдруг вырос и – достал. (26) «Сколько пальцев на руке у гнома?» – спросил малыш. «Посчитай сам», – сказала мама. (27) В кинотеатре Женя так увлекся, что из экрана стали выходить динозавры. (28) Малыш хотел увидеть пташку, а увидел маленького гнома, который за ним наблюдал. (29) Чашки и тарелки стояли на полке. Когда люди ушли, они стали разговаривать между собой. (30) Мальчик спросил антрополога: «Снежный человек существует?» «Уже нет», – сказал антрополог, изучая последний кусок. (31) «Солнышко мое! – кричала луна новой звездочке, – С днем рожденья!» (32) Девочка пожалела невзрачный цветок, и он стал волшебным. (33) «Я хочу летать!» – сказала мартышка воробью. «Тогда полетели к Карлсону в гости», – предложил воробей. (34) «Жаль, люди не летают», – вздохнул молодой человек. «Почему же?» – ответила девушка, расправив крылья. (35) Один мальчик ушел жить на чердак. Жил, всех пугал и стал привидением. (36) Маленькая фея хотела дарить людям счастье, и голос мудрости помог ей в этом. (37) Однажды Моська решила посоветоваться со сломом, но так и не докричалась до него. (38) Разговаривают два кота. «Хозяин купил мне "Вискас" и сам сожрал его. Животное!» (39) Муравьи начали праздновать Новый Год. Пока водили хоровод, наступило жаркое лето. (40) Небо сказала: «Я хочу быть ясным, солнечным, жарким». Земля ответила: «Тогда все живое погибнет!» (41) Жил-был гриб. Ему не хотелось на сковородку, и он одолжил шляпку у мухомора. (42) Король-лев провозгласил: «Отныне будем дружить с людьми так, как «друзим» между собой». (43) Птичка летела по небу и поймала небо, но, одумавшись, отпустило

его навсегда. (44) Жила-была точка. Ей стало темно. Она потянулась к свету. Получился восклицательный знак. (45) Встретились две тучи. Решили померяться силами. Мерялись и заплакали. Зато все живое обрадовалось.

2. Сказки студентов гуманитарного факультета⁶⁵

2-1. Группа СР-41

(1) Девочка любила мечтать. Так она была счастлива. Перестав мечтать, она не стала несчастнее. (2) Иван превратил лягушку в принцессу. Но пропал. Принцесса стала счастливой, но о нем грустила. (3) Одинокий человек решил стать счастливым. Отверг золото и славу и вышел на улицу. (4) Главная мечта цветка – летать. Но однажды его забыли полить. Засохшие цветы не мечтают. (5) Одна девушка утонула и встретила Нептуна. Он поцеловал ее, и она родилась. (6) Родился Свет. Пошел искать счастье. Встретил Росу, одарил взглядом. Теперь она носит солнце. (7) Девочка пошла в лес. Заблудилась, проголодалась, захотела съесть сыроежку. Та заговорила, показав дорогу. (8) Принцесса была холодна. И принц был как снег. У них родились ледяные дети.

2-2. Группа С-41

(1) Жила в обществе личность. Оказалась она на необитаемом острове. Приспособился организм. Личность умерла. (2) Солнце и огонь спорили – кто важнее. Люди рассудили их, назвав огонь домашним солнцем. (3) «Жизнь прекрасна!» – думал червяк, купаясь в луже. «Жизнь прекрасна!» – подумал голубь, предвкушая обед. (4) Одна девушка всю жизнь ждала принца. А он появился, но не заметил ее. (5) Таракан Жирафу: «Почему ты такой большой?» Жираф: «Мир относителен: большие должны есть маленьких». (6) Двое не верили в любовь. И вдруг повстречались. Бог давно замыкал этот круг. (7) Всю жизнь царь предпочитал людям золото и умер один среди богатства. (8) Жила старая толстая ведьма. С годами от своей злости она становилась все толще.

2-3. Группа С-31

(1) Девочка нашла цветок-семицветик. Обрадовалась. Но восьмое желание всегда оказывалось важнее всех предыдущих. (2) Кащей Бессмертный вдруг подобрел. Он украл шапку-невидимку. Когда он забывал ее надеть, – прятался. (3) Жил-был несчастный Циклоп. Вставил второй глаз. Стал как все люди – еще несчастнее. (4) Той весной необыкновенно шумел лес, зазывая к себе новых соловьев, потому человек плакал.

2-4. Группа С-21

(1) – Яйцо, зачем тебе в горячую воду? Хочешь согреться? – Нет, просто хочу стать «круче». (2) Сквозь жесткую землю пробиваются ростки. Но почему они плачут? Это лишь начало пути... (3) «Найди начало радуги, найдешь клад». «Найду!» – сказал жадина, – только покажи, где она». (4) «Я – украшение сада», – гордилась роза. «Какая прелесть!» – остановился садовник возле расцветшего кактуса. (5) «Кольцо круглое и неразрывное, как земля», – сказал жених, надевая его на палец невесты. (6) «Глаза – зеркало души», – сказал слепой, уходя и унося свою душу, не нужную никому... (7) Солнце будило Героя, залечивая лучами раны, в надежде, что этой весной Герой проснется... (8) «Рожденный ползать и летать может», – сказала птица гусенице, взяла ее и полетела. (9) «Как хорошо, что я тону», – подумал странник и не проснулся... (10) Волк поймал зайца. Заяц схитрил: «Я тебя люблю!» Волк удивился и отпустил его.

2-5. Группа С-51

(1) «Я буду вечно прекрасной», – самонадеянно сказала Роза и уронила свой первый лепесток. (2) «Я – главный источник света во Вселенной», – сказала Луна. Она никогда не встречала Солнце. (3) Жил-был жучок. Один. Смотрел на себя и был счастлив, еще не зная, как он одинок. (4) Любовь любила наряжаться и ходить к людям. Ее прогоняли, а она все переодевалась... (5) Одна птичка решила заняться социологией. Занялась. И поняла, что силь-

⁶⁵ «СР» – социальные работники; «С» – социологи. (Примечание А. А.)

на только в стае. (6) Лягушка влюбилась в молодого парня. Она поцеловала его, а он стал жабой. (7) Девушка проснулась июльским утром и увидела, что за окном идет снег. Желание исполнилось. (8) Ночью на небе появилось солнце, и звезды упали в озеро. Утром распустились кувшинки. (9) Часы заторопились, и время побежало. Все стало быстрее. А мы так много не успели. (10) В зоомагазин пришел бывший заключенный и купил клетку с голубями. Выйдя, — отпустил их. (11) Свадебное кольцо упало с горы. Доставая, жених постарел. Вернувшись, — помолодел. А невеста — разбилась... (12) «Свобода слову!» — кричали буквы в строю. Разомкнулись. И пошли — каждая за своим словом. (13) «Волшебства нет», — думал мальчик, срывая цветок. «Его надо увидеть», — сказал цветок и улетел. (14) Лягушка стала царевной. «Я люблю свое болото», — сказала она и бросилась в воду. (15) «Чем я не красавица?» — думала Баба-Яга, глядя на свое отражение в зрачках Кощей.

После прочтения вслух каждой сказки студентам было предложено оценить ее по такой шкале:

- 3 — ужасно, честное слово!
- 2 — мало смысла
- 1 — что, неохота думать?
- 0 — я бы написал лучше
- + 1 — идея есть, но исполнение неудачно
- + 2 — да, это в самом деле интересно
- + 3 — вот молодец!

«Конкурс сказок в 13 слов» был проведен в каждой студенческой группе. По суммарным итогам конкурса на первое место вышли 2 сказки. <...> [См. выше, эпиграф к настоящему разделу. — А. А.]

Затем студенты разных групп проанализировали то, что у них получилось, «как бы со стороны», и мы представляем вам их наблюдения и выводы.

Вывод 1

1. Анекдоты присутствуют только у студентов колледжа.
2. Вообще, больше историй, чем сказок.
3. Если считать в процентном соотношении, то у студентов колледжа преобладают истории и «просто сказки», а студентов гуманитарного факультета больше аллегорий и символов.
4. Среди гуманитарного факультета «поэтической прозы» больше всего у СР-41.
5. Всего: историй — 23, аллегорий — 13, символов — 11, «просто сказок» и поэтической прозы по 10, анекдотов — 4.

Вывод 2

Сказки студентов колледжа. Почти во всех сказках присутствуют люди, участвуют волшебники, если предмет неодушевленный его одушевляют, и почти во всех сказках присутствуют чудеса. В сказках незаметное самопожертвование одних приводит к счастью других.

СР-41. Действующее лицо, как правило, женского пола (девушка, принцесса). В этих сказках итогом всех душевных поисков является обретение счастья.

С-31. Группу объединяют фантастичность героев и пессимистический конец сказки. Появление долгожданного чуда, которое недолго длится и внезапно исчезает.

С-41. Сказки очень напоминают нам реальную жизнь, в них отражены споры и несчастья.

С-51. Сказки связаны с космическим и небесным пространствами или с уже известными сказочными героями, они отражают закономерности жизни.

Вывод 3

Слабые «потуги» философских размышлений, в основном анекдоты и бытовые истории; остро стоит проблема одиночества («девочка умерла от одиночества»); много сказок сделано по образцу.

СР-41. Сказки-заморочки, не имеющие начала и конца.

С-31. Присутствует логика.

С-41. Набор «умных» слов с отсутствием смысла, отсутствие юмора, но оригинальные образы...

С-51. Много сказок-аллегорий, их особенность – тема одиночества и пессимистичность.

Вывод 4

1. Проанализировав данный материал, мы пришли к выводу, что сказок больше, чем историй. Критерии отличия сказки от истории: наличие сказочных персонажей; присутствие фантастического момента в сюжете; эффектное и красочное содержание.

2. Общее у всех групп:

– Сказочные герои – люди, животные, растения, астрономические тела, персонажи из сказок, неодушевленные предметы, абстрактные объекты.

– Окончание сказок: трагическое, счастливое, неопределенное (бессмысленное).

3. Отличия сказок у разных групп:

– тип мышления определенной группы: сказки студентов колледжа – конкретно-образное; у студентов УлГУ – абстрактное

– окончание и смысл сказок: СР-41 – в основном, трагическое; студенты колледжа – оптимистическое; студенты-социологи – сказки о смысле жизни.

Эти выводы (1 — 4) сделали студенты факультета гуманитарных наук и социальных технологий. А вот выводы 5 и 6 принадлежат студентам КЭИИД.

Вывод 5

В сказках студентов колледжа больше юмора, но мало смысла, много диалогов, мало поэтической прозы, много элементов природы.

В сказках студентов группы СР-41 часто встречаются такие слова, как «мечта», «счастье» и «любовь».

Среди сказок студентов группы С-51 больше поэтической прозы, это сказки с глубоким смыслом.

Вывод 6

Сказки студентов колледжа. В большинстве сказок присутствуют пессимистические настроения, мало смысла, нет основной идеи.

СР-41. Герои этих сказок ищут счастье, мечтают.

С-31. Здесь присутствуют философские мотивы, ощущение тоски, одиночества, грусти, изначально заложена идея.

С-41. Здесь можно увидеть противостояние одного героя другому, а также ощущается борьба противоположностей: сильных и слабых, маленьких и больших.

С-51. Острое одиночество героев; размышление о жизни, о том, что она коротка, но, несмотря на это, сказками владеет оптимистическое настроение.

Вывод 7 сделала студентка группы С-51 Мария Кузнецова.

Общие черты – сказочные герои: Земля, Небо, Солнце, Любовь.

Превращения: иногда подчеркивают смысл, иногда в ущерб смыслу.

Сочетания смысла и формы: редко.

Колледж – игра слов (сказка №3); проблемы страха, притворства, воздействия человека на мир; сказка № 20 – великолепная.

СР-41. В результате взаимодействия каких-либо сил рождается кто-то или что-то. Это может быть связано со спецификой специальности социальных работников; много превращений.

С-31. Самые поэтические сказки, на мой взгляд; хорошо выражена форма.

С-41. Юмор присутствует почти во всех сказках; это сказки о личности – это опять же профессиональная черта.

С-51. Разные сказки; превращения, порой лишены смысла; выделяется из общего числа сказка про заключенного.

Вот как проанализировала эти сказки Ирина [Басова. — А. А.]:

— Что отличает эти сказки, так это присутствие доброго чувства юмора и горькой иронии, и то и другое необходимо в равных количествах. Конечно, принадлежность к той или иной специальности не может не оставить своего отпечатка на взглядах и мировоззрении. В этом главное их отличие. Социологи скептически смотрят на реальность по сравнению с мечтательными социальными работниками. Истории и анекдоты студентов колледжа отражают всю беззаботность и беспечность, присущие юности. В некоторой степени, хотя и небольшой, это характерно и для произведений социальных работников. В зависимости от курса меняется способ изложения, объем используемой информации и масштабность событий. Сказки становятся более емкими, усиливается смысловая нагрузка на каждое слово; они невольно подталкивают к размышлениям, от которых порой бежишь, но это не относится ко всем сказкам социологов. Только на фоне остальных каждая сказка приобретает ценность, дополняя друг друга, а мы, в свою очередь, получаем удовольствие и заряд оптимизма...

Вкратце

Далее приводятся категории анализа, использованные И. Басовой для качественно-количественного анализа, по существу — элементарного контент-анализа.⁶⁶ Вот эти категории:

Виды сказок: Просто сказка; Сказка-мораль; Сказка-анекдот; История; Поэтическая проза.

Сказки... : печальные; не очень печальные.

Сказки, касающиеся...: одиночества; человеческих взаимоотношений (любви, дружбы, счастья...); общества, общественной структуры; реалий жизни (когда все происходит не так, как хочется, а так, как происходит); характера человека, отдельных качеств; помощи, добра, сострадания; последствий; сказки без ярко выраженной конкретной темы.

Персонажи: животные; снежный человек; сказочные герои (Баба-Яга, Кощей...); грибы; цветы; люди; все остальные.

...Начну с результатов анализа сказок студентов колледжа.

Сказки этой группы можно отнести к сказкам, просто сказкам, радостным и оптимистичным. Здесь есть надежда, вера, что добро всегда побеждает зло, и злодеи будут наказаны. Таких сказок большинство. В них вы пока еще не найдете намека на конкретную тему или проблему; эти сказки — о том, что нас окружает; о юношеских мечтах; о чем чаще всего думаем тогда, когда только начинаем соприкасаться с жизненным бурлящим пространством. Пока авторов больше всего интересуют окружающие люди, точнее — их внутреннее содержание: характер, поступки, отдельные качества и склонности. Именно эти сказки, по количеству, следуют за сказками без ярко выраженной проблематики. В этой группе сказок присутствует разнообразие сказочных персонажей.

⁶⁶ «... Контент-анализом будем называть анализ содержания массовых совокупностей текстов с использованием формализованного наблюдения и статистических процедур в социологических целях» (Алексеев А. Н. Контент-анализ, его задачи, объекты и средства / Социология культуры, Вып. 1. Труды Научно-исследовательского института культуры (9). М.: Советская Россия, 1974, с 135).

Недалеки от этих показателей и сказки группы социальных работников. Единственно, своим надеждам и мечтам они смогли придать форму и выразить ее в волнующей их проблеме человеческих взаимоотношений. Поэтому среди персонажей преобладают люди.

Мы наблюдаем изменения в соотношениях [*категорий анализа* — А. А.], обратившись к сказкам социологов 2 и 3 курса. Именно у третьекурсников сказки становятся печальными и слишком реалистичными. У 2 курса еще равное количество сказок печальных и не очень печальных. У 3 курса уменьшается число наивных, простых и беззаботных сказок, которые традиционно хорошо заканчиваются; преобладают произведения с подтекстом, что больше всего волнует на данном этапе времени: знакомство с реальностью. Авторы уже понимают, но пока не принимают то, что в мире есть много несправедливого, что кто-то беден, а кто-то богат, что очень часто жизнь распоряжается не так, как ты хочешь или заслуживаешь. Это время, когда человек меняется, развивается <...>, а кем он в конечном счете будет, это неизвестно; все зависит от того, как каждый из нас <...> воспримет окружающий мир.

Что касается социологов 4 и 5 курса, то здесь как раз мы и можем наблюдать всю остроту этого восприятия, выраженного посредством сказок. Этому поспособствовала и специфика будущей профессии, которая все-таки помогает принять мир таким, каков он есть, но и заставляет быть начеку рядом с водоворотами событий.

(О. Козина, И. Басова. Между сказками..., 2002-2005. Рукопись)

Ремарка: по стопам В. Я. Проппа.

Комментируя студенческое «сказочное» творчество (педагогически спроецированный фольклор?), О. Козина отмечает:

«...Среди сказок есть: социологические; антропологические; философские (в том числе этические и эстетические); психологические; юмористические.

Социологические сказки включают в себя: сказки, содержащие редукционизм; сказки, относящиеся к “понимающей социологии” М. Вебера; эволюционистские сказки; сказки интеракционистские; бихевиористские сказки; и неопозитивистские.

*Сказки стремились быть написанными по прозрачному алгоритму: **действие; взаимодействие? результат? метаморфоза; чудесное изменение.***

*Одни сказки дальше одного элемента не продвинулись. Они представляют собой только действие. Другие так и “не добрались” до метаморфозы. Кроме того, творчество оказало на студентов свое... давление и совершенно естественное определение чуда было заменено определением **отношения к чуду**, то есть оценкой. Даже больше того, потребность оценки и вытеснила необходимость чуда в сказке. Это, пожалуй, самое характерное, что их отличает...» (Козина О., Басова И. Между сказками..., 2002-2005. Рукопись)*

Здесь хочется заметить, что в своих социолого-семиотических и структурно-типологических наблюдениях О. К. идет по путям, впервые проложенным А. Веселовским и В. Проппом, затем — Ю. Лотманом и тартуской семиотической школой. (Январь 2004 — май 2005).

* * *

Раздел «Социальность в стихах» учебно-методического пособия
«Между сказками...» (2005)

4 курс, социологи

1.

Я здесь живу, я здесь учусь.
И ем, и сплю, и веселюсь.
Но я не раб таких вещей.
Я жить хочу среди друзей.
Я не хочу здесь быть чужой,
А быть студенткой и женой,
Я в обществе большом, родном
Хочу быть не одним звеном.

2.

Слабость, головокруженье.
Жизнь — короткое мгновенье.
Боль и страх.
Мороз и холод.
Завтра стар.
Вчера был молод.
Сказки. Злоба.
Ждешь — зачем?
Ругань. Ссоры.
Новый день.
Хочешь? Надо! Вновь преграда.
Социальность — это цель.
Я вчера была так рада.
Нынче снова — та же мель.
Деньги, вещи и презренье:
Жизнь — ужасное мгновенье...

3.

Касаясь социальной темы,
Рассмотрим школьные проблемы.
Как все работники бюджета,
Не можем мы найти ответа.
Как может выжить педагог?
Конечно, если он не йог.
Что он посеет детям в души,
Когда он съел без мяса ужин?
А против правды не пойдешь:
Ведь что посеешь, — то пожнешь.

4.

Разобраться в жизни — можно,
Зачастую — очень сложно.
Чтоб ответить на вопросы
Наших мнений и запросов,
Нужно вывернуть реальность
И найти там социальность.

5.

Один ты в этом мире
Вряд ли проживешь.
И в трудную минуту
Людей вокруг найдешь.
Живут они с тобою.
Придут: не зря ты ждешь.
И это окружение
Ты обществом зовешь.

6.

Давеча было волеизъявление —
Дать социальности определение.
Да не ахти как,
А в стихах.
И тут студент, как человек,
Полез в словарь в кой-то век,
Обескураженный задачей,
Воодушевляемый удачей.
О Боже, вдруг,
Средь всяких букв,
Крючков и многоточий
Увидел он — воочию —
Желанное словечко,
И екнуло сердечко.
И стал читать отвыкшими глазами,
Водя меж строк ленивыми руками.
И что же он извлек?
Каков из этого был прок?
Не имея таланта,
Дал дефиницию дилетант:
Речь идет явно о группе,
В ней мы растерты, как в ступе.
Удовлетворив свое желание
И преподавательское упование,
О социальности думал он,
И вдруг увидел ее за окном:
Там, где люди мелькают,
Где они проблемы решают,
Где существует взаимодействие
И вытекающее из этого лицедейство.
Вот такая дана социальности характеристика,
Хотя, может быть, все это просто софистика.

7.

Представь, что он
Из джунглей, как слон.
И социальностью не обладает.
О ней он даже не помышляет.
Вырос он там, где людей не бывало,
Где человека нога не ступала.
Может сыграть он роль тигра, слона,
Будет, естественно, дикой она.

Лишь обрета социальность навек,
Станет не зверь он, а человек.

8.
Он проснулся на рассвете
И увидел облака.
Он один на белом свете;
Жаль, не знает он пока.
Он увидел гор вершины
И подумал о себе.
Романтической картины
Не заметим мы в борьбе.

9.
Актеры мы, и мир весь наш — театр.
И оказался прав один из мудрецов.
Ведь большинству необходим фарватер,
Мы все же в обществе, в конце концов.
Играет каждый выбранную роль.
Все знают свое место, статус в пьесе.
И отношения, интимные порой,
Скрывают социальное в контексте.

2 курс, социологи

10.
Я Млечный путь и звезды обожаю.
Меняю странную реальность на мечты.
Зачем мне это, — я сама не знаю.
Летают мысли возле красоты.
И только здесь я вижу ту банальность,
Название которой — социальность.

11.
Слепящие искрами мысли
В туманном пространстве свой путь прожигают.
Осколками света зависли.
Их тысячи разных зеркал отражают.
Из сферы закрытой не выйти —
Стальными когтями вцепились до боли.
Осталось лишь жить им
Унылым пятном на светящемся поле...

12.
В один прекрасный светлый день...
Я вдруг задумалась о том,
Зачем я чем-то обладаю
И как мы это назовем.
И стала я глядеть **вокруг**,
Вторгаясь в каждую вещицу,
И поняла, что весь наш мир
Большой и неразрывный **круг**.
Он словно шар, который в небе,
Пустым пространством окруженный,
Висит он в необъятной бездне
И тьмой вопросов поглощенный.

Но шар и мир, — ведь он живой,
Он состоит из нас, из всех.
Мы строим шарик свой из тех,
Кого ведем мы за собой.
Не раз задумуюсь о том...
А для чего же я живу?
Зачем общаюсь, ем и пью?
И вижу каждый день луну?
Зачем я вижу разных птиц?
К чему душа моя стремится?
И в чем кривая отклоненья
От общих жизненных границ?
Зачем все это? Для чего?
Вопрос могу задать и вам.
А существую ль я вообще?
Иль жизнь моя... — сплошной обман?
Не разобравшись, что к чему,
И есть ли индивидуальность,
Решила я это назвать
Одним лишь словом: социальность.

13.

Моя социальность,
Она — это «я»,
А я не пойму
Всю себя до конца.
Окраска моя,
Она — скорлупа,
А то, что под ней,
И есть — это «я».

14.

Социальность моя, — словно шарик земной,
Ну и что, что большой, но он все-таки мой,
И не дам я его вообще никому,
Но спрошу я себя — отчего, почему?
От того, что он сделан руками?
От того, что он светел веками?
Я вопрос этот долго себе задавал.
Пробежала река из секунд и минут.
Вариантов я сто в голове перебрал,
Но ответ, полагаю, увы, не найдут.

15.

Внутри — одно, извне — другое.
И час от часа маска вон.
Взгляд первый: что в ней есть смешное?
Второй: она — Наполеон?
Мы ищем что-то, но теряем,
Пытаясь кем-то стать и быть.
Но мы того не понимаем,
Что будем по теченью плыть.

16.

Сквозь призму собственных суждений,
Привычек трудно донести
То «я», то «анти», кучу мнений:
Всю суть без слов произнести.
Все дело в том, что вряд ли надо
Кому-то знать, что там внутри.
Всем — наплевать... Но сквозь преграды
Мерцают души-фонари...

17.

Бессмысленно прятать себя от людей,
Скрывать мечты, желания и чувства,
Таиться, как шпион, в сети ветвей
И внутреннего солнца прятать буйство.
Но вас же много — я одна.
И мне нужна моя страна.
Не продавец я, чтоб вам улыбаться,
Нужна мне только часть пространства.
Стремленье к социальности моей
Нашло свой выход в написании писем,
Где можно не стесняться ни идей,
Ни чувств, таящих вечный смысл...

18.

Как много хороших людей
Их социальность гладка, словно шар,
Но на любой самой гладкой фигуре
Найдутся прорехи.
А моя социальность не та,
Ей до этих прорех дела нет,
И пускай не похожа на сферу,
Где скрыты огрехи.
Что с того, что не слишком ровна,
Что с того, что немного того,
Но зато она только моя
И тем уникальна,
Что, однажды упав с высоты,
Не оставит на земле чей-то след,
А оставит лишь свой отпечаток.
Это — банально?
Социальность любого из нас
Показана тем,
Какова поверхность нашей фигуры
В социальной рутине.
Наука изучит мой срез,
Начертив на земле ровный круг.
Ну и пусть не верна,
Но все искренне в этой картине.

19.

Люди, будьте благородны,
Проявите же лояльность.

Объясните мне природу
 Чуда-слова «социальность»?
 Где-то в поле трактор пашет.
 На бутылке с пивом — пробка.
 Социальности нет краше,
 Если знаешь, где в ней кнопка.
 Увлечет меня компьютер,
 В виртуальную реальность.
 Там все тот же бес напугал
 С этим словом: «социальность».
 На асфальте листьев кляксы.
 Морщу я свою ментальность.
 Не зануда я, не плакса.
 Как понять мне «социальность»?
 В общем, жизнь сложна, студенты!
 Где-то в ней сидит фатальность.
 Не поняв ингредиенты,
 Съем я эту «социальность»...

Что об этих стихах думает Ирина?

— В этом разделе каждый стих <...> пытается объяснить нам — что же такое «социальность»? <...> Понимая всю ее масштабность, ее реальные и в то же время нереальные размеры, ее неизбежность, каждый из студентов затронул именно ту часть, которая, по его мнению, является самой важной для него, для других людей и для общества в целом. Кто-то материализовал ее, то есть придал ей [социальности. — А. А.] форму, которой чаще всего служила сфера или шар, это говорит о тождестве понятия социальности и планеты Земля, другие же обладают пространственным представлением социальности и не видят необходимости представления в «осязаемом» виде, третьи же предполагают наличие социальности прежде всего в самом человеке...⁶⁷

Когда я провела [О. Козина. — А. А.] самостоятельную работу на тему «Как вы понимаете «социальность»?», то получила ловко нанизанные наборы слов из одного и того же множества лекционных понятий. Ничего «из ряда вон» не было, а была одна сплошная вопиюще-воспроизводящая масса. Само слово «социальность» отпугнуло от размышлений над его сутью. Тогда я задала студентам сложное (как обычно) домашнее задание: написать стихи на тему пресловутой социальности. Стихотворное воспроизведение социальности, как вы видите, уже не блеск нескольких изюминок, а горка замечательного винограда. Поэтому предлагаю вам похвалить моих студентов за то, что они раскопали в социальности многие проблемы. Например, такие...

[Далее, в скобках указан номер приводимого в учебном пособии студенческого стихотворения. За ним следует предлагаемое О. К. истолкование — «проблемная содержательность» стихотворения. — А. А.]

4-й курс

(1) Проявление — условие социальности. Проявление множества в одном. Человеки — цельные числа; социальные роли — числа бесконечные. Условие проявления — инициатива, активность. Человек в основном активен. (2) Невыносимость и необходимость приспособ-

⁶⁷ Ср. с разными представлениями о социальном, рассматриваемыми в разделе 24.1.

ляемости. Защита от внешнего мира. (3) Социальная защита Учителей. (4) Социальность тождественна реальности; социальность ближайшего окружения. Реальность — переплетение взаимодействий. (5) Естественная потребность в людях. (6) Типы взаимодействия придают социальности различную «плотность». Социальность как искусственное облачение естественного. (7) Социальность — синоним конформности, приспособляемости. Необходимость принятия общества. (8) Социальность отвлекает от индивидуальности. Факт одиночества. (9) Социальность подобна коже. Организм в организме. Отчужденность, недоступность собственного мира другим.

2-й курс, социологи

(10) Социальность — внешнее лицо человека, не совпадающее со внутренним. (11) Безлепные метаморфозы индивидуальности под влиянием социального. Символический образ социальности — зеркало. «Отражаемость» человека. (12) Соотношение социальности и индивидуальности. Совпадение человек. Познание себя. (13) Проблема «единичной», «личной» социальности. Индивидуальная социальность. (14) Подчинение индивидуальности социальности. (15) Добровольное стирание индивидуальности. (16) Противопоставление индивидуальности и социальности. Уникальное и отраженное в человеке. (17) Существование индивидуального в социальном. Поиск и нахождение выходов для индивидуального. (18) Индивидуальная социальность. Проблема целостности внутреннего мира. (19) Противопоставление индивидуальности и социальности.

[Далее, аналогично, рассматривается «контекст понимания социальности» авторами стихотворений. — А. А.]

4-й курс

(1) Социальность присуща человеку в обществе. (2) Цель взаимодействий. Адаптация личности к окружению. (3) Актуальная проблема. (4) Имеет внутреннюю, не внешнюю причину. (5) Присуща человеку в обществе. (6) Присуща человеку как члену общности. (7) Качество, присущее личности. Корреляция с ролевой дифференциацией. (8) Имеет внешнюю причину; не совпадает с Я. (9) Имеет внешнюю причину. Корреляция с ролевой дифференциацией.

В отличие от студентов 4-го курса студенты-второкурсники борются за собственное Я. Пока что им чужда социальность, они не так легко соглашались на навязанную извне внешность. На первый план выходит их мир, который им дорог. Им ценно собственное, индивидуальное имя, а не социальное. Но окружение требует от них адаптации, поэтому они неумело приспосабливаются к социуму и соотносят внутреннее с внешним. Здесь скрывается разрыв. Студенты своими стихами говорят о жажде понимания, соприкосновения с их индивидуальностью, о ее *[индивидуальности. — А. А.]* ценности. О мире, образованном индивидуальностями. (Их стихи близки их сказкам). Их социальность обретает *[обитает? — А. А.]* в том пространстве, которое ограничено субъективными пределами; это индивидуальная форма связи с окружением, уникальный способ взаимодействия.

2-й курс

(10) Социальность есть «общепринятое» в реальности. (11) Противопоставляется индивидуальности. (12) «Общепринятое» в реальности. Метафора общества — «круг». (13) Качество, присущее личности. (14) Имеет внутреннюю, не внешнюю причину. (15) Качество, присущее личности. Корреляция с ролевой дифференциацией. (16) Качество, присущее личности. Противопоставляется индивидуальности. (17) Имеет внутреннюю, не внешнюю причину. (18) Имеет внутреннюю, не внешнюю причину. (19) Адаптация личности к окружению.

Объясняющие гипотезы можно, конечно, связать и с возрастом, и концентрацией полученных и «переваренных» знаний, и с попыткой «подстроиться» под задание.

Наша цель — ответ на вопрос.

Ответ насыщен проблемами и противоречиями. Но он говорит нам о главном: что студенты получают социологическое образование и умеют выделить предмет социологии даже в повседневности. Они уже поступили как социологи, выделяя социальность как особенность окружающего их сложного мира. Они могли бы выразиться совсем по-другому: не подтверждать это понятие, отказаться от него и написать о том, что его — нет. Однако чувство собственного «социологического» достоинства подсказало им, что раз их попросили написать стихи о социальности, нужно попытаться как-то опрелелить ее.

Я думаю, это им удалось.

Более того, рифмованное восприятие социальности приводит к рифам объяснения социальной идентичности. Образуясь сложно, эта последняя не всегда подтверждается, происходят разрывы между ее образованием и применением, применением и подтверждением. В таких случаях мы имеем дело с ложными, мнимыми и вынужденными социальными идентичностями. Некоторые стихи представляют собой отторжение какой-то конкретной социальной идентичности. Поэтизация социальных проблем являет живую реальность.

Именно на это задание была самая бурная реакция: отказ. Студенты дружно отказались, сославшись на то, что не умеют писать стихи, стесняются и пр. Но я сказала им: попробуйте!

(О. Козина, И. Басова. Между сказками..., 2005. Рукопись)

* * *

Два «Заключения» к учебно-методическому пособию «Между сказками...» (2005)

Уважаемые читатели, вы уже видите, что для легкости восприятия мы «построили» нашу книгу в форме двух самостоятельно следующих мнений. Это заключение написано Ириной.

Заключение 1

...Если вы уже читаете заключение № 1, это значит лишь одно, а именно то, что наша книга — у вас в руках и, может быть, вызвала интерес. Возможно, вас привлекли необычные, порой комичные сказки; это могли быть и стихи, немножко наивные, но совсем не пустые, и тем более — не бессмысленные. Маленькие произведения, представленные нами, дышат смыслом, они излучают его, рассказывая о той напряженной работе мысли, которая сопровождала каждого из студентов в кратковременном, но творческом процессе. Для кого-то он был не таким уж коротким, а для кого-то не таким уж сложным. Не будьте слишком строги, критиковать всегда легче, чем создавать. Попробуйте сами сочинить сказку или стихотворение, тогда и вы будете «бороться» с ощущением «беспомощности», будете ловить слова и связывать предложения в единое целое.

Перед вами — не простые наборы слов, которые никому не интересны. Согласитесь, что с темой нам повезло: социология и все, что с ней связано, то есть вся наша социальность. И теперь я могу сказать, что студенты, все-таки, достойно вышли из кажущегося им (поначалу) тупика и получили хороший источник для размышлений, преодолев определенные трудности. Мы, то есть студенты, находимся только в начале своего жизненного пути, нам предстоит понять и осознать эту нашу социальность. Со временем мы поймем все то, что сделали, и то, к чему нас подтолкнули.

<...> Эти сказки служат доказательством того, что усилия наших преподавателей не прошли даром. Это можно считать своеобразной ответной реакцией на учебный процесс, даже «отражением» нашей с вами действительности. В них отражено все то, что волнует каждого: человеческая жизнь и душа; думы; поиск любви и счастья; «вечные» вопросы о смысле; глобальные и экологические проблемы.

Попробуйте сделать то же самое. Возможно, вы поближе узнаете себя, откроете в себе что-то новое. Успехов! А пока будьте снисходительнее и постарайтесь рассмотреть самую суть, не придираясь к форме.

Заключение 2

Когда работа позади, часто хочется к ней вернуться, посмотреть, — что было несложно, а что — тяжело.

Что нетрудно было сделать? Собрать материал, отсортировать его, найти второго автора — студентку 3 курса (интуитивно: Ирина показалась мне далекой от остальных, даже какой-то несоединимой с остальными студентами; она все время задумывалась, лекции совершенно не слушала, находилась в местах, отдаленных от социологии)... Я думаю, что ей были интересны эти два года.

Легко было придумывать задания и писать сказки о студентах. Кстати, в этом году они уже закончили университет.

Много времени было отдано редактированию. Я постаралась вычистить язык, скорее, синтаксически и грамматически. В семантику я не вмешивалась, чтобы не лишать фраз того смысла, который был им предназначен. Со стихами тоже пришлось изрядно повозиться: к ним возвратился ритм, не исказив их сути.

Целый семестр писались сказки в 13 слов. Мои студенты отлично поработали. Я браковала десятки реприз, чтобы добиться удачного выражения. Часто помогала с идеей. И почти всегда — с выражением. Пройдя через водопад эмоциональных переживаний, творческих мук, ошибок, неудач, молодые люди добились того, что можно назвать «маленькими живыми произведениями». Я горжусь ими. Несмотря на мою помощь и поддержку, право авторства сказок в 13 слов принадлежит студентам.

Сколько осталось невостребованного! Для книги были отобраны самые лучшие сказки, почти три четверти всего материала. Около сотни сказок мы сочли «недотянувшими» до публикации. Сито, через которое просеивались сказки, было мелким: сюжет, развитие действия, логика написания, цельность, смысл, чудо. Основной критерий, конечно, — умение представить социологические понятия в сказочном пространстве, где они играли роль су-

шеств самостоятельных и выполняли важные функции.⁶⁸ Как и смыслообразующие ориентиры в реальной жизни.

Исследование студенческого творчества еще найдет свое применение и поможет учебному процессу. Наш опыт, — опыт творческого применения лекций. Студенты попались в наши «ловушки». Я благодарю их: нам было не скучно. И говорю Ирине — **спасибо**.

Мы выполнили свое обещание: в нашей книге нет фамилий авторов-студентов. К нашему сожалению, но к чести этики. Узнавайте себя!

С уважением, старший преподаватель кафедры социологии УлГУ, кандидат философских наук, Олеся Анатольевна Козина⁶⁹ и

студентка теперь уже 5-го курса специальности «Социология» Ирина Басова⁷⁰

...Самой удивительной сказкой для меня (над которой я думаю до сих пор) стала сказка:

«Кашей Бессмертный вдруг подобрел. Он украл шапку-невидимку. Когда он забывал ее надеть, — прятался».

И смысла в ней не исчерпать...

О. Козина. 2002

* * *

Отзыв Р. Баранцева о работе О. Козиной и И. Басовой «Между сказками...» (июль 2002)⁷¹

Читая это удивительное сочинение, тщетно пытаешься найти ему место в пространствах привычных текстов, жанров, смыслов. Не найдя, со вздохом признаешься, что вынужден расширять собственные пространства. Хочется пристроить это творение в достойную нишу, но оно никуда не укладывается, вытарчивая углами, шипами, иголками. Какое-то очень некруглое. Спротивление раззадоривает, увлекает, притягивает, и ты оказываешься в той же ловушке, что и счастливые студенты.

⁶⁸ Вообще говоря, попытка «одухотворения», тем более — «одушевления», так сказать — «осубъечивания» некоторых социологических (да вообще — абстрактных) категорий является не бесспорной.

«Жила-была Ракушка. И вот попала она из морской реальности в социальную...» — прекрасная метафора. То же и: «Жила-была Психология. Ей нравилось быть красивой, ухоженной и всегда находиться в центре внимания...» Но вот «Взаимодействие, смотрящееся в зеркало» — вряд ли удачный «сказочный» образ. В отличие от Ракушки и Психологии, о Взаимодействии нельзя сказать «Кто это такой (такая)?» А только — «Что это такое?»

«Жить-поживать» могут субъекты, люди, соответственно — объекты материального мира, условно наделяемые субъектностью, равно как и некоторые абстракции. Звезда может «говорить» с Звездой, Гора — «спорить» с Горой, Рябина «вздыхать» о Дубе, даже Любовь — «разговаривать» со Смертью и т. д. — это все яркие поэтические («сказочные») образы. Но вот **процессы, состояния и качества**, как таковые (например: разговор, говорение, разговорчивость) в качестве метафорических субъектов, имен собственных, «не проходят» — с точки зрения естественного «языкового чувства».

Вот так и «взаимодействие»... Лучше бы, на мой взгляд, не «одушевлять», не наделять его чертами «самостоятельного существа», как это сделала автор заданной для студентов.

⁶⁹ В настоящее время — докторант кафедры культурной антропологии и этнической социологии факультета социологии СПбГУ. (Май 2005).

⁷⁰ В настоящее время — сотрудница одной из московских рекламных компаний. (Май 2005).

⁷¹ Здесь публикуется с небольшими сокращениями.

Этот странный аттрактор, должно быть, действительно имеет фрактальную структуру, ибо масштабная инвариантность очевидна. Построения разновозрастных студентов и разноуровневых авторов, различаясь степенью совершенства, все-таки самоподобны. С повышением уровня исчезает банальности, раскрываются личности, зреют смыслы. Но на каждой ступеньке есть одна и та же задача, общий интерес, единая цель. Эта лесенка соединяет преподавателя и студентов, преодолевая извечный разрыв, вовлекая в радостное сотворчество. И происходит чудо, чудо освобождения, раскрепощения, раскрытия талантов. Рассыпаются штампы, расцветает суть.

Вдруг осознается, что взаимодействие можно увидеть лишь в зеркале отношений, что двусторонние споры нуждаются в третьем участнике, что правда бывает не единственной.

Жанр сказки — замечательный педагогический прием Олеси Козиной. Среди сказок дети легче осваивают мир, а студенты — свою специальность на фоне смысла жизни. Оказывается, что виртуальная реальность, настораживая, не пугает, что смесь юмора с иронией очень даже плодотворна, что спасительный внутренний мир допускает расширение. На волнах «отчаянного оптимизма» удаются даже попытки выразить социальность в стихах. Тут, конечно, сказывается заинтересованное влияние и знающая помощь Олеси Козиной.

Впечатляет и быстрый рост второго автора. В предисловии она еще грешит многословием заведомо правильных утверждений, в заключении Ирина Басова уже высекает искры мудрости.

<...> Значение этой работы не локализовано в предметном пространстве [социология. — А. А.]. В пространствах методов и смыслов оно не менее важно. И здесь не хочется растворять его в перечне отдельных недостатков и разномасштабных шероховатостей. Важно подчеркнуть принципиальную значимость дерзкой инициативы Олеси Козиной.

Многолетняя нескончаемая дискуссия о реформе образования мечется между стремлением перенять достижения западной цивилизации и желанием сохранить положительный опыт российской школы. Попытки найти «золотую середину» между рациональным Западом и интуитивным Востоком не приводят к успеху, потому что эмоциональная суть России не выразима такой комбинацией. В нашей школе, как и в жизни, главенствуют чувства, душевные отношения, сопереживание. Мы помним тех учителей, который нас, дураков, любили.

Обучение знаниям и умению не по абстрактным руководствам, а в ходе светлых человеческих отношений — вот перспективное направление развития российского образования. Как раз в этом русле и заявляет себя талантливая работа О. Козиной и И. Басовой. <...>

Профессор СПбГУ, докт. физ.-мат. наук Р. Г. Баранцев
19.07.2002

*[К сожалению, это не имеющее прецедентов учебное пособие по социологии до сих пор ждет своего издателя. — А. А., июнь 2005]*⁷²

⁷² На эту тему см. также: *Козина О. А.* «Сказочные» возможности студентов. К вопросу об идентичности студента и студенческой идентичности / Актуальные проблемы региональной социологии: материалы региональной научно-практической конференции. Ульяновск: УлГТУ, 2004.

24.2.3 «Аз Есмь»

Ремарка: целостность нельзя раззять, не разрушив ее.

Задумав привести здесь несколько примеров поэтического творчества Олеси Козиной, я оказался в затруднении.

*Ибо, например, цикл «Подсолнечник», написанный в промежутке между ноябрем 2000 и июнем 2001 г., представленный в сборнике «Аз Есмь», состоит из 123 стихов (пронумерованных и датированных) и не поддается цитированию, поскольку он есть **целостность** поэтического дневника.*

А целостность — раззять нельзя. Она умрет.

Поэтому воздержусь от попыток «извлечения» каких-то наиболее «подходящих» (скажем, созвучных мне или, возможно, наиболее интересных для читателя настоящей книги, как я себе его представляю) фрагментов. Поступлю «формально»: только первый и последний стих.

И пусть уж заинтересованный читатель (коль таковой окажется) гадает: что там — между 1-м и 123-м стихами этого цикла!..

Кроме того, включу сюда несколько стихотворений из других циклов — по своему читательскому усмотрению («наитию»). (Январь 2004 — апрель 2005).

Из стихов О. Козиной (1999-2001)

Из цикла «С благословения июня»⁷³

В изломах осени...
 Осунувшийся мир,
 Осенне-исхудалый,
 Изволь любить тебя
 Сквозь звонкий прах листвы!
 Задумчивый сапфир
 Очнулся запоздало
 На плес дробящейся стихающей молвы.
 Царапины ветвей
 На зябкой коже ветра.
 Поток воспоминаний-колесниц.
 Изысканность скорбей
 В калейдоскопе света.
 И мужество Любви, несущей
 боль границ...
 7.11.1999. — 22.43

Из цикла «Петербургское»⁷⁴

Тем, кто не боится...
 «Анализируем стихотворенья».
 Да. Приоткроемте альков Творенья.
 Нуте-с, и как тут дела?
 Так. Видим груды
 бесформенных звеньев.

⁷³ Цит. по: Козина О. Выбор. Ульяновск: Изд-во СВНЦ, 2000.

⁷⁴ Цит. по: Там же.

То, чем недавно —
 в страстях и сомненьях, —
 Были одеты Тела.
 Вот и зашитые раны прощений,
 Вот также швы от душевных мучений...
 Видно, тупая игла.
 По-препарируем-ка Откровенья.
 Как, никаких больше нет возражений?
 Что, черт возьми, за дела?!
 Вот необычные соотношенья!
 Стойте-ка, что-то, возможно,
 со зреньем!!
 Клетка жива и цела!!!
 Точно, она... Безусловно... Явленье.
 Вот и разверзлись врата Направленья.
 Как же нам факт согласить
 с размышленьем??
 Хоть и достойна гипотеза мненья,
 Пусть подождет — и пока в заточенье,
 — Слишком напрасно смела!

26.12.1999. — 17.01

На льду Невы
 <...> Что было бы, не будь политомии?
 Где б исповедалась тогда дихотомия?
 <...> Само прислуживает нам Воображенье,
 Хоть не дано Ему на это разрешенья.
 <...> Путь философии —
 не в край обетованный,
 А в нищий кров —
 сиротский, нежеланный,
 Где, может быть, из вечности туманной
 Вернется к ней
 поводырь первозданный...
 Стремясь исправиться, социология
 Увлечена эскизами надгробия,
 Где будет сказано: методология
 Гильотинировала демагогию...
 1.01.2000. — 13.23 -13.59

Из цикла «Стихари»⁷⁵

Баранцеву Р. Г.
 Мудрость — не размер, не возраст.
 Мудрость — лишь особый шаг.
 Шаг, не целящийся в звезды,
 Не споткнувшийся о знак.
 Мудрость — не игра, не взлеты,
 Не падение насквозь,

⁷⁵ Цит. по: Козина О. Аз Есмь. Ульяновск: Симбирская книга, 2003. А тираж-то сборника — всего 200 экз.! Так что я, своей перепечаткой, претендую «заметно» расширить круг читателей Олеси Козиной.

Но устойчивые соты,
Сохраняющие ось.
Мудрый мерит — он философ,
Сотворяющий весы.
А поэту быть вопросом,
Отвергающим часы...

13.07.2000. — 21.05

Город дорог

Камни немые. Нимбы бедны.
Лепет тепел. Длань наследна.
Мягкий камень крыл десницы
В тишину ваяет спицы.
Дар путями раздорожен:
Вглубь спокоен, ввысь тревожен,
В свет чудесен, в звук безмерен,
В мысль словесен, в смысл умерен.
Город выстроен из ритма
Тайноточием молитвы.
Драгоценна радость града
Зданий зодчего наряда.
Град дорог оградой гребней
Солнцу высвободил стебли.
Город дорог, город долог;
Плен слагает в легкий полог.
Город вечен, вдаль сердечен,
В память искренностью встречен.
Город-данник, город-странник,
Стоп невидимых избранник.

13.07.2000. — 23.46

Быть

Упасть, не оступиться:
Взглянуть и — бездной поглотиться,
Разрезом бытия зиять.
Опорой поступиться,
Воззвать и — воплем источиться,
Разъятием себя познать.
И вывернуть на свет природу,
Грехом забрызгав поступь рода,
И умолчать.
И залпом выглотать невзгоды,
Прозреть, презрев слепцов породы,
Не обогнать.
Перелюбить в себе уroda,
И — встать.
И устоять в безумии свободы.

22.08.2000. — 13.48

Из цикла «Подсолнечник»⁷⁶

1

Попробую попасть
 Под луч прямого света.
 И теней не украсть.
 И быть во все одетой.
 Под солнцем я насквозь
 Сказалась до отметин:
 Забитый в вечность гвоздь,
 Согнувшийся к планете.
 И так нельзя не мочь
 И скрыться, не рождаясь,
 И не сойтись точь-в-точь
 Не вжиться, называясь.
 Все — ясно! Щедрый свет,
 Он вынут каждой вещью:
 За звездный парапет
 Тела земные блещут.
 Все — ясно. Все во всем.
 И в четком совпаденье
 Я отсвечу лучом
 По чудесам движенья.

8.11.2000. — 11.14

<...>

123

Я скажусь ли до конца?
 Где околица?
 Нет у зеркала лица.
 Что же колется?
 Я просвечена вокруг:
 Правде хватит рук.
 Что мне совести недуг:
 Им объят испуг.
 Чист непреданный родник,
 Им и прочен миг.
 К свету вечному приник:
 Мой подсолнечник!

1.06.2001. — 21.33

Из цикла «Скобки»⁷⁷

Ульяновск — мой город.
 Ульяновск. Он странен.
 Он согбен, немолод
 И слышно, что — ранен.
 Он вспыльчив, он резок,
 Ревнив, как ребенок.
 Со многими дерзок,
 Внутри же — так тонок.

⁷⁶ Цит. по: Там же.⁷⁷ Цит. по: Козина О. Стихи. Ульяновск: Симбирская книга, 2004.

Он робок, застенчив,
 Но честен и верен.
 К судьбе — не изменчив,
 И стук в нем измерен.
 Он легок и ласков
 Для самых любимых;
 Их ждет без опаски, —
 Тоскою гонимых
 Он чуток весенний,
 Летучий зимою.
 И мнителен — тенью
 С прилунной каймою.
 Не падок, не страстен,
 Не горд, не опасен,
 Над духом — не властен.
 Душою прекрасен.
 Ульяновск — мой город.
 С ветрами наружу.
 Он стонет от сора,
 А грязи не нужен.
 Он болен углами.
 В нем птицы — не рады.
 Он машет крылами
 Из детского взгляда.

14.08.2001. — 18.38

Из цикла «Безымяник»⁷⁸

1.

Прочный синтаксис вселенной!
 Вслед за лунной запятой
 Ночь молчит приставкой пленной
 У бессонницы пустой.
 Вопросительной пустыней
 Двоеточья звезд сошлись.
 А глагол слагает имя
 В именительную высь.
 Дух сказуемой поклажей
 Час толкает в небеса,
 За творительной пропажей
 Сердцу дует в паруса.

22.11.2004. — 1.37.

<...>

7.

Сочетались трепетом дерево с луною.
 Шелестнули сумерки скрытою странною.
 А по небу чудная, жадная тревога.
 Белая, нарядная дразнится дорога.
 Ночь присела ласково, распустила эхо.
 Оставайся сказкою, вечная помеха!

26.11.2004. — 00.35.

⁷⁸ Публикуется по рукописи, с согласия автора.

Из цикла «Петербургье»⁷⁹

1. Владимирский

Шла, вознесшаяся над плитами,
 Подпирая руками город,
 Утопала ногами скрытыми,
 От небес затянула ворот.
 У собора, по сердце врытого,
 До далеких кровей терпела:
 Суею ли с толку сбита
 Или солнцем пролитым — смелым?
 Разгребала дома немые,
 Прогоняя в вечерний омут.
 Шла — живая и недобытая
 Лапой каменных переломов...

11.02.2005. — 23.34.

<...>

4. Лиговский

И Лиговская стрела
 Текла
 Мимо памяти пепла
 Церкви, что где-то ослепла
 В прошлом.
 Выкрашен пошлым,
 Мир, что живет крови
 Взорван любовью,
 С яркого рта,
 Как сирота,
 Вниз —
 Нищей ногой реприз.
 И Лиговская стрела
 Понесла.
 Полная пепла,
 Крепла...

16.02.2005. — 00.09.

<...>

9. Робеспьера

А сфинксы лакают небо,
 И вечер прикрыл Кресты...
 О, жадное сердце, требуй
 По ране от красоты.
 По богу с любого шпилья,
 По чайке с локтей моста,
 По страсти и по бессилью,
 Чьи город таит места...

2.03.2005. — 18.08.

<...>

⁷⁹ Публикуется по рукописи, с согласия автора.

24.2.4. Диалог с Олесей

[Помнится, в 1999–2000 гг. между Олесей и мною завязалась довольно активная переписка, тогда еще не электронная, а самая обыкновенная, с почтовыми штемпелями на конвертах. О. К. обычно присылала свои новые стихи, записи речений 9-летней дочери, иногда — философские эссе; я делился своими впечатлениями о ее творчестве, обычно приветственно, бывало — сдержанно, редко — критически.]

С развитием электронной связи (при отсутствии у меня таковой), переписка как-то подувала, а с переездом Олеси в Петербург совсем прекратилась; непосредственное же общение, «лицом-к-лицу», не наладилось (обычное дело — для обитателей одного и того же мегаполиса).

Сейчас, просмотрев архив нашей переписки, нахожу там кое-что, могущее представить интерес для читателя этой книги. См. ниже. — А. А.]⁸⁰

О. Козина — А. Алексею (июнь 1999)

Андрей Николаевич, здравствуйте!

Пишу Вам впервые. И очень волнуюсь. Потому что это — как бы тоже диалог, пусть воображаемый. И нужно суметь сказать именно то, что внутри.

<...> Что-то очень необыкновенное сближает Вас с Рэмом Георгиевичем *[Баранцевым. — А. А.]*. Хотя мы познакомились недавно, сроки здесь никакого значения не имеют. Жаль, что я такой быть не могу. Наверное, потому, что многого не понимаю.

Посылаю Вам кое-что. *[А именно: стихи; тезисы «Социальная энтропия: особенности проблемы». — А. А.]*

<...> Настала тяжелая временная пауза. Документы мне не пришли. Перспективы не вижу. (Вру, конечно! Где-то она маячит). *[Речь идет о защите кандидатской диссертации. — А. А.]*

<...> И вообще никак я не стыкуюсь с другими своей ценностной шкалой, все глубже залезаю в свою «пробирку». Приходится с болью отказываться от представлений о разных людях. Я хочу сделать мир лучше, пусть даже **свой**, но никак не получается. <...>

Олеся

(Конец июня 1999 г.)

* * *

А. Алексеев — О. Козиной (июль 1999)

Здравствуйте, Олеся!

Благодарю Вас за письмо.

<...> Такой, как Рэм ли, я ли, мы ли оба, — быть **не надо**, поскольку Вы можете **быть собой**, что у Вас, слава Богу, получается. Так что не сожалеете о том, что «не можете быть такой». Это уж мне скорее сожалеть,

⁸⁰ Письма публикуются, как правило, в существенном сокращении.

что, будучи когда-то в Вашем нынешнем возрасте, я не располагал и малой долей Вашего таланта, ума и даже опыта (осознанного).

И то — чего сожалеть... Будем исходить из данности.

Как однажды хорошо заметила моя жена Зина [З. Г. Вахарловская. — А. А.], «дети старше нас, потому что они младше нас».

<...> С кем это — **другими** — Вы «не стыкуетесь ценностной шкалой»? А может и хорошо, что не стыкуетесь?... <...> А то — «со всяким» стыковаться, так и без «шкалы» можно остаться. Хотя, полагаю, Вам это не грозит.

<...> Про Ваши диссертационные проблемы, усугубившиеся сдержанным отношением к Рерихам в философских кругах, знаю от Рэма. Защита в Питере, думаю, возможна (в СПбГУ, где есть ученый совет по эстетике). Но для этого нужно, чтобы <...>. [*Здесь опущены «конкретные рекомендации».* — А. А.]

Ваши тезисы про **социальную энтропию** оставляют очень сильное впечатление. По существу — это конспект докторской диссертации. Ну, я понимаю, Вам бы сейчас кандидатскую защитить... Но все же цену себе знайте! Лично я к этим мыслям прорывался 30 лет, сквозь пелену собственных заблуждений, да и внешних ограничений. А тут, пожалуйста, «младая дева» все взяла и сформулировала. Не завидую — радуюсь.

21 июля мы с Зиной уезжаем в Сухум, где будем гостить у моего двоюродного брата, Владимира Абрашкевича («Младший брат» из «Писем Любимым женщинам»⁸¹).

Мой поклон — Вашему супругу. И особенно — Вашим родителям. Вот бывает — «любовь с первого взгляда», а бывает «дружба с первого контакта». С Анатолием Николаевичем и Лидией Ивановной [*Марасовыми.* — А. А.], как и с Вами, — именно так.

Ваш Андр. Алексеев, 10.07.99

Р. С. При встрече обязательно подарю Вам А. А. Ухтомского (его письма 1927-1941 гг., опубликованные в 1973-м). Двадцать лет назад я открыл их для себя, благодаря Роману Ленчовскому, моему киевскому другу.⁸²

* * *

О. Козина — А. Алексееву (август 1999)

Андрей Николаевич, здравствуйте!!

Надеюсь, очень надеюсь, что скоро увидимся! Но уж при встрече — выскажу свое недовольство. Чем?? Ваше письмо, конечно, замечательное. Но слишком хвалебное. <...> Просто, я не люблю, когда меня хвалят. [*А когда ругают — любите?* — А. А.]. Лучше бы поругали. Читать было даже неловко. Ну да ладно. Эпистолярное удовольствие — особое, правда?

<...> Итак, события разворачиваются следующим образом. <...> [*Здесь опущено описание поисков места защиты диссертации.* — А. А.]

⁸¹ См. ранее, в томе 1 настоящей книги: раздел 2.8.

⁸² См. ранее, в томе 1: раздел 6.3 и др.

До своего приезда в Питер надеюсь успеть получить (три глагола — какво!) Ваш ответ. Посылаю Вам Машенькины изречения.

Олеся

(Август 1999)

* * *

О. Козина — А. Алексееву (ноябрь 1999)

Андрей Николаевич, здравствуйте!

Я уже отчаялась дожидаться ответа. <...>

А. Н., Ваша самиздатовская книга «Пути в неизвестное»⁸³ вызвала у меня радостные переживания, даже в каком-то смысле успокоение. Спасибо. Идея доминанты [*стоит напомнить: доминанты на Лицо другого.* — А. А.] отложились в моей голове и не замедлит дать свои плоды. <...> Об Ухтомском я до сей поры не знала. Но мне не стыдно, так как я — воплощение невежества. [*Когда «хвоят» — не любит, однако и не без кокетства моя корреспондентка... — А. А.*]

Решила послать Вам последние стихи, Машенькины «спички» [*от слова speech — речь. англ. — А. А.*] и эссе о письме (зародившееся благодаря Вам; собственно, это — обозначенная проблема письма, которую я, вероятно, решу через много лет; тем не менее, несмотря на кажущуюся неудачность, это адекватно моим мыслям о письме вообще; папу, кстати, оно весьма разочаровало, но папа мыслит образами⁸⁴, а я пытаюсь экстраполировать в понятийную сферу). Это — в подарок.

<...> Дарю Вам автореферат. Там пока не указана дата, но думаю, что она будет известна вот-вот. <...>

Не могу дожидаться, когда опять увижу Питер. Есть что-то в этом годе мое-мое.

В то время, как я там [*в Санкт-Петербурге.* — А. А.] была, мне пришла книга — очень интересная — из Эстонии. Я, кажется, Вам уже писала, что переписываюсь с Леонидом Столовичем. Это профессор Тартуского университета. Он написал, что к своему 70-летию готовит издание своей книги «Философия. Эстетика. Смех». Я выразила желание ее приобрести, а он прислал мне ее в подарок. Вообще-то у нас переписка больше творческого характера, чем научного: мы обмениваемся стихотворениями. [*Гм! А научная — не творческая? — А. А.*]. Его стихи более разумные, чем мои. <...>

...Я ведь писала о Питере. Я люблю Петербург. И не только из-за дорогих мне там людей. Что-то еще делает его во мне драгоценным, видимо что-то метафизическое.

<...> Занимаюсь исследованием на тему «Религиозность молодежи»: подготовила формализованное интервью для опроса экспертов и не-

⁸³ Речь идет о ксерокопии «Писем» А. А. Ухтомского к Е. И. Бронштейн-Шур, опубликованных в сборнике «Пути в неизвестное. Писатели рассказывают о науке» (1973).

⁸⁴ Извлечение из философской прозы Анатолия Николаевича Марасова, отца Олеси Козиной, см. ранее в томе 3 настоящей книги: раздел 0.9. См. также ниже.

сколько анкеток, разноплановых. Направленных, например, на выявление корреляции религиозности и этничности (опрос общин в г. Ульяновске: немецкой, русской и татарской); на выяснение четкости структуры духовных ценностей и ценностей религиозных в пространстве мировоззрения; на выяснение отношения к религии как вере в сверхъестественное; на выяснение понимания Бога в контексте субкультур.

(Это малая часть контекста темы. По большому счету меня интересует (и весьма!) мотивация, а именно: обусловленность поведения духовными (не душевными!) ценностями, в том числе религиозными).

Кроме того я задалась целью «разоблачить» с социологической трибуны воспеваемую у нас в вузе концепцию потребностей (и возможностей) А. Маслоу [*Маслоу. — А. А.*]. Пока что мое возмущение достигло лишь эмоциональных границ. <...>

С уважением, начинающий социолог Олеся Козина (урожденная Марасова) <...>

(Ноябрь 1999)

* * *

Из приложений к письму О. Козиной (ноябрь 1999)

(1)

Машенькины «спички». Как думать? — вот в чем вопрос...⁸⁵

...«Оборвок» // «Олимпейка» // «Полярный полюс» // «Ослепительный запах» // «Комментаторка» // «Акробатистка».

...«Длинный гром» // «Целая половина» // «Обгрызок» // «Коробочка от мебели» // «Младенческий образ» // «Прошлая тетрадь» // «Людмила Ильишна» // «Скучаться» (скучать) // «Недоброжатель» (недоброжелатель) // «Густая травянистая местность» // «Перчики зашифрованные» // «Пальцы хрукнули».

...«В-шестех» // «Сердцеведение» // «Укрывало» (наверное, одеяло-покрывало) // «Аппарат для выживания» (неплохая оговорка!) // «Бескровный фильм» // «Яркое утро» // «Проситывать» (просеивать) // «Выпичивается» // «Напомнить» (ударение на последний слог) // «Повеселеть» // «Культура — признак человека: какой он?» // «Искусство в человеке — это вдохновение» // «Переволакивают» // «Перевести дух... в особое место» // «Особа и особ».

... — Коленка — самая сгибаемая часть ноги. // — Мама, а у меня волосы саженцевого цвета? // — Я хочу, чтобы у меня волосы были, как чай в блюде. // — Маша, ты маленький вредный человечек. — А ты большой надоедливый человечек. // — Мама, мы с тобой идем одинаковыми ногами! // — Это было сто миллионов лет назад, когда люди были обезьянами. // О луковой шелухе: «лукочные крылья». // — Мне больше понравился Рэм Георгиевич. — Почему, Машенька? — Он веселый, а тот, другой, грустный...

... — А деньги каждый век меняются? // — Когда я один глаз закрываю, остается только часть моего взгляда. // — Мама, а вы на работе празднуете

⁸⁵ Мария Козина — дочь О. А. Козиной, родилась 19.10.1990.

день рождения Ленина, или вам там не до этого? // — Я возьму с собой эту книжку — Анечку дрессировать. // — Что тут у вас происходит? — Я репетирую отъезд в Ундоры ⁸⁶ // — Маша, где запястье? — А я их в учебнике не замечаю: они слишком маленькие. // — А земля круглая или как бесконечная полоса? // — У нас в классе есть две девочки не наших национальностей.

... — Бермудский треугольник — это три точки в океане, соединенные током. Те корабли и вертолеты, которые туда попадают, проваливаются в другой мир, в другое время... // — Это не мужчина, это дяденька... // — Мне не нравится моя фамилия. я хочу ее изменить. Например, Мария Красивая... // — Я посмотрю, как ты застегиваешься. Это мне пригодится в личной жизни. // — Ты меня отмываешь добела!

... — А Матросик уже Рысью становится? // — Деканат — это кафедра, заведующая всем факультетом. // — У меня от голода все внутри щебечет. // — Я вам сейчас загадаю загадку на ум! // — Сегодня будет штормовой ветер. Он может поднять такого двадцатикилограммового человека, как я! // — Мама, почему улыбка не появляется на твоём лице? // — Мария, ты с чем будешь пить чай? С лимоном? — Нет, с заваркой. // — Я ныряю с ушами и ртом, а нос остается...

... — Это не вагон, а самостоятельный трамвай! // — Никак меня загар не берет! // — Ей надо привыкнуть прогуляться (о кукле). // — Мама, тебе надо носить короткое, чтобы войти в моду. // — Скорее! Время уже началось! // — У меня один плеч болит. // — Мама, стань серьезной. Я буду делать смешное дело. // О продуктивном магазине: — Продукты сейчас закроются!! // — Ветер ублачивает... // На что-то наступила: — Я пятку оскорбила!! // — Я Матросику жизнь спасла, а то бы он заблудился! // — Матросик наутек ко мне побежал!

... — **Погоди, я сделаюсь!** [*Здесь и далее выделено мною. — А. А.*]

... — Мои волосы повзрослели. // — Смотри, что я слушаю. // Мне зрение туда не позволяет. // — А давай так: ты одной рукой читай, а другой меня гладь... // — Свет моргнул. // — А лук полезный? — Полезный. — А на сколько процентов? // — Цвет моих ладоней гармонирует с холодной водой. // — Что ты на меня смотришь так смешно? // — Если я встречу на своем теле комара, я убью его. // Смотрит с подозрением на яблоки. — Мария, это нормальные яблоки. — Слишком нормальные. // — Я не спать лягу (вместо: «Я спать не лягу»). // — Мама, а ты радовалась бы жизни в море?

...Смотрим «Летучую мышь»: — А что это такое? — Это оперетта. — А как это? — Видишь, здесь и говорят, и поют, и танцуют. — А когда только поют, — это что? — Опера. — А когда только танцуют, это балет? — Балет. — А когда танцуют и разговаривают? — ...Не знаю, Маша. — Дискотека!!

... — Я ведь чего-нибудь хочу!! // — Папа, одну услугу мне одолжишь? // — Спишь, когда попало! // — Я с разбегу сочиняю! // — Маша, а ведь ты забыла сдать книги в библиотеку. — Все, теперь посадят. // — А мы дышим обонянием? // — Наш мозг двухчастный. // — Мама, как ты думаешь, отчего возникли динозавры: от человека или от солнца? Я думаю, что от солнца...//

⁸⁶ Ундоры — село под Ульяновском; родина Анатолия Николаевича Марасова.

— Раньше земля была плотоядная: все кого-то ели... // — Анечка меня замутила: то звонит, то позванивает. // — Мама, ты мне сон надорвала.

... — Экология — это когда человек не сорит, и природа есть природа // — Она со своим... (О женщине и ребенке) // — А можно я тебя представлю в виде своей лучшей подруги? // — Ты что смеешься? Я правду ворочу. // Утром: — Машенька, надо вставать. — Почему??? // По телефону (однокласснице): — А, это ты опять! (прошло несколько дней после телефонного разговора). // — Вот Катя в фиолетовой куртке. А вон Маша в зеленом ранце.

...Играет с куклами в школу: — Так, заняли свои позиции... Так, пример таков... Ты будешь Аллиулова Сюзанна. — Машенька, если уж Аллиулова, то никак не Сюзанна. — Ладно, ладно. Через некоторое время: — Будешь тогда Аллиулова Дарья...

...Пишет в личном дневнике: — У одной из наших рыбок появился животик... // — Это моя конченная тетрадь. // — Я хочу пышный стол на свой День Рождения! // — А у Нади точно девочка родилась? Там не перепутали? А как узнали, что это девочка?

... — Кофта — это существительное, потому что отвечает на вопрос женского рода. // Анечка шутливая, а я тихая... // — А если много детишек родится, то город восстанавливается? // Играет в больницу с куклами: — Так, Вам надо полежать месяц в больнице. Кормить вас будем регулярно... // — Мама, а кто такие волшебницы? — Машенька, волшебник — это тот, кто умеет делать что-то такое, чего остальные не умеют. — Ага, значит Катя Клокова у нас волшебница? Она ведь отличница. // — А в языке есть позвоночник?

... — **Ты пишешь мои выдумки?**

... — Это все было на самом деле (по поводу исторического фильма), только давно, а теперь снова нафантазировали и сняли // — Мама, а помнишь, ты когда-то чернослив покупала? — Помню. — Очень вкусный... // — Мама, а ты подари мне что-нибудь по-своему... // Хочет, чтобы мама ее укачивала: — Папа, маму не убирай!! // Оглядывает себя после бани: — Как все просвечивает. Видно, как микробы шалят. // — Мама, а ты мне в оба глаза смотришь? // — Мама, я не знаю, что сегодня со мной!

... — С днем рождения, доченька! — Ты мне это второй раз говоришь!! // — А почему в цирке звери такие выученные? // — Мама, а знаешь, кто такие лица? Кто?? — Ну, лица. И ты, и Толя, и все, все... — Нет. — Это предки! // — Машенька, так нехорошо себя вести. — Хорошо, буду по-другому. // — Интересное у меня было детство. // Победа — это радость... //

... — **Аня, а давай думать!**

... — Яйцо — это живая форма жизни. // Настя наклоняется к Маше и спрашивает: — Машенька, у меня ухо красное? Маша внимательно смотрит и говорит: — У тебя их два. (Логика!). // — Машенька, а мы с Настей похожи? — Похожи. А чем? — Разрезом глаз, носом, ушами, улыбкой немножко. Еще шеей — у вас у обеих шеи худые. А еще округлением головы. // — А это варенье из грибов? // — У меня кровь взяли из четвертого пальца. — Крови много было? — Две кучки. // Съела втихомолку. // Часы показывают неправду. // Я по-настоящему устала.

...Диалог (Мария — с куклами. Мама — с компьютером). — Маша, а почему ты играешь с куклами в школу? Хочу стать учителем. — Учителем или преподавателем? — Сначала студентом. — Маша, а в чем разница между учителем и преподавателем? Учитель учит учеников, а преподаватель — студентов. — Но ведь и тот и другой учит. — Учитель **учит**, например, в 1-м классе — писать алфавит. А студентов никто не учит. Им говорят, а они записывают...

... — А Бог — это дух, или человек, который живет на небе? // — Задай вопрос, а я быстро на него отвечу. // Я не особь, я особа. Особая особа. // — Вдохновение — это одушевление чего-то... // — Процессор в компьютере вместо мозга. // Человечество — это одушевленное существо на земле. Это тыщи человеческих семей.

Что такое социология

... — Маша, а чем занимаются социологи? — Социологи социологичничают: ведут расследования, разные детективы, пишут о себе книги и продают их... Социологи пишут социологии...

... — Маша, а ты знаешь, что преподает твоя мама? — Социологию. — А что такое социология? — Ну, социология — это наука. — О чем? — О чем? Например, о связях человека и человека, связи человека с малыми объектами... — А что такое малые объекты? — Это все. — Маша, а ты можешь быть объектом? — Да, объектом Земли. — А Земля? — Земля — объект галактики. Галактика — объект космоса. Космос — даже не знаю объект чего, чего-то, что больше. — А объекты бывают поменьше? — Конечно. Ручка — объект пенала. — А в чем разница между предметом и объектом? — Предмет — это неодушевленное. — А ты можешь быть предметом? — Нет. Я же одушевленная?

... — Так что же социология? — Не знаю. Это наука о связи человека с культурой, религией, искусством. Искусство в человеке — это вдохновение номер один. Религия — тоже вдохновение, тогда человек начинает религничать. И культура — вдохновение. Социология — наука о вдохновении.

Диалог

— Машенька, можно я тебе стихотворение почитаю? — Можно. — Послушай внимательно, я бы хотела, чтобы ты поняла. — А что оно, английское? — Да нет. Это мое стихотворение. — А-а, давай. Читаю. Спрашиваю: — Ну, как? — Ничего не поняла... Прочитай еще.

Читаю другое. Через некоторое время: — А вот это я поняла. — Что ты поняла? — Смысл. Добавляет попозже: — Слов...

1999

...Ведь все взрослые были когда-то детьми, только мало кто из них об этом помнит...

А. де Сент-Экзюпери («Маленький принц»)

(2)

*Неомифология Н. К. и Е. И. Рерихов
(из автореферата диссертации О. Козиной)*

<...> Актуальность темы

Эстетика как способ философско-теоретического осмысления мира искусств и его специфического, отличающегося от научного, отношения к красоте, осуществляет решение одной из важнейших проблем — проблемы целостного анализа эстетического как такового.

В связи с тем, что эстетические концепции представляют собой так называемую «прикладную философию», это дает основания выделить различные «предметные эстетики» и, кроме того, в определенных эстетических теориях обнаружить противоречивое сцепление разных методологических принципов, что, в свою очередь, во многом обусловлено эвристичностью эстетики.

Непосредственный интерес представляет процесс творческой интеграции концепций, синтезирующий зачастую противоположные мировоззренческие модели. В число последних не без оснований вошла неомифология Н. и Е. Рерихов, обогатившая историю философии искусства.

Основу любой мифологии составляет мировоззрение, ориентированное на снятие противоречий фундаментального характера, гармонизацию взаимосвязей личности, общества и природы. Выдающимся примером подобной гармонизации полноправно можно считать Учение Живой Этики как одно из проявлений русского космизма. Представляется актуальным не только выявление эстетических аспектов Живой Этики, но и рассмотрение специфики преломления рериховского космизма, давшего новую художественную «ветвь» таких замечательных имен, как К. Малевич, В. Кандинский, Б. Смирнов-Русецкий, П. Филонов, А. Сардан, В. Черноволенко, П. Фатеев, С. Шиголев.

Гармоничная структура феномена Живой Этики, поэтически одухотворенное изложение, символика Света и Красоты представляют интерес для эстетики.

Важным в плане исследования является изучение уникальной поэтической системы символов, явившейся результатом мифотворчества Н. и Е. Рерихов. Характерным фрагментом этой системы служит корреляция этических и эстетических постулатов, характерным проявлением которой является идея духовного преображения посредством постижения красоты Космоса. Одним из главных эстетических аспектов космического сознания является преображение Земли по законам прекрасного, ведущее к выявлению параллелей между искусством разных народов, что подчеркивает ноосферную роль чувства прекрасного.

Понятие красоты, мифологизированное Рерихами, включает представления о добре, гармонии, сотрудничестве, толерантности, становясь главной категорией рериховской эстетики бескорыстного сотрудничества, что исключительно значимо для выработки новых методологических ориентиров.

Космическая неомифология Рерихов призывает восстановить гармоничные отношения с Природой, рассматриваемой как Начало всего на земле, определяя тем самым экологический характер мышления.

Проблема соотношения духа и природы, решаемая в мифе Живой Этики, с позиции космического равновесия двух начал — мужского и женского, акцентирует внимание к утверждению новой эволюционной роли женщины.

Пантеистический характер неомифологии Рерихов обуславливает эстетический интерес к природе, символизацию и поэтизацию мира, что является собой перманентное свойство целостности познания.

Световое начало, лежащее в основе космоса, символически обобщает уровень информации, организации и гармонии, являясь неотъемлемым компонентом красоты. Данное положение созвучно положениям А. Бергсона, Н. Федорова и В. Вернадского о фундаментальном антиэнтропийном качестве живого, а также современным научным изысканиям в области эстетики, философии творчества.

Мифу Живой Этики характерна постановка актуальной проблемы взаимоотношения культур. Кроме того, интерес представляет и стилистика Живой Этики, которой свойственны и европейские традиции.

<...> Научная новизна исследования

В ходе теоретического исследования формулируются положения, содержащие элементы новизны:

— неомифология Рерихов — целостная модель модернизированных до уровня жизнотворчества компонентов культурно-философских систем с имманентной динамикой эволюции;

— рериховский методологический критерий личности обуславливает принципы **гуманитаризации (этизации)** и **гармонизации** знания в целях формулирования целостной науки; мировоззренческо-методологическая установка синтеза привела Рерихов к его переоценке как метода, претендующего на **универсальность**: рериховский «симбиоз» науки и искусства привел к излишнему «одухотворению» знания, что отражает специфика объективности последнего;

— этико-эстетическая система Рерихов — результат решения проблемы взаимовлияния личного мировоззрения и мировоззрения науки; корреляция этических и эстетических постулатов, априорно обусловленная ситуацией «игровой бесконечности», приводит к их конвергенции в результате гносеологического единства;

— красота в неомифологии Рерихов обладает системными противоречиями, подчеркивающими внутреннюю динамику прекрасного, но оставляющими открытыми вопросы ее полноты и целостности.

<...> (Основные архетипы в неомифологии Рерихов)

В п. 1.3 <...> с учетом специфичности термина «архетип», используемого К. Юнгом, а также смысловой нагрузки «идеи», «образа» и пояснительного описания платоновского «эйдоса», принят обобщающий контекст данного понятия: **архетипом считается изначальная, врожденная и всеобщая форма, априорно формирующая активность воображения, имеющая многослойную символическую природу и обуславливаемая индивидуальным сознанием.**

В силу своей доминирующей надындивидуальной природы архетипы **идентифицируются из наблюдения повторяющихся символических структур.** Представления, лежащие в основе архетипов, зачастую функциональны и

объективны. В этой связи в неомифологии Рерихов выделяются архетипы **духа (смысла), триединства, рождения, света, действия, самости, синтеза (единства)**, образующие системную иерархию явных и латентных взаимосвязей и представляющие собой структурные модели символической реальности.

<...>(Модель мира в Живой этике)

<...> Рериховский пантеизм гносеологически обусловлен пантеизмом Анаксагора, Гете и Спинозы, чьи идеи легли в основу **рериховской идеи неумничтожимости творческого потенциала материи**, и ее мифопоэтического толкования, согласно которому вся материя пронизана токами единой вселенской жизни. Основными пантеистическими постулатами Живой Этики служат: 1) признание безусловного само-бытия природы и 2) органично связанное с ним ее внутреннее оправдание — в природе заключен источник красоты и возрождения.

<...> Понятие материи в Живой Этике расширено: она бесконечна в своих градациях (дух также есть тончайшая материя). Поскольку человек есть микрокосм, психическая энергия в Живой Этике отождествляется с космической силой. В этом плане Живая Этика не является мезотеричной, то есть в Учении не утверждается возможность познания некоего всемирного целого путем «доставания» его «истинной» части на основе мистического опыта. Речь идет об управлении психической энергией, качество которой образует широкий диапазон проявлений: от образования инстинктов в низших организмах до осознания огненной сущности духа. Здесь раскрывается **функциональный смысл преображения, поскольку психическая энергия обладает возможностью утончения посредством образа мышления**. Преобразить сознание значит расширить **ценностный** диапазон преломления мира.

<...> В Живой Этике формулируется антиэнтропийная программа устремленности к космическому сознанию, согласно которой информация и организация, творчество и новизна являются основными факторами, сдерживающими развитие энтропийных тенденций. В неомифологии Рерихов в своем полном объеме эта задача может быть решена лишь после Преображения, что определяет важнейшую функцию красоты как **антиэнтропийную**. В основе диалектики прекрасного Рерихов лежит творческий принцип, ведущий к накоплению информационного разнообразия. Рерихи призывали к качественно новому мышлению — прекрасному по своей природе. Идеи Рерихов, акцентирующие негэнтропийное начало, созвучны положениям В. Вернадского о ноосфере и идее «творческой эволюции» А. Бергсона.

<...> (Соборность Н. Рериха)

П. 3.3 <...> раскрывает специфическую трактовку Н. Рерихом принципа соборности, являющегося следствием полифоничности его мировоззрения. Проводится связь этического учения Н. Рериха с философией солидаризма, поскольку рериховский «синтез» обуславливает процесс формирования внутренней культуры, как индивидуальной формы бытия всеобщей культуры. Стремление рериховской мысли онтологизировать этику сближает ее с воззрениями С. Левицкого. В отличие от солидаристов, этика Н.Рериха более

нравственна, чем моральна: христианские ценности здесь не являются доминантой. Солидаристская категория сверхсоциального в рериховской трактовке означает включенность личности в организацию космоса.

Понятие соборности Н. Рериха задано взаимоотношением эстетических и этических постулатов. С одной стороны, рериховская соборность есть соблюдение космической Иерархии, с другой — бескорыстное сотрудничество и солидарность. Данная двойственность свидетельствует о **попытке инверсии противопоставления**, — экстраполяции **уровневой модели** на смысловое поле соборности. Рериховский вариант соборности — солидарность **во имя** общего блага. Налицо противоречие во внутреннем плане соборности — сомнение в необходимости личностного начала. В автономности «я» Н. Рерих видит истоки самости. Личностное, в ходе духовной эволюции, приобретает статус наддывидуального сознания. Это связано с гуманными мотивами: перерастая себя, человек избавляется от самости и становится строителем ноосферы. Тем не менее, анонимность релятивизирует понятие мировоззрения. Стремление к синтезу западных и восточных традиций приводит Н. Рериха к узкой интерпретации ноосферы и предиката личностности в человеке, как его духовного образования. Анонимность лишает ценности последнее.

Рериховская соборность лишена божественного плана, она погружена в духовное житнетворчество, но имеет выход в сферу космической ответственности. В отличие от хомяковской свободы, здесь онтологической предпосылкой выступает красота духа, следствием же должна служить также красота, обуславливающая красоту вообще. <...>

(О. А. Козина. Неомифология Н. К. и Е. И. Рерихов: философско-эстетические аспекты. Автореф. канд. дисс. СПб.: СПбГУ, 1999, с. 3-4, 7-9, 12-13, 14, 15, 20-21)

(3)

Из эссе О. Козиной «Письмо»

<...> Иногда я ловлю себя на том, что во время написания письма пытаюсь осмыслить и понять, — что же такое письмо; я пытаюсь сформулировать проблему письма (такая несомненно существует) в процессе ее разрешения. Но всегда мне не хватает некоей отстраненности или, наоборот, погруженности. <...> Пространство представлений, к сожалению, вырваться не отпустит, поэтому я попытаюсь сконструировать в этом пространстве внутреннее (одно из) представление о письме. И разобраться в нем. Тогда дверь станет видимой — дверь в чудесное бытие письма, которую пока я нахожу наощупь.

Вектор письма

Где рождается письмо? Корни зарождения письма гораздо дальше, чем начинает срабатывать механизм долга. Это не обратная вербализация общения, и даже не потребность в общении. Письмо проявляет свою суть дискретно (явно; но латентный континуум письма очевиден!). Оно, безусловно, есть реакция мысли. Или n-мерная реакция, или потенциал реакции. Обуславливающая стремление мысли к форме. <...> Мысль стремится к форме (письма) под воздействием мотива. В данном случае происходит упорядочивание множе-

ства систем реакций по определенным параметрам, строится своеобразная выборка «генеральной совокупности» реакций, — это заслуга мотива, как функционального «элемента».

<...> Письмо — вектор в смысле выбора мыслью той или иной формы и выражения этой формы, в целом же это процесс, разворачивающий грани бытия.

Бытие письма

<...> Реальность письма уникально-сложна, в каком-то смысле ее развитие непредсказуемо, она может быть гомогенна по структуре (не по содержанию) и гетерогенна, потенциально она содержит достраивание многих связей и участников этой реальности. Гомогенность структуры и предполагает монолог — смысловую законченность, требующую не ответа, а принятия (не обязательно соглашения). Бытие-монолог письма самодостаточно, это письмо-обращение, обращение в большой степени к своей индивидуальности, выступающее как интроспективный метод восприятия мира и мира-в-себе. Это не всегда самоанализ, но самооценка. Но вместе с тем, бытие-монолог письма выступает и как особая форма бытия-диалога, хотя бы потому, что ему необходимо достраивать пространство принятия, пусть и внутреннего, но уже отличного от обращения, либо пространство, «принимающее» ответ, а это уже новый импульс, новый мотив, новая развертка.

Бытие-диалог письма вмещает плавающие точки пересечения разговаривающих. Диалог, проявляемый как интервал, обнаруживает эпистолярно интересное свойство: сохраняется начальная точка отсчета, но размыкается его завершенность.

<...> Письмо, несомненно, — мощный стимул активного самопроявления. <...> Идея письма — предикат личностного бытия, бытия целостного мировоззрения. Видимо, вовне сохраняется чаще всего полнота мировоззрения, внутри же целостность его неразрушима. В письме реализуется целостность мировоззрения либо попытка достичь ее.

<...> Вообще идея письма — это один из наших ликов, и само письмо, как желаемая форма, реально, как реальна и значима жизнь, несущаяся — в ответ той, куда мы вовлекаем себя, порой наперекор и им (обеим), и себе. Письмо — это колодец в космос духа; форма, в гранях которой нескончаемая субстанция воплощаемой мысли. Но это и выбор! Выбор рефлексии, своеобразного познания себя. <...>

Время письма

Самое удивительное в письме — это его время. Можно погрузиться в реальность письма и представить следующее. Кто-то читает это письмо какой-то отрезок времени, то есть сейчас. Но когда происходит это «сейчас»? Для меня, который пишет его ныне (тоже «сейчас»), время — настоящее — переносится в будущее. <...> Дискретность здесь кажущаяся, онтологических интервалов быть не должно, это противоречило бы идее письма. Время попросту складывается, образует складку (делезовский термин как нельзя удачнее иллюстрирует эпистолярный феномен). Но оно уже вмещает в себе разные времена: мое и чье-то, время моего письма-бытия и чьего-то; время об-

ращения (отрезок) и луч времени ожидания. Все эти времена — единое целое. <...> Время не ставшее смешивается со ставшим временем.

<...> Эпистолярное время — особое. Оно имеет свою динамику, этим и определяется специфичность бытия письма: оно может свертываться и развертываться в пространстве сознания. Нам кажется, что эпистолярным временем можно управлять. Это время — бытие диалога, в котором разговаривающие имеют равные возможности, и их воплощение. <...>

Письмо-исполнение

Письмо как таковое есть особый жанр; это жанр мысли, вполне владеющей эпистолярной формой. Это особый жанр мифа бытия сознания. Здесь нужно вернуться к динамике форм. Жанр есть локальная игра форм. А поскольку методом построения письма служит в большей степени слово, то игра со словом избавляет письмо от одномерности. В самом деле, письмо уникально сочетает в себе разные жанры, собственно, в словесном своем представлении, письмо — потенция жанра, игра жанров, добровольный эксперимент слова над собой. Письмо в первую очередь бытие Слова (не обязательно озвученного). Только слово есть то, что воплощается в пространстве сознания. Слово — единственное, что не может развоплотиться, если нет возможности слышать, видеть, осязать.

Но можно расширить понимание письма, как знакового общения. Письмо многолико. Каждый лик письма, будь то статья, роман, картина, соната или преображенная руками глина, есть импульс мысли, посылаемой в конце концов через себя человечеству. <...>

Козина Олеся
(Ноябрь 1999)

Ремарка: письмо с приложениями.

Все это (1; 2; 3) — из одного конверта, полученного мною 29.11.99.

Итак, личное письмо с пакетом «приложений» — продуктов свободной (самоценной...) деятельности корреспондента: «диалог-монолог»; «собеседование» и «савторство»... (Декабрь 1999 — апрель 2005).

* * *

О. Козина — А. Алексееву (ноябрь 1999)

Дорогой Андрей Николаевич, здравствуйте!

Это опять я, Олеся Козина. <...> Уважаемый А. Н., приглашаю Вас на защиту диссертации, которая состоится 30 декабря 1999 года в 16.00 на философском факультете СПбГУ в ауд. 155.

Андрей Николаевич, все-таки, я осмелюсь попросить Вас написать отзыв на автореферат. Если откажетесь, я, конечно, не обижусь. Тем не менее, Ваш отзыв украсил бы мою защиту. Столович Л. Н., например, обещал прислать (это я не хвастаюсь, а радуюсь).

Видите, как интересно складывается наше общение: я Вас вижу чаще, чем читаю Ваши письма. Подозреваю, что до отъезда не дождусь-таки письма.

Постараюсь приехать 22.12 вечером, так как мне велено появиться в Питере за неделю до защиты.

Олеся

Р. С. Посылаю Вам последние стихи.

(Конец ноября 1999 г.)

* * *

А. Алексеев — О. Козиной (декабрь 1999)

<...> Итак, обещанное письмо. А то и в самом деле мой очередной и Ваш, надеюсь, тоже не первый, «эпистолярный роман» рискует стать односторонним.

Как Вы выяснили в своем философическом эссе, «корни зарождения письма гораздо дальше, чем начинает срабатывать механизм долга». Письмо — реакция мысли, бытие слова и... непринужденный разговор.

И, добавлю, есть в письме что-то такое, чего не выразишь в непосредственном общении. Иногда нужна дистанция между собеседниками: пространственная, временная, масштабная (триада — по Рэму). У нас с Вами по крайней мере первая и вторая дистанции — налицо. (Кстати, не случайно когда-то Татьяна писала Онегину: нет, чтобы «напрямую» сказать...).

<...> Я рад, что Вы «услышали» Ухтомского. <...>. Кстати, обратили ли Вы внимание на его выражение «заслуженный собеседник»?

Напомню, из его письма к Е.И.Бронштейн-Шур (от 6.04.27):

«...Пока человек не освободился еще от своего Двойника, он, собственно, и не имеет еще Собеседника; и лишь тогда, когда он пробьет скорлупу и поставит центр тяготения на лице другого, он получает впервые Собеседника. Двойник умирает, чтобы дать место собеседнику. Собеседник же, т. е. лицо другого человека, открывается таким, каким я его заслужил всем моим прошлым и тем, что я есть сейчас...»

Всем своим прошлым и тем, что я есть сейчас, я, похоже, **заслужил** духовно-душевное общение с Вами. (Ну, и Вы тоже — оборачивая эту мысль...). Вы — «заслуженный собеседник» для меня, и обратно! Вот такая диалектика.

Теперь некоторые «реакции мысли» (не в порядке важности).

...Вы огорчены моей «скупостью» на письма. <...> Ну, не «из принципа»... [*И не от небрежности. — А. А.*]. После бурной эпистолярной активности 80-х (Вам известной), как будто, исчерпал я свой ресурс в этом жанре. Кроме того, письмо — акт свободной воли, настроения, да и обстоятельств. Как стихи... Так что, уж не «обязывайте» меня.

...А вообще, Ваши письма мне чем-то напомнили мои собственные — прежних времен. В них есть элемент «отчета»: и не столько даже в содержании самого письма, сколько в «приложениях».

«Автопрезентация», как сказали бы сегодня. Казалось бы, невозможные сочетания: любомудрствование, стихотворчество, новые речения Маши Козиной... А в целом — букет, икэбана, «**весь**».

Всякий отдельно взятый цветок обретает новые смыслы (коннотации) в контексте. Сквозь призму «спичек» Марии читаются стихи Олеси, а без стихов — и философические эссе блекнут... Вместе с тем, каждый цветок автономен и может рассматриваться самостоятельно. (Но при этом становится как бы «беззащитнее»).

Общее в них — **Лицо** (по Ухтомскому). Ваше лицо! Если предположить, что мне присуща «доминанта на Лицо другого», то Вы способствуете ее укреплению.

...Ваш автопортрет — из «всего этого» состоит. Ну а дальше — уже дело вкуса зрителя (слушателя, читателя). Вот мне, например, особенно нравятся «выдумки» Маши Козиной. (После всех прежних комплиментов, Олеся Козина может не обижаться: дети вообще талантливее взрослых, правда, потом это часто куда-то уходит...).

Вообще, родители — естественные «наблюдающие участники» жизни своих детей. Вот только — немногие осознают себя таковыми. Вы — осознали. И тут Вы — молодец.

Только бы Мария не начала Вам «подыгрывать», видя как Вы записываете... Уберегите ее от «доминанты на себя самое»!

<...> А из стихов мне был наиболее «со-звучен» последний, датированный 24 ноября 1999 г., 19 час. 41 мин.: «Умножить скорбь, избрав познания плен...».⁸⁷

(Такая «скрупулезность» в датировании стихов, а Машины «дискурсы» — без указания возраста, без дат!.. Ну как же так?! «Доминанта на себя»? Нехорошо! Не обижайте дочурку! Да и собственные Ваши письма заслуживают датировки...).

...Как же давно мы не виделись с Леонидом Наумовичем Столовичем! Я поздравляю Вас с этим «заслуженным собеседником». Вообще, Тарту и его лица, его «аура», легендарные «Кяэрикусские встречи»⁸⁸ — во многом формировали мое собственное лицо во времена «социологической молодости».

В письмо сейчас не вместятся эти воспоминания. В 60-х — 70-х бывал я в Тарту регулярно и часто. Ну, Ю.М. Лотман и тогда был для меня только «небожителем» (один раз всего-то его и видел...).

А вот тартуская **социологическая** компания: Юло Вооглайд, Асер Муруттар, МарьюЛауристин (интересно, известны ли Вам эти имена?) и их младшие кол-

⁸⁷ Это стихотворение приводилось ранее. См. в томе 1 настоящей книги: приложение 4 к главе 6.

⁸⁸ Кяэрику — местечко в Эстонии, где, начиная с 1966 г., на спортивной базе Тартуского университета, происходили ежегодные встречи социологов, на которые съезжались начинающие и маститые ученые со всех концов страны. Первые встречи были посвящены проблемам изучения массовой коммуникации, затем тематика расширилась. Высокий научный уровень и неформальный стиль общения на кяэрикусских встречах, организуемых социологической лабораторией Тартуского университета, сделали их «центром притяжения» как для научной молодежи, так и для научной элиты (исключая «научных чиновников»).

Как справедливо замечено Ларисой Федотовой (одной из участниц тогдашних встреч), Кяэрику в то время стало своего рода «социологической Меккой» (см. *Федотова Л. Н.* Репутация социолога — репутация социологии // *Телескоп: наблюдения за повседневной жизнью петербуржцев*, 2005, № 1, с. 19).

леги были для меня «семьей». Тихий, маленький Тарту — как цветущий оазис научного свободомыслия среди солончаков «управляемой науки».

(В середине 70-х и туда добралась «рука Москвы», разумеется, не без участия «идеологических коллаборационистов»: уникальную социологическую лабораторию Ю. Вооглайда разогнали, самого его исключили из партии; впрочем, это только укрепило наш союз).

Мои тартуские друзья социологии учились у Ядова, а философии (что не менее важно!) — у замечательного человека и ученого, ныне покойного Рэма Блюма⁸⁹, а также — у Леонида Столовича. Философия и социология были тогда «марксистско-ленинскими» (чего избежала только семиотическая школа Лотмана). Но с этим непротиворечиво (противоречиво?) сочетались там — принципиальный антидогматизм и человеческая порядочность.

(Кстати, нельзя ли «возвести» порядочность в ранг философско-этической категории? Может, как-нибудь займетесь этой проблемой?).

В ту пору мы с Л. Столовичем общались (сожалею, что мало). Ну, а потом только читал его превосходные книги по проблематике, которая в советской философии была чем-то вроде Золушки. (Аксиология, в конечном счете, трактует общечеловеческие ценности; не очень совместимо с «классовой моралью» и т. п.)...

Ремарка: «общечеловеческие ценности» или «классовая мораль»? (Л. Столович).

Прерву свое письмо Олеся — цитированием книги Л. Н. Столовича. «Красота. Добро. Истина. Очерк истории эстетической аксиологии» (1994):

«... Возникает вопрос: что же соответствует марксизму — утверждение ли приоритета общечеловеческих ценностей или же отрицание этого утверждения?»

Существуют разные варианты ответа на этот вопрос. 1. Марксизм изначально признавал приоритет общечеловеческих ценностей, и поэтому “новое мышление” ново лишь в том отношении, что оно избавляет подлинный марксизм от антигуманистических искажений. 2. Марксизм всегда признавал только классовые “ценности”, и приписывание ему положения о приоритете общечеловеческих ценностей над классовыми — это прямая ревизия мар-

⁸⁹ Рэм Наумович Блюм, доктор философских наук, профессор Тартуского университета, автор глубоких исследований в области теории революции, нашедших обобщение, в частности, в монографии «Поиски путей к свободе» (Таллинн, 1985). Вот что писал о Р. Н. Бломе один из его учеников философ Евгений Голиков:

«...Всю жизнь, всей своей деятельностью он готовил перестройку. Не верьте поэтому, что застой был всеобщим. Энтропии застоя противостояли островки разума, нравственной воли и поступков. Одним из таких островков в Тарту был профессор Блюм. Он не был одиноким островом в океане. Его одаренная натура притягивала людей, будила в них лучшие качества; острова собирались в архипелаг, который, я верю, со временем превратится в материк его имени, в социальный мир (термин философа Блюма), мир творческой свободы и человеческого достоинства...» (Цит. по: Рэм Наумович Блюм (1925-1989). Материалы к библиографии, Тарту: Тартуский университет, 1990, с.13).

ксизма и тем более ленинизма. 3. Марксизм до нынешних времен не признавал приоритет общечеловеческих ценностей, поскольку это было обусловлено определенным уровнем развития человеческого общества. Однако в новых исторических условиях, угрожающих самому существованию человечества, марксизм должен быть переориентирован в духе нового мышления.

На наш взгляд, изучение исторических судеб марксизма показывает, что в нем самом (имеются в виду не только труды его основоположников и “классиков”, но и многочисленных сторонников и пропагандистов) существовали две тенденции: гуманистическая тенденция, предполагающая признание и отстаивание общечеловеческих ценностей, и тенденция приоритета классового интереса над общечеловеческими интересами и ценностями, которые вообще объявлялись иллюзорными, “буржуазным” или “мелкобуржуазным” обманом.

Каким образом возможно сосуществование в марксизме этих двух противоположных тенденций? Марксизм начинался как стремление преодолеть ситуацию отчуждения человека в современном ему буржуазном обществе. Коммунизм представлялся основоположнику марксизма как исторически необходимое общество, устраняющее “самоотчуждение человека”, как снятие противоречий между человеком и природой, человеком и человеком, свободой и необходимостью, индивидом и родом. Этот коммунизм отождествлялся с “завершенным гуманизмом” (см.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 42, с. 116). Гуманистический характер такого учения, вне зависимости от степени реальности его осуществления, не вызывает сомнения.

Но создатели марксизма стремились к реализации своего общественного идеала и полагали, что освобождение человека и общества должно произойти благодаря революционной деятельности класса, которому нечего терять кроме своих цепей, т. е. пролетариата. Революционный пролетариат начинает мыслиться ими как своего рода мессия, спаситель и освободитель человечества, олицетворение родовой сущности человека, лучший выразитель общечеловеческих интересов, несмотря на то, что процесс отчуждения не мог не исказить и деформировать человеческую сущность и членов этого класса.

Благодаря этой логике, стал возможен и такой поворот мысли: если пролетариат выражает общечеловеческие интересы, то общечеловеческие интересы — это и есть интересы пролетариата, а пролетарская мораль и есть основа общечеловеческой морали. По этому пути и пошли многие марксисты, сведя мораль к интересам пролетариата и отрицая тем самым общечеловеческую природу морали и, следовательно, мораль, как таковую. Маркс и Энгельс уже в “Немецкой идеологии” прямо заявляли: “Коммунисты вообще не проповедуют никакой морали...” (Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 3, с. 236).

Таким образом, в самом марксизме обнаруживаются противоположные тенденции... В различных течениях, так или иначе связанных с марксизмом, содержится различное соотношение двух отмеченных тенденций, иногда с преобладанием гуманистической, а иногда — “классовой”. Несомненно то, что сталинизм и ему подобные системы тоталитарного “ком-

мунизма” идейно опирались на абсолютизацию “классового” фактора (под видом рабочего класса здесь отстаиваются интересы нового правящего класса, как его ни называть), в своей антигуманной сущности и практике выходя уже за пределы гуманистического марксизма. Этот урок исторического развития марксистских идей следует иметь в виду при решении проблемы соотношения общечеловеческих ценностей и классовых...»⁹⁰
(Декабрь 2000).

...Кстати, обратите внимание на «триадические» названия [книг Л. Столовича. — А. А.]: «Жизнь. Творчество. Человек» (1985), «Красота. Добро. Истина» (1994). А теперь вот, как Вы сообщаете: «Философия. Эстетика. Смех». Вопрос: является ли последняя триада системной [в смысле Р. Баранцева. — А. А.]? Как Вы думаете?

(Пожалуй, смех, в частности, смех над самим собой, — самое человеческое из человеческих качеств, а философия слишком серьезна и угрюма...).

В общем, при случае передайте мой привет Леониду Наумовичу: из Питера, через Ульяновск, в Тарту. <...>

Вот и встретимся мы с Л. С. на защите О. Козиной, опять же заочно, обоюдными отзовами на «Философско-эстетические аспекты неомифологии Н. К. и Е. И. Рерихов». <...>

...Говорят: «Тесен мир!». Иногда возражают: «Не мир тесен, а слой тонок». Но тут — элемент гордыни... Я бы сказал: «Мир — целостен». А одним из эмпирических свидетельств такой целостности является **не чьяйное** пересечение кругов личного и заочного общения — в пространстве и во времени. (Вот так, кстати, и с Юрием Линником, когда-то посвятившим «мифу» о социологе-рабочем одно из своих стихотворений...⁹¹).

<...> Как Вы знаете, весь этот год я занимался своей новой книгой.⁹²
<...> Вообще, в этой книге — чего только нет! Вот уже и предисловие, и заключение написаны, и оглавление...⁹³ А внутри, в «живой плоти» это-

⁹⁰ Столович Л. Н. Красота. Добро. Истина. Очерк истории эстетической аксиологии. М.: Республика, 1994, с. 173-174.

В упоминаемой О. Козиной книге «Философия. Эстетика. Смех» (Тарту, 1999) Л. Столович определяет две вышеуказанные тенденции в марксизме как **гуманистическую** («утвержденную в «Экономико-философских рукописях 1944 года» его основоположником и не всегда им самим последовательно проводимую») и **тоталитарную** («идущую от идеи “диктатуры пролетариата” того же Маркса и Ленина, реализованную в “реальном социализме” Сталина, Чаушеску, Пол Пота и т. п. с его идеологическим обоснованием»). См. Столович Л. Указ. соч., с. 165.

⁹¹ См. ранее, в томе 3 настоящей книги: раздел 17.14. Как уже отмечалось, Ю. В. Линник был научным руководителем кандидатской диссертации О. Козиной.

⁹² Речь идет о настоящей книге — в одном из ее первоначальных вариантов (1999). Тогда ее общее название было еще более «тяжеловесным»: «Драматическая социология, социология жизненного пути и социологическая ауторефлексия». Названия проектировавшихся трех томов: (1) «Выход из мертвой зоны»; (2) «Полигон»; (3) «Суди себя сам». Первый том к началу 2001 г. оказался состоящим из двух частей и четырех книжек. Так что получалось нечто еще более громоздкое, чем нынешнее издание...

⁹³ Это оглавление приводится, в качестве одного из приложений, в пилотном издании тома 2 настоящей книги: Алексеев А. Н. Год Оруэлла (из опыта драматической социологии). СПб.: Ступени, 2001.

го сочинения, продолжается обновление клеток, среди которых вдруг оказывается... и это письмо Вам (если, конечно, вы разрешите его туда вставить)!

Дело в том, что письмо — действительно удивительный, уникальный и по-своему универсальный, самый древний и принадлежащий будущему («мировая сеть», Интернет?) жанр, актуально синкретичный и потенциально синтетичный (или я ошибаюсь?).

В письме можно выразить то и так, что и как — иначе еще не можешь или уже не хочешь выразить.

<...> А вот Вам и пример вставки, «в последнюю минуту», точнее — очередной «реструктуризации» (стоял этот фрагмент в другом файле книги, а более уместен, пожалуй, здесь, в этом письме). Знаете ли, что однажды заметил «Ваш» (не только Ваш!) Н. К. Рерих, а мне попало на глаза 20 лет назад, и вот «влилось» в эту книгу:

«...Все лучшее приходит естественно... Возьмем пример лица, пишущего много писем. Если он пишет для себя, он не получит истинных следствий. Если он думает, что пишет для одного определенного лица, он ошибается. Послание содержательное, наполненное высокими мыслями, пишется не для себя и не для определенного лица, но для человечества. Не будем утруждать себя размышлениями, кому будут полезны наши мысли. Помимо самих начертаний, письмо посылается и пространственно. Не наша забота, где посланная мысль найдет пристанище. Единственная задача, чтобы посланная мысль послужила во благо...».

(Очень в духе Рерихов! А ссылки точной — нет. Может, Вы знаете?).

...Ваш замысел насчет эмпирического исследования обусловленности поведения «духовными» (в отличие от «душевных») ценностями представляется интересным. Но он потребует операционального различения тех и других, а этому понадобится предпослать довольно мощную теоретическую проработку вопроса.

Так что — замысел дерзкий. Если Вы уже сочинили «интервью» и «анкетки» (что само по себе — искусство, мне пока в Вас не ведомое), то считайте их «пилотажем» этой темы.

Впрочем, как замечал, Гете, «нужно иметь невозможную цель...».

<...> Ну, вот Вам и **письмо**: немного «улыбки», немного «поучений», немного «отчета». <...>

20.12.99

* * *

Из отзывов на автореферат диссертации О. А. Козиной⁹⁴ (декабрь 1999)

(1)

<...> 1. Философские тексты не часто бывают столь насыщенными, плотными, густыми (по Д. М. Панину) и в то же время не сухими, не скучными. О. А. Козина не пересказывает известные вещи в новой встряске калейдо-

⁹⁴ Диссертация «Неомифология Н. К. и Е. И. Рерихов: философско-эстетические аспекты» представлена на соискание ученой степени кандидата философских наук, по специальности 09.00.04 — эстетика.

скопа, а творит свое, до озноба действительно новое. Она пишет не «о чем-то», а «что-то». Даже когда речь идет о сопоставлении Рерихов с Ницше, Тагором, Уитменом, это — не они, а Козина.

2. Устремленность к синтезу закономерно ведет к объединению трех сторон человеческого мышления: рацию—эмоцию—интуицию. Я с удовлетворением встретил в автореферате такие системные триады, как содержание—форма—идея, знаковая структурность — словесная динамичность — смысловая целостность, гармонизация—гуманизация—космизация (знания). Автор убеждает, что на уровне синтеза мифологема красоты становится определяющим параметром самоорганизации мира. Целостность самой диссертации исподволь обусловлена способностью Козиной работать одновременно в предметном, методологическом и смысловом пространствах.

3. Самое интересное происходит на грани постижимого. Метафизическая смелость автора, вызывая у читателя опасливый восторг, все же покрывает. Не каждый отважится дать собственные дефиниции таких фундаментальных понятий, как архетип, мифологема, стиль. Важно не то, что они, возможно, спорны, а то, что они генерируют сотворческую мысль. Плодотворные ассоциации рождаются и при встрече с такими формуировками, как потенциальная завершенность, иерархично структурированная бесконечность, Живая Этика — способ игры с миром и т. п. Особенно заманчив тезис о синтезе трех мировых религий. Правда, сформулирован он столь решительно, что может вызвать скорее благоразумную робость, чем безоговорочное согласие.

Резюме: В своей диссертации О. А. Козина проявила задатки самобытного крупного философа, напоминающего А. А. Любищева, К. А. Свасьяна, В. В. Налимова. <...>

Профессор математико-механического факультета СПбГУ, докт. физ.-мат. наук Р. Г. Баранцев

15.12.99⁹⁵

(2)

<...> В современной литературе, трактующей духовное наследие Н. К. и Е. И. Рерихов, можно усмотреть две крайности, которые назовем апологетической и скептической. Первая доходит до истолкования, в частности, Живой Этики, как своего рода явленной человечеству «сакральной доктрины», в которую можно только верить и которой надо слепо следовать; вторая — усматривает в ней нескронную претензию на таковую доктрину, чуть ли не манипуляторскую. Та и другая в конечном счете отказывают рериховскому учению в праве быть одной из вершин человеческого духа и культурной эволюции, каковым оно на самом деле является.

⁹⁵ Интересен стихотворный отклик диссертанта на этот отзыв:

«**Ответ отзыву** (Баранцеву Р. Г.). Когда б Господь отмерил доли мне поуже, / Ответственность была б невысока, / И я могла бы Вам ответить: “Ну же, / Примите плату, если так она низка”. / Но все не так. И с мерой цены выше. / И траты обескровливают Дух. / Но, все же, он, расплачиваясь, дышит, — / К слепому торгу холоден и глух. / Он дышит в мысль, — израненный и гордый, / Непримиим с процентщицей-душой. / И в небе “нет!”, непокоренно-твердом, — / Все глубже Долг — кровавый, но живой... 26.12.99. — 13.30.» (Цит. по: *Козина О.* Выбор, Ульяновск, 2000, с. 53.

Той и другой тенденциям противостоят ряд глубоких работ, посвященных осмыслению мирового феномена семьи Рерихов, среди которых можно встретить и жемчужины. И к таким жемчужинам мы уверенно относим работу О. А. Козиноу.

Строго сформулировав задачу и, словно сдерживая себя, чтобы не выйти за ее пределы, диссертант сумела соединить исследование собственного содержания и внутренней структуры неомифологии Рерихов (в ее философско-эстетическом аспекте) с рассмотрением историко-культурного контекста, ее истоков и соприкосновений (общекультурных, философских, религиозных). Богатство резонансов философии Преображения Рерихов с множеством значимых явлений мировой культуры (как из восточной, так и из западной культурных традиций), при всей особости, уникальности, неповторимости рериховского жизнотворчества (феномен, пожалуй, сопоставимый с пушкинской «мировой отзывчивостью»), становится предметом авторского анализа, вовсе не «ослепленного» светом этого солнца.

Мы бы сказали, получилась работа, действительно достойная своего предмета. Думается, что целостности, синтетичности Живой Этики, как мифопоэтической модели мира и отношения к нему (что само по себе требовало доказательств, и это убедительно показано автором), соответствует эффективно реализуемая установка на синтезирующий подход самого диссертанта. <...>

Ведущий научный сотрудник СПбФ Института социологии РАН, канд. филос. наук А. Н. Алексеев, 27.12.99

* * *

О. Козина — А. Алексееву (февраль 2000)

<...> *Новый год был чудесен.*⁹⁶

Я выделила эту строчку особо, так как этот пережитый нами праздник стал миром, который остался во мне, как одно из удивительнейших ощущений... Я думаю, как ответить на Ваше большое письмо.⁹⁷ Оно ведь — эскиз, в котором каждый штрих — проблемный вопрос.

<...> Надо ли синтезировать то, что так спонтанно рождается?? [*Правильно. Не надо!* — А. А.].

<...> А Мария — это мир, новый мир, причем я даже не могу, пожалуй, поручиться, что я влияю на его изменения. Я могу вызвать их, но они развиваются сами. Ведь Мария учит меня многому. Я всегда советуюсь с ней. И чаще всего именно она оказывается права.

Так, например, недавно я спросила у нее — различает ли она Дух и Душу. Она даже возмутилась тем, что я могла усомниться в этой ее способности. «Конечно! — ответила она. — У человека два ангела. Ангел-учитель (Дух) и ангел-хранитель (Душа)». <...> «Душа — там, где сердце, а дух — там, где мозги». Как выразилась Мария, «люди без души — варвары, а без духа — глупые».

⁹⁶ О. К. встречала Новый, 2000-й год в доме на Малой Охте, в кругу петербургских друзей.

⁹⁷ Имеется в виду декабрьское письмо, приведенное выше.

Это было сказано четко, без преломлений и без интерпретаций. Ребенок это знал. Ребенок знает, что душа есть у всех, а вот дух — не у каждого... Видите, значит в себе я права-таки!!! Я считаю Разум проявлением Духа. А Мария не могла знать мои мысли. *[Ну, почему же не могла? Вы же тогда повседневно общались... — А. А.]*

Я спросила ее, и она ответила.⁹⁸

<...> Я за свою жизнь сделала несколько открытий. Вы пытались когда-нибудь анализировать свою боль? Не после, а **во время** ее пребывания в Вас? Это интересно. Я пришла к выводу о том, что Боль — это Звук.

Думаю, что Звук — нечто Чье-то, Вектор, стало быть, нечто очень мощное, вездесущее и т. д. «Вначале было Слово. Это Слово был Бог...». А если следовать за моей мыслью, получается, что и Господь не весь Звук. Слово — часть Звука, как и Боль. Можно даже предположить, что Боль — это результат проникновения звука в живой организм. Звука извне! Тогда смерть от боли есть смерть от Звука? Может быть...

Но вот в чем я уверена, так это в том, что все страдания связаны с вживанием Звука в нас. Понятно же, что Звук не гомогенен, это невероятная полифония, которая, пожалуй, обладает неудержимым потенциалом Формы. И вот представьте: эта Форма возникает, изменяется и вонзается в нас. А мы — благодатная почва. И мы нужны Звуку. И чем больше в нас Звука, тем больше нам. Немногие могут Его держать в себе.

А если попытаться и — удержать Его?? Во всем Его великолепии! Сколько можно было бы создать прекрасного до обрыва этой Боли!.. А если наоборот: вырастить эту Форму в себе? (Я, разумеется, не говорю о мазохизме, вовсе нет, упаси Господь. Нет!). Я говорю о познании Боли. Погрузиться в нее, услышать в Ней многозвучие, увидеть ее горние корни, не бояться ее, не терпеть ее, а познать, — что за мир входит в нас, улететь в него, осознать и понять его.⁹⁹ <...>

(Январь-февраль 2000)

* * *

[В тот же конверт была вложена новая подборка речений Марии Козинной. И тут же... материалы еще одного спонтанного «включенного наблюдения»: «Перлы, собранные, в том числе на островах учебного процесса Козинной О. А.». См. ниже. — А. А.]

⁹⁸ Ср. с размышлениями А. Н. Марасова о Душе и Духе в его книге «Арабески» (2001), представленными ниже, в конце настоящего раздела.

⁹⁹ Знакомая сегодня с этой моей выборкой из переписки 1999-2000 гг., О. К. заметила, что фрагмент о Боли и Звуке является «слишком личным», однако не возражала против его опубликования. Вообще, всякое не «открытое» письмо является собственностью адресата, но не автора; тем не менее, при обнаружении личной переписки адресату никогда не следует действовать вопреки воле автора.

Приложения к письму О. Козиной (февраль 2000)

(1)

Марьян говорит

...«Снежный потоп» // «Волшебствовать» // «Пока-нибудь» // «Мелкий алфавит» // «Заглотила» // «Соскользнула» // «Наснежение» // «Домоучительница» // «Косматая рука ветра» // «Шершавый сок» // «Ерзнула» // «Пухлые глаза» // «Растрепанный воробей» // «Тапчушки» (маленькие тапочки) // «Гармонический писатель» // «Кокетница» // «Косметюрная работа».

...— Мама, а можно я мультяк посмотрю? — Какой? — Спасибо! //

Биологический юмор: Сотрудничество между царствами. // Серые бурые водоросли. // Аллигаторы помогают растениям от засухи // Разорвание барабанных перепонок уха. // Бобр — самый крупный в России грызун в мире. // А почему наши рыбки икринки не высидивают? // А рыбки уже оплодотворились? // Мама, а ты хочешь, чтобы в нашем болоте в Ундорах было сухо, чисто, много рыбы и бобры? // Деревья покрываются почками. // Я видела в апреле, как светлячки из земли выковыриваются. Учюяли, что жарко. // Улитка уже детенышей отложила.

...— Я пытаюсь производить волшебство. // — Мама, у тебя очень большое чувство юмора // — Мамочка, я не хочу тебе мешать. Я хочу, чтобы ты осталась в покое. // — Я хочу есть сильную пищу. // — Маша, ты знаешь, о чем твоя мама написала диссертацию? — Нет. Скажи — узнаю. // — Диссертация — это много (сто) листов, где собрано всякое: о науке, о культуре, о мифологии, о вдохновении, о божестве... // — Социология — это наука о жизни человека, о том, что стоит наша жизнь, как мы себя ведем, какое слово мы молвим в этой жизни... // — Варезки с промахами... // — И не спрашивай меня больше о своем вопросе. // — Это надо делать утром, а не впритык со школой. // — Я к физкультуре отношения не имею. // — Социология — это наука о сближении человек... // «Психолог» — от слова «психовать».

...Маме: — И не надо делать такое личико. — Какое ?? — Невинное. // Заходит к маме на кухню: — Да, хороший у тебя кабинет. //— Записывайте мои диалоги. // — Я не знаю — через какие слова ты запишешь это в свой компьютер. // — Ну почему я не могу видеть, что происходит на моей спине?

...— А ванная — это комната? — Комната. — Похожа на тупик! // — Мамочка, будь веселой. Веселье боль не замечает. // — Я хочу быть свободным человеком: умчаться в горизонт, когда мне захочется... // — А в энциклопедии по математике собраны все шпаргалки?.. Там все с объяснениями? // — А эта ночь со вчерашнего дня продолжается? // Ой, не так задала вопрос...

...Рисует маму: — Так, пол-тела нарисовала, мама, прими удовлетворенную позу! // — На природоведении мы узнаем, где лежит Ульяновск. // — Талант надо чувствовать... // — Талант так и тянет сочинить что-нибудь прекрасное... // — Я еще не обвееялась ото сна. // — Это мой отец, ой, мой папа.

(2)

Гуманитарный юмор (студенческое)

— Эти деньги я кровным умом заработала. // Наблюдирование. // Время — понятие чисто временное. // В качестве на недостатки я могу ответить тем. ... // Я как бы пытаюсь дать возможный выход на практику. // В принципе, и

все. // Можно сделать выводы-выводы. // На социолога вешают всех собак // Уровень внедренности. // Выводы размещены. // Гипотеза отклонилась. // Авторы дают рекомендации, которых следует избегать. // На семинаре: — У вас все? — А что, вам мало? // — А вы сильно будете спрашивать?? // Я вот думаю сейчас: Библию читать не обязательно, можно почитать критику на Библию. // Вокальные нормы (вместо локальных). // Свежие мозги // Мышление как основа эволюции всего. // В конечной форме это должно быть оформлено. // Понятия оперируются. // Видите, вы так объясняете, что человек вас не понимает. // Вопрос: толерантны ли вы к другим национальностям? Ответ: вполне, но не ко всем. // Например, он приводит пример. // Сорокин последовательно развивал свою теорию, он умел связывать свои предыдущие понятия с последующими. // На гос. экзамене: — Ну, вы-то меня поняли.¹⁰⁰

* * *

А. Алексеев — О. Козиной (февраль 2000)

<...> Только что написав 15 тезисов про «дневник, письмо и статью», не могу сразу перестроиться, и пишу это письмо «тезисно» (хоть способ организации тезисов здесь и совсем иной, чем в «статье»¹⁰¹).

1. Я обычно не придаю значения, называют ли меня «глубокоуважаемым», просто «уважаемым» или «дорогим» (по английски, между прочим, одинаково: Dear). Смысл обращения задается контекстом (в частности, контекстом взаимоотношений корреспондентов). Так что — избыточны тут оговорки, опасения ложного толкования и т. п.

<...> 3. Этот Новый год и впрямь был чудесен и памятен — как «актерским» составом, так и сценой (ледовым интерьером) нашего импровизационного театра. И ведь без режиссера!

4. Ваша Маша великолепна. Но присланный, наряду с ее «говорком», «гуманитарный юмор (студенческое)», их сопоставление — наводит вот на какое размышление.

Попробуйте вставить кое-что из последнего — в первый. И Вы заметите, что вставка окажется достаточно органичной. И вот: то, что умиляет, и даже поражает в Машинном «говорке», то удручает в речениях Ваших институтских «питомцев». То, что у Маши — свежесть первооткрытия (или сотворения «жизненного мира»), то у них становится штампом и даже «речевой убогостью».

Вот видите, как важны не слова, а — **кто** говорит! И хочется уберечь Марию: а) от перспективы превращения «изюминок» в штампы, которая (перспектива) реальна, если она, Мария, не станет, с Вашей помощью, эволюционировать, так, чтобы сохранить свою самобытность, од-

¹⁰⁰ Может показаться поразительным, что эти «речевые перлы» и приводившиеся выше «сказки из 13 слов» (пусть даже отчасти отредактированные О. К.) являются все же порождением одной и той же студенческой среды определенного вуза, и, вполне вероятно, даже одних и тех же лиц! От попытки объяснить этот факт здесь воздержусь.

¹⁰¹ Речь идет о тезисах доклада к очередным Любимцевским чтениям (2000) — «Дневник, письмо и статья как соотносительные формы коммуникации». См. этот текст в томе 1 настоящей книги: раздел 4.5.

нако на новом уровне; б) от опасности раннего осознания ею своей «исключительности», чему, боюсь, могут способствовать Ваши записи в компьютере у нее на глазах. («Записывайте мои диалоги!..»).

Мне кажется, пора Маше начинать самой записывать — то, что она сочтет нужным (и не обязательно — «свои диалоги»...). Например, побудите ее «писать письма» и «вести дневник». Причем, без всякой цензуры. Можно даже и на компьютере, только в своей, отдельной директории, «под честное Мамино слово», что та эту директорию *[панку]*. — А. А.] сама не откроет.

Я бы даже уклонился от Машиного приглашения Маме этот «дневник» почитать, разве что это будет специально «для Мамы» или «для других» записанное *[то есть не дневник, а скорее — письмо]*. — А. А.]. Я бы сказал Марии: «Ты пиши, а через 10 лет мы вместе почитаем, если ты сама захочешь». Как бы игра в «тайну личной жизни».

(Может, я не прав в этом совете, но не обязательно его и принимать).

5. Жизнь, имеющая смысл «только для себя», наверное, вообще не имеет смысла. Интересно, что это не противоречит утверждению: «Ты сам свой высший суд!». (Вспомним хоть Пушкина, хоть Любичева).

Над Вашим рассуждением о Смысле, об Откровении (почему восприятие первого в качестве второго означает его, смысла, «замкнутость», я так и не понял; вообще, Вы иногда «категорически не принимаете» те утверждения, в которых слова употребляются собеседником в ином смысле, чем тот, который Вы им придаете, т. е. спорить, собственно, не о чем), далее — над Вашим сравнением Смысла со Светом, стоит еще подумать. Оно (это размышление) мне кажется скорее поэтическим, чем философическим; а можно ли комментировать стихи?

6. То же скажу и про Ваше рассуждение о Боли и Звуче.

...Пытался ли я анализировать Боль — **во время** ее пребывания в себе? Нет. Да и после — не особенно пытался. Боль (хоть физическую, хоть душевную) лучше, мне кажется, заглушать или компенсировать любым «отвлечением» от нее (иной деятельностью, хоть умственной, хоть бытовой, хоть просмотрением телевизора). А прошлую боль тоже лучше не анализировать, а строить жизнь или поведение так, чтобы боль не повторялась.

В общем, если «нога болит» — лучше на нее не «наступать». Я, конечно, рассуждаю на этот счет по-простецки, без метафор, в отличие от Вас. <...>

Ремарка: «И звук, и свет»... (А. Марасов).

Наделение звука и света смыслом «вселенских» метафор и человеческих «первоисточков» характерно для философской прозы А. Н. Марасова (отца Олеси).¹⁰² См. особенно его: «И звук, и свет» (1997). Процитирую из этой книги:

«...Начало нам — свет, задержанный здесь на Земле, свет неба — свет Солнца и звезд, свет луны. Начало нам — шум и звуки пространства воз-

¹⁰² Об Анатолии Николаевиче Марасове и некоторые его тексты см. ранее, в томе 3 настоящей книги: раздел 0.9.

душиного: чувство пространства, все вера, все доказательство, ибо звук сопровождает свет, и достаточно нам иногда звуков.

Начало нам — отличие! смена! Смена освещения: играет пространство, становясь “больше” или “меньше”; начало нам — звуковые ряды местности, уже давно прямо не связанные со светом: какие прекрасные тайны с нами всегда!

Начало нам — сюжет, время, в течение которого смена света и звука осознается нами...

Начало нам — вера в собственную жизнь, вера в свет и цвет огромных событий, вера в связь света и звука, света и шума.

И свет, и звук! А все — потом, все рождается от этой двоицы: способность наша видеть и слышать — основа нашей ориентации, основа нашего поведения... Но и основа нашего ума! Ибо всюду ум, где возникает отличие (различие), где возникают пути разные к достижению чего-либо. Ум — связь, но все ли связи умеем просчитывать, все ли связи осознаем мы?

Свет и звук — основа и мира внутреннего, где те же звуки и тот же свет (в той же?) прекрасной и единственной связи... И мир внешний читаем потому, что мир наш внутренний записан теми же знаками, и мир внешний читаем потому, что текст его скрывает смысл нашего рождения: то текст узнавания!...»¹⁰³

Что касается трактовок света и звука у О. Козиной, то они здесь несколько иные и, по крайней мере для меня, не вполне прозрачны. (Апрель 2005).

...(Вы, наверное, уже заметили, что я откликаюсь на Ваше письмо, примерно в последовательности перечитывания его). <...>

<...> 9. Я уже просил (в телефонном разговоре) передать мой привет Анатолию Николаевичу и Лидии Ивановне [Марасовым. — А. А.] и благодарность за приглашение. Их дом — удивительно теплый и светлый! Ради одного этого уже хочется приехать. <...>

<...> 10. Ваше «признание в любви» (метафизическое: «примат Духа» в Вашей концепции Любви, которую я, кажется, опровергал, еще до знакомства с Вами, только прочитав Ваше эссе на эту тему) с благодарностью принимается автором «Писем Любимым женщинам», который суеверно не употребляет больше таких слов (хотя бы для того, чтобы «не повторяться»).

11. Текст о «региональной социологии религии» мне, как и Рэму (не знаю, что именно он Вам об этом конкретно написал), не понравился. Боюсь, что мысль здесь «заглушается» словами. Смысл ускользает за словесной вязью. Я вообще очень сомневаюсь, что можно говорить о «региональных» социологиях. <...> Большая часть рассуждений, может быть, и справедлива, но они не кажутся мне **необходимыми** в данном тек-

¹⁰³ Марасов А. Н. И звук, и свет. Ульяновск: Издательство УГПУ, 1997, с. 138. Ср. с натурфилософскими размышлениями Г. Гачева о Звук, Свете, Духе (дыхании) в «Семейной комедии», приводившимися ранее: приложение 11 к главе 23.

сте. Я бы сказал, что в нем не хватает «дисциплины мысли», а «прорывы в неизведанное», если и есть, то остались мною (может быть, в силу перво-го обстоятельства) не замеченными. <...>

12. «Я никак себя не узнаю...». Да живите Вы себе, как живется! Не превращайте самопознание в мучение. Потом — «само поймется», безболезненно. Или близкие помогут. Если «боль» — плата за стихи, то можно и здесь «притормозить».

Вообще, приоритет моделирования или делания (себя ли, мира ли...) перед естественным отражением и органичным развитием — более чем сомнителен. Природа мудра, а мы ее иногда насилуем... Ладно бы еще — для познания, а то ведь и для других целей, бывает. (Это говорю Вам я, «социолог-наладчик»!).

Насчет «эгоцентризма», или доминанты на себя. Бояться этого, пожалуй, стйит. Всем!.. Не только Вам. Хорошо объяснил Ухтомский.

13. Ну, подходящий для этого пункта номер — 13. «Про наши дела»... Тут слишком долго пришлось бы рассказывать. Уже в компьютере — черновой вариант «Драматической социологии — 2». Время другое (наши дни) и «полигон» другой (наш институт). Вкладываю в этот конверт оглавление и один из фрагментов (аналитическая записка «О создании Социологического института РАН на базе Санкт-Петербургского филиала Института социологии РАН», только что опубликованная в журнале «Телескоп»). Пока не комментирую. «Продолжение следует»...¹⁰⁴

14. 17 февраля состоялся мой доклад на тему «Драматическая социология и социология жизни» — на теоретическом семинаре Санкт-Петербургской ассоциации социологов. Субъективно я этим докладом недоволен. Но публика (ее наплыв был чрезвычайным) вроде довольна... Один из выступавших даже вспомнил «улыбку Джоконды»...

<...> 18. **Будьте счастливы именно сегодня!** (автоцитата; см. «Способ быть счастливым», в «Драматической социологии», кн. 1, М., 1997).¹⁰⁵

Андр. Алексеев, 21.02.2000

* * *

А. Алексеев — О. Козиной (май-июнь 2000)

Олеся!

На сей раз **Вы умолкли**. Может быть, я Вас слишком «отругал»? Или задал слишком много трудных вопросов — в порядке диалога?

Считайте — майским — приложением к моему февральскому письму — вот этот текст из петербургского журнала «Автобус».

Это — детский журнал. Номер — тематический. Он посвящен Русскому музею (который в Санкт-Петербурге), а также — его Центру му-

¹⁰⁴ См. Телескоп: наблюдения за повседневной жизнью петербуржцев, 2000, № 1. О драматических обстоятельствах возникновения Социологического института РАН и последующих событиях его жизни (2000–2003) см. ранее, в томе 3 настоящей книги: приложение 1 к главе 13.

¹⁰⁵ См. также в томе 1 настоящей книги: раздел 6.4.

зейной педагогики, которому, оказывается, исполнилось 10 лет. (Как же много такого, что мы узнаем — с опозданием на 10, а то и на 20 лет!).

Номер, чтоб Вы знали, — уже 10-й от начала жизни журнала. И тираж не маленький — 5 тыс. экз.

Так вот: не только адресаты, но и авторы этого журнала — зачастую — школьники (ну, старшекласники). И вот Вам — «рецензия» Вашей «младшей сестры» (или «старшей сестры» Вашей дочери Марии?) — не знакомой мне Ксении Калашниковой <...>. Рецензии — на что? На картину Н. Рериха «Тени» (что выставлена в зале Рериха Русского музея; а я-то и не знал!)

И я — дарю Вам это ее сочинение, опубликованное в вышеупомянутом журнале, который мне чем-то напомнил ульяновский «Мономах»:

Николай Рерих. «Тени»

Вот она — небольшая картина в дальнем углу зала Рериха «Тени».

Она невольно притягивает взгляды, заставляет остановиться, вглядеться. Ее магнетизм в цвете, в волшебной игре красок, в их коварных сочетаниях. Цвет и свет входят в сознание, заставляя воображение рисовать немыслимые картинки...

Красный цвет заполняет все пространство картины, искажая привычные предметы, придавая им новый необычный смысл... Что это — свет от костра, закат солнца или, быть может, адово свечение? Но ведь свет — он от зрителя, от нас, мы вроде бы находимся на месте его истока, все становится еще более непонятным, загадочным и странным... Красный, он вселяет страх, напоминает об опасности, о крови, о боли, о страданиях, и в то же время он воодушевляет, говоря о страсти, героизмах, о спасении и очищении. Все же в нем преобладает нечто пугающее, нечистое, темное. Ощущение усиливается добавлением в общий фон фиолетовых пятен и отблесков.

Все вроде бы просто, пейзаж незамысловат: средневековый замок, на переднем плане большая башня, рядом с ней лестница, ведущая куда-то. Но слишком безлюдно, пустынно...

Хотя движение присутствует, оно внизу, у стены, его создают тени, главные персонажи картины. Возможно, это всего лишь тени людей, которых мы не видим. А может быть... Страшно подумать, но, может быть, это то, что осталось от человека, то ли душа, то ли некое состояние его после смерти. Какие они странные и разные. Их всего шесть, нет четыре, и четыре фигуры: победитель и поверженный, и двое, сливающихся в одно целое. Но почему же кажется сначала, что их шесть? С двух сторон есть еще две тени, имеющие вид лап, они обхватывают этих четырех и тянут к себе, вниз, туда, откуда свет, к своему костру, к своему аду.

А на стене в нише сидит некое чудище: голова птичья, передние лапы то ли льва, то ли пантеры, задние напоминают ноги лошади. Кто он? Страж, охраняющий вход в этот ад, его символ, или сторонний наблюдатель?

А тени, тени различны, как и люди: они тянут вниз, в неизвестность, и кто-то радуется, торжествует, поднимая в воодушевлении руки, кто-то повержен, раздавлен и жмется к земле, кто-то слишком слаб, чтобы справиться самому, и ищет сильного, который сражается с этими лапами. Но никто уже не может бежать оттуда, хотя путь открыт — лестница еще есть, по ней можно подняться, туда, наверх, к спасению, подальше от зловещего красного сияния. А может, уже и нет этого выхода, может, уже поздно подниматься, может, шанс уже упущен? Есть еще безумная мысль — может, там, наверху, не лучше? Что же тогда?

Страшно. Что дальше? Эти лапы могут затянуть в трясины, но тени могут убежать, подниматься наверх, а могут остаться навеки между мирами. Кто знает? — Он (если Он, конечно, существует).

А можно представить, что это просто люди развели костер и танцуют вокруг него, а кто-то присел отдохнуть, их мы не видим, видны только их тени, но эти люди есть, живые люди.

Но может, это не успокоившиеся души, как душа отца Гамлета, выходят на прогулки вокруг замка и молят о мести.

Каждый позволяет своему воображению нарисовать свою картину.

Поэтому важно, что видишь ты, что рисует твое воображение. Не нужно быть большим знатоком его [Н. К. Рериха. — А. А.] искусства, чтобы просто почувствовать, услышать голос своей души, стук своего сердца и понять картину по-своему, для себя осознать ее смысл.

Ксения Калашникова, 11 класс («Автобус, 2000, № 2/10»)

Мораль «сей басни»: то, что открывается мне (поздно) и Вам (рано), вот — раньше (чем мне или Вам) — становится естественным «жизнепроявлением» человека. Например: видением творчества Н. Рериха (разумеется, иного, чем Ваше и чем мое!), — у девочки, которая уже (или еще...) учится в 11-м классе.

Бог вещь, кому у кого учиться: Вам ли — у меня, мне ли — у Вас, или — нам обоим у этой девочки...

Кажется, уже писал Вам: «Дети старше нас, потому что они младше нас» (это — замечание Зинаиды Вахарловской). <...>

Андр. Алексеев, 18.05-20.06.2000

* * *

Заметки об общении

...Если наш собеседник неповторим (а мы называем его — Ты), то какая-то тень уникальности не падает ли и на обстоятельства разговора? Комната, мгновение... но эти вещи не пишутся с большой буквы.

...Пытаясь представить феномен общения в его целостности, мы с особой остротой чувствуем ситуативность происходящего. Тут столько подразумеваемого и невысказанного. Тут нас окружают частности. Это не устранимо. Стоит прислушаться к самым непосредственным впечатлениям, равно как и к примерам из литературы. «Тотальная коммуникация» есть формула из того же ряда, что и «мир - театр». Проблема ситуации общения — это проблема предлагаемых обстоятельств. Имеются в виду сформулированные предпосылки театрального эскиза — что «дано» актеру в поставленной задаче. Та подоплека, которая предопределяет развитие событий. Но, — при всей отчетливости режиссерских экспликаций — обстановка, окружение остаются погруженными в полумрак. Стены, дверь (эти геометрические фигуры) обычно не осознаются как конституирующие контуры высказывания. Это фон. Чаще всего именно так и бывает: помещение каким-то образом оборудовано, и — ничего не поделаешь — этим-то и определяется происходящее. Елизавета Бам стоит за ненадежной перегородкой, снаружи стучат: немедленно откройте! (Даниил Хармс. «Елизавета Бам»). Или действие происходит в Странном Месте, в Лесу, на поляне. Можно аукаться, но лица и без того видны в отсветах пламени. Только реплики несколько невняты.

Чтобы задуматься об одиночестве, необязательно помещать людей в лес. Иногда и комната оказывается Станным местом.

...Бывают разные поводы для речи; вещи не из разряда новостей, такие, что их и сообщениями назвать не решаешься. О том, что человек обдумывал в редкие моменты душевной сосредоточенности, он не скажет в торжественной манере, рассчитав место и время. Слова вырвутся невзначай, ни к месту, как бы между прочим.

...Обстоятельство уточняет. Стремятся к полноте обустройства: не оставлять дыр, щелей. Но мелочей все равно не учесть. Неполнота данного или нехватка есть тоже вид ситуативности. Обстоятельство не исчерпывает, а лишь очерчивает положение дел, задают контуры. Как нам быть, если мы не хотим загромождать рассмотрение, — что следует обозначить как действительно насущное? Тут и в самом деле возникают затруднения.

Ситуативность есть конкретность...

*Б. Шифрин. О ситуационных аспектах коммуникации (Голоса во временных помещениях) / Проблемы общения в пространстве тотальной коммуникации. Международные чтения по теории, истории и философии культуры. Выпуск шестой. СПб.: 1998, с. 254-256*¹⁰⁶

...О человеке судят по поступкам. Ну да, но верно и обратное: о поступках надо судить по человеку. Как и о слове, им сказанном. Существуют ситуации, когда для того, чтобы понять, **что** за словом, нужно знать, **кто** за словом. В частности, если говорить о малостях, ситуации нестандартизованной речи, отклоняющейся, если позаимствовать термин из социологии поведения), особенно когда отклонение от речевого стандарта на грани отклонения от грамматической или стилистической нормы, а то и переходит эту грань. Не близкий может увидеть косноязычие там, где на самом деле слотоворчество в характерном для говорящего (пишущего) стиле...

*Анри Кетегат. О письме-воплощении, или «пересекающиеся круги» (Рукопись. 1984)*¹⁰⁷

...Об искусстве жизни.

5.07.69. Оно состоит в том, чтобы в общении слегка не доходить до пределов каждого человека...

И верно: есть в каждом несокрушимый склад и состав, который и есть «я». Человек меняется, многое в нем, но не кардинально. Ибо для произведения в нас кардинальной перемены и назначена смерть. Если ж при жизни захотеть разрушить и переменить структуру (а соблазн этот главный в каждом из нас по отношению к себе и к другому), это значит: хотеть при жизни осуществить смерть и новое рождение — страшно хочется этого, но не дано... Лишь материя и ткани переменны (как чрез пищу обновления). Но идея, форма, структура наши, значит, непреложны и непреступаемы.

Так вот: жить надо, зная, что есть в каждом эти пределы, и контакт вести на всех предварительных уровнях, не доходя до жестких

¹⁰⁶ Борис Фридманович Шифрин — петербургский культуролог и эссеист, по образованию математик. Канд. физ.-мат. наук, доцент СПб. гос. университета авиационного приборостроения. Еще одно извлечение из цитированной здесь работы см. ранее, в томе 1 настоящей книги: раздел 6.4

¹⁰⁷ Другое извлечение из указанной рукописи А. Кетегата 1984 г. см. ранее, в томе 1 настоящей книги: раздел 4.5.

граней, когда столкнемся и заскрежещем и порушим друг друга. И это есть тоже любовь, ибо основано на уважении к складу каждого, неповторимому и неподменимому, и чит его и... не трогает...

Г. Гачев. Семейная комедия. Лета в Щитово (исповести).
М.: Школа-Пресс, 1994, с. 61-62¹⁰⁸

* * *

А. Алексеев — О. Козиной (июль 2000)

<...> Я прочитал Ваши новые стихи. К сожалению, в большей их части они для меня оказываются все же «темными» (мало доступными). Что, вполне вероятно, скорее «моя проблема», чем Ваша...

Что это? Приоритет Духа над [перед... — А. А.] Душой? или Формы над Содержанием? или Света над Звуком?

Впрочем, оставайтесь «самой собой». Поэт пишет — «как слышит» и «как дышит»... Я Вас за эти новые стихи — «не ругаю» и «не хвалю» (Вы ведь — и того, и другого «не любите»?).

А. А. , 7.07.2000

* * *

[Ниже — текст А. Н. Марасова «О духовном (материал к публичному выступлению 21.12.2000)», включенный в его книгу «Арабески» (2001). — А. А.]

<...> Сфера духовного — парадоксальная сфера, т. е. дух, незримый и незлышимый, всегда появляется словно ниоткуда. И получается иногда так, что всего лишь одна мысль несогласия — уравновешивает весь остальной мир.

В русском языке есть пословица: Одно слово правды весь мир перетянет.

Вопросы духовности потому не решаются большинством голосов, в вопросах духа бессмысленны формулы примата коллектива над личностью или примата личности над коллективом.

Правда, и сам дух, «освобожденный» от всех пут — неуправляемая, слепая сила. Я напомним, что человека создает только диалог, только — ответ: игра в одни ворота, игра только на исполнение разрывает ситуацию... (как происходит с нашим отечеством).

А «сам» дух — в «диалоге» с душой ни дух, ни душа по отдельности не могут существовать, по отдельности они «губят» человека.

Дух прежде всего источник силы в человеке. Во всех жизненных ситуациях человек черпает силы только в духе. Энциклопедист А. А. Любищев любил приводить старую немецкую. пословицу: деньги потеряешь — ничего не потеряешь, друга потеряешь — многое потеряешь, дух потеряешь — все потеряешь.

Источник силы — дух.

Дух — многообразен: добрый дух и злой дух, дух мира и дух вражды, дух любви и согласия и дух протеста... Дух свободолюбия, свободомыслия, дух нетерпимости... Национальный дух, религиозный дух.

Совершенно особый дух — дух догматизма, согласно которому, например, наука и религия — враги смертельные. Между тем, суевериями пере-

¹⁰⁸ См. также ранее — композицию извлечений из книги Г. Гачева «Семейная комедия...» (приложение 11 к главе 23).

полнена не столько религия, сколько наука, и противоречия между умными учеными и умными верующими нет...

Но как бы мы ни рассматривали дух, а точнее, не осматривали проявления духа, дух — прежде всего — выражение собственной непохожести, т. е. в конечном счете — человеческого «Я».

И если в государстве (обществе) считаются с феноменом человеческого «Я», с феноменом человеческого духа — беды ждать не приходится.

Может быть, в этом самая главная беда нашего отечества, не считаться с отдельной человеческой личностью.

Не об этом ли предупреждал Пушкин: Никому отчета не давать, Себе лишь самому служить и угождать, Для власти, для ливреи Не гнуть ни совести, ни помыслов, ни шеи. <...>

(А. Марасов. Арабески. Ульяновск: Изд-во УГПУ, 2001, с. 156-157)¹⁰⁹

...Как назвать высокое начало, заложенное в человеке и открывающееся только тогда, когда он достигает человеческой зре-

¹⁰⁹ Это — тезисы доклада, предназначенного для профессиональной (философской) аудитории. А вот — «о том же», но в органичном для А. М. жанре «философической прозы». Из тех же «Арабесок»:

«...Дух.

О духовном говорят чаще всего применительно к какой-то религии: обедняют дух! Даже грандиозные по масштабам религиозные построения дух не исчерпывают, ибо дух — приоткрывает вечность, только дух связывает нас с нею, только дух питает нас.

...Но душа соткрыта, и она всегда ждет, а дух, даже если и слаб — открыт, и он ждать не может... Душа терпелива, а дух... когда он пробуждается?

Душа — от всех, ко всем, к тебе, дух — от тебя...

Дух ведет нас и более — никто.

Как в физике или химии атомные связи, дух может разорвать или удержать гигантские тяжести, т. е. духовные связи — самые сильные: они даже переиначивают естественные — «душевные», которые сами по себе недостаточны, и даже язык общения указывает на это: душа «оставленная» духом — больна, и душа не может быть без духа, она страдает и — погибает без него...

Душе дух необходим.

...Но и дух один — как Врубелевский или Лермонтовский демон также в итоге должен возвратиться к людям, один дух для человека — тяжесть непосильная...

Слеп один дух, ничто или никто не подскажет ему куда приложить силы... и поэтому — надо воспитывать дух?.. закалять его?

Чего не скажешь о душе: ведь она уже есть или ее нет...

А многообразен дух — добрый и злой, печальный и мрачный, дух нетерпимости, догматизма и дух доверия, свободомыслия... Есть патриотический дух, национальный, религиозный... Но всегда — это источник внутренней силы, силы изнутри.

Но в итоге дух всегда есть что-то беспокойное, даже тревожное, словно дух... постоянное движение... но от чего? к чему?

И в итоге именно дух — показатель творчества. Но и здесь какие-то формы, рамки просто необходимы; иначе дух натворит в лучшем случае несусветное.

...Может быть, душа — отражение уже данных причинно-следственных связей? А дух, разрывая их, устанавливает «собственный» порядок, и тогда самое главное отличие духа в том, что он (Он?) вопреки прошлому (в буквальном смысле), он и есть единственный «кто» противостоят распаду.

...Так какие же мысли — «дух» и осознаваемы ли они... так... почти касающиеся чего-то... огненного? огненной пустоты... где времена — все, события — все...

Душа — связь с Миром, в котором живем мы, дух — связь с Миром, который... недоступен нам» (Марасов А. Указ. соч., с.151-153; при цитировании не отражены некоторые особенности авторского синтаксиса. — А. А.).

лости? Как назвать человеческую полноценность, полноту, по законам которой неизбежно будут жить люди? Я бы назвал то, что живет в книгах Экзюпери, старинным выражением: присутствие духа...

Рид Грачев. Присутствие духа (1964). (Цит. по: Р. Грачев. Ничей брат. Рассказы и эссе. М.: Слово, 1994.)

24.3. Постижение есть осиле

[Ниже — тезисы доклада докт. физ.-мат. наук, профессора Санкт-Петербургского университета Р. Г. Баранцева, подготовленные к семинару «Образование и насилие» (СПбГУ, кафедра социальной философии, декабрь 2003). — А. А.]

Проблемы образования и насилия достаточно содержательны и сами по себе, в отдельности. А соединение, столкновение их порождает такой спектр ассоциаций, что впору растеряться от нахлынувших сообщений. Открываются пути для самых разных фокусировок в зависимости от склонностей автора.

Первой напрашивается мысль о банальном насилии над учеником в процессе «обалдевания» знаниями. Но достается и учителю, как от строптивого ученика, так и от тесных рамок заданной программы. В суе личных и правовых отношений жертвой насилия становится главный продукт образования — внутренний образ мира.

Тема борьбы, вражды, агрессии внедряется в картину мира, где насилие объявляется «повивальной бабкой истории». Соблазн силы оказался не менее опасным, чем прелесть свободы.

В научной парадигме Нового времени тему насилия задал прародитель журнала «Знание-сила» Френсис Бэкон, провозгласивший лозунг покорения природы. Насилие над окружающей средой преобразало и природу самого человека, привыкающего к праву сильного. Кольцо власти перерождало Человека в Агрессора.

Однако перед угрозой небытия Бытие спохватывается в поисках коридора дальнейшего существования. Отношение к природе меняется от властного на покровительственное по пути к уважительному. В социуме антагонизм сил уступает место сотрудничеству идей.

Но в обществе, устремленном к ноосфере, противоречий не меньше, чем в косной Вселенной на ранних стадиях эволюции. И мирное разрешение этих противоречий — не менее сложная задача, чем тонкое согласование фундаментальных физических констант.

Современный глобальный кризис охватывает все страны и все сферы жизни: экономическую, социальную, духовную. И наука, включая философию, несет немалую долю ответственности за остроту переживаемого кризиса, оказавшись не в состоянии ни предсказать, ни разрешить назревшие проблемы. Претендуя на однозначную определенность,

безусловную объективность, предельную полноту описания, традиционная наука отрывалась от жизни с ее гибкостью, открытостью, свободой воли. В своем стремлении к идеалу полноты и точности естественные науки создавали мощный аппарат моделирования завершенных теорий, а гуманитарные науки, следуя за ними, строили искусственные классификации, искусственные языки, искусственные интеллекты и прочие безжизненные конструкции. Лишь по мере разочарований стало приходить понимание, что для изучения жизнеспособных, органических, развивающихся объектов нужна иная методология, новая парадигма.

В поисках решения напрягается и система обучения. Следуя переменам, происходящим в обществе, формируется новая образовательная парадигма, берущая за основу принципы фундаментальности, человечности, целостности. В Государственном образовательном стандарте для гуманитарных специальностей вузов появился базовый курс «Концепции современного естествознания», задача которого — дать целостное представление о мире, о законах развития, являющихся общими для природы, человека и общества. Но в большинстве быстро появившихся учебных пособий по новому предмету старый способ собирания частей не привел к целостному миропониманию. Даже учет взаимодействия между частями не спасал от утраты целостности, поскольку не охватывалось взаимодействие рассматриваемого целого с окружающим миром.

Потребовалась новая методология, свободная от разделяющего бинаризма, открытая для изучения процессов саморазвития, способная к объяснению структур синтеза. Не отстающая, как прежде, от жизни, а опережающая кризисные события. Нужен был метод познания целостных объектов, который должен был воспроизводить главные, определяющие свойства целостности, каким бы ни было ее воплощение: молекулой, человеком, Вселенной. Столь трудная задача вряд ли была бы посильной, если бы не возможность ограничиться структурными закономерностями, абстрагируясь от предметного содержания. Этот путь подсказывала семиотика, изучающая знаковые системы отвлеченно от конкретного содержания, так же как математика, имеющая дело с абстрактными числами и фигурами.

В математике, как известно, переход от постоянных величин к переменным произвел настоящую революцию и открыл невиданные ранее горизонты. В семиотике такой переход происходит позднее, потому что мир знаков сложнее мира чисел. Приближение к жизни вносит возрастающие трудности.

Однако семиодинамика, рожденная в СПбГУ четверть века назад, сумела, несмотря на сопротивление идеологических властей, выработать основные методологические принципы, востребованные в синергетике, формирующей новую парадигму. Это, во-первых, необходимость преодоления бинаризма, во-вторых, принцип неопределенности-дополнительности-совместности, и в-третьих, освоение фундаментального по-

нения целостности. Общность новой методологии проявляется в структурных закономерностях, которые изучаются отвлеченно от предметного содержания и рассматриваются в динамике, в движении, в качественных превращениях.

Элементарная структура анализа, диада, позволяет осуществлять операцию дихотомии, т. е. расщеплять объект на две части. Но бинарными актами невозможно описать коллективные взаимодействия и объяснить механизм синтеза. Для этого нужна по меньшей мере тройная связка, триада, причем не одномерная, которая структурно не богаче диады, и не переходная, которая только заявляет о возможности синтеза, а системная, состоящая из трех равноправных элементов одного уровня общности. В ней каждый элемент может служить мерообразующим фактором при разрешении спора между двумя другими, опосредуя процесс формирования синтеза.

Смысловое различие компонент определяется универсальной семантической формулой **рацио-эмоцио-интуицио**, которая позволяет осознанно ориентироваться в смысловом пространстве, достраивая монады и диады до целостных тройных комплексов. Так, диада «материя-идея» разрешается в области эмоцио через человека, а оппозиция «порядок-хаос» — в области интуицио через творчество. Трехотомия понятий путем различения указанных аспектов ведет к их тернарной дефиниции. Например, система — это элементность-связанность-целостность, асимптотическая математика — это точность-локальность-простота, синергетика — это нелинейность-когерентность-открытость.

Различая три компоненты образовательного пространства: информационное, воспитательное и развивающее, — можно утверждать, что системная триада образования, выполняя синтезирующую роль, должна включать в себя и передачу знаний (рацио), и воспитание стиля (эмоцио), и развитие умения (интуицио). Целостно образованный человек ощущает себя понимающим («счастье — это когда тебя понимают»), участвующим («без меня народ не полон»), творящим (синергия — соратничество человека с Богом).

Потенциальное равноправие сторон системной триады не мешает доминированию отдельных компонент при актуализации. Как в Святой Троице, любая ипостась может быть полномочным представителем целого. Так, принцип сочувствия, провозглашенный С. В. Мейеном, несет всю триаду «признание-сочувствие-доверие». Эмоциональная судьба России определяет соответствующую доминанту и в системе образования. В русской тройке коренная лошадка — эмоцио.

Главное достоинство российской школы — человеческий талант учителей. Организуя систему образования по западному образцу, не следует переходить рубеж Планка, если не хотим уйти от целостности жизни к полноте модели. Живой организм выдерживает насилие властей лишь

до некоторого предела. Для народного образования жизненно важно сохранять приоритет гуманитарных ценностей.

Три компоненты культуры — наука, искусство, религия — порождены, надо полагать, способностью человека мыслить одновременно и понятиями, и образами, и символами. Целостность материи порождает триаду вещество-сила-поле, которая обеспечивает предметность понятия, силу образа, поле символа. Оглядываясь на семантическую формулу системной триады, можно видеть, что и образ, и сила находятся в сфере эмоции. Поэтому образование должно вести к освоению, овладению силовой компонентой мира, исключаящему насилие как злоупотребление ею. Образование — это осилить.

Р. Баранцев, 24.11.2003¹¹⁰

Ремарка: постижение есть «о-силе».

Постигание, включающее в себя как образование (обучение), так и собственно исследование, так и действие (практику), с одной стороны, и сознание, со-беседование (диалог) и со-участие, с другой, тоже есть о-силе, — сказал бы я, воспользовавшись неологизмом и продолжая цепь ассоциаций¹¹¹ моего многолетнего друга, заслуженного (мною!) собеседника и соавтора. (Июнь 2005).

24.4. «Пусть каждый будет сам себе методолог и сам себе теоретик...» (заветы Ч. Р. Миллса)

Из работы «Социологическое воображение, драматическая социология и социология жизни» (2000)

<...> Недавно вышла в русском переводе книга Чарльза Райта Миллса <...> «Социологическое воображение», впервые увидевшая свет в США в 1959 г. Будучи одним из ярчайших представителей и, вместе с тем, enfant terrible американской социологии середины века (в силу своего «радикализма», как гражданского, так и научного), Миллс во многом предвосхитил последующее движение социологической мысли к преодолению сложившихся академических канонов и к интеграции знаний о человеке и обществе.

Выдвинутое им понятие **социологическое воображение**, вообще говоря, до сих пор не вошло в научный обиход. Между тем, как справедливо замечал Миллс, действительные достижения и прорывы в социальном познании суть естественные плоды именно этой исследовательской способности. Социологическое воображение, разумеется, не исключает ни кропотливого сбора единичных и массовых фактов, ни «рутинных» приемов их обработки, однако оно должно пронизывать всю ткань социального изыскания. В серийном

¹¹⁰ Цит. по рукописи, с согласия автора. (Р. С. Пока издавалась эта книга, вышеприведенный текст оказался уже опубликован. См.: Баранцев Р. Г. Образование есть осилить // Труды профессорского клуба. Владивосток. Вып. 8-9, 2003-2004, с. 8-10. — А. А., апрель 2005).

¹¹¹ Ведь тема семинара, для которого был подготовлен вышеприведенный доклад, была совсем другая!

эмпирическом социологическом исследовании повышенная «концентрация» воображения необходима в начале и в конце — на этапах постановки задач и интерпретации результатов.

Понятие в воображении в науке близко к «предсказательной способности», «научной интуиции», «эвристике», однако не сводимо ни к одному из этих понятий. Что касается «социологического воображения» в смысле Миллса, то оно, пожалуй, претендует интегрировать аналитическую мысль, эмотивное начало и интуитивистскую способность исследователя. Т. е. его можно соотнести скорее с семантическим архетипом системной триады в целом, чем с каким-либо одним из ее элементов: рацио, эмоцио, интуицио.¹¹²

Близок к такой постановке вопроса (без этого термина!) был Питирим Сорокин <...> в своей интегралистской концепции социального познания, предполагающей согласованное использование рационального, сенсорного и сверхчувственно-сверхрационального каналов, как условие адекватного познания психосоциальной реальности. Наиболее отчетливо эта концепция сформулирована Сорокиным в книге «Причуды и слабости современной социологии и родственных наук», вышедшей в США в 1956 г.¹¹³

Наш личный опыт профессиональной работы в социологии имел в ряду своих результатов разработку некоторых исследовательских подходов и нестандартных методов, где социологическое воображение, как его понимал Миллс, является, по нашему мнению, не только желательным, но и насущно необходимым элементом, на всех этапах исследования. <...>

[Здесь опущено описание основных методологических принципов «драматической социологии» и «социологической аутореплексии». — А. А.]

А. Алексеев

(Цит. по: Социальное воображение. Материалы научной конференции 17 января 2000 года. СПб., 2000, с. 116-119)

* * *

Из «Большого толкового социологического словаря» Д. и Дж. Джери (1991; рус. пер. — 1999)

Миллс Ч. Райт (Mills C. Wright) (1916-1962) — американский социолог и видный критик обеих ортодоксальных доктрин американской социологии 1950-х гг.: функционализма Парсонса и социального обзорного исследования. Первую он бичевал как праздную «великую теорию», а вторую как «абстрактный эмпиризм». В представлении Миллса эти формы социологии перестали поднимать действительно важные вопросы об обществе. В собственных работах он стремился связать «частные беды» с «общественными проблемами, критикуя «интеллектуальное упущение» современной социологии, не желающей эффективно вмешиваться в историю.

¹¹² См. Баранцев Р. Г. Динамика как путь к синтезу / Семиодинамика. Труды семинара. СПб., 1994, и др. работы этого автора. (Р. С. Из последних — см.: Баранцев Р. Г. Синергетика в современном естествознании. М., УРСС, 2003. — А. А., март 2003).

¹¹³ Сорокин П. Интегральная теория познания социальной реальности (пер. Н. Серова) // Реальность и субъект, 1998, № 2/3, с. 122.

Будучи редактором и переводчиком (совместно с Гансом Гертом) избранных произведений Макса Вебера («Из Макса Вебера: социологические очерки», 1946), Миллс выступал за социологический метод, основанный на историческом понимании. Под влиянием символического интеракционизма в «Знаке и социальной структуре» (1953) он ратовал за социологию, которая будет увязывать «знаковую структуру» с «социальной». «Социологическое воображение» (1969) дает итоговое представление о подходе и позициях Миллса в целом. <...>

(Д. и Дж. Джери. Большой толковый социологический словарь. Collins. М.: Вече, АСТ, 1999, том 1, с. 423-424)

* * *

Из предисловия Г. Батыгина к русскому изданию книги Ч. Р. Миллса «Социологическое воображение» (1998)

<...> Книга «Социологическое воображение» многократно переиздавалась на английском языке и считается одной из классических работ по социологии. На русском языке книга издается впервые. Читая Миллса сегодня, в конце 1990-х годов, можно представить, будто он участник современных дискуссий. В книге есть удивительные прозрения. Например, он точно и ясно говорит о постмодерне, о котором ныне не пишет только ленивый. В то же время считать Миллса первым постмодернистом нет необходимости. Также нет нужды использовать идею «социологического воображения» для очередного опровержения эмпиризма. Миллс по преимуществу принадлежит американской социологии 1950-х годов. Вместе с тем, социальные структуры и человеческая деятельность, феноменологическое и реифицированное знание, социология и политика, призвание и судьба интеллектуалов — таковы «вечные темы» социологии, которые вряд ли могут компетентно обсуждаться без ссылок на работы Миллса. Поэтому «Социологическое воображение» лучше принимать *cum grano salis* и рассматривать как одну из книг, которые занимают достойное место в социологической библиотеке.

Г. Батыгин

(Цит. по: Ч. Р. Миллс. Социологическое воображение. М.: Издательский дом «Стратегия», 1998, с. 10)

* * *

Из книги Ч. Р. Миллса «Социологическое воображение» (1959, рус. пер. — 1998)

<...> Ни одно социальное исследование, если оно не обращается к проблемам человеческой жизни, истории и их взаимодействию в обществе, не может выполнить стоящие перед авторами задачи. Какие бы специальные вопросы ни затрагивали классики общественной мысли, сколь бы узкой или, напротив, широкой ни была картина изучаемой ими социальной реальности, всякий, кто ясно осознал перспективы своей работы, вновь и вновь ставит перед собой три группы вопросов.

1. Что представляет собой структура изучаемого общества в целом? Каковы ее основные элементы и взаимоотношения между ними? Чем структура изучаемого общества отличается от других типов социального порядка?

Какую роль играют те или иные особенности данной структуры в процессе ее воспроизводства и изменения?

2. Какое место занимает данное общество в человеческой истории? Каковы механизмы его изменения? Каковы его место и роль в развитии всего человечества? Какое влияние оказывает тот или иной элемент структуры изучаемого общества на соответствующую историческую эпоху и что в этом элементе, в свою очередь, обусловлено исторически? В чем заключается сущность конкретной исторической эпохи? В чем ее отличие от других эпох? Каковы характерные для нее способы «делания» истории?

3. Какие социальные типы преобладают в данном обществе и какие будут преобладать? Какой отбор они проходят и как формируются, как обретают свободу или подвергаются угнетению, становятся восприимчивыми или безразличными? Какие типы «человеческой натуры» раскрываются в социальном поведении и характере индивидов, живущих в определенном обществе в данную эпоху? И какое влияние оказывает на «человеческую натуру» каждая конкретная особенность исследуемого общества?

Именно такого рода вопросы ставили перед собой лучшие представители общественной мысли независимо от того, являлись ли объектом интереса великое государство или узкое литературное течение, семья, тюрьма или религиозное движение. Подобные вопросы составляют интеллектуальный каркас классических исследований о поведении человека в обществе, их неизбежно задает каждый, кто обладает социологическим воображением. Ибо такое воображение дает возможность социологам переходить от одной перспективы к другой, от политической к психологической, от рассмотрения отдельной семьи к сравнительному изучению государственных бюджетов разных стран, от воскресной школы к армейскому подразделению, от обследования отдельного предприятия к изучению современной поэзии. Социологическое воображение позволяет перейти от исследования независимых от воли отдельного индивида общих исторических изменений к самым сокровенным свойствам человеческой личности, а также видеть связь между ними. Использовать эту возможность нас побуждает постоянное стремление понять социально-историческое значение человека в таком конкретном обществе, которое обеспечивает ему проявление своих человеческих качеств и самое существование.

Короче говоря, **посредством социологического воображения человек сегодня надеется понять, что происходит в мире и что происходит с ним самим — в точке пересечения биографии и истории общества.** [Выделено мною. — А. А.]

* * *

<...> Пожалуй, можно подытожить то, что я пытался выразить, в форме рекомендаций и предостережений.

1) Будьте мастером своего дела. Избегайте установления жестких процедур. Прежде всего, старайтесь развивать и применять социологическое воображение. Избегайте фетишизации метода и методики. Способствуйте реабилитации непретенциозного интеллектуального мастерства и старайтесь сами стать таким мастером. Пусть каждый будет сам себе методолог и сам себе теоретик. Отстаивайте приоритет индивидуального исследователя, противодействуйте укреплению влияния исследовательских команд, состоящих из

технических исполнителей. Старайтесь со своей личной позиции рассматривать проблемы человека и общества.

2) Избегайте витиеватой игры с понятиями и манерности в изложении. Требуйте от себя и других простых и ясных определений. Вводите узкоспециальные термины только тогда, когда вы твердо убеждены в том, что они расширяют границы познания, точнее отражают предметную реальность и более адекватно передают ваши рассуждения. Не прибегайте к невразумительному изложению как к средству уклониться от определенности суждений об обществе и избежать оценки вашей работы читателями.

3) Применяйте в своей работе любые трансисторические конструкции, которые вы считаете необходимыми, но не пренебрегайте конкретно-историческими деталями. Стройте любые формальные теории и модели. Подробно изучайте не только статистические факты, но и уникальные исторические события. Избегайте догматизма и не отрывайтесь в своих исследованиях от исторической реальности. Не думайте, что кто-то другой сделает это за вас. Поставьте себе задачу: определить историческую реальность, соотнесите с ней проблемы своих исследований, попытайтесь прояснить эти проблемы и, тем самым, разрешить актуальные социальные противоречия и порождаемые ими личные трудности. И не пишите более трех страниц подряд, если не имеете четкого представления о том, что излагаете.

4) Не исследуйте отдельно различные формы повседневной жизнедеятельности, изучайте социальные структуры, выбирайте для детального анализа и конкретные виды деятельности, чтобы понять взаимовлияние структуры и повседневной жизни друг на друга. Охватите в исследовании всю историческую эпоху: не будьте лишь журналистом, пусть даже дотошным. Знайте, что журналистика в лучших своих образцах — высокое призвание, но ваше призвание еще выше! Поэтому не надо торопиться публиковать отчеты о моментальных срезах или об очень коротких промежутках времени. В качестве временных рамок выберите себе ход человеческой истории и разместите внутри него те недели, годы, эпохи, которые вы исследуете.

5) Помните, что ваша цель заключается в наиболее полном сравнительном изучении социальных структур как существовавших в мировой истории, так и имеющих место ныне. Помните, что для выполнения этой задачи нужно преодолеть любые междисциплинарные перегородки. Специализация должна осуществляться в зависимости от темы и, прежде всего, от значения поставленной проблемы. Формулируя и решая эти проблемы, старайтесь творчески использовать концепции и другие материалы, идеи и методы всякого исследования о человеке и обществе. Все ваши персональные исследования принадлежат вам. Они относятся к общественным наукам, представителем которых являетесь вы сами. Давайте отпор всякому, кто пытается подменить дело напыщенными фразами и претенциозностью всезнающего эксперта.

6) Всегда обращайтесь внимание на то, какой образ человека, какое понимание человеческой природы явно или неявно следует из вашей работы, а также на трактовку вами истории и на понимание того, как она делается. Одним словом нужно постоянно пересматривать свои взгляды на проблемы

истории, биографии и социальной структуры, в которой биографии и история взаимодействуют друг с другом.

Не упускайте из виду все многообразие людей и характерные для исторической эпохи механизмы ее изменения. Все, что вы видите и творчески осмысливаете, используйте в качестве ключа к изучению человеческого многообразия.

7) Помните, что вы являетесь наследниками классической традиции в социологии. Поэтому старайтесь понять человека не как изолированный фрагмент, не как отдельный объект или систему. Старайтесь понять мужчин и женщин в их социально-исторической конкретности, объяснить наличие определенных людских типов и механизмы их формирования в различных человеческих обществах.

Завершая какую-либо часть работы, оцените хотя бы приблизительно ее результаты с точки зрения основной своей задачи: понять структуру и ее изменения, формирование и смыслы современной вам эпохи, жуткий и волшебный мир человеческого общества второй половины двадцатого века.

8) Не принимайте официально сформулированные социально-политические проблемы и обывательские ощущения личностных трудностей в качестве проблематики ваших исследований. Прежде всего, не отказывайтесь от своей моральной и политической независимости и не перенимайте ни антилиберальную практику бюрократического этоса, ни либеральную практику моральной бесхребетности. Помните, что многие проблемы, с которыми сталкивается отдельный человек, нельзя решать в индивидуальном порядке; их надо рассматривать в социально-политическом контексте и с точки зрения исторического развития. Помните, что значение социальных проблем определяется только их соотношением с заботами конкретных людей в их частной жизни.

Адекватно сформулированные задачи общественных наук должны включать исследования общества, личности, биографий, исторического процесса и всевозможные взаимоотношения между ними. Внутри этих взаимоотношений оказываются индивид и общество. Именно социологическое воображение имеет шанс разобраться в качестве человеческой жизни, присутствующей в нашем времени. <...>

(Ч. Р. Миллс. Социологическое воображение. М.: Издательский дом «Стратегия», 1998, с. 14-16, 253-256)

* * *

Постскриптум к главе 24

*Особенностью этой главы является то, что в ней в качестве **акторов** (действующих лиц) и одновременно **авторов** (со-авторов настоящей книги) выступают представители широкого спектра **разных поколений**, с диапазоном возрастных характеристик: от 9-летнего ребенка (к настоящему моменту — уже тинэйджер...) до людей вполне преклонного возраста (70 и выше).*

*А тема обсуждения — пусть и широкая, но одна для всех: **природа социального; человек в обществе и — общество в человеке.** (Май 2005).*

Глава 25. Возвращаясь к началу (Ожидали ли перемен?)

25.1. Памяти Эльмара Соколова

[1 апреля 2003 г. скончался профессор Санкт-Петербургского университета культуры и искусства, заслуженный деятель науки Российской Федерации Эльмар Владимирович Соколов. — А. А.]

Свободный мыслитель

Не стало человека, который дорог и значим, наверное, для каждого, кто его знал, а значит любил; а я знал больше 30 лет.

Эльмар Соколов был свободным мыслителем, эталоном «неуправляемой науки», при всех режимах. Режимы менялись — он оставался внутренне тем же, только прирастал в продуцировании научных и общекультурных идей и в щедром, пожалуй, не осознаваемом раздаривании их. Эльмар был социальным философом милостью Божьей, а все ученые звания были для него делом третьестепенным. Еще, он был несравненным собеседником, будь то на кафедре, будь то в дружеском кругу, будь то «набегу» (обстановка для него не имела значения), с постоянной «доминантой на Лицо другого». При этом о высоких материях он рассуждал как о самом обыденном, а в обыденном постоянно находил мировоззренческую глубину. Его теоретические импровизации и размышления вслух на научных семинарах завораживали и коллег, и вольнослушателей. «Как же мало довелось его слушать!» — с горечью заметила моя жена.

Теперь остается только: помнить, хранить тепло встреч, иногда перечитывать, может быть, пытаться двигаться его путями и держать за недосягаемый образец его стиль жизни, общения и творчества.

Андрей Алексеев, 2.04.2003

(Цит. по: Телескоп: наблюдения за повседневной жизнью петербуржцев. 2003, № 2, с. 64)

* * *

[Эльмар Соколов был одним из тех, кто на рубеже 1970—1980-х гг. участвовал в андерграундном экспертном опросе «Ожидаете ли Вы перемен?».¹

¹ Об этом исследовательском «проекте» подробно рассказывалось в томе 1 настоящей книги: глава 1. Там же приведены тексты вопросника «Ожидаете ли Вы перемен?» и Методологического комментария к нему.

Напомню, что составителями методики были: историк Михаил Яковлевич **Гефтер** (ныне покойный), экономист Виктор Леонидович **Шейнис**, писатель Анатолий Семенович **Соснин** (ныне покойный), экономист Нина Яковлевна **Шустрова** и я, социолог (при участии историка Валентина Михайловича **Алексеева**, ныне покойного). Методика была разработана в 1978 г. Автор

Ниже — аутентичный текст Э. С., переданный им мне в марте 1980 г.: его ответы на вопросы этой анкеты. В собрании материалов опроса этот экспертный лист фигурирует под № 37.²

Для удобства читательского восприятия здесь соединены вопросы из сценария беседы и ответы Эльмара Соколова. — А. А.]

**«Можно ли ожидать перемен?»
(размышление Э. В. Соколова о состоянии общества
и перспективах его развития. 1980)³**

Ожидаете ли Вы перемен? (Приглашение к беседе и раздумью)

Уважаемый друг, товарищ, коллега!

Перед Вами план беседы с вопросами, которые нам хотелось, с Вашего разрешения, задать Вам и которые, возможно, Вы не раз задавали себе и сами. Мы постарались сформулировать их с той степенью определенности, которая оказалась нам доступна, однако хорошо понимаем, что эти вопросы способны скорее подтолкнуть к дальнейшему раздумью, чем вызвать законченные, готовые ответы. К такому раздумью вслух Вас и приглашаем.

Недостаток возможностей откровенного и делового, коллективного обсуждения этих (и иных, не поддающихся удовлетворительному формулированию) вопросов побуждает обратиться к, казалось бы, противоестественному приему заочной «мозговой атаки». Рассчитываем на понимание наших затруднений.

Рекомендуем Вам сначала внимательно ознакомиться с планом беседы, чтобы определить свое отношение к настоящей работе.

Если согласитесь, Ваши ответы — импровизированные или заранее обдуманные — будут записаны интервьюером. Можно изложить свои соображения и письменно (по возможности, придерживаясь логики, заданной планом беседы). В таком случае интервьюер перепишет Ваш текст, с тем чтобы оригинал остался у Вас.

Если захотите, мы тем же путем сообщим Вам о совокупных результатах этой «мозговой атаки». К сожалению, не сможем только назвать имен остальных ее участников, так же как и Ваше имя останется известным лишь интервьюеру.

этих строк был своего рода секретарем этого «незримого колледжа». Опрос проводился в 1979-1981 гг., при строгом соблюдении анонимности и «конспиративности». Было опрошено 45 чел.

Материалы указанного опроса стали предметом интенсивной розыскной деятельности органов госбезопасности в середине 1980-х гг. Однако розыск «крамольных» материалов оказался безуспешным (равно как и фискальные усилия выяснить имена участников исследования — авторов методики, интервьюеров и экспертов). Единственный не уничтоженный мною тогда комплект экспертных листов удалось сохранить, благодаря помощи Эльвиры Александровны **Межеруп** и Александра Николаевича **Ющенко**.

В 1991 г. рабочие документы и материалы опроса, извлеченные из «тайника», были впервые опубликованы в сборнике: Ожидали ли перемен? (Из материалов экспертного опроса рубежа 70—80-х годов) / Сост. — А. Н. Алексеев. Кн. 1-2. М.: Институт социологии АН СССР, Ленинградский филиал, 1991.

² Анонимно он был опубликован ранее в сборнике «Ожидали ли перемен?..» (1991), с. 177-199.

³ Посмертно этот текст был опубликован также, под таким названием, в «Журнале социологии и социальной антропологии» (2003, № 3).

Итак, объяснив мотивы, цели и процедуру, приглашаем Вас к беседе и раздумью над нижеследующими откровенными вопросами.

1. Общая тенденция развития и мера устойчивости

1. Исходя из Вашего опыта, с учетом Ваших жизненных наблюдений и размышлений, как бы Вы охарактеризовали общую тенденцию развития известного Вам общества за последние 10-15 лет:

— считаете ли Вы, что свойственные данному обществу (как и всякому другому) противоречия в конечном счете преодолеваются, встающие перед ним проблемы разрешаются или, напротив, происходит усугубление противоречий, накопление нерешенных проблем?

<...> Общая тенденция развития данного общества состоит в том, что противоречия, возникшие в результате «волевой перекройки» социума 60-40 лет назад, постепенно преодолеваются. Общество в целом приближается к тому образцу, который был замыслен его устроителями, хотя все еще очень далеко от него. Но кроме того, и это самое важное, достижение большего «гомеостаза» данного общества отнюдь не означает достижения гомеостаза в общесоциальном смысле, а тем более — приближения к оптимуму в смысле социально-экономического устройства, культуры и внешней политики. Дело в том, что сам образец, на который ориентировались и который пытались искусственным образом внедрить, был во многом утопичен, внутренне противоречив и плохо осознан.

2. Пожалуйста, поделитесь своими наблюдениями, позволяющими Вам сделать соответствующий вывод.

Чем можно подтвердить мысль об относительной реализации образа и разрешении противоречий?

— Общий рост социально-экономического потенциала, общего уровня культуры и образования, рост военной мощи, быстрая урбанизация, рост внешнеполитического престижа (за период 60 лет в целом).

— Невозможность в настоящее время гражданской войны (она была еще возможна в 20—30-е годы), невозможность проводить массовый политический террор, «полулегальное» положение политической оппозиции в лице наиболее активных ее представителей, сильное ослабление тенденций «вождизма» и харизматического руководства в целом — с одной стороны, и усиление власти и значения аппарата управления — с другой.

— Выравнивание условий жизни на селе и в городе, ослабление ограничений на ведение личного хозяйства, более или менее адекватная оплата труда в сельском хозяйстве (существенный контраст с массовой смертью от голода в 30-е годы в деревне, с отсутствием оплаты трудодня вплоть до середины 50-х гг.).

— В общем относительно более равное участие (по сравнению с 30—50-ми годами) в процессе управления и в распределении власти и авторитета «основных сил» общества (армия, партийный аппарат, ор-

ганы госбезопасности, руководители промышленности и науки). Некоторое, хотя и слабое усиление роли профсоюзов, советов общественных просветительских организаций.

— Вероятно значительное снижение в обществе в целом «пассионарности», как левого, так и правого толка, исчезновение убежденных и фанатичных марксистов и тем более убежденных и имеющих какую-то целостную платформу противников существующего строя (уничтожение их в лагерях, репрессивными методами и вместе с тем распад целостного политического сознания у наиболее трезво мыслящих, сохранивших какую-то гибкость ума).

— В общем либерализация политического климата в целом (отсутствие жестоких наказаний за незначительное опоздание на работу или «вынос» с производства или с поля государственной собственности (в этом отношении можно говорить даже о развале дисциплины, о значительном снижении требований к материально ответственным лицам), относительная свобода обсуждения политических проблем в частных квартирах, между знакомыми, отсутствие массового доносительства, свободный выезд из села, выезд за границу, печатание в зарубежных, в т. ч. эмигрантских изданиях...

— Значительное расширение, смягчение и обогащение всей идеологической сферы. Сегодня идеологическая сфера в целом не может контролироваться каким-то одним органом или учреждением и попытки навести в ней порядок предпринимаются лишь от случая к случаю правыми элементами, которые обычно вступают в конфликт с авторитетными учеными, художественной общественностью и поэтому довольно быстро заменяются более умеренными. Идеологическая сфера в целом терпимее и «проницаемее» по отношению к внешним культурным влияниям (западным и восточным), по отношению к религии, по отношению к науке (невозможность сегодня феноменов, подобных лысенковщине, гонению на генетику, кибернетику и т. п.), по отношению к «личной жизни», интимной и эмоциональной сфере, к сфере здравого смысла. Терпимость и проницаемость идеологии нельзя, конечно, преувеличивать. Речь идет в общем об ослаблении ее ведущих принципов, которые не могут более выполнять роль структурирующих и организующих перед лицом огромного увеличения фактов возрастания мощности и скорости информационных потоков, перед лицом огромной пестроты современного мира. Старое жесткое деление: материализм / идеализм; наука / религия; буржуазная идеология / пролетарская идеология; кто не с нами — тот против нас; реализм / абстракционизм и т. п., — все эти противопоставления не работают, фактически не используются в современной идеологической работе, хотя в торжественных случаях продолжают произноситься и в общем никакими другими, более адекватными и более реалистическими конструкциями не заменены.

3. Каким бы ни был Ваш ответ на первый вопрос, как Вы оцениваете нынешнее состояние данного общества с точки зрения его стабильности (устойчивости);

— считаете ли Вы это состояние скорее устойчивым (равновесным, инерционным) или, напротив, неустойчивым (несущим в себе потенциальную возможность серьезных общественных изменений)?

<...> Хотя с точки зрения действия тех сил, которые играли роль в прошлом, современное общество представляется более равновесным, устойчивым и гомогенным, чем 50–60 лет назад, с точки зрения новых, зарождающихся в нем сил и новых, назревающих проблем, оно отнюдь не равновесно и серьезные общественные изменения в нем неизбежны.

Неустойчивость данного общества связана с накоплением новых (иногда это не новые, а старые, но в новом контексте) проблем следующего порядка:

— Главная проблема, вероятно, в том, что при существующем уровне сознания, при тех общих особенностях образа жизни, которые характерны для всех современных обществ (в эпоху урбанизации, НТР, рационализации, сохранения деления на частную и общественную жизнь и ряда других реалий, отличающих современные общества от, скажем, средневекового), существующая экономическая система, блокирующая всякую частную инициативу, ограничивающая экономическую инициативу на местах, настаивающая на жестком планировании, постоянно нарушающая «закон стоимости» и постоянно приносящая в жертву экономическую целесообразность соображениям политического престижа и политической стабильности, — эта система все более обнаруживает свою малую эффективность и неизлечимость с помощью частичных мер. Попытки реформ сверху, с целью расширения прав предприятий, большего участия рабочих в делах предприятия и т. п., контроль над управляющими органами снизу — все это почти не дало эффекта и было спущено на тормозах. В результате все более явственно выступают различные диспропорции экономической системы: несоответствие плана и его реализации; необеспеченность принимаемых плановых заданий человеческими, техническими, сырьевыми ресурсами; распыление капиталовложений; отсутствие надежных механизмов координации различных отраслей и предприятий и как следствие широкое развитие различного рода не предусмотренных законом полуполюгальных форм самообеспечения предприятий (накопление сверхнормативных запасов, «толкачи», использование личных связей и т. п.).

Итог в целом — низкая производительность труда. При имеющихся природных, сырьевых, людских, территориальных, интеллектуальных ресурсах производительность труда могла бы быть гораздо больше, а уровень жизни — гораздо выше. Если бы экономическая система и система хозяйствования была иной — тогда не было бы необходимости покупать зерно за границей (еще Столыпин обещал завоевать Европу с помощью

экспорта русского хлеба и, вероятно, сделал бы это, если бы ему дали возможность провести его реформы). Не пришлось бы экспортировать за границу все сколько-нибудь ценные продукты для получения валюты (меха, икра, дорогие сорта рыбы, крабы, хлопок, лен, лучшие сорта вин и, вероятно, много других продуктов). Симптомы нерационального хозяйствования и падения производительности труда проявляются в последние 5-10 лет особенно ярко: снижение качества продукции (особенно продуктов питания), обеднение ассортимента товаров, повышение цен почти на все продукты (одним из следствий чего стало еще более несоразмерное ценообразование), очевидная дешевизна хлеба, картофеля в продаже (невыгода их производства и хранения — отсюда плохое качество картофеля и необходимость покупать хлеб за границей).

Перечень экономических противоречий системы можно было бы продолжить. Однако следствием этих противоречий нельзя считать существенное «недопотребление» (в материальном смысле). Напротив, общий уровень жизни все же достаточен и все необходимые продукты питания все же имеются. Население в целом имеет разные источники продуктов питания, и хотя на приобретение дефицитных продуктов (особенно мяса) нужно потратить время, их все же при усердии можно приобрести. Точно так же в силу потребности в рабочей силе есть возможность заработать деньги. Так что ни безработица, как на Западе, ни полное отсутствие важных продуктов питания, как в странах Африки или в недавнее время в Китае, в Азии, нам не грозит пока что.

Более важное следствие неэффективности экономики не в том, что народ недоедает, а в том, что его потребности не развиваются и это вредит экономике по закону обратной связи, и, вероятно, в том, что в ближайшем будущем мы увидим также признаки экономического, военного отставания от других (западных) обществ, а также от Китая. Это изменит соотношение сил на мировой арене, не даст возможности проводить намеченную политику (не касаемся здесь вопроса о дальнейших последствиях такого положения). В итоге, если иметь в виду более отдаленные последствия, возможно ослабление всего общественного организма, сползание с позиции великой державы, усиление центробежных тенденций внутри и т. п. (Хотя здесь возможны, видимо, и прямо противоположные последствия — усиление военного и политического давления внутри, ограничение свобод и т. п.).

— Второе важное противоречие или «дефект» общества (ибо как противоречие это ощущается лишь незначительным меньшинством населения) — это отсутствие активного участия масс и общественных организаций в принятии политических решений, в управлении обществом в целом. Формальная процедура выборов, формальное участие депутатов в работе органов власти связаны и с отсутствием реальных прав, и с общим низким уровнем политической и правовой культуры. Лишь малое число людей чувствует странность такой процедуры выборов, когда из-

бирать предлагается одного депутата, когда вычеркивание или вписывание другого никоим образом не меняет общего результата. Можно сказать, что политическое развитие народа искусственным образом сдерживается. Это — одна из причин многочисленных ошибок и волюнтаризма в экономике и политике. Люди, берущие на себя ответственность за принятие кардинальных решений, в частности, связанных с распределением капиталовложений, с оказанием помощи тем или иным странам, с использованием природных ресурсов, — оказываются некомпетентны и не имеют представления о сколько-нибудь отдаленных последствиях решений (вырубка лесов, мелиорация и уничтожение болот, насаждение тех или иных культур, не оправдывающих себя, — кукуруза). Нет иного способа выработать правильное решение, как подвергнуть проблему всестороннему обсуждению с участием всех заинтересованных и компетентных людей. Но, вероятно, решение о том или ином распределении национального дохода по отраслям экономики, оказание помощи слаборазвитым странам принимается «на глазок», после обсуждения лишь очень узким кругом высшего руководства и их секретариатом.

Однако и в области политического участия мы отнюдь не можем говорить о сколько-нибудь ярко выраженном недовольстве. Дело в том, что значительное число людей так или иначе принимает участие в руководстве и в определении политики на местах. Местная власть представлена достаточно большим числом лиц. Они пользуются своим положением, влиянием, чтобы иметь необходимые продукты, путевки, снабжают этим своих родственников и знакомых, имеют престиж, авторитет и гораздо большую власть и автономию, чем лица аналогичного положения в крупных городах и столицах. Для способных и ориентированных на карьеру молодых людей из народа продвижение вверх по политической лестнице также вполне возможно. Большинство же людей не имеют «вкуса» к участию в политической жизни и ориентированы почти полностью на быт, семью, обогащение (старшее поколение) или на развлечения, свободное общение (молодежь). Так что и в политической сфере напряжения нет.

— Третье важное противоречие. Несмотря на сказанное об известном «размягчении» идеологии, она все же ставит достаточно четкие границы культурному развитию. Здесь и насаждение устаревших, архаических «методов творчества» (реализм, борьба с самостоятельным творчеством), запрет на обсуждение и анализ многих проблем и сторон жизни в искусстве (например, при всей остроте и важности в психологическом и моральном смысле таких вопросов, как инакомыслие и диссидентство, положение евреев в Союзе, выезд за границу, массовые случаи невозвращения многих выдающихся деятелей культуры, — все эти проблемы не были сколько-нибудь серьезно проанализированы ни в одном произведении художественной литературы). Точно так же табуированы все проблемы, связанные с частной жизнью лиц, принадлежащих к высшему руководству.

Решение конфликтов, осмысление человеческих отношений в искусстве, литературе по большей части примитивно, тенденциозно. Хотя это происходит не столько, может быть, в силу цензурных рогаток, сколько в силу малой культурности самих писателей и драматургов. Сама же их малая культурность идет от отсутствия школы, богатой художественной среды, уровня, иначе говоря — от того, что заторможен весь процесс художественного развития, а не потому, что не дают дороги конкретным талантам. Но при этом сами писатели и другие деятели искусства, поскольку они все же печатаются, издаются, в большинстве своем, видимо, удовлетворены, и среди них лишь несколько десятков людей чувствуют ограниченность свободы творчества.

Однако значительная часть интеллигенции все же осознает, что культура мертва, что она никоим образом не отражает реальных жизненных проблем, которые волнуют людей, не дает простора фантазии и воображению, ограничиваясь либо мелкой, поверхностной бытовщиной, либо тенденциозной, надуманной проблематикой, подсказанной конъюнктурными соображениями.

Еще более серьезным дефектом культуры является продолжающееся искажение истории. Сегодняшнее поколение, вероятно, если говорить о средней интеллигенции, отторгнуто от своего исторического прошлого в большей мере, чем какое-либо в прошлом. Период с 1905 г., революция, 20—30-е годы, сталинский террор, роль самого Сталина и его окружения, психология и этика сталинизма, ее корни, ее отношение к социальным процессам, происходившим в стране, — все это не освещено, не осознано, не проанализировано. Отсюда противоречия идеологии, ощущаемые простым глазом и придающие какой-то неискренний фальшивый смысл даже вполне оправданным и верным утверждениям. Скажем, как можно искренне требовать наказания фашистов, виновных в военных преступлениях (ведь они уничтожали все же своих врагов, это хоть логично) и забывать о миллионах людей, уничтоженных во времена сталинского террора (это ведь были наши, «свои» люди, и их уничтожение никакой логикой не оправдывается).

Дефекты культуры, в частности, ограниченность и тенденциозность информирования становятся совершенно отчетливыми при сличении характера информации в западных странах и у нас. Бедность, тенденциозность и неоперативность информирования бросаются в глаза. Моральное состояние интеллигента в общем таково, что он не чувствует себя в полной мере членом того общества, в котором живет. Ибо духовная среда — важнейшее для него — это не его и не им созданная среда, не отвечающая на его запросы. Однако и здесь можно сказать, что интеллигенция — незначительное меньшинство населения. Что же касается огромного большинства, то для них вполне удовлетворительной духовной пищей служит и не прочитанная еще классика (ведь большинство взросло-

го населения страны стало систематически читать книги лишь 10-15 лет назад. Книжный «голод» прекрасный и убедительный симптом).

— Четвертый дефект системы: возрастающая антикультура — пьянство, преступность. Пьянство во многом насаждается самим государством из экономических соображений и в общем функционально — в том смысле, что закрывает значительный «вакуум» в духовности, в системе жизненных ценностей. Так что, несмотря на все расчеты экономистов, обнаруживающие «невыгоды» алкоголя как средства покрытия платежеспособного спроса и возврата выплаченных денег — поскольку травматизм, ухудшение здоровья и проч., пьянство все-таки выгодно *[государству]*. — А. А.] Что же касается таких издержек, как ухудшение генофонда, ослабление семьи и даже сокращение рождаемости, то они, несмотря на их очевидность для здравого смысла, никак не могут быть включены в «практическую калькуляцию». На деле об этом лишь говорят. Но не видно никакой общественной заботы даже о таком элементарном деле, как увеличение рождаемости, хотя, казалось бы, для общества это должно иметь первостепенное значение. Нет желания ни создавать брачные бюро, ни оказывать льготы работающим женщинам, хотя ясно, что без этих мер рождаемость не повысится.

Одной из причин пьянства и преступности (в наших условиях, ибо это явления международные, интернациональные и могут быть «ответом» на самые разнообразные дефекты общества) служит, вероятно, недостаток свободы самовыражения, недостаток возможностей для активного развития способностей. Экономическая и политическая системы открывают мало возможностей для широкой личной инициативы, требуют скорее конформного поведения. Однако это не главная причина пьянства, корни которого очень глубоки и очень разветвлены. Явления антикультуры, вообще говоря, не очень удивляют практически, ибо ни одному обществу еще не удалось от них избавиться, но они являются вызовом идеологии и тем утверждениям, которые функционируют для доказательства прогрессивности, просвещенности, передового характера системы.

— Пятый, в какой-то мере синтетический дефект. Есть ощущение какой-то лжи, искусственности в самых различных областях жизни, впечатление, что постоянно делаем не то, что говорим, продолжаем делать не то, что надо, врем, приписываем, подтасовываем, обманываем самих себя. И знаем, что обманываем, и продолжаем это делать. Трудно объяснить это достаточно ясно. Ложь гнездится где-то очень глубоко. Какие-то очень глубокие слои жизни искажены ложью.

Может быть, она началась еще до революции — при Петре с его реформами, при народниках с их террором, углубившим этот процесс «отпадения от истины»? А сама революция, сталинский террор — это уже как «расплата», как реакция на какой-то «грех» русского просвещения,

за посягательство на основы, кои не человеком установлены и не им должны быть изменены.

Есть именно такое ощущение, что «Бесы» Достоевского, что «дьявольщина», изображенная Булгаковым в «Мастере и Маргарите», и сталинское правление — это как бы разные лица одного и того же человека, одной и той же силы, легко вторгшейся в брешь, в некую жизненную пустоту, возникшую в связи с тем, что русская интеллигенция односторонне направила все свои усилия на подкopi и так очень хилого и малоомощного здания русской государственности и культуры («тонкий культурный слой», по Милюкову), вместо того, чтобы созидать и строить.

Итак, безотносительно к конкретным, практическим дефектам системы важен этот дефект, какая-то глубокая искаженность человеческого бытия, деформация личности.

Итак, ответ на вопрос 3: состояние и устойчиво и неустойчиво — одновременно.

4. Если Вы считаете нынешнее состояние устойчивым при разрешающихся проблемах либо, напротив, неустойчивым при накоплении нерешенных проблем, это не вызывает дополнительных вопросов. Но если Вы нашли, что данное положение сохраняет стабильность, вопреки усугубляющимся противоречиям, то чем в таком случае Вы это объясняете?

Положение сохраняет стабильность вопреки усугубляющимся противоречиям? Да, это так, во многом. Но не следует забывать, что эти противоречия скорее внешние. Внутри же особо острых противоречий нет, а есть относительное согласие, пригнанность частей целого. Пусть само это целое достаточно ущербно, уродливо, и внешне и внутренне, с непропорционально развитым военным комплексом и бюрократическим аппаратом, с каким-то перекошенным умом, сочетающим в себе мессианизм и самое грубое варварство, с тонким слоем духовности — но как целое оно все-таки достаточно сбалансировано. Имеется еще достаточно много внутренних ресурсов, резервов (сырье, люди, девственное, наивное сознание) для того, чтобы воспроизводить систему, воспроизводить и нынешние формы правления. Имея достаточную военно-экономическую мощь под руками, руководство может маневрировать, покрывая внутренние напряжения, смягчая их за счет контактов с Западом (покупки зерна, машин, ширпотреба), поддерживая свой относительный вес и авторитет внутри таким образом.

5. Усматриваете ли Вы какие-либо кризисные явления в современном общественном состоянии? Если да, то насколько широко они распространены? В случае широкого распространения, можно ли говорить о наступающем (наступившем) кризисе данного общества в целом?

Кризисных явлений в обществе не замечаю. Недостаток товаров ширпотреба и продовольствия — это еще не кризис. Инакомыслие (диссидентство) — это скорее симптом наконец-то появившегося хоть у немно-

гих людей мужества и ответственности, гражданской самостоятельности мысли (пусть они даже не имеют четкой программы, ошибаются во многом). Возможно, важен факт самостоятельной политической позиции, и это — симптом здоровья, а не кризиса.

Политическое инакомыслие было везде и всегда: в Англии «оппозиция ее величества» всегда было конструктивной и творческой силой. Таковой она была бы и у нас, будь у нас, русских, побольше культуры, терпимости и поменьше варварства, азиатчины, скрытого религиозного фанатизма, замаскированного под марксизм. Сейчас только люди начали частным образом свободно мыслить, внутренне во многом освободились от страха, от внутренней скованности. Старое поколение так и не освободилось, конечно. Но молодое изначально аполитично и внутренний моральный страх ему неизвестен.

Самыми тяжелыми ранами, которые общество нанесло само себе, было: разрушение естественной структуры деревни, отторжение людей от земли, физическое уничтожение наиболее трудолюбивой и способной части крестьянства, подрыв традиционных форм земледелия без адекватной замены научными формами; и второе — уничтожение интеллигенции. Обе эти раны до сих пор не зажили, но просто «куски мяса» кое-как срастаются, образуя некий бесформенный образ — все живое в конечном счете залечивает раны, они зарастают, но облик его при этом далеко не всегда возрождается. То, что называют «кризисными» явлениями или что можно принять за таковые, — ослабление дисциплины, нежелание людей работать и проявлять какую-либо инициативу, полное безразличие большинства к общественным делам и благу общества, политическая пассивность — все это скорее симптомы «срастания» разорванных тканей. Теперь вопрос о том, будет ли этот сросшийся или срастающийся организм жить и дальше, насколько и в чем он дееспособен?

II. Перспектива: взгляд «изнутри»

6. Можно ли, по Вашему мнению, ожидать существенных (может быть, коренных?) перемен, сдвигов в жизни известного Вам общества в обозримый период (скажем, не позднее конца XX века)? Если да, то насколько вероятными представляются Вам эти изменения?

Ожидать коренных сдвигов не позднее конца XX века все-таки можно. 20 лет — это большое время, и изменения весьма вероятны.

7. В случае положительного ответа на предыдущий вопрос, полагаете ли Вы, что эти перемены будут скорее однонаправленными (тогда — к лучшему или к худшему?) или, напротив, разнонаправленными (например, сначала к одному, потом к другому)?

Если последнее, то считаете ли Вы возможным определить общее (результатирующее) направление ожидаемых Вами общественных изменений — в конечном итоге к лучшему или к худшему?

Желательно при этом пояснить свое понимание «лучшего» и (или) «худшего» в данном контексте.

К лучшему или худшему перемены? Это зависит от того, с чьей точки зрения судить. С точки зрения того «политического тела», в которое мы включены сегодня, может быть и к худшему, но с точки зрения общечеловеческой и общеисторической — для данного общества — перемены скорее будут к лучшему.

Для данного общества и в силу имманентных ему причин, и вследствие уже отмеченных противоречий, возможно:

— «сползание» с позиций великой державы и уменьшение военно-политического престижа перед лицом объединенных и многократно усилившихся Японии и Китая (китайские людские резервы и японская техника), а вероятно также с присоединившимися к ним Вьетнамом, Кореей — почти наверняка всю Юго-Восточную Азию в конце концов будет контролировать Китай. При этом в случае блокирования Китая с Западом процесс этот будет еще ускорен;

— возможно отделение ряда национальных республик — прибалтийских и среднеазиатских, хотя сомнительно, чтобы последним это было вполне на пользу — в силу их культурной и политической незрелости.

Это — к «худшему».

К лучшему — может быть изменение социально-экономической системы в сторону большего реализма, большей свободы частной инициативы, большей свободы для рынка.

Может быть и некоторая либерализация политической жизни, изменение порядка выборов, характера подбора кадров в парт- и госаппарат.

Хотя, в качестве реакции на эти возможные тенденции движения «влево» возможны попытки возрождения тоталитаризма, подавления свободы. Однако я не вижу достаточных психо-идеологических сил, резервов для такого рода «сильной» политики.

«Сильная политика» 30—40-х гг. питалась пассионарностью коммунизма и инерцией великодержавной «единой и неделимой» России. Сейчас ни того, ни другого нет. Сильная политика возможна лишь на основе технократии, западного либерализма — а это значит, что будут сверху более энергично вестись попытки реформ аппарата и экономики в сторону большей рациональности, культурности, эффективности любой ценой, и конечно — ценой отказа от всякой мешающей идеологии.

К лучшему, думаю, и какое-то оживление и возрождение культуры — может быть вне уже сложившихся форм, жестко контролируемых государством в рамках творческих и самодеятельных объединений, которые уже, в сущности, существуют (художники, писатели — «Метрополь», например). По тому же пути могут легко пойти театр и, с несколько большим трудом, кино. Сложнее, конечно, для литературы и телевидения, в силу их глобальной аудитории.

Итак, результирующими, с точки зрения имманентных процессов, могут, скорее, быть перемены к «лучшему».

8. Если Вы не исключаете возможности существенных перемен в жизни данного общества («к лучшему» или «к худшему», в Вашем понимании), то ожидаете ли Вы скорее резких, крутых общественных изменений или, напротив, медленных, постепенных?

В ближайшие 7—10 лет перемены могут быть, скорее, медленными. Но через 10—15 лет вполне возможны «крутые».

9. Укажите, пожалуйста, те тенденции (обстоятельства, процессы) современной внутренней жизни, которые утверждают Вас в Вашем взгляде на перспективы развития данного общества в обозримый период (каков бы ни был этот взгляд).

К сказанному о тенденциях и противоречиях можно добавить еще следующее (касательно внутренней жизни). До сих пор поддержание системы с ее противоречиями, малой эффективностью было вполне возможно потому, что было много резервов: людских (деревня), и они еще полностью не исчерпаны; сырьевых, энергетических (природа), а также некультурность, неразвитость населения. Все эти резервы приходят к концу.

Далее, сегодня у руководства стоят люди с определенным типом сознания — весьма архаическим, многие из них просто очевидно малограмотны, кончали кое-как школы и с самого начала втянулись в политику, стали профессионалами. Сегодня кадры аппарата заполняются людьми в общем более образованными и технически грамотными, но с более поверхностным политическим сознанием.

— Воспитание детей и, соответственно, сознание взрослых — более богатое, более чувствительное к ограничениям свободы и самостоятельности, более гедонистическое и свободное по своим жизненным позициям. Отсюда большая уязвимость, если будут допущены резкие ограничения свободы, факты «давления», и возможны события, подобные студенческим волнениям конца 1960-х гг. в Европе.

— Важны также судьбы марксизма и господствующей идеологии вообще. Она представляет собой сложный сплав крестьянского традиционнопатриархального отношения к земле, народу, новшествам, искусству, морали. Крестьянский характер идеологии проявляется очень широко (хотя бы Хрущев с его отношением к искусству). Далее. Этот русский мессианиззм, национализм, идея «единой России» и стремление к экспансии на запад и восток, возможно, и оправданные с чисто политической или военной точки зрения. Тут есть явная преемственность от дореволюционного периода.

Третий компонент — марксизм. В общем архаическое, претенциозное учение, чуждое русскому духу и характеру, не оправдавшее себя в главнейших своих пунктах (нет революции в развитых странах; нет мировой революции; нет дальнейшего расслоения общества на классы; нет

непреодолимости кризисов; жизнеспособность капитализма после потери колоний; с другой стороны — реализация или, вернее, попытки реализовать учение на практике обнаружили, сколь далеко находится то, что получилось, от теоретического образца: нет участия в политической жизни «каждой кухарки», нет равной оплаты чиновников, чиновники и аппарат превратились в особую касту и т. п.). Одним словом, именно в социально-политической сфере при попытке реализации марксизм себя не оправдал как идеальная программа.

Хотя, конечно, резкие и существенные сдвиги он произвел и вообще его взрывная сила велика, но направление взрыва не то, какое предполагалось.

Марксизм, как элемент или этап собственно социалистического мышления, представляет известную ценность. Но в России и через сто лет после смерти его основателей он очень архаичен. Ведь практически классиков никто не читает, кроме студентов, которым надо сдавать экзамен. Однако марксизм все же служит некоторым подобием ограничителя, когда движение мыслей направляется по неуголному пути — ссылаются на марксизм. И в этом смысле он тормозит движение духовной культуры. Еще более сковывающее воздействие на сферу культуры; несмотря на недовольство существующей духовной жизнью, несогласие с марксизмом, русская интеллигенция не выработала никакой сколько-нибудь цельной доктрины, программы, системы взглядов, что вполне понятно из-за ее раздробленности и втянутости в систему.

Но возможно и, вероятно, необходимо будет происходить переработка этой идеологии: крестьянский элемент исчезает, марксизм все более архаизируется, идеология национального единства, престижа, экспансии будет пересмотрена перед лицом все обостряющихся глобальных проблем, требующих согласованной мировой политики и разделения ответственности за судьбы мира между великими державами.

10. По возможности, систематизируйте сферы, области общественной жизни (выделив их по своему усмотрению в широчайшем диапазоне явлений публичной и частной жизни), в которых протекают указанные Вами процессы.

Как бы Вы расставили эти сферы по их значимости с точки зрения усматриваемых Вами перспектив развития данного общества?

Области жизни, в которых протекают указанные процессы, по порядку их значимости:

— качественное ослабление того сознания, которое скрепляло и цементировало общество, вопреки его внутренней неорганичности, неэффективности;

— ход процессов внутри экономики, обнаруживающих, с одной стороны, малую эффективность системы, приближение к исчерпанию многих резервов, на которых она держалась, *[а с другой стороны... — А. А.]*

снижение ее конкурентоспособности с Западом в экономической сфере и сфере культуры и политики;

— воздействие внешних источников информации и точек зрения с Запада;

— усиление националистических настроений в республиках Азии и Прибалтики. Можно предвидеть, что лет через 30—40 вопрос об их автономии будет поставлен. Сегодня выросла национальная интеллигенция, и в Азии она постепенно вытесняет с руководящих и идеологических постов русские кадры. Сначала это будет происходить мягко, потом активнее, и когда культура в целом будет управляться национальными кадрами, легко ожидать появления желания стать самостоятельными для таких крупных и сильных республик, как Казахстан, Узбекистан. Однако можно предвидеть и появление вражды между ними, желания взаимной аннексии и спора из-за территорий, что мы видим на арабском Востоке и в Африке. Режим внутри отсоединившихся республик также скорее всего будет автократический, с опорой на возрождаемые национальные традиции, а может быть даже и на ислам — по примеру Ближнего Востока, хотя бы сейчас это и казалось маловероятным.

Возможно, и это было бы, мне кажется, наиболее рациональным и перспективным, сохранение целостности Российской Федерации, ее сплочение на основе единой общенациональной программы и более умеренных внешнеполитических претензий (пока что), и тогда возможно новое возрождение культуры, активизация экономики. И это — при сохранении дружеских и взаимовыгодных отношений с отсоединившимися азиатскими республиками и федеративной связи на равной основе.

Существенно, думаю, учесть некоторые «иррациональные» факторы. По существу, динамика социального процесса зависит от общего «энергетического потенциала» народа. В России этот потенциал был жестоким образом урезан: в 1917 г. и в гражданской войне, в 1941—45 гг. и во время сталинского террора. Лучшие, наиболее энергичные представители нации уничтожены. Пассионарность резко снижена. Если бы не было войны, нового взрыва пассионарности после 1917 г. можно было бы ожидать (если бы не было повторения террора 30-х гг.). Для накопления нового заряда пассионарности нужно, наверное, два-три поколения, т. е. 50—70 лет. Поэтому к концу столетия такой заряд будет присутствовать и может быть направлен на те колеса, на ту мельницу, которая к тому времени будет построена в теоретическом смысле, в смысле возможного пути развития, хотя неизвестно, сколь плодотворен будет этот путь.

11. Если есть такие обстоятельства и характерные особенности истории (предыстории) данного общества, которые укрепляют Вас во взгляде на его ближайшее будущее, то укажите их.

[Этот вопрос был оставлен Э. С. без ответа. — А. А.]

III. Мировой контекст

12. Какие внешние факторы (обстоятельства, тенденции, процессы) мировой жизни окажут, на Ваш взгляд, существенное влияние на развитие данного общества в обозримый период?

<...> — В ближайшее время — образование обширных более или менее однородных политически и частично объединенных экономически «политических союзов, зон или содружеств»: Китай — во главе Восточной Азии; арабский, мусульманский мир; объединенная Европа; объединенная Латинская Америка и т. п.

Процесс формирования полицентрической политической системы с крупными, входящими в нее и конкурирующими, и сотрудничающими единицами будет происходить медленнее, если великие державы в той или иной форме договорятся и будут учитывать интересы друг друга, которые состоят в том, чтобы не допустить формирования и консолидации других подобных же политических сил (им, великим державам, выгоднее держать мир в состоянии политической раздробленности). Однако, если (в силу, конечно, упрямства нашего или китайского) процесс мирного разделения ответственности между сверхдержавами будет замедлен, и они сами будут находиться в состоянии холодной войны друг с другом, тогда процесс региональной консолидации политических сообществ будет идти быстрее.

Как бы то ни было, для нас главным фактором в ближайшее время будет усиление мощи и роли Китая.

— Второй фактор — разрядка, постепенное сближение США и СССР.

— Углубление экологического кризиса и потребность все в более широком круге согласованных программ.

— Усиление роли ООН маловероятно.

— Возрастание случаев нарушения существующей политической этики — захват заложников, взрывы бомб, подрывная пропаганда, политические убийства, возможно, создание каких-то нелегальных полуполитических, полууголовных международных организаций типа итальянской мафии — этого можно ожидать.

13. Как бы Вы определили направление и силу (возможно, также формы) влияния указанных Вами внешних факторов на дальнейшее развитие известного Вам общества?

Общее воздействие внешних факторов должно влечь за собой: (1) стремление формировать военно-экономический рост (хотя тут будут препятствия из-за неэффективности системы); (2) торможение процесса внутренней демократизации и освобождения культуры под предлогом необходимости консолидации и борьбы с внешней опасностью; (3) усиление престижных форм науки, культуры для демонстрации за рубежом, профессионального спорта и т. п.

14. Существуют различные точки зрения относительно перспектив движения данного общества в мировом «историческом пространстве». Например:

- в главном и коренном это общество идет (будет идти) по самостоятельному пути, отличному от всех известных;

- данное общество тяготеет (рано или поздно станет тяготеть) к какому-либо известному историческому образцу, варианту, типу развития (западному, восточному, иному);

- в исторической перспективе весь мир (или большая его часть) приобретет те же типологические черты, что и данное общество.

Возможны и другие взгляды. Какова Ваша собственная точка зрения на этот счет?

Вероятнее всего третий ответ — перед лицом общемировых проблем и общемирового контекста политической деятельности внешнеполитическое поведение различных стран и систем будет уравниваться. Это будет влиять и на внутреннюю политику также в смысле уравнивания методов и форм экономической организации, руководства, планирования, т. е. конвергенции. Если можно говорить о тяготении к западному или восточному типу, то хотелось бы верить, что к западному, и на это можно надеяться.

В принципе наиболее рациональной организацией мира для сегодняшнего момента было бы тесное и доверительное сотрудничество между сверхдержавами и их совместный контроль над политическими, демографическими, экологическими и экономическими процессами в мире, с целью недопущения слишком сильной консолидации, автаркии, нарушений экобаланса и т. п. Запрет продавать оружие кому-либо. Согласованное решение предоставлять помощь кому-либо. Общая борьба с международной уголовщиной. Совместные работы по преодолению экологического кризиса и вообще выделение максимума средств на развитие науки и культуры, с целью достичь в дальнейшем на этой основе новых целей, новых форм, новых идей, которые можно было бы положить в основу будущего стабильного миропорядка.

Соединение ресурсов США и СССР, оздоровление наших политических форм с помощью процедур и методов, выработанных в США, дало бы толчок политической жизни. С другой стороны, большие ресурсы духовного и экономического порядка были бы использованы разумно.

IV. «Человеческий фактор» перемен: за и против

15. Каков бы ни был Ваш взгляд на ближайшее будущее данного общества, пожалуйста, укажите те общественные силы, которые Вы полагаете заинтересованными: а) в переменах «к лучшему» (в Вашем понимании); б) в сохранении (воспроизведении) нынешнего общественного состояния; в) в переменах «к худшему» (в Вашем понимании).

Просим также дать здесь свое толкование «лучшего» и «худшего», если Вы не сделали этого ранее.

Уточнение понимания «лучшего» и «худшего». Наша точка зрения здесь — точка зрения интеллигента. Я считаю лучшим все то, что способствует обогащению и движению вперед человеческого разума, формированию «ноосферы» в смысле Вернадского, т. е. рационализации, обогащению, усилению мощи духа везде, его согласованию. Мир был и остается далек от осознания этой цели как политической.

Поэтому в глубоком смысле слова я не могу считать лучшим или худшим победу каких-то групп, классов, как таковых, без учета высказанного критерия. С другой стороны, усиление могущества духа требует определенных социально-экономических условий и гарантий и оптимальной структуры власти, но каковы должны быть эти социально-политические условия — это еще большой вопрос и недостаточно обсужденный.

Во всяком случае, здесь нужны и формы стимуляции, и формы дисциплины, причем может быть в целом и более жесткой, сильной, чем та, что была где бы то ни было до сих пор. Современное человечество в целом распущено, оно находится в состоянии подростка, рано пристрастившегося к выпивке, большим деньгам и мелким авантюрам, и оно не использует ресурсов духа хотя бы в малой степени. Энергия и силы подчинены задачам, далеким от духовности. Поэтому выдвижение в качестве главной и первоочередной цели «свободы» как таковой не может быть приемлемо.

Нужно было бы твердой рукой дисциплинировать человечество, заставив его, как ему ни лень это делать, направить свое внимание на развитие интеллектуальных, творческих качеств, и закрыть дорогу чисто властолюбивым стремлениям, стремлению к богатству и т. п. Еще можно допустить и поощрять деятельность, направленную на возделывание земли, на охрану природы, на получение максимума сельскохозяйственных продуктов, даже ценой некоторого развязывания стяжательских мотивов.

Если говорить о какой-то модели идеального общества, то это наиболее всего похоже на «Республику игры», изображенную Г. Гессе в «Игре в бисер». Но там это сделано недостаточно уверенно, с рядом ограничений.

Во всяком случае также не может быть приемлем идеал равенства, свободы для всех, без различия культурного уровня. Общество должно быть открытым, без наследственных кастовых делений, с облегчением всем талантливым людям возможностей развиваться, расти, чтобы была, по-видимому, и конкуренция способностей, но без какой-либо идеологической или национальной предвзятости или групповщины. В то же время, безотносительно к возможности применения талантов всем желающим должен быть открыт доступ к культуре, как можно больше сил и ресурсов должно быть помещено в сферы науки, образования, искусства и медицины.

Однако в конкретном смысле, имея в виду под «лучшим» либерализацию и демократизацию данного общества в отношении уже утвержден-

ных и словесно признанных прав и свобод человека, в отношении свободы мысли, слова, научного и художественного творчества, в отношении формирования свободного общественного мнения по всем важнейшим вопросам, с целью принятия более обоснованных решений, в отношении выработки более правильной, зрелой и отвечающей общим интересам человечества внешней политики и т. п., можно сказать, что силы, заинтересованные в этом (лучшем):

а) часть интеллигенции, мыслящей, не коррумпированной аппаратом, преодолевшей в себе мещанско-стяжательский мотив (небольшая часть);

б) какая-то часть молодежи, студенчества;

в) возможно, часть высшего чиновничества и верхушка аппарата, не участвующего непосредственно в пользовании властью, но информированная (советники, эксперты, работники комитетов по науке и технике, ведущих научных институтов и т. п.), руководители некоторых министерств.

Силы, заинтересованные в сохранении статус-кво:

а) обширная средняя прослойка аппарата управления, партийного аппарата, руководители местной власти, те, кто сегодня руководит предприятиями, промышленностью;

б) еще более широкий слой урбанизирующегося крестьянства, вырвавшегося из деревни, наконец вкусившего городской жизни, бытового комфорта, свободного времени, далекого от политики.

«Худшее» — усиление тоталитаризма, военизации, контроля над мыслями, ограничение свободы творчества — в этом, вероятно, никто не заинтересован объективно, но по ходу событий такие тенденции могут поддерживаться частью аппарата и отсталыми слоями, жаждущими «твердой руки», «хозяина» и т. п.

16. Если Вы считаете вероятными существенные перемены в жизни данного общества в обозримый период, то какие общественные слои (группы) и типы людей, по Вашему мнению, подтолкнут общество к этим переменам, какие — фактически их осуществят, какие — поддержат и закрепят? Каковы возможные конкретные формы их поведения?

(Этот и последующие вопросы уместны при любом указанном Вами обшем направлении перемен, будь то к лучшему или к худшему).

На вопрос трудно ответить. Подтолкнуть могут случайные события. Но возможными инициаторами могут быть: молодежь, студенты, работники высшего звена, менее вероятно — интеллигенция через искусство и систему средств массовой информации; еще менее вероятно — рабочие, недовольные какими-либо установлениями, ограничениями, нехваткой продовольствия и т. п. Осуществить же перемены могут люди с новым типом сознания, откуда бы они ни вышли, т. е. люди, руководствующиеся ясной и бескорыстно преследуемой целью, может быть, не формализуемой во всех деталях, но интуитивно ощущаемой, пример-

но, в смысле максимально возможного гуманизма при стремлении к могуществу духа и при трезвом учете социально-политической реальности. Но, вероятно, большую роль здесь могут играть художественная интеллигенция, средства массовой информации.

17. Какие общественные слои (группы) и типы людей, по Вашему мнению, станут активно противодействовать осуществлению ожидаемых Вами общественных изменений, какие — более или менее пассивно препятствовать этому? Вероятные конкретные формы их поведения?

Противодействовать активно могут, вероятно, наиболее консервативные работники аппарата, может быть, КГБ, военно-промышленный комплекс, но вероятнее, что никто не будет активно противодействовать, т. к. в России военные никогда не были наделены политическим смыслом и сами делать политику неспособны.

(16-17). Конкретные формы поведения тех и других.

Тех, кто подтолкнет:

— стихийные и непреднамеренные реакции на события типа Чехословакии, Ирана, Афганистана, повышения цен, реакции на события, связанные со сменой руководства (борьба за власть вверху), попытки найти опору в более или менее широких слоях у тех, кто хочет заполучить власть (заигрывание с интеллигенцией и массами).

Тех, кто осуществит:

— адаптация к новым формам.

Тех, кто вообще будет работать:

— это выработка новых целей, задач, методов, форм действия и мысли.

Тех, кто противодействует:

— блокирование решений, действий, саботаж в аппарате.

18. Замечаете ли Вы в данном обществе какие-либо нарастающие признаки общественной кристаллизации (направления, течения, оттенки мысли, культурные феномены и т. п.)?

Если да, то какие из них наиболее симптоматичны и значимы в свете Вашего представления о возможных переменах?

Формы кристаллизации — все очень слабые, ничего сколько-нибудь обнадеживающего нет.

— Некоторое усиление религиозных настроений, из-за вакуума духовности в целом и желания найти более благообразный способ жизни и включения в общество, но в силу неготовности самой церкви принять и разбить эти настроения — это бесперспективно (пример — Польша).

— Значительное усиление национальных, автаркических стремлений. Будет идти и дальше, но радикально никаких проблем само по себе не решит (пример — Румыния).

— Усиление технократически-сциентистских настроений, формирование программ научного развития, социального планирования у про-

фессиональных социологов, экономистов и т. п. очень бедно, скудно по охвату интересов и отделено от масс.

— Усиление настроений в отношении потребительства, свободы сексуальных связей, более свободный образ жизни — ничего не решит и легко сбивается на путь распущенности, алкоголизма.

— Усиление интеллектуально-художественных интересов, «книжный голод», кружки интеллигенции, семинары, новаторство в театре — очень полезно, но не имеет никаких прямых контактов с практикой, скорее есть феномен «эскапизма» в духовность, а не созревание духовности для подготовки перемен.

В целом вкус к политическим проблемам отбит у людей и утрачен, это вроде бы «дурной вкус».

19. Какую роль Вы отводите внешним факторам (зарубежным воздействиям, примерам) в формировании и укреплении тех общественных сил, которые, по Вашему мнению, могут стимулировать (или осуществить) соответствующие общественные изменения?

[Этот вопрос был оставлен Э. С. без ответа. — А. А.]

V. Время и ход перемен

20. Не могли бы Вы хотя бы приблизительно датировать начало предполагаемых Вами общественных изменений (пользуясь обозначениями типа: ближайшие год-два, середина 80-х годов, 90-е гг. и т. п.)? Возможно, эти перемены уже начались?

Перемены подспудно идут, но медленно и неясно куда. Противоположные тенденции. Начало перемен — скорее всего в 90-е годы, в 80-е будут лишь потрясения, но без реакций, т. к. никто не подготовлен к резким изменениям, ни у кого нет программы.

21. Понимая, что этот вопрос может вызвать затруднения, все же спросим:

— какая очередность (временная последовательность) конкретных перемен представляется Вам наиболее вероятной?

Наиболее **оправданной** очередностью было бы:

- изменение порядка выборов;
- расширение свободы высказываний в прессе, литературе;
- активные усилия для реализации экономической реформы по частям и постепенно;
- постепенное изменение внешней политики (меньше стремиться к контролю событий и нахождению союзников у слаборазвитых стран, и больше — к международному сотрудничеству в рамках ООН и сотрудничеству с США);

— перераспределение внутренних ресурсов с преимущественным вниманием к науке, технике, культуре, образованию;

— изменение порядка подбора кадров на руководящие должности...

Вероятная же последовательность скорее всего будет иной, но какой — сказать трудно.

Инициатива со стороны молодежи — даже на Западе — оказалась бесплодной.

Инициатива интеллектуалов и средств массовой информации — Чехословакия — бесплодно.

Инициатива технократов и высших руководителей у нас — бесплодно (Хрущев, Косыгин, не сумевший провести реформы).

Может быть, вероятнее: 1) расширение частного сектора в обслуживании и сельском хозяйстве; 2) расширение идеологической свободы; 3) ...?

22. Может быть, Вы попробуете набросать примерный «сценарий», с большим или меньшим приближением к которому будут, по Вашим ожиданиям, развиваться события, подготавливающие и несущие в себе те или иные существенные перемены в жизни известного Вам общества?

23. Какие еще вопросы, относящиеся к теме этой беседы, заслуживают, на Ваш взгляд, специального обсуждения?

[Эти вопросы были оставлены Эльмаром без ответа. — А. А.]

Дикобраз

Март 1980

Ремарка: мужество додумывать до конца.

С тех пор прошло почти четверть века. С высоты современного исторического опыта можно сказать, что Эльмар Соколов где-то ошибся в своем прогнозе, а в чем-то оказался пророческим. Он не «ждал» перемен, он их делал в своей сфере (гуманитарно-научного творчества и просвещения). При этом он несомненно обладал «мужеством додумывать до конца». (Май 2003).

25.2. Ожидали ли перемен? (Ответы экспертов. 1979-1981)

Несколько вступительных слов

В настоящей книге ранее были представлены ответы на вопросы анкеты «Ожидаете ли Вы перемен?» некоторых моих коллег и друзей, а именно: писателя А. С. Соснина (ныне покойного), экономиста В. В. Сокирко, социологов Ю. А. Щеголева и А. А. Кетегата, рабочего Г. И. Забелкина (ныне покойного). (См. в томе 1 настоящей книги: приложения 1 и 2 к главе 1; приложения 1, 3 и 4 к части 1). К ним сейчас добавились ответы социального философа Э. В. Соколова (см. выше).

Теперь предоставим читателю возможность хотя бы фрагментарно ознакомиться с ответами других участников нашего потаенного опроса рубежа 1970—80-х гг. Авторов свыше половины из них удалось идентифицировать, и их имена ныне обнародованы, с их согласия. (См. в томе 1 настоящей книги: раздел 1.2, с. 71; см. также ниже). Остальные эксперты остаются «анонимами».

Не исключено, что кто-нибудь из читателей настоящей книги «узнает себя» в каком-либо из нижеследующих текстов — тех, чье авторство выяснить пока не удалось. Буду рад получить любую дополнительную информацию на этот счет.⁴

Итак, вниманию современного читателя предлагаются извлечения из экспертных ответов 1979—1981 гг. на тему о «состоянии и перспективах развития данного общества».

Должен оговорить, что, как правило, эти извлечения делались мною «самоуправно», т. е. без согласования с тогдашними собеседниками (тем более, если те не опознаны). Так что ответственность за адекватность презентации каждого отдельно взятого «респондента» лежит исключительно на авторе настоящей книги.

Напомню, что аутентичные (не урезанные...) тексты тридцати шести из сорока пяти экспертных листов представлены (без раскрытия псевдонимов, но при указании номера каждого эксперта) в первопубликации 1991 года (тираж — 295 экз.): Ожидали ли перемен? (Из материалов экспертного опроса рубежа 70—80-х годов. Кн. 1-2 / Сост. — А. Н. Алексеев. М.: Институт социологии АН СССР, Ленинградский филиал, 1991, 272 с.

Таким образом, при желании или необходимости, каждое из приводимых здесь экспертных высказываний может быть поставлено в контекст полной записи интервью или письменного ответа «респондента».⁵ (Сентябрь 1999 — июнь 2005).

Экспертный лист № 1. Жук

[Седов Александр Владимирович, социолог, канд. филос. наук; на момент интервью — преподаватель Высшей профсоюзной школы культуры, ныне — доцент кафедры социологии Северо-Западной академии государственной службы. — А. А.]

<...> К важнейшим общим тенденциям относится воспроизводство определенного «общественного качества», а именно — лжи и лицемерия. Последние, в соединении с фактическим подавлением инициати-

⁴ Для ориентировки: значком (*) — после номера — помечены те 20 (из 45) экспертных листов, которые поступили ко мне через Н. Я. Шустрову или В. Л. Шейниса (так же, как и я, выступавших в роли интервьюеров). Экспертные листы, чьих авторов установить пока не удалось, помечены значком (—) — после псевдонима (таких оказалось тоже 20 из 45).

Стоит заметить, что среди двадцати пяти интервью, записанных («организованных») в свое время лично мною, целых шесть (а именно: №№ 16, 17, 20, 27, 42, 43; см. ниже), к моему глубокому сожалению, остаются анонимными: уверенно вспомнить или найти «следы» в дневниковых записях, с кем именно я тогда беседовал (или чей письменный ответ был передан мне непосредственно его автором), — по прошествии четверти века не удалось. Таковы издержки конспирации!..

⁵ Каждый из текстов, получивших отражение в упомянутой публикации 1991 г., здесь сопровождается — после даты — обозначением соответствующих страниц по указанному изданию. Те девять (из 45) текстов, которые в издании 1991 г. не вошли, здесь помечены значком (\) — после даты.

вы и творчества, стали настолько привычными, что воспринимаются почти как норма.

<...> Основные общественные противоречия при этом усугубляются. Что касается частных проблем, то они либо действительно решаются (например, жилищная проблема); либо решаются почти исключительно за счет перераспределения ресурсов (например, сельское хозяйство); либо имеет место мнимое их решение, т. е. «решение» за счет изменения формы, но не содержания (например, перестановки в управленческом аппарате, видимость экономических реформ в промышленности, администрирование на местах, новые «компании» и т. д.

<...> Состояние общества в целом можно определить как «инерционно-устойчивое», при усугубляющихся основных противоречиях, что объясняется «органичностью» существующего строя, в том числе — его соответствием сложившимся национально-психологическим чертам данного народа.

<...> О возможных направлениях перемен (если они состоятся): 1) в случае изменений в высшем руководстве — может быть и «к худшему» и «к лучшему» (смотря кто захватит власть); 2) в случае углубления отставания экономики — скорее «к лучшему» (поскольку руководство к этому окажется вынужденным); 3) в случае войны (горячей или даже холодной) — очевидно к худшему.

При этом под «лучшим» мы понимаем демократизацию, либерализацию и т. п., под «худшим» — усиление тоталитарности в обществе.

Ремарка: что — «лучшее», что — «худшее»?

В таком понимании «лучшего» и «худшего», как указано в экспертном листе № 1, большинство наших тогдашних собеседников в принципе сходится. Например:

«...Лучшее — говоря общо — тенденция к демократическим свободам, к самосознанию личности и к созданию условий для ее гражданского и нравственного развития...». Худшее — «военная диктатура, всевластие ГБ, партаппарата и т. д.» (Экспертный лист № 24; «Алазанская» — В. Дмитриевский).

Ряд экспертов определяют «лучшее» также и в плане продвижения к рыночной экономике. Например:

«...Под переменами к лучшему мы понимаем решение хозяйственных проблем, допущение частной собственности на землю, на мелкие предприятия, в сфере обслуживания + политическая демократизация» (Экспертный лист № 25; «Никита Боголюбский» — В. Чеснокова).

Некоторые эксперты разворачивали представление о желаемом («лучшем»...):

«...Лучшее — это: большая (речь не об идеальной модели) мобильность общества; выполнение хотя бы тех законов, которые есть (из письма Белинского к Гоголю); максимально возможный простор конкуренции в

хозяйственной сфере; легализация безработицы; фиксированный, значимый разрыв между положением работающего и не работающего; максимальное усеменение (в общественной оценке всякой данной личности. — А. А.) всех мотивов, лежащих вне вклада человека в общественное производство: социальное происхождение, положение, “расовая чистота” (имелась в виду национальность. — А. А.), партийная принадлежность, личные связи; устойчивая внешнеполитическая ориентация на союз с Западом против Востока (петушок должен смотреть на восток)» (Экспертный лист № 44; «Без псевдонима»).

Еще одно — наикратчайшее — определение:

«...«Лучшее» — это материально богаче, демократичнее и богаче духовно» (Экспертный лист № 36; «Ученый» — А. Баранов).

Как видно, при всем разнообразии конкретных формулировок практически все участники опроса «исповедуют» (ориентированы на...) ценности либерализма и демократии. Так что при цитировании других экспертных листов соответствующие пояснения «респондентов» будем, как правило, опускать.

Интересно определение, предложенное одним из «неопознанных» участников опроса: «...Лучшее — такое, в котором человеку, личности предоставляются условия, материальные и духовные, для сохранения его человечности, самого себя, своей природы...» (Экспертный лист № 17; «Весь»).

(Все цитаты — см.: Ожидали ли перемен? (Из материалов экспертного опроса рубежа 70—80-х годов). Кн. 1-2. М., 1991). (Январь 1999 — июнь 2005).

<...> Главный итог социального развития — создание «гомо советикуса», относительная социальная и моральная деградация личности.

<...> Могут оказаться значимыми следующие три внешнеполитических фактора: а) экономическое и научное отставание от Запада; б) невольное, вынужденное расширение информационного обмена; в) «китайский фактор» (современный Китай — наша гиперболизированная модель; мы можем пострадать от системы, созданной по нашему же образцу).

Данное общество, по его сути, тяготеет к восточному типу деспотических режимов. Но, возможно, оно рано или поздно будет вынуждено (в силу объективных экономических или политических обстоятельств) «смириться» с некоторыми элементами демократии западного типа (например, допущение оппозиционных высказываний в печати или даже многопартийности, по образцу ГДР или Польши).

<...> Перемены пока возможны только в рамках существующего строя. Поэтому если они состоятся, то будут осуществляться преимущественно правящей верхушкой и теми, кто с ней связан. Перемены не «снизу», а «сверху». <...>

<...> Примерная последовательность возможных (но не обязательных) перемен: от робкого и вынужденного расковывания инициативы в экономике (типа поощрения развития личного подсобного хозяйства и др.), через усиление этого процесса, к необходимо вытекающей из него либерализации (также весьма осторожной) в сфере управления производством, а затем, возможно, и в сфере политического управления.

<...> Коренные изменения общественной системы в обозримый период практически исключены. Однако возможны вынужденные, прежде всего — ухудшающимся экономическим положением, шаги руководства по развязыванию производственной инициативы <...>. Эти шаги, разумеется, могут быть предприняты руководством только в интересах самосохранения. <...> Начавшийся процесс, развиваясь, может выйти из-под контроля и затронуть также политическую сферу. Однако в любом случае это будет долговременный процесс, существенные результаты которого смогут обнаружиться лишь за пределами XX столетия. <...> Январь 1979 (с. 26-31)

* * *

Экспертный лист № 2 (*) . **Порядочный человек**

[По предположению Н. Шустровой, бравшей это интервью, экспертный лист № 2 принадлежит докт. эконом. наук, проф. Софье Михайловне Фирсовой, ныне покойной. — А. А.]

<...> Обострение всех противоречий: экономических, социальных и т. д. Накопление всех проблем.

<...> Кризисы: транспортный, энергетический, продовольственный. Инфраструктура не соответствует потребностям развитой страны. Материальный уровень жизни — в стагнации. Жилищный кризис не разрешается. Здравоохранение и образование ухудшаются. Растет детская смертность, много детей-дебилов. Усиливается пьянство. Среди проблем, которые не будут решены и к 2000 г., — белковая и жилищная. Наука работает в значительной степени на холостом ходу. Инженеров — в 4 раза больше, чем в США, но зачем они? Это — нищие. Проблема трудовых ресурсов осложняется. Отношение к труду очень скверное (см. «Дом» Абрамова). Руководство многие проблемы не представляет. АСУ (12 млрд руб.) — псу под хвост. Глушков — мистификатор. Экономическая реформа провалилась. Никаких стимулов материальной заинтересованности. Копеечное повышение ничего не дает. Поэтому рабочим просто приписывают зарплату на тех местах, где их не хватает. Управления экономикой не получается. Социальные условия труда хуже, чем во всех странах. От конвейеризации на Западе отказались, а здесь ее внедрение на полном ходу. Травматизм растет. «Технологический ров»

между нами и США непреодолим. Способных людей выгоняют: они конкуренты. Все это только малая толика проблем.

<...> На данном этапе общество стабильно за счет инерционности. Основную массу интересуют материальные блага. Не потому, что народ плох, а потому, что он настрадался. Идет «омещанивание». Это неплохо: любое развитое общество должно дать своим гражданам средний достаток. Когда нельзя законным путем — берут взятки и проч. Те, кто распоряжаются дефицитом, — нагревают руки.

<...> Кризис наступает, но медленно. Не все его могут осмыслить. <...> Кризис в начальной стадии.

<...> До конца века так продолжаться не может. Все станет дефицитом, если не будет перемен. Все завязано на гонку вооружений. Будет разоружение — все остальное можно решить. А это зависит от доверия.

<...> Процесс начался, он носит эволюционный характер. По мере ухудшения экономического положения, недовольство может усиливаться. Нейтрализующим фактором является страх перед войной. <...>

[К силам, которые «подтолкнут к переменам» эксперт относит: «небольшую часть художественной интеллигенции»; «научную интеллигенцию»; «часть офицеров»; «журналистский корпус» (частично); «часть духовенства»; «евреев»; студентов ведущих вузов» (не гуманитарных). «Проведут реформы»: «часть (партийно-государственного) аппарата» («Но осуществить перемены можно только на уровне ЦК...»). «Поддержат и закрепят перемены»: «часть рабочего класса, часть технической интеллигенции, учителей» («Честных и порядочных людей очень много. Но многие из них боятся...»). «Активно противодействовать будут»: «высший генералитет»; «парработники старшего поколения»; «бюрократический аппарат министерств и ведомств»; «нечестные люди, которые занимают мелкие руководящие посты»; «студенты-рабфаковцы». «Пассивно противодействовать будут»: «малоквалифицированные недисциплинированные элементы»; «деклассированные, хулиганские, криминальные элементы»... — А. А. Ј.]

Даты перемен будут связаны: 1) с этапами разоружения (или гонки вооружений); 2) с уходом геронтократии; 3) с динамикой уровня жизни. Перемены скорее всего потребуют всю оставшуюся часть XX века. Но они могут покатыться как снежный ком, хотя этого никто не может предсказать.

<...> Сначала — решение некоторых международных проблем, разоружение, внедрение западной технологии, некоторое повышение уровня жизни. Затем — решение кадровых проблем и назревших проблем экономики. <...> Итак, цепочка перемен во времени может выглядеть следующим образом: международные — внутриэкономические — социальные — идеологические, правовые и т. д.

<...> Нынешняя ситуация представляет собой тупик, в некоторых отношениях более явный, чем во времена Сталина. <...> Первыми эпизо-

дами в сценарии перемен могут стать подписание ОСВ и (или) уход геронтократии. <...>

Январь 1979 (с. 32-40)

* * *

Экспертный лист № 3 (*). **Киса** (—)

<...> Общественное развитие связано с все большим усилением целостного бюрократического класса, позиции которого укрепляются. Специфика этого класса: он пополняется за счет людей или бездарных, или ориентированных на узкие собственные интересы.

Формальный характер демократии усиливает неограниченность их власти. С другой стороны разбухший аппарат насилия, общая система образования, которая отупляет народ, развитие средств массовой информации не могут создать условия для реальной оппозиции этому классу.

<...> Немногочисленная оппозиция не только не имеет поддержки, но и порождает протест в массах.

[*Нынешнее состояние данного общества... — А. А.*] — устойчиво. <...> Раз положение стабильно, значит не кризисно.

<...> Правящий класс либо недооценивает силу Китая, либо переоценивает собственную силу. Пытаясь нейтрализовать все более осознаваемую им китайскую опасность, он может пойти на частичные уступки [*Западу. — А. А.*] во внешней, но не внутренней политике.

[*Вопросы о «времени и ходе перемен» оставлены без ответа. — А. А.*]

Январь 1979 (\)

* * *

Экспертный лист № 4 (*). **Гуманитарий** (—)

Ответ по общему впечатлению от анкеты.

Система с каждым годом все более обнаруживает свою несостоятельность. Обнаруживается невозможность положительного развития — ни в области экономики, ни в области идеологии. Хотя паллиативы еще возможны. Кризис созрел. Но кульминации его предвидеть еще нельзя.

Существенные положительные изменения до конца века в принципе возможны. Мы имеем в виду расширение условий для проявления личности.

Оптимизм основывается на том, что развитие современного индустриального общества, без известных положительных сдвигов в данной системе, невозможно. Например, период конца 50-х — начала 60-х гг. Он был. Стало быть, возможен.

Одним из самых коренных факторов современности мы полагаем соотношение проблем экологии и НТР.

Влияние внешних факторов на развитие данного общества весьма существенно.

Данное общество тяготеет в западному (индустриальному) типу развития.

Основной творческой силой нам представляется интеллигенция (недаром она растет).

Быстрые, крутые перемены мы полагаем невозможными. Вероятнее «судорожное развитие»: вперед — назад, и т. д. Точные сроки указать затруднительно.

Перемены в экономической сфере неизбежно должны привести к существенным сдвигам в сфере духовной.

Январь 1979 (с. 41)

* * *

Экспертный лист № 5. Барсук

[Пеэтер Вихалемм и Марью Лауристин — социологи. На момент интервью, оба — доценты Тартуского университета. В конце 80-х гг. Марью Лауристин была одним из лидеров Народного фронта Эстонии, потом Министром суверенной республики Эстония. Ныне П. Вихалемм и М. Лауристин — оба — профессора Тартуского университета. — А. А.]

<...> Можно говорить о всеобщем кризисе (т. е. кризисе общества в целом), как экономическом, так и социальном, так и, надеюсь, политическом.

<...> Да, можно ожидать существенных перемен. По-видимому, неизбежно — до конца века.

<...> Можно указать на тенденцию приближения общества к классическому, описанному в теории у известного автора состоянию революционной ситуации (верхи не могут, низы не хотят, рост угнетения, нарастание активности). Но имеется и много стабилизирующих факторов исторического характера (привычка русского народа к царскому режиму, отсутствие навыков демократического самоуправления, смиренное отношение даже к ненормальным условиям). Даже среди интеллигенции — слишком большое влияние российского «мессианизма» (все-таки мы и у нас — лучше всех, как бы плохо нам ни было; все-таки мы форпост прогрессивного человечества). Из новых стабилизирующих факторов следует указать на появление черт массового потребительского общества.

<...> Могут быть очень разные варианты, в зависимости от обстоятельств. Ибо, как показывает история, роль личности в нашем общественном развитии очень велика. Личностные обстоятельства часто вносят очень большой момент неопределенности.

<...> Вероятно, начальным пунктом окажется «смерть царя». Это может произойти в любой момент. Ибо он себя снять уже не может. Он уже при исходе и незачем рисковать.

<...> Мы склоняемся к наибольшей вероятности зигзагообразного развития с позитивным исходом.

В таком случае: «Царь» умирает, завещая власть угодным ему преемникам. По-видимому, основным преемником будет еще более безликим «центристом», который сослужит роль промежуточного буфера. Затем — неизвестно, какая из сил, «левых» или «правых», имеет более реальные шансы, путем «тихой революции» в этот период безвременья занять ключевые посты. Произойдет какая-то кристаллизация сил. Но если официальный преемник будет безликим бюрократом (что вероятно), то он скорее даст ход более «правым» (ибо они привычнее, более «идеологически проверены»). Тогда наступает период перелома «к худшему» и обострения противоречий.

После чего будет либо катастрофальный исход с Китаем (сильная клика может пойти на риск превентивной войны с Китаем), либо — и это более вероятно при слабой клике — усугубление противоречий приведет к необходимости новой и более радикальной смены власти, обеспечивающей коренные экономические изменения (хотя в любом случае — на социалистической основе; несоциалистический вариант нами исключается). После этого возможно либо технократическое развитие, с новыми социальными противоречиями, либо демократическое развитие (возврат к исходным принципам советской власти, в смысле народного самоуправления). Таков наиболее вероятный вариант, со всеми его «ответвлениями».

<...> Другие варианты:

— при высокой готовности (чего мы не знаем) тех сил, которые сейчас заняты разработкой новых, прежде всего экономических моделей развития, при наличии у них подходящего кандидата в политические руководители, способного пойти на риск открытых общих перемен (вроде Хрущева, но умнее и с более широкой социальной поддержкой, способного отказаться также от некоторых идеологических анахронизмов), возможны «линейные» перемены к лучшему, по исправленной «чешской модели»;

— при высокой готовности (чего мы также не знаем) сталинистских сил возможен, при поддержке наиболее отсталой массы народа, армии и наиболее консервативной части бюрократии, поворот к худшему, объявление Брежнева либерал-ревизионистом и попытка установления военного тоталитарного режима. Если это не приведет быстро к военному конфликту с Китаем, то этот режим продержится не слишком долго (см. первый вариант). Если же война с Китаем, то неизвестно, что будет (катастрофальный путь). <...>

Февраль 1979 (с. 42-47)

* * *

Экспертный лист № 6. Беломор

[Ющенко Александр Николаевич, социолог, канд. филос. наук; на момент интервью — старший преподаватель Высшей профсоюзной школы культуры. — А. А.]

<...> а) Возрастает социальная дифференциация: на одном полюсе все более отчетливо формируется класс «бюрократов», на другом — сближающаяся по условиям непродуцированной жизни масса производителей, занятых как умственным, так и физическим трудом, как в городе, так и в деревне.

б) Процветает почти неприкрытый грабеж массы при помощи искусства дефицита розничных товаров; фигура Корейки потеряла комическую окраску, стала зловеще трагической и многократно размножившейся.

в) Вышеперечисленное происходит на фоне относительного экономического спада и катастрофического отставания в области технологии на Западе. Как следствие, наблюдается относительное обнищание масс, а если иметь в виду только продукты питания, то можно говорить и о абсолютном обнищании.

<...> Общественное состояние — неустойчивое, несущее в себе историческую возможность серьезных общественных перемен.

<...> Кризисные явления распространены широко, но не достигли глубины, необходимой для общего кризиса. Народ смеется над верхами, но еще не плачет. Верхи презирают народ, но еще его не боятся. <...>

[Можно ли ожидать коренных перемен? — А. А.]: Можно, не позднее конца XX века. Вероятность — порядка 90%.

<...> Перемены будут скорее всего разнонаправленными, тут будет «каша». Результирующее направление — «к лучшему», т. е. к демократической организации общества и установлению на практике диалектического единства коллективной и индивидуальной собственности в экономике, к резкому росту производительности труда, к расширению и упорядочению сферы непродуцированного потребления.

<...> Скорее резкие перемены.

<...> Два важных фактора, хотя ими и не исчерпывается картина *[внешних. — А. А.]* влияний: а) альянс и давление США и Китая + всей системы капитализма в экономической и военной сфере; б) идеологическое давление течений мирового коммунистического движения типа «еврокоммунизма». <...>

[Сроки перемен. — А. А.]: Начало 80-х — не позже 1987 г. <...>

[Вероятная очередность перемен. — А. А.]: Расширение забастовочного движения (оно идет все время в латентной форме; нам лично довелось наблюдать забастовки рабочих дважды: в 1961 и в 1972 г., обе — на промышленных предприятиях Ленинграда). <...> Забастовки — до уровня целого предприятия, затем — то же до уровня города и региона, превращение забастовочного движения в регулярное и систематическое, поддержка со стороны армии и, возможно, вооруженный переворот. (Могут быть и другие варианты, типа «дворцовых переворотов»). Но по крайней мере сама логика развития видится именно в такой последовательности: от расширения масштабов и поднятия уровня забастовочного движения до политического — к перевороту. Далее — создание временного революционного правительства, проведение многопартийных

выборов в парламент, принятие новой Конституции, а параллельно — изменения в экономике, введение новых форм собственности; вопрос о формах собственности — один из основных в революционном преобразовании экономики. <...>

Февраль 1979 (с. 48-51)

* * *

Экспертный лист № 7. **Катя**

[Глухов Валерий Дмитриевич, социолог; на момент интервью — научный сотрудник Высшей профсоюзной школы культуры, ныне — помощник депутата Законодательного собрания Санкт-Петербурга Н. Евдокимовой, эксперт по жилищным вопросам. — А. А.]

<...> С одной стороны, противоречия накапливаются. С другой стороны, значительная часть их разрешается, что является, с нашей точки зрения, объяснением устойчивости. <...> У общества еще есть запас пути для серьезного тупика. Т. е. еще не все резервы этой общественной системы исчерпаны.

<...> Мы называем существенными или коренными переменами, например, такие, как резкое (очень значительное и относительно быстрое) увеличение роли рядового человека в принятии решений, касающихся страны в целом (например, практика референдумов). Это не все. Коренными мы называем такие изменения, когда меняется система организации общества. В этом смысле существенных перемен мы не ожидаем. Ибо, как нам кажется, еще велик запас всевозможного маневрирования управленцев, с одной стороны, и распространено не критическое мышление в массах населения, с другой стороны.

<...> Ожидаем снижения показателей производительности труда и роста преступности. Это, по-видимому будет вызывать рост административных воздействий и ужесточения регламентации общественной жизни. Как следствие, будет накапливаться, вероятно, неудовлетворенность различных общественных слоев, но в первую очередь технической интеллигенции, подобным состоянием, будут множиться случаи тех или иных нелегальных проявлений общественно-политической активности. Более отдаленные следствия подобных тенденций трудно предвидеть.

<...> Можно ожидать постепенного, эволюционного, меняющего положение дел только в частностях, общественного развития, существенные итоги которого выходят за пределы XX века...

Специального обсуждения заслуживает вопрос о коренных стремлениях индивида, Личности. <...> Важно вникнуть в «скрытые» проблемы духовной жизни индивида, без понимания которых невозможно успешное и полное решение и социальных проблем. К таким духовным проблемам относится «овладение своими внутренними силами» (говоря словами Блока), которое непосредственно не зависит от социальной организации общества.

Февраль 1979 (\)

* * *

Экспертный лист № 8 (*). **Днепров** (—)

<...> Происходит накопление нерешенных проблем. Усиливается разрыв между реальной жизнью и официальными представлениями о ней. Это вызвано главным образом идеологическими причинами и задачей сохранения власти. Общество разлагается в основном из-за лжи. Конкретный человек вынужден жить двойной жизнью (поставлен в такие условия). Но происходят и противоположные процессы, которые дают надежду на возрождение. Но эти процессы — вне государства.

<...> Таких перемен (коренных!) следует ожидать в ближайшие десять лет.

В целом направление должно быть «к лучшему». К лучшему — это значит — к нравственно полноценной и здоровой жизни. Главное — исчезнет необходимость лгать, чтобы жить. <...>

<...> Ожидаем резких и крутых перемен. <...>

<...> Есть два аспекта. Один — разложение государственной формации. Верхы теряют контроль над ситуацией. Второй — быстрое развитие различных оппозиционных настроений и движений. В том числе религиозное (нравственное по своему главному направлению). Когда диссидентство примет религиозные измерения — это и будет являться спасением общества.

Подтолкнут общество к переменам — оппозиция и экономический кризис. Фактически осуществит армия. <...> Победит та общественная группировка, которая отменит нынешнюю идеологию.

Перемены произойдут тем быстрее и будут тем существеннее, чем быстрее и существеннее будет расти вторая культурная действительность, родившаяся в недрах данного общества, но внутренне глубоко *[этому обществу... — А. А.]* чуждая. <...>

Февраль 1979 (с. 52-54)

* * *

Экспертный лист № 9 (*). **Имперцев** (—)

<...> Противоречия накапливаются. <...> Неэффективность хозяйства + национальный вопрос. <...>

[Характеристика общественного состояния. — А. А.]: Инерционная устойчивость.

[На вопрос о кризисе. — А. А.]: Конечно. Распад всех социальных функций.

<...> Можно ожидать сдвигов в начале XXI века (существенных! — или катастрофа). Разнонаправленные, но одновременные перемены. Это-то и приведет к катастрофе.

<...> Положительные тенденции: контакты с Западом; развитие потребительства; уменьшение страха. Негативные тенденции: национализм; нехватка рабочей силы; идеологический вакуум.

<...> Мы полагаем неверным прилагать к истории понятия «лучшее» и «худшее». В историческом контексте все может оказаться с обратным знаком.

<...> Главное противостояние таково: с одной стороны все (в т. ч. на самом верху) — сторонники имперской политики (даже дальнейшей экспансии). И они, как ни странно, вынуждены быть носителями имперского начала. С другой стороны — технократия (в целом), готовая отказаться от имперской политики, но зато мечтающая об «укреплении» (закреплении и т. д.) внутри (носители этой диктатуры). И они более реалистичны.

<...> Главные перемены идут сейчас, а «скачок» — в начале XXI века. <...> Начало распада империи вероятно к XXI веку. <...>

Март 1979 (\)

* * *

Экспертный лист № 10. **Тройка**

Ремарка: пропавший экспертный лист.

Этот экспертный лист, датированный началом 1979 г., был тем единственным, который в 1983 г. оказался (путями, о которых могу лишь догадываться...) в распоряжении Управления КГБ по Ленинградской области. Ксерокопия его фигурировала в партийном деле, которое мне показывала сотрудник партийной комиссии Ленинградского горкома А. Грачева осенью 1984 г.

Не исключено, что эта копия и сейчас хранится (в составе моего партийного «дела») в Центральном государственном архиве историко-политических документов — преемнике партархива при Ленинградском ОК КПСС.⁶

Так или иначе, в мой «тайник» (конфиденциальное хранилище материалов опроса)⁷ экспертный лист № 10 не попал, и потому у автора этих строк не сохранился — я его текстом не располагаю.

*О чем стоит пожалеть: социолог, нынешний сотрудник Социологического института РАН Владимир Никифорович **Павленко** (а «Тройка» была именно его псевдонимом), как помнится нам обоим, «назначал» тогда крах социалистической системы в Восточной Европе на рубеж 80-х — 90-х гг.*

Его прогноз, как видно, оказался точным. (Январь 2000).

* * *

Экспертный лист № 11 (*). **Олин** (—)

<...> Проблемы в основном разрешаются. Примеры. Мясо: меньше его не стали продавать, оно исчезает в магазинах, но распространяется по другим каналам. Квартиры: меньше государственных, больше кооперативных; слишком много желающих вступить в кооператив — повы-

⁶ А вот оригинал наверняка утерян безвозвратно, вместе с другим «делом», заведенным в свое время в УКГБ ЛО. Это дело было ликвидировано (уничтожено), как мне известно, в 1991 году.

⁷ См. об этом в томе 1 настоящей книги: раздел 1.3.

шаются цены. Нужно выбрать деньги у населения — повышаются цены на кофе, водку и проч.

Противоречия власть тоже каким-то образом решает, методами ей известными: запугиванием, вивисекциями и т. п. Противоречия не то что-бы снимаются, но решаются в пользу власти: «Мы за ценой не постоим».

<...> Состояние устойчивое.

<...> Кризисных явлений не вижу. Власть вполне контролирует ситуацию во всех слоях. Масса оболванивается, удерживается в подчиненном состоянии через хорошо отлаженный институт функционеров (все общественные организации задействованы в одном направлении).

<...> **Изнутри** они [*перемены. — А. А.*] не могут наступить. Ситуация будет в основном равновесной. Но это без учета внешних воздействий.

<...> Многое зависит от того, насколько мировое общество поймет свою ответственность за положение каждого народа, поскольку все народы влияют на планету. Осознание — первый шаг. Следующий шаг — изыскание инструмента воздействия (пример — «третья корзина» Хельсинки). Но это только начальный шаг (Хельсинкская встреча была проведена на соглашательском уровне). Отработка понимания и инструментов должны идти не на государственном уровне, а на уровне общественных деятелей и организаций. Именно они должны выдвинуть предложения, которые найдут поддержку правительств.

<...> Излагавшееся ранее представление о неизменности данного общества было основано только на внутренних моментах. Внешние факторы могут и раньше привести к переменам. Какие это будут события (новая Чехословакия, новая Кампучия?) — сказать трудно.

<...> Решающий толчок — **извне**.

...Подтолкнут люди, которые, понимая ситуацию, могут говорить о ней достаточно ясно. Это не только сегодняшние диссиденты, но и те, кто сегодня отрешивается от них. Им нужно для поворота в их поведении некоторое «развинчивание гаек».

<...> Толчки извне должны привести к перегруппировке в правящем клане. Должны выдвинуться люди, которые способны на «перемену лошади». Те, кто обладает необходимыми к тому профессиональными качествами. Дальше возникнет необходимость «ссаживания с коней» тех из этих недавно пересевших людей, кто будет оглядываться на прошлое и проявлять непоследовательность, т. е. потребует реализация программы, изложенной чехословацкими интеллигентами в «2000 слов». Тогда власть перейдет к людям, избранным по новым законам и в новой атмосфере.

<...> Возможные формы поведения. «Подталкивающие»: активные выступления в печати, по радио, телевидению, в легальных и нелегальных рамках. Если начнется «оттаивание» — самиздат обновится, разольется, станет сначала полуполюгальным, а затем легальным.

«Фактически осуществляющие»: чтобы сесть в новые седла, они должны активно высказываться, затем захватить позиции в аппарате управления (существующими методами: сговор, выдвижение своих людей и т. д.). На новую лошадь могут сесть и те, кто сейчас «в седлах», и новые люди. «Поддерживающие»: будут вести себя так, как всегда, — поддерживать, голосовать, одобрять: «Об этом мы всегда мечтали!».

<...> На протяжении 2-3 лет Запад осознает свою обязанность, в следующие 5 лет он примет необходимые меры воздействия для либерализации данного общества. Какие меры? — Прекращение экономических связей, до тех пор, пока данное общество не примет на себя определенных обязательств. Прекращение культурных связей: разрыв договоров, контактов. Поправка Джексона — правильна. Надо выдвигать новые требования. Они чувствительны для власти, она не может на них не реагировать.

А затем — начало процесса изменений в структуре данного общества. Итак, к 1990 г. Запад должен занять непреклонную позицию, в особенности в военных вопросах, требовать уступок во внутренних делах. С Китаем — поощрять к давлению, оказывать необходимую моральную и материальную поддержку. Все это — не прогноз, а надежда, мечта.

<...> В анкете нарушен логический порядок: надо сначала выделить проблемы и противоречия данного общества, дать им содержательную характеристику, а затем ставить вопрос, углубляются они или решаются.

Март 1979 (\)

* * *

Экспертный лист № 12 (*). **Тигр**

[Захаров Виктор Павлович, филолог, специалист по прикладной лингвистике, канд. филол. наук; на момент интервью — зав. отделом математического обеспечения Ленинградского центра научно-технической информации и пропаганды, ныне — доцент филологического факультета Санкт-Петербургского университета и зав. отделом Библиотеки Академии наук. — А. А.]

<...> Каким бы ни был ответ на первый вопрос *[о преодолении либо усугублении противоречий. — А. А.]*, нынешнее состояние общества представляется мне очень стабильным. Пусть даже усугубляются какие-то противоречия, они, по-видимому, не касаются некоторого механизма стабилизации. Что это за механизм, не очень ясно.

Но можно сказать, что проведенная в свое время «кастрация» политической жизни в принципе исключает возможность каких-либо общественных изменений «снизу».

Изменения *[же... — А. А.]* «сверху» прогнозировать трудно. А главное, что имеются какие-то механизмы регуляции-саморегуляции, которые постоянно обновляют экономическую, политическую (что осталось) и прочие системы.

<...> Кризисные явления безусловно есть, но в первую очередь они касаются и представляют наибольшую опасность не для общества, а для индивида.

<...> Особо существенных перемен не предвидим. Если оценивать общую направленность, то «к худшему», и именно в смысле «человеческого фактора».

Общество сравнительно устойчиво. Сейчас оно вступает в фазу «общества потребления» (конечно, на социалистический манер). Но все-таки кое-что можно предвидеть, имея перед собой западное общество.

Но меняется человек, его душа, мораль. Все заметнее утверждается мысль: «все позволено». Награда за молчание, за лояльность — «тащи, что можно»... «Нас не трогай и мы не тро...» (Пришел на память прекрасный фильм Андр. Хржановского «Стекланная гармоника» — как там молчат и тащат!). «Жизнь во лжи», двоемыслие — почти что неискоренимы. Непредложные из веку ценности: земля, добросовестное отношение к труду, к делу, семья, совесть, заповеди Христовы — уже никакие не ценности. И такое изменение души человеческой закономерно и, наверно, обязательно с точки зрения тех законов и механизмов, которые обеспечивают стабильность данного общественного уклада. И оно, это изменение, закрепляется всей тоталитарной и циничной системой воспитания и образования. И это, может быть, самое ужасное. Дети уже с пеленок приучаются жить в атмосфере покорности, лжи, прагматизма.

<...> Рост насилия. Все меньше его осуждение в душах людей.

Разрешение противоречий общественного порядка увеличивает проблемы индивида.

<...> Формируется (разрастается количественно) тип людей, так сказать, частной инициативы. В первую очередь, это спекулянты и т. п., одним словом, люди, которые ловят рыбку в мутной воде социалистического хозяйства. Так вот, эти люди расшатывают нравственные критерии, дают образцы поведения массам.

Другой полюс: в литературе — хор голосов, не столь уж многочисленный (но голоса талантливы), напоминающий человеку о старых ценностях и их непреходящести. В первую очередь, это писатели-деревенщики, но не только (например, А. Битов, бесспорно, один из этого «хора»).

<...> Тяготеем к западному типу — так называемая цивилизация.

<...> Но в то же время потихоньку заражаем мир своими социалистическими «вирусами», которые пока что трудно излечимы...

Март 1979 (с. 55-57)

Ремарка: как раскрываются псевдонимы.

История определения авторства этого текста интересна. Интервью у Виктора Захарова в начале 1979 г. брал не я, а Нина Шустрова (одна из соавторов методики). Она и передала мне тогда цитированный выше экспертный лист (не сообщая, согласно процедуре, кто отвечал на вопросы).

Когда в 1991 году, вышел в свет сборник «Ожидали ли перемен?», информация об этом не достигла В. З.; не знал и я, что он был в числе опрошенных (хоть мы и были знакомы).

Еще через 10 лет на дне рождения у Н. Ш. собрались ее старинные друзья. Вспомнили об андерграундном прогностическом исследовании рубежа 70—80-х гг. И оказалось... что двое из присутствующих — В. Захаров (лингвист) и В. Кацнельсон (экономист) — участвовали в том самом опросе. И еще нескольких опрошенных ею по анкете «Ожидаете ли Вы перемен?» припомнила Нина Шустрова.

Я попросил В. З. и В. К. посмотреть комплект экспертных листов: не найдут ли там себя? Владимир Борисович Кацнельсон — не нашел (т. е. не узнал, не смог идентифицировать). А Виктор Павлович Захаров уверенно определил, что именно ему принадлежит лист № 12.

«Псевдоним “Тигр” не мною придуман, а вот ссылка на фильм Хржаковского — точно моя!..», — заметил он. (Июль—ноябрь 2000)

* * *

Экспертный лист № 13 (*). **Ира**

[Рубашкин Валерий Шлемович, канд. филос. наук, докт. техн. наук; на момент интервью — доцент Ленинградского института культуры, ныне — профессор Санкт-Петербургского университета культуры и искусства. — А. А.]⁸

Разрешаются <...> проблемы или усугубляются?

Если говорить о специфических проблемах данного общества — ни то, ни другое. Правильнее сказать, что в меняющихся исторических условиях являет себя все одна и та же проблема: отсутствие естественных механизмов саморегуляции общественной жизни, отсутствие общественной самостоятельности и инициативы — в самом широком смысле слова. А на поверхности — в непосредственной данности как сознанию рядового индивида, так и сознанию власти — все это предстает прежде всего как факт неэффективной экономики: трудности снабжения, дефицит трудовых ресурсов, отставание и низкая эффективность науки, неустойчивость быта и т. д., и т. п. — все вещи достаточно общеизвестные. Проблема не усугубляется, просто она постоянно **есть**, но в каждую эпоху являет новое лицо.

Так, в настоящий момент на официально-литературном уровне на первый план выступила проблема нравственности в хозяйственной жизни — ср. пьесы Гельмана и десятков эпигонов золотоискателей на этом поприще, кампания, ведущаяся на этот счет «Литературной газетой» и т. д. На неофициальном уровне — всеобщее осознание фальши (и дураку ясно...), всеми сознаваемая гнусная система межличных и служебных, и бытовых отношений по принципу «ты мне — я тебе», как вершина развития социалистического образа жизни и др.

<...> Устойчиво ли нынешнее положение?

⁸ У В. Ш. Рубашкина интервью в свое время брала также Нина Шустрова. Просмотрев все экспертные листы, В. Р. уверенно «узнал себя» в экспертном листе № 13. Вот и еще один раскрытый псевдоним...

Несомненно. (Но это не исключает факта непрерывной эволюции). О кризисе общества в целом нет речи. Есть стабильный механизм функционирования и воспроизводства власти, вокруг которого все и вертится, без особых происшествий: «все по делу, все путем». Нехватка колбасы, хулиганские выкрики диссидентов, еврейская миграция и т. п. — все это, с точки зрения стабильности механизма, хоть и досадные, но в общем малосущественные подробности. А если приспичит — любые частности можно и изменить, не меняя целого.

<...> Вообще, подобные «безвыходные», «тупиковые» исторические ситуации разрешаются иначе — не борьбой, не «взрывом». Чем-то это напоминает историю смены культуры Рима христианством. Как говорил Флоренский, постепенно возникает простое слово «**Не надо**», и в один прекрасный день шустряки-функционеры с ужасом обнаруживают, что взгляды людей обращены совсем в другую сторону. А как конкретно этот конец оформится — в конце концов несущественно. Но это — смена поколений, — время, время, время... А нам остается — «времена не выбирают» (в крайнем случае выбирают место жительства...). <...>

[Далее эксперт рассматривает «разнонаправленные» внутренние факторы эволюции: 1) научно-технический прогресс, включая автоматизацию и «тотальный машинный учет в экономике»; 2) «огромные масштабы и национальная неоднородность страны (консервирующий фактор)»; 3) «фактическое формирование наследственно-привилегированного слоя»; 4) «конец иллюзий в массовом сознании, связанных с содержанием официальной пропаганды», «уход из социальной жизни в личную, вообще в менее контролируемые сферы существования»; 5) урбанизация; 6) «постоянная потеря наиболее ценной части генофонда (эмиграция крупных ученых и деятелей культуры)»; 7) кодификация в различных сферах законодательства («в этом есть... и реальное позитивное начало, но проявляться оно будет не сразу и исподволь»). — А. А.]

Само составление подобного перечня позволяет убедиться, что оснований ожидать крутых перемен здесь нет.

<...> Наиболее серьезное и заслуживающее внимания по этому вопросу, видимо, у А. Зиновьева.

Общая тенденция все же: «Вперед на Запад, медленным шагом, робким зигзагом».

Апрель 1979 (с. 58-62)

* * *

Экспертный лист № 14. Октябрь

[Тихонов Александр Васильевич, социолог; на момент интервью — канд. филос. наук, заведующий социологической лабораторией Высшей профсоюзной школы культуры, ныне — докт. социол. наук, профессор; в 2003—2004 гг. — директор Социологического института РАН; с 2005 г. живет в Москве. — А. А.]

<...> Происходит усугубление противоречий и постепенное накопление нерешенных проблем, т. е. их решается меньше, чем возникает вновь.

<...> Экономическая сфера: дошел до предела необратимый процесс экстенсивного развития (на чем по существу вырос весь политический режим — тоталитарный режим государственного капиталистического типа). Отсюда ряд следствий: снижение заинтересованности в результатах труда; снижение производственной и общественной инициативы; изменения в социальной структуре (повышение ее неоднородности, расслоение по критерию богатства); социологический кризис, проявляющийся в растущем неверии официальной социологии, показухе и т. п.; «двойная мораль»; партийный кризис (неосуществление программы партии); рост социальных болезней (преступно-психогенные отклонения); своего рода «растаскивание» национального дохода.

<...> Усматриваем скорее частичное кризисное состояние: несомненным является кризис «верхов», а не всего общества. «Низы» испытывают этот кризис «верхов» как «недопотребление». Поэтому можно сказать, что кризис верхов, если он задержится надолго, при помощи каких-то чрезвычайных мер типа милитаризации общества и т. п., может превратиться в кризис общества в целом.

<...> Положение будет ухудшаться до постановки общества на грань тотального кризиса. <...> Не исключаем возможности резких перемен. Но более вероятными представляются постепенные изменения.

<...> Мы видим перспективу в следующем: новое «западное» общество с «азиатским» оттенком. Китайцы заслонили нам «азиатский» путь в чистом виде и тем самым обусловили «европейский» путь развития, встать на который полностью мы, однако, не можем.

<...> В духовном или политическом развитии наметились все возможные оттенки общественного движения: 1) «марксисты» правые (типа Брежнева); 2) «марксисты левые (типа Медведева); 3) монархисты (сталинисты, явшающиеся с правыми марксистами); 4) «западники» (типа Сахарова); 5) «конституционные демократы», «республиканцы»; 6) христианские <...> течения; 7) националистические течения; 8) «мокроступовцы» (своего рода славянофилы).

<...> Сроки перемен зависят от двух причин: 1) Оставшиеся возможности использования экстенсивных факторов развития. Они еще не исчерпаны до конца. И одна из них — лишняя рабочая сила, включенная в производство, «внутренний резерв». Его трудно извлечь, но вообще — при определенной реконструкции управления — извлечь можно. И это — надежда правящей верхушки. 2) Огромные природные ресурсы страны, которые позволяют маневрировать на мировом рынке. Эти два фактора могут продлить экстенсивный этап и обеспечить сохранение структуры.

<...> Но в любом случае эти факторы способны удержать стабильность до 2000 года, при неизменных внешних условиях, разумеется. А там — все равно должны быть коренные изменения. <...>

Апрель 1979 (с. 63-67)

* * *

Экспертный лист № 15. **Ландыш**

[Щеголев Юрий Анатольевич, социолог; на момент интервью — формовщик на заводе железобетонных конструкций и деталей «Ленметростроя», ныне — оператор газовой котельной.

Его экспертный лист (в извлечениях) см. в томе 1 настоящей книги: приложение 3 к части 1. — А. А.]

* * *

Экспертный лист № 16. **Ваня** (—)

<...> Трудно сказать — усугубляются ли противоречия в самом обществе. Во всяком случае, имеющиеся противоречия становятся более явными. <...> *[Эксперт приводит ряд положительных примеров разрешения общественных проблем. — А. А.]*

<...> В целом состояние общества можно определить как весьма устойчивое, стабильное. Потенциальные возможности изменений, может быть, и есть. Но именно **потенциальные** возможности.

<...> Ожидаем не резких, а постепенных перемен, эволюционных изменений до конца XX века, причем с вероятностью больше 50% (что не противоречит представлению об относительной стабильности). Имеем в виду изменения и в материальной, и в духовной сферах. Эти перемены будут существенными в том смысле, что они затронут **все** сферы, однако при этом не произойдет резких перемен вроде отмены цензуры, ликвидации органов госбезопасности (в их нынешнем виде), реконструирования частной собственности, роспуска колхозов, привлечения к ответственности деятелей сталинских времен и т. п.

<...> В общем, придерживаемся концепции конвергентного развития (взаимного сближения «западного» и «восточного» путей развития). Запад все более развивает плановые начала; наша страна все более отклоняется от «классической» марксистской догмы, используя опыт экономического, социального и политического развития капитализма.

<...> Все изменения в ситуации данного, стабильного общества возможны только **сверху**. А эти изменения связаны с приходом к власти нового поколения, не верящего в идеалы прошлого, имеющего перед глазами современный опыт развития Запада. <...>

Именно эти силы и осуществляют соответствующие перемены. «Подтолкнуть» к переменам могут не те или иные слои общества, а общее развитие культуры нового поколения руководителей. Поддержат и закрепят, естественно, массы, начиная с технократов, мелкой администрации и кончая рядовыми тружениками.

Способ поведения нового поколения руководителей — метод постепенного вживания в существующую систему, завоевание господствующих позиций и осуществление соответствующих реформ только после завоевания этих позиций.

[*На вопрос о признаках общественной кристаллизации... — А. А.*] — Да. Во многих сферах. Примеры: 1) духовная сфера — движение за права человека, за выполнение Хельсинкских соглашений, религиозные движения; 2) попытки создания свободных профсоюзов (группа Клебанова); 3) национальные движения (например, крымские татары); 4) культурные движения: попытки легального издания аполитичных альманахов («Метрополь»), передвижные выставки художников-нонконформистов.

<...> Можно ожидать заметных перемен на эволюционном пути развития уже к середине 80-х гг. (т. е. когда придет к власти и укрепитесь новое поколение руководителей).

<...> Сначала — преобразования в экономической сфере (большая самостоятельность крупных хозяйственных руководителей — министров, руководителей главков и т. д.), затем — остальное. <...>

Май 1979 (с. 86-91)

* * *

Экспертный лист № 17. **Весы** (—)

<...> Противоречия не преодолеваются, а проблемы накапливаются, наматываются одна на другую (своего рода «снежный ком») и имеют тенденцию к разрастанию. <...> [*Следует обзор противоречий и проблем: экологических, производственно-экономических, внешнеэкономических, внешнеполитических, социально-политических, социальных... — А. А.*]

Ответ получается как будто парадоксальным относительно сказанного ранее. Складывается впечатление стабильности системы на данном этапе. Система как бы «катится». «Снежный ком» проблем, увеличиваясь в объеме, продолжает двигаться, не давая оснований ожидать его развала или остановки. Это скорее наше интуитивное ощущение, подкрепляемое отсутствием явных свидетельств приближения перемен в предстоящие 10-15 лет.

<...> Экономические и социально здоровые потенции в системе, несмотря на накапливающиеся противоречия, объективно способствуют сохранению этой устойчивости. «Ком» оказывается достаточно крепким. Вместе с тем, при всем несовершенстве образа «кома», в нем, на наш взгляд, зреют самые глубинные противоречия, связанные с общественной формой собственности.

Идеологическая иллюзия «нашего» все более разрушается, административные обручи, особенно сильные в 20—30-х гг., в настоящее время ослабли, организационно-идеологические «нашлепки» типа соревнования, починов и т. п. оказываются все менее эффективными. Таким образом все эти цементирующие систему (в самих ее производственно-экономических основаниях) элементы постепенно разрушаются, но не настолько быстро, чтобы система могла считаться утратившей свою прочность. Кроме того, российскому народу присуще мифологическое сознание и мифологическое представление о социализме как о

лучшем из миров, [что... — А. А.] безотносительно или несмотря на эрозирующие систему явления, оказывается также сильным стабилизирующим фактором.

<...> К кризисным явлениям <...> нужно добавить широко распространившийся кризис духовной жизни, что выражается в распространении демагогии («принципиальность развилась настолько, что позволяет отстаивать две точки зрения одновременно», по выражению современного сатирика), в повсеместном расхождении между словом и делом <...>. Кризисным является повсеместное распространение «двойной морали», имеющейся во всех слоях общества: парадоксальное неотвержение и декларирование определенных моральных положений и довольно широкое распространение нарушения их в реальном поведении. Примеры: распространение коррупции и взяточничества среди средних (да и до уровня министров) звеньев партийного, советского, хозяйственного руководства (председатели горисполкомов, республиканские министры, секретари райкомов — только таких лично нам известных случаев мы могли бы указать свыше 10). Т. е. налицо массовое явление. То же — в сфере науки и в других сферах (разнообразные «подкормки»).

<...> Существенные изменения и сдвиги могут произойти до конца века в том случае, если «снежный ком» натолкнется в своем движении на препятствие в виде мировой войны, возможность которой мы полностью не исключаем (и не столько в связи с наличием империализма как такового, а в связи с возможностью столкновения «европейцев», в широком смысле, т. е. «белых», с китайцами или неграми. Характер сдвигов в таком случае — либо «европеизация», либо «китаизация», в зависимости от исхода возможного столкновения). <...>

[Вероятны... — А. А.] медленные изменения (если не война, конечно). Ибо формальная структура сама себя воспроизводит, допуская лишь постепенные изменения внутри себя.

<...> Поскольку наше общество идеологически управляемо (выстраивается на достаточно четкой идеологической основе), постольку главное значение для происходящих изменений имеют изменения в **идеологической** области. При этом изменения в производственно-экономической сфере носят глобальный характер (это своего рода фон). А общество изменяется под влиянием изменяющихся идеологических установок, которые, как уже отмечалось, консервативны и допускают только стыдливое и эклектическое протаскивание рациональных моментов. <...>

[Вопрос о сроках перемен. — А. А.]: 80-е гг. — ничего. 90-е гг. — может быть что-то заметное и произойдет. Но вообще существенных перемен не ожидаем (разумеется, в случае отсутствия военного катаклизма).

<...> При условии отсутствия катаклизма будут происходить изменения за счет прихода к руководству более «европейски

образованных» людей, не столь догматичных, учитывающих глобальные социально-политические изменения, образованных инженерно, которые будут постепенно, не меняя форм, заменять устаревшие стандарты мышления и поведения, образа жизни, системы в целом. Все это на фоне «естественных» производственно-экономических изменений... Революций не предвидим. <...>

Май 1979 (с. 92-98)

* * *

Экспертный лист № 18 (*). **Гатчинский** (—)

<...> Да, следует ожидать существенных перемен.

<...> Может, «к лучшему», но может и «к худшему».

<...> Если «к лучшему», то постепенно; если «к худшему», то резко.

<...> Два варианта: а) либерализация; б) стремление к самоизоляции.

<...> На обозримый период: либо развитие по западному образцу, либо тупик (медленный откат к худшему, чем сегодня).

<...> Движущей силой перемен нам представляется технократия.

<...> Противостоять будут: бюрократия — активно, население — пассивно.

<...> [*Признаки общественной кристаллизации. — А. А.]:* Национализм / либерализм. Для национальных меньшинств эти течения совпадают, для основной нации — противостоят.

<...> Внешним факторам [*зарубежным воздействиям, примерам... — А. А.*] отводим серьезную, но не решающую роль.

[*Время начала изменений... — А. А.*] — середина 80-х гг.

<...> В случае либерализации — постепенная легализация инакомыслия и оппозиции; осуществление реформ в экономике. В случае самоизоляции — военный переворот.

В случае стагнации — к концу века революция с разнореальным исходом: менее вероятна победа либерального (прозападного) варианта, более вероятна победа религиозно-шовинистической реакции. <...>

Май 1979 (с. 99-100)

* * *

Экспертный лист № 19 (*). **Без псевдонима** (—)

Ответ по общему впечатлению от анкеты (группа).⁹

Основная позиция: вся затея с экспертной анкетой ни к чему. Почему?

Во-первых, это опасно. Такое (или нечто подобное) уже было в 1968 г. Люди подписывали письма, не зная концов, не зная, кому и для чего это нужно. Затем была публикация и неприятности разного рода. В данном случае неясно, кто и как может этим воспользоваться. Даже доверие к

⁹ Пожалуй, это единственный случай групповой беседы (проведенной по мотивам анкеты «Ожидаете ли Вы перемен?») не мною самим). Вообще говоря, групповые беседы процедурой исключались.

интервьюеру и очевидная анонимность не могут победить настороженность.

Во-вторых, нежелание выступить «в невыгодном свете» — человеком, неспособным дать содержательные и дельные ответы даже перед хорошо знакомым интервьюером. Может быть, именно перед ним.

<...> Первые разделы: ответы кажутся очевидными. Да, противоречия нагнетаются, проблемы обостряются, это всем известно, об этом и спрашивать ни к чему. Но никаких изменений быть не может, потому что нет сил, способных и желающих такие изменения провести в жизнь. Запас прочности системы еще очень велик. «Так» может продолжаться еще много десятков лет.

На последние два раздела ответы при данном уровне информированности принципиально дать нельзя.

<...> При общей высокой оценке анкеты с содержательной и профессионально-постановочной стороны, преобладает скептическое отношение к начинанию, вытекающее как раз (и это самая глубокая основа) из общей позиции (глубоко пессимистической) и оценки перспективы: раз никаких перемен к лучшему быть не может, то незачем и обследовать. Если перемены происходят, то к худшему.

Июль 1979 (с. 101)

* * *

Экспертный лист № 20. Опенок (—)

<...> Кризисных явлений до черта. [*Этим заявлением эксперт резюмирует свой обзор таких явлений, среди которых указываются: «ухудшение отношения к труду», «ситуация в сельском хозяйстве», «ситуация с пьянством», «разврат верхушки», «воровство в системе торговли и услуг», «тенденции скрытого диссидентства» («отказ от активной деятельности в системе существующих официальных ценностей»). — А. А.].*

<...> Наше предвидение состоит в том, что состояние данного общества имеет достаточно отчетливую тенденцию к ухудшению, при нарастании устойчивости, которое в дальнейшем неизбежно должно смениться неравновесностью (сравним со сжимающейся пружинной).

<...> О наступающем кризисе общества в целом говорить можно, но не отождествляя кризис с революционным скачком и т. п. Пружина приближается к состоянию сжатости (соприкосновение витков).

<...> Наш прогноз — на существенные изменения в жизни общества через 15-20 лет (1995-2000 гг.). «Пружина сожмется» раньше (1985-1990 гг.). Но к концу века она начнет существенно разжиматься. Вероятность — почти 100%.

<...> Медленных перемен следует ожидать скорее, чем крутых — имея в виду перемены «к лучшему». (Если не война, которая всегда — крутая

перемена). Медленные перемены, поскольку речь идет о массовых переменах в сознании...

<...> Многое в нашей жизни свидетельствует <...>, что [*наше общество*. — А. А.] тяготеет одновременно и к западному, и к восточному образцам (система управления по восточному образцу, а заигрывание с Западом). Наконец, в длительной исторической перспективе весь мир приобретет те же самые типологические черты, что и наше общество, **к тому времени**. Иначе говоря — конвергентная тенденция.

<...> Общественные силы, заинтересованные в переменах «к лучшему»: хозяйственные руководители, в значительной мере — инженерная интеллигенция, а также творческая интеллигенция, квалифицированный рабочий класс <...>. В сохранении нынешнего общественного состояния заинтересован управленческий партийный и государственный аппарат и, как ни странно, основные народные массы и оставшаяся часть интеллигенции. В переменах «к худшему», в нашем понимании, не заинтересован никто.

<...> Подтолкнут общество к переменам сами народные массы, которые на самом деле их не желают. А подтолкнут своим поведением (возмущение, с одной стороны, и активное нежелание работать, с другой).

Осуществят те, кто их обычно и осуществляет в таком обществе, как наше, — хозяйственные и общественные руководители. Закрепит теперешняя молодежь.

Конкретные формы поведения... В революционные формы не верим. Разврат слишком силен. Стало быть — перемены будут стимулированы и осуществлены обыденными формами поведения соответствующих слоев. <...>

<...> Вероятным полагаем начало общественных изменений в середине 90-х годов. Более значительных перемен ожидаем в первом десятилетии XXI века. <...>

[*В анкете не хватает вопроса... — А. А.*] об отыскании «инженерного пути» к позитивным переменам. Сейчас верхи готовы воспринять систему предложений на социалистической основе, но такой системы, в частности, от науки не получают. <...>

Сентябрь 1979 (с. 103-108)

* * *

Экспертный лист № 21 (*). **Рабочий Ваня Ж-в** (—)

Ответ по общему впечатлению от анкеты.

Все противоречия рассасываются, если власти о них забывают. Но говорить о противоречиях некорректно: противоречия есть тогда, когда существуют противостоящие силы. Таких сил нет. Есть одна сила и инерционная масса. Это скорее не аналитика, а чувство. Есть не противоречия, но проблемы. Они-то и рассасываются. Проблема жратвы тоже как-

нибудь расползется. Она регулярно рассасывается: с одной стороны жрать нечего, а с другой — у всех что-то есть. Просто каналы добычи неофициальные.

Состояние устойчиво.

Ожидаются перемены в сторону ужесточения. Кризиса нет. Если и был, то в конце 50-х — начале 60-х гг. До этого периода была известная изолированность между внутренним состоянием членов общества и самим обществом. Затем эти состояния разошлись настолько, что расхождение стало восприниматься как проблема. Ее решение видится в понимании того, что такое расхождение представляет собой нормальное состояние. Оно все больше воспринимается как фактор среды, с которым нужно научиться жить. Покуда это сохраняется, конфликты и кризисы не могут вырваться наружу.

Изменения к худшему (ужесточения) будут резкими. Тенденция — с 1968 г. Эта тенденция к ужесточению будет продолжаться, возможно даже в более радикальных формах.

В перспективе мир приобретет наши черты. <...> «Мы смотрим на вас из вашего будущего» (А. И. С.). <...> «Никто не верит в просвет, поэтому его не будет» (А. А. З.).

Сентябрь 1979 (\)

* * *

Экспертный лист № 22 (*). **Тормоз** (—)

<...> Происходит усугубление противоречий, накопление нерешенных проблем. За последние 10-15 лет совершалась дальнейшая нравственная, политическая, экономическая и прочая деградация общества.

<...> Полный развал промышленности и сельского хозяйства, начиная с проведения экономической реформы. Полное политическое фиаско на международной арене (Китай, Египет и т. д.). Море лжи, затопляющее страну. До 1964 г. крупинки правды еще пробивались наружу. Теперь нет.

[Нынешнее состояние данного общества. — А. А.] необычайно стабильно и инерционно.

<...> Никаких существенных (коренных) изменений до конца XX века мы не ожидаем. Асимптотическая кривая процесса деградации... Нового ГУЛАГа не будет (в прежних тенденциях и масштабах), т. к. не выгодно, ни идеологически, ни экономически (и так работают практически бесплатно). Сохранится изоляция инакомыслия.

<...> Апатия, полное безразличие одних, инерция страха других.

<...> Начиная от Ивана Грозного, через Петра к современному состоянию: отсутствие понятия и чувства личной свободы, свободолюбия, отсутствие демократических институтов, которые входили бы в плоть жизни народа. Этих институтов никогда не было и не будет. Базой личной независимости является экономическая независимость, что противоречит самому фундаменту данного общества.

<...> Раскол коммунистического движения (Китай) ведет к закостенению. нашего внутреннего состояния при полном игнорировании идей еврокоммунизма.

<...> Это общество — гибрид прежних экспансионистских рабовладельческих империй Запада и деспотизма по отношению к личности восточных империй. Т. е. принципиально новое социальное образование, устойчиво сохраняющее свои типологические черты.

<...> В переменах к лучшему (наличие демократических институтов, гарантирующих свободу личности при условии возможности экономической независимости данной личности) осознанно заинтересованы представители **мыслящей** интеллигенции. В переменах к лучшему заинтересованы профессионалы в любой области.

<...> Препятствовать всяким изменениям в 1-ю очередь будет партократия и слои, на которые она опирается.

Сентябрь 1979 (\)

* * *

Экспертный лист № 23. Лютеранин

[Вейхер Андрей Алексеевич, социолог, канд. экон. наук; на момент интервью — старший научный сотрудник ИСЭП АН СССР, ныне — зам. начальника отдела Комитета экономики и промышленной политики Администрации Санкт-Петербурга. — А. А.]

[Нынешнее состояние общества. — А. А.]: Устойчиво-инерционное.

<...> Стабильность обеспечивается тем, что медленнее всего происходят изменения в личностной компоненте, которая определяет переход от объективных (в условиях жизни) противоречий к противоречиям между людьми, воздействующими друг на друга.

<...> Кризисность есть в усиливающемся расслоении общества, но до кризиса в целом еще не дошло, т. к. это расслоение не породило устойчиво воспроизводимых многочисленных и поддерживающих друг друга личностей нового типа.

<...> Резкие изменения маловероятны <...>, медленные всегда происходят.

[Основания для такого вывода... — А. А.]: Наличие форм «выпускания пара» для наиболее активных членов общества: эмиграция, включение в дифференцирующую игру черного рынка и карьерного роста, приватизация на базе последнего, громадная пассивность массы населения при неухудшении современного материального положения, отсутствие навыка спонтанной организации для выражения недовольства, поддержание страха войны.

<...> Данное общество будет идти своим путем в том смысле, что как вариант для других оно немыслимо, ибо тупиково, а выход из тупика будет долгов, выходя за пределы этого тысячелетия. Трудно сказать, к како-

му из вариантов он придет, т. к. сами эти варианты еще отсутствуют в мире, они будут порождены странами более динамичного развития.

<...> Перемены будут на стадии ухудшения инициироваться аппаратом власти и примыкающим к нему коррумпированным придатком, нуждающимся в развитии приватизации; в период развития этого процесса его осуществляют эти силы и примыкающие к нему (на восходящей стадии) выходцы из других слоев, вставшие на путь индивидуализированного решения проблем жизнеобеспечения и изоляции от неприятностей. Формы — от агитации «Литературной газеты» за свой кусок земли как условие воспитания настоящего земледельца до усиливающегося смотрения сквозь пальцы на рост частного производства с/х продуктов и даже его стимулирование.

<...> Приватизация уже идет, ускоряясь в последние 3-4 года, ресурсные неприятности дойдут до ощущения многих людей к концу века; формирование идеологии «жучков» — дело последних двух лет с тенденцией к развитию. Сейчас начинается формирование серьезной позитивной программы вывода общества из тупика (данная экспертная процедура, пожалуй, ее составной элемент). Результатов можно ждать через несколько лет, после чего начнется длительный процесс ее [такой программы. — А. А.] распространения через внутренние и внешние каналы.

<...> Перемена личностей в верховном руководстве даст повод для ускорения изменений в сторону усиления дифференциации и приватизации (хотя предлоги могут быть разными). Параллельно будет идти процесс формирования новой позитивной программы и в идеологии — во взаимодействии внешней и внутренней эмиграции. Негласно элементы этой программы будут пробоваться на зуб более мобильными членами руководства, при общем процессе развития антисоциалистических тенденций. К концу века противоречия достигнут состояния, требующего изменения. Выход из положения сейчас — не видится. <...>

Октябрь 1979 (с. 109-115)

* * *

Экспертный лист № 24. Алазанская

[Дмитриевский Виталий Николаевич, театровед, социолог; на момент интервью — кандидат, ныне — доктор искусствоведения, профессор, ведущий научный сотрудник Государственного института искусствознания. Живет в Москве. — А. А.]

<...> Противоречия углубляются. Количество нерешенных проблем возрастает, и они растут как «вверх», так и «вниз». Вверху — взаимоотношения между лидерами и т. п., их неспособность к разрешению проблем, внизу — взяточничество, коррупция, бюрократизм, формализм, проникающий во все сферы быта (например, медицина, торговля, школа). <...> Взятничество — в больницах, в школах, в милиции, в издательствах, всюду.

<...> При всем том, положение достаточно устойчиво. Резервы нарастания противоречий достаточно велики, с учетом психологии населения и т. д. При известном нарастании недовольства, все это к взрыву не поведет. Некоторые, частные изменения возможны, при естественном уходе нынешних лидеров (старость, смерть). То есть изменения «сверху», а не «снизу».

<...> Нынешняя система основана на принципе обезличенности, который способствует расцвету безнравственности, демагогии, доносительства. <...> Именно этот принцип позволил создать прочную систему ценностей: иерархия привилегий, сочетающаяся с безответственностью сверху донизу. Система подачек за всякий новый чин, будь то общество слепых или парторганизация. Общество как аморфное, внеличностное образование — таким оно предстает и для верхов, и для низов. И в сочетании с этой очень продуманной системой привилегий обезличенность создает простор для безнравственности.

<...> Кризис — всеобщий и затяжной. Возможны перестановки лиц, чередование кампаний, выдвижение новых «маяков», но это всеобщая «суета», которая не меняет сути.

<...> Принципиальных перемен до конца XX века быть не может. Возможны частные реформы, в совокупности не составляющие закономерности.

<...> Если и будут, то медленные, постепенные перемены. Например, дальнейшее развитие Сибири и Дальнего Востока, развитие нечерноземных областей. Но затраты будут огромными, а результаты минимальными.

Сложился определенный тип потребительского сознания, напоказ отвергаемого, а на самом деле реализующегося в действиях, в свою очередь стимулирующих это сознание.

<...> Если <...> говорить в плане политического устройства, то мы оказываемся ближе к восточным диктатурам, чем к западной демократии.

<...> Пропаганда демократических свобод, идущая с Запада, лишь частично достигает своей прямой цели, а в основном воспринимается как пропаганда возможностей потребления.

<...> К 2000 году равновероятно превращение общества как в полностью бюрократически-потребительское, так и в организованное по образцу военных диктатур. К 1984-1985 гг. вероятны естественные изменения в руководстве и резкое ужесточение режима, а к 90-м годам — ряд полумер, в основном экономического характера. <...>

Ноябрь 1979 (с. 116-120)

* * *

Экспертный лист № 25. **Никита Боголюбовский**

[Чеснокова Валентина Федоровна, социолог; на момент интервью — ст. научный сотрудник НИИ культуры, ныне — сотрудник Института национальной модели экономики и государственности. Живет в Москве. — А. А.]

<...> Главной тенденцией, по нашим наблюдениям, является разочарование населения в своих ожиданиях, разочарование именно населения в целом, а не только интеллигенции. В частности, разочарование по линии дефицита продуктов питания и товаров. Наряду с этим сильное ослабление стимулов, мотивирующих к производительному труду. Общее безразличие к процессу и результатам труда. Далее, усиление пьянства (тут, как будто за последнее время произошел качественный скачок). Переход пьянства на «женскую половину».

Кроме того, ряд тенденций, общих для многих обществ, не только для нашего, но <...> в нашем приобретающих обостренные формы.

Урбанизация и связанное с этим нарушение механизмов социального контроля и социализации — сильное отчуждение людей друг от друга. <...> Процесс индивидуализации образа жизни. При неумении налаживать общение средства массовой информации способствуют разобщению людей. Своего рода общая размотивация. Стремление свести работу к минимуму. Вся жизнь переносится на обеспечение семьи и развлечение себя...

Насчет противоречий. Названные *[выше. — А. А.]* — не преодолеваются. Но они разворачиваются медленно. И есть условия, тормозящие эти негативные процессы. Например, разочарование тормозится воспоминаниями о войне, нежеланием беспокойств. Экстремистские группы малочисленны. Стремление скрыться от общественных проблем. Этим тормозится развитие противоречий. Тем не менее, они постепенно накапливаются.

<...> По-видимому, можно ожидать перемен, при наличии факторов извне (война, смена личностей у власти). С достаточной вероятностью — процентов на 60.

<...> Куда будут направлены перемены — трудно сказать. Если бунт — то самое худшее, а это возможно. Опасность введения принудительного труда, военизации. А возможно и к лучшему... Придет какой-нибудь Косыгин, только посильнее, и введет своего рода НЭП. Это будет к лучшему. Итак, перемены вероятны, но прогнозировать направление трудно.

Оговорим, что существенные перемены могут быть лишь в рамках того же самого общественного качества.

<...> Общество сейчас тяготеет к западному образцу, но дальнейшее движение не прогнозируемо. Много изменений в этом плане, но — в социально-культурной, а не политической сфере. По-видимому, будет тяготеть и дальше все же.

<...> Возможная очередность: резкие политические — экономические — культурные перемены. Либо: медленные экономические — постепенные политические — еще более постепенные культурные. <...>

Ноябрь 1979 (с. 121-124)

* * *

Экспертный лист № 26. **Близнец**

[Рывкина Розалина Владимировна, социолог, докт. экон. наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ; на момент интервью — руководитель группы в отделе социальных проблем ИЭиОПП СО АН СССР, ныне — зав. лабораторией экономической социологии Института социально-экономических проблем народонаселения РАН. Живет в Москве. — А. А.]

<...> Усугубление противоречий, накопление проблем. <...>

[Следует перечисление «задач построения коммунизма» («преодоление различий между классами»; «преодоление различий между городом и деревней»; «формирование гармонически развитой личности») и сопоставление их с «результатами»: «Оказалось, что общество не может решить ни одной из этих задач. Ибо сами они, на наш взгляд, были поставлены неправильно», — указывает эксперт. — А. А.]

<...> Экономические задачи: с планированием не вышло; тотальная централизация хозяйства, которая была совершена в целях укрепления управления и мобилизации различных ресурсов, — проявила свою неэффективность; не удалось достичь более высокой производительности труда, чем в развитых капиталистических странах.

<...> Эксплуатировавшиеся системой и исчерпавшиеся к определенному моменту внеэкономические стимулы перестали действовать, система оказалась в «безрычаговом» состоянии, и тогда начались регрессивные тенденции в экономике, которые нарастают и будут нарастать далее. Тенденция к загниванию...

<...> Есть возможность существенных изменений, но она потенциальна, абстрактна. Реально — вероятнее стабильность.

<...> Жесткость военно-бюрократической системы, включая государственный аппарат, армию, органы госбезопасности. Отсутствие внутри гос. и партийного аппарата такой социальной группы, которая хотела бы и могла (да только такая группа и может) с учетом массовых настроений совершить в XX веке существенный поворот в жизни страны. <...> Кризисные явления налицо. Их относительная стабильность.

<...> Влияние внешних факторов будет со временем ослабляться. <...> Если мы не будем проявлять повышенной военной, политической и т. д. активности, то не будет и на нас активного воздействия. <...> Далее, экономически мы будем превращаться во второразрядную державу. Будет усиливаться наша экономическая зависимость от Запада. <...> Перспектива повышенного замыкания в себе. Нам будет не до них.

<...> Перемен не будет очень долго. <...>

[О вопросе. — А. А.]: Это можно рассматривать как первый шаг. Более конструктивным был бы разговор более конкретный. Сбор конкретных идей, касающихся совершенствования некоторых старых и создания новых форм социальной организации, которые могли бы разрешить стоящие проблемы.

Вопрос не только в том, куда мы поедем, но и по какой дороге, с какой скоростью, кто будет управлять этим поездом. Нет модели развития. По каждой проблеме данного общества нужно иметь конкретное решение.

[*Нужен... — А. А.*] другой тип вопросника — какие изменения Вы наблюдаете и ожидаете в конкретных сферах. Не куда идет общество, а где Вы видите возможный выход. Мы страдаем от дефицита идей на позитивном уровне. Нужна, как говорят прогнозисты, **нормативная** модель, и механизмы перехода к ней. Итак, не как Вы представляете будущее, а — каким оно должно быть. <...>

Ноябрь 1979 (с. 125-128)

* * *

Экспертный лист № 27. **Руслан и Людмила** (—)

<...> 1) Кризис экономики. 2) Кризис морали и нравственности. 3) Кризис идеологии и политики, т. е. накопление абсолютного неверия в них даже тех, кто их проводит (декларирует). Всеобщее двоемыслие («двуязычие»). 4) Развитие противоречивых социальных процессов, которые при столкновении обостряют ситуацию, например: окаменение, окостенение социальных групп, затруднение социальной мобильности, с одной стороны, и с другой — разрушение некоторых из этих групп изнутри и извне. 5) Объективно идущее (характерное для данного этапа цивилизации в целом) усложнение общества особенно резко обнаруживает слабость существующих способов управления. <...>

[*Состояние общества. — А. А.*]: Скорее неустойчивое, несущее в себе потенциальную возможность существенных общественных изменений, но в этом неустойчивом состоянии общество может сохраняться очень долго. <...>

[*Почему так? — А. А.*]. 1) Крайне низкая степень развития общественного сознания, как в широких народных массах, так и в той социальной группе, которая во все времена воплощала в себе это общественное сознание в наиболее концентрированном виде (интеллигенция). 2) Хорошее усвоение опыта, который предостерегает от всякого проявления общественной активности, ибо такая активность в виде революций, бунтов и т. п. ни к чему хорошему не приводит. 3) Двойственное ощущение экономической ситуации: с одной стороны все понимают, что жить становится с каждым днем все труднее, с другой, по ряду параметров жить становится вроде бы лучше. 4) Историческая традиция: национальная культура, не несущая в себе достаточного опыта общественной деятельности, кроме бунтов и революций <...>. 5) Отсутствие реальных возможностей воспитания или самозарождения этих традиций, отсутствующих в культуре.

Существенные [*перемены. — А. А.*] — да, коренные — нет. Оценить степень вероятности существенных перемен затрудняемся. <...> Если будут, то только резкие, крутые. Все медленные и постепенные [*изменения. — А. А.*] будут «съедены» по ходу дела.

<...> *[Влияние внешних факторов. — А. А.]*: Разнонаправленное. Одно — в пользу демократизации, другое — в обход демократизации, в целях стабилизации нашего положения. Первое — сильнее, второе — глубиннее и стабильнее. <...>

Ноябрь 1979 (с. 130-132)

* * *

Экспертный лист № 28. **Невельцев**

[Соснин Анатолий Семенович (1925—2002), писатель, киносценарист. А. С. — один из авторов методики «Ожидаете ли Вы перемен?».

Его экспертный лист (полностью) см. в томе 1 настоящей книги: приложение 1 к главе 1. — А. А.]

* * *

Экспертный лист № 29 (*). **Без псевдонима** (—)

<...> Противоречия усугубляются. Проблемы неразрешимы. Накопление проблем — крайне интенсивное.

<...> Коррупция даже в таких сферах, как здравоохранение и просвещение, — вот симптоматические показатели неразрешимости противоречий.

<...> Кризисных явлений больше чем достаточно. Охватывают все сферы общественного бытия. *[Общий... — А. А.]* кризис назревает. <...>

[Можно ли ожидать перемен? — А. А.]: Скорее не в этом столетии. Изменения несомненны.

<...> Вначале «к худшему», разнонаправленные; ну, а когда будет совсем плохо, тогда «к лучшему» (как всегда).

<...> Ухудшения чаще воспринимаются как резкие. На самом деле они постепенны.

<...> Подтолкнет *[общество к позитивным переменам. — А. А.]* осознание положения основной массой производителей и положение общества на мировой арене.

<...> Естественно, активное противодействие *[переменам. — А. А.]* со стороны тех, кто обладает реальной властью. Пассивно *[будут противодействовать... — А. А.]* те, кто рассчитывает уцелеть, т. е. на кого распространяется «опека» власти. Форма поведения — агрессия.

<...> *[Влияние внешних факторов... — А. А.]*: Чтобы не рухнуть, общество вынуждено считаться с мировым общественным мнением, особенно с позицией достойных противников.

<...> *[Перемены. — А. А.]* уже начались. К худшему. <...>

Ноябрь 1979 (с. 144-145)

* * *

Экспертный лист № 30 (*). **Без псевдонима**

[Сокирко Виктор Владимирович, инженер-экономист, правозащитник. Его экспертный лист (полностью) см. в томе 1 настоящей книги: приложение 2 к главе 1. — А. А.]

* * *

Экспертный лист № 31 (*). Без псевдонима (—)

<...> Имеющиеся в обществе противоречия меняют свои формы и выражения, размываются, но одновременно углубляются и не находят разрешения. Однако они не выливаются в открытые конфликты (или, точнее, случаев таких открытых конфликтов становится меньше). Это, по-видимому, объясняется тем, что, когда не возникает вопроса о самом существовании человека, все остальное представляется не столь на-
сущно важным.

<...> Считаю систему необычайно устойчивой, до такой степени, что под воздействием внутренних сил она, по-видимому, измениться не может.

<...> За последние годы все поняли, что жизнь ненормальна. Разные слои понимают норму и отступление от нее по-разному, но кризисная ситуация в том, что **ненормальность ощущают все**.

<...> Впечатление о том, что в ближайшее время положение должно улучшиться, основано главным образом на общей боязни возврата к сталинизму. Это ощущение уже изменилось. Резкое ухудшение уровня жизни заставляет думать, что будет еще хуже. Как к этому отнесется «народ» — неясно. <...> Кажется, что и в этой бесконечной гонке за продуктами питания, вещами, люди обретают **радость** (!).

<...> Подобно тому, как в точных науках имеются уже открытые истины, так и в области науки об обществе существуют примеры демократических государств. Критерием служит возможность свободно высказываться, чего, разумеется, в данном обществе в настоящее время нет.

<...> Возможно, потенциальный барьер перехода *[к новому состоянию общества. — А. А.]* настолько высок, что никакие перемены не оправдают моря крови, нужного для его преодоления. <...>

Декабрь 1979 (\)

* * *

Экспертный лист № 32 (*). Без псевдонима (—)

<...> Общая тенденция развития в последние пятнадцать лет — накопление и углубление внутренних противоречий системы, при сохранении до последнего времени ее жесткой оболочки в состоянии видимой неподвижности.

<...> Ответить на <... > вопрос *[о стабильности либо неустойчивости системы. — А. А.]* однозначно нельзя.

<...> С одной стороны, сама по себе система крайне стабильна и неподвижна. <...>

[Факторы стабильности: «всемогущество и вездесущность государства»; «традиционная пассивность и покорность народа»; «огромные масштабы и обилие ресурсов страны»; «сам промежуточный характер страны, где элементы динамичной европейской культуры... гасятся в традиционной азиатской неподвижности». — А. А.]

С другой стороны, неустойчивость системы. <...>

[Факторы нестабильности: «неполадки в экономической сфере», достигающие таких пределов, когда «это непосредственно сказывается на самом материальном положении людей»; «накопление недовольства и озлобления масс» вплоть до возникновения «стихийного взрыва» — указываются исторические прецеденты; «отсутствие органического механизма преемственности власти: смена очередного правителя возможна лишь после его смерти», отсюда «борьба за власть между претендентами». — А. А.]

Все это создает ощущение неустойчивости и близости крушения системы.

<...> Несмотря на сказанное выше о крайней жесткости, косности и застойности системы, мы все же полагаем, что до окончания XX века должны произойти существенные изменения. <...>

[Далее эксперт рассматривает возможности возникновения: а) «стихийного взрыва» («например, в связи с резким ухудшением продовольственного снабжения»); б) «верхушечного переворота или путча». То и другое полагаются им маловероятными, и во всяком случае бесперспективными — в плане общественных изменений. Перспектива постепенной и бескровной либерализации режима связывается экспертом со «слоем прогрессивной оппозиционной интеллигенции». — А. А.]

<...> Разумеется, эта [указанная выше. — А. А.] перспектива может получить реальное воплощение лишь в том случае, если во главе государства в силу тех или иных причин или случайностей окажутся люди, обладающие большей терпимостью и более широким кругозором, не совершенно глухие к просветительским идеям, к интересам страны, народа и даже самого государства. В этом, и только в этом случае можно надеяться на постепенное осуществление реформ, которые выведут страну из тупика, грозящего катастрофой.

<...> Начало изменений в правящей верхушке, связанное с ее возрастной характеристикой, мы уже сейчас наблюдаем. Очевидно, что этот процесс естественного отсева будет продолжаться в течение ближайших лет. В связи с отсутствием того или иного механизма преемственности это чревато обострениями борьбы за власть и некоторыми потрясениями. Такая борьба, очевидно, уже происходит за кулисами и уже подтягиваются и выстраиваются в очередь претенденты. Контингент претендентов черпается главным образом из рядов Днепропетровской и Кишиневской группировок, связанных с нынешним лидером узлами совместной работы и личной дружбы.

<...> Из предполагаемых претендентов наиболее вероятными считаются кандидатуры К-ко и Ч-ко.

<...> **Вариант А.** Приходит К-ко (или Ч-ко) и ему удастся утвердить свою власть и пресечь распространение борьбы за пределы узкого круга элиты (возможно, как это обычно бывает, принеся в жертву двоих-троих «козлов отпущения».

Этот вариант вероятен, но его шансы снижаются в силу по крайней мере двух обстоятельств: во-первых, оба претендента малоизвестны и за ними не числится никаких ни реальных, ни вымышленных заслуг, а во-вторых, — и может быть это самое главное — фамилии обоих оканчиваются на «ко», что может оскорблять русское национальное чувство.

Итак, допустим, что на варианте А дело не кончается.

Вариант Б:

«Законные» претенденты оказываются не в состоянии управиться с ситуацией в своем узком кругу <...> и вынуждены привлечь себе в поддержку те или иные группы давления (генералитет и обкомовскую верхушку, как это было в случае Хрущева, КГБ, аппарат ЦК и т. д.). В этом случае круг претендентов расширится и в их числе могут оказаться новые, малоизвестные люди, психологический склад которых отличается от стереотипов нынешних политических лидеров. Скажем, они могут обладать более широким кругозором, более остро ощущать необходимость проведения реформ, чтобы выйти из тупика.

Конечно, вряд ли можно думать, что среди претендентов окажется либерал или прогрессист — таких, видимо, в этом слое вообще нет. Более того, совсем не исключено, что верх возьмет человек, считающий, что управлять нужно сильной рукой и что под таким девизом он сумеет обеспечить себе массовую поддержку и, соответственно, будет стараться повернуть руль в сторону сталинистских методов. Однако сложные повороты ситуации могут принудить его помимо воли к маневрированию и к компромиссной политике; и в этом случае возможны всякие неожиданности.

Наконец, если и при этом варианте арену борьбы не удастся ограничить рамками наиболее высоких слоев чиновничества, тогда возможен **вариант В** — втягивание страны в широкую междоусобную борьбу (войну) с непредсказуемыми результатами.

Декабрь 1979 (с. 154-163)

* * *

Экспертный лист № 33 (*). **Скромный**

[Огибин Юрий Алексеевич, экономист, канд. экон. наук; на момент интервью — преподаватель Ленинградского института киноинженеров, ныне — доцент, декан факультета менеджмента Санкт-Петербургского международного института менеджмента. — А. А.]

<...> Похоже на то, что противоречия углубляются.

<...> Низкая производительность труда, высокая бесхозяйственность, бюрократизация, многоступенчатая система управления, делающая управление малооперативным, ослабляющая (исключающая) обратную связь в этой сфере, наличие в обществе многих (двойных, тройных) стандартов в различных сферах, жесткость, замкнутость социальной структуры.

<...> Видимо, противоречия еще не достигли крайней остроты (объективный фактор), эффективный аппарат принуждения и идеологической обработки время от времени «выпускает пар». <...>

[Перемены будут. — А. А.] Однонаправленными положительно, но — вряд ли доведенными до конца, скорее всего останутся где-то посередине, кроме того, в разных сферах по-разному, в экономике — больше, в идеологии — меньше. Не исключено и шараханье.

В итоге все-таки положительные *[перемены. — А. А.]* — в плане улучшения условий жизни людей.

<...> Возможно, смена поколений будет связана с резким изменением. <...>

[Влияние внешних факторов. — А. А.] Разрядка (контрразрядка) и III мир. <...> Весьма существенно. Стабилизирующее влияние (в целом).

[Время начала перемен: — А. А.] не ранее середины 80-х; вероятнее — 90-е годы. <...>

Февраль 1980 (с. 164-165)

* * *

Экспертный лист № 34. **Бирюк**

[Дудченко Людмила Кирилловна, социолог, канд. филос. наук; на момент интервью — зав. социологической группой НИИ асбестовых изделий (г. Ярославль), ныне — консультант по управлению Института эвристики. Живет в Москве. — А. А.]

<...> Происходит углубление противоречий, накопление нерешенных проблем.

Ошибки громоздятся на ошибки. <...> Между собой **все** («в своем кругу») на всех уровнях непрерывно поносят существующие порядки и **все** эти порядки так или иначе поддерживают.

<...> Парадоксальная система, где давно существуют уже два механизма жизнедеятельности — официальный и неофициальный (за счет которого она пока и существует, делая хорошую мину).

<...> Существенные сдвиги в обозримый период, если и ожидаются, то только в худшую сторону, хотя куда уж хуже.

<...> У Г. Наана есть любопытная картинка механизма общественного развития. Он выделяет три подсистемы общественной системы, которые, взаимодействуя, определяют тот или иной ход развития. Системы: 1) стабилизирующая (политика, бюрократия); 2) развивающая (интеллигенция — наука, искусство); 3) демпферная, или сдерживающая (народ).

Весь ход исторического развития России говорит о том, что от народа ждать инициативы в перестройке общества **нельзя**. Обращают взгляды на две другие подсистемы. Первая — отпадает (по определению и по сущности внутренних механизмов). Остается вторая; но что сегодня представляет собой наша интеллигенция? ...Можем ли мы ждать от нее дееспособности в указанном направлении? Вряд ли.

<...> Слабые импульсы возмущения и необходимости изменений, которые, тем не менее, продолжают поступать от этой прослойки, глухо гасятся жестким стабилизирующим влиянием бюрократии и тонут в болоте облагодетельствованного народа, затрачивающего не очень большие усилия на поддержание собственного комфорта.

<...> Впрочем, если попытаться проследить динамику существенных пороговых изменений в умонастроении нашего общества, то намечается некая закономерность — временной период между этими порогами составляет 20–25 лет (1917, 1938, 1964...). При всей дикости попытки экстраполяции можно ожидать, что количество возмущающих воздействий на умонастроение наших соотечественников где-то к 1990 г. перейдет в качество. Вряд ли это будет взрыв, восстание, явно проявляющийся антагонизм официальной власти. Скорее всего мы будем свидетелями (и участниками) русского варианта итальянской забастовки — это больше в духе русского миролюбивого характера.

Уже сейчас на предприятиях руководство идет на поводу у рабочих. Если ранее хаос и беспорядок вносили верхи, то потом он же (хаос) полностью поглотит их жалкие попытки упорядочивания и начнет диктовать свою волю, свой **порядок**. Как это ни парадоксально, но у хаоса есть упорядоченность — но **своя**, внутренняя, а не относительно чего-то внешне заданного. И эта новая упорядоченность породит новое качество, новые формы жизнедеятельности. Кто знает, быть может, мы стоим на пороге новой революции — не технической, а новых форм жизнедеятельности? Возможно, это бред, но почему эволюции нашего общества не привести к этому? Почему мы непременно в своих прогнозах опираемся на существующие, существовавшие закономерности?

<...> В силу всего сказанного, датировать начало изменений затруднительно. Во всяком случае до тех пор, пока не оформится в общественном сознании не просто мысль о необходимости изменений (она там всегда присутствовала, иначе мы бы просто стояли на месте), а четкое представление о цели, стержне, образе изменений. Чтобы знать, как двигатся, прежде нужно определить, куда, к чему.

Полагаю, что в ближайшее десятилетие этот поиск будет происходить. <...>
Март 1980 (с. 166–173)

* * *

Экспертный лист № 35 (*). **Строитель**

[Никитин Сергей Глебович, на момент интервью — рабочий-строитель, ныне — фотограф фотолaborатории Санкт-Петербургского научного центра РАН. — А. А.]

<...> Происходит накопление проблем.

<...> *[Стабильность, вопреки усугубляющимся противоречиям, объясняется... — А. А.]* отсутствием альтернативы данному положению вещей,

глубоким проникновением во все сферы бюрократизма, своеобразной бюрократической «круговой порукой». <...>

Существенные [перемены... — А. А.] возможны, коренные — нет.

<...> Возможны разнонаправленные перемены, но в конечном итоге — к худшему.

<...> Под «лучшим» я понимаю рост благосостояния общества, демократизацию политической жизни, оживление в духовной жизни общества. Под «худшим» понимаю обратные явления: развитие бездуховности, ужесточение контроля и распад экономики.

<...> Общество идет по самостоятельному пути; нет оснований предполагать, что оно будет развиваться в дальнейшем по какому-нибудь образцу. Определенные черты данного общества уже приобретены многими странами, и, очевидно, этот процесс продолжится.

<...> Возможные перемены скорее всего будут носить стихийный характер. <...>

Март 1980 (\)

* * *

Экспертный лист № 36. Ученый

[*Баранов Альберт Васильевич, социолог, канд. филос. наук; на момент интервью — старший научный сотрудник ИСЭП АН СССР, ныне — ведущий научный сотрудник Социологического института РАН. — А. А.*]

<...> Ряд накопленных в прошлом проблем медленно преодолеваются, но благодаря этому рождаются новые. Так что баланс считать трудное. Главные потери не экономические, а культурные.

<...> Это общество гиперустойчиво.

<...> Гиперстабильность обществу, по-моему, задана, предопределена его социально-политической монолитностью. Социальная и культурная однородность его увеличивается, т. е. уменьшается осознанное деление людей внутри страны на виновных в тех или иных трудностях и их жертв: все виноваты и все жертвы. Враги — лишь за рубежом. Внутри — только подпевалы внешних врагов. Это — идеология, мировоззрение свыше 90% взрослого населения. Управление социальной активностью направлено на военно-политическое решение проблем. Чем хуже внутри, тем более ненавистны враги, тем более сплоченно общество, поскольку при этом естественно уничтожение «внутренних врагов», т. е. критически мыслящей части. Это главное условие стабильности. Второе условие: никакие материальные беды не способны возбудить недовольство населения. Бедность и обнищание не ведут к революционной ситуации, наоборот, лишь быстрое повышение уровня жизни и демократии ведет к социально-политической нестабильности внутренней. Ошибка Картера и др. в том, что они мыслят марксистски — ухудшение экономики, дескать, социально опасно. Нет. Для этого общества: чем ху-

же экономически и политически, тем хуже для надежд на выход, на переход к другой социальной организации. Чем хуже, тем хуже.

<...> Несомненен общий кризис сверху донизу, проявляющийся в экономических трудностях (при огромных природных богатствах, пущенных в оборот), в социальных трудностях, проявляющихся в растущем непонимании и несогласованности действий людей, социальных групп, общественных институтов, в появлении и развитии в социально-экономических сферах «нелегальных» форм обмена товарами, услугами, информацией. В политической сфере кризисные явления выражаются в кризисе доверия к словам политиков и в падении общественного престижа руководящей работы, постов. <...>

[Ожидать существенных перемен... — А. А.] можно в 80-е годы. Дефицит трудовых ресурсов должен либо освободить человека и дать ему блга в силу удорожания рабочей силы. И тогда — ускорение развития по западному образцу. Либо привести к жестким административным методам перераспределения рабочей силы между отраслями и регионами. Тогда — ускоренное развитие по восточному, сталинскому образцу. Вероятнее второй вариант.

<...> Движение в «восточном» направлении уже идет два-три года.

<...> Социализм в той или иной форме будет распространяться в мире. Но в пределах этого типа организации неизбежно существование регионов, стран столь же существенно различных, как и различие стран в прошлом. Мир станет теснее, поэтому различия будут рождать более острые, напряженные конфликты, чем в прошлом. <...>

Март 1980 (с. 174-176)

* * *

Экспертный лист № 37. **Дикобраз**

[Соколов Эльмар Владимирович, социолог, докт. филос. наук; на момент интервью — доцент Ленинградского института культуры, ныне — профессор Санкт-Петербургского университета культуры и искусства.

Его экспертный лист (полностью) см. выше: раздел 25.1. — А. А.]

* * *

Экспертный лист № 38. **Марианна**

[Климентов Геннадий Александрович, экономист, канд. экон. наук; на момент интервью — доцент Высшей профсоюзной школы культуры, ныне — профессор Международной славянской академии. Живет в Москве. — А. А.]

<...> Развитие за последние 10—15 лет характеризуется противоречиво: повышение уровня жизни и снижение темпов экономического развития, исключая такое же повышение в следующие 10 лет при сохранении существующих производственных отношений. При значительном росте производственного потенциала наблюдается резкое снижение уровня его использования.

<...> В целом можно сказать, что назревает конфликт между уровнем развития производительных сил и существующими производственными отношениями. Подтверждением этого служит и решение XXV съезда КПСС о необходимости совершенствования всего хозяйственного механизма.

<...> Пока кризис в основном задел сферу управления экономикой, что безусловно является ключевым пунктом любого общества. Но если существующее состояние проблемы не устранить, последствия коснутся всех сфер общественной жизни с такой силой, что придется вести речь уже о кризисе всего общества.

<...> Перемены необходимы и неизбежны. <...> Вероятность их будет тем больше, чем сильнее будет проявляться указанное выше противоречие — в замедлении роста, а затем и снижении уровня жизни массы людей. Известно мнение Маркса и Энгельса о том, что рабочий класс совершает революции под страхом собственной гибели.

<...> Перемены начались в 1964 г. Программа, намеченная партией, не была полностью выполнена из-за принципиальных просчетов при ее разработке. Сейчас разработана новая программа. Попытка выполнения ее вскроет для массы людей ее непоследовательность и поставит вопрос об устранении из нее тех разделов, которые не соответствуют логике общественного развития.

<...> Задача каждого честного человека и патриота своей страны — поддержать полезные перемены и довести их до логического конца, бороться с попытками фактически сохранить цену на рабочую силу как основу системы распределения.

После принятия решения об изменении порядка планирования фонда зарплаты коллективу в целом — по нормативу в цене продукта, и изменении роли трудового коллектива в определении вклада каждого в производство, после этого сохранение тарифной ставки и оклада выглядит как анахронизм. Трудовой коллектив, выполнив план меньшей численностью либо перевыполнив план, коль скоро он получит право распоряжаться фондом зарплаты, потребует выплаты заработанного, а если обнаружит, что тарифная ставка или оклад не дают возможности получить заработанное, со временем начнет борьбу за отмену этого ограничения. Таков наиболее вероятный механизм «хода» последующих социально-экономических перемен.

Апрель 1980 (с. 200-203).¹⁰

¹⁰ См. также ранее, в томе 2 настоящей книги: приложение 2 к главе 7; в томе 3: раздел 11.1. Здесь замечу, что в некоторых случаях (как, например, в случае Г. К.) участник потаенного опроса брал на себя смелость излагать свои научные взгляды, ранее представленные в открытых публикациях, так что анонимность становилась условной. Эксперт ею, фактически, пренебрегал...

* * *

Экспертный лист № 39 (*). Без псевдонима(—)

[Эксперт указывает на глубинные недостатки экономической структуры данного общества, состоящие в «крайней степени бюрократизации управления производством... и всеми другими формами общественной деятельности», и, «как оборотная сторона медали», — «полное отсутствие заинтересованности членов общества в общественной полезности их труда». — А. А.]

<...> К настоящему времени эти качества вылились в совершенно отчетливую форму противоречия между заинтересованностью отдельного личностя (предприятия, объединения, вообще любого замкнутого коллектива) и интересами общества. Стало повсеместным: то, что полезно всему обществу, невыгодно единице этого общества. <...> Поскольку любая единица действует всегда в ближних целях, то общественная полезность превращается в абстракцию и не может быть движущим стимулом. Очевидно, необходимо, чтобы частные цели были частями целого, а не отрицанием общего.

<...> Кризисные явления охватывают все сферы жизни: в экономике — относительное и абсолютное падение производительности труда. В управлении — невозможность (или точнее — провал) централизованного руководства всем многообразием человеческой деятельности. В идеологии — девальвация идей социализма, склонность к буржуазному мировоззрению. В нравственности — стремление к личному интересу любой ценой, равнодушие к интересам общим, падение интереса к знаниям.

<...> Нарастание противоречий и стабильность не противоречат друг другу, ибо порой стабильность может быть выражением отмирания.

<...> Датировать *[перемены. — А. А.]* не могу. Но скорых изменений не жду, хотя и надеюсь, что они произойдут в этом веке. Перемены в известном смысле начались. Уже сам этот разговор — их свидетельство.

<...> Очередность перемен мне представляется следующим образом:

1) Производственная деятельность людей, не заинтересованных в результатах труда.

— Осмысление интеллигенцией недостатков социальной структуры.

2) Снижение производительности труда, невыполнение планов и т. п.

— Начало критики социальной и политической структуры (вначале политической, что проще).

3) Попытки в государственном порядке решить экономические проблемы без решения социальных.

— Отдельные открытые выступления со стороны интеллигенции (диссиденты, намеки в литературе и искусстве).

4) Провал государственных мероприятий, снижение жизненного уровня. Начало недовольства. Отдельные попытки понять интеллигенцию в ее критике.

— Усиление критики. Появление более или менее законченных идеологических платформ.

5) Реакция государства. Возможно, военный переворот. Жесточайший режим. Попытки решить экономические проблемы путем насилия и принуждения.

— Полное молчание. Вероятно, начало подпольной деятельности.

б) Катастрофический провал. Возвращение к либеральным нормам.
— Взрыв идей.

Далее — эволюция по западному образцу (если Запад к тому времени готов будет дать пример), либо — начало работы по подготовке революции (чего не дай бог!). Мне представляется, что по этой схеме мы прошли уже три пункта и вступили в четвертый. <...>

Апрель 1980 (с. 204-214)

* * *

Экспертный лист № 40 (*). Волк (—)

<...> Усугубление противоречий с начала — середины 60-х гг. происходит по всем направлениям: в экономике, политике, социальной сфере. Это находит выражение в нарастающем хозяйственном развале, ухудшении уровня жизни населения (инфляция, нехватки и недостатки всякого рода, чернорыночное перераспределение доходов), усиливающимся социально-имущественном расслоении, националистических настроениях, диссидентских движениях, зигзагах и метаниях внутренней экономической и социальной политики, неэффективности управления, в предельном окостенении партгосаппарата, цветущей коррупции и «падении нравов» общества (цинизм и негативизм в отношении официальных идейных ценностей), потребительски-мещанских тенденциях, конформизме и эгоизме подавляющей массы населения и многом другом. Усугубление внутренних противоречий находит отражение также в международном положении данного общества, в его внешних политических акциях и ориентациях. Можно предполагать, что между внутренним положением в стране и внешней политикой существует определенная зависимость: чем больше неурядиц внутри, тем сильнее стремление утвердить себя на международной политической арене, найти выход внутренним противоречиям в различных внешнеполитических действиях.

<...> Учитывая крайне неблагоприятные тенденции в развитии экономики, считаю, что перемены неизбежны уже в ближайшем десятилетии. Какой характер они будут носить — радикальный или паллиативный, всеобщий или локальный (только в отдельных звеньях хозяйственной системы), с уверенностью предположить нельзя. Так же, как нельзя быть уверенным, пойдут ли они по пути ужесточения или либерализации. Возможно зигзагообразное движение.

Вообще же говоря, следует принять как одну из возможных гипотез, что данное общество на протяжении еще очень длительного времени будет медленно разлагаться, что эта болезнь носит хронический характер и в длительной исторической перспективе будет еще не раз проходить через периоды ремиссий и рецидивов. Найдутся ли внутренние силы преодолеть этот процесс и при каких обстоятельствах они придут в действие, прогнозировать не берусь. Скорее всего, социальные изменения здесь возможны в результате <...> внезапных событий. Так уже не раз было в истории данного общества. Видимо, оно вообще может существовать как таковое (т. е. как гигантское многонациональное, территориально весьма разбросанное сообщество людей, объединенных под одной государственной крышей) — только при антидемократической политической структуре. Это — тот направляющий стержень, на котором держится данное общество, без которого оно утратило бы свою историческую сущность и превратилось бы во что-то уже совсем иное.

<...> Это общество развивается по своему собственному историческому пути — ни западному, ни восточному, хотя с тем и другим его роднит и связывает многое. Над остальной частью мира угроза приобрести те же типологические черты, что и данное общество, на наш взгляд не нависает даже в отдаленной перспективе. «Каждому свое».

<...> В переменах заинтересована прежде всего интеллигенция. <...> Рабочий класс и крестьянство еще не достигли того уровня самосознания, при котором и им станет ясно, что дальше так жить нельзя. Значительный слой людей, интегрированных в официальную структуру власти и управления, заинтересованы в том, чтобы ничего не менять.

<...> В настоящее время происходит процесс пробуждения общественной мысли от длительной спячки, в которую она была повергнута за счет официальной идеологии. После того как эта последняя подверглась эрозии и общество перестало верить в некогда святые догматы, подспудно начали развиваться различные идейные течения.

<...> Все они [течения. — А. А.] носят по преимуществу теоретический характер, существуют как интеллектуальные движения, не оформлены или почти не оформлены организационно-политически. Их влияние на жизнь общества главным образом просветительное и нравственное. Более важную роль в предстоящих переменах могут, по-видимому, сыграть националистические настроения и течения. <...>

Апрель-май 1980 (с. 215-218)

* * *

Экспертный лист № 41. Инструктор

[Бурковский Георгий Васильевич, психолог, канд. психол. наук; ныне — старший научный сотрудник НИИ им. В. М. Бехтерева (там же работал и на момент опроса). — А. А.]

[Эксперт начинает с утверждения о гиперустойчивости «известного мне общества» (ИМО), как социального организма, как политико-экономической системы. Потом, рассуждая, усматривает в нем постоянные изменения. — А. А.]

<...> Об устойчивости чего *[именно... — А. А.]* меня спрашивают? Быт людей изменился и меняется, т. е. неустойчив. А формы правления, отчуждения труда, воспроизводства структуры власти не меняются, т. е. устойчивы. В столь общей форме (устойчивость ИМО) вопрос ставить нельзя. Видимо, меня спрашивают в неявной форме о чем-то другом и более конкретном.

Я пытаюсь сам для себя поставить вопрос заново. Известно, что в последнее время снизились темпы экономического роста, исчезли многие виды продуктов и т. д. и т. п. И это объективные и даже официально признанные факты. Поскольку экстраполяция данной экономической тенденции ведет к страшным результатам (кому-то надо будет «вымирать»), возникает необходимость построения нелинейной модели развития экономической системы, которая могла бы самоосуществиться согласно эффекту Эдипа.

<...> Пока мне кажется, что «хорошего» пути нет.

Попробую освободиться от «плохого» пути, выговорив его. <...>

[Далее эксперт рассматривает гипотетический «сценарий» либерализации экономики в первой половине 80-х гг. — А. А.]

...Эта попытка окончится неудачей, т. к. поставит под угрозу сложившуюся систему политического управления и перераспределения благ. <...> Вмешательство партийных органов в хозяйственную деятельность станет невозможным. Любой хозяйственный руководитель получит возможность апеллировать к «авторитету» рынка и таким образом игнорировать партию. <...> В любом случае рынок несовместим с существующей политической системой и должен будет быть уничтоженным либо прямой отменой, либо саботажем и профанацией как все предыдущие реформы.

[Через несколько лет последует... — А. А.] возврат к исходной, но более жесткой системе партийного контроля, обеспечивающей стабильное существование части населения.

<...> Почему я не могу себе представить более оптимистичный сценарий?

А потому, что в этом случае потребуются иметь в качестве строительного материала не только исторические аналогии и здравый смысл, а еще и какие-то новые модельные представления. А их нет.

<...> Если не ошибаюсь, практически все оптимистические исторические изменения происходили тогда, когда появлялась достаточно убедительная для большинства дееспособных людей модель развития общества или его устойчивого желательного состояния. Эта модель может быть развита в рамках любого учения — от религиозно-

мифологического до научного. Но ее существование является необходимым условием конструктивных процессов. Суть в том, что в ИМО не существует такой широко распространенной и убедительной модели будущего, которая смогла бы привести в согласие мотивы различных людей и социальных групп.

<...> В одно и то же время (сейчас) действуют модели эталонного общества — Запад (эмиграция); модель «обещанного» общества — коммунизма (в среде нынешних пенсионеров из рабочих, служащих и т. п.); модель неопределенно желаемого, этическая (нечто «то же самое» с человеческим лицом); теоретическая модель Маркса... и наверно много других несовместимых между собой моделей.

Но предположим, единая, т. е. значительно более простая, доказуемая, согласованная со здравым смыслом и т. п. модель (нечто аналогичное буржуазной идеологии во времена соответствующих революций) возможна, и будет создана.

<...> Тогда она [*эта модель.* — А. А.] будет создана в конце 80-х гг., после краха рыночных реформ. Основным механизмом ее социального воздействия будет, по моему мнению, мотивационный. Не создание организаций и обществ для борьбы и т. п., а принятие на себя ответственности за свои собственные действия. Будет разрушен один из основных механизмов воспроизводства существующего положения, а именно — механизм делегирования власти, когда повсеместно в сферу партийного и иных видов управления выталкивается наименее пригодная по деловым, моральным и интеллектуальным качествам часть населения.

<...> Оказалось, что я верю в возможность создания такой теории, которая будет способна выполнить мотивирующую и согласовывающую роль для достаточно большой и наиболее активной части населения таким образом, что усилия отдельных лиц и микрогрупп будут иметь единое направление. <...>

Июль 1980 (с. 219-222)

* * *

Экспертный лист № 42. **Без псевдонима** (—)

<...> За последние 10-15 лет общество изменилось очень заметно. <...> Если требуется краткая формулировка для этих изменений, то «общество становится социалистическим по форме, капиталистическим по содержанию». В этом и есть грядущее главное противоречие, как мне представляется, и это противоречие усугубляется. Конечно, это противоречие не единственное. Но многие другие вытекают из него. За последние 10-15-20 лет <...> произошли заметные изменения в социальном сознании людей. Раньше существовало понятие «интересы общества», и это понятие играло заметную роль в жизни отдельного человека. Теперь у подавляющего большинства главную роль играют неприкрытые личные интересы, и это считается нормой. Люди в

большинстве своем стали свободнее — исчезло противоречие: интересы общества — личные интересы, появилась даже незначительная группа людей, по-новому понимающих интересы общества и открыто говорящих об этом.

<...> Несколько лет назад я бы ответил определенно: нынешнее состояние общества является устойчивым. Однако за последние годы отчетливо наметились две тенденции, которые могут привести к неустойчивым ситуациям. Первая из них — внешняя. Есть указания на то, что энергетические проблемы правительство намерено решать за счет приобретения новых источников энергии (в первую очередь нефти). Я полагаю, что Афганистан — шаг в направлении Персидского залива. Такая политика должна привести к неустойчивой внешнеполитической ситуации — ситуации, чреватой мировой войной. Вторая тенденция — внутренняя. Официальные цифры развития экономики, безусловно завышенные, показывают отчетливую тенденцию сокращения темпов развития. Так, в 1979 г. прирост национального дохода составил 2%, т. е. на душу населения прироста не было (население увеличивается примерно на 2% в год). Создается впечатление, что сокращение темпов роста происходит по типу развития неустойчивости (сокращение приводит к ускорению сокращения). Если это так, то в самое ближайшее время (через несколько лет) следует ожидать существенного ухудшения жизненного уровня и как следствие этого внутренней политической неустойчивой ситуации.

<...> Наиболее вероятный способ развития — эволюционный <...>. Развитие будет происходить в направлении дальнейшего очищения (разложения) общества от предвзятых и навязанных идей, в направлении использования общественной экономики в личных целях, в направлении смещения центра тяжести человеческой активности в сферу частного предпринимательства, в направлении дальнейшей официально-идеологической изоляции верхнего слоя общества и правительства от народа. Эти слои общества окажутся (уже оказались?) втянутыми в этот экономический процесс. Плюрализм как следствие личных инициатив уже достаточно распространен, особенно среди молодого поколения. В этом, по моему мнению, состоит основа политического возрождения в будущем. Эти процессы будут идти ближайшие 15-20 лет, и это неизбежно, если только кризисные явления, пришедшие естественно или искусственно, не повернут развитие в непредсказуемом сейчас направлении.

<...> Мне представляется, что изменения эти будут к лучшему, к более естественной организации общества, без фальши и лицемерия, без навязанных извне (от власти) рамок. Это начало длинного пути к обществу с автоматическим регулятором нравственности и законности.

<...> Полагаю, что изменения будут постепенные, медленные.

<...> Следствия указанных процессов заметны во всех областях экономической, культурной, общественной и личной жизни. <...>

Просто все возвращается «на круги своя».

<...> Я считаю, что эволюция общества такова, что нет сил, способных затормозить ее заметно. <...> Противостоять такой эволюции могла бы какая-нибудь военная организация типа КГБ, но она уже сама заражена этими микробами.

<...> По-моему, никто активно не поддерживает, но никто и не препятствует сильно этим изменениям.

<...> Итак, ближайшие 15—20 лет эволюция с развитием плюрализма с разложением доктрин, с восстановлением понятия свободы, с упадком экономики, с появлением новой политической силы — новой партии. Что будет дальше — сказать очень трудно. Я бы во всяком случае желал эволюции и дальше. <...>

Август 1980 (с. 223-227)

* * *

Экспертный лист № 43. **Комар** (—)

<...> Происходит углубление противоречий, накопление нерешенных проблем. <...>

[Обзор проблем: «продовольственная проблема обостряется...»; «жилищная проблема зашла в тупик...»; «углубляется противоречие между общественной и личной собственностью...»; «дефицит рабочей силы... превратился в хронический...»; «резко усилилась диспропорция между наличием товаров и наличием денег у населения, наступило время всеобщего дефицита...». — А. А.]

<...> Экономический хаос, всеобщее недоверие к властям, состояние неустойчивое, но по инерции и вследствие терпеливости русского народа некоторое время еще продержится.

<...> Если в ближайшие годы не произойдет войны, то ожидать перемен можно под влиянием таких событий, как в Венгрии в 1956 г., в Чехословакии в 1968 г. и в Польше в 1980 г. Но глубина этих перемен будет зависеть от развития демократии в нашей стране.

<...> Видимо, еще некоторое время развитие будет идти к худшему, но так как терпение народа небеспредельно, поворот к лучшему должен будет наступить. Видимо, это будет через кризис.

<...> Демократизация общества идет (люди начинают более трезво оценивать неспособность властей решить назревшие проблемы, это уже носит массовый характер; возникают оппозиционные группы, особенно широко идет развитие правозащитного движения; развитию демократии в нашей стране способствует влияние западной демократии и непрерывная критика в наш адрес).

<...> Основные этапы развития демократии, на мой взгляд, следующие: 1) развитие правозащитного движения и обеспечение законности; 2) завоевание права критиковать местные власти, только по экономическим вопросам, затем центральные власти по этим же вопросам, и, наконец, завоевание права на критику политики центральных властей; 3) право на забастовки; 4) право на создание политических союзов и партий.

<...> Весь мир объединяется сейчас против нас (США, Китай, Япония, ФРГ, Англия). Социалистические страны не хотят нашего диктата (Югославия, Румыния; а также Венгрия, Чехословакия, Польша, в свете событий 1957, 1968, 1980 гг.). Полная изоляция, к которой мы идем, либо толкнет наши власти на войну, либо мы должны будем встать на путь резких перемен.

<...> Представляется, что наше общество, как и общества восточноевропейских стран, идут и придут от бюрократического социализма (военного коммунизма) к демократическому социализму.

<...> Последние 15 лет, время, когда все проблемы были загнаны в тупик, предвещает перемены — где-то в середине 80-х гг., но не позже 1990 г. <...>

[Вероятный сценарий. — А. А.]:

1980-81 гг. — подавление демократии в Польше, под нажимом Советского Союза. Результат — еще большая изоляция нашей страны на международной арене.

1981-82 гг. — попытка решения продовольственной проблемы. Усиление гонки вооружений в нашей стране.

1981-85 гг. — постепенное вымирание «престарелого» руководства. Приход новых людей к власти. Решение продовольственной проблемы.

1983-85 гг. — начало серии ультиматумов со стороны Японии, ФРГ, Китая. Уступки Советского Союза: возвращение Курильских островов, согласие на мирную конференцию в Европе (официального мира после второй мировой войны нет до сих пор), согласие на переговоры об объединении Германии, уступки в Индокитае в пользу КНР.

1983-85 гг. — распад Варшавского договора.

1983-1987 гг. — внутренний кризис, под влиянием внешнеполитических неудач и неразрешенности внутренних проблем. Забастовки. Выход на сцену оппозиционных политических партий — переход их из подполья к легальной деятельности. <...>

Декабрь 1980 (с. 228-231)

* * *

Экспертный лист № 44. **Без псевдонима**

[Забелкин Гурий Иванович (1933—1998). На момент интервью — шофер, до этого — пока не был исключен из КПСС, в конце 60-х, — преподаватель философии в Пушкинском сельскохозяйственном институте.

Его экспертный лист (в извлечениях) см. в томе 1 настоящей книги: приложение 1 к части 1. — А. А.]

* * *

Экспертный лист № 45. **Без псевдонима**

[Кетегат Анри Абрамович, социолог, живет в Вильнюсе.

Его экспертный лист (полностью) см. в томе 1 настоящей книги: приложение 4 к части 1. — А. А.]

* * *

Экспертный лист без номера

[Как выяснилось недавно, есть и еще один экспертный лист с ответами на нашу анкету. Его автором является один из разработчиков методики «Ожидаете ли Вы перемен?» докт. экон. наук, профессор Виктор Леонидович Шейнис.¹¹

Работа над этим текстом тогда (в 1979 г.) осталась не завершенной, поэтому данный экспертный лист в свое время не попал в мою папку. Однако текст этот, по счастью, сохранился в личном архиве В. Ш.

С согласия моего коллеги и друга, публикую здесь два фрагмента из этого документа — ответы на вопросы 18 и 20.¹² (Ноябрь 2003).

<...> 18. Замечаете ли Вы в данном обществе какие-либо нарастающие признаки общественной кристаллизации (направления, течения, оттенки мысли, культурные феномены и т. п.)?

Если да, то какие из них наиболее симптоматичны и значимы в свете Вашего представления о возможных переменах?

В сфере общественного сознания и поведения людей после 1953 г. произошли столь глубокие изменения, что трудно поверить, что все это приходится на срок меньший, чем жизнь одного поколения. Как кажется, умонастроения наиболее активной (и довольно широкой) части поколения 30-х гг. (во всяком случае — городской молодой интеллигенции) выразили комсомольские поэты, большинство которых позднее погибло на войне. Несмотря на известные события конца 30-х и 40-х гг. инерция идеологических и поведенческих стереотипов была еще велика. Комсомольская патетика, извергаемая сегодня газетами и журналами, повсеместно воспринимается как лживая (и хорошо оплачиваемая) риторика. Следует выяснить еще, сколь широко распространена была вера в идеалы коммунизма **прежде**, но едва ли можно спорить с тем, что **сейчас** вера рухнула: «Бог умер».

Официальная идеология, эклектичная, лишенная внутренней цельности и динамизма, более не выполняет ни познавательных, ни целеполагающих и почти не выполняет интегративных общественных функций. В своей основной струе (а не в модификациях, приспособляемых различными течениями для своих целей) она выполняет единственную роль — консервирующего устройства, закрепляющего некоторые предрасудки в народном сознании, барьера на пути к пониманию реального положения вещей. В сколько-нибудь полном виде набор догм, составляющих официальную идеологию, не признается за истину ни теми, кто ее разрабатывает (= приспособливает к требованиям дня), ни теми, кто ее

¹¹ См. о нем ранее, в томе 1 настоящей книги: глава 1; в томе 2: раздел 10.8. С 1990 по 1993 г. Шейнис был народным депутатом РСФСР (с 1991 г. — членом Верховного Совета РФ), в 1994—1999 гг. — депутатом Государственной Думы РФ. Ныне работает главным научным сотрудником ИМЭМО РАН.

¹² Как мне сообщил В. Л. Шейнис, публикация полного текста его экспертного листа 1979 г. предполагается им в книге, над которой он сейчас работает.

пропагандирует, ни теми, на кого она направлена. Еще менее она служит ориентиром, определяющим поведение первых, вторых и третьих.

Для понимания процессов, происходящих в обществе, полезно использовать схему, отражающую связь явлений в 4-х уровнях (см. схему).

Схема¹³

Основные элементы общественного сознания и общественного поведения

Первичный слой общественного сознания (уровень социальной психологии)	Вторичный слой общественного сознания		Политическое поведение (политические идентификации)	Неполитическое поведение
	Основные течения	Разновидности		
1	2	3	4	5
Ностальгия по порядку	1. Идеология консервативного, антидемократического характера	НеоСталинизм Основное течение русского национализма	Намечающийся блок неосталинистов в верхах партии и государства, группирующихся вокруг ряда государственных учреждений, официальных общественных организаций: органов печати и т. д.	Различные формы участия в официальной и полуофициальной общественной деятельности
Имперское сознание Озлобленность. Недоброжелательство к обществу, к окружающим людям, в особенности к “выламываемым” из заведенного порядка индивидам	1.1. Идеологии, в системе ценностей которых на первый план выдвигается общественная дисциплина и влияние в мире			
Ксенофобия	1.2. Идеологии, в системе ценностей	Ряд течений русского национализма		

¹³ Сравнительно заметные границы разделяют лишь существующие в обществе основные идеологические течения и соответствующие им формы политического поведения (идентификации) либо ухода от политики. Однако одни и те же склонения, отторжения и предпочтения и их комбинации на уровне первичного сознания могут находить концептуальное выражение в разных идеологических системах, а эти последние — в разных формах личного и общественного поведения. (Примечание В. Ш.).

1	2	3	4	5
Антисеми- тизм	которых на первом плане — исторические национальные ценности	Некоторые течения местных националистов в республиках СССР		
“Вещизм”. Предпочтение материальных ценностей духовным. Тяга к престижному потреблению предметов духовной культуры. Тяга к зарубежным потребительским стандартам	2. Умеренные реформистские идеологии. Идеологии, в системе ценностей которых на первый план выдвигается решение накопившихся общественных проблем сохранения основ существующего строя	Прагматическая интерпретация официальной идеологии Технократический реформизм	Сторонники реформ в средних и низших эшелонах партийного, государственного, хозяйственного аппарата. Группы специалистов, участвующие в разработке концептуальных документов для “директивных органов”	Экономическая деятельность, не укладывающаяся в рамки регулируемого хозяйства (нелегальная и полуправовая экономика, выпадающая из системы, но отчасти дополняющая ее и позволяющая ей функционировать)
Недоверие к словам и действиям власти	3. Реформистские идеологи, ориентированные на изменение основ системы.	“Марксистский” реформизм, выходящий за рамки официальной идеологии	Слабые и раздробленные “группы давления” в среде преимущественно научной и художественной интеллигенции, группирующиеся вокруг некоторых институтов и органов печати	Текущая рабочая сила. Неорганизованные мигранты населения. Культурное развитие, выходящее за рамки официальной идеологии:
Интерес к неконтролируемым властями источникам информации	Идеологии, в системе ценностей которых на первый план выдвигаются права человека и демократическое устройство общественной жизни	Социал-демократические воззрения (заостренные против неравенства)	Открытые диссиденты	Культурная творческая деятельность: = течения и явления, выходящие за рамки официальной идеологии, но признаваемые
Ориентация на обновление общества методами политического действия		Либеральные воззрения (заостренные против несвободы, значение		
Ориентация на нравственное освобождение				

1	2	3	4	5
<p>дение, очищение индивида (иногда — надежды на силу примера)</p> <p>Индифферентизм: - к общественным вопросам в целом - к участию в официальной общественной жизни</p> <p>Ощущение беспомощности индивида перед лицом государства</p>	<p>4. Аполитичные идеологии. Идеологии, в системе ценностей которых на первый план выдвигаются морально-этические императивы, строгие требования к личному поведению</p>	<p>личной инициативы)</p> <p>Демократически ориентированный национализм</p> <p>Религиозные</p> <p>Безрелигиозные</p>		<p>(не подавляемые) государством = непризнанная, неконформистская культура, распространяемая по неофициальным каналам (“самиздат” и т. п.); - потребление культурных ценностей: = распространяющееся отчуждение большой части общества от литературы и искусства “соцреализма”, усвоение новых для данного общества культурных явлений, норм и стандартов Эмиграция; - по политическим мотивам; - по материальным и статусным мотивам Иные формы “неучастия” в трудовой и общественной жизни</p>

Хотя переход от монотеистического, высоко дисциплинированного и унифицированного во всех своих проявлениях общества к плюрали-

стической политико-идеологической и поведенческой структуре в принципе представляет шаг вперед, распад общественных связей и крайне низкий уровень преобладающих норм сознания и поведения внушают серьезные опасения. Только конкретно-социологическое исследование могло бы дать представление о численном соотношении отмеченных явлений на всех уровнях. Однако конструктивные моменты, которые могли бы составить основу перемен к лучшему, представляются пока что, по меньшей мере, не преобладающими, а вернее — относительно мало распространенными. Положительная роль значительной части из них исчерпывается подрывом принудительного единомыслия и единообразия. Мало что и на уровне социальной психологии, и на уровне политики может служить непосредственным строительным материалом «перемен к лучшему». В своей преобладающей части общество и не осознает своих действительных, долговременных интересов, и тем более не готово их отстаивать на политическом уровне. Эти интересы выражают лишь численно незначительные и маловлиятельные группы меньшинства. Даже серьезные общественные потрясения не приводили пока к качественным изменениям в этой области.

При относительно спокойном, «невзрывном» характере идеологического и политического развития, на базе простой экстраполяции наметившихся тенденций не приходится ожидать резких сдвигов ни на уровне общественного сознания, ни на уровне неполитического поведения людей. Однако на всех уровнях накапливаются явления, которые могут вобрать в себя (и в известной мере опереться) и движение к «лучшему», и движение к «худшему». <...>

<...> 20. Не могли бы Вы, хотя бы приблизительно, датировать начало предполагаемых вами общественных изменений (пользуясь обозначениями типа: ближайшие год-два, середина 80-х гг., 90-е гг. и т. п.). Возможно, эти перемены уже начались?

Какие-то перемены, конечно, происходят постоянно. Однако о начале перемен в том смысле, как это имеется в виду в данном вопроснике, говорить пока не приходится. Критерием действительно начавшихся перемен могли бы быть: к «лучшему» — необратимость процесса, утрата контроля государства над обществом; к «худшему» — утрата обществом того, что отличает период после 1953 г. от предшествующего времени. Решающие перемены могут и должны происходить в сфере политики, а эта сфера — несмотря на периодически повторяющиеся в ней «войны мышей и лягушек», остается наиболее стабильной. Перемены в политике приведут к цепной реакции изменений во всех иных областях общественной жизни.

Наиболее вероятное, как сейчас представляется, время начала цикла перемен — вторая половина 80-х гг., когда может скреститься действие объективных (ухудшение экономической и демографической ситуации, развитие обозначившихся международных процессов и т. д.) и субъек-

тивных факторов (уход поколения, сформировавшегося в годы войны; биологическая динамика в высшем эшелоне власти и др.). <...>¹⁴

В. Шейнис, 1979

[Скращение действия объективных и субъективных факторов во второй половине 80-х гг., как известно, состоялось. — А. А.]

* * *

От автора — сегодня

В этой книге приведены — в сокращении или полностью — 45 записей бесед с участниками андерграундного опроса «Ожидаете ли Вы перемен?» (1979–1981).

На сегодня удалось установить авторство 25 экспертных листов из 45. Может быть, эта публикация поможет разыскать хотя бы некоторых из наших тогдашних собеседников, остающихся пока «не опознанными»?¹⁵

...А теперь вопрос: насколько же прозорливы или, напротив, недалековидны были участники нашего опроса? Пусть об этом судит современный читатель, умудренный историческим опытом последовавших двух с половиной десятилетий.

Все же замечу, что некоторые из наших экспертов-прогнозистов попали «в яблочко». Немалая их часть обнаружила (как мы можем судить сегодня...) вполне реалистичное представление о логике и механизме вероятных общественных изменений. В частности, рядом экспертов, по существу, была точно предсказана та самая «революция сверху» («горбачевская перестройка»), которая фактически состоялась во второй половине 1980-х гг. (См., например, экспертные листы №№ 5, 11, 16, 32, 45).

Далее, несмотря на изобилие пессимистических и скептических оценок перспектив развития данного общества, свыше четверти участников опроса рубежа 1970—80-х гг., независимо друг от друга, приурочили (сочли весьма вероятным...) начало системных общественных сдвигов именно к

¹⁴ Отвечая на другой вопрос анкеты (№ 6 — о вероятности существенных, может быть, коренных перемен, сдвигов в жизни «известного Вам общества») В. Ш. написал (1979):

«...Представляется маловероятным, что до конца века не наступят **коренные, глубокие** перемены. **Существенные** перемены могут начаться быстрее, видимо, не позднее второй половины 80-х гг. Эта оценка носит вероятностный, а не категорический характер...»

¹⁵ К сожалению, есть среди участников того опроса и такие, чьи экспертные листы надежно идентифицировать, по-видимому, уже никогда не удастся. Это ныне покойные: Владимир Григорьевич **Безнос** (докт. филос. наук, проф. Ленинградского института театра, музыки и кинематографии); Софья Михайловна **Фирсова** (доктор экон. наук, проф. Института связи им. В. В. Бонч-Бруевича). К обоим в свое время обращалась Н. Я. Шустрова. Сегодня Н. Ш. берется лишь предположительно «приписать» эксп. лист № 2 — С. М. Фирсовой (см. выше).

Нина Шустрова помнит также, что брала интервью у Виктора **Глинера** и у Татьяны **Менакер**. Оба ныне живут за рубежом и связь с ними сегодня ею утрачена. Также за рубежом живет сейчас Анатолий Филиппович **Кандель**, у которого брал интервью В. Л. Шейнис. Последний помнит, что среди участников экспертного опроса был также Т. Д. **Брин** (живший тогда в Сибири). И с ним ныне потеряна связь.

(Я не успел пока связаться с живущей в Петербурге Нинель Захаровной **Волчек**, чей (анонимный для меня) экспертный лист в свое время передал мне В. Л. Шейнис. Возможно, она сумеет узнать свой текст среди представленных здесь).

рубежу 80—90-х гг. (См., в частности, экспертные листы №№ 5, 6, 10, 11, 16, 18, 30, 32, 33, 37, 40, 43, 45, без номера).

Для «исследований будущего» (= социально-исторической прогностики) — результат внушительный (впечатляющий...).

...И еще одно уже сугубо личное замечание. Будучи одним из составителей вопросника, сам я тогда (в отличие от своих соавторов А. Соснина и В. Шейниса) так и не отважился ответить на вопросы, которые задавал другим.

Но перечитав сегодня настоящую подборку экспертных высказываний четвертьвековой давности, найду, что не переставал черпать из этого источника — с той поры и по сей день... (Сентябрь 1999 — июнь 2005).

* * *

Справка

Для удобства пользования настоящим собранием материалов андерграундного экспертного опроса по анкете «Ожидаете ли Вы перемен?» (1979—1981) приведу здесь упорядоченный в последовательности номеров экспертных листов список участников тогдашнего опроса (с указанием псевдонима и личности «респондента», если она известна):

1. А. В. Седов («Жук»); 2. С. М. Фирсова? («Порядочный человек»); 3. ? («Киса»); 4. ? («Гуманитарий»); 5. П. Вихалемм и М. Лауристин («Барсук»); 6. А. Н. Ющенко («Беломор»); 7. В. Д. Глухов («Катя»); 8. ? («Днепров»); 9. ? («Имперцев»); 10. В. Н. Павленко («Тройка»); 11. ? («Олин»); 12. В. П. Захаров («Тигр»); 13. В. Ш. Рубашкин («Ира»); 14. А. Н. Тихонов («Октябрь»); 15. Ю. А. Щеголев («Ландыш»); 16. ? («Ваня»); 17. ? («Весы»); 18. ? («Гатчинский»); 19. ? («Без псевдонима»); 20. ? («Опенек»); 21. ? («Рабочий Ваня Ж-в»); 22. ? («Тормоз»); 23. А. А. Вейхер («Лютеранин»); 24. В. Н. Дмитриевский («Алазанская»); 25. В. Ф. Чеснокова («Никита Боголюбский»); 26. Р. В. Рывкина («Близнец»); 27. ? («Руслан и Людмила»); 28. А. С. Соснин («Невельцев»); 29. ? («Без псевдонима»); 30. В. В. Сокирко («Без псевдонима»); 31. ? («Без псевдонима»); 32. ? («Без псевдонима»); 33. Ю. А. Огибин («Скромный»); 34. Л. К. Дудченко («Бирюк»); 35. С. Г. Никитин («Строитель»); 36. А. В. Баранов («Ученый»); 37. Э. В. Соколов («Дикобраз»); 38. Г. А. Климентов («Марианна»); 39. ? («Без псевдонима»); 40. ? («Волк»); 41. Г. В. Бурковский («Инструктор»); 42. ? («Без псевдонима»); 43. ? («Без псевдонима»); 44. Г. И. Забелкин? («Без псевдонима»); 45. А. А. Кетегат («Без псевдонима»); 46. В. Л. Шейнис («Без номера»).

Экспертные листы №№ 1—32, а также «без номера», — датированы 1979 г.; №№ 33—43 — 1980 г.; №№ 44 и 45 — 1981 г.

Составителями методики были: А. Н. Алексеев, М. Я. Гефтер, А. С. Соснин, В. Л. Шейнис, Н. Я. Шустрова. В качестве интервьюеров (или сборщиков письменных ответов) выступали: Алексеев, Соснин, Шейнис, Шустрова. Формировал сводный комплект экспертных листов (45) — автор этих строк..

«Оригиналы» экспертных листов ныне хранятся в личном архиве автора настоящей книги.¹⁶

25.3. «Не может быть, чтобы режим был вечен. Тогда развернутся потенции...»

Ремарка: и еще одна анкета...

Выше¹⁷ упоминался еще один опрос из тех, теперь уже далеких, лет: анкета Ю. В. Линника, посвященная памяти Александра Александровича Любищева. На эту анкету в конце 70-х ответили 30 младших современников — коллег, учеников и друзей Любищева (среди них — немало блестящих имен). Их ответы сохранились и теперь опубликованы Юрием Владимировичем Линником. (См. А. А. Любищев. Творческий портрет. Ульяновск: Симбирская книга, 2001).¹⁸

Среди отвечающих тогда — выдающийся палеоботаник, ученый-энциклопедист Сергей Викторович Мейен (1935—1987). В частности, С. М., оценивая вклад Любищева в мировую науку и культуру, высказался письменно с редкой для тех времен откровенностью также и об общественных условиях, в которых Любищеву приходилось жить и работать. См. ниже. (Май 2003).

Из ответа С. Мейена на анкету Ю. Линника (1977)

<...> Мы взяли что-то у него [Любищева. — А. А.] и понесем дальше. Думаю, что та линия, которую он поддерживал и постарался передать другим, одна из наиболее ценных в человеческом разуме (я бы назвал ее критическим рационализмом). Советская власть смогла придушить роль А. А. [Любищева. — А. А.] при его жизни. Думаю, если бы не наши режимные организации и их добровольные помощники в лице редколлегии и «философских нянь» (выражение А. А.), если бы А. А. смог напечатать свои «Линии Демокрита и Платона...» и другие общие работы, если бы он мог писать не помня о цензуре, и зная, что это будет напечатано, то его имя было бы не менее популярно, чем такие, модные в среде научной интеллигенции, имена как Кун, Поппер, Гемпель, Фейерабенд и Ко. Во всяком случае, А. А. знали бы лучше, чем Уолдингтона или Эльзассера. Читая книги всех перечисленных лиц (и людей того же

¹⁶ К сожалению, Нине Яковлевне Шустровой пока не удалось разыскать текст вопросника и комплект из 15–20 интервью на тему о состоянии и перспективах развития «данного общества» (из соображений конспирации речь там шла якобы о бразильском обществе...), которые были взяты ею у своих коллег и друзей во второй половине 1970-х гг. — еще до возникновения нашего авторского коллектива и разработки представленной здесь экспертно-прогностической методики. Составленная Н. Ш. единолично анкета (не оснащенная инструкцией по применению и специальным теоретико-методологическим обоснованием) явилась прообразом последующей, более фундированной попытки андерграундного экспертного опроса. В известном смысле именно Нине Шустровой принадлежит честь «открытия жанра».

¹⁷ См. ранее, в томе 3 настоящей книги: раздел 17.14.

¹⁸ Предваряя публикацию ответов на эту анкету, Ю. В. Линник пишет:

«...Ю. А. Шрейдер ввел своеобразный термин “постлюбищевская переписка”. По его мнению, в условиях несвободы лишь эпистолярный жанр мог поддержать биение живой мысли. Анкета возникла в рамках “постлюбищевской переписки”. Она свидетельствует о том, как мощно содействовал А. А. Любищев раскрепощению сознания. Перед нами своеобразный памятник духовного андерграунда семидесятых годов» (А. А. Любищев. Творческий портрет..., с. 73)

ранга) и читая неопубликованные работы А. А., видишь, насколько последние глубже, смелее, насколько последние сильнее стимулируют мысль. Режим заживо хоронил А. А. и не только его. Напомню хотя бы Бахтина. Наша задача — не дать захоронить дух этих людей, передать этот дух дальше. Не может быть, чтобы режим был вечен. Тогда разверзнутся потенции.

27 сентября 1977 г. Москва

(Цит. по: А. А. Любишев. Творческий портрет. Ульяновск, 2001, с. 84)

[Здесь этот фрагмент ответа С. Мейена на анкету Ю. Линника о Любичеве приведен, в частности, как свидетельство того, что материалы нашего опроса «Ожидаете ли Вы перемен?» еще, возможно, и не были в ту пору самыми «крамольными» (в этом жанре)... — А. А.]

* * *

Стихи о свободе

Я не свободен, если о свободе
Пишу стихи! Когда стеснений нет,
Ее не замечают — это вроде
Как чистый воздух или белый свет.
Но если вдруг миазмы ощутите,
Иль будет мир во мгле неразличим,
То лишь тогда — при явном дефиците —
Про чистоту и ясность говорим.
Возможно ли нам рок переупрямить?
Иль мы в своих поступках не вольны?
Свобода! Это кануло в прапамять.
Свобода — это зовы глубины.
Ее считают чем-то первородным?
Она от Бога? И не на года —
Навек дается? Истинно свободным
Я в этой жизни не был никогда.
Но почему о ней я все же знаю?
И где она оставила свой след?
В печали ностальгирую по раю!
Я выбор сделал — истине во вред.
Мне часто не хватало кислорода.
Я обживал токсичную среду.
Со всем смирюсь! Но где моя свобода?
Ее я в этом мире не найду.

Ю. Линник (Цит. по: Быть. Альманах
Юрия Линника. Петрозаводск, 2003, с. 1)

Приложения к главе 25

П.25.1. Представление о напряженных системах

Несколько вступительных слов

Звоню в марте этого года в Киев своему другу, и соавтору этой книги Роману Ленчовскому, чтобы выяснить его отношение к текстам, которые отправил ему для получения согласия на их публикацию.¹

Р. Л. мне говорит: «Обязательно прочитай книгу Ли Росса и Ричарда Нисбетта «Человек и ситуация». Прислать тебе?» — «Не надо. Достану».

Прочитал. Спасибо, Роман! (Апрель 2000).

Из книги Л. Росса и Р. Нисбетта «Человек и ситуация» (1991, рус. пер. — 1999)

<...> Третьим главнейшим вкладом социальной психологии и последним из трех концептуальных «китов», на которых покоится наша наука², является положение о том, что индивидуальная психика, а также коллективные образования (от неформальных социальных групп до целых наций) должны рассматриваться как системы, пребывающие в состоянии напряжения. Анализ любой отдельной стимулирующей ситуации должен начинаться с признания, во-первых, того, что «поведение должно выводиться из всего количества одновременно сосуществующих фактов», а во вторых, того, что «эти одновременно сосуществующие факты имеют характер силового поля постольку, поскольку состояние каждой части данного поля зависит от любой другой его части» (*Lewin K. Field Theory in Social Science. N.-Y.: Harper, 1951, p. 25*).

Существование простых механических закономерностей, соотносящих отдельные стимулы с конкретными реакциями, попросту невозможно, если учесть, что и те, и другие встроены в динамический контекст, видоизменяющий и ограничивающий действие этих закономерностей.

«...такие феномены, как производительность труда на фабрике, представляют собой результат действия множества сил. Некоторые силы подкрепляют друг друга, а некоторые противостоят друг другу. Некоторые являются движущими, а некоторые — сдерживающими силами. Подобно скорости течения реки, поведение группы людей зависит от того уровня (например, от той скорости работы), на котором противоборствующие силы достигают состояния равновесия. Если говорить об определенном культурном паттерне... необходимо иметь в виду, что совокупность этих сил остается постоянной на протяжении какого-то периода или, по крайней мере, что установившееся между ними равновесие находится на постоянном уровне в течение этого времени» (*Lewin K. Op. cit, p. 173*).

¹ См. в томе 1 настоящей книги: разделы 6.3; в томе 2: разделы: 9.5 и 9.6.

² Двумя другими концептуальными «китами» современной социальной психологии Л. Росс и Р. Нисбетт считают: принцип ситуационизма и принцип субъективной интерпретации.

Существуют три важнейших следствия приложения понятия «напряженная система». **Первое** из них состоит в том, что **анализ сдерживающих факторов** может быть так же важен для понимания и прогнозирования эффекта, полученного от впервые используемого в ситуации стимула, как и анализ самого этого стимула. Эффект от внедрения новой формы материального поощрения производительности труда на фабрике зависит от баланса сил, поддерживающих производительность на текущем уровне. В случае, если существует групповая норма, осуждающая перепроизводство или «погоню за показателями», то эффект от внедрения этого стимула может оказаться незначительным, если не обратным.

Динамическое противоборство противостоящих друг другу сил было прекрасно отражено Вольфгангом Келером (W. Koehler) в его концепции «квазистационарного равновесия», суть которого состояла в том, что некоторые процессы (или уровни, на которых они протекают), подобные скорости реки у Левина или производительности труда на фабрике, колеблются в границах, заданных определенными сдерживающими и побуждающими силами. Эти уровни могут легко смещаться вверх и вниз в определенных, сравнительно узких пределах. Выйти за эти пределы им уже гораздо труднее, а преодолеть более широкие границы — практически невозможно. Далее полагалось, что изменения в системе могут быть осуществлены двумя разными способами, чреватými крайне отличными друг от друга последствиями. Можно добавлять или развивать побуждающие силы (увеличивая тем самым напряженность в системе, так как влияние соответствующих сдерживающих сил также будет возрастать) либо устранять (или ослаблять) сдерживающие силы, препятствующие желаемым изменениям (уменьшая, таким образом, напряжение). Так, в приведенном выше примере изменение групповых норм в отношении «погони за показателями» может оказаться более эффективным, чем обещание еще более значительных материальных поощрений.

Второе важное следствие является оборотной стороной предыдущего. Дело в том, что, находясь на пороге изменений, системы иногда пребывают в **неустойчивом равновесии**. Мы можем вернуться к аналогии с рекой, обратившись к некоторым интересным фактам из истории заселения бассейна реки Миссисипи. На протяжении последних нескольких сот миль перед впадением в Мексиканский залив река протекает в основном по руслу, для изменения которого требуется событие, по меньшей мере, катастрофического масштаба. Но направление ее течения на **отдельных** участках может резко меняться в результате вполне заурядных, незначительных событий. Представьте себе, что человек с лопатой, принявшись за работу в нужном месте, прорывает небольшую канавку, постепенно делая ее все шире и шире до тех пор, пока река не потечет по новому руслу и ее старый изгиб не сгладится. (В XIX веке эта возможность всегда принималась в расчет владельцами примыкавших к берегам реки земельных участков, которые зачастую нанимали специальных людей с приказом стрелять без предупреждения в каждого, кто будет застигнут выше по течению с орудиями для земляных работ).

Аналогия между течением реки и процессами, являющимися предметом как социальной психологии, так и психологии личности, представляется

вполне ясной. Квазистационарное равновесие с трудом поддается изменению именно по причине баланса противостоящих друг другу сил, которые поддерживают статус кво (и в определенном смысле постоянно устанавливают его заново). Вместе с тем внедрение в систему или замена в ней незначительных на первый взгляд сил, не чреватая, как это может показаться, последствиями, выливается иногда в крайне драматические и масштабные изменения.

Таким образом, **третье** следствие приложения понятия «напряженные системы» возникает в результате объединения первых двух. Подобно принципу субъективной интерпретации, принцип напряженных систем помогает нам понять, почему кажущиеся масштабными манипуляции с ситуациями не дают иногда значительного эффекта, в то время как внешне менее масштабные манипуляции иногда бывают весьма эффективны. Масштабные манипуляции могут оказаться бессильны перед лицом еще более масштабных сдерживающих факторов или даже увеличивать силу сопротивления последних. В противоположность этому менее масштабные манипуляции могут использовать факт ненадежного равновесия либо важный канальный фактор, вызывая сдвиги в системе скорее посредством изменения **направления** силовых воздействий, чем посредством грубой силы.

Мы могли бы проиллюстрировать вышеприведенные замечания, обратившись к удивительным событиям в странах восточного блока, происходящим в момент написания этой книги. В течение 40 лет, начиная с окончания второй мировой войны и приблизительно до 1985 г., уровень большинства внутренних процессов в этих странах, равно как и уровень их внешних сношений, удерживался в пределах, которые кажутся нам сейчас очень ограниченными. Временами там имело место чрезвычайно жесткое подавление инакомыслия, за которым следовали незначительные послабления. Временами в этих странах могла проявляться определенная терпимость к предпринимательской деятельности, иногда же она почти отсутствовала. Колебания оттепели и заморозков в отношениях этих стран с государствами Запада в период холодной войны составляли такую величину, которая может теперь быть оценена в пределах одного градуса по Цельсию. Подобные незначительные колебания в развитии социальных процессов могут быть хорошо объяснены в терминах квазистационарного равновесия. Побуждающие факторы постоянно наталкивались там на равные по силе сдерживающие факторы. Соответственно изменения протекания различных процессов искусственно поддерживались на невысоком уровне.

Однако, как показали события последних лет, несмотря на то, что эти системы пребывали в равновесии, в действительности они характеризовались очень высоким уровнем внутреннего напряжения. Присутствовавшие в них как побуждающие, так и сдерживающие силы обладали огромным потенциалом. Соответственно, когда произошло открытие **каналов воздействия**, изменения стали происходить с захватывающей дух быстротой, и в настоящий момент уже ясно, что для людей, рожденных в первые восемь десятилетий нашего века, внешний облик мира окажется в скором времени неузнаваемым.

Данные события также обязывают нас критически оценить нашу способность к прогнозированию происходящего в мире, представляющем собой совокупность напряженных систем. **Если бы кто-нибудь на Западе, скажем, в 1984 г. предсказал, что политическая и экономическая система Советского Союза может измениться в результате либеральной революции сверху, за которой вскоре последует конец партийного правления во всех, по существу, странах восточного блока, то этот человек скорее всего был бы объявлен чудачком или мечтателем.** [Выделено мною. — А. А.] Для всех разумных аналитиков было очевидно, что если от стран восточного блока и можно было ожидать движения к переменам, то скорее всего оно было бы подобно едва заметному движению ледника. И в самом деле, четыре послевоенных десятилетия должны были бы послужить вполне адекватным доказательством этой мысли для любого человека, готового проявить сколько-нибудь критическое отношение к происходящему! <...>

(Л. Росс, Р. Нисбет. Человек и ситуация. Уроки социальной психологии. М.: Аспект-пресс, 1999, с. 50-53).³

Ремарка: квазистационарное равновесие.

Этот фрагмент из книги двух лидеров мировой социальной психологии приведен здесь вовсе не только ради выделенного мною пассажа о «фантастичности краткосрочного прогноза насчет обрушения политической и экономической системы СССР и других стран «восточного блока» (каковым такой прогноз мог бы показаться западным аналитикам, скажем, в 1984 г., по утверждению авторов).

Представление о «напряженных системах», о «квазистационарном» равновесии сложной, многомерной, многофакторной системы (каковой является как индивидуальная психика, так и коллективные, социальные образования любого уровня) в принципе позволяет объяснить трансформацию таких систем — в результате вовсе не «масштабных» и «грубых», а как раз «не масштабных» и «тонких» воздействий (а также — добавлю — «частичных» и «мелких» спонтанных отклонений от равновесного состояния), которые могут оказаться «пусковым механизмом» для разбалансировки «напряженной системы», а отсюда — для ее кардинального изменения.

Меня здесь особенно интересует указанное системно-динамическое представление применительно к таким образованиям, как — социум, общество в целом. И «подогрет» этот интерес... приведенными выше материалами экспертного опроса «Ожидаете ли Вы перемен?» рубежа 70—80-х гг.

*Знакомясь с представленными выше извлечениями из экспертных листов, внимательный читатель мог заметить, что идея о неустойчивом, ненадежном равновесии, иначе говоря — представлении о **внутренней «напряженности»** об-*

³ В предисловии к английскому изданию своей книги авторы пишут:

«...Третья идея связана с понятиями “напряженные системы” и “квазистационарное равновесие” “теории поля” К. Левина. Эти представления акцентируют внимание как на динамических процессах, сдерживающих изменения, так и на динамических последствиях самих изменений, которые могут происходить как в рамках социальных систем, так и внутри когнитивной системы отдельного индивида. Давление в направлении изменения какого-либо элемента или связи в системе наталкивается зачастую на противодействие со стороны гомеостатических процессов, протекающих внутри этой системы. Когда же изменения все-таки происходят, его результаты часто широко распространяются на всю систему в целом и, будучи “неочевидными” по характеру, продолжают сказываться до тех пор, пока вся система вновь не придет в равновесие» (Росс Л., Нисбетт Р. Указ. соч., с. 28).

щественной системы, применительно к советскому обществу того времени, имплицитно (а иногда и явно!) присутствует в целом ряде высказываний наших экспертов. К этой теме еще вернемся. (Май 2003 — январь 2004).

...Что касается сослагательного наклонения, то как ни откращиваются от него историки, оно упорно не хочет уходить из общественного сознания, озабоченного судьбой человечества. Современная теория самоорганизации (синергетика) все отчетливее приходит к выводу о нелинейности, неоднозначности, неустойчивости путей эволюции. В кризисных ситуациях малые воздействия могут приводить к весьма значительным последствиям. Не случайно социологи просматривают по несколько сценариев возможного развития событий...

Р. Баранцев (Из предисловия к публикации письма А. А. Любичева — Д. А. Никольскому: «Если бы противостояние с Москвой завершилось в пользу Новгорода...». — Звезда, 1999, № 10, с. 136)

П.25.2. Синергетическое мировидение

Из «Новейшего философского словаря» (1999)

Синергетика — современная теория самоорганизации, новое мировидение, связываемое с исследованием процессов самоорганизации, нелинейности, неравновесности, глобальной эволюции, изучением процессов становления «порядка через хаос» (Пригожин), бифуркационных изменений, необратимости времени, неустойчивости как основополагающей характеристики процессов эволюции. Проблемное поле С. центрируется вокруг понятия «сложность», ориентируясь на постижение природы, принципов организации и эволюции последнего. Сложность трактуется как «возникновение бифуркационных переходов вдали от равновесия и при наличии подходящих нелинейностей, нарушение симметрии выше точки бифуркации, а также образование и поддержка корреляций макроскопического масштаба». <...>

[Здесь мною опущены ссылки на работы И. Пригожина, И. Стенгерс, Г. Хакена и др. — А. А.].

С. как миропонимание преодолевает традиционалистские идеи: о микрофлуктуациях и случайностях как незначимых факторах для конструирования научных теорий; о невозможности существенного воздействия индивидуального усилия на ход осуществления макросоциальных процессов; о необходимости элиминации неравновесности, неустойчивости из миропредставлений, адекватных истинному положению вещей; о развитии как по сути безальтернативном поступательном процессе; о соразмерности и сопоставимости объемов прилагаемых к системе внешних управляющих воздействий объему ожидаемого результата; об экспоненциальном характере развития «лавинообразных» процессов и т. д. <...>

(А. А. Грицанов, К. Н. Месяная. Синергетика / Новейший философский словарь. Минск: Изд. В. М. Скакун, 1999, с. 618)

* * *

**Из книги Р. Баранцева «Синергетика
в современном естествознании» (2003)**

<...> Слово «синергетика» происходит от греч. *sinergeia* — содействие, сотрудничество. Синергия означает совместное функционирование органов и систем. В широкое употребление этот термин ввел 30 лет назад немецкий физик Г. Хакен, назвав так новое научное направление, объединяющее исследования по теории саморазвития.

<...> В настоящее время синергетика, преодолевая междисциплинарный статус, быстро превращается в ответственного носителя новой парадигмы <...>. Синергетические семинары, конференции, форумы собирают представителей самых разных специальностей, объединенных стремлением выработать и освоить современный стиль мышления (Синергетика и методы науки. СПб.: Наука, 1998, с. 158-161). Воспринятая новая методология внедряется в технику <...>, в искусство <...>, в информатику <...>, открывает свежие перспективы в экономике <...>, в психологии <...>, в прогностике <...>. Появляются и учебные пособия <...>.

[Здесь опущены многочисленные библиографические ссылки. — А. А.]

<...> Известные варианты определения синергетики опираются на такие свойства системы, как нелинейность, когерентность (лат. *cohaerentia* — внутренняя связь, взаимная связанность), открытость, которые действительно необходимы для самоорганизации <...>.

Принимая нелинейность — когерентность — открытость за системное определение синергетики, мы получаем возможность ставить и решать вопрос о ее границах, устанавливая допустимые пределы по каждому из ее параметров. <...>

(Р. Г. Баранцев. Синергетика в современном естествознании. М.: УРСС, 2003, с. 107, 109-110, 115)⁴

* * *

**Из книги В. Васильковой «Порядок и хаос
в развитии социальных систем» (1999)**

<...> Синергетика как концепция самоорганизации имеет сложный структурный «ландшафт» (она есть сложное структурное образование). С одной стороны, она обладает ядром строго научного, математизированного знания о законах самоорганизации, с другой стороны, обширной оболочкой мировоззренческого и культурологического контекста, интерпретирующего с новых методологических позиций различные сферы мироздания. В этом смысле можно говорить о том, что синергетика стимулирует рождение определенного **стиля мышления**. <...>

[Здесь автор ссылается на работы В. И. Аршинова, Е. Н. Князевой, С. П. Курдюмова, И. Пригожина, Е. С. Режабека, Г. И. Рузавина и др. — А. А.]

⁴ См. также: Баранцев Р. Г. Нелинейность, когерентность, открытость как системная триада синергетики // Мост, 1999, № 29.

Причем эти две составляющих активным образом влияют друг на друга, расширяя границы традиционного понимания рациональности, с одной стороны, и делая знания о закономерностях самоорганизации в более широких областях (в том числе и в социальной) более строгими с научной точки зрения, с другой стороны. <...>

(В. В. Василькова. Порядок и хаос в развитии социальных систем (Синергетика и теория социальной самоорганизации). СПб.: Лань, 1999, с. 17).

* * *

Из предисловия О. Тоффлера к книге И. Пригожина и И. Стенгерс «Порядок из хаоса» (1979, 1984; рус. пер. — 1986)

<...> Идеи Брюссельской школы, существенно опирающиеся на работы Пригожина, образуют новую, всеобъемлющую теорию изменения.

В сильно упрощенном виде суть этой теории сводится к следующему. Некоторые части Вселенной действительно могут действовать как механизмы. Таковы замкнутые системы, но они в лучшем случае составляют лишь малую долю физической Вселенной. Большинство же систем, представляющих для нас интерес, **открыты** — они обмениваются энергией или веществом (можно было бы добавить: и информацией) с окружающей средой. К числу открытых систем без сомнения принадлежит биологические и социальные системы, а это означает, что любая попытка понять их в рамках механистической модели заведомо обречена на провал.

Кроме того, открытый характер подавляющего большинства систем во Вселенной наводит на мысль о том, что реальность отнюдь не является ареной, на которой господствует порядок, стабильность и равновесие: главенствующую роль в окружающем нас мире играют неустойчивость и неравновесность.

Если воспользоваться терминологией Пригожина, то можно сказать, что все системы содержат подсистемы, которые непрестанно **флуктуируют**. Иногда отдельная флуктуация или комбинация флуктуаций может стать (в результате положительной обратной связи) настолько сильной, что существовавшая прежде организация не выдерживает и разрушается. В этот переломный момент (которые авторы книги называют **особой точкой** или **точкой бифуркации**) принципиально невозможно предсказать, в каком направлении будет происходить дальнейшее развитие: станет ли состояние системы хаотическим или она перейдет на новый, более дифференцированный и более высокий уровень упорядоченности или организации, который авторы называют **диссипативной структурой**. (Физические или химические структуры такого рода получили название диссипативных потому, что для их поддержания требуется больше энергии, чем для поддержания более простых структур, на смену которым они приходят.)

Один из ключевых моментов в острых дискуссиях, развернувшихся вокруг понятия диссипативной структуры, связан с тем, что Пригожин под-

черкивает возможность **спонтанного** возникновения порядка и организации из беспорядка и хаоса в результате процесса **самоорганизации**.

Чтобы понять суть этой чрезвычайно плодотворной идеи, необходимо прежде всего провести различие между системами равновесными, слабо неравновесными и сильно неравновесными. <...>

[Здесь опущены несколько примеров, приводимых автором. — А. А.]

Обобщая, мы можем утверждать, что в состояниях, далеких от равновесия, очень слабые возмущения, или флуктуации, могут усиливаться до гигантских волн, разрушающих сложившуюся структуру; а это проливает свет на возможные процессы качественного или резкого (не постепенного, не эволюционного) изменения. Факты, обнаруженные и поняты в результате изучения сильно неравновесных состояний и нелинейных процессов, в сочетании с достаточно сложными системами, наделенными обратными связями, привели к созданию совершенно нового подхода, позволяющего установить связь фундаментальных наук с «периферийными» науками о жизни и, возможно, даже понять некоторые социальные процессы. <...>

О. Тоффлер

(Цит. по: И. Пригожин и И. Стенгерс. Порядок из хаоса. Новый диалог человека с природой. М.: Прогресс, 1986, с. 17-18, 20)

* * *

Из книги Р. Баранцева «Синергетика в современном естествознании» (2003)

<...> Синергетическая идеология позволяет взглянуть и на общество как на самоорганизующуюся систему, формируя при этом новые концепции в социальных науках. <...> Громадное значение имеет вывод современного естествознания о неоднозначности путей эволюции природных систем, о неустойчивости по отношению к начальным данным. Эволюция может определяться не столько прошлым, которое забывается, сколько будущим, которое ведет к самодостраиванию. Очень важно также, что сложным системам нельзя навязывать пути их развития, а нужно обеспечивать самоуправляемое развитие, правильно организуя воздействия в пространстве, времени и масштабе <...>. Актуальная концепция «sustainable development» означает не устойчивое, а самоподдерживаемое развитие.

Г. Ю. Ризниченко формулирует следующие «общечеловеческие» выводы социальной синергетики:

«1. Следует расстаться с мифом о всеилии знания и возможности однозначного предсказания в случае полностью известной структуры системы, законов взаимодействия ее компонентов и граничных условий. Найти единственно верное решение невозможно.

2. Решения, которые нашла природа за миллионы лет, по-видимому, оптимальны. Попытки перекраивания природы в угоду человеку, приводят к системам, энергетическая эффективность которых в конечном счете ниже природной.

⁵ Ризниченко Г. Ю. Нелинейное естественнонаучное мышление и экологическое сознание / Экология. Экологическое образование. Нелинейное мышление. М., 1998, с. 215-216.

3. Невежество (или псевдознание) линейно-детерминистического мышления в конце XX века ведет к глобальному экологическому кризису.

4. Нелинейная парадигма обнадеживает в тех ситуациях, которые кажутся безнадежными. Существенность малых усилий в критических ситуациях может вывести систему на иную, благоприятную возможность из того спектра возможностей, которым обладает сложная система».⁵

(Р. Баранцев. Указ. соч., с. 118-119)

* * *

Из книги В. Васильковой «Порядок и хаос в развитии социальных систем» (1999)

<...> Обобщая сказанное, можно констатировать, что синергетические идеи о неравновесности, нелинейности открытых, сложных самоорганизующихся систем, о взаимопереходах порядка и хаоса, сопряженные с социальным познанием, трансформируют и обогащают наши представления о соотношении случайности (свободы воли) и детерминизма в истории, о роли многофакторности (многомерности) и полидетерминизма, о проблеме альтернативности и неравномерности исторического развития, об особом значении переходных эпох в истории, об источниках исторических новаций и движущих силах социальной эволюции, о циклическом чередовании в общем эволюционно-структурном процессе различных типов социального порядка (отражающих этапы его становления и его сохранения), об условиях предсказуемости и непредсказуемости в социальном познании и социальном управлении.

Используя синергетическую метафору о познании как «диалоге с природой», можно говорить о новациях в социальном познании как «диалоге с обществом», когда исследователь преобразует прежде второстепенные, находящиеся на периферии научные процессы и явления в новую исследовательскую позицию, придает им новый смысл, за которым проступает новая диспозиция между познающим и познаваемым.

В целом, суммируя принципы социального познания, инициированные синергетическим мировидением, важно еще раз подчеркнуть, что они синтезируют подходы к описанию как «становящихся», изменяющихся процессов общества, так и <...> стабильных констант социального бытия, выраженных в классической и неклассической парадигмах социального познания. И применительно к обществу работает принцип, высказанный И. Пригожиным:

«Мы считаем, что бытие и становление должны рассматриваться не как противоположности, противоречащие друг другу, а как два соотнесенных аспекта реальности».⁶

<...> И. Пригожин и И. Стенгерс, говоря о последствиях проникновения в социальные науки синергетических идей, отмечают <...>:

«Ныне мы знаем, что человеческое общество представляет собой необычайно сложную систему, способную претерпевать огромное число бифуркаций, что подтверждается множеством культур, сложившихся на протяжении сравнительно короткого периода в истории человечества. Мы знаем, что столь сложные системы обладают высокой чувствительностью по отношению к флуктуациям. Это вселяет в нас одновременно и надежду, и тревогу: наде-

⁶ Пригожин И., Стенгерс И. Указ. соч., с. 383.

жду на то, что даже малые флуктуации могут усилиться и изменять всю их структуру (это означает, в частности, что индивидуальная активность вовсе не обречена на бессмысленность); тревогу — потому, что наш мир, по-видимому, навсегда лишился гарантий стабильности, непреходящих законов. Мы живем в опасном и неопределенном мире, внушающем не чувство слепой уверенности, а лишь... чувство умеренной надежды».⁷

(В. В. Василькова. Указ. соч., с. 212-214)

П.25.3. «...Мы живем в опасном и неопределенном мире, внушающем не чувство слепой уверенности, а лишь... чувство умеренной надежды...»

[Воспроизведу еще раз некоторые высказывания участников нашего андерграундного экспертно-прогностического исследования рубежа 1970-1980-х гг. После сказанного выше о новом, синергетическом мировидении эти отрывки стоит перечитать заново. — А. А.]

Из ответов на вопросы анкеты «Ожидаете ли Вы перемен?» (1979-1981)

<...> Россия и общество, о котором идет речь, вступили в иную цивилизацию — цивилизацию принципиально неравновесную, которая может рассматриваться как **квазиравновесная**.

<...> Принципиально неравновесной является характеристика современной цивилизации, в частности, европейской.

Отказавшись от исторического взгляда, отметим противоречие между государственным порядком, распространяемым на все сферы жизни, и стихийной жизнью, осуществляемой в этих сферах.

<...> Всю 60-летнюю историю можно представить как историю борьбы порядка со стихией. Самой большой стихией в России испокон веков было крестьянское хозяйство. Эта стихия была побеждена к началу Великой Отечественной войны. Но ее требования вновь оказались такими, что управление вынуждено было с ними считаться к концу 50-х гг. И, наконец, вступив в мир принципиально неравновесной цивилизации, мы, может быть, встретились с такими стихийными силами, перед которыми сам государственный порядок окажется бессилён.

После перехода к социалистическому соревнованию и чехословацких событий можно сказать, что государственный порядок победил стихию частей, а директивное управление победило как экономические, так и все иные стихийные регуляторы. Не только в экономической, но и в культурной области альтернативы потеряли право на дискусионность.

И, наверное, наступает время, когда победа порядка будет самим своим осуществлением готовить для себя «мечь» со стороны стихии (копать себе яму).

Для полного распространения госпорядка нужно поддержание «порядка» и в головах людей, соответствующее регулирование. И вот возникает противоречие между государственно распространяемыми представлениями о вещах, процессах, событиях и эмоциональными впечатлениями людей о

⁶ Пригожин И., Стенгерс И. Указ. соч., с. 383.

них. Следствием этого противоречия является принципиальная раздвоенность сознания («сознание на собраниях» и «сознание в кулуарах», «сознание с собой» и «сознание с другими»).

Противоречие между стихией и порядком в социалистическом урбанизированном обществе может оказаться сильнее, чем противоречие между стихией и порядком в послереволюционном крестьянском обществе.

<...> Состояние устойчивое и вместе с тем принципиально неравновесное.

Юрий **Щеголев** (1979; эксп. лист № 15)⁸

* * *

<...> Уже сейчас на предприятиях руководство идет на поводу у рабочих. Если ранее хаос и беспорядок вносили верхи, то потом он же (хаос) полностью поглотит их жалкие попытки упорядочивания и начнет диктовать свою волю, свой **порядок**. Как это ни парадоксально, но у хаоса есть упорядоченность — но **своя**, внутренняя, а не относительно чего-то внешне заданного. И эта новая упорядоченность породит новое качество, новые формы жизнедеятельности.

Кто знает, быть может, мы стоим на пороге новой революции — не технической, а новых форм жизнедеятельности? Возможно, это бред, но почему эволюции нашего общества не привести к этому? Почему мы непременно в своих прогнозах опираемся на существующие, существовавшие закономерности? <...>

Людмила **Дудченко** (1980, эксп. лист № 34)⁹

* * *

<...> Могут быть очень разные варианты, в зависимости от обстоятельств. Ибо, как показывает история, роль личности в нашем общественном развитии очень велика. Личностные обстоятельства часто вносят очень большой момент неопределенности.

<...> Вероятно, начальным пунктом окажется «смерть царя». Это может произойти в любой момент. Ибо он себя снять уже не может. Он уже при исходе и незачем рисковать.

<...> Мы склоняемся к наибольшей вероятности зигзагообразного развития с позитивным исходом.

В таком случае: «Царь» умирает, завешая власть угодным ему преемникам. По-видимому, основной преемник будет еще более безликим «центристом», который сослужит роль промежуточного буфера. Затем — неизвестно, какая из сил, «левых» или «правых», имеет более реальные шансы, путем «тихой революции» в этот период безвременья занять ключевые посты. Произойдет какая-то кристаллизация сил. Но если официальный преемник будет безликим бюрократом (что вероятно), то он скорее даст ход более «правым» (ибо они привычнее, более «идеологически проверены»). Тогда наступает период перелома «к худшему» и обострения противоречий. После чего будет либо катастрофальный исход с Китаем (сильная клика может пойти на риск превентивной войны с Китаем), либо — и это более вероятно при слабой клике — усугубле-

⁸ См. в томе 1 настоящей книги: с. 578-579. См. также: Ожидали ли перемены? (Из материалов экспертного опроса рубежа 70—80-х годов). Кн. 1-2. М.: ЛФ ИС АН СССР, 1991, с. 68-85.

⁹ См. ранее: раздел 25.2.

ние противоречий приведет к необходимости новой и более радикальной смены власти, обеспечивающей коренные экономические изменения <...>. После этого возможно либо технократическое развитие, с новыми социальными противоречиями, либо демократическое развитие <...>. Таков наиболее вероятный вариант, со всеми его «ответвлениями». <...>

Другие варианты... <...>

Пеэтер **Вихалемм** и Марью **Лауристин** (1979; эксп. лист № 5)¹⁰

* * *

<...> Перемены в сравнительно длительной исторической перспективе могут быть только «к лучшему», т. е. в сторону демократии (точнее — реальной социалистической демократии). В иных политических рамках современная развитая экономическая структура вообще не может существовать. Или национальное самоубийство, или движение к подлинной социалистической демократии — иной перспективы у данного общества (как и у других наций) нет.

<...> Такова общая линия поступательного развития, его цель. Но маршрут движения к этой цели может быть отнюдь не прямым. Возможны мрачные откаты назад, возможна (хоть вероятность невелика) даже национальная катастрофа. Тем не менее, развиваться, существовать в семье других наций и государств данное общество сможет только в том случае, если дозреет до демократических форм, соответствующих уровню XX и XXI веков. <...>

Анатолий **Соснин** (1979; эксп. лист № 28)¹¹

* * *

<...> То, что началось, — подготовка почвы. Сами же перемены начнутся где-то на исходе нынешнего десятилетия [80-е гг. — А. А.]. Не думаю, чтобы экономических ресурсов хватило на более длительный срок.

Некоторую роль, возможно, сыграет и тот факт, что у власти уже будет новое (персонально) руководство. В условиях вскрывшегося ящика Пандоры ему придется, хотя бы для самоутверждения, на что-то решаться. Это «что-то» — то ли своей «хорошестью», то ли своей «худшестью» — также может стать импульсом к переменам.

Если не случится самое худшее...

Анри **Кетегат** (1981; эксп. лист № 45)¹²

[Полагаю, что, в частности, в этих высказываниях наших тогдашних экспертов присутствуют элементы (скажем осторожнее — ростки) того, разумеется, не «вдруг» во второй половине XX века возникшего, а имеющего глубокие (далекие) мировоззренческие, историко-культурные и научные корни (истоки, предысторию...), подхода, взгляда на развитие социальных систем, который сегодня мы называем синергетическим. — А. А.]

¹⁰ См. ранее: раздел 25.2.

¹¹ См. в томе 1 настоящей книги: с. 104.

¹² См. в томе 1 настоящей книги: с. 591.

* * *

От автора — сегодня*Теоретико-методологический подход конца 70-х —
как он видится сегодня*

Попробуем теперь по-новому взглянуть на сам наш вопросник 1978 года «Ожидаете ли Вы перемен?» — в свете современных научных, и в частности, синергетических представлений.

Напомню исходные теоретические предпосылки составителей экспертно-прогностической методики, как они формулировались в тогдашнем «Методологическом комментарии» к вопроснику:

«1. Жизнь данного, конкретного общества (его развитие) есть целостный процесс, который в конечном итоге можно представить как некоторую смену общественных состояний, совершающуюся в определенном контексте мировой жизни.

2. Прогноз развития данного общества на определенный срок принципиально возможен на базе адекватного знания его современного и предшествующего состояний, а также общих тенденций мирового развития.

3. Следует различать актуально действующие внутренние и внешние факторы развития всякого данного общества.

4. Особого рода, опосредованно действующим фактором современного общественного развития (актуализирующимся в традициях, историческом опыте поколений, в общественном сознании и т. п.) выступает предшествующая история данного общества.

5. Самыми общими альтернативами развития общества на любом этапе являются: воспроизведение имеющегося общественного состояния либо переход от одного состояния к другому.

6. Переход от одного общественного состояния к другому осуществляется через более или менее резкие или постепенные изменения в жизни общества, предстающие в общественном сознании в качестве «перемен».

7. В зависимости от системы ценностей человека всякая конкретная перемена может квалифицироваться как «приближающая» общественное состояние к желаемому либо как «отдаляющая» от него (в этом смысле можно говорить о направленности перемен).

8. Совокупность одномоментно или последовательно совершающихся перемен, даже если они разнонаправлены, все же возможно оценить в смысле их общей (результатирующей) тенденции (в конечном счете «к лучшему» или «к худшему», с позиций определенной системы ценностей).

9. Общественные изменения являются объективным следствием естественно-исторического процесса и, вместе с тем, результатом сознательной деятельности людей. Активность определенных общественных слоев (групп) и типов людей выступает в качестве «человеческого» (субъективного) фактора соответствующих изменений.

10. К важнейшим формам активности людей, направленной на переход к новому общественному состоянию, относится так называемая общественная кристаллизация (возникновение и развитие разнообразных течений, направлений, движений и т. п.)». (Конец цитаты).¹³

Следует признать, что в основном эти исходные положения не выходят за рамки классического представления об обществе, как некоей сложной системе, которая может (не может?) в обозримом будущем перейти из одного качественного состояния в другое, т. е. претерпеть перемены, резкие (крутые), или медленные (постепенные), в том или ином направлении, под влиянием как внутренних, так и внешних факторов (мировой контекст), в силу объективных закономерностей исторического процесса, обеспечиваемого действием «человеческого» (субъективного) фактора.

Идеальная модель перехода к новому общественному состоянию сводилась к следующему: усугубление противоречий и накопление нерешенных проблем — частичный (или общий) кризис системы — далее, преодоление противоречий, разрешение проблем (за счет каких-либо управленческих воздействий или коррекций системы) либо, напротив, не контролируемые властными структурами общественные сдвиги (перемены).

Концептуальное построение, как будто, вполне традиционное...

Но сама методика (вопросник, сценарий беседы), как мне представляется, богаче этого в общем линейного представления. В частности, в ней:

а) выдвигается альтернатива: **стабильность (равновесность) либо неустойчивость (неравновесность?) общественной системы** (что, стоит заметить, дало повод для ряда наиболее ценных, эвристичных размышлений экспертов);

б) поставлен вопрос о соотношении — столкновении или сотрудничестве — **разно действующих социальных сил** (слов и групп, а также типов людей), одни из которых способны подтолкнуть общество к переменам, другие — фактически их осуществить, третьи — поддержать и закрепить, четвертые — станут активно противодействовать, пятые — будут пассивно препятствовать социальным изменениям;

в) саморазвитие общественной системы рассматривается **в глобализационном контексте**, с учетом потенциального и реального влияния обстоятельств, тенденций, процессов мировой жизни¹⁴;

г) предусматривается возможность **разнонаправленных перемен** (на пример, сначала в одном направлении, потом — в другом, т. е. своего рода поступательно-возвратное движение или «пульсирующее» развитие).

Само по себе предположение о возможности существенных перемен (будь то в направлении к западному цивилизационному типу или в каких-либо иных направлениях) исходило из (не эксплицированного в методике) теоретическо-

¹³ Полный текст «Методологического комментария» см. в томе 1 настоящей книги: раздел 1.2.

¹⁴ Долгосрочное существование системы, полностью изолированной от внешней среды, в принципе невозможно.

го допущения **нелинейности исторического развития** (в отличие, скажем, от марксистской формационной модели всемирно-исторического процесса).

Вместе с тем, авторами экспертно-прогностической методики лишь смутно осознавалась перспектива **множественной цепи исторических «развилки»** (точек бифуркации, в терминах современного синергетического подхода).

Строго говоря, в методике отсутствует постановка ряда принципиальных, проблемных вопросов, инициативно выдвинутых отдельными участниками нашего исследования. К таким вопросам относится, например, усмотренная одним из экспертов логика развертывания универсального **противоречия между «порядком» и «стихией»** в российской истории¹⁵ и отмеченный другим экспертом актуальный процесс **«самоупорядочивания» социального хаоса**.¹⁶

Пожалуй, не давала наша методика поводов и для акцентирования **роли спонтанности и случайности** (флуктуаций — в синергетических терминах) в общественной самоорганизации...

(Да простят мне мои соавторы, с которыми вместе сочинял тот восторжник! Скажу уверенно лишь про себя: я был тогда далек от постановки этих теоретико-методологических проблем, тем более — от перевода их в план методический. Напомню, однако, что труды основоположников современной теории самоорганизации и зачинателей синергетической парадигмы, как таковой — Г. Хакена, И. Пригожина, Г. Николиса и др. — появились **только в 70-х гг.** минувшего столетия).

...Как уже говорилось, некоторые из запрошенных (стимулированных) нашим экспертным опросом социально-исторических прогнозов оказались довольно точными. Но, пожалуй, ни один из них не вышел, да и не мог выйти — за пределы ближайшей перспективы (можно сказать так: горизонт сбывшихся предсказаний дальше XX века не простерся).

Вообще же, с учетом всего сказанного, исторический прогноз может быть только **«ветвящимся»** и поливариантным.¹⁷ Ибо всякий последующий этап самоорганизации системы предполагает как изобилие новых флуктуаций (внутренних и внешних), так и **«поле вариаций для выбора пути»** (В. Василькова).

Так или иначе дальнейший **«маршрут»** движения всякого данного общества (да и мира в целом...) **вовсе не предопределен**. (Январь 2004 — март 2005).

¹⁵ См. выше: эксп. лист № 18.

¹⁶ См. выше: эксп. лист № 34.

¹⁷ Отмечу, что именно **ветвящийся** (или «ступенчатый») прогноз представлен в ряде ответов участников опроса «Ожидаете ли Вы перемен?». Наиболее явно это, пожалуй, в экспертных листах №№ 5 и 32 (см. ранее: раздел 25 2).

П.25.4. Инновационный потенциал российской трансформации

Из доклада академика Т. Заславской «О некоторых методологических вопросах исследования современного российского общества», произнесенного на Международном симпозиуме «Куда идет Россия?» (1999)

За последние годы общественная наука, как мне кажется, довольно существенно продвинулась в понимании происходящих процессов. Но тем не менее многие важные процессы пока не получили решения. Освобождение общественной мысли от теоретико-идеологического монизма наряду с позитивными результатами привело к не всегда обоснованному отказу от правильных представлений, выработанных на предыдущем этапе. Временно возникшая методологическая пустота заполнилась современными западными теориями, представляющими бесспорную ценность, но вместе с тем отражающими иную реальность и не способными служить эффективным средством анализа посткоммунистических процессов. В этих условиях ученым приходится использовать полипарадигмальный подход, самостоятельно конструируя методологию исследования на базе разных теорий, включая марксизм. Однако такой подход таит опасность эклектики, а главное, не обеспечивает методологического единства, необходимого для создания целостной научной картины социальной реальности. Фундаментальное решение проблемы может быть достигнуто лишь путем разработки специализированной теории посткоммунистических процессов, учитывающей как общие достижения современной общественной мысли, так и особенности изучаемого предмета. Такая теория по определению должна быть междисциплинарной, поскольку посткоммунистические изменения затрагивают все сферы жизнедеятельности общества и все стороны общественного сознания. Не случайно их осмыслением занимаются экономисты, социологи, политологи, философы, историки, культурологи, психологи и многие другие специалисты. <...>

Вкратце

Далее Т. И. Заславская ставит «несколько общих вопросов, адресованных всему сообществу исследователей посткоммунистических трансформационных процессов и пока не имеющих убедительного решения». Здесь воспроизведу только сами формулировки вопросов, без комментариев, которыми эти формулировки сопровождает автор.

<...> **1. Каково главное содержание исследуемых нами процессов? На основе каких критериев следует оценивать их результаты? <...>**

2. Насколько глубоко изменилось российское общество за последние десять лет, изменился ли за это время его качественный тип и как именно? <...>

3. Как в принципе выглядит признаковое пространство, в котором протекают посткоммунистические процессы? <...>

4. Каковы принципиальные результаты постсоветских преобразований в России 90-х годов? <...>

5. Каковы типы и механизмы процесса посткоммунистических преобразований?¹⁸ <...>

6. Пережила ли Россия в последнем десятилетии социальную революцию, и если да, то какую? <...>

7. Какие социальные силы определяют конкретную траекторию и результаты преобразования российского общества? <...>

(Цит. по: Т. И. Заславская. Социетальная трансформация российского общества. Деятельностно-структурная концепция. М.: Дело, 2002)

* * *

Из доклада академика Т. Заславской

«Инновационно-реформаторский потенциал России и проблемы гражданского общества», произнесенного на международной научной конференции «Гражданское общество в России: проблемы самоопределения и развития» (декабрь 2000)

<...> *Современный трансформационный процесс в России*

Процесс социальных преобразований, протекающий в настоящее время в России, существенно отличается от так называемого перехода или транзита, каковым его нередко считают. Иными словами, суть этого процесса служит не целенаправленное реформирование общественных институтов, а более сложный и менее изученный процесс трансформации общественного устройства, отличительными особенностями которого являются:

— направленность на изменение **сущностных** черт, определяющих **социальную природу**, или социетальный тип общества;

— постепенность и относительно **мирный характер** протекания;

— принципиальная зависимость результатов процесса от деятельности и поведения не только правящей элиты, но и **массовых общественных групп**;

— важная роль **стихийных** факторов, слабая управляемость и предсказуемость, **непредрешенность** принципиальных **итогов** процесса;

— неизбежность длительного периода **аномии**, обусловленной опережающим распадом старых институтов по сравнению с созданием новых.

Наиболее очевидным результатом трансформационного процесса служит преобразование базовых институтов, совокупность которых разные авторы называют либо «ядром институциональной системы»¹⁹ (В.М. Сергеев и Н. И. Бирюков), либо «институциональной матрицей», задающей социетальный тип

¹⁸ «...Одни ученые представляют его как **целенаправленный переход** общества из исходного в новое, более продвинутое состояние. Другие же считают, что этот процесс носит преимущественно **спонтанный** характер, в силу чего его правильно назвать **трансформацией**...» (Т. И. Заславская).

¹⁹ Сергеев В. М., Бирюков Н. И. В чем секрет «современного» общества? // Политические исследования, 1998.

общества²⁰ (С. Г. Кирдина). Представления ученых о том, какие именно институты формируют такую матрицу, различны. Согласно моему представлению, тип современного общества определяется качеством, в первую очередь, четырех базовых институтов, а именно: власти, собственности, гражданского общества и прав человека. Говоря более конкретно, он зависит от:

- а) степени легитимности, демократизма и эффективности власти;
- б) развитости, легитимности и защищенности частной собственности;
- в) многообразия и зрелости структур гражданского общества;
- г) широты и надежности прав и свобод человека. <...>

<...> **Инновационно-реформаторский потенциал общества**

Систему взаимосвязанных социальных субъектов, деятельность и поведение которых служат движущими силами трансформационного процесса, я называю социально-трансформационной структурой общества. Ее изучение позволяет понять, какие социальные макросилы — сознательно или неосознанно — содействуют либо обновлению, либо консервации и деградации общественного устройства. <...>

Трансформационная структура отражает качество общества, особо значимое в период скрытых перемен, а именно его *[общество. — А. А.]* способность и готовность к саморазвитию, в том числе путем радикального преобразования или обновления своих базовых институтов и социальной структуры. Это качество определяется соотношением, активностью и влиятельностью социальных сил, заинтересованных в разных сценариях общественного развития.

Обобщающим индикатором качества трансформационной структуры является **инновационно-реформаторский потенциал общества**, в котором, как в молекуле ДНК, заложено его ближайшее будущее. Этот потенциал зависит как от качества общественного устройства (институциональной и социальной структур) так и от культурно-политических особенностей данного общества. В нем можно выделить три компонента: реформаторский, социально-инновационный и адаптационный.

Реформаторский потенциал общества определяется в первую очередь качеством и деятельностью правящих элит и верхнего слоя бюрократии, т. е. групп, оказывающих на ход трансформационного процесса целенаправленное институциональное воздействие. Эти группы разрабатывают новые правила игры, облачают их в правовую форму, организуют и контролируют их выполнение, отнюдь не забывая при этом о своих личных интересах.

Социально-инновационный потенциал общества зависит в первую очередь от мощности, качества и характера деятельности средних слоев, располагающих хотя и меньшими, чем элита, но достаточно ощутимыми экономическими, политическими и культурными ресурсами. Представители этих слоев — предприниматели, менеджеры, профессионалы, чиновники, военные — практически реализуют открываемые реформами

²⁰ Кирдина С. Г. Институциональные матрицы и развитие России. М., 2000.

возможности, содействуя закреплению правил игры, устанавливаемых правящим слоем, и по мере сил корректируя их в своих интересах. Представители средних слоев преобразуют то, что принято называть «социальной тканью» общества, тем самым оказывая существенное влияние на выработку и институционализацию новых правил.

Наконец, **адаптационный потенциал** общества зависит от установок, деятельности и поведения преимущественно рядовых граждан — рабочих, крестьян, служащих, массовой интеллигенции. Располагая минимальными ресурсами, они, на первый взгляд, не оказывают самостоятельного влияния на ход институциональных реформ, являясь скорее их «заложниками». Однако мнение о незначительной роли этих групп в трансформационном процессе обманчиво. Дело в том, что конечной **целью** и конечным **результатом реформ** является не установление новых правил игры, даже не освоение новых способов организации общественной жизни, а **преобразование повседневных социальных практик**, в которых участвуют не только и не столько верхние и средние слои общества, сколько самые массовые социальные группы.

Действительное изменение этих практик есть результат социально-инновационной деятельности и адаптационного поведения массовых групп. Неполнота, переходный характер и противоречивость вновь создаваемых институтов формируют обстановку, в которой рядовые акторы могут почти безнаказанно нарушать не устоявшиеся, слабо контролируемые нормы, что существенно расширяет спектр их индивидуальных и коллективных поведенческих стратегий. В зависимости от ситуации и собственных установок «простые россияне» могут либо поддерживать и ускорять своей деятельностью осуществление реформ, либо саботировать новые правила, не отвечающие их интересам, либо активно формировать новые, чаще всего не легитимные правила поведения. В условиях прекращения реформ именно эта, на первый взгляд, скромная и незаметная деятельность становится **главной движущей силой** как прогрессивных преобразований, так и стихийного развертывания общества в обратную сторону. Мощность и конструктивность **деятельностного отклика** общества на реформы — важнейший индикатор их успеха или провала.²¹ <...>

(Цит. по: Т. И. Заславская. Социетальная трансформация российского общества. Деятельностно-структурная концепция. М.: Дело, 2002, с. 496–500)

²¹ Ср.: «...Назовем способность индивидов и социальных групп не только адаптироваться ко всякой общественной системе, но и адаптировать ее к своим действительным (вовсе не обязательно декларируемым и даже не всегда осознаваемым) потребностям и интересам, **адаптивно-адаптационным ресурсом**.

Тема соотношения пассивной и активной адаптации (“адаптации себя” и “адаптации к себе”) является одной из сквозных в настоящей книге.

... Адаптивно-адаптационный ресурс социального субъекта (лица, сообщества, группы, общества в целом), “вынужденная инициатива” (инициатива, упреждающая неблагоприятные для субъекта последствия ее отсутствия), способность к спонтанной, внеформальной самоорганизации и к обходу всех неадекватных управленческих установлений и норм в интересах достижения стабилизационного оптимума, — не спасет ли все это и сегодня “Россию в обвале”, или “Россию на изломе” (как мы предпочли бы сказать)?...» (см. том 1 настоящей книги: «Предисловие...», с. 27).

П.25.5. Перемены эволюционирующие и трансформационные

Из книги Л. Гордона и Э. Клопова «Потери и обретения
в России девяностых» (2000-2001)

<...> Конечно, определенные перемены, в том числе перемены в положении трудящихся, происходят всегда и в любом обществе. В периоды обычного, если можно так сказать, нормального развития они обуславливаются прогрессом технико-технологического базиса производства, изменением квалификации и состава работников, ростом или сокращением национального богатства, изменением культуры, нравов, массового сознания. В эти времена новые элементы в условиях труда и уровне жизни накапливаются сравнительно медленно и более или менее равномерно. Количественные изменения подобного рода лишь постепенно приводят (если приводят) к качественным преобразованиям, к принципиальным сдвигам в социально-экономическом положении народного большинства. Такие перемены логично считать **эволюционными** или, точнее, **эволюционирующими**. С точки зрения социально-экономического положения трудящихся их эффект в современных обществах, базирующихся на индустриально организованном производстве, почти всегда имеет поступательно-позитивную направленность.

Но, кроме того, бывают периоды, когда сфера труда, быт, потребление подвергаются глубоким, принципиальным (как позитивным, так и негативным) изменениям на протяжении относительно короткого времени. По большей части подобные крутые повороты в положении народного большинства случаются не изолированно, но вместе с изменениями всего общества, в эпохи преобразования его социально-экономических, политико-правовых и культурно-идеологических устоев, когда их плавно-постепенная эволюция прерывается ускоренной революционной ломкой. Количественные перемены в положении трудящихся оказываются тогда не столько предпосылками, сколько следствиями качественных институциональных сдвигов. В отличие от эволюционных, эти изменения целесообразно называть **революционными**, или **трансформационными**. Использование данных выражений представляется особенно уместным еще и потому, что, позволяя различать эволюционные и революционно-трансформационные эпохи, они одновременно отделяют последние от политических революций в строгом смысле слова, т. е. от еще более стремительных изменений, связанных с насильственным переходом верховной власти от одних групп к другим.

Именно трансформационные перемены разворачиваются сейчас в России. И как раз их всеобъемлющая, радикально-преобразующая (а подчас и разрушительно-сокрушающая) природа заставляет выходить за рамки преимущественно экономической проблематики, обычно рассматриваемой при описании социально-экономического положения населения, дополнять ее социологическим и политическим взглядом.

<...> В подобные эпохи резко меняется вся социально-экономическая, государственно-политическая, культурно-ценностная среда, в которой формируются условия труда и жизненный уровень. Влияние этой среды на положение народного большинства оказывается гораздо менее постоянным, менее очевидным и предсказуемым, чем то бывает в эволюционные периоды.

Многие перемены в социальной и институциональной средах оказываются в моменты революционных трансформаций теснейшим образом соединены с изменением труда, трудовых отношений, быта, потребления — всего того, из чего складывается социально-экономическое положение большинства членов общества. Такие перемены выступают не как внешние, заданные, постоянные условия, но как непосредственные факторы положения трудящихся. <...>

(Л. А. Гордон, Э. В. Клопов. Потери и обретения в России девяностых. Историко-социологические очерки экономического положения народного большинства. Том 1. М.: Эдиториал УРСС, 2000, с. 5-7)

* * *

<...> Изменения трудовых отношений и трудовых доходов, равно как и перемены в быту и потреблении, образуют противоречивое соединение разнонаправленных процессов, обуславливающих сосуществование в народном большинстве (даже если отбросить не входящие в него крайние верхи и низы) слоев удачливо-благополучных, выигрывающих от преобразований и слоев бедствующих, проигрывающих, не имеющих возможности приспособиться к новому строю жизни. Но еще большее место занимают в его составе категории, что-то выигрывающие и одновременно что-то теряющие. В этом смысле представление о **противоречивом синтезе обретений и потерь** [выделено мною. — А. А.] точнее характеризует материально-экономическое положение основной части населения, нежели противопоставление выигрывающих и проигрывающих групп. При таком подходе к ухудшениям в положении народного большинства логично отнести не только увеличение до трети доли бедствующих слоев вместе с сопутствующим усугублением неравенства, но и непомерное уменьшение реальных доходов у всей основной массы населения, появление безработицы и потерю этой массой беззаботной уверенности в постоянных источниках заработка, снижение качества ее питания, сокращение возможностей отдыха, рекреации, тяготы распада многих привычных форм здравоохранения и образования. Точно так же улучшение народной жизни выражается (помимо утверждения основ политической демократии и рынка) как в расширении числа тех, кому стал доступен уровень благополучия, который прежде был типичен для много более узких номенклатурных каст, так и в том, что трудовые отношения у всех работников приобрели более свободный характер, все они получили более широкие возможности создания свободных профсоюзов, в качестве потребителей избавились от давления дефицита и ощутили блага потребительского выбора. <...>

Разумеется, соотношение обретений и потерь в материально-экономическом положении большинства российского населения в 90-е гг. <...> нельзя

оценить в точной, количественной форме. Социальная материя таких перемен, как возможность создавать профсоюзы и падение реальных заработков, ухудшение питания и улучшение одежды или бытовой техники, слишком неодинаковы, разноосновны, чтобы количественная оценка тут имела серьезный смысл. Но неколичественный, обобщенно-качественный вывод все-таки возможен: в сфере социально-экономического положения в узком смысле этого понятия (т. е. отвлекаясь от политических и духовных сдвигов, где прогресс особенно очевиден), так сказать, непосредственно в жизненной обстановке каждодневного труда, быта, потребления масштабы потерь и обретений, если не равны, то сопоставимы, сравниваемы друг с другом. Во всяком случае, реальные условия жизни народного большинства, реальную социальную ситуацию в России 90-х гг. неверно характеризовать преобладанием одной тенденции: к ухудшению, либо к подъему. Здесь принципиально важно именно выявить **противоречие параллельного развертывания двух разнонаправленных тенденций**. [*Выделено мною. — А. А.*] <...>

(Л. А. Гордон, Э. В. Клопов. Потери и обретения в России девяностых. Историко-социологические очерки экономического положения народного большинства. Том 2. М.: Эдиториал УРСС, 2001, с. 478-479)

П.25.6. Драма перемен

Из книги Р. Рывкиной «Социология российских реформ» (2004)

<...> *Заключение*

Итак, социология российских реформ — это научное направление, изучающее состояние российского общества с конца 1980-х гг. до начала XXI в. во взаимосвязи с переменами в российской экономике.

В период экономических трансформаций общество выступает как социальная среда, которая либо способствует успешности этих трансформаций, либо тормозит их. Эта социальная среда и сама меняется под влиянием экономических перемен. <...>

В центре внимания в книге не сами экономические реформы, не сами перемены в экономике, а лишь то, что связано с взаимодействием экономики и общества, социальные предпосылки экономических реформ и их социальные последствия, их влияние на состояние общества.

Это влияние в России оказалось огромным. Сегодня Россия — совсем другая страна, чем та, какой она была перед распадом СССР. Изменился состав образующих общество социальных групп, характер социальной стратификации — появились такие социальные группы, которых раньше не существовало (достаточно назвать две из них — олигархов и бомжей). Изменился характер занятости людей, трансформировался их образ жизни. Да и сами люди сегодня другие.

Казалось бы, все происходило в соответствии с желаниями миллионов жителей России. Ведь в 1980-е — 1990-е гг. страна на самом деле хо-

тела перемен. Большинство россиян приветствовали горбачевскую перестройку, приветствовали ельцинскую демократию. Еще не стерлись в памяти многочисленные митинги в поддержку реформаторов, надежды на улучшение жизни, на быстрые позитивные перемены.

Однако та система, которая реально сформировалась в России под влиянием проведенных реформ, не оправдала ожиданий населения. В первую очередь это касается материальных условий жизни. Достаточно сказать, что неотъемлемой чертой новой России стали огромные масштабы бедности населения. Резко углубилась социально-экономическая дифференциация между богатыми и малоимущими. Возникли такие новые социальные проблемы, как бездомность, беспризорность и др. Невиданно выросла преступность. Короче, масштабы негативных социальных последствий реформ оказались немалыми. Они столь существенны, что на их фоне достижения реформ <...> для большинства жителей страны теряют свою значимость. Социологическая наука должна беспристрастно констатировать это. Большое видится на расстоянии, а настоящее — фактический разрыв между ожиданиями населения и реальными условиями, сложившимися в результате реформ, хотя <...> во многом эти условия были predetermined веками сформировавшейся социальной памятью, культурой и моралью.

Возникшая на месте СССР система характеризуется структурными дефектами, которые не дают обществу развиваться нормально. <...> Напомню основные из них.

Противостояние общества и государства: их взаимная «глухота» друг к другу и, как следствие, взаиморазрушающее влияние друг на друга. Когда государство игнорирует материальное положение и интересы миллионов жителей, жители игнорируют законы и запреты государства.

Противостояние политической и экономической элиты и населения: правящая элита поглощена борьбой за передел собственности, личное обогащение и усиление своего влияния — население же поглощено поисками новых способов «выживания».

Противостояние центра и регионов, их жителей и управляющих ими властей, как федеральных, так и местных. Центр заинтересован в максимальном использовании ресурсов регионов — региональные власти пытаются избежать контроля центра и максимально самим использовать ресурсы регионов.

Противостояние города и деревни: город допускает продолжающееся обнищание и одичание деревни — деревня поставляет в город деморализованных людей. <...>

(Р. В. Рывкина. Социология российских реформ. Социальные последствия экономических перемен. Курс лекций. М.: Издательский дом ГУВШЭ, 2004, с. 317-318)²²

²² См. также: *Рывкина Р. В.* Между социализмом и рынком. Судьба экономической культуры в России. М.: Наука, 1994; *Она же.* Экономическая социология переходной России. М.: Дело, 1998; *Она же.* Драма перемен. М.: Дело, 2001.

П.25.7. «Дезориентирующая метафора пути...»

Из статьи Ю. Левады «Рамки и варианты исторического выбора. Несколько соображений о ходе российской трансформации» (2003)

<...> Фразеологический стереотип некоего пути, по которому страна, общество как будто может «идти» вперед или назад, от «пункта А к пункту Б», обладает, на мой взгляд, сильнейшим дезориентирующим воздействием. «Линейная» метафора исторических процессов (по излюбленной примерно с середины XIX в. железнодорожной модели с такими компонентами, как «путь», «локомотивы истории», «наш паровоз вперед летит», и пр.) давно утратила когнитивный потенциал; возможно, она годится для описания положения в определенной сфере, например, технологической, но менее всего — для понимания явлений социетального масштаба. В обществе могут одновременно происходить типологически различные изменения в разных сферах. Между тем, терминологические «шапки» всей серии ежегодных симпозиумов «Куда идет Россия?..» выдержаны в духе такой метафоры, а нынешний вариант («Куда пришла...»)²³ исподволь подсказывает образ какого-то конечного пункта, станции, гавани, куда страна добралась после долгих странствий. Такая подсказка именно сейчас представляется малоподходящей. Может быть, несколько удачнее выглядел бы иной (тоже ограниченный, метафорический) образ — попытки определить сегодняшние социальные, экономические, политические, нравственные, международные и другие **координаты** тяжелого и трудноуправляемого корабля, дрейфующего во льдах под ветрами со всех сторон.

Другой терминологический момент, который нередко заводит обсуждение в непродуктивный тупик, — обличение «проекта» реформ и поиски виновников (неудач или, при ином угле зрения, зловредности самих реформ). Но перенесение в социальное знание, притом на социетальный уровень, сугубо технологического и довольно строгого термина «проект» («либеральный проект», «советский проект», «нацистский...», «китайский...») не более как дань наукообразной моде. Никакие реформаторы, революционеры, преобразователи, как, впрочем, и их противники, никогда ни в одной стране не имели и не могли иметь разработанных «проектов» изменений, которые соотносили бы цели, средства, затраты, прямые и косвенные общественные последствия предложенных действий. В лучшем случае имелись какие-то, например, обоснованные чужим опытом предположения о том, как скажутся данные политические, экономические, технические и прочие акции на положении общества. <...>

Ю. Левада

(Цит. по: Мониторинг общественного мнения. Экономические и социальные перемены. 2003, № 1(63), с. 8)

²³ 10-й международный симпозиум (январь 2003), на котором произносился доклад, легший в основу цитируемой статьи, назывался «Куда пришла Россия?.. Итоги социетальной трансформации».

П.25.8. Непременные составляющие прогнозных сценариев будущего

Из статьи В. Ядова «К проблеме долгосрочного прогнозирования социальных изменений в России» (2003)

В отличие от краткосрочных (на год-два) прогнозов предвидеть сценарии будущего российского общества вряд ли кто осмелится с достаточной определенностью. В «жестких» науках принято считать, что правильно сформулированная задача — это уже половина ее решения. Хотя социология к таким наукам не относится, попробуем сформулировать нашу задачу и перечислить наиболее важные факторы, условия, тенденции, каковые определяют и будут определять ближайшее и более отдаленное будущее российских трансформаций.

Первое. Разумно исходить из того, что трансформационные процессы не имеют заданного вектора, т. е. отсутствует «естественно-историческая» закономерность модернизации России по западноевропейскому образцу. Это вытекает из публикаций многих авторитетных авторов, исследующих специфику вхождения разных стран и народов в общемировые процессы, ныне глобализационные, и тех, кто изучает трансформации в посткоммунистических странах. <...> Если принять концепцию деятельностно-активистского подхода к анализу социальных изменений, согласно которой человеческая история есть **социально-исторический**, а не естественно-исторический процесс, то надо учесть: (а) особенности институционального и социально-культурного «устройства» России и (б) соотношение ресурсов различных социальных субъектов (агентов), способных существенно воздействовать на изменения социальных институтов, образа мыслей и образа действий сограждан.

Второе связано именно с исторически сложившейся спецификой российских социальных институтов. Как показала С. Кирдина²⁴, российская **институциональная матрица**, т. е. достаточно инертная, устойчивая и сопротивляющаяся каким бы то ни было изменениям, навязывает по преимуществу вертикальные, а не горизонтальные социальные взаимодействия. Иными словами, России исторически свойственна доминирующая роль государства и его институтов при крайней неразвитости гражданских структур (по В. Федотовой, Россия — это «**другая** Европа»²⁵). Напротив, обществам западноевропейского типа исторически со времен становления капитализма присуще доминирование гражданских структур: горизонтальные социальные взаимосвязи, публичность государства и его зависимость от «Общественного договора» с гражданами. В России гражданские институты неразвиты и, возможно, только лишь формируются. По крайней мере все радикальные реформации начиная с реформ Петра Первого, а далее — отмены крепостничества, столыпинских реформ и «построения социализма в отдельно взятой стране», вплоть до горбачевской перестройки и рыночных реформ при Ельцине, а сегодня — реформ по «усилению государст-

²⁴ См. Кирдина С. Институциональные матрицы и развитие России. 2-е перераб. изд. Новосибирск: ИЭиОПП СО РАН, 2000.

²⁵ Федотова В. Модернизация «другой» Европы. М.: Институт философии РАН. 1997

венной вертикали» инициировались и осуществлялись сверху. Причем традиционно они «со скрипом» проникали и проникают в глубинку.

Третье связано с тем, что можно по аналогии назвать **матрицами социального характера** россиян: недоверие государству и его институтам, упование больше на судьбу и везение, нежели на собственные усилия (экстернальность социального характера), традиции преодолевать трудности путем адаптации к нелегким условиям жизни по принципу православной доктрины «Бог терпел и нам велел». Эти особенности русского менталитета не менее устойчивы, чем институциональные.

Четвертая особенность российских трансформаций хорошо продемонстрирована А. Ахиезером²⁶ и выражена его формулой «**Россия — расколотое общество**». Раскол на приверженцев русских традиций, а с другой стороны — прозападников, возникший со времен Петровских реформ, нынче не только не преодолен, но скорее усиливается при активном участии Русской Православной церкви в делах государства. Российские элиты не обнаруживают готовности искать какой-либо исторически «судьбоносный» компромисс. Попеременно то прозападники, то протекционеры берут верх во властных структурах, по разному определяя вектор наших трансформационных процессов.

Пятая особенность — «анклавизация» огромной страны, в которой сосуществуют экономически и социально-культурно продвинутые мегаполисы и «глубинка» <...>, многообразные этнонациональные общности, в том числе имеющие государственный статус субъектов Федерации, регионы-«доноры» и регионы, получающие дотации из центра. Эта особенность России приводит ряд авторов к мысли, что российские трансформации могут принять «гибридную» форму наподобие Мексики (Ульф Ганнерс называет это «креолизацией»), где совмещается модернизированная столичная общность и традиционная провинция пеонов с мало изменившимся образом мыслей и образом жизни. Российский аналог — наше крестьянство, «великий немой», как образно характеризовал его Т. Шанин.²⁷

Шестое — это **травмирующее**, по выражению П. Штомпки, **состояние переходного периода** от плановой к рыночной экономике, от идеологизированного общества к обществу, в котором наличествует множество идеологий, но доминирует, по выражению болгарского социолога Н. Генова, «инструментальный активизм» — концентрация больше на средствах достижения цели, нежели на самой цели. Переходный период не может длиться вечно и когда-то завершится стабилизацией. Но можем ли мы уверенно предсказать, в какой точке перехода возобладает стабилизация, критерий которой — достаточная предсказуемость социально-экономических и политических процессов?

Седьмое радикально важное условие наших трансформаций — **направленность глобальных перемен**, каковые не могут не сказываться на реформах, проводимых в России.

С одной стороны, мы имеем интеллектуальные проекты постмодернистского направления (движение цивилизации к максимуму свободы лично-

²⁶ См.: Ахиезер А. Россия — расколотое общество: некоторые проблемы социокультурной динамики // Мир России, 1995, № 1.

²⁷ См.: Голоса крестьян: сельская Россия XX века в крестьянских мемуарах. / Под ред. Т. Шанина. М.: Аспект-пресс, 1996.

сти от давлений социальных структур), а с другой — мрачные прогнозы пессимистов относительно вектора изменений в сторону повышенных глобальных и региональных рисков — природных, технологических и социальных.

Несомненна «глокализация», т. е. противоборство между процессами, унифицирующими экономическое, политическое и культурное пространство, с одной стороны, и тенденций противостояния глобализации со стороны национально-государственных и этнокультурных «локалов» — с другой. Движение антиглобалистов — лишь обостренная форма такого противостояния, протест против «ожиревших», претендующих на право диктовать свои условия всему человечеству.

Я бы уточнил формулу глокализации, а именно: в реальности имеет место «гло-локал-анклавизация» мирового сообщества. Несмотря на демонстрируемую сегодня (после атаки террористов на США) солидарность держав, которые разделили мир на «цивилизованные» и «нецивилизованные» народы и вынужденно признали лидерство Америки, в недрах «солидарного сообщества» уже намечаются противоречия между интересами разных стран. Эти страны образуют геополитические «анклавы». Кроме России (здесь — традиционное соревнование Великих держав с особыми геополитическими интересами), и страны Евросоюза далеко не солидарны в рамках собственного сообщества. И здесь можно назвать немало стран, которые стремятся ослабить зависимость от мирового лидера. <...>

К какому геополитическому локалу будет примыкать Россия? В наши дни есть немало свидетельств большего сближения России с Евросоюзом, нежели с США. <...>

Восьмое и самое важное: проблема лидерства в будущем российском обществе той или иной **поколенческой когорты** нынешней молодежи. Здесь уместно напомнить две вещи: теорию Карла Маннгейма о роли поколений в социальных трансформациях и делящиеся почти 50 лет исследования систем ценностей разных народов по программе Рональда Инглехарта.

Маннгейм ввел в научный оборот социально-культурное понимание поколения и связал общественные реформации со сменой поколений.²⁸ Поколение складывается под влиянием значимых для данной возрастной когорты «судьбоносных», как мы бы сегодня сказали, событий. Если в течение многих лет в данном обществе ничего судьбоносного не происходит, то детей, родителей, дедов и даже внуков можно отнести к одному поколению (в России это, например, поколение крепостных крестьян). Но если затрагивающие основы жизни события стремительно следуют одно за другим, то в возрастной когорте, проходящей подростковую и юношескую стадии социализации, формируются **разные** поколения.

В юношеской когорте наряду с подавляющей массой граждански пассивных (скажем, поколение пассивно адаптирующихся к трудностям переходного периода) имеют место группы молодых разных жизненных ориентаций. Здесь — явные прозападники (молодежные организации Союза правых сил), «идущие вместе», державные патриоты, формирующиеся молодежные сообщества социал-демократов, новых комсомольцев и активные кристаллизированные сообщества.

²⁸ См.: Маннгейм К. Проблема поколений / Маннгейм К. Очерки социологии знания. М.: ИНИОН, 2000.

Дальше мы от Маннгейма обращаемся к Инглехарту. Инглехарт в панельных исследованиях ценностных структур населения многих европейских стран показал, что в странах, претерпевающих бурные трансформации (послевоенные Германия, Япония, Южная Корея, Испания) система ценностей поколения 18-летних (+/— два года) становится доминирующей спустя примерно 15 лет.²⁹ В странах, стабильно развивающихся (например, Англия, Франция, США), молодежные бунты 70-х годов не обнаружили таких поколенческих сдвигов: бунтари стали нормальными обывателями.

Вопрос: какие из описанных групп поколений выйдут на авансцену России в ближайшие 15-18 лет? В своем следующем жизненном цикле это будут полноправные российские граждане, которые станут воспитателями своих и не своих (педагоги) детей, рабочими и фермерами, журналистами и учеными, предпринимателями и политиками.

Можно предположить, что ни левые, ни правые радикалы, а тем более экстремисты не имеют будущего в уставшем от революционных реформ обществе по крайней мере с десяток лет. Тогда остаются те же массы граждански пассивных и в ряду деятельных — правые прозападники, патриоты-державники и молодежь левых ориентаций. Следуя традиции «расколотого общества», они вряд ли достигнут согласия, разве что под нажимом авторитарной власти.

В итоге, как мне думается, в принципе просматриваются основные составляющие решения задачи предвидения сценариев будущего. Каждая из них — величина переменная, и предстоит отслеживать направленность изменений по каждой из составляющих, что, естественно, формирует **разные сценарии** российского будущего.

Еще раз перечислим рассмотренные неперенные компоненты прогнозных сценариев:

- (а) устойчивость российских институциональных матриц;
- (б) аналогично — культурных матриц или особенностей русского социального характера;
- (с) направленность и динамика изменений во внутрисоветских региональных и социально-культурных анклавах;
- (d) момент завершения переходного периода;
- (е) направленность и динамика гло-локал-анклавных экономических, геополитических, военно-стратегических и социально-культурных изменений;
- (f) наконец, выход на авансцену российской общественной жизни через 15-18 лет представителей новых поколений нынешней молодежи.

В завершение, добавим в формулировку проблемы компоненту (g) — другие неучтенные факторы и непредсказуемые (эмерджентные) следствия продуманных социальных действий, в первую очередь государственных реформ.

Очевидно, что столь сложная конфигурация прогнозных сценариев отнюдь не придает оптимизма. Но социальный исследователь тем и отличается от политика, что первый по своему статусу обязан вселять в сознание граждан уверенность относительно их будущего и будущего их детей, а второй

²⁹ См.: *Inglehart R. Changing, Values, Economic Development and Political Change // International Social Science Journal/ 1995/ Vol. 145.*

должен сохранять «ценностно-нейтральную» позицию и постоянно сомневаться в истинности своих собственных утверждений.

(В. А. Ядов. К проблеме долгосрочного прогнозирования социальных изменений в России: шесть неприменных составляющих прогнозных сценариев будущего и один принципиально не поддающийся предвидению / Социологический калейдоскоп. Памяти Леонида Абрамовича Гордона. М.: Прогресс-Традиция, 2003, с.359-365)

* * *

[Как видим, между концептуальными исканиями участников андерграундного экспертно-прогностического исследования «Ожидаете ли Вы перемен?» рубежа 1970—80-х гг. (т. е. четвертьвековой давности) и современными, разумеется, заметно более продвинутыми теоретическими подходами, представленными в текстах авторитетных авторов российской социологии (они же — ее, нашей социологии, старейшины) не так уж мало точек соприкосновения. — А. А.]

П.25.9. Нас несомненно ждут перемены. Вопрос в том, когда и какие именно?

Несколько вступительных слов

Ниже приводятся два текста, извлеченных из петербургского аналитического еженедельника «Дело» (май-июнь 2005).

Первый — обзорное и анализ данных ряда общероссийских социологических опросов (мониторингов общественного мнения), предпринятый научным сотрудником Социологического института РАН Марией Георгиевной Мацкевич.

Второй — рассмотрение возможных сценариев дальнейшей российской трансформации (поливариантный прогноз), предпринятый петербургским экономистом и политологом Дмитрием Яковлевичем Травиным. (Июль 2005).

П.25.9.1. Перемены — «к лучшему» или «к худшему»? (мнение россиян сегодня)

Статья М. Мацкевич «Все путем? Что думают россияне о делах в России» (июль 2005)

Несмотря на популярность Путина, многие россияне полагают, что в стране не «все путем». Тех, кто не одобряет происходящее сегодня в России, в полтора раза больше, чем тех, кого оно устраивает.

Эх, ребята, все не так

«Как вы полагаете, в целом сегодня Россия развивается в правильном или неправильном направлении?» — такой вопрос был в очередной раз задан ФОМом [Фонд общественного мнения. — А. А.] в конце июня (1500 опрошенных в 100 населенных пунктах 44 областей, краев и республик России). «В правильном», — считают около трети (32%). «В непра-

вильном», — почти половина (44%). Оставшиеся 24% не могут однозначно определить это направление.

Негативная оценка нынешнего вектора развития преобладает в малых городах и особенно в сельской местности. Интересно, что даже среди респондентов, полностью доверяющих, по их словам, президенту страны, каждый четвертый полагает, что Россия развивается в неправильном направлении.³⁰ Следует ли из этого, что страна должна срочно менять нынешний курс? А если да, то какой на какой?

Если у нас нет однозначного ответа на второй вопрос, то с положительным ответом на первый, наверное, тоже не стоит торопиться. К тому же в таком соотношении негатива и позитива при ответе на этот ФОМовский вопрос особой новизны нет. В октябре прошлого года на 31% позитивных оценок направления развития страны пришлось 39% негативных, а спустя пять месяцев в апреле этого года на 30% позитивных — 46% негативных.

Негативные оценки преобладают и в ответах на другой ФОМовский вопрос: «Если говорить в целом, сегодня происходит больше хороших или больше плохих событий и перемен?» Отвечая на него, менее четверти — 23% россиян отметили преобладание позитивных событий и перемен, а преобладание негативных — 55%, то есть вдвое больше. При этом преобладание негатива отмечали не только те, кто полагает, что страна развивается «в неправильном направлении». Даже среди тех, кто считает, что страна развивается «в правильном направлении», почти треть (31%) видит в жизни больше перемен к худшему, чем к лучшему. Хотя вполне естественно, что в группе уверенных в общей положительной тенденции почти половина (49%) заметила больше хорошего в нашей сегодняшней жизни, чем плохого.

³⁰ В этой связи хочется обратить внимание на весьма интересное наблюдение и анализ Ю. А. Левады:

«Феномен парадоксально высоких показателей (рейтингов) президента В. Путина, сохраняющихся на фоне сдержанных или просто негативных оценок его (и правительства) деятельности в различных сферах, нередко пытаются объяснить то ли “сказочными” традициями российской сознания, то ли изощренностью рекламных политтехнологий, а то и просто недобросовестностью исследователей и т. п. Между тем, анализ данных исследований общественного мнения позволяет представить вполне реальные и прозаические механизмы высоких рейтингов в как будто неподходящих условиях. Доверие населения к президенту в 2002 г. 21% опрошенных объясняли его успешными действиями, 44% — надеждами на будущие его успехи (“еще сможет справиться”), а 31% — просто тем, что больше не на кого надеяться. Годом ранее были получены аналогичные данные. Таким образом, ключевым словом оказывается **надежда**, точнее даже — желание надеяться, которое диктует массовому сознанию своего рода направленный отбор поступающих сигналов. Например, заслугой президента считается повышение выплат населению, в то время как вину за рост цен население возлагает главным образом на правительство. Еще один штрих к оценке качества массовых надежд. Стабильный на протяжении 2002 г. показатель одобрения деятельности резко пошел вверх после событий на Дубровке, затем снова вернулся к прежним значениям. Это показывает, что действует феномен надежд, вызванных тревожной ситуацией, страхом, растерянностью» (Левада Ю. Рамки и варианты исторического выбора: несколько соображений о ходе российской трансформации // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены, 2003, № 1(63), с. 11).

Вполне ожидаемо распределяются позиции несогласных с курсом, которым следует сейчас страна: три четверти (76%) отмечают больше негатива. Хотя даже среди «оппозиционеров» находятся немногие — меньше чем каждый десятый (9%), — считающие, что хотя курс выбран неправильно, но в данный момент преобладают позитивные события и перемены к лучшему.

Примечательно, что около четырех лет назад соотношение положительных и отрицательных оценок было практически обратным. В конце сентября 2001 г. (1500 респондентов) ФОМ спрашивал: «Как Вам кажется, за последний год в жизни России произошли перемены к лучшему, к худшему или перемен не произошло?». Тогда перемены к лучшему заметили 40%, к худшему — только 22% (что почти в два раза меньше) при 30% не заметивших вообще никаких перемен. Еще за год до этого, в августе 2000 г. при ответе на тот же вопрос оценки прошедшего года, первого для нынешнего президента в его новой роли, были практически такими же благоприятными. Считали, что в России произошли положительные изменения, 36%, и только 16% придерживались противоположной точки зрения.

Что такое «хорошо» и что такое «плохо»

Преобладание отрицательных изменений и событий над положительными в сознании россиян достигло максимума, как можно догадаться, в январе 2005 г, сразу после начала монетизации льгот. Тогда, при высоком уровне недовольства акции протеста поддерживали 57% опрошенных, а среди льготников — 66%. Сейчас, в июне, несмотря на многократное увеличение сумм, отпускаемых правительством на денежные выплаты, акции протеста по-прежнему находят поддержку более чем у 40% россиян, в том числе у каждого второго льготника.

Отвечая на открытые вопросы: «Что происходит в России хорошего в последнее время?» и «Что в России происходит в последнее время плохого?» (респондент сам формулировал свои ответы), только 30% опрошенных нашли какие-то положительные события, 60% затруднились с ответом, а каждый десятый заявил, что «ничего хорошего не происходит». В то же время различные негативные явления нашей действительности назвали три четверти россиян, опрошенных ФОМом.

Полученные ответы распределились следующим образом. Первое место по частоте упоминаний в качестве наших достижений занял ответ³¹: «повышение уровня жизни, рост и повышение регулярности выплаты зарплат, пенсий, пособий, замена льгот денежными выплатами и снижение безработицы». Все эти успехи в совокупности набрали 9%, но

³¹ Здесь и далее в данной части статьи имеется в виду не формулировка ответа, как таковая, а категория анализа, объединяющая группу близких по теме и смыслу «свободных высказываний» (собственных суждений) респондентов, отвечавших на «открытый» (без заранее предусмотренных вариантов ответа) вопрос анкеты.

при этом «снижение уровня жизни населения» отметили 26% опрошенных, то есть почти втрое больше.

Второе место по частоте упоминаний в качестве позитивных явлений занял ответ: «забота о людях, решение конкретных социальных вопросов — образования, здравоохранения, жилищных проблем и др.». Эти приятные события очевидны для 5% опрошенных, тогда как на различные социальные проблемы указали в числе негативных явлений 21%, то есть вчетверо большее число людей.

В группу лидеров позитивных событий и перемен вошли также «успехи в экономике» — те же 5%. Впрочем, и в этой области почти вдвое большее количество опрошенных — 9% — увидели негативные явления.

Все остальные варианты наших достижений, объединенные в определенные разделы, получили не более двух процентов. Именно такая доля опрошенных заметила «успехи в области международного сотрудничества и повышения международного авторитета России». Такое же количество респондентов отметили в качестве нашего отечественного позитива «наличие демократических свобод (свободы слова, вероисповедания и т. д.)», и ровно столько же «чувствуют стабильность и уверенность в завтрашнем дне». Еще 2% в качестве позитивных явлений указали «спортивные достижения и хорошо организованные праздники и юбилеи». И, наконец, свои 2% получил «рост эффективности управления». Впрочем, и здесь 23% указали на «отсутствие законности и порядка и криминальную обстановку».

Стабилизация вертикали или анархия?

Понятно, что такое мировосприятие не слишком способствует социальному оптимизму, видению светлых перспектив в жизни страны. Тем не менее, по данным ФОМа, в июне этого года оптимизм в отношении будущего у россиян все же преобладал: на 27% ожидающих в ближайшие два года перемен к лучшему пришлось лишь 20% пессимистов, ожидавших противоположных перемен. При этом свыше трети (35%) не ожидали особых перемен в ту или иную сторону, а остальные (18%) затруднились ответить на этот вопрос.

Особенно заметен оптимизм тех, кто полагает, что «страна развивается в правильном направлении». Почти половина (47%) из них ожидает в ближайшие два года перемен к лучшему. Еще 28% хотя и не надеются на заметные сдвиги к лучшему, но и явных неприятностей также не предчувствуют. С их точки зрения, особых перемен за это время в стране не произойдет. Затруднились ответить 16% из тех, кто в целом одобряет общее направление изменений в стране. Однако 8% из тех, кто считает правильным выбранный курс, не ожидают в ближайшие два года ничего хорошего.

Последняя цифра невелика, если сравнить ее с пессимизмом тех, кто полагает, что страна развивается в неправильном направлении». Среди

последних всего 14% оптимистов, ожидающих улучшения ситуации. При этом их антиподов вдвое больше — 35%.

Конечно, при предыдущем президенте преобладание оптимистов (примерно в полтора раза) наблюдалось лишь в самом начале президентства и некоторое время накануне дефолта, надолго обрушившего надежды. Однако ФОМ в своем последнем отчете приводит для сравнения данные марта 2002 года, когда на 41% оптимистов, ожидавших позитивных изменений, приходилось лишь 17% опасавшихся изменений к худшему. Иначе говоря, несмотря на непрекращающийся рост цен на нефть, оптимизма в стране не только не прибавилось, но и стало заметно меньше. В чем может быть причина такой ситуации?

Возможный ответ можно найти в исследовании Левада-Центра. Согласно данным опроса, проведенного месяц назад (май 2005 г., 1600 чел.) 8% россиян считают, что в стране сейчас происходит «становление авторитарного режима», 12% — что происходит, напротив, «становление демократии». 20% видят ситуацию как «наведение порядка». Но больше всего — 43% — полагают, что в стране сейчас происходит «нарастание беспорядка, анархии».

Сравнивая эти данные с теми, которые были получены год назад, сотрудник этого центра А. Голов обнаруживает, что тогда две трети россиян видели ситуацию как противостояние демократии и диктатуры, теперь же о ней судят, с этой точки зрения, втрое реже. Главенствующим при оценке положения в стране стало противопоставление порядка и анархии. И если еще недавно в этом противостоянии главенствовал порядок, то теперь, согласно данным Левада-Центра, направление изменилось на противоположное.

М. Мацкевич

(Цит. по: Дело, 2005, № 24, 4 июля)

П.25.9.2. «Нас ждет иная жизнь. Вопрос в том, какая?»

**Статья Д. Травина «Мы наш, мы новый мир построим»
(апрель-май 2005)³²**

Вкратце

Эта статья вышла под газетной рубрикой «Русская национальная идея».

Первая, опущенная здесь, часть статьи посвящена истории попыток выработки (поиска? формирования?) русской национальной идеи, как таковой, от «самодержавия, православия, народности» до «социалистической идеи» и «идеи мировой революции».

³² Дмитрий Яковлевич Травин — канд. экон. наук, обозреватель петербургского аналитического еженедельника «Дело». Автор книг «Железный Винни-Пух и все, все, все. Либерализм и либералы в российских реформах» (СПб., 2004) и «Европейская модернизация. История реформ: от Наполеона до Леха Валенсы» (в соавторстве с О. Маргания; СПб., 2005).

«...Но минули десятилетия. Народ, прошедший через горнило модернизации, начинал постепенно жить иными ценностями. Квартира в хрущевке вытесняла коммунальную “соборность”, езда на личных “жигулях” заменяла движение от социализма к коммунизму, а шесть соток полностью похоронили мечту о том, «чтоб землю в Гренаде крестьянам отдать».

Впрочем, власти, как всегда бывает в подобных случаях, не замечали трансформации. В итоге на смену вдохновляемому русской идеей национально-триумфу пришла череда поражений.

*Афганский конфуз еще можно было списать на случайность. Сдачу Восточного блока — на слабость Горбачева. Роспуск СССР — на интриги “беловежских зубров”. Поражение в первой чеченской войне — на глупость Ельцина и предательство Лебеда. Но провал второй чеченской войны расставил все точки над *i*. Бесперывный четвертьвековой процесс распада империи при полной неспособности элит и народа к мобилизации своих сил есть свидетельство перехода России в новое качество.*

Разочаровавшись в коммунистической идее, мы не можем больше поддерживать империю со всеми ее “окрестностями”. Нет великой иррациональной цели, ради которой столько лет народ претерпевал многочисленные трудности. И хотя наглость чеченских бандитов, кровавые теракты и даже ущемления русскоязычных в Латвии вызывают страх, злобу и иллюзию сплочения вокруг президента, влить новое вино в старые меха никаким конструкторам национальной идеи уже не удастся».

«Нас ждет иная жизнь. Вопрос в том, какая?» — так заканчивает автор первую часть своей статьи (Дело, 2005, 25 апреля).

Здесь приведем полностью вторую часть этой статьи.

<...> Можно ли выдумать новую национальную идею и внедрить ее в массы с помощью столь модных сегодня политехнологий? Можно ли с помощью подобного хода обеспечить не только высокий уровень поддержки данного президента в данный момент времени, но и сплочение нации в погоне за достижением великой иррациональной цели?

Идеи не меняют

Все это маловероятно. Как мы видели, национальная идея не рождается по заказу. Она формируется в связи с формированием нации как таковой, причем на том этапе развития, когда рациональные устремления занимают еще сравнительно малое место в национальном менталитете. Более того, формирование этой идеи происходит, как правило, в кризисной ситуации и служит своеобразной компенсацией: либо социально-экономической отсталости, либо политической зависимости.

У России своя национальная идея уже имеется, и нам не удастся поменять ее как книжку в библиотеке, где всегда можно снять с полки еще не прочитанный томик. И неважно, нравится ли нам сегодня то, что наша национальная идея — построение коммунизма. От этого никуда не уйдешь. Это факт российской истории. Поэтому в обозримой перспек-

тиве нам предстоит развиваться на фоне угасания и деградации старой слабеющей национальной идеи, а отнюдь не на фоне формирования некой новой — крепнущей и становящейся все более привлекательной.

В этой связи, думается, у России имеются три основных варианта развития, каждый из которых связан с большим или меньшим использованием уже существующего национально-интеллектуального багажа.

Мягкая трансформация

Первый и наиболее вероятный вариант развития — это мягкая, постепенная трансформация России в общество потребления (или общество постмодерна — так звучит красивее), в котором роль национальной идеи постепенно сходит на нет. Или можно сказать иначе — национальная идея рационализируется и дегероизируется, становясь примерно такой же, как у других народов, давно прошедших стадию национального становления, сохранения и укрепления культуры во всех ее многообразных видах — от официальной до маргинальной.

Данный вариант предполагает максимально возможное успокоение страны. Бунтующие регионы, явно идентифицирующие себя как нероссийские (Чечня и, возможно, какие-то еще), тем или иным образом отсекаются. В России остается жить лишь тот, кто является русским или же готов в определенной степени ассимилироваться. Острота национального вопроса вообще постепенно сходит на нет. Возможно, кто-то по-прежнему остается недоволен своим местом в России (скажем, Татарстан в силу национальной и конфессиональной специфики или Приморье по причине территориальной удаленности), но наличие рыночных и демократических свобод делает сепаратизм не слишком актуальным занятием.

Глобализация втягивает нас в мир межнационального и наднационального. В то же время возрастает роль регионов, берущих на себя решение многих социально-экономических вопросов из числа тех, которые ранее находились в компетенции национального государства. Если ранее это самое национальное государство стремилось выравнивать региональное развитие даже в ущерб экономике (лишь бы федерация не распалась), то теперь выравнивание осуществляется чисто рыночными методами без централизаторской принудилки.

На передний план в развитии выходит достижение рациональных целей — экономических, в частности. Рост благосостояния минимизирует число тех, кто из-за своего неблагополучия остро нуждается в некой пассивной цели. Конечно, маргиналы, не вписывающиеся в каноны общества потребления, сохраняются. Но их деструктивная энергия канализируется в мелкие потасовки (спортивные фаны, скинхеды и т. п.), не требуя национальной идеи, с помощью которой можно осчастливить весь мир по российскому сценарию.

Для большинства же россиян особое значение приобретают такие атрибуты идентичности, как гимн, флаг, язык, национальные праздники, спортивные победы, монументы в честь исторических дат и т. п. Коммунистическая символика должна будет занять в новом «пантеоне» достойное место (михалковский гимн, памятники Ленину), как в современном французском буржуазном «пантеоне» занимает свое место Марсельеза и гробница Наполеона.

Движение по такому пути предполагает приход к управлению страной руководства деголлевского типа — людей, чтящих традицию и понимающих значение национального, но в то же время мыслящих, по преимуществу, рационально.

Жесткий национализм

Другой вариант развития предполагает, напротив, приход к руководству страной людей, делающих ставку на национализм как самый простой (и кажущийся эффективным) способ сохранения российской идентичности. Их мировоззрение вполне может варьировать в интервале от Муссолини до Милошевича, но суть действий будет одна — подморозить Россию, дабы в ней не происходило ничего нового, кроме постоянного удвоения ВВП.

Лидеры такого типа должны будут попробовать в полной мере реанимировать русскую национальную идею. Постепенно из сталинского ментального арсенала станет доставаться все больше и больше старого вооружения. Гимном дело не ограничится. Национал-коммунизм (или национал-большевизм, если использовать уже имеющийся термин) станет вновь обретать все более явные черты, причем в варианте, характерном для эпохи 1941-1945 гг.

Вряд ли национал-коммунизм сильно затронет экономическую систему. Идеология — это область иррационального, тогда как рациональная хозяйственная практика нужна любому режиму для самовыживания. Но в той сфере, на которую больше всего обращена национальная идея (величие, достигаемое вооруженным путем), изменения станут появляться одно за другим.

Россия должна будет спасти мир от угрозы международного терроризма. Для этого будут практиковаться все новые формы сплочения нации — пионеры, комсомольцы, «идущие вместе», «наши», военные сборы, превращение СМИ и церкви в орудия пропаганды, репрессии в отношении отщепенцев. Поскольку невозможно предотвратить нарастание терроризма с помощью мер, направленных на решение совсем иных проблем (таких, как сохранение власти правящей группировки), число жертв взрывов и захватов будет лишь нарастать.

На волне националистической истерии власть постепенно сможет перейти в Чечне к откровенному геноциду (имеющему, конечно, мало общего с гитлеровским, но близкого, по своей сути, к тому, который практиковался в Косово как одной, так и другой конфликтующими сторонами).

Такого рода режимы долго продержаться не могут, а потому и возрождение национальной идеи в ее экстремальной форме не может быть долговременным. Но если национал-коммунизм будет использован для поддержания режима, резко диссонирующего с образом жизни XXI столетия, то, в конечном счете, его ждет судьба германского национал-социализма. В будущей свободной России использование даже отдельных элементов старого идейного багажа окажется немислимым.

Полный распад

Наконец, третий возможный для России вариант развития предполагает нарастание хаоса в условиях, когда деморализованная центральная власть не способна предпринять ни позитивных, ни деструктивных действий. В ответ на усиление интенсивности терактов произносятся грозные слова, однако реально ничего для изменения ситуации не делается. Сегодняшнее развитие событий больше всего напоминает именно такого рода сценарий.

Если, с одной стороны, человеческие и материальные издержки, наносимые террористами, будут увеличиваться теми темпами, которые мы имеем сегодня, а, с другой стороны, Россия войдет в экономический кризис (скажем, по причине значительного падения цен на нефть), рано или поздно наступит момент перелома.

Скорее всего, в этот момент страна все же двинется по одному из описанных выше сценариев. Но если безволие федеральной элиты окажется более значительным, чем обычно бывает в такого рода случаях, или если она будет парализована внутренними конфликтами с примерным равенством сил противостоящих сторон, развитие событий может пойти по сценарию распада государства.

Региональные элиты будут стремиться в той или иной форме дистанцироваться от Москвы, дабы, с одной стороны, «примириться с террористами», а с другой — придержать у себя ресурсы, на которые желает наложить лапу терпящий банкротство федеральный центр. Подчеркнем, что это маловероятный вариант, но если глубина кризиса будет угрожать самовыживанию регионов, вероятность его осуществления резко возрастет.

В данном случае старая российская национальная идея будет окончательно похоронена. Россия начнет в какой-то момент напоминать Австро-Венгрию времен распада. Отделяющиеся регионы станут вдохновляться неким комплексом рациональных и иррациональных идей, содержание которых даже трудно сегодня себе представить («Великий Татарстан»? «Приморье от моря до моря»? «Петербург — вольный город»? «Исламская конференция Кавказа»?). И еще труднее представить себе, произойдет ли с распадом России распад нации.

Но одно можно предположить с большой степенью вероятности. По какому бы пути ни пошла Россия, эпоха Великой Русской Национальной идеи у нас не впереди, а позади.

(Д. Травин. Мы наш, мы новый мир построим. Как искали идею в России // Дело, 2005, 3 мая)

* * *

*Ремарка: ожидаем ли перемен — сегодня?*³³

Разумеется, прогноз современного эксперта не радует — какой бы из очерченных им вариантов продолжения российской трансформации ни взять. Но по крайней мере отрадно, что обсуждение этих вопросов теперь уже (пока еще?..) может происходить без конспиративных ухищрений.

Перефразируя коллегу (Дмитрия Травина), скажу: «Нас несомненно ждут перемены. Вопрос в том, когда и какие именно?» (Июль 2005).

³³ Стоит обратить внимание на полисемию слова «ожидать» в русском языке: Среди его основных значений: а) надеяться... и б) предполагать... (что произойдет некоторое событие). В нашем случае второе значение является основным, а первое дополнительным...

Вспоминаю, как, переводя текст вопросника «Ожидаете ли Вы перемен?» на французский (для сборника «Ожидали ли перемен?..», 1991), я остановился на варианте: «Les transformations chez nous, sont-elles probables?» (Вероятны ли перемены у нас?). Т. е. эмоциональную коннотацию в иноязычной версии сохранить не удалось.

Вместо заключения

ВЗ.1. «Человек исторический» и «человек повседневный»

[Ниже — извлечения из работы Михаила Яковлевича Гефтера (1918—1995)¹ «История — позади? Историк — человек лишний?», датированной 1992-1993 гг. Впервые опубликована в посвященном М. Гефтеру тематическом выпуске журнала «Век XX и мир» (1996, № 1).

Этим текстом-размышлением и пророчеством, принадлежащим моему старшему современнику — историку и мыслителю, человеку исключительной глубины ума, силы духа и красоты души — хотелось бы увенчать эту книгу. — А. А.]

История — позади? Историк — человек лишний?

<...> В считанные годы и месяцы рухнули режимы, которые числились коммунистическими и в этом качестве призванными изменить (позже или раньше) образ жизни и духовный склад людей на «враждебной» и «ничейной» территориях. Тем самым в корне переменялось не только соотношение сил. Ушла опасность принуждения к извне приходящему выбору (что, собственно, уже и не выбор, а обманное подобие его). Точнее: ушла одна из разновидностей этой опасности. Самая ли страшная, если заглянуть вперед?

Спору нет, от того, куда двинется и что с собою сделает евразийская громада, в значительной мере зависит завтрашний день Мира. Но что суть **Мир** — в прихотливой сцепке различных «куда»? Впрочем, это последнее смущает даже в виде вопроса. Слишком многое свидетельствует, что «куда?» исчерпало свой кредит, — то ли потому, что люди окончательно определились, или оттого, что сам выбор бесповоротно изменил свой характер, раздробившись на серии последовательно осуществляемых задач, стал инструментальным, операциональным, чуждым патетике Цели (и вот уже нет места на Земле пророкам и вождям, всякой масти избавителям и заступникам, «преждевременным» и «нетерпеливым». Разве что переселятся они к мадам Тюссо либо в остаточные «палаты № 6»?..).

Не исключить, что водораздел теперешний и главный спор — где-то здесь. Извечный водораздел между меньшинством и большинством, между самозабвенно ищущими и теми, кто занят упорядочением уже добытого, — и свежий водораздел внутри Мира, расколотого на «развитых» и «развивающихся», но также внутри каждой цивилизации и даже каждого человека. Спор, прорывающийся наружу в интеллектуальных и политических баталиях, но скрыто присутствующий в «региональных» тяжбах и кровопролитиях.

События невянятно запрашивают: удастся ли человеку, по силам ли ему вообще пережить и превозмочь в границах одного и того же времени агонию самоуничтожительной **однозначности** и конвульсии несводимой воедино **разнонаправленности**?

¹ О М. Я. Гефтере см. ранее, в томе 1 настоящей книги: глава 1; в томе 4: глава 25.

...На исходе Второго тысячелетия вновь слышится эхо падения Рах Романа и мученических родов человечества: тогда еще замысла, выговариваемого безумными словами. Эпоха за эпохой испытывали катакомбный Проект на осуществимость и на человечность, выяснив, что нет ни заданной совместности того и другого, ни предрешенного разлада между ними. А есть путь и срок, образующие особое «тело» — историю. Когда мы спрашиваем себя: не покидает и нынешний мир идея **человечества как единственного единства**, оставляя пустоту, в которую ворвались стихии этноса, ярость «своего», непримиримость новоявленных сект, — мы тем самым спрашиваем: не оборвалась ли История, конченная без завершения?

Такова, если совсем коротко, моя тема.

* * *

<...> Даже потребность в близкосрочном прогнозе уводит сейчас в глубь веков; что уж говорить о любой попытке представить себе сравнительно отдаленное Завтра. Я употребляю слово представить, хотя в стиле времени уместнее было бы сказать — измерить. Но прогресс того, что Мартин Хайдеггер называл «рассчитывающим мышлением», как раз убеждает в бессилии последнего перед внезапностями нынешних сдвигов. Притом не перед деталями, какие, естественно, никому не дано предугадать. Нет, не о превратностях текущего речь. В главных неизвестных — масштаб событий, меняющих бытие, как и их необратимость, совместно образующие взрывчатую смесь поистине адской силы. Такова ли она в действительности или это наше сознание придает «финалистские» свойства очередному переходу от одной ступени человеческого развития к другой — открытый вопрос. Во всяком случае нам не отыскать ответа, не усомнившись предварительно в своей способности ответить. Не признав, что прозрение будущего наталкивается на капитальную трудность, характер которой заставляет подозревать, что причина — в будущем как таковом. Можно ли продолжать пользоваться этим понятием в достаточно строгом смысле, имея в виду, что **«будущее»** это не просто «то, что следует за...», а нечто, по самому определению своему отрицающее настоящее и загодя превосходящее его? То именно, что силится (каждым тактом жизни!) превратить настоящее в **бывшее будущее**, иначе — в **прошлое**.

А оно, прошлое, не теряет ли в силу этого свое предназначение в пределах людских? Вглядываясь в перемены, происходящие на глазах и при участии одного, максимум двух поколений, мы ощущаем, что в действие пришли (притом повсеместно) силы, дремавшие в глубинах эволюции человека. Если это так, то возникает следующий по очереди вопрос: допустимо ли силы эти отнести к тому, что привыкли мы понимать под историей? Поиски ответа зывают к исследованию, а потребность последнего — к тому, чтобы раздвинуть внутри предел самого историознания, усовершенствовав в первую голову способы сопоставления разных типов, форм и уровней планетарных перемен в контексте их происхождения (всячески поощряя для этого научную кооперацию, межконтинентальные и междисциплинарные контакты, проекты и т. д.). Но, полагаю, как ни велики будут усилия и успехи на этом поприще, они вряд ли окажутся способными привести к чему-то, удовлетворяющему сомнению, если «конкретные» историки не ввяжутся всерьез в

дискуссию, в центре которой — самая история: ее предмет, ее границы во времени и пространстве, правила, каким она следовала, постоянно их нарушая (и восстанавливая обновлением), свойственные ей запреты и ею порожденный класс принципиально новых промыслов человека, природа ее особенных страстей и характер ее «смирительных рубашек».

Я не собираюсь предьявлять тут свой взгляд на историю. Скороговоркой не скажешь, подробности требуют обсуждения. Однако три тезиса-предположения нельзя не назвать, чтобы от истории перейти к историку, а от него — себя ищущего веками — к нынешней злободневности его будто бы только профессиональных затруднений и тупиков.

Первый тезис: **антропогенность истории**. Сейчас история распахнула двери к естествоиспытателю. Илья Пригожин подтверждает свои пересмотры текстами Марка Блока. Вероятность правит бал, «флуктуации» и «бифуркации» не сходят с уст. Историку ли не пойти навстречу этой новизне? Рискуя остаться старомодным, хочу не опровергнуть, а возразить. Не специфичность истории отстаивая, а, если угодно, ее исключительность, утверждая: из всего живого **историей обладает только человек!** Ибо история — не просто изменение во времени — при активном и даже возрастающем «участии» сознания. Нет, сознание — не в участниках, оно притязает на авторство. Человек, сделавший «первый» шаг в истории, обрекает себя на следующий. Он **преобразует бесстрастное Время в собственное пространство-поприще**. Он рвется «вперед и вверх», внушая себе, что это-то движение, именуемое поступательным, способно вместить и исчерпать собою все и вся. Серьезный в своей трогательности вопрос: что раньше — курица или яйцо? В нашем случае: человек исторический или историческое время? Ответа нет, ибо в бесконечном (?) возобновлении и сам вопрос. Проточеловек — протовремя, и не единый раз.

Из первого тезиса — второй: **история возникает**. Не до человека и не вместе с ним, а внутри собственно человеческого существования. Спорят о хронологии, об одновременности начального рубежа в автономных точках, но как раз в свете этих споров проясняется краеугольное: не из отдельных историй слагается, строится ИСТОРИЯ, а наоборот. В исходном пункте, а стало быть, и в конечном, она — одна, единственная. Не Мир предшествует ей, а это она производит Мир.

Многими тысячелетиями человек не нуждался в понятии Мир, не тревожился им, пока древний Рим равномерного прогресса не сопрягнулся особенным, превосходящим общее. **Всемирность** была заявлена Голгофой: рядовым событием внутри малой человеческой общности, значение которогоросло изнутри него — не простым узнаванием, а соучастием задним числом, и таким именно, которое открыто всякому, любому. «...Будучи свободен от всех, я всем поработил себя... чтобы спасти по крайней мере некоторых» (I-е, Кф., 9, 19, 22). В этих страстных и темных строках — прообраз незаданного будущего, нуждавшегося в **сотворяемом предварении**. Что иное «второе пришествие», как не бытие Конца, производящего вновь и вновь Начало? Что иное человечество, как не избранничество, свободное от какого-либо превосходства человека над человеком? Что иное история, как не человечество-путь, совершаемый в «обратном» порядке: от всесветной искомости к тому, что налицо — в виде идеи, превращенной в очаг, в «локус», где уже в свернутом виде вся ойкумена?

Из первых двух тезисов — третий: **история, раз возникнув, стремится преодолеть собственную ограниченность.** Каждый предел — рубеж. Каждый виток ее экспансии — ступень восхождения. Каждый «захват» — раздвижка оснований, прирост родословной: все живые и все мертвые не больше, чем пролог, пьедестал.

И что же — удалось? Наш век — проверщик, быть может, и не догадывающийся, что бьется он о вмещаемость жизни в генезис, о возобновляемость «начал» усмиренным, задействованным Концом...

Я отдаю себе отчет, что эти выражения не отличаются строгостью, их легко упрекнуть в беллетристичности. Для меня, однако, это, может быть, и не лучший, но оправданный способ освободиться из тенет «прогрессистского» словоупотребления, не отвлекаясь вместе с тем от участи людей, от их страданий и от их надежд. Я знаю, как облегчает душу отыскание в истории злосчастных обстоятельств и «конкретных» виновников. И как, напротив, соблазнительно клонит к всеобщей индальгенции мысль о том, что история не только не свободна от зла, оказывая ему систематическое гостеприимство, но что она в огромной степени движима злом, и не абстрактным «манихейским» злом, а тем, которое проистекает из ее же, истории, сокровенного смысла, из ее масштаба и замаха, из той одержимости восхождением, из того первичного незаданного будущего, которые в дальнейшем она «задает» уже как императив, как наказ и норму всем втягиваемым в ее лоно цивилизации и людям.

В капкан этот легко угодить, путая «суд истории» с презумпцией невиновности, признавая всех равно правыми и равно принужденными соучаствовать в том **насилии добра**, которое в такой же мере атрибут (и синоним!) истории, как и одействляемая ею утопия, как и революция, которая в своих классических формах и недовершаема, и избыточна. Дано ли уйти от этих крайностей, не затрагивая порождающую их суть? Понять ли, минуя **историю Истории**, нынешнее особенное безвременье, в отношении которого нельзя отделаться от подозрения, что его уже не удастся превратить в очередное из переживаемых людьми междувремений? Избавиться ли от того гнетущего чувства тупика, в который исторический человек завел сам себя, если не предположить, что вездесущность, всеприсутствие истории в мыслях и делах людских есть специфический обман зрения (который ею же и порождается, которым она в огромной степени держится) — и что на самом деле история всегда «окружена» тем, что в своей совокупности может быть обозначено как великое ВНЕ — многомерный океан человеческой повседневности, которую панисторизм принимает за недо-историю, в лучшем случае — за свою «предпосылку», в худшем — за досадную помеху поступательности? На свой лад он прав, панисторик. На языке доктрин и теорий он выражает категорическое свойство самой истории — безудержное ее стремление к всеохватности. Иудеохристианский зачин, сроднившись с властью и облекшись в материю жизнедеятельности, шаг за шагом раздвигал границы своего домена. Наталкиваясь на препятствия, сражал их, но также вбирал — обезоруженные — внутрь себя, потребляя всякого рода ереси и мятежников в качестве источников собственного развития. Разве утопия и революция являются только спутниками и плодами истории, а не ее двойниками-синонимами?

Прав-то он прав, панисторизм, да всего лишь на свой лад. Из того, что он жаждет быть всем, отнюдь не следует, что он способен стать всем. Ибо «вне истории» — не сырье. У него не только свое лицо, но и свое **Время**, и свое **Развитие**. И если это развитие не реализует себя в восхождении, если оно оппонирует пресловутому «ускорению истории», то не значит ли это, что рядом с мировой историей существует всеобщее «**Вне-истории**» с собственным субъектом, и что теперь пришел его час выйти из-за кулис, заполнив собою всю сцену?

Если история в отрешенно-чистом виде всегда равна самой себе, добиваясь полного и абсолютного совершенства, по отношению к которому все (что было и осталось позади) не меньше, но и не более, чем пролог и пьедестал, то незамечаемое, как эфир, **вне-истории** отстаивает преемственность, диалог, в котором **мертвые равноценны живым**. Чем бы держалась культура, ее автономия в рамках универсума, если бы она не оппонировала и внутри, и вне себя переиначиванию историей?!

В конечном счете, «человек исторический» — некая условность или безусловность одной из двух ипостасей человека, второй из которых является «человек повседневный». Им трудно ужиться друг с другом. Схватки между ними формируют лики эпохи. Допустимо ли считать историю неизменной победительницей? До поры до времени мы принимали кажимость за действительность. Ныне много виднее, что история своими «концами», как и своими «началами», чертила собственный предел, неся в самой себе не только развязку, но и расплату.

В решающий момент **повседневность** предъявляет заявку на ту единственность смысла, который пыталась узурпировать история. По силам ли вынести это человеку?

Обсуждению подлежит: вправе ли мы считать современного человека самоуничтожающей разновидностью Homo historicus или же это уже другой человек, и если еще не вполне иной, то промежуточный: ни прежний, ни вовсе новый — мучительно застрявший в еще неизвестном, еще не опознанном им самом «промежутке».

* * *

<...> Ум человеческий привык отличать постижимую реальность от абсурда, уходящего в подвалы психики и разъясаемого природой ее отклонения. Для историка это, как правило, закрытая сфера. До известной степени она затрагивается лишь исследованием суеверий, сумеречных взлетов мистики, вмешивающейся в ход событий, и особой роли, которую в преддвериях играют харизматические персонажи. Но в целом, особенно когда речь идет о «движущих силах» и превращенных в действительность предпосылок, абсурд не попадает в поле зрения историка, поскольку он (абсурд) заведомо а-историчен. Я не собираюсь оспаривать это, а предлагаю лишь взглянуть в этот феномен с той именно стороны, которая отключает его от привычного понимания истории. Абсурд как сигнал, извещающий о том, что история достигла своего предела, а «человек исторический» оказался в пограничье между исчезающим прошлым и тем, что ждет его впереди, теряя при этом имя «будущего», — вот что преследует меня, ставя под сомнение право считать себя историком и вну-

шая мне подозрение, что, цепляясь за этот (сросшийся с жизнью) статус, я способен невольно ввести в обман людей, привыкших с уважением относиться к нашей старой профессии. Впрочем, я, вероятно, не совсем точно определил свое отношение к абсурду, назвав его сигналом. Нет, он — нечто большее. В моих глазах он — поводырь, вводящий нас в неведомую жизнь-после-истории, он — наш посредник в первых контактах с тем, что приходит на смену понятию «будущего», а стало быть, и «прошлого».

Может показаться, что мне следовало не завершить этим, а начать и что бегло затронутые выше сюжеты не в состоянии служить полноценным доказательством при возведении абсурда в своего рода двойника пост-исторического Гомо. Не исключаю. Позволю лишь заметить, что у предлагаемого хода мысли есть биографическое основание, что это как бы эпикриз из истории болезни человека, принадлежащего к повергнутому или, употребляя выражение Пушкина, «падшему» поколению, существование которого, однако, не лишено, мне кажется смысла, для тех, кто после...

М. Я. Гефтер.

(Цит. по: Аутсайдер — человек вопроса. М.: Век XX и мир. 1996, № 1, с. 11-18, 32)

Ремарка 1: вновь и вновь возвращаясь к М. Гефтеру.

Из предисловия к сборнику «Аутсайдер — человек вопроса» (1996)²:

«...В тот год (1993. — А. А.) Михаилу Яковлевичу Гефтеру исполнилось 75. Несуетно подводил итоги. Привычка «итожиться» парадоксально сосуществовала с органической недо-высказанностью. Он сам однажды определил это свое свойство: “Мои тексты назойливо тянут к незавершенности всего, о чем говорю...”. Точно состыковал принципиальную открытость с бесконечностью обговаривания проблем, догадок. С устным Словом как пусковым механизмом сомнения.

При всякой возможности М. Я. стремился подключить собеседника к собственным размышлениям. Сократическая беседа — поступок. Полотно повседневного обрета полифактурность влечением непредуказанных мысленный тем, сюжетных ходов, сопоставлений. Помогала установка на жизнь как Встречу. Открытость всякой новой подпитывалась уверенностью: самое неожиданное — человек. Вот только оставалось не вполне ясным, какой след-остаток оседает впечатлением, итогом.

...Гефтер болезненно осознавал собственную неумещаемость в тексты. Илучше многих понимал, что эпоха, время (его эпоха, его мир, которого уже нет) — не одними фактами и событиями маркированы, но и едва уловимым: интонациями, тембром, ритмо-полифонией. Но ведь собеседнику дарован слух... А ему, Гефтеру, — стремление передать самое нематериальное из былого — страсть и чувство, мироощущение и нюансы смысла...» (Аутсайдер — человек вопроса..., с. 5-7)

И еще, из этого же сборника:

«...Прежде всего: Михаил Яковлевич — редкий случай действительно принципиального человека. С мужественной неукротимой последовательностью

² Автор предисловия под названием «О форме плана» (она же — составитель и редактор названного сборника) — Елена Высочина.

он **строит** свою жизнь, свои поступки, свое общение с людьми, исходя из велений исповедуемого Принципа. Здесь он не отступит ни перед какой трудностью и опасностью. С той же последовательностью, безоглядностью и самопожертвованием, с какой действовал в принятиях коммунизма, партийной романтики («мы идем по узкой тропе, крепко взявшись за руки, окруженные...»), с той же безоговорочностью и твердостью **поступил** он, когда — после долгих и мучительных раздумий, — разглядел каверны и зияния этого исходного принципа (отнюдь не отказавшись от каких-то его основ, не перекрасившись; в себе сохраняя свое прошлое...). Твердо и спокойно в очень трудные годы, задолго-зadolго до всяческих «перестроек», вышел он из партии, как только осознал преступность ее линии, ее политики. — Раз я так думаю, я так поступаю — вот его максима. Это не только мужество поступка, но и отвага мысли. Ее — мысли — пограничность с действием.

...И еще одна черта образа жизни и мысли Михаила Яковлевича. На первый взгляд, будто бы спорящая с первой. На самом деле — позволяет точнее ее, первую, понять. Гефтеру всегда (внутренне, по особенностям своего душевного устройства) важно каждый свой “руководящий принцип” как-то персонализировать, вникнуть в его исток в собственно человеческой биографии, в каких-то до-мыслительных импульсах...» (Библер В. С. Жизнь — поступок / Аутсайдер — человек вопроса..., с. 198-199).

Из предисловия к книге публицистики и исторических эссе М. Я. Гефтера «Из тех и этих лет» (1991):

«...Родился 24 августа 1918 г. в Симферополе. Прошел истфак Московского университета. На фронт в 41-м ушел добровольцем (отдельный истребительный батальон Красной Пресни, который влился в 8-й полк московских рабочих 5-й Московской коммунистической дивизии). Сражался за Ржев. Награжден солдатской “Славой”. Затем — работа в Институте истории Академии наук СССР, занятия “многоукладностью” предоктябрьской России, русским народничеством, “Россикой” Маркса, проблемами генезиса ленинской мысли, теорией мирового исторического процесса. Член главной редакции “Всемирной истории”. С середины 60-х годов возглавлял сектор методологии истории — один из немногих тогда очагов ищущей мысли; судьба его известна: разгром по велению “сверху”.

1976 год — разрыв М. Я. Гефтера с официальной наукой, добровольный уход на пенсию “до срока”. За роскошь сохранения внутренней свободы время требовало платы... Были — выход из КПСС (февраль 1982), обыски — и непрерывная работа.³

...Пафос “тех и этих лет” неотделим от близости к тем, кого автор зовет “мои молодые друзья”... Нет тут, пожалуй, кружка, не создано школы — ибо нет кружковой замкнутости и регулярности школьных отношений; но каждому, кто из этой малой “гефтеровской” среды, дано было пережить **и острую радость**

³ Сам М. Я. пишет в своей «Автобиографии»:

«...В 1976 году ушел из Академии наук, стал пенсионером. Продолжал интенсивно работать “в стол”, умножая число рукописей неопубликованных книг... С середины 1970 — участник правозащитного и диссидентского движения. Один из основателей и авторов диссидентского свободного самиздатского журнала “Поиски” (1977— 1981)... С 1987 года стал вновь печататься...» (Цит. по: Аутсайдер — человек вопроса..., с. 8).

ученичества, и благодарность за ничем не заменяемые часы общения (выделено мною. — А. А.)...» (авт. — В. И. Максименко; цит. по: Гефтер М. Я. Из тех и этих лет. М.: Прогресс, 1991).

...Вот таким помню Михаила Яковлевича Гефтере и я, счастливый Встречей с ним и хотя бы одним эпизодом — не только собеседничества, но и соавторства: андерграундное экспертно-прогностическое исследование «Ожидаете ли Вы перемен?»; рубеж 1970—80-х гг.⁴ (Апрель — июль 2005).

Ремарка 2: «...диалог во имя взаимопонимания».

Так формулировался принцип, заложенный М. Я. Гефтером и его младшими товарищами в дело издания свободного московского журнала «Поиски», явившего собой одну из ярких страниц истории инакомыслия конца 70-х — начала 80-х гг.

Издание журнала «Поиски» в Москве и подготовка и проведение экспертного опроса по методике «Ожидаете ли Вы перемен?» в Ленинграде совпадают по времени (1978–1980). Однако, в отличие от конспиративности экспертно-прогностического исследования, создатели журнала «Поиски» принципиально действовали в открытую.⁵

«Поиски» просуществовали два года (вышло 8 номеров). В декабре 1979 г. были арестованы двое из членов редколлегии (В. Абрамкин и В. Сорокин).

Из «Последнего заявления редакции журнала «Поиски» от 31 декабря 1979 г.:

«...Поставленные перед насильственной и лживой дилеммой: смириться с чьим-то правом ставить пределы для ищущей мысли или уйти в подполье, — мы отвергаем то и другое как равно ложное. Мы оставляем за собой простое право — определить самим форму и срок продолжения дела, равноценного для нас смыслу жизни.

Мы отказываемся сегодня и в дальнейшем — прятаться и спорить шепотом.

Мы не вели игры в “политику” — и не согласны на условную ничью, чего, видимо, от нас ждут. Адресуясь к читателю и соотечественнику, мы признаем

⁴ Не люблю цитировать дарственные надписи. Но тут сделаю исключение: Михаил Яковлевич подарил мне свою книгу «Из тех и этих лет», написав: «Андрею Алексееву, в знак давнишней дружбы и душевного согласия. XI.1991. М. Г.». Чем горжусь! См. также раздел 1.3 в томе 1 настоящей книги.

⁵ «...В 1979 г. появился литературно-публицистический толстый (200–300 страниц в выпуске) самиздатский журнал “Поиски” с подзаголовком “свободный московский журнал” и с именами членов редколлегии на титульном листе: Валерий Абрамкин, Петр Абовин-Егидес, Раиса Лерт, Павел Прыжов (псевдоним, позднее раскрытый — Глеб Павловский). В следующих выпусках «Поисков» дополнительно были объявлены члены редколлегии Владимир Гершуни, Юрий Гримм, Виктор Сокирко и Виктор Сорокин.

Первый выпуск «Поисков» открывается “Приглашением”, в котором члены редколлегии пояснили: «Нашему замыслу соответствовало бы названия слишком длинное для журнала — “Поиски взаимопонимания”... К участию в наших “Поисках” мы приглашаем всех, кто за взаимопонимание... Мы пережили с 1953 г. целую полосу надежд и крушений, изгнания старых и новых иллюзий... Это время, ...переломившись в 1968-м, пришло к концу... Глядя на собственные наши тупики, вложив персты в наши раны, — кто рискнет сказать с полной уверенностью: я знаю лечение, я вижу выход?! Ожесточенность, вражда между ищущими выхода в разных направлениях делает общие тупики все глубже и раздражительней. Редколлегия “Поисков” призывает к взаимной уступчивости и терпимости ради совместных поисков выхода из общей беды»...» (Алексеева Л. История инакомыслия в СССР. Вильнюс — Москва: Весть, 1992, с. 265).

См. также: Гефтер М. Я. Из тех и этих лет..., с. 83–84. Извлечение из статьи М. Гефтера «Накануне», писаной для последнего номера «Поисков» (октябрь–ноябрь 1979 г.) см. в томе 1 настоящей книги: раздел 1.4.

лишь его критическое верховенство. Мы повторяем, что готовы все вместе с Валерием Абрамкиным отстаивать законность “Поисков” и необходимость честного диалога для страны, граждан и государства...» (Цит. по: Гефтер М. Я. Из тех и этих лет..., с. 185–186).

Из письма М. Я. Гефтера Генеральному прокурору СССР от 26 апреля 1982 г.:

«...Моя причастность к “Поискам” не составляет тайны. И не потому, что нечто ранее скрытое оказалось разоблаченным и теперь его нет резона утаивать. Нет, этой тайны не было с самого начала. Более того — тайна была отвергнута как таковая — всеми, кто решил учредить “Поиски”, положив в основание их принцип **открытой мысли и диалога убеждения** (не ограниченного ни составом вопросов, ни составом участников). Мое добровольное и обдуманное решение участвовать в “Поисках” было обусловлено активным согласием с указанным принципом. Оно документируется текстом “Приглашения”, написанного мною и опубликованного в первом номере журнала.

...Нет ныне другого способа сдвинуться с “мертвой точки”, чем Диалог. Под “мертвой точкой” же я понимаю не только масштаб и остроту проблем, нависших над всеми нами, но и нерешаемость этих проблем (как домашних, так и мировых). Под “мертвой точкой” я понимаю также противостояние — и внешнее, и внутреннее...» (Там же, с. 198).

(Июнь-июль 2005).

ВЗ.2. Апология диалога и плюрализма в научном познании

ВЗ.2.1. Вновь и вновь возвращаясь к А. Любичеву⁶

Из заметок Ю. Шрейдера об А. А. Любичеве (1973)

<...> Александр Александрович не был в узком смысле человеком своего времени, человеком, которого творила его эпоха. Он был «человеком на все времена», одним из тех, кто творил климат эпохи. Он мог трезво относиться к пониманию смысла науки потому, что он не был жестоко связан сегодняшним сиюминутным пониманием этого смысла. Сегодняшняя наука была для него одним из многих этапов диалектического развития человеческой мысли, явно отвергающей те корни, из которых она неявно выросла. Для него наука шла к сегодняшнему состоянию из многих истоков, и он пытался осмыслить ее, не ограничиваясь представлением современной науки о самой себе. Тем самым он избежал порочного круга, в который попали, например, Н. Винер и С. Лем, когда пытались осмыслить развитие науки, оставаясь в рамках созданных этой же наукой методических постулатов и позитивных воззрений.

Благодаря ощущению прошлого, он лучше многих других видел ростки будущего, едва различимые в настоящем. Свое отношение к науке он выразил прекрасными словами о том, что ее здание никогда не строится на пустом месте и никогда не достраивается до конца. Новая эпоха склонна порой считать

⁶ Об Александре Александровиче Любичеве (1890—1972) см. ранее, в томе 1 настоящей книги: раздел 6.5 и приложение 3 к главе 6; в томе 2: раздел 8.12; в томе 4: приложение 3 к главе 23.

предрассудком то, что накоплено предыдущими. Но не бывает чистых предрассудков, как не бывает окончательных истин в последней инстанции. <...>

Мы часто понимаем науку как прогрессивное накопление новых фактов. Действительно, стремление к добыче новых фактов, новых конкретных и полезных знаний о мире — это лейтмотив сегодняшней науки. Но кроме индустрии знаний наука имеет и другой аспект, определяемый стремлением понять сущность мира. Этот аспект науки был наиболее дорог и важен для А. А. Любищева. И тут бывает важнее наблюдение и осмысление известного, чем ворох новых фактов. О значении «Монблана фактов» для обоснования той или иной теории и об «Эверестах фактов», неблагоприятных или безразличных к этой же теории, прекрасно написано в <...> «Уроках истории науки». Но в осмыслении фактов Любищев видел не столько прогрессивное накопление новых идей, сколько трансформацию некоторых «вечных» идей, идущих еще от древних греков. Отсюда его пристальный интерес к истории воплощения идей, к диалектической смене, борьбе и сосуществованию идей, находящихся в каждый исторический период свое конкретное воплощение. Под его пером внезапно раскрывалось, как аристотелевская идея энтелехии, жизненной силы неожиданно возникает в новом обличье в трудах современного биофизика Рашевского, как высмеянная Вольтером телеологическая идея преадаптации заново появляется в современной биологии. И это еще раз объясняет незначительное количество ссылок на самого Любищева. Наша система ссылок основана на предположении «марковости» процесса развития, на том, что накапливая новые факты, мы продолжаем дело своих непосредственных предшественников.

Будущее поведение марковского процесса определяется (стохастически, вероятностно) его состоянием в данный момент. Именно так мы обычно представляем поступательное движение науки: как развитие дальнейшей деятельности под влиянием накопленного запаса знаний. Именно так науковедение объясняет наблюдаемый экспоненциальный рост науки.

Научная ссылка есть средство охарактеризовать добытое нами приращение знаний, по сравнению с предшественниками. Но весь пафос работ Любищева в том, что развитие идей идет не как «марковский» процесс, но неким интегральным образом, как трансформация воплощений вечных идей. Он наталкивает нас на подлинные истоки, уходящие вглубь времен. И одновременно подсказывает, как увидеть в будущем воплощение тех же идей в приличествующем одеянии.

<...> Именно умение А. А. Любищева критически осмысливать очевидные вещи, понимая, что очевидность целей — понятие историческое, а не абсолютное, делает его человеком не только прочно связанным с прошлым, но и ясно понимающим будущее. <...>

(Ю. А. Шрейдер. Заметки об Александре Александровиче Любищеве (1973) / Любищевские чтения. Ульяновск: УлГПУ, 1999, с. 12-14).⁷

⁷ Юлий Анатольевич Шрейдер (1927—1998) — математик, философ. Из его богатейшего творческого наследия наиболее известны: «Равенство, сходство, порядок» (1971), «Лекции по этике» (1994), «Этика: введение в предмет» (1998).

* * *

А. Любищев — Б. Кузину (январь 1949)⁸

<...> А разве так уж хорошо безусловно верить в свою правоту и смотреть на всех инакомыслящих с чувством горделивого превосходства? [*Здесь и далее выделено мною. — А. А.*]. По-моему, это и есть источник подлинного фанатизма: человек остается вполне приличным человеком, пока его воздействие на инакомыслящих ограничивается возможностью взирать на них с чувством горделивого превосходства, но как только у него появляются иные методы ведения спора, то он редко воздерживается от соблазна заткнуть противный рот, и он это действие оправдывает именно тем, что твердо уверен в своей правоте.

Моя точка зрения иная: **истинный ученый и искатель истины никогда абсолютной уверенности не имеет** (конечно, дело касается тех областей знания, где существуют споры): он пытается все новыми и новыми аргументами добиться согласия своего противника не потому, что он чувствует горделивое превосходство перед ним и не из тщеславия, а прежде всего для того, чтобы проверить собственные убеждения и не прекращает спора до тех пор, пока не убедился, что точно понял всю аргументацию противника, что противник держится своих взглядов не на основании строго объективных данных, а по причине тех или иных предрассудков и что, следовательно, дальнейший спор бесполезен на данном этапе. Я считаю, что **серьезный спор может быть окончен только тогда, когда автор может изложить мнение противника с такой же степенью убедительности, с какой его излагает противник, но потом прибавить рассуждение, показывающее подсознательные корни предрассудков противника**. Учителем в искусстве такого спора, по-моему, является величайший философ всех времен и народов Платон. <...>

(Цит. по: А. А. Любищев. Мысли о многом. Ульяновск: Ульяновский гос. педагогический университет, 1997, с. 11-12)

* * *

Из работы Р. Баранцева «К целостности диалога» (1999)

<...> Любопытно проследить за стремлением осмыслить пространство диалога таких незаурядных людей как А. А. Любищев и Б. С. Кузин... В письме от 02.10.49, т. е. ровно 50 лет назад, Борис Сергеевич формулировал следующие три условия продуктивного и интересного диалога: 1) твердая уверенность, что твой противник может тебя понять; 2) такая же уверенность, что он хочет тебя понять; 3) признание за противником полного и законного права иметь отличные от твоих мнения. Раскритиковав каждое из этих условий, Александр Александрович 09.11.49 предложил свои: 1) наличие общих интересов; 2) наличие в сфере этих общих интересов важных спорных проблем; 3) разнообразии подходов у диспу-

⁸ Борис Сергеевич Кузин (1903—1973) — докт. биол. наук, энтомолог.

тантов к этим проблемам; 4) наличие «искательства» в области данных проблем, иначе говоря, отсутствие твердой уверенности в окончательности намечаемых решений. В ответном письме от 24.11.49 Б. С. признал: «Мы вовсе и не спорим, а просто излагаем каждый друг другу свою ересь, цепляясь только за те положения, которые дают повод к обоснованию или развитию того или иного пункта этих ересей... Конечно, во всем нужно знать меру. Но эта мера, как такт, вкус и тому подобные почти синонимы, абсолютны иррациональны. И я боюсь, что Ваши попытки подвести рациональный базис под них окажутся мало обоснованными».

Возвращаясь к этому вопросу через 22 года в переписке с А. А. Гурвич <...>, Б. С. отмечает: «Самое главное при всяком разговоре точно знать сферу взаимного понимания, чтобы не выходить за ее пределы и не превращать беседу в спор... Вероятно, в основе споров заложено стремление к подавлению чужой индивидуальности. Не потому ли так несносны спорщики-профессионалы?... Борьба с чужой индивидуальностью приводит только к взаимному отчуждению, к утрате собеседника...»

<...> Слово «диалог» все явственнее звучит в названиях международных конференций. Однако обычно, в силу привычки, утрамбованной веками господства бинарной парадигмы, имеется в виду диалог двусторонний: физики — лирики, правые — левые, Запад — Восток и т. п. При этом всегда угрожает опасность превращение диалога в неразрешимый спор, если не привлекать со стороны дополнительные соображения, третьей стороны, меру компромисса. В бинарном представлении целостность недостижима.

Переходя к троичной структуре, нет необходимости искать другой термин, так как в широком смысле диалог — это разговор нескольких лиц, не обязательно двух, ибо приставка здесь не «ди-» (два), а «диа-» (сквозь, через), как в словах: диагноз, диаскоп, диаграмма. Точно так же суть диалектики не сводится к «раздвоению единого», как с некоторых пор привыкли считать многие наши философы. <...> Понятия диалектики, диалога, диахронии этимологически вполне способны выйти в многомерное смысловое пространство на пути к обретению целостности. <...>

Р. Баранцев

(Цит. по: Культура XXI века: диалог и сотрудничество. Владивосток, 1999, с. 26-28)

В3.2.2. Критический плюрализм А. А. Любищева

[Ниже — тезисы одноименного доклада Ю. В. Линника⁹, подготовленного к XIX Любищевским чтениям в Ульяновске, состоявшимся в апреле 2005 г. — А. А.]

⁹ Юрий Владимирович Линник — философ, культуролог, поэт (живет в г. Петрозаводске). См. о нем ранее, в томе 3 настоящей книги: раздел 17.14; в томе 4: раздел 25.3. Стихи Ю. Линника читатель не раз мог встретить в качестве «внутренних эпиграфов» на страницах этой книги.

1. Заимствуя понятие «критический плюрализм у К. Поппера, я хочу подчеркнуть, что между ним и А. А. Любищевым немало созвучий (*Поппер К. Все люди — философы. М., 2002, с. 26*). Сопоставление двух мыслителей укрепляет мое убеждение, что критический рационализм эволюционирует в направлении критического плюрализма — находит в нем оптимальную для себя форму.

Трудно представить критическую форму монизма — естественное для него тяготение к унификации оборачивается догматизмом; внутри монизма затруднена полемика.

Замечательно, что декартовский дуализм зарождается в лоне радикального сомнения, — однако существует опасность, что он будет бесконечно осциллировать между своими полюсами, не получая положительного разрешения. Тем не менее самоочевидно, что дуализм и критицизм совместимы — в рамках этого мировоззрения разум обретает почву для спора, диалога, дискуссии. Напомним, что главное назначение разума К. Поппер видел как раз в инициации «критической дискуссии» — и дуализм, изоморфный бинарному коду бытия, тут является отличным ферментом (*Там же*). Но еще более этой задаче соответствует плюрализм.

2. «Критическая дискуссия» у К. Поппера — это не только внешняя арена для разума, но и выражение его сущностной природы. Разум призван дискутировать с самим собой! И дискутировать критически. Разум есть нескончаемая самодискуссия. Это прекрасно показал родоначальник рационализма Сократ. Вспомним, что провоцированные им споры внутренне плюралистичны — в них сталкиваются не два, а чаще несколько подходов. Для Сократа «критическая дискуссия» была не просто методом, а скорее образом жизни, который хотелось бы спроецировать на весь социум. К. Поппер приходит к схожим мыслям. Состояние перманентной «критической дискуссии» — это норма для открытого демократического общества. Повторим еще раз: рационалистический монизм быстро исчерпывает себя, закостеневавшая в своих претензиях на исключительность и беспорность; критический дуализм, содействуя зарождению столь важных для познания антиномий, грозит навечно оставить их неразрешенными; нельзя исключить, что духу истины — и духу свободы — максимально соответствует именно критический плюрализм.

3. Диалоги Платона могут вести к вполне монистическому выводу. Но это движение осуществляется в атмосфере толерантности. Все высказываются в полную меру — нет ни прерогатив, ни дискриминаций. Цензура отсутствует начисто. Вот здоровый пример! Характерно, что ранние диалоги Платона — их называют «сократическими» — часто оставляют обсуждаемую тему открытой; нет вывода — нет результирующей — нет окончательной дефиниции! Очень возможно, что в этой незавершенности своеобразно проявилась разомкнутость истины — ее внутреннее родство с бесконечностью. Диалоги Платона оказали весьма нетривиальное влияние и на стиль мышления А. А. Любищева, и на поэтику его статей. Часто они как бы изоморфны диалогам Платона. Это неявный изоморфизм. Тем не менее именно в нем находит свое самое тонкое и сокровенное выражение глубокая привязанность А. А. Любищева к Платону. Вот вторая часть статьи «Уроки истории науки».

Здесь поочередно обсуждается гегемония авторитетов, большинства, практики, традиции, математики, точных наук, эксперимента. По сути каждый «гегемон» — как участник диалога, или полиалога: все они не просто последовательно «выступают», но и спорят между собой. Если редуцировать диалоги Платона к их смысловой составляющей, убрав персоналии и драматургию, то мы получим схожую канву. Можно представить и обратную операцию — своего рода инсценировку статей А. А. Любичева. Тогда они станут похожими на диалоги Платона. Такая транскрипция может иметь разве лишь игровое или педагогическое оправдание. Но главное, что она принципиально возможна: диалогизм — и именно платоновский диалогизм! — как бы имманентен стилистике А. А. Любичева.

4. Не элиминация оппонентов, а скорее их культивирование: вот установка «критического плюрализма». Разум зиждется на изначальной бифуркации Единого, запускающей ветвящуюся цепь тез и антитез. Единое само по себе мета-разумно. А потому и несказуемо. Тогда как раздвоение Единого ведет к бинарному коду, который является структурной основой и сократического диалога, и кантовских антиномий. «Критический плюрализм» имеет глубочайшее онтологическое обоснование. Дискуссии — это жизненное; там, где дискуссия невозможна, верх берет унификация, замещающая ничтожное Единое на социальном уровне; за псевдо-согласием и псевдо-единодушием может скрываться танатофилия — влечение к небытию. Таков коммунистический социум — дискуссия там табуирована! Дискуссия витальна. В ней находит свое выражение антиэнтропийное начало бытия.

5. В сократических диалогах Платона звучит полифония критического разума. Монофония разуму противопоказана. Она опять-таки заканчивается обрывом в Единое, не знающее никаких различий и противоположений — разум в такой ситуации не только не может мыслить самого себя: его попросту нет. Разногласие мнений нужна разуму как питающая среда. П. А. Флоренский называл диалоги Платона «драматизированными антиномиями». Тут возможно не только классическое двухголосие, но и многоголосие: когда структура спора, перерастая диаду, уводит к триаде, тетрактиде и более сложным сочетаниям. Такое многоголосие характерно для А. А. Любичева. Например, он сравнивает семь гипотез происхождения позвоночных — и каждая из них представлена своими лучшими аргументами. Как бы воссоздается атмосфера платоновского симпозиона! Состязательность способствует оптимальному выбору. Когда делается отбраковка, то она мотивируется всесторонне; отброшенное помогает укрепиться апробированному — оказавшиеся неверными или избыточными движения мысли не пропадают втуне.

6. В кантовских антиномиях спорят два голоса. Г. В. Ф. Гегель введением синтеза добавляет к ним третий. Но этот процесс может быть продолжен! Исходная диада если не снимается здесь вовсе, то все же теряет жесткий характер, открывая путь к новым, подчас весьма нетривиальным возможностям. Очень вероятно, что плюрализация коррелирует с уровнем организованности: в фундаменте бытия — где раздвоение Единого обнаруживается со всей непосредственностью — мы находим четко бинарные структуры типа корпускулярно-волнового дуализма, но с подъемом на более высокие сту-

пени происходит размывание оппозиций и замещение их более сложными, не двух-, а многочленными схемами. Эта тенденция созвучна «критическому плюрализму», собственно, она и делает его возможным. Утвердившись в исходной дихотомии, критический разум не исключает возможности ее расшатывания, ослабления — исподволь он переходит к политике, преодолевая привычный алгоритм альтернативного мышления.

7. У А. А. Любищева мы видим явную тягу к вовлечению в критический анализ как можно большего числа гипотез и теорий. Чем богаче такое множество, тем труднее оно накладывается на дихотомический развил — внутри него действуют весьма гетерогенные, не укладывающиеся в привычную матрицу отношения. Мы поняли, что фундаментальная истина не унитарна, а по крайней мере комплементарна. А если дополнительность тут не является последним рубежом? Она очень удобна для описания дуалистического космоса. Но как ее применить в плюралистическом Универсуме? Быть может фигура Лейбница выдвинется на первый план в методологических исканиях XXI века — плюрализм все больше привлекает нас и онтологически, и ценностно. Мы все острее чувствуем, что критический разум уже не довольствуется мышлением по схеме «pro» и «contra» — ощущается потребность перейти на более гибкий язык, адекватный многомерной истине.

8. Сократ — Кант — А. А. Любичев: эти фигуры видятся в одной перспективе, ибо ярко воплощают дух рационализма с его трезвой оценкой возможностей человеческого познания. Все три мыслителя сохраняли верность идеалу единой истины. Но каждый по-своему ощутил ее недостижимость:

а) Сократ смирился с тем, что предельно общие понятия лежат за порогом однозначных дефиниций — и апеллировал к вне-рациональным аргументам типа анамнезиса;

б) И. Кант открыл, что разум, пытаясь выйти за пределы опыта, неизбежно порождает антиномии;

в) А. А. Любичев показал, что **процессная истина может быть многозначной. Мы движемся к ней с разных — подчас противоположных — сторон, все пытаясь исчерпать ее содержание. Мы дискутируем об истине. А если истина и есть дискуссия? [Выделено мною. — А. А.]** Создается ощущение, что именно такую форму она обретает в исследованиях А. А. Любищева — причем не в тех выводах, к которым они приводят, а в самом характере движения к ним. Выводы могут быть спорными в своей однозначности. Но импульс любичевской мысли не дает нам остановиться на них! Самое ценное — именно дискуссия, дух которой А. А. Любичев умеет воспроизводить и сохранять как никто другой.

(Линник Ю. В. Критический плюрализм А. А. Любищева / XIX Любичевские чтения. Т. 2. Современные проблемы эволюции. Ульяновск: Ульяновский гос. педагогический университет, 2005, с. 181-184)

ВЗ.3 «Двигайся к цели. Но не достигай ее. Хотя бы еще год. Хотя бы один день»

Эссе Ю. Роста «По направлению к людям» (2004)¹⁰

Бог устроил все толково. Он ограничил время нахождения в пути, но не сам путь. Конечно жизнь, сказал он, но желание жить — бесконечно.

Безграничны возможности, бессмертна душа. Иди и ищи! И заметь себе: достижение цели лишено смысла. Ибо означает конец пути. Движение к цели и есть жизнь.

Чтобы ты ориентировался хоть как-то, Бог расставил столбы, на манер верстовых, что сохранились на дороге из Петербурга в Царское Село, а люди написали на них цифры, сами по себе не означающие ничего, если не учесть место или время, когда ты делал шаг.

Всякий вдох мы минуем очередную временную версту.

Кого-то достойного потеряли, кого-то доброго встретили.

Уцелели. Не утратили лица. Спасибо. А если малость добавили небесполезного к тому, что сочинили и сработали прежние, — и вовсе неплохо.

Сетования на времена и время бессмысленны, ибо отсчитываешь его ты сам. В тебе тикает. В тебе бор, и свет, и река, и ненаписанное письмо, и несотканный холст, и несрубленная изба. И твои друзья, и слезы по утратившим возможность плакать — все в тебе.

Мешает этот воздух — надыши другой. Не нравятся эти люди — наплоди славных. Механизмы барахлят — запряги лошадь, нет лошади — сам впрягись. Весело тащи возок. Возьми необходимое и хорошее — тяжело не будет.

Или вот что: распредели по карманам — и налегке. Как этот неведомый мне сван. Посох и снегоступы — немало для зимнего пути. Тот, кто истинно в дороге, да будет согрет и накормлен теми, кто истинно на дороге.

Встретишь! Только иди: вон там Дант сошел с круга и бредет в поисках тебя; здесь — Григорий Сковорода с котомкой легкой мудрости, в которой ты так нуждаешься; а это Ганди, по нашему-то снегу босой, одной скатертью укутанный и ласковый. Для тебя бредут по времени Путеводители... Присоединяйся.

И этот, со снегоступами, тоже для тебя. Можно и за ним. По направлению к сванам. Это все равно по направлению к людям.

Двигайся к цели. Но не достигай ее. Хотя бы еще год. Хотя бы один день.
Юрий Рост

(Цит. по: Новая газета, № 7 (937), 2.02-4.02.2004)

¹⁰ Юрий Михайлович Рост — публицист и мастер художественной фотографии, обозреватель «Новой газеты».

* * *

От автора — сегодня (несколько заключительных слов)

*Автору остается сказать своему читателю: **благодарю!***

Тот, кто осилил все четыре тома «Драматической социологии и социологической ауторефлексии», конечно же, совершил «читательский подвиг». Признаться, я и не рассчитывал на такого усердного читателя, а лишь надеялся, что каждый взявший книгу в руки, найдет в ней кое-что для себя интересное и полезное, а «лишнее» — перелистнет.

*Обозрев весь материал, вошедший в эти тома, можно усмотреть здесь переплетение трех основных тем, своего рода латентную структуру... Этими главными темами являются: **общество, социология, личность**. Хочется думать, что удалось уравновесить в книге названные предметы авторского интереса и привлечь читательское внимание к каждому из них в отдельности и — особенно — к их взаимосвязям (интеракция...).*

*Нетрудно заметить, далее, что основным способом организации материала, говоря о книге в целом, является не повествование и не логическое построение, но **монтаж** (мозаика?.. коллаж?..). Автор вовсе не является убежденным «постмодернистом», но так вышло, так оказалось удобным для решения поставленных здесь задач. Предметом особой заботы было то, чтобы каждый фрагмент воспринимался и сам по себе, и в ансамбле, т. е. был необходимым элементом композиции. Насколько это удалось — судить читателю.*

И еще одной балансировкой аспектов был озабочен автор. Это связано с многослойностью «времен», перетекающих друг в друга: прошлое, настоящее, будущее. При этом казалось важным обеспечить органичное сочетание предъявляемых «следов» (оперативных отображений) всякой минувшей ситуации (процесса... мысли... действия...) и взгляда на эту ситуацию «из сегодня» (в известном смысле — из будущего относительно настоящего, ставшего прошлым).

Вообще же, как тут не согласиться с одним из «плодов раздумья» Козьмы Пруткова: «...Что есть лучшего? Сравнив прошедшее, свести его с настоящим...»!

...Книгу, как и жизнь, можно уподобить потоку («stream of life»). Река обычно начинается с родника, а по ходу течения разливается и наполняется, питаясь из множества притоков (и сама питая собой почву и атмосферу). Пока эта река (жизни? творчества?) не впадет, наконец, в другую реку (или в озеро, или в море...).

И последнее. Воспроизведу здесь свою же ремарку, которой завершались пилотное (2001) и основное (2003) издания тома 2 настоящей книги:

«...Автор хотел бы обратить внимание читателя на возросшую, в самое последнее время, актуальность описанного здесь жизненного случая и опыта “драматической социологии” середины 80-х.

Наше “переходное общество”, вроде бы успешнее с тех пор сменить свои устои, ныне опять на пороге перемен. И — пока — скорее “к худшему”, чем “к лучшему” (если воспользоваться формулами экспертной методики 20-летней давности).

А “человеку выживающему” в этом обществе, если наделен он способностью уважать себя как других и других как себя, вновь приходится задаваться роковым вопросом: как же все-таки жить “не по лжи”? (Пусть “другая”, но всякая ложь — это ложь).

Новые, массовые и личные, социодрамы разыгрываются на наших глазах и с нашим участием. Как всегда — лучше бы обойтись без этих вызовов судьбы или судьбе. Но коль скоро они возникают, губительно от них уклоняться...»

Исправить сегодня что-либо в вышеприведенном заявлении автору нечего. Кроме, разве что, одного: те общественные перемены «к худшему», которые четыре года назад только предугадывались, ныне уже состоялись.

Что ж, повторю вслед за Альбертом Швейцером:

«Когда меня спрашивают, кто же я, пессимист или оптимист, я отвечаю, что мое знание пессимистично, но мои воля и надежда оптимистичны».

Андрей Алексеев, 16.08.2005

Конец тома 4

Алексеев Андрей Николаевич

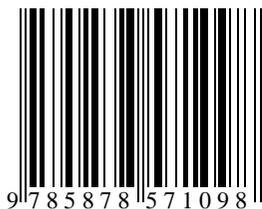
**Драматическая социология
и социологическая ауторефлексия**

Том 4

Оригинал-макет подготовлен издательством «Норма»
Технический редактор — Фофанова Н.М.
Художник — Куршева Ю.Н.
Компьютерная верстка — Барзукова Н.М.
Корректор — Калинина Н.Н.

ЛР № 063113 от 15.12.98.
Сдано в набор 12.05.2005 г. Подписано в печать 22.09.2005 г.
Формат 60х90/16. Бумага газетная. Печать офсетная.
Гарнитура NewtonС. Усл. п.л. 33,5. Тираж 400 экз. Заказ №

ISBN 5-87857-109-9

Издательство «Норма»
192102, Санкт-Петербург, ул. Салова, 37
для писем 199406, Санкт-Петербург, а/я 182
E-mail: nor@peterlink.ru

Отпечатано с готовых диапозитивов в типографии газеты «На страже родины»
191186 Санкт-Петербург, Дворцовая площадь, 10